РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА



26

МОСКВА
2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского

Том 26

Редакционный совет:

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р. *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *Яйленко В. П.*

ИА РАН

МОСКВА, 2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
«Археологические культуры Евразийских степей и античный мир - контакты и взаимовлияния» (НИР АААА-А18-118011790093-2)

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
д. и. н. Е. М. Алексеева;
к. и. н. В. А. Гаибов

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Древности Боспора. Том 26. – М., 2021. 488 с.: ил.
Д73 ISBN 978-5-94375-339-8

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин.

Для археологов, историков, краеведов..

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-339-8
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2021
© Редколлегия, 2021
© Авторы статей, 2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Волошинов А. А.
Археологические исследования в районе поселка «3-й Самострой» в г. Керчи 7

Бургундер П.
«Потерянный» расписной склеп А. Б. Ашика. История изучения и архивные открытия 34

Винокуров Н. И.
Доследование полуподвала в центральной части городища Артезиан 65

Гаврилов А. В.
Новые находки амфор и амфорных клейм Гераклеи Понтийской в Юго-Восточном Крыму 97

Ефремов Н. В., Колесников А. Б.
[Рец. на:] Матеевич Н., Самойлова Т. Л. Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998–2008 гг.). Киев: Издатель Олег Филюк, 2017. – 234 с. 108

Завойкин А. А.
Южная окраина Фанагории в IV — I вв. до н.э.: некоторые итоги и проблемы исследований 142

Завойкина Н. В., Новичихин А. М.
Мраморные чаши с надписями из Горгиппии 166

Зубарев В. Г.
О датировке античных и ранневизантийских слоёв на городище «Белинское» в Восточном Крыму 178

Иваник А. О., Кононов В. Ю.
Раскопки кургана «Капканы Северный I» по ул. Гаспринского в г. Керчь 199

Иванов А. А., Черненко В. Г.
Бронзовые перстни с изображениями из раскопок поселения «Усадьба “Виноградник”» в 2014 г. 214

Каспаров А. К., Хршановский В. А.
Фаунистические остатки диких животных из позднеантичого некрополя и «аланский след» на Китее IV–V вв. н.э. 225

Клемешова М. Е.
Лепная керамика поселений юго-востока Азиатского Боспора II–III вв. н.э. (предварительные результаты изучения) 246

Ковальчук А. В.
[Рец. на:] С. Ю. Сапрыкин. Боспорское черепичное клеймение // Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования (112). М. – СПб., 2020. – 320 с. 257

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.
Атрибуция и хронология эллинистических канфаров из меотских погребений 267
Масленников А. А.
Амфоры с поселения Полянка 283
Новичихин А. М.
Изображение боспорского воина на надгробии из станицы Благовещенской 294
Савостина Е. А., Тихонова Т. С.
Мастерская коропласта (из раскопок 2020 г.) в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгиппии 309
Сапрыкин С. Ю.
Epigraphica regni Bosporani. Varia 332
Супренков А. А., Топоривская М. А., Требухина Н. Ю., Фролов В. В.
Тиритакский вал в Восточном Крыму. Новые данные о хронологии 358
Суриков И. Е.
Кто был погребен в Мелек-Чесменском кургане? 372
Трейстер М. Ю.
Диадема из кургана Хохлач. Размышления о центре изготовления 381
Шелов-Коведяев Ф. В.
De titulis Bosporanis et viciniis 411
Яйленко В. П.
Критика критики: о рецензиях на «Тысячелетний Боспорский рейх» и византийский раздел «Истории и эпиграфики Ольвии, Херсонеса и Боспора» 432
Сокращения 480
Правила и рекомендации по оформлению рукописей 484

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.7-33

Д. В. Бейлин*, И. В. Рукавишникова, А. А. Волошинов***
(Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь;*
*** Институт археологии РАН, г. Москва)*

Археологические исследования в районе поселка «3-й Самострой» в г. Керчи

В 2018 г. археологической экспедицией Института археологии Крыма РАН были исследованы три небольших участка на территории, расположенной вдоль полотна железной дороги между поселком «3-й Самострой» и Керченским металлургическим комбинатом им. П. Л. Войкова в северо-восточной части города Керчь (рис. 1).

Этот район представляет большой интерес, поскольку весьма плотно насыщен археологическими объектами (рис. 2). Исследования некоторых из них проводились в конце XIX – второй половине XX столетия.

В 1897 г. при земляных работах на территории Брянского металлургического завода рабочими в непосредственной близости друг от друга было найдено два клада монет [*ОАК* 1897, 72–73].

В том же году при земляных работах в районе железнодорожной станции Брянского металлургического завода (к северо-западу от территории современного Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова) был обнаружен могильник, к раскопкам которого сразу приступил директор Керченского музея древностей К. Е. Думберг. Он исследовал 13 погребений («гробниц»), вырубленных в известняковой скале. Могильные ямы ориентированы «в разных направлениях». Обнаруженный погребальный инвентарь представлял собой преимущественно посуду, в том числе и чернолаковую («чаши, кувшинчики, лекифы, бальзамарии и т. д.»). Особый интерес вызывает наличие «почти в каждом» погребении одной или нескольких бронзовых пантикапейских монет. По мнению исследователя, особого внимания заслуживали краснофигурные амфоры с различными сюжетами (обнаженная амазонка на коне, спасающаяся от воина; борьба воина с грифоном; и т. д.) [*Думберг* 1901, 20].

Тогда же, на территории Брянского металлургического завода[1] на глубине 0,55 м от дневной поверхности в углублении, обложенном и перекрытом каменными плитами, обнаружена глиняная погребальная урна с четырьмя ручками, на поверхности

[1] К сожалению, более или менее четких пространственных ориентиров не указано.

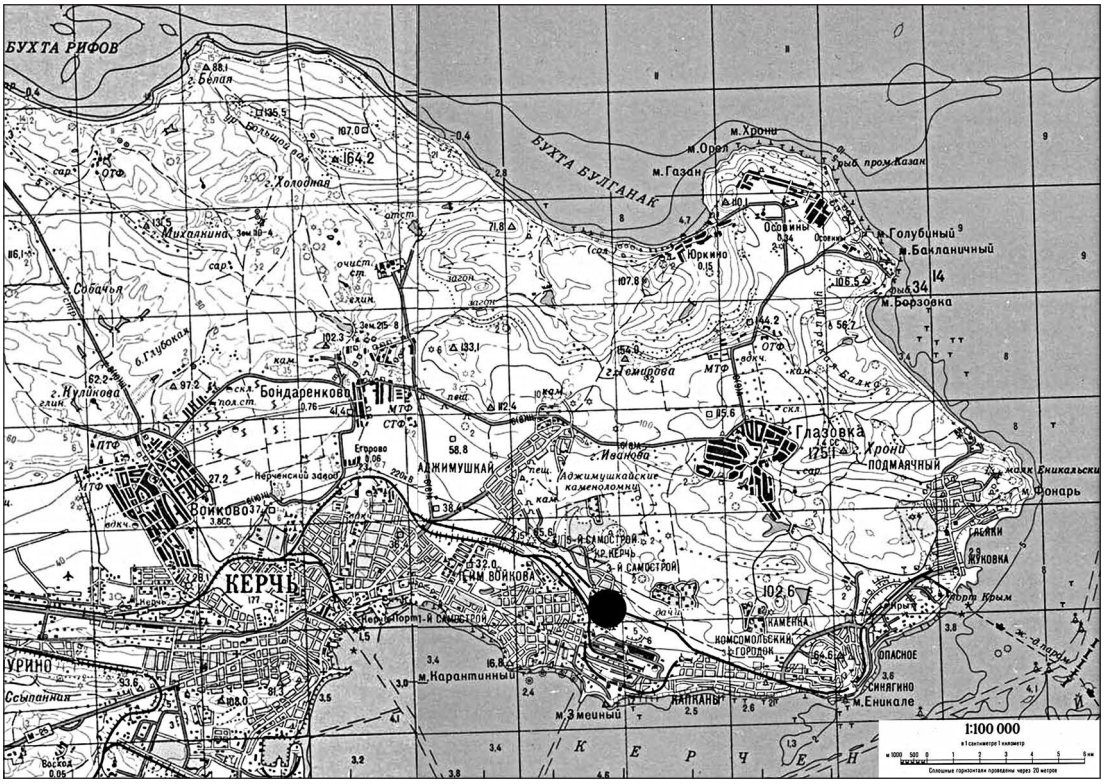


Рис. 1. Фрагмент топографической карты восточной оконечности Керченского полуострова с указанием места проведения археологических исследований

которой черной краской было нанесено дипинто в виде нескольких слов. Первое или одно из них было прочтено как «Ονησιφορου» [*Думберг* 1901, 20].

В 1899 г. К. Е. Думберг на территории того же завода исследовал четыре могилы. Три из них были расположены вблизи железнодорожной станции. Они представляли собой вырубленные в скале ямы, ориентированные преимущественно по линии запад-восток. Две из них были перекрыты обработанными известняковыми плитами. Погребальный инвентарь представлен чернолаковыми и красноглиняными сосудами. В погребениях также присутствовали железный наконечник копья и железный меч. В одной из могил, помимо прочего погребального инвентаря, найдены две бронзовые пантикапейские монеты [*Думберг* 1901, 80–81].

В 1901 г. директор Керченского музея древностей В. В. Шкорпил по правую сторону от дороги, ведущей к Брянскому металлургическому заводу в районе «жилых помещений» завода, исследовал два погребения. В одном была обнаружена чернолаковая «акварельная» (краснофигурная) пелика с изображением женской головы и головы лошади влево, два лекифа с сетчатым орнаментом и обломки бронзового зеркала [*Шкорпил* 1901, 79–80].

В 1909 г. В. В. Шкорпил в районе поселка Капканы исследовал 23 погребения, которые на основании анализа описанного погребального инвентаря можно датировать I–II вв. н. э. [*Шкорпил* 1909, 31–37].

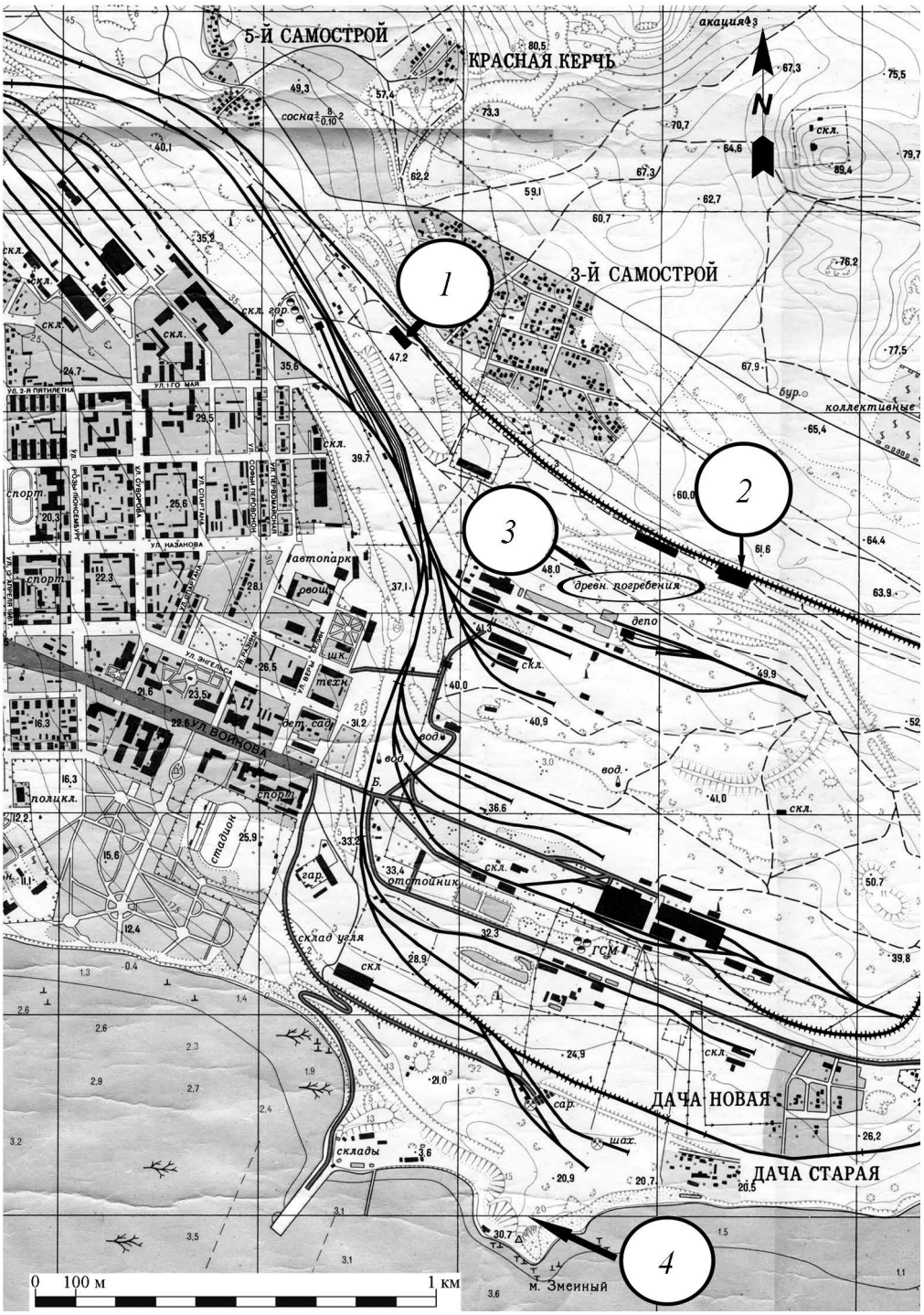


Рис. 2. Фрагмент современной топографической карты с указанием мест проведения археологических раскопок 2018 г.: *1* – могильник «Красная Керчь-2»; *2* – могильник «Красная Керчь-3»; *3* – некрополь 1953 г. (С. И. Капошина) – «Красная Керчь-1»; *4* – поселение (городище) на мысе Змеиный

В августе-сентябре 1953 г. отрядом Боспорской археологической экспедиции (руководитель С. И. Капошина) исследовался участок некрополя, обнаруженный при строительных работах на территории совр. Керченского металлургического комбината им. Войкова (рис. 2). Площадь раскопок составила 16125 м^2. Все обнаруженные могилы (91) вырублены в известняковой скале. Исследовательницей выделено два основных типа могил. На основании материала, найденного в погребениях, некрополь датирован IV–III вв. до н. э. [*Капошина* 1959, 108–153]. Отмечалось, что гробницы 88, 89, 90, 91 «оказались разрушенными еще при постройке железной дороги. От них сохранились лишь нижние части или углы. Формы и размеры этих гробниц выяснить не удалось…» [*Капошина* 1959, 153][2].

В 1955 г. западнее участка некрополя, раскопанного в 1953 г., в районе железнодорожной станции завода им. Войкова, при проведении земляных работ был открыт склеп с уступчатым перекрытием. Он раскопан сотрудниками Керченского историко-археологического музея В. И. Цехмистренко и В. Э. Куниным. Исследователи предположили, что склеп принадлежит некрополю Мирмекия и датировали его IV–III вв. до н. э. [*Цехмистренко, Кунин* 1959, 251–256].

В 1997–1998 гг. археологической экспедицией Керченского историко-археологического музея под руководством О. П. Бабич проводились раскопки городища, расположенного на Змеином мысу. В течении двух полевых сезонов был открыт участок жилой застройки и фрагмент оборонительной (?) стены, расположенные на юго-западном склоне Змеиного мыса.

Несколько слов следует сказать и об археологических разведках, проводимых в этом районе во второй половине XX в. и в начале нынешнего столетия. Неоценимы результаты работ В. В. Веселова [*Веселов* 2005], сотрудников Керченского историко-археологического музея В. И. Цехмистренко и В. Э. Кунина, О. Д. Чевелёва, С. А. Шестакова [*Бейлин, Столяренко* 2011, 57–61]. Здесь же хочется отметить и неутомимого краеведа Б. И. Бабича. В последнее время значительный вклад в изучение района внесли работы П. Г. Столяренко и А. М. Михайлова [*Столяренко, Бейлин* 2015, 310–316; *Столяренко, Бейлин, Михайлов* 2017, 127–135][3].

В 2020 г. археологическими экспедициями Института археологии РАН и ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» проводились научные исследования по трассе строящейся дороги по ул. Гаспринского, расположенной севернее поселка Капканы в г. Керчь. Так, под руководством А. А. Супренкова на двух раскопах открыты остатки двух протяжённых кладок (стен) и участок некрополя, на котором было раскопано более 10 погребальных сооружений, предварительно датированных в пределах второй половины IV–II в. до н. э. [*Столяренко, Супренков, Топоривская* 2020, 134–137]. Археологической экспедицией под руководством В. Ю. Кононова и А. О. Иваник был исследован курган «Капканы Северный 1» и 9 погребений эллинистического времени.

[2] В процессе археологических разведок и дальнейших работ, некрополь, исследовавшийся в 1953 г. отрядом Боспорской археологической экспедиции под руководством С. И. Капошиной, получил название «Красная Керчь-1».

[3] В 90-х годах XX в. и в первое десятилетие нынешнего столетия территория к северу от Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова и поселка Капканы неоднократно подвергалась грабительским перекопам, следы которых отчетливо читаются и в настоящее время. Почти за два десятилетия были разграблены локальные участки разновременных некрополей и могильников, а также ряд курганов.

Могильник «Красная Керчь-2».

Летом 2018 г. участок могильника, расположенного к северо-западу от бывшей железнодорожной станции Брянского металлургического завода (в 400 м к востоку от бывшей Агламерационной фабрики Керченского металлургического завода), был выявлен А. М. Михайловым и Д. В. Бейлиным при осмотре траншеи вблизи железнодорожного переезда между ул. 1 Мая и микрорайоном 3-й Самострой (ул. Кооперативная и ул. Лозовая) (рис. 3).

В траншее на глубине 1,8 м от уровня современной дневной поверхности были обнаружены фрагменты раздавленного красноглиняного кувшина и длинных костей нижних конечностей скелета. Кости находились над уровнем материковой известняковой скалы, в слое погребенного гумусированного грунта.

По линии упомянутой трассы был заложен раскоп длинной 50 м и шириной 10 м (рис. 3)[4]. Всего здесь было выявлено 8 погребальных комплексов, представленных семью грунтовыми могилами, пять из которых были вырезаны в материковой известняковой скале и каменным ящиком, в котором находилось несколько погребенных индивидов. Помимо этого, в восточной части раскопа были расчищены остатки жилищно-хозяйственного комплекса первой половины XX века, часть которого была также высечена в материковой скале (бывшая каменоломня), а часть сооружена из пиленных известняковых камней, сложенных на цементном растворе (рис. 3).

Повсеместно материком (на глубине от 1,76 до 2,86 м) являлся выход скального массива и перекрывавший его суглинок. В западной части раскопа он представляет собой практически ровную площадку с небольшим уклон к востоку и юго-востоку. В центральной и восточной части известняковая скала носила следы добычи строительного камня открытым способом, о чем свидетельствуют многочисленные запилы в толще известняка. В центральной и восточной части раскопа скала поднимается на 1 м выше уровня западной части. В неё впущены могильные ямы погребений 1, 2, 6, 7, 8.

Стратиграфия раскопа представлена тремя основными слоями.

1. Верхний слой – напластования строительного мусора, отходов металлургического производства, камнетёсного дела, разрушений и перекопов, связанных с боевыми действиями периода Великой Отечественной войны. Мощность слоя варьируется от 1 м до 1,65 м. Наибольшая (2,8 м) зафиксирована в восточной и юго-восточной частях раскопа, где он залегает на материке.

2. Ниже лежит слой погребенной почвы (гумуса), прослеженный лишь в западной части раскопа. Мощность его 0,4–0,45 м.

3. Под ним, преимущественно в западной, северной и центральной частях раскопа, зафиксирован *слой* слабогумусированного суглинистого грунта светло-коричневого цвета. В восточной части этот слой прослежен в переотложенном состоянии с большой примесью гумуса и грунта свалки. В западной части раскопа, на глубине 1,45–1,75 м

[4] С севера и северо-востока он был ограничен полотном действующей грунтовой дороги и охранной зоной полотна действующей железной дороги (25 м), а с юга – линией газопровода, охранная зона которого составляет 5 м. Современная дневная поверхность представляла собой свалку строительных отходов Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова и завода железобетонных изделий. Через участок исследований проходила грунтовая дорога и ряд троп.

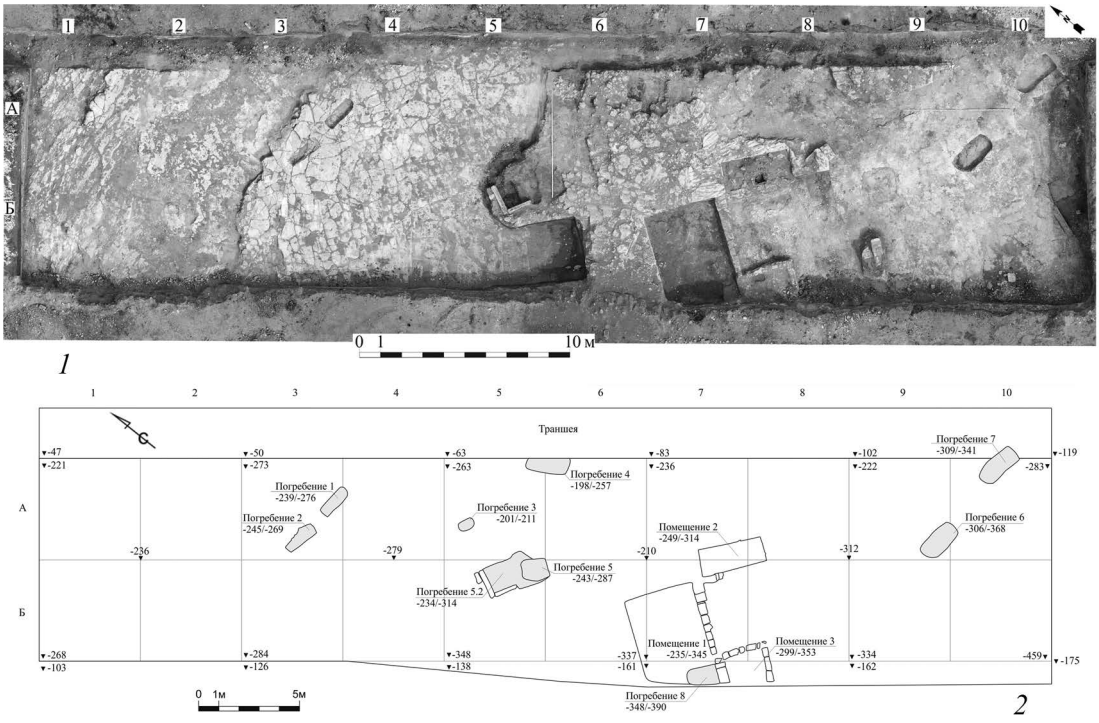


Рис. 3. Могильник Красная Керчь-2, план раскопа: *1* – ортофотоплан; *2* – чертёж

было обнаружено небольшое количество фрагментов керамики IV–III вв. до н. э., в основном фрагменты стенок и единичных профильных частей гераклейских и хиосских амфор IV в. до н. э. В центральной и восточной частях этот слой зафиксирован на глубине 0,86–1,04 м. Здесь в нём встречено подавляющее количество керамики, представленной обломками амфор и столовой посуды, в том числе и из разрушенных поминально-погребальных комплексов (рис. 4).

Отметим, что в восточной части раскопа этот слой сильно разрушен, а местами и вовсе перемешан с более поздними напластованиями, материал из которых представлен фрагментами красноглиняных и поливных сосудов конца XIX – начала XX столетия.

Погребение 1 (рис. 3; 5. *1*). Расположено в северо-восточной части квадрата 3 линии «А». Представляет собой вырубленную в скале яму прямоугольных очертаний размером 1,7×0,6 м. Прослеженная глубина составляет от 0,16 м до 0,21 м. Дно ровное, стенки вертикальные. Продольная ориентация – запад-восток. Погребение было зафиксировано на глубине 1,79 м от современной дневной поверхности. Верхняя часть могильной ямы, вероятно, была вырыта в слое суглинка, в котором её пятно не читалось.

Скелет сильно разрушен. В анатомическом порядке зафиксированы лишь бедренные кости, правая берцовая кость, череп и фрагменты костей верхних конечностей. Индивид был уложен в вытянутом положении на спине головой на восток. Кости рук были уложены вдоль скелета. Кости ног слегка согнуты в коленях и отклонены к югу.

Женщина 20–30 лет. У костей правой руки обнаружена медная монета Феодосии второй половины III в. до н. э. (240–230 гг. до н. э./225–215 гг. до н. э.) [*Анохин* 1986, 141,

Таблица 1. Археологический материал из слоя слабогумусированного суглинистого грунта (погребенная почва)

№ п/п	Наименование	Датировка	Горла, венчики	Ручки	Стенки	Донья
Транспортная тара						
1	Амфоры гераклейские	IV - 1/2 III вв. до н.э.	8	6	50	2
2	Амфоры фасосские и амфоры круга Фасоса (?)	IV в. до н.э.	–	–	23	1
3	Амфоры хиосские	IV в. до н.э.	–	2	25	–
4	Амфоры мендейские	IV в. до н.э.	–	–	15	1
5	Амфоры синопские	IV – III вв. до н.э.	–	2	13	–
Сосуды столовые красноглиняные и сероглиняные						
6	Сосуды (кувшины) красноглиняные	IV – III вв. до н.э.	1	2	11	–
7	Миски красноглиняные	IV – III вв. до н.э.	–	–	–	2
8	Сосуды (кувшины) сероглиняные	IV – III вв. до н.э.	1	–	6	–
9	Кубки красноглиняные	IV – III вв. до н.э.	1	–	–	–
10	Блюда рыбные красноглиняные	IV – III вв. до н.э.	–	–	–	1
Сосуды чернолаковые						
11	Солонки	IV в. до н.э.	–	–	–	1
12	Миски	IV в. до н.э.	1	–	4	–
13	Канфары	IV – III вв. до н.э.	1	–	–	–
14	Килики	IV в. до н.э.	–	1	–	–
Сосуды кухонные гончарные красноглиняные						
15	Кастрюли	IV–III вв. до н.э.	–	–	1	–
Сосуды и предметы специального назначения						
16	Курильницы	IV–III вв. до н.э.	–	–	–	1
17	Амфориск (унгвентарий) красноглиняный	III в. до н.э.	–	–	–	1
18	Лекиф с сетчатым орнаментом тулова	IV в. до н.э.	–	–	1	–
Посуда поливная новейшего времени						
20	Сосуды открытого типа	Конец XIX – начало XX вв.	6	–	2	–
21	Сосуды плоскодонные закрытого типа поливные	Конец XIX – начало XX вв.	–	–	2	2

№ 137, табл. 4. *133*; 2011, 140–141, № 946] (рис. 5. *1*а). В районе костей нижних конечностей скелета найден фрагмент железного предмета, напоминающего обойму (рис. 5. *1*б), а под костями черепа – фрагмент бронзовой серьги (рис. 5. *1*в).

Погребение 2 (рис. 3; 5. *2*). Расчищено в южной части квадрата 3 линии «А», в 0,78 м к западу от погребения 1. Прямоугольная могильная яма размером 1,67×0,55 м вырублена в известняковой скале. Её глубина составляет 0,2 м. Дно ровное, борта могилы вертикальные. Она ориентирована длинной осью в направлении запад-восток. Верхняя часть могилы в суглинистом грунте не читалась. Зафиксировано погребение на глубине 1,95 м.

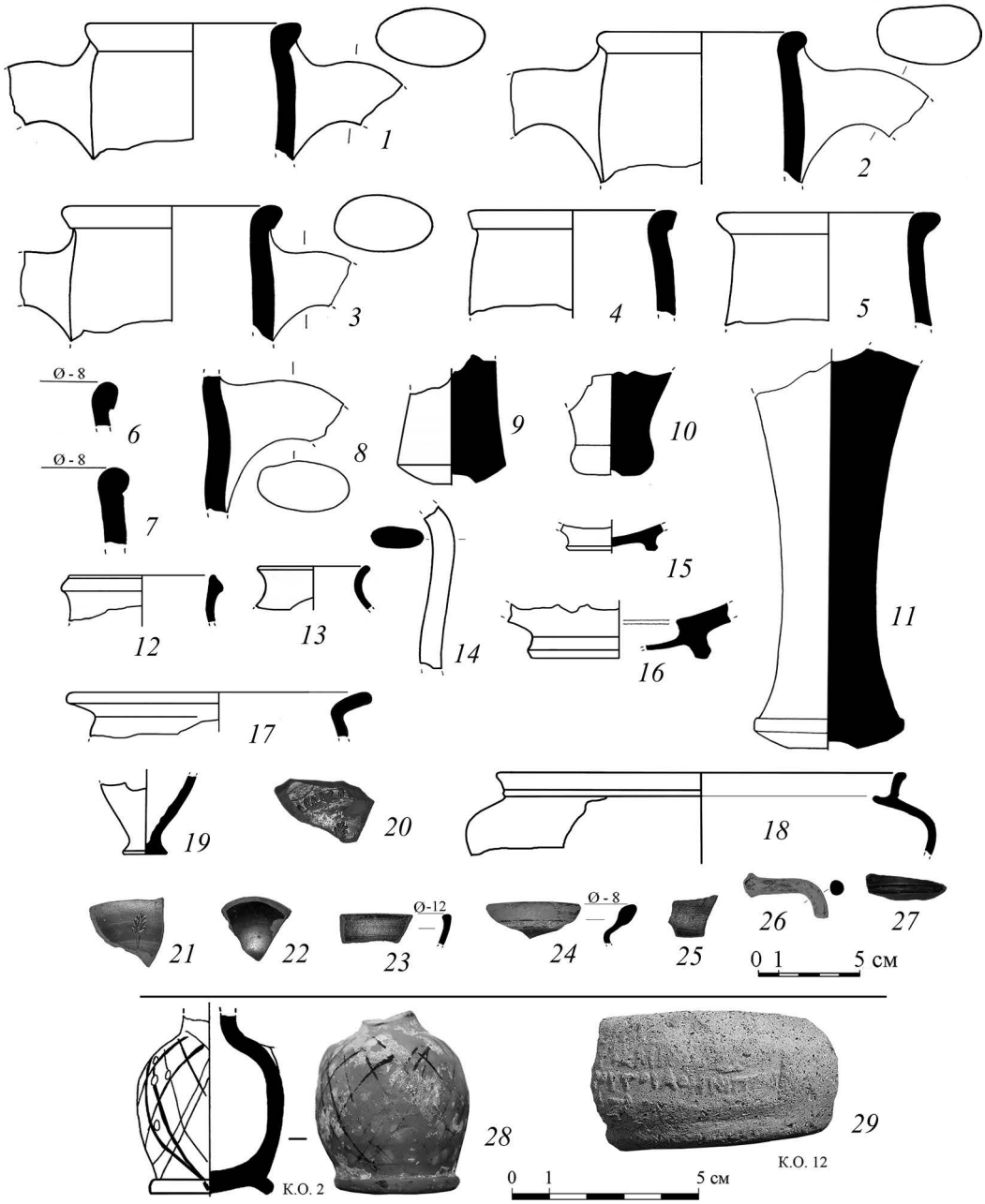


Рис. 4. Могильник Красная Керчь-2, керамический материал из слоя суглинистого грунта светло-коричневого оттенка, фрагменты: *1–9* – гераклейских амфор; *10* – ножки амфоры (Книд?); *11* – ножки фасосской амфоры; *12* – горла сероглиняного кувшина; *13* – венчика кубка; *14, 15* – красноглиняных кувшинов; *16* – поддона рыбного блюда; *17, 18* – кухонных сосудов; *19* – нижней части амфориска; *20–27* – чернолаковых сосудов; *28* – тулова лекифа с сетчатым орнаментом; *29* – клеймо астинома Метродора, сына Афениппа на ручке синопской амфоры

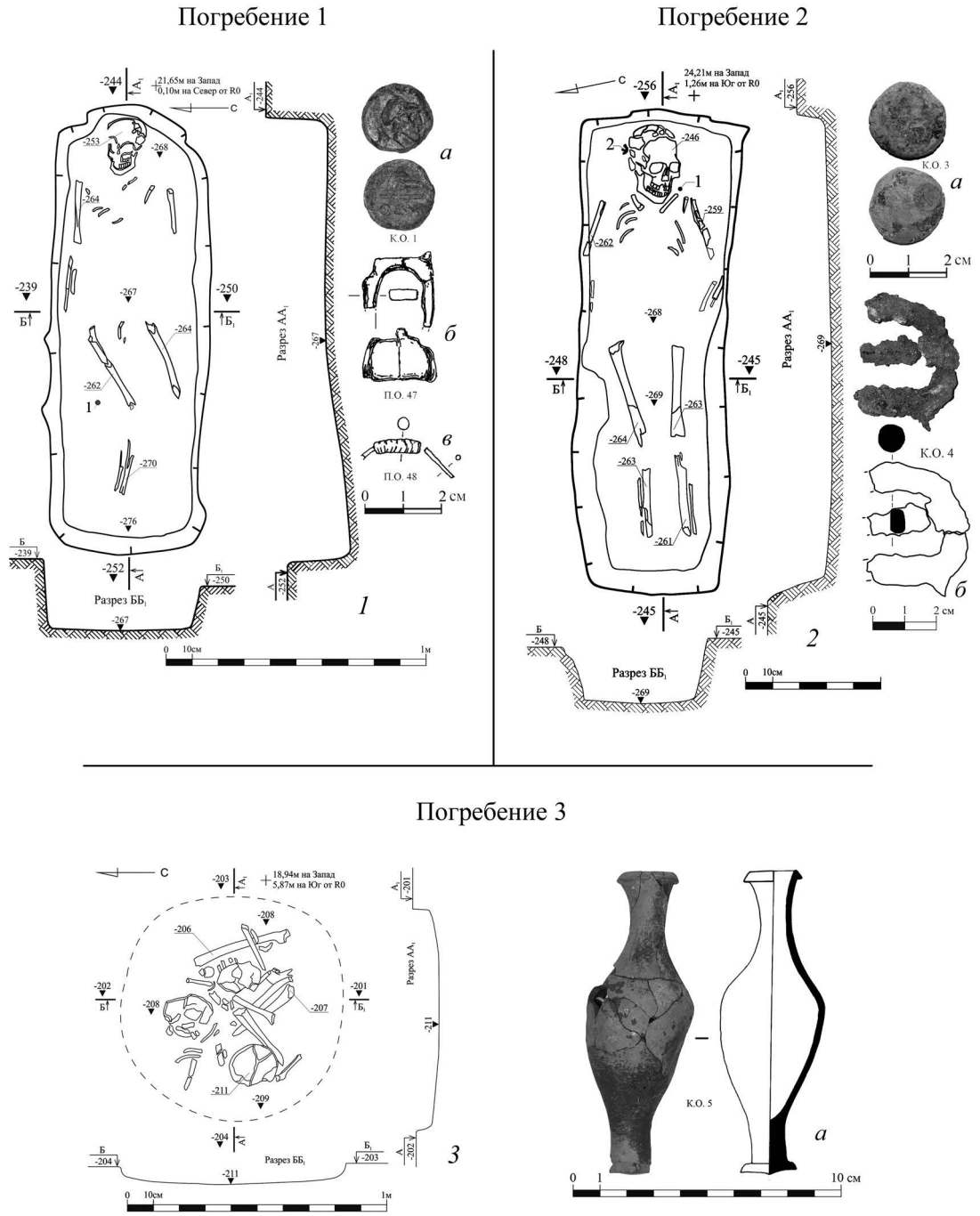


Рис. 5. Могильник Красная Керчь-2:
1 – погребение 1, план и разрезы, *а–в* – погребальный инвентарь;
2 – погребение 2, план и разрезы, *а, б* – погребальный инвентарь;
3 – погребение 3, план и разрезы, *а* – погребальный инвентарь

Скелет сохранился частично. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на восток. Кости рук уложены вдоль и слегка согнуты в локтях. Кости ног – параллельно друг другу. У черепа обнаружена медная монета Пантикапея второй половины III в. до н. э. (240–230 гг. до н. э.) (рис. 5. *2*а). Под правой частью черепа зачищена фрагментированная железная пряжка с округлой рамкой (рис. 5. *2*б). Мужчина 30–40 лет.

Погребение 3 (рис. 3; 5. *3*). Расчищено в западной части квадрата 5 линии «А». Могильная яма и её заполнение в слабогумусированном суглинистом грунте не читались. Представляет собой «пакетированный» скелет человека, кости которого были расположены вне анатомического порядка (рис. 5. *3*). В 0,25 м к северо-западу от бедренной кости был зачищен фрагментированный глиняный унгвентарий (рис. 5. *3*а). По нему можно датировать комплекс серединой – второй половиной III в. до н. э.

В процессе антропологического изучения костных останков здесь было выделено два индивида: *1* – мужчина 20–30 лет; *2* – мужчина 30–40 лет.

Погребение 4 (рис. 3; 6). Расположено в северной части раскопа, на границе квадратов 5 и 6, линии «А». Северная часть погребения и могильной ямы была уничтожена траншеей коллектора. Её контуры читались в виде развала мелкого известнякового бутового камня. Яма была выкопана в слое слабогумусированного суглинистого грунта и ориентирована по оси север-юг. Прослеженная длина ямы 1,4 м, а ширина 0,5–0,57 м.

От скелета сохранился череп, длинные кости верхних и нижних конечностей, кости грудного отдела и таза. Погребенный был уложен вытянуто головой на юг. Руки вдоль тела, ноги вытянуты параллельно (рис. 6. *1*).

Над нижним суставом левой бедренной кости находился красноглиняный одноручный кувшин на плоском кольцевом поддоне (рис. 6. *1, 2*). В районе нижнего сустава правой бедренной кости расчищен красноглиняный кувшин с приземистым шаровидным туловом, плоским, слегка округлым дном (рис. 6. *1*, *3*).

Погребение женщины 30–40 лет можно датировать в пределах III вв. до н. э.

Погребение 5 (рис. 3; 7; 8). Раскопано в восточной части квадрата 5 линии «Б» на глубине 0,76 м в слое светло-коричневого суглинка. В верхней части слоя были открыты верхние камни частично сохранившейся плитовой могилы, сложенной из хорошо обработанных и тщательно подогнанных друг к другу известняковых плит. В 1 м к востоку от западной плиты на площади до 1,5 м^2 был расчищен развал костей нескольких скелетов (рис. 7. *1*). Вероятней всего, – результат ограбления данного погребения в первой половине XX века. При расчистке заполнения каменного ящика, в северном его углу, в 0,35 м от западной плиты, были зафиксированы два фрагментированных черепа, которые, вероятно, тогда же также были извлечены из погребения (рис. 7. *1*). В процессе антропологического исследования удалось определить принадлежность всех костей, по крайней мере, шести индивидам.

Сохранившиеся плиты представляют собой юго-западный угол могилы (рис. 8. *1–3*). Размер сохранившейся плиты южной стенки 1,0×0,7×0,25 м, а плиты западной стенки 1,1×0,68×0,26 м. Пол был вымощен каменными плитами аморфных очертаний (0,3×0,4×0,22 м до 0,7×0,6×0,24 м), которые были относительно плотно пригнаны друг к другу. При расчистке пола были выявлены и зачищены три фрагментированных скелета (рис. 8. *1*).

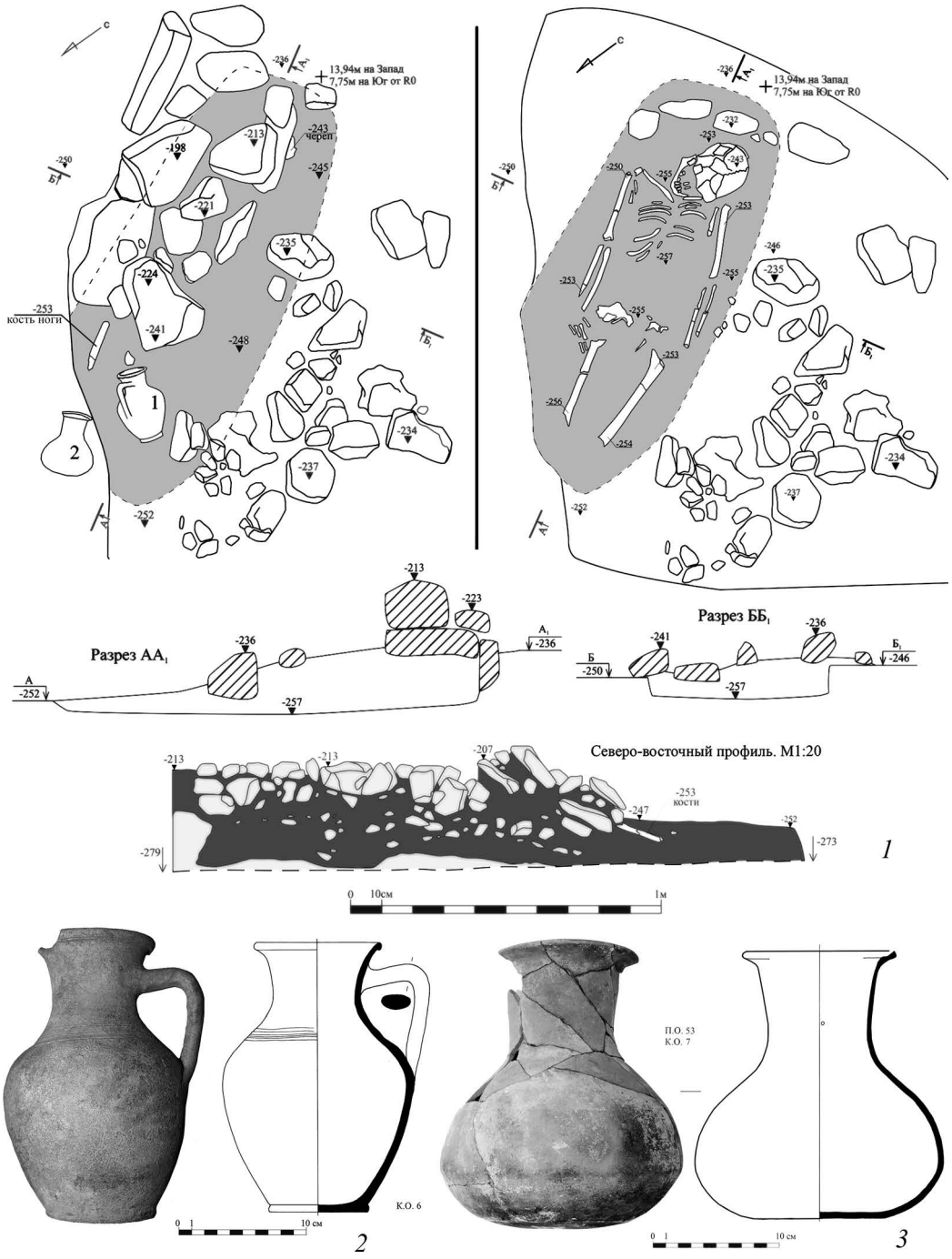


Рис. 6. Могильник Красная Керчь-2. Погребение 4.
1 – план и разрезы; *2, 3* – кувшины из погребения

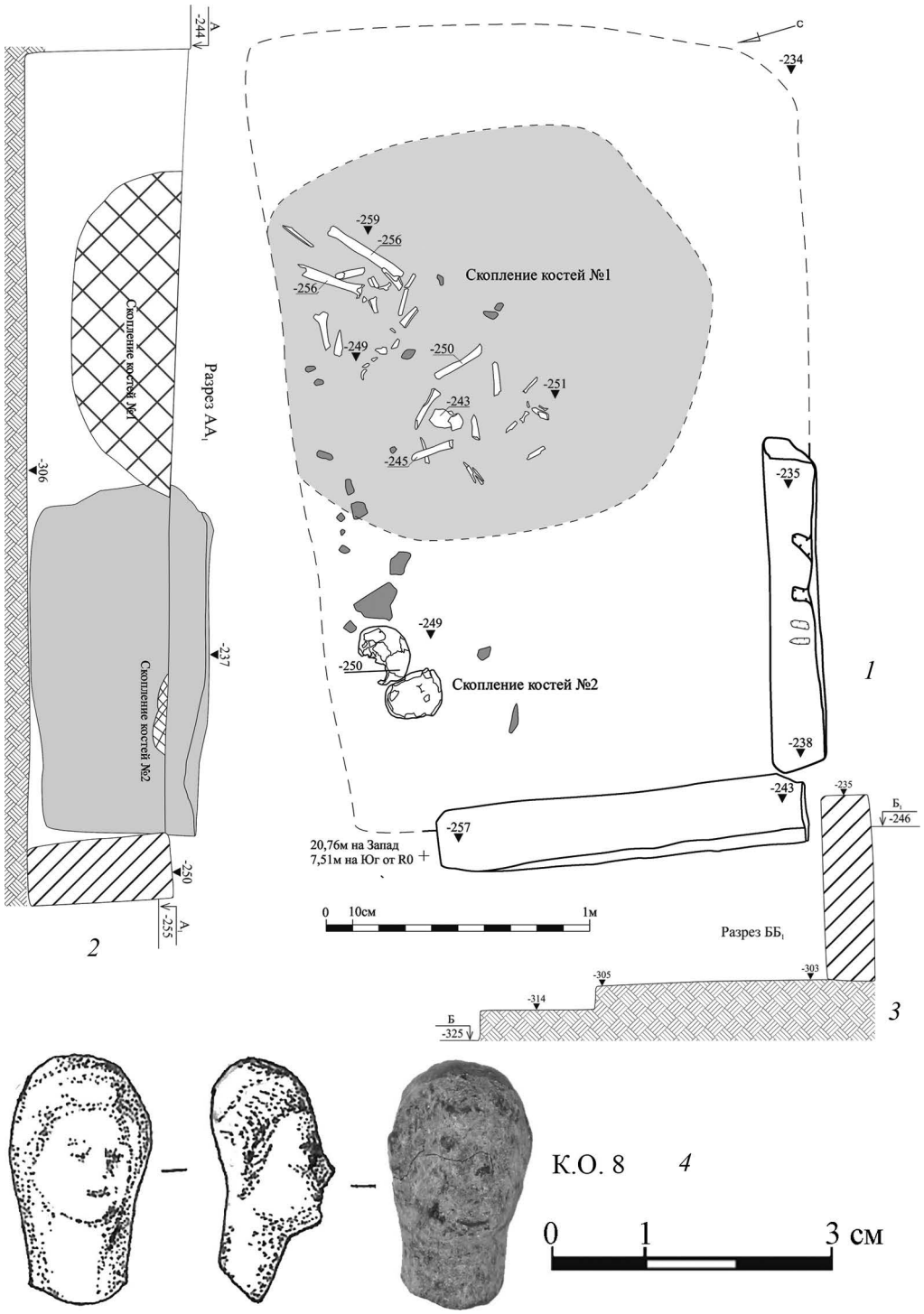


Рис. 7. Могильник Красная Керчь-2. Погребение 5:
1 – план погребения на уровне расчистки скоплений костей № 1 и № 2;
2, 3 – разрезы погребения; 4 – фрагмент головы терракотовой статуэтки

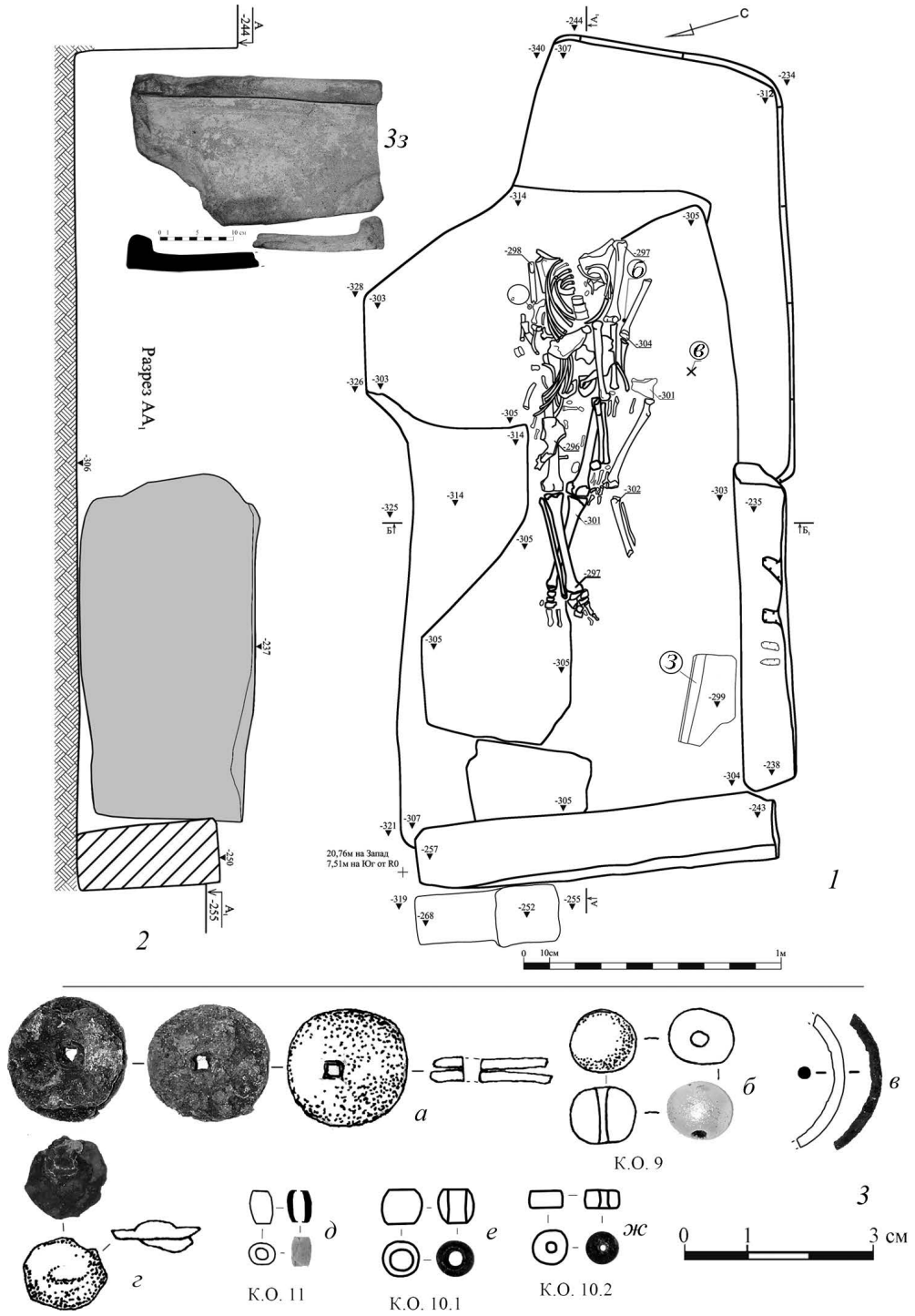


Рис. 8. Могильник Красная Керчь-2. Погребение 5:
1 – план каменного ящика на уровне пола; *2* – разрез по линии АА1;
3 – находки из погребения: *а, г* – бронзовые предметы; *б, д–ж* – бусы;
в – фрагмент стержня железного браслета; *з* – фрагмент синопской керамиды

Индивид № 1 (мужчина 30–40 лет). Лежал в центральной части. Череп отсутствовал, остальная часть скелета находилась в полном анатомическом порядке. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на восток. Кости ног в районе коленных суставов и нижней части берцовых костей скрещены. (Кости правой – на левую.) Кости рук вытянуты вдоль тела. С севера, в средней части правой плечевой кости расчищен сильно разрушенный коррозией медный предмет округлой формы со сквозным отверстием по центру.

Индивид № 2 (женщина 20–30 лет). Скелет зачищен в центральной части могилы и сохранился плохо: отсутствуют череп, кости нижних конечностей, тазовая кость, правая верхняя конечность. Перемещены кости грудного отдела. Можно предположить, что погребенный был уложен вытянуто головой на восток поверх индивида № 1. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Индивид № 3 (женщина 20–30 лет). Скелет зачищен также в центральной части гробницы. Отсутствуют череп, кости левой ноги и левой руки, тазовые кости, кости грудного отдела. Анализ положения костей может свидетельствовать о том, что погребенный был уложен южнее индивида № 1 на правом боку, головой на восток. Погребальный инвентарь отсутствовал.

В юго-восточной части гробницы, на уровне пола и в нижней части заполнения, были обнаружены стеклянные и гагатовые бусы (рис. 8. *1*, *3* в, д, е, ж), фрагмент шляпки бронзового гвоздя (рис. 8. *3*г), фрагмент бронзового прута (серьга или браслет) (рис. 8. *1*, *3*в) и бронзовая дисковидная деталь (пряжки?) со сквозным прямоугольным отверстием в центре кружка (рис. 8. *1*, *3*а).

В юго-западном углу, на полу расчищен фрагмент синопской керамиды IV–III вв. до н. э. (рис. 8. *1*, *3*з). В заполнении найдены мелкие фрагменты стенок хиосских амфор IV в. до н. э., единичные обломки красноглиняных кувшинов и мелкие фрагменты чернолаковых сосудов IV–III вв. до н. э., а также фрагмент терракотовой статуэтки в виде мужской головы (рис. 7. *4*).

Таким образом, погребение представляло собой коллективное захоронение 9-ти индивидов, кости трех из них были зафиксированы *in situ*. И в целом, его можно датировать концом IV – серединой III вв. до н. э.

Погребение 6 (рис. 3; 9. *1*). Расчищено в восточной части раскопа, в южной части квадрата 9 линии «А» в 18,5 м к востоку от погребения 5. Могила представляет собой вырубленную в известняковой скале подпрямоугольную яму, ориентированную по линии запад-восток. Её размеры составляют 1,92×0,96 м, глубина от 0,2 м до 0,5 м. Дно ровное. Углы, а также западный и восточный борта скруглены. Пятно могильной ямы было зафиксировано на глубине 1,89 м. Перекрытие отсутствовало.

В восточной части заполнения могилы были зачищены мелкие обломки костей черепа и бедренной кости (рис. 9. *1*). Установить первоначальное положение костных останков невозможно.

Археологический материал, обнаруженный в заполнении могильной ямы, представлен немногочисленными фрагментами стенок гераклейских амфор IV в. до н. э.

По-видимому, это был мужчина 20–30 лет.

Могила была разрушена во время функционирования упомянутого карьера

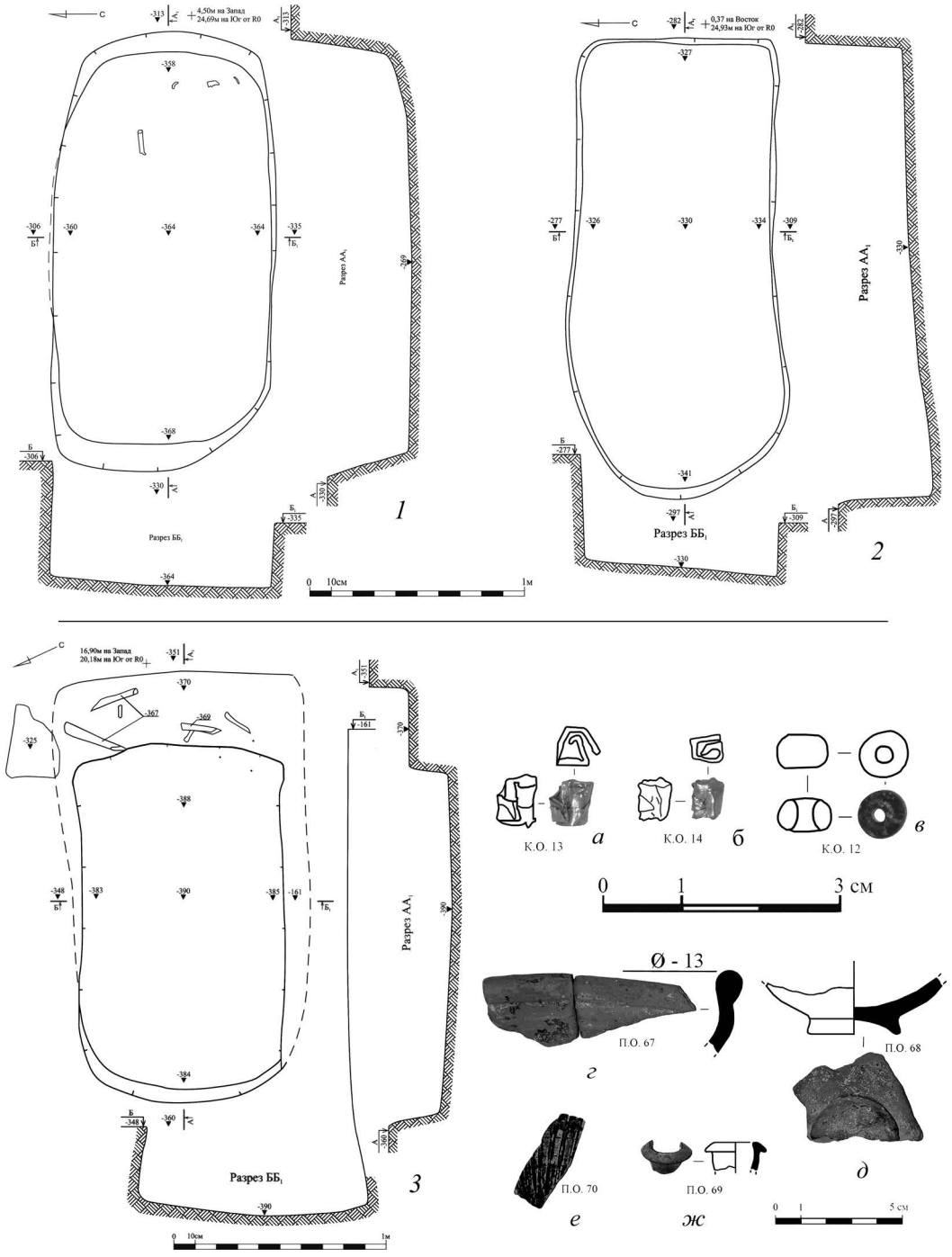


Рис. 9. Могильник Красная Керчь-2: *1* – погребение 6, план и разрезы; *2* – погребение 7, план и разрезы; *3* – погребение 8, план и разрезы, погребальный инвентарь: *а, б* – пронизи из фольги желтого металла, *в* – гагатовая бусина, *г* – фрагмент края красноглиняной миски, *д* – фрагмент поддона красноглиняного кувшина, *е* – фрагмент стенки чернолакового канфара, *ж* – фрагмент горла красноглиняного унгвентария

Погребение 7 (рис. 3; 9. 2). Раскопано в северо-восточной части площади, в северной части квадрата 10 линии «А», в 3,75 м к востоку от погребения 6. Это также вырубленная в известняковой скале яма подпрямоугольной формы размером 2,09×0,8 м при глубине 0.21–0.56 м. Она ориентирована длинной осью с запада на восток. Углы могильной ямы скруглены. Восточный борт выкопан в слое зеленоватой материковой глины. Могила зафиксирована на глубине 1,63 м. Плит перекрытия не выявлено. Дно могилы ровное.

Костных остатков не обнаружено. В заполнении встречены единичные мелкие фрагменты стенок амфор IV–III вв. до н. э. Могила была разрушена во время функционирования открытого карьера.

Погребение 8 (рис. 3; 9. *3*). Находилась в южной части раскопа, у южного борта квадрата 7 линии «Б» в 8 м, к югу от погребения 5 и в 12 м к западу от погребения № 6. Могила представляет собой вырубленную в известняковой скале яму подпрямоугольных очертаний размером 1,75×1,0 м при глубине 0.42–1 м. Ориентирована она была длинной осью также, как и все остальные. Углы могильной ямы, а также западный и восточный её борта скруглены. Зафиксирована с глубины 2,09 м. Перекрытие отсутствовало. Восточная часть могилы перекрыта кладкой западной стены одного из помещений строительного комплекса XX в. Восточный борт могилы имеет небольшую подрубку-ступеньку (рис. 9. *3*). Дно ровное. Погребение было разрушено во время функционирования открытого карьера.

В восточной части могилы были зачищены отдельные фрагментированные кости скелета (рис. 9. *3*). Установить первоначальное положение его не представляется возможным.

Находки представлены немногочисленными стенками гераклейских и фасосских амфор IV–III вв. до н. э., фрагментами красноглиняных кувшинов и мисок III в. до н. э., чернолакового канфара первой половины III в. до н. э. (рис. 9. *3*г–е), красноглиняного бальзамария III в. до н. э. (рис. 9. *3*ж). Под костями скелета была обнаружена гагатовая бусина цилиндрической формы (рис. 9. *3*в) и две пронизи, изготовленные из свернутой в несколько оборотов фольги желтого металла (рис. 9. *3*а, б). Половозрастная характеристика – женщина 20–30 лет.

Таким образом, на исследованном участке могильника «Красная Керчь-2» в было захоронено 14 индивидов (табл. 2, 3).

В целом его можно датировать второй половиной IV–III вв. до н. э.

Строительные комплексы.

В центральной части раскопа был исследован участок строительного комплекса, состоявшего, как минимум, из трех помещений и открытого двора. Два помещения (котлованы?) были вырублены в известняковом массиве; стены третьего сложены из камня на цементном растворе.

Помещение 1 (рис. 3; 10) расположено в квадратах 6 и 7 линии «Б». Является самым западным и самым большим по площади, представляя собой прямоугольный в плане котлован 4,88×3,48 м. Длинной осью он ориентировано в направлении СВ–ЮЗ. Стены, кроме восточной, ровные и вертикальные были оштукатурены известковым раствором, сохранившимся фрагментарно. Восточная стена сложена на цементном растворе в один ряд из пиленых прямоугольных камней (0,3×0,3×0,4 м). Кладка сохранилась на высоту

Таблица 2. Половозрастной состав погребённых

Погребения	Кол-во индивидов	Пол	Возраст
Погребение 1	1	женщина	20–30 лет
Погребение 2	1	мужчина	30–40 лет
Погребение 3	2		
	Индивид 1	мужчина	20–30 лет
	Индивид 2	мужчина	30–40 лет
Погребение 4	1	женщина	30–40 лет
Погребение 5	7		
	Индивид 1	мужчина	30–40 лет
	Индивид 2	женщина	20–30 лет
	Индивид 3	женщина	20–30 лет
	Индивид 4	мужчина	20–30 лет
	Индивид 5	мужчина	30–40 лет
	Индивид 6	мужчина	30–40 лет
	Индивид 7	женщина	20–30 лет
	Индивид 8	мужчина	40–50 лет
	Индивид 9	ребёнок	3–4 года
Погребение 6	1	мужчина	20–30 лет
Погребение 7	–	–	–
Погребение 8	1	женщина	20–30 лет

Таблица 3. Половозрастная характеристика погребенных

Пол	Кол-во	%	Возраст		
мужчины	8	57,14%	20–30 лет 2 индивида	30–40 лет 5 индивидов	40–50 лет 1 индивид
женщины	5	35,75%	20–30 лет 4 индивида	30-40 лет 1 индивид	
дети	1	7,41%	3–4 года		

одного ряда шириной от 0,30 м до 0,54 м и длиной до 3,6 м. На стенах и полу помещения отчетливо видны следы распиловки камня. Помещение заглублено относительно поверхности скального массива на 0,68–1,1 м. Пол ровный. Южный край помещения уходит в южный борт раскопа и не исследовался.

В заполнении, на уровне пола, были обнаружены фрагменты фаянсовых и фарфоровых тарелок, стеклянных подсвечников, крышка стеклянного графина, ножка стеклянной рюмки и дно бутылки. Особо следует отметить фрагментированный стеклянный восьмигранный одноручный графин со сливом. На одной из граней -рельефный двуглавый орел, на другой – надпись «тов-во А. И. Абрикосова сыновей». Графин датируется 1899–1917 гг.

Помещение 2 (рис. 3; 10) расположено в квадратах 7 и 8 линии «А» и «Б». Является северо-восточным помещением и представляет собой прямоугольный котлован размером 3,27×1,26 м. Вытянут с запада на восток. Стены ровные и вертикальные. Внутренняя поверхность их была оштукатурена известковым раствором, который сохранился



Рис. 10. Могильник Красная Керчь-2. Строительный комплекс 1. Вид с востока

местами. Южная стена сооружена из пиленых (0,2×0,29×0,41 м) и бутовых камней, сложенных в один ряд. Кладка сохранилась на высоту одного-двух рядов, сложена на цементном и глинистом растворе. Ширина сохранившегося западного участка достигает 0,35 м, а длина – 1,06 м. На стенах и полу помещения отчетливо видны следы распиловки камня. Помещение заглублено относительно поверхности скального массива на 0,8–1 м.

В заполнении на уровне пола были обнаружены фрагменты железных предметов в виде обломков пил и листов жести.

Помещение 3 (рис. 3; 10) раскопано в квадратах 7 и 8 линии «Б». Представляет собой прямоугольную в плане постройку размерами 1,87×1,44 м, ориентированную по оси запад-восток. Стены сооружены из пиленых и бутовых камней, сложенных в один – два ряда. Пол – выровненная скала. Кладка северо-восточной стены (№ 2) однослойная, на цементно-известковом растворе из подтесанных подпрямоугольных известняковых камней размерами от 0,22×0,28×0,2 м до 0,56×0,3×0,27 м. Длина кладки 2,22 м, максимальная ширина 0,3 м. Со стенами №№ 3 и 4 построена впритык.

С Ю-В помещение ограничено кладкой № 3 длиной 1,6 м и максимальной шириной 0,28 м. Кладка однослойная, на цементно-известковом растворе из пиленых известняковых камней размерами от 0,26×0,27×0,42 м до 0,56×0,3×0,27 м. Юго-западный участок кладки уходит в южный борт раскопа.

Юго-западная стена помещения (кладка № 4) имеет длину 1,25 м и максимальную ширину 0,49 м. Кладка одно-двухслойная, выполнена в тычково-ложковой технике,



Рис. 11. Жилые дома поселка, предположительно расположенного в районе современного поселка 3-й Самострой (30–40 годы XX в.). Вид с севера (на заднем плане корпуса металлургического завода)

на цементно-известковом растворе из пиленых известняковых камней прямоугольной формы (от 0,15×0,20×0,30 м до 0,2×0,25×0,76 м). Юго-западный участок кладки уходит в южный борт раскопа и не исследовалась. Кладка была уложена поверх юго-восточной части могильной ямы погребения 8.

Помещение 4 (внутренний двор) (рис. 3; 10) расположено к юго-востоку от помещения 1. С северо-востока оно ограничено помещением 2, а с юго-запада – 3. Юго-восточная граница помещения не выявлена. Размеры помещения составляли в направлении северо-восток – юго-запад не менее 3,6 м, а в направлении СЗ – ЮВ 4,5 м. Пол представляет собой выровненную скалу, общим небольшим уклоном к юго-западу.

Описанный строительный комплекс можно охарактеризовать как жилой. Его помещения были заглублены в материковую скалу и ранее являлись вырубками открытого карьера по добычи строительного камня. Вероятней всего, постройка функционировала в первой половине XX в. (в 20–30-е гг.) (рис. 11).

Исследованный авторами участок с погребениями может являться частью более обширного могильника, который раскапывался директором Керченского музея древностей К. Е. Думбергом в 1897 году [*Думберг* 1901, 20; 1901, 80–81]. Учитывая, описанный К. Е. Думбергом археологический материал и обнаруженные в процессе раскопок 2018 года комплексы позволяют нам датировать могильник IV–III вв. до н. э.

К сожалению, территория, на которой был обнаружен участок могильника, с конца XIX столетия и на протяжении XX века была включена в зону промышленного и хозяйственного освоения, связанного с функционированием металлургического завода.

Часть территории к югу от выявленного участка могильника занята свалкой строительных отходов и грунта, вывозимых сюда при сооружении промышленных корпусов, а часть территорий находится под разветвленной сетью железнодорожных веток подъездов к ним. Мы не располагаем сведениями о наличии здесь античных поселений, а археологические разведки практически невозможны за исключением тех редких случаев, когда в процессе различного рода земляных работ снимаются толщи наносного грунта, обнажая древний почвенный слой.

Говоря о районе посёлка Капканы и Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова, нельзя обойти вниманием городище, расположенное на мысу Змеиный. Исследования этого памятника носили эпизодический характер [*Гайдукевич* 1941, 265; *Веселов* 1959, 227–228; *Кастанаян* 1972, 334–335; *Бейлин* 2006, 298–308]. В 1955 году В. В. Веселовым [*Веселов* 1959, 228] при осмотре остатков западной части поселения был обнаружен фрагмент мраморной плитки с остатками надписи, которую А. И. Болтунова интерпретировала как посвящение Гераклу [*Болтунова* 1959, 245–247]. Лишь в 1997–1998 гг. на протяжении двух полевых сезонов О. П. Бабич планомерно исследовалась верхняя часть северо-западного склона мыса. Несмотря на то, что открытые раскопками комплексы давали материалы преимущественно I в. до н. э. – первых веков нашей эры, в слоях присутствовал достаточно представительный материал эллинистического времени. Подъемный же археологический материал, встречаемый в большом количестве в восточной части мыса Змеиный, помимо прочего, представлен обломками амфор и кровельной черепицы IV–III вв. до н. э., что явно свидетельствует о существовании здесь поселения или городища как минимум уже в середине IV в. до н. э. В настоящий момент наши знания об этом поселении (городище) весьма скромны, собственно, как и территория, доступная для проведения археологических исследований. В конце XIX века здесь проводились масштабные земляные работы, связанные с сооружением морского причала Брянского металлургического завода и соответствующей инфраструктуры. К западу от Змеиного мыса, в районе бывшего здания береговой стражи, Председателем Археологической комиссии графом А. А. Бобринским в 1891 году был раскопан участок (21 погребение) некрополя I–II вв. н. э. [*Бобринский* 1893, 43–47]. К сожалению, археологические раскопки не были проведены и в середине 80-х годов прошлого столетия перед строительством на мысу Змеиный здания, где располагается Центр Службы управления движением судов. При строительстве здания и обустройстве территории была уничтожена огромная часть археологического комплекса.

Можно предположить, что выявленные в 1897 и 1899 гг. К. Е. Думбергом участки с погребениями, некрополь («Красная Керчь-1»), исследованный в 1953 г. С. И. Капошиной, участок могильника «Красная Керчь-2» и курганы, располагавшиеся на территории Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова и к северу от него, являются частями обширного некрополя упомянутого выше поселения (городища) на Змеином мысу. Погребальный инвентарь (оружие, расписные краснофигурные чернолаковые сосуды и пр.), обнаруженный ранее в отдельных могилах при раскопках свидетельствует об определённом достатке погребенных. На это указывает и наличие в окрестностях элитных подкурганных погребальных сооружений [*Цехмистренко, Кунин* 1959, 251–256].

Могильник «Красная Керчь-3».

В процессе археологических наблюдений по трассе канализационного коллектора в районе курганной группы «3-й Самострой I» и к юго-западу от неё на относительно небольшой территории был зафиксирован археологический материал, представленный обломками разновременных амфор и столовых сосудов IV в. до н.э.– II в.н.э. В районе непосредственной близости от семафора и недостроенного переезда через железнодорожное полотно, были выявлены заплывшие грабительские ямы. В их отвалах встречены фрагменты человеческих костей, стенки античных амфор и посуды, которая в большом количестве встречается в тризнах и в самих погребениях конца IV–III вв. до н.э.

Территория археологических исследований представляла собой относительно ровный участок местности, имеющий небольшой уклон в южном направлении, что обусловлено общим рельефом. С севера он был ограничен полотном действующей железной дороги, соединяющей паромную переправу с железнодорожными станциями Керчь-1 и Керчь-2. С юга – высоким грунтовым отвалом бывшей узкоколейной железной дороги Керченского металлургического комбината им. П.Л. Войкова. Длинна раскопа составляла 60–65 м, а ширина от 10 м до 25 м (рис. 12. *1, 2*).

В северной части раскопа были выявлены: могила, вытесанная в слое плотного известняка, и строительный комплекс, представляющий собой вырубленное в скальном массиве прямоугольное помещение, к которому с запада примыкает узкая неглубокая «вырубка» (дромос?). Внутри комплекса зачищены три ямы, высеченные в скале. Две из них имеют округлую в плане форму горловины, третья – прямоугольную. В заполнении комплекса встречены фрагменты амфор эллинистического и римского времени.

Археологическим материком раскопа является выход скального известнякового массива, перекрытого слабогумусированным суглинком светло-коричневого цвета и тонким слоем дерна.

Погребение 1 (рис. 12. *1, 2*). Раскопано в квадрате 1 линии «Б» и представляет собой прямоугольную могилу, вырубленную в скальном массиве. Пятно могильной ямы читалось на уровне материковой скалы на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности. Плит перекрытия не выявлено. Яма была заполнена рыхлым, суглинистым грунтом темно-коричневого цвета. Ее длина (с востока на запад) составляла 1,1 м, ширина 0,41 м. Борта вертикальные. Глубина могильной ямы 0,28. В западной её части расчищена прямоугольная в плане вырубка глубиной до 0,36 м. Дно ровное. Находки отсутствовали.

Строительный комплекс № 1 (рис. 12–14). Строительный комплекс выявлен в квадратах 9–11 линии «А».

Размеры помещения составляют в направлении север-юг 3,53 м, а в направлении запад-восток – 4,3 м. Оно заглублено в материковую скалу на 0,55 м. Восточная и западная стена комплекса вырублены в скале и имеют неровные края, которые были выровнены и доведены до прямоугольных очертаний с помощью дополнительных кладок. Кладки одно-двухслойные, сохранились на высоту до трех рядов, сложены на глинистом растворе из необработанных и слегка подтесанных известняковых камней средним размером от 0,05×0,08×0,1 м до 0,09×0,1×0,13 м. Ширина кладки облицовки восточной стены составляет 0,46 м при высоте 0,55 м. Кладка облицовки западной стены сохранилась частично. Её ширина 0,3–0,5 м, а высота достигает 0,5 м.

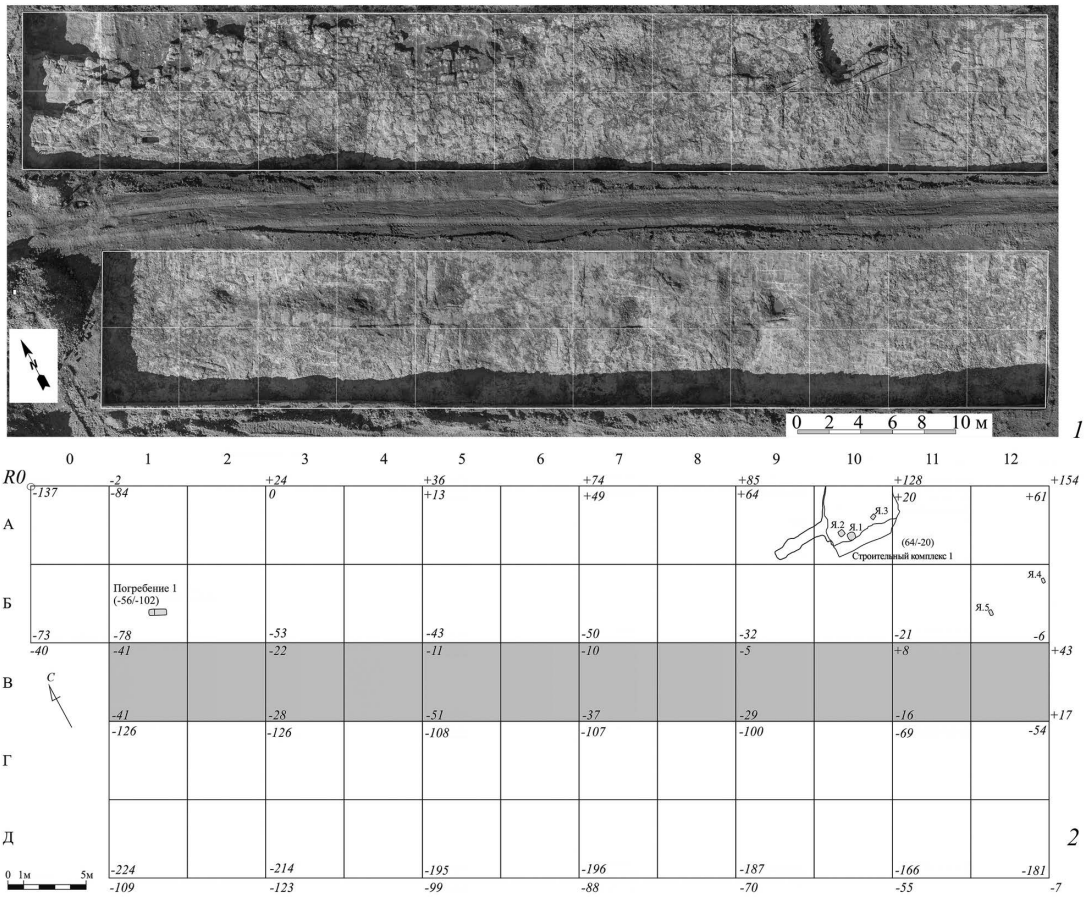


Рис. 12. Раскопа могильника Красная Керчь-3: *1* – ортофотоплан; *2* – план

Южная стенка помещения полностью вырублена в скале, где сохранились следы каменотёсного инструмента (рис. 13. *1*; 14) с шириной рабочей поверхности не менее 4 см. Внутренний фас неровный и недоработан по вертикали. В нижней части остался недорубленным участок скалы шириной от 0,35 м до 0,93 м. Длина южного борта помещения составляет 3,29–3,85 м.

Пол помещения – выровненная материковая скала на глубине 1,0 м от уровня современной дневной поверхности.

В заполнении помещения, был обнаружен достаточно представительный археологический материал: стенки амфор средиземноморских (Хиос, Фасос, Книд, Родос) и южнопонтийских (Синопа и Гераклея Понтийская) центров IV–III вв. до н. э.

В полу было расчищено три ямы, назначение которых не ясно. Возможно, они были предназначены для установки погребального инвентаря или же других целей, связанных с погребальным обрядом.

Яма 1 (рис. 13. *1, 2*; 14) выявлена в юго-западной части помещения и имеет в плане округлые очертания, а в разрезе подпрямоугольные. Яма была вырублена в слое известняка и заполнена гумусом темно-серого цвета. Размеры горловины 0,45×0,46 м, глубина 0,25 м.

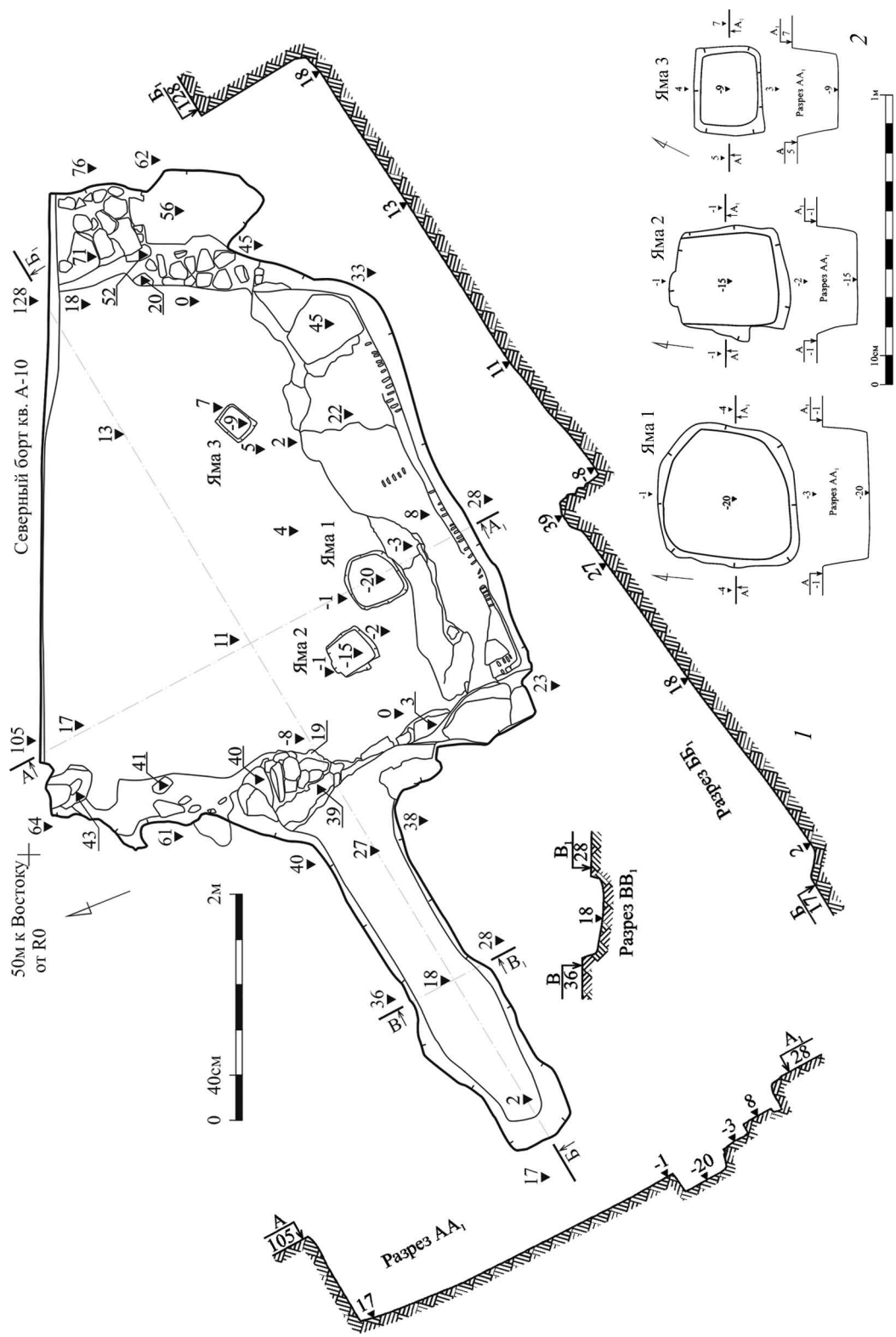


Рис. 13. Могильник Красная Керчь-3: *1* – строительный комплекс 1, план и разрезы; *2* – план и разрезы ям



Рис. 14. Могильник Красная Керчь-3. Строительный комплекс 1. Вид сверху

Археологический материал заполнения представлен десятью стенками оранжевоглиняных амфор и столовых сосудов IV–III вв. до н. э.

Яма 2 (рис. 13. *1, 2*; 14) расчищена в 0,12 м к северу от ямы № 1 и имеет в плане и разрезе прямоугольные очертания. Вырублена она в слое известняка и заполнена тёмно-серым гумусом. Размеры горловины 0,39×0,38 м, глубина 0,2 м.

Находки из заполнения представлены шестью стенками оранжевоглиняных амфор и столовых сосудов IV–III вв. до н. э.

Яма 3 (рис. 13. *1, 2*; 14) расчищена в восточной части помещения, в 2,2 м к северу от ямы № 1, имеет в плане и разрезе прямоугольные очертания. Размер горловины 0,32×0,23 м, глубина 0,2 м. Яма вырублена в слое известняка, заполнена гумусом. Находки отсутствовали.

С запада, к заглубленному в материковую скалу помещению примыкал т. н. дромос (рис. 13. *1*; 14). Он представлял собой неглубокое прямоугольное в плане углубление, вырубленное в материковой скале в направлении запад-восток. Своим восточным краем дромос примыкал к западному борту строительного комплекса. Длина дромоса составляет 3,79–4 м. Ширина 0,7 м, глубина 0,05–0,08 м. Изнутри помещения не выражен ни спуск от дромоса, ни как-либо более или менее оформленный портал входа.

Таким образом, выявленный нами строительный объект, может представлять собой недостроенный по каким-либо причинам погребальный комплекс, состоявший из прямоугольной погребальной камеры и дромоса, ведущего в него с востока.

Вполне возможно, что комплекс изначально планировался, как монументальный склеп с последующим возведением курганной насыпи.

Как было указано выше, в непосредственной близости расположена курганная группа «3-й Самострой I» (160 м к северо-востоку). Насыпи сильно разрушены грабительскими перекопами, а также траншеями окопов времен Великой Отечественной войны. Тут же проходит и насыпь железнодорожного переезда, которая хорошо читается на аэрофотоснимках 1943 г. Не исключено, что изначально раскопанный комплекс мог представлять собой вполне завершенное подкурганное погребальное сооружение, которое было разрушено в процессе возведения этого строения.



Список литературы

А*нохин* А. В. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 179, 40 табл.

Анохин А. В. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, 140–141.

Б*ейлин* Д. В. 2006. К топографии античных памятников северной части г. Керчи // БИ. XI, 298–308.

Бейлин Д. В. 2008. К топографии античных оборонительных сооружений в северо-восточной части Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. (Боспорские чтения. IX). Керчь, 14–19.

Бейлин Д. В., *Столяренко* П. Г. 2011. К истории изучения античных памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова в 40–60-х гг. XX века // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко Харьков, 57–61.

Бобринский А. А. 1893. Производство археологических раскопок в Керчи и окрестностях // ОАК, 43–47.

Болтунова А. И. 1959. Фрагмент мраморной плиты, найденной на Змеином мысу // СА. XXIX–XXX, 245–247.

В*еселов* В. В. 1952. Древние городища в районе Синягино (к вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // АИБ. I, Симферополь, 227–237.

Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Supplemenum II). М., 266.

Г*риневич* К. Э. 1924. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток. 6, 524–525.

Д*умберг* К. Е. 1901. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1898 г. // ОАК. 19–20.

Думберг К. Е. 1901. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1898 г. // ИАК. 1, 80–81

К*апошина* С. И. 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 69, 108–153.

Кастанаян Е. Г. 1972. Работы порфмийского отряда боспорской экспедиции // АО. М., 334–335

Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 300.

С*толяренко* П. Г., *Бейлин* Д. В. 2015. К вопросу реконструкции палеогеографической ситуации в северо-восточной части Керченского полуострова в античное время (район городищ Парфений и Порфмий) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. (Боспорские чтения. XV). Керчь, 310–316.

Столяренко П. Г., *Бейлин* Д. В., *Михайлов* А. М. 2017. Об одном из направлений пространственного развития сельскохозяйственной округи Мирмекия // Таврические студии. 12, 127–135.

Столяренко П. Г., *Супренков* А. А., *Топоривская* М. А. 2020. Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции в первом полугодии 2020 года // Таврические студии. 22, 134–137.

Ц*ехмистренко* В. И., *Кунин* В. Э. 1959. Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи // МИА. 69, 251–256.

Ш*корпил* В. В. 1903. Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 году (с 1 табл. и 18 рис.) // ИАК. 7, 80–81.

Шкорпил В. В. 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1909 году (с 20 рис.) // ИАК. 47, 31–37.



Summary

D.V.Beilin, I.V. Rukavishnikova, A.A. Voloshinov
Archaeological research in the area of the village of 3rd Samostroy in the city of Kerch

In 2018, the archaeological expedition of the Institute of Archeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences explored three small sections on the territory of the railroad located along the railway bed between the village of 3rd Samostroy and the Kerch Metallurgical Plant named after P. L. Voykov in the north-eastern part of the city of Kerch. This area is of great archaeological interest and is very densely saturated with archaeological sites.

Three sites were investigated: «Necropolis «Krasnaya Kerch-1», «Burial ground «Krasnaya Kerch-2», «Burial ground «Krasnaya Kerch-3».

On the investigated area of the «Krasnaya Kerch-2» burial site, 8 burial complexes were identified, represented by seven earth graves, five of which were carved into the mainland limestone rock and a stone box containing several buried individuals. The necropolis dates back to the 4th–3rd centuries BC. In addition to the burial complexes, a building complex was cleared in the eastern part of the excavation, part of which was carved into the mainland limestone rock (former quarry), and part of which was built from sawn limestone stones stacked on cement mortar. The remains of the building can date back to the first half of the 20th century.

During further research at the burial ground «Krasnaya Kerch-3», a construction complex was discovered, which we interpreted as a burial complex, which was destroyed in the process of economic development of the territory during the construction of a railway track, or the construction of which was not completed. A grave carved into the rock mass was also discovered. The archaeological material found during excavations dates back to the 3rd century BC – II century AD.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.34-64

П. Бургундер
(Университет Лозанны, Швейцария)

«Потерянный» расписной склеп А. Б. Ашика. История изучения и архивные открытия*

Памяти Николая Федоровича Федосеева (1961-2018)

Богатство и разнообразие живописной росписи, покрывающей стены и потолки склепа, состоящего из двух комнат, открытого А. Б. Ашиком, казалось, должны были бы обеспечить столь значимому погребальному памятнику, расположенному на северо-западном склоне горы Митридат в Керчи, должное внимание и условия для его сохранения. Однако из-за отсутствия активной административной поддержки штукатурка быстро разрушилась, а вход был вскоре засыпан и утерян: склеп, открытый в 1842 году Антоном Бальтазаровичем Ашиком, тогдашним директором Керченского музея, пополнил длинный список исчезнувших древних памятников, разделив судьбу других расписных склепов, открытых в первой половине XIX века[1].

Особая заслуга А. Б. Ашика состояла в том, что он, осознав важность своего открытия, незамедлительно приступил к копированию росписей. Таким образом, рисунки, сделанные за три дня при свете свечи – единственное, что сохранилось от этого склепа! За помощью Антон Ашик обратился к художнику музея Андрею Стефанскому. Совместно они выполнили копии, послужившие иллюстрациями к публикации на русском языке, которая появилась в Одессе в 1845 году под названием «Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками».

Когда шестьдесят лет спустя Михаил Ростовцев принялся за написание труда, посвященного расписным греко-римским памятникам, открытым на юге России, в первую очередь ему пришлось осуществить трудоемкую исследовательскую работу в архивах [*Ростовцев* 1913–1914, 346–375][2]. Не умаляя ценности публикации, работа Ашика была

* Данная статья была опубликована в сборнике статей [*Burgunder* 2019]. Она была выполнена в рамках проекта «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии», финансируемого Национальным Швейцарским Фондом Научных Исследований (FNS). Благодарю Юлию Бургундер за перевод статьи с французского языка.

[1] Можно упомянуть склеп Пигмеев, открытый в 1832 году Дамианом Васильевичем Карейшей, а также склеп 1852 года, открытый Кириллом Родионовичем Бегичевым [*Ростовцев* 1913–1914, 137–149; 153–160].

[2] Расписной склеп, открытый Ашиком, занимает особое место в работе знаменитого ученого: описание публикации Ашика и его критическая оценка, занимающие более 30 страниц, свидетельствуют об особой ценности данного подземного захоронения.

им принята неоднозначно: интерпретация декоративной росписи казалась надуманной, а качество рисунков ставило под вопрос их верность оригиналу [3]. Поэтому Ростовцев пытался найти дополнительную информацию. Попытки оказались безрезультатными, так как ему не удалось обнаружить ни оригиналов рисунков, ни даже установить точной даты открытия склепа. Более того, он смог получить доступ к раскрашенным экземплярам лишь позже, что, видимо, стало причиной того, что в своем атласе он воспроизвел их в черно-белом варианте.

В дальнейшем эти репродукции распространялись в научной литературе исходя из исследуемой тематики: последовательность из рисунков, изображающих элевсинские мистерии, появляется регулярно [*Guimier-Sorbets, Pelle, Seif el-Din* 2015, 126, рис. 172], тогда как сцена зажжения канделябров затрагивается реже [*Burgunder* 2003]. Живописная сцена конного боя, украшающая погребальную лежанку, несомненно, является наиболее часто упоминаемым фигурным сюжетом благодаря своей исторической ценности в военной области [*Нефёдкин* 2004, 38; *Горончаровский* 2003, 76, 108; *Виноградов, Горончаровский* 2009, 212, рис. 107; *Mielczarek* 1993, 141, рис. 23; 1999, таб. XXV; *Lebedynsky* 2002, 165].

Спустя более ста лет после появления работы М. И. Ростовцева, цитируемой по сей день[4], пришло время возвратиться к этому знаковому погребальному памятнику – может быть наиболее известному в Керчи наравне со знаменитым склепом Деметры – а также к его первой публикации. Актуализация наших знаний в области археологии, более широкий доступ к архивам, и в особенности неожиданное открытие цветных экземпляров *Керченских древностей* в музеях Санкт-Петербурга и Ярославля позволяют вновь обратиться к этому погребальному комплексу, вооружившись новым материалом. С уверенностью, разделяемой Ириной Владимировной Тункиной, в том, что документация, разработанная Ашиком и его современниками, достаточна для восстановления утерянных археологических памятников и обстоятельств их открытия [*Тункина* 2002, 271], мы предлагаем в данной публикации обозначить наиболее вероятный момент открытия склепа, а также уточнить его местонахождение, воспользовавшись топографической картой Керчи и её окрестностей 1835 г. Публикация 1845 года, посвященная погребальному склепу и его рисункам, кроме всего прочего, насыщена информацией как научного, так и личного характера, что может пригодиться при попытке восстановления контекста ее написания. Итак, мы приступаем к «расследованию», которое несомненно привлечёт большее внимание к Антону Ашику и как к автору публикации, так и к его заслугам как археолога.

Открытие склепа.

Ни точное местонахождение расписного склепа, ни дата его открытия не были зафиксированы надлежащим образом: упоминая то 1842 год во вступлении к своему труду (стр. III), то 1841 год в первой главе (глава 1, стр. 3), Антон Ашик и в переписке с различными ведомственными инстанциями не был более точен. Лишь сопоставление

[3] Рецензия Б. фон Кёне, появившаяся в трех разных изданиях, отражает в подробном описании мнение ученого сообщества Санкт-Петербурга [*Кёне* 1845; *Кёне* 1849; *Köhne* 1847].

[4] Напомним, что к столетию публикации труда Ростовцева был осуществлен его перевод на французский язык по инициативе Аликс Барбэ: [*Barbet* 2004].

архивного материала, «разбросанного» по разным учреждениям, позволяет предложить наиболее правдоподобную дату его открытия.

Архивный вклад.

В Институте истории материальной культуры, где хранится архив Императорской археологической комиссии, находится донесение, озаглавленное «Список с краткого известия об открытии древностей Директором Керченского музеума Ашиком». Данный документ содержит краткий отчет об открытии склепа в период с 29-го августа 1841 г. по 1 апреля 1842 г.[5]. Несомненно, речь идет об отрывке из цитируемого Ростовцевым «Отчета о разысканиях древностей, произведенных в Керчи с 1821 по 1841 годы», покрывающем более длительный период, в котором, однако, описываются почти идентичные обстоятельства, приведшие к открытию склепа [*Ростовцев* 1913–1914, 346].

Это донесение, хранящееся в Институте истории материальной культуры, видимо, было переведено на французский язык, так как Научный архив Государственного Эрмитажа, содержит парный документ с идентичным названием:

«Sur des fouilles, exécutés par M. Aschik du 29 Août 1841 jusqu'au 1 Avril 1842.

(…) После этой находки М. Ашик перенес свои работы от горы Митридат на расстояние 1,5 версты от Керчи, и в этом месте он открыл 14 катакомб, которые уже были разграблены, однако в 15-ой он нашел две комнаты, чьи стены были покрыты фресками, представляющими интерес, наподобие тех, которые были открыты в Тарквинии[6].»

Сведения из этой переписки с Санкт-Петербургом позволяют поместить момент открытия склепа в период первых двух месяцев 1842 года, как кратко упоминается в письме Флориану Жилю, датируемом 3 марта 1842 года[7]. Другие отчеты, сегодня хранящиеся в Киеве, неоспоримо относят дату открытия расписного склепа к февралю, или даже к началу марта 1842 года: несколько писем из служебной переписки князя Михаила Воронцова, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, восстанавливают информацию об административных хлопотах и напрасных попытках Ашика спасти расписной склеп от разрушения[8]. В ответ на первое донесение, информирующее об открытии склепа, Воронцов, обрадованный новостью, просит директора Керченского музея составить подробное описание склепа, а также произвести рисунки «в цвете идентичном оригиналу» для Одесского Общества Истории и Древностей. Генерал-губернатор предлагает в отдельном письме, предназначенном градоначальнику Керчи, отдать необходимые поручения для сохранения памятника. Однако отсутствие средств, согласованных для охраны места раскопок, вынудили Ашика напомнить керченскому градоначальнику князю Херхеулидзеву о его обязанностях, что он делает в письменном обращении от 18 марта:

[5] РА ИИМК, Ф. 63, д. 5, ил. 129 (с обратной стороны) и 130; 1841 год отмечен простым карандашом после упоминания 29 августа. Этот отчет цитируется И. В. Тункиной [*Тункина* 2002, 294].

[6] Отрывок из листка 14 (с обоих оборотов страницы), Ф. 1, оп. 1, д. 21 (1837) озаглавленный «О раскопках Ашика в Керчи за 1837–1842». Несомненно, этот перевод был сделан Ф. Жилем для задумываемой им публикации.

[7] АГЭ Ф. 1, оп. 1, д. 21 (1841) – процитированный уже Ростовцевым [*Ростовцев* 1913–1914, 346]. Два сохранившихся письма, одно от 1-го января 1842 (№ 9), и другое от 3 марта 1842 г. (№ 14), свидетельствуют как о частоте переписки, так и о временном отрезке, в течение которого произошло открытие памятника.

[8] Корреспонденция, хранящаяся в Институте рукописей в Национальной библиотеке Украины, Ф. V. лист 1220 и след. (1842). Мы хотели бы выразить благодарность Юлии Дудке и Александру Кузьмичеву за их помощь в предоставлении этих документов.

«Об открытой катакомбе с фресками я доводил до сведения Вашего Сиятельства словесно. Зная, что здесь ничто не может уцелеть от хищных поисков искателей золота, я держал там сторожа на мой счет в течение двух недель, пока сняты были с фресков рисунки. С тех пор катакомба была уже посещаема разрушителями, и рисунки уже во многих местах повреждены. Сберечь их я не имею никакой возможности; нужно иметь там постоянного сторожа или устроить двери с железными укреплениями. Если бы мы имели объездчиков, то они бы успели бы предупредить разрушения многих памятников древности, но директор Музеума без помощников и без средств ничего сделать не может» [9].

Потеря склепа.

В последних строках I главы своего труда Ашик предсказывает скорое исчезновение фресок, вероятно, пытаясь снять с себя вину за полную потерю памятника к моменту публикации:

«На другой день после открытия оказалась на стенах большая сырость, краски начали бледнеть, штукатурка отставать от стен и падать при малейшем давлении» [*Ашик* 1845, 4].

Последующая судьба росписи и самого склепа очевидна для М. И. Ростовцева, который подробно описывает историю расписных склепов в Керчи. Поручение найти следы данного погребального памятника, выполненное по его просьбе Шкорпилом, подтвердило предположение: склеп был полностью разрушен еще при жизни Ашика[10]. Новый рапорт, направленный градоначальнику Керчи в середине декабря 1845 года, не оставил сомнений по поводу судьбы, уготованной склепу 1842 года:

«В. Катакомбы, высеченные в скале. На стенах одной из них были фрески, о которых я издаю особое сочинение; кроме этих фресок была также открыта гробница, на стенах которой был изображен эпизод из известной войны пигмеев с журавлями, но все это решительно истреблено, – теперь трудно было бы даже найти следы этих памятников»[11].

Исследованиям, проводившимся Шкорпилом в одном из районов Керчи, ныне полностью застроенном, предшествовали, в несколько этапов, идентичные попытки, предпринятые сначала Александром Люценко, а затем Никодимом Кондаковым, оставшиеся безрезультатными. Преемник Антона Ашика на посту главы Керченского музея, Александр Люценко, если доверять информации, оставленной Владимиром Стасовым [*ОИАК за 1872 г.,* 255, прим.3], искал расписной склеп во время своего пребывания в должности директора (формально он занимал эту должность с 1853 по 1878 год, однако покинул ее в 1869 по состоянию здоровья). «Отчеты за 1878 и 1879 годы» отсылают к зоне изысканий, протянувшейся среди курганных насыпей, «возле известковых печей Ростовского и ветряной мельницы», указанных Кондаковым [*ОИАК за 1878 и 1879 г.,*

[9] Черновик письма, хранившийся в Керчи, пропал во время Второй мировой войны вместе с большей частью архива музея. Он был воспроизведен в копии В. В. Шкорпилом для М. И. Ростовцева (и был восстановлен в его труде [*Ростовцев* 1913–1914, 347]).

[10] [*Ростовцев* 1913–1914, 348]. Склеп до сих пор не найден, несмотря на проведение систематических поисков в 1906 году (в окрестностях склепа 1873 года, на улице Нагорная, и в зоне, тянущейся до татарского кладбища, где проходит дорога, ведущая в Феодосию, у подножия шести холмов), а также поисков в 1907 году [*Виноградов, Медведева* 2017, 15].

[11] Письмо от 16.12.1845, [*Ростовцев* 1913–1914, 347]. Нам не известно, сохранилось ли это письмо. Склеп Пигмеев (1832) представлен Ростовцевым в том же издании [*Ростовцев* 1913–1914, 137–149].

XVI]. Ученый, не останавливаясь на достигнутом, вслед за первой попыткой продолжает свое расследование в 1882 году, ободренный «указаниями старожила» [*ОИАК за 1882 по 1888 г.,* IX и след.]. Однако его изыскания, которые без сомнений были проведены на северном склоне «Аллеи курганов» в месте первых курганных насыпей, не были завершены. В силу неминуемого расширения города расписной склеп был обречен на забвение. Предполагается, что он засыпан и более недоступен.

Месторасположение склепа.

Критика в адрес Антона Ашика вполне обоснованно касалась того, что директор керченского музея оставил полностью без внимания составление археологической карты, фиксирующей многочисленные раскопки и открытия, проводившиеся за многие годы исследований. Действительно, небрежность Ашика в этом вопросе сложно объяснить, тем более что многочисленные топографические карты города были доступны в течение всего XIX века – стратегическая и экономическая важность порта Керчи оправдывали богатство хранилища карт всего региона.

Лишь один труд Ашика, первый том «Воспорского царства», появившийся в Одессе в 1848 году, был снабжен несколькими картами: таблица IV, «схематический план акрополя Пантикапея и современного города Керчи», является единственным топографическим ориентиром, способным удовлетворить любопытство читателя (рис. 1). Если свериться со следами, оставленными укреплениями древнего городища, схематический план ничего не говорит о размещении погребальных памятников, открытых Ашиком[12]. В нем нет ни одного упоминания расписного склепа, не имеется никакого признака, указывающего на его месторасположение, кроме как буквы «E», помещенной в месте, откуда протянулась ведущая от города дорога, фиксирующая границы его окрестностей, что свидетельствует о безостановочном расширении Керчи в XIX веке.

Итак, чтобы заполнить данный пробел, мы обратились к топографическому плану города, составленному в 1835 году неким Литвиненко[13]. Несколько измерений этого топографа упоминаются в научной литературе, но в нашем исследовании мы примем за основу экземпляр, хранящийся в отделе картографических изданий Российской государственной библиотеки в Москве[14]. Использование данного документа имеет тройное значение: он восстанавливает топографию Керчи и ее ближайших окрестностей на дату немного более раннюю времени открытия склепа; она воспроизводит рельеф скалистой возвышенности и участок города с достаточной аккуратностью и точностью; и наконец, на нем изображены хорошо читаемые дорожная сеть и курганные насыпи, что представляет дополнительную ценность для нашего исследования.

[12] Критика Е.П. Шевелёва [*Шевелёв* 1848, 725–738] по поводу «плана Керчи», воспроизведенная в Таблице I первого тома издания «Воспорское Царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами» на самом деле затрагивает не топографический план, а гравюру, расцененную как неправдоподобная, и, видимо, взятую Ашиком из 2-го тома «Nouvelles annales des voyages, de géographie et de l'histoire» (Париж, 1819).

[13] Мы благодарны Сергею Смекалову (Санкт-Петербург) и Арсению Михайлову (Керчь) за помощь в данных поисках. Речь идет о плане, входившем в папку с двенадцатью картами под названием «Топографический план города Керчи-Еникале с указанием деревень и прилежащих земель (…). Осуществленный при помощи приборов в 1835 (…) топографом второго класса Литвиненко».

[14] Мы благодарны за сотрудничество Л.Н. Зинчук, зав. отделом картографических изданий, и А.С. Митрофановой, отвечающей за онлайн ресурсы в Российской государственной библиотеке в Москве.

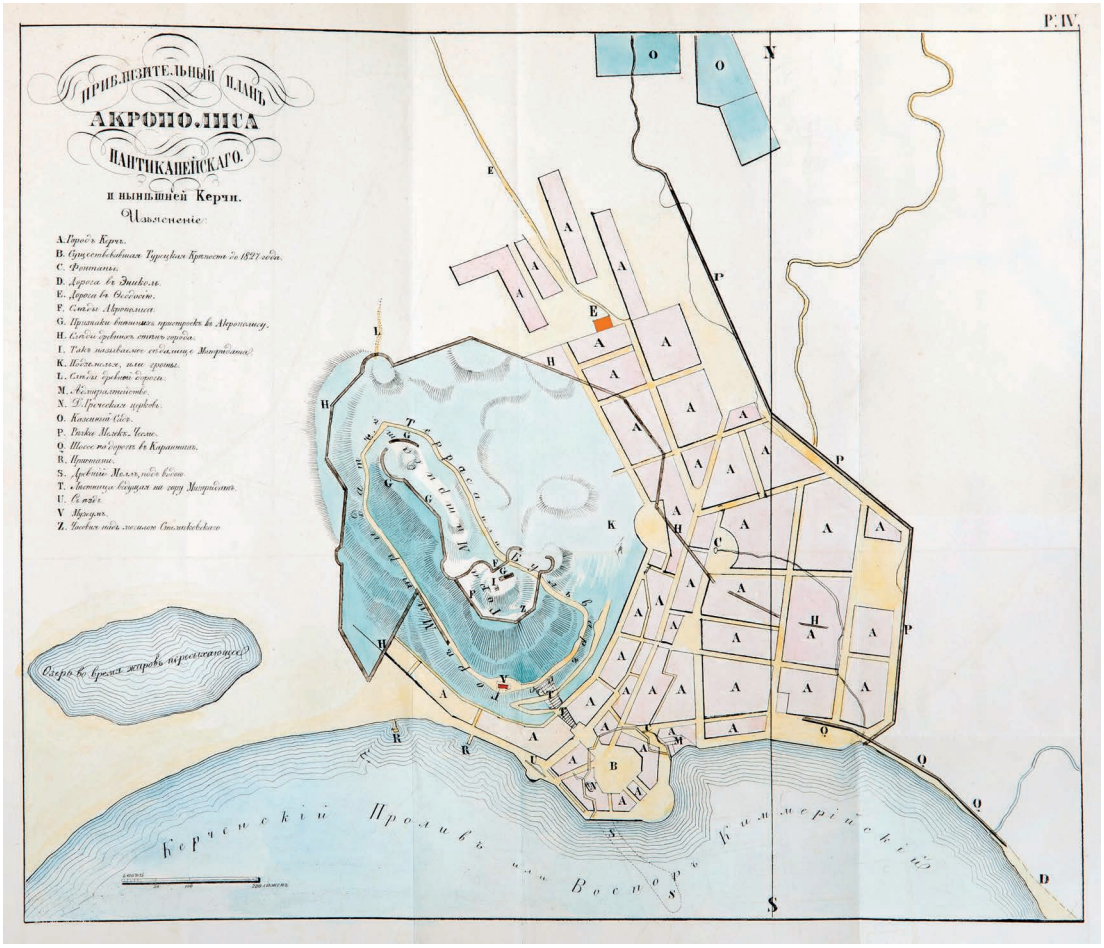


Рис. 1. Карта Керчи и акрополя Пантикапея [по Ашик А. Б. 1848, ч. 1, табл. IV]. Буква «Е» соответствует «шлагбауму». Компьютерная графика Д. Глозер

В сочетании с информацией, почерпнутой из отчета Ашика, топографический план Литвиненко привносит новую информацию, с помощью которой мы можем указать месторасположение склепа, открытого Ашиком в 1842 году (рис. 2). Размещение расписного склепа кратко обозначено на «северной покатости горы Митридата», на расстоянии «$1^{1/2}$ верст от города» и включает место, где находится «множество устроенных рядами пантикапейских катакомб»[15] – эти элементы должны позволить ориентировочно указать ее возможное месторасположение.

На карте Литвиненко, на северном склоне горы Митридат – в широком понимании, по горной цепи, протянувшейся от Первого кресла Митридата в направлении Золотого кургана – указана большая частота погребальных холмов, возрастающая на высоте

[15] См. лист 14 (с обеих сторон), Ф. 1, оп. 1, д. 21 (1837) в архиве Эрмитажа, а также Ф. 63, д. 5, лист 129 (с обратной стороны) в Институте истории материальной культуры.

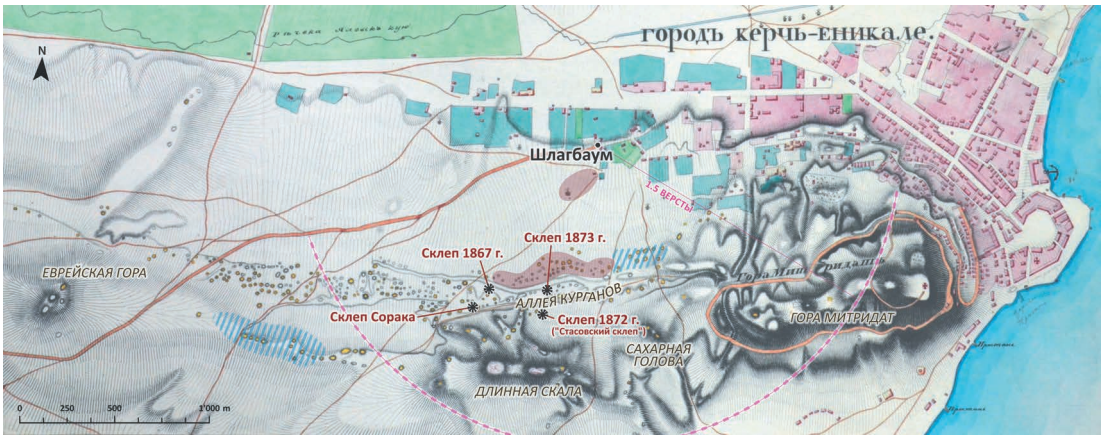


Рис. 2. Извлечение из «топографического плана Керчи-Еникале с указанием деревень и окрестностей». Выполнено топографом второго класса Литвиненко в 1835 г. Участки бежевым – разведки Н.П. Кондакова, синим – В.В. Шкорпила. Компьютерная графика А. Хирцель и Д. Глозер

скалистого выступа «Сахарной головы» (уже исследованные курганы иногда помечены желтым цветом). Мы отмечаем существование дороги, пересекающей этот некрополь с востока на запад, который М.И. Ростовцев обозначает термином «Аллея курганов»[16]. Часть некрополя, расположенная ниже соседней скалистой возвышенности, называемой «Длинная скала», насчитывает уже несколько рядов курганных насыпей, размещенных в основном у подножия и на северном склоне этой скалы; она уплотняется еще больше в своем западном расширении в направлении Золотого кургана.

Третий указатель, способный помочь локализовать склеп, открытый Ашиком, несмотря на свою точность, тем не менее, не самый достоверный. Насколько можно доверять дистанции «одной версты с половиной», отмерянной от Керчи? Из какого пункта начать расчёт? Карта, составленная Литвиненко, похоже, подтверждает указание Ашика, обозначенное в схематическом плане буквой «Е»: место входа и выхода из города четко обозначено шлагбаумом[17]. От небольшой площади, находящейся у этой точки, отправляется дорога на Феодосию, связывающая Керчь с остальной частью Крыма[18]. Таким образом, можно быть уверенными, что Ашик оценивает расстояние, отделяющее склеп от города, в точности от этого места. Но можно ли полагаться лишь на автора, нашедшего склеп, в точности оценки расстояния? Скорее всего, дистанция, указанная в отчете, была представлена «навскидку» («одна верста по дороге, полверсты поблизости») – гипотеза, которую мог бы подтвердить план местности, предоставленный М.И. Ростовцевым.

[16] Аллея курганов упоминается в таблице I «Античной декоративной живописи на юге России». Сегодня забытое название «Аллея Курганов» в Керчи было, видимо, вдохновлено топографией погребальных памятников Фанагории; также оно появляется в издании А.А. Матвеева [*Матвеев* 1884, 39].

[17] Ворота города в России XVIII и XIX вв., вход, прегражденный шлагбаумом, охранялся часовым.

[18] На этом пути проходила также «почтовая дорога», как указывается на более поздних картах.

На плане северного склона горы Митридат, открывающем атлас таблиц «Античной декоративной живописи на юге России», М. И. Ростовцев помещает несколько расписных склепов, которые могли бы стилистически относиться к тому же времени, что и склеп, открытый Ашиком. Мы воспроизвели их примерное расположение на карте Литвиненко, чтобы обозначить географическую близость к интересующему нас погребальному памятнику, который, по всей вероятности, был затерян в 1842 году. Все обозначенные склепы были открыты в период между 1860 и 1890 годами, тогда же, когда профессором Юлианом Кулаковским был открыт расписной склеп Сорака. Этот слеп, докладывает Ростовцев, располагается у подножия «Длинной Скалы», над татарским поселением, в месте, которое «и теперь представляет пустырь» [*Ростовцев* 1913–1914, 244; *Кулаковский* 1896, 16–33]. Выходящий на ту же «Аллею курганов», но немного восточнее, Стасовский склеп, открытый в 1872 году, известен тем, что был найден «недалеко от вышеописанной гробницы Сорака» [*Ростовцев* 1913–1914, 293]. Местонахождение склепа 1873 года также известно и отмечено поблизости от склепа, описанного Стасовым. Это место «бывшее пустырем еще в 1891 г. », по опасениям Ростовцева, вскоре могло оказаться в частной собственности[19]. И если локализация склепа не точна на начало XX века, то нам известно по информации, почерпнутой из «*Отчета за 1875 год*», что склеп 1875 размещался среди курганных насыпей, которые возвышались у подножия «Сахарной головы», неподалеку от известковых печей [*Ростовцев* 1913–1914, 283].

Мы склоняемся, таким образом, обозначить месторасположение склепа 1842 год неподалеку от «Аллеи курганов», поблизости от вышеупомянутых склепов Сорака, Стасовского и склепа 1873 года, более широко, в периметре зоны, исследованной Кондаковым в 1882 году, в сторону запада, где в 1906 году проводил исследования В. В. Шкорпил.

Архитектура склепа.

В своем произведении Ашик не отказывает себе в том, чтобы подчеркнуть и преподнести в лучшем свете свою деятельность в качестве директора Керченского музея: с гордостью он описывает свой длительный опыт в проведении полевых работ, который ему позволил не только установить истинную морфологию исследованных им курганов, но и с точностью определить их местонахождение и место входа в склеп, благодаря оригинальному методу, действенность которого он проверил неоднократно. Начиная с 1834 года, пишет Ашик во вступлении своих «Керченских древностей», в то время как другие археологи оставляли это явление совсем без внимания, он первым обнаруживает влажное пятно, неизменно находящееся у подножия каждого кургана, у их северо-восточного склона, выдавая примерно в метре от поверхности присутствие пронизывающего скалу входного колодца (из ракушечного известняка, уточняет автор), позволяющего выйти к высеченному арочному входу в склеп.

В 1841 году, вероятнее всего осенью, Ашик вновь ведет свои изыскания в этой части курганного некрополя Пантикапея, протянувшейся к западу от «Сахарной головы», включая курганы, возвышающиеся в несколько рядов. Ашик открывает 14 «катакомб»,

[19] Что приведет к его полному разрушению, уверяет М. И. Ростовцев в соответствующем разделе [*Ростовцев* 1913–1914, 227].

которые, однако, не были нетронутыми. Найденное им пятнадцатое подкурганное захоронение представляет наибольший интерес и по своему объему (в нем 2 комнаты), и по наличию великолепной росписи, украшающей стены и потолок.

Однако, как и общая геологическая картина, так и первенство открытия были поставлены под вопрос Юлианом Кулаковским, который в 1896 году в очерке «Две керченские катакомбы с фресками» поспешил внести исправления в рассуждения Ашика. Керченские «катакомбы» были высечены не в скале, а в стратиграфическом слое глинистой почвы, расположенном под пористым известняком, сквозь который и прорыт входной колодец. Что же касается славы первооткрывателя погребальных памятников такого типа, продолжает Кулаковский, то она принадлежит на самом деле Полю Дюбрюксу и Фредерику Дюбуа де Монпере [*Кулаковский* 1896, 1–3].

Терминология, использованная Ашиком, также оспаривается профессором Кулаковским, особенно в принятии термина «катакомбы» относительно Керчи. Специфика использования этого слова, обозначающая почти исключительно христианские подземные погребения в Риме, по мнению автора, запрещает *a priori* его использование в Керчи и требует некоторого объяснения, даже если введённый термин имеет традицию использования и укрепившийся статус в литературе. Таким образом, склеп, открытый в 1842 году, не является ни природной пещерой, как, казалось, подразумевал термин, выбранный Антоном Ашиком – «гробничные пещеры», ни «катакомбой», вырезанной в скале, а погребальным сооружением, устроенном в подземном рыхлом слое и выложенном камнем таким образом, чтобы была возможность нанесения штукатурки, расписных украшений и лепного декора, а также установления основной ниши, предназначенной для положения покойного, и дополнительных ниш.

Погребальная насыпь.

Таблица II в труде Ашика указывает на существование возвышения над склепом, интерпретированного как курган, что означает насыпь антропогенного происхождения, состоящую в основном из земли, и указывающую на захоронение. Ашик отмечает с большой точностью расстояние, отделяющее потолок могилы от вершины кургана, 3.86 метра, что указывает на относительно небольшой размер погребального памятника [*Ашик* 1845, 17]. Однако это впечатление может быть обманчиво: на самом деле велика вероятность, что сам курган был воздвигнут на скалистом выступе, или на его склоне, таким образом, зрительно приподнимая его [*Жиль* 1854, 86].

Возведение курганов на естественных возвышенностях не является чем-то удивительным, и не может быть *a priori* хронологической меткой: скалистый хребет Юз-Оба, протянувшийся на пятнадцать километров от Керчи, покрыт многочисленными курганами, самый древний из которых относится к V в. до нашей эры См. [*Виноградов, Зинько, Смекалова* 2010; *Бутягин, Виноградов* 2014]. Другие известные курганы, например Золотой курган и Куль-Оба, находятся на одиночных скалистых выступах по всей протяженности дороги, ведущей от Керчи в Феодосию [*Гайдукевич* 1981, 6–54; *Виноградов* 2010.1; *Виноградов* 2010]. Оба кургана относятся к периоду между второй половиной V – первой половиной IV столетия до н. э. включительно. Возобновление данной погребальной традиции в первых веках нашей эры может быть истолковано формой сознательной отсылки, начиная с момента восшествия на престол династии Тиберием

Юлиев[20], к признанной эпохе особого престижа и процветания в истории Боспорского царства.

Курганные насыпи часто включали в себя и другие захоронения, встраиваемые позднее, как следует из свидетельства Ашика, который вспоминает, как выкопал в 1835 году стеклянный сосуд, глиняные амфоры и светильники, а также боспорские монеты, чеканенные в конце III века, во времена правления Савромата IV [*Ашик* 1845, 2][21].

Вход в склеп.

Изыскания, завершившиеся в 1842 году открытием расписного склепа, описаны в труде Ашика в главе V (длиною в одну страницу): раскопки кургана были начаты «перпендикулярно его основанию», в месте, где просела почва, и где растительность была более густой. Такой подход оказался подходящим, так как скала, встреченная на глубине менее одного метра, была обработана вручную, и представляла плиту, загораживающую вход в склеп. Надежда открытия нетронутой могилы исчезла, когда плита была отодвинута и стало ясно, что склеп был ранее распечатан, из-за чего произошло осыпание почвы в помещении первой погребальной комнаты. Таблица I схематически восстанавливает колодец и вход в склеп: фасад склепа, похоже, был ровно высечен в скале, проем двери идеально окантован, и к погребальной комнате примыкал маленький входной коридор. Текст Ашика не предлагает дополнительных деталей, что вынуждает в нашем описании воспользоваться скромным графическим материалом, имеющимся в распоряжении.

Форма дверного проема в виде арки, обсуждается позднее при описании окружающих ее фресок [*Ашик* 1845.2, 20]: высота 1, 65 м., что примерно подтверждает масштаб, указанный в таблице III, видимо, часто использующийся в погребальных постройках древнеримского периода, вырезаемых в скалистом грунте, что можно заметить на примере других Пантикапейских склепов (таков склеп Алкимоса, сына Гегесиппа, склеп 1891 года, гробница Анфестерия, а также склеп, открытый Стасовым в 1872 году) или в Нимфее (ряд склепов К 4, 11, 12 и 13, датируемых Н. Л. Грач I–II вв. [*Грач* 1999]). Без сомнения, возведение ряда сводчатых арок являлось имитацией каменных погребальных построек с арочными сводами, чей вход имел идентичные архитектурные характеристики. Нам известны несколько таких сооружений в Римскую эпоху (кроме случаев вторичного использования более древних памятников). Таковым и является курганный склеп, открытый и опубликованный Антоном Ашиком, где вход в погребальную комнату имел арочный свод и был украшен пилястрами[22].

Структура и убранство склепа.

План гробницы в продольном разрезе представляет склеп, состоящий из двух комнат, соединенных арочным проемом. Первая комната почти квадратная (4,26×4,81 м.), с высотою потолка, достигающей 1,90 м. Ашик указывает, что высота второй комнаты

[20] Царь Аспург (14 г. до н. э. – 37 г. н. э.) был первым правителем, получившим титул во времена правления императора Тиберия, и относившим себя напрямую к династии Юлиев-Клавдиев.

[21] Также упоминается Савромат VII, чье царствование автор обсуждает в своем труде [*Ашик* 1848, 112], предшествующий или правящий совместно с Фофорсом. Этого Савромата называют сегодня Савромат IV, и его царствование с уверенностью можно подтвердить лишь 572 годом понтийской эры, что соответствует 275–276 гг. н. э.

[22] Речь идет об известном «склепе Четырнадцати гробов», воздвигнутом в курганном некрополе на северо-востоке Пантикапея. Его датировка точна, благодаря найденному оттиску монеты на погребальном венке, приписывающейся Антонину Пию. Ашик опубликовал план и найденную там вазу [*Ашик* 1848, 49, таб. VI].

была идентичной, а площадь меньшей (3,60×2,96 м.) [*Ашик* 1845.2, 17]. Во всю ширину первой комнаты установлена ниша-лежанка, без сомнения, из каменных плит, наподобие той, которую можно наблюдать в гробнице 1872, описанной Стасовым [23]. Во второй комнате были вырублены две ниши в верхнем ярусе смежной стены [*Ашик* 1845.2, 34, таб. VIII].

Разнообразие внутреннего убранства затрудняет типологическую классификацию расписных склепов из «Аллеи Курганов», основываясь на расположении погребальных лож и ниш. Ростовцев посвятил краткое отступление этому вопросу при рассмотрении архитектурных характеристик гробницы 1872 года [24]. Ниша задней стены предназначалась для трех погребальных лож (одно расположено вдоль стены в глубине, и два примыкают к боковым стенам), как и в склепе 1875. Скорее всего склеп 1842 года был также создан для трех захоронений: кроме погребальной ниши-лежанки в первой комнате, во второй погребальной комнате могли бы поместиться еще два саркофага, там, где в таблицах IX и X показана имитация *opus sectile*, расположенная горизонтально в среднем регистре боковой стены.

М. И. Ростовцев замечает особенность потолка склепа: ровного, с постоянной высотой, закругляющегося над погребальной лежанкой [*Ростовцев* 1913–1914, 349]. Именно в этом хорошо заметном на срезе месте закругления расположены расписные кассеты, установленные в два ряда, служащие переходом между расписной композицией над лежанкой и декором потолка. Повторение идентичных по содержанию, но отличающихся по форме кассет в декоре потолка первой комнаты в Таб. VII, кажется дублированием, которое на самом деле не имело места: всего насчитывается десять кассет [*Ашик* 1845.2, 19][25]. Расписной декор склепов 1872 года (Стасовского) и 1875 года дает ценный материал для сравнения. Потолок склепа 1872 года разделен на четыре сектора, три из которых, а именно тот, который находится над основной нишей-лежанкой и два, находящихся над погребальными лежанками по бокам, представляют собой то же разделение поверхности на кассеты, имитирующие мраморную облицовку [*Ростовцев* 1913–1914, 308, таб. LXXXII]. Плоский потолок коридора, ведущего к склепу 1875 года, также украшен расписными кассетами, имитирующими мрамор, тогда как верхняя часть стен обработана в технике *opus sectile* пестроцветного исполнения [*Ростовцев* 1913–1914, 285, таб. LXXV]. И наконец, арочный свод склепа, открытого на земле, принадлежащей нотариусу Фельдштейну (называемого «склеп Фельдштейна»), вне сомнений, также разделен на расписные кассеты, от которых сохранились только два фрагмента к тому времени, когда Ростовцев принимал участие в раскопках погребального памятника [*Ростовцев* 1913–1914, 265, таб. LXX, 1].

Стены обеих комнат склепа расписаны регулярно изображенными колоннами ионийского типа с гладкими столбами. В первой комнате их изображение отсутствует на двух стенах, а именно на той, где находится вход, а также на той, где располагается погребаль-

[23] Эти «лежанки», как их называет Ростовцев, установлены с двух сторон склепа и покрыты штукатуркой и росписью [*Ростовцев* 1913–1914, 295].

[24] Погребальные лежанки в склепе Стасова, которые Ростовцев определил как возможные прототипы поздней эллинистической эпохи, относятся самое позднее к середине II в. н. э. [*Ростовцев* 1913–1914, 296–298].

[25] В переводе издания А. Барбе приходит к выводу об удвоении декоративного мотива [*Barbet* 2004, 350].

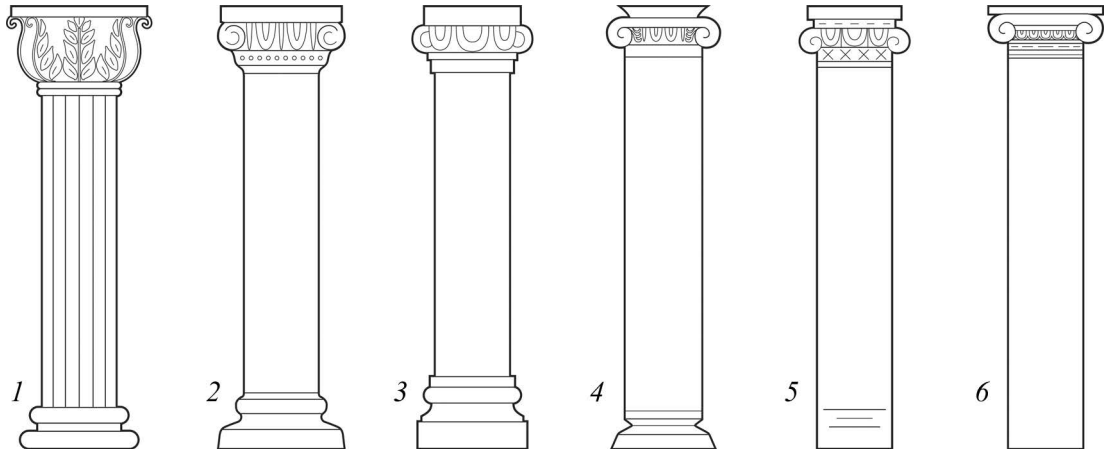


Рис. 3. Расписные колонны из погребальных памятников Керчи.
1 – Керченский саркофаг; *2* – склеп 1872 г. (Стасовский); *3* – склеп 1875 г., *4* – склеп 1954 г.; *5* – склеп Геракла в Анапе; *6* – склеп 1842 г. (Ашик).
Компьютерная графика Д. Глозер

ная лежанка. Во второй комнате на стороне входа насчитывается две колонны, доходящие до середины, где выдолблены две ниши в верхней части стены. Заметим, что на Таб. I в работе Ашика не обозначено присутствие обустройства ниш в толще стен, как и не описывается рельеф колонн. Нужно ли заключить из этого, что колоны были лишь нарисованы? Наличие скульптурного или лепного декора кажется маловероятным в контексте боспорских захоронений. Образцы «колоннад» погребального назначения, которыми мы располагаем, например, на Керченском саркофаге, в склепах 1872 г. (Стасовском), 1875 г., а также в склепе Геракла в Анапе (рис. 3), свидетельствуют в пользу применения исключительно расписных, а не пластичных элементов декора применимо к данному типу архитектурного разделения пространства[26]. Тем не менее, исследования, проводимые на территории сельскохозяйственного поселения Генеральское Западное, расположенного в крымском Приазовье, позволили задокументировать склепы, в которых стены были украшены рельефными пилястрами. Подпорки высотой примерно 80 см. и шириной 40 см. разделяли ниши в виде *arcosolium*, образуя легкий выступ около 5 см[27].

Любопытно, что нарисованные колонны в склепе 1842 года, не имея базы, установлены на цоколь красного цвета высотою 26 см., который обрамляет нижнюю часть стен в обеих погребальных комнатах. Они поддерживают ионийский карниз особого типа, без архитрава и фриза. Ряды заостренных наконечников копий приподняты над четырьмя нарисованными фасциями и обозначают начало потолка, который как бы поддерживается карнизом. В другой комнате карниз представлен иначе, он дополнен рядом лежащих «S», и только одна фасция изображена под потолком.

[26] В тексте Ашика не упоминаются лепные украшения [*Ашик* 1845.2, 22].

[27] Масленников А. А. упоминает два разграбленных склепа с подобным убранством, постройка которых относится к последней трети III в. н. э. [*Масленников* 1997, 5].

Археологический материал.

Находки из склепа 1842 года описаны Ашиком в очень лаконичной манере, о чем сожалеет Ростовцев, сообщая об отсутствии какого-либо списка в отчете, отправленном в Санкт-Петербург. Нам известно, что в обеих комнатах были найдены керамические черепки и осколки стекла [*Ашик* 1845.2, 17; *Ростовцев* 1913–1914, 349]. Нет никаких упоминаний о нахождении скелетов или деревянных саркофагов. Внимание директора музея было в основном направлено на драгоценные предметы, которые он мог бы представить Императору: поэтому Ашик с сожалением сообщает о предшествующем разграблении склепа, в котором могли бы находиться, кроме настенной живописи, «значительные приобретения древностей».

Издание результатов.

В преддверии публикации обстоятельного иллюстрированного труда, посвященного расписному склепу, открытому в 1842 году, Ашик написал небольшую статью, кратко озаглавленную «Керченские катакомбы», появившуюся в Санкт-Петербурге в подписке Журнала Министерства внутренних дел за 1845 год [*Ашик* 1845.1]. Автор представляет себя в выгодном свете опытным полевиком, уверяя, что применил оригинальный метод для нахождения склепа под курганом. Открыв таким образом множество погребений, скрытых в землях Керчи, Ашик описывает их как настоящую сеть захоронений, наподобие «погребальных пещер», найденных ранее в Этрурии. Погребальные памятники юга России сравнимы с памятниками Италии – идея, которую предлагает текст, наполненный ссылками на этрусские *grotti*, открытые недалеко от Тарквинии[28].

Открытие склепа 1842 года вызвало, однако, недоверие ученых из Италии и Германии, которым Ашик показывал рисунки росписей во время своего путешествия по Западной Европе. Тем не менее, с тех пор к такому типу настенной живописи был прикреплен «Полугреческий, полуэтрусский» стиль, и палитру цветов, описанную в Керчи снова сопоставляли с росписями в склепах, открытых в Тарквинии, что должно было бы укрепить читателя из российской столицы в ощущении, что завоевания у Оттоманской империи в конце XVIII века привели к обретению значимого культурного наследия, наравне с Италией и Грецией [*Ашик* 1845.1, 407].

Появление данного текста, представленного как отрывок труда, посвященного катакомбам Керчи, предвосхищало выход основного произведения Ашика, и имело целью возбудить любопытство и привлечь внимание к столь лестным выводам потенциальных читателей, интересующихся проводимыми в Керчи раскопками.

«Керченские древности. О расписной катакомбе из Пантикапея».

Несмотря на то, что написанный Ашиком труд посвящен Михаилу Воронцову, генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, получившему в 1845 году титул князя[29],

[28] В статье, озаглавленной «Открытие Этрусков в начале XIX столетия», Жак Эргон перечисляет неожиданные открытия, сделанные между 1827 и 1833, самых красивых расписных склепов Корнето Тарквинии, знаменитых *grotti*: «И совершенно точно, в течение не более шести лет откроется десяток самых красивых склепов. В 1827 году Морской склеп, склеп Надписей, склеп Барона, склеп Колесниц; в 1830 году склеп Триклиниума, в 1831 году склеп Querciola, в 1832 склеп Покойного и склеп Тифона; в 1833 склеп Юстиниана и склеп Черной свиньи». [Heurgon 1973, 595].

[29] Воронцову был пожалован титул князя после взятия аула Дарго, ставки военного предводителя Шамиля, в 1845 году.

его издание было выполнено за собственный счет автора. Согласованные вложения значительно превосходили финансовые средства в распоряжении директора Керенского музея, о чем свидетельствует регулярная переписка с Санкт-Петербургом. Так как средства, полученные по подписке, оказались недостаточными для выпуска печатных экземпляров, рентабельность предприятия была поставлена под вопрос[30].

Отсрочили ли эти неблагоприятные обстоятельства выпуск в печать труда Ашика? Ведь его труд не был распространен сразу после его появления в 1845 году[31]. Приписывать ли эту задержку обстоятельствам технического характера – относительно длительный срок между подачей рукописи и его публикацией – или наличию какой-то недоговоренности с типографией, мы лишь заметим, что первая рецензия к этому труду появилась из под пера Бернхарда фон Кёне в июне 1847 года, а корреспонденты Ашика упоминают его не ранее мая того же года[32].

Структура произведения.

Труд длиною в 40 страниц разделен на семь глав; он представлен вступлением в 3 страницы, и в завершении имеет 4 страницы заключения, а также снабжен 12 черно-белыми таблицами, собранными в конце работы. М. И. Ростовцев впоследствии замечал, что большинство экземпляров, имеющихся в продаже, не снабжены цветными иллюстрациями [*Ростовцев* 1913–1914, 349] [33].

Вступление. Ашик выбирает роль «антиквара», чье «мнение», хоть и не безупречно, основано, тем не менее, на критической точке зрения, принимающей во внимание как имеющиеся данные, так и современный сравнительный материал. Директор Керченского музея ссылается на работы и авторитет таких ученых как Иоган Винкельман, итальянских этрускологов Луиджи Ланци, Марио Гварначчи и Антона Ф. Гори, а также на эмблематичного графа Де Келюс, автора внушительного труда «Собрание египетских, этрусских, греческих и римских древностей», видимо, с целью придать налет эрудированности – что и станет причиной упреков в его адрес, в том числе от Ростовцева, который упоминает о «налете эрудированности» автора [*Ростовцев* 1913–1914, 7][34].

Заключая в себе едва скрываемое обращение, предназначенное градоначальнику Керчи-Еникале, генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии, а также ученым кругам Санкт-Петербурга, выступающим в поддержку «исторического богатства», которое

[30] В работе не упоминается тираж выпуска, но вероятнее всего было отпечатано максимум 300 экземпляров, учитывая, что Б. Фон Кёне предложил автору выпустить отрывок на французском языке в количестве 150, или даже 200 экземпляров (письмо от 21. 05. 1849, сохранившееся в ИРЛИ, Ф. 615, ед. хр. 14, лист 5–6 (оборотная сторона)).

[31] Печать рукописи была поручена типографии А. Брауна в Одессе. На обложке указан 1845 год. Печать трех томов, составляющих следующий труд Антона Ашика «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами», будет поручена типографии «Нейман и Ко» в Одессе.

[32] См. рецензию Б. Фон Кёне [*Кёне* 1847, 26–31]. В письме, от 2 мая 1847 года (опубликованном в «Известиях Императорского Русского Археологического Общества», 8, вып. 5, 1877, столб. 555), Григорий Спасский благодарит Ашика за подаренный труд.

[33] «[…] во всяком случае, в ряде поступивших в продажу экземпляров (но далеко не во всех) таблицы раскрашены от руки».

[34] «Более поверхностны отчеты Ашика, в которых он старался блеснуть своею призрачною ученостью; их очень скрашивают иногда очень хорошие рисунки его помощника, «скульптора и рисовальщика при Керченском музее Древностей» Бегичева…».

таят в себе земли Крыма, Кавказа и провинций Новороссии, труд, посвященный «катакомбам» Керчи и склепу 1842 года, должен был показать и прославить древности, которыми изобилует Керчь и ее регион, поднять престиж Пантикапея и Фанагории, таким образом, предоставляя возможность соперничать с открытиями, сделанными в Италии. В ожидании по окончании раскопок крупных открытий, сравнимых с большими ансамблями древних развалин в Риме, Ашик предлагает изучить найденную «катакомбу с фресками».

Глава I «О древних языческих катакомбах вообще». Кроме нескольких незначительных изменений, опубликованный текст этой главы в точности воспроизводит статью, появившуюся ранее в Журнале Министерства внутренних дел. Ашик красочно представляет посещаемые им склепы, порою ступая на скользкую дорогу сенсаций, вроде упоминания «таинственного ужаса». Несомненно, этот опыт, окутанный неким мистицизмом, был уделом тех самых «антикваров», к которым себя причислял автор[35]. И если он несправедливо выставляет себя первооткрывателем керченских катакомб, он, тем не менее, получает от начальства разрешение на консультирование с итальянскими и немецкими учеными и возможность показать им рисунки, воспроизводящие декоративную роспись склепа. Атрибуция живописного стиля как «греческого», и отнесение расписного памятника хронологически к «началу нашей эры», как и интерес к использованным в росписи цветам и верности их воспроизведения на выполненной копии рисунков, названной Ашиком *fac simile*, отражают озабоченность научного сообщества того времени к классификации.

Глава II «О римских христианских катакомбах». Безотносительно к керченскому склепу, в этой главе описано предпринятое Ашиком путешествие в Рим, представлены его общие впечатления от христианских катакомб и Колизея, пропитанные восхищением и почитанием путешественника с русского юга. Автор хочет показаться «знатоком» римских катакомб и их исследователей, таких как Дезирэ Рауль-Рошетт, чье произведение по этой теме он цитирует[36].

Глава III «Очерк живописи древних». Несмотря на претенциозный заголовок, в этой главе длиною в 2 страницы автор пытается вернуть славу древней декоративной живописи в ходе достаточно нескладного повествования. Античная декоративная живопись достигла совершенства сравнимого со скульптурой, что демонстрируют склеп Назонов в Риме и Дом фавна в Помпеях, раскопанных между 1830 и 1832 годами. Ашик затрагивает вразнобой расписные памятники, которые он, видимо, посещал, однако без разбора их места в истории искусства декоративной живописи. В заключении он обращается к отрывку из Плиния Старшего, для которого упадок этого вида искусства происходит во времена Августа. Керченские катакомбы, замечает автор, полностью вписываются в данный период, что подтверждается находками монет. Росписи склепа, открытого в 1842 году, датируются даже более точно эпохой Антонинов, когда настенная живопись уже переживает свой закат.

[35] Также чуть ниже на той же странице мы находим характерное для антикваров романтизированное ощущение «веяния крыльев бессмертного духа жизни».

[36] Несомненно, это «Таблица катакомб Рима», появившаяся в 1837 году в издательстве Bibliothèque universelle de la jeunesse в Париже [*Rochette* 1837].

Глава IV «О разных изображениях на древних гробницах и памятниках». С длительным вступлением, предваряющим описание склепа и его росписей, эта глава опирается на «универсальные» рассуждения, вдохновленные трудами о древностях предшествующего века, видимо, чтобы избавиться от хлопот, связанных с малым количеством расписных погребальных памятников, известных автору. Ашик придерживается идеи поступательного наследия античных цивилизаций в процессе, обеспечивающем логически следующее превосходство христианства, историческое и моральное, над языческими сообществами[37]. Древнеримская религия, таким образом, включала множественные элементы других культур, что может быть показано, по мнению Ашика, на примере царства Боспора Киммерийкого, где была найдена надпись с именем царицы Комосарии, упоминающая восточные божества[38]. В какой-то степени, совсем не казалось странным, что склеп 1842 года имел черты египетской религии, отраженные в росписи (Ашик не развивает эту мысль более подробно!). Древности, которые Ашик находит в археологическом музее в Перудже, также служат ему материалом для сравнения нескольких сцен, изображенных на стенах Керченского склепа. Так, рисунки, украшающие урны с прахом, и росписи этрусских склепов со сценами охоты, битвы, музыкальных представлений, находят отражение в настенных росписях керченского склепа. Похожие сравнения, какими бы разношерстными они ни казались, видимо, находят подтверждение в попытке обобщения в работе известного немецкого филолога Ф. Крейцера «Символика и мифология древних народов»[39].

Глава V «Описание катакомбы» и глава VI «Описание фресок». Эти две главы являются центральными в труде Ашика, так как они приводят основные комментарии и описание таблиц, описывая для одной из них размеры и архитектурные характеристики погребального памятника, для другой – состав и цвета декоративных росписей.

Глава VII «Изъяснения рисунков первой и второй комнат». Интерпретационная часть в работе Ашика свидетельствует об искреннем интересе автора к греко-римским древностям. Однако ее содержание является достаточно уязвимым к критике из-за присущего автору дилетантства, даже некой наивности, касающихся вопросов эрудиции. Так, сравнения с современным миром на примере традиций Кавказа или приготовлений французской кухни могут привести читателя в смущение. Тем не менее, попытки Ашика определить, кем мог являться погребенный и его спутница, являют доказательство предпринятых усилий, направленных на понимание живописной композиции. Понятие «символ» появляется несколько раз (применимо к изображению элементов растительности), что показывает чувствительность автора к вопросам иконографии[40]. Современная автору литература – а именно работы плодотворно пишущего Эннио Квирино

[37] Такое направление в видении древней истории, группирующей «великие цивилизации» средиземноморского бассейна, следует за каноническим трудом графа де Келюса.

[38] Санерг и Астарта, божества, которым царица посвящает группу статуй, что следует из надписи, сделанной на пьедестале, найденных на берегу Ахтанизовского лимана, на Таманском полуострове (КБН *N*°1015).

[39] Переведенный на французский язык в 1821 году труд Крейцера «Symbolik und Mythologie der alten Volker, besonders der Griechen», выпущенный в Лейпциге/Дармштадт в 1810–1812 гг. [*Creuzer* 1810–1812], в свое время имел большое значение, а также вызвал множество противоречивых дискуссий.

[40] Но также приводят к непоследовательности. Так, Ашик интерпретирует круги, нарисованные на потолке как изображения луны и солнца, тогда как, несомненно, там изображены венки.

Висконти – как и древние тексты (часто упомянутые вразнобой), к которым обращается автор, служат ему опорой для рассуждений. Росписи из гробницы Назонов в Риме имеют важное значение, благодаря цветным репродукциям, опубликованным Дж. П. Беллори и П. С. Бартоли [*Burlot* 2007]. Ашик опирается на схожесть в изображении похищения Персефоны, находящемся в склепе 1842 года, и определяет дионисийские атрибуты в росписях этих двух подземных погребений.

Заключение. Вопреки ожиданиям, заключительная часть труда никак не связана с погребальным памятником, открытым в 1842 году! Антон Ашик приводит свой очерк о керченских древностях, который был доверен для публикации Ф. Жилю в рамках издательских работ в Санкт-Петербурге[41]. Далее он возвращается к надписи, упоминающей Комосарию, уникальному памятнику, который демонстрирует впервые, уточняет автор, титулатуру царей Боспора Киммерийского. Это последнее рассуждение приводит автора к рассмотрению этнического состава царства, а также позволяет наметить свои идеи об отношениях между синдско-меотскими племенами и властью правителя, который одновременно являлся главой эллинского государства.

Снятие копии росписей.

В своем труде, посвященном склепу 1842 года, Антон Ашик вновь подчеркивает значимость открытых им росписей. Он пишет, что незамедлительно произвел «настоящий *fac simile*» с помощью Стефанского, рисовальщика на службе Керченского музея[42]. Процесс копирования росписи длился три дня, что кажется слишком малым временем, учитывая объем и техническую сложность задачи. Несмотря на настойчивость Ашика, с которой он заявляет о скрупулезности выполнения «в самых мелких деталях», рисунки, сделанные в склепе, должны рассматриваться с долей недоверия: мог ли директор музея зафиксировать росписи с достаточной точностью в столь краткий отрезок времени, учитывая их значительное количество и относительную сложность. Были ли рисунки осуществлены в реальном масштабе, используя технику кальки – это ли подразумевается под термином «*fac simile*»? Насколько Стефанский был полностью вовлечен в выполнение данной работы?

Нам неизвестна изначально выбранная процедура копирования и ее результат, как и нет данных о том, была ли данная копия использована при выполнении цветных рисунков к описаниям фресок, опубликованных в издании 1845 года. Степень участия Стефанского также еще должна быть определена и количественно оценена. Тем не менее, именно Стефанскому М. И. Ростовцев приписывает авторство раскрашенных рисунков склепа, которые должны были послужить основой для Ашика при редактировании публикации [*Ростовцев* 1913–1914, 350]. Как оценить данное утверждение ученого? На самом деле в тексте упоминается репродукция росписи, осуществленная в легко переносимом формате. Антон Ашик заявляет, что показывал рисунки склепа многим археологам в Германии и Италии [*Ашик* 1845.2, 3]. Исходя из этих данных, нам, как и Ростовцеву, стало ясно, что репродукции изображений склепа 1842 года были взяты Аши-

[41] Этот издательский проект был завершен в 1854 году с появлением в Санкт-Петербурге знаменитых «Древностей Боспора Киммерийского», в который, в конечном счете, не была включена рукопись Ашика.

[42] Труд, появившийся в Одессе, «Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками», (а именно глава I, стр. 1–4) повторяет слово в слово содержание статьи «Керченские катакомбы», вышедшей в Журнале Министерства внутренних дел.

ком в путешествие в Австрию и Италию, куда ученый отправился с целью научного обмена и ознакомления с наследием античности. Таким образом, кажется вероятным, что рисунки издания 1845 года были им представлены во время этого путешествия, и что они были сняты с того самого «*fac simile*», следы которого затерялись.

Со слов Ашика известно, что состояние росписи, описываемой им как «очень свежа и нигде не повреждена», очень быстро ухудшилось. На следующий день после открытия погребального комплекса были видны первые следы разрушения штукатурки и слоя живописи, что несомненно повлияло на процесс фиксации изображений, а также на качество репродукций [*Ашик* 1845.2, 4]. Цветовая палитра, которую составил Антон Ашик в момент открытия склепа (гамма, включающая белый, черный, красный, желтый, синий, зеленый и серый цвета) должна убедить в важности керченского погребального памятника, а также обоснованность предпринимаемых усилий.

Если М. И. Ростовцев сомневался в качестве рисунков, опубликованных Антоном Ашиком в 1845 году, не обращая никакого внимания на описания, которые он полагал недостоверными (Ашик не описывал склеп и его росписи на месте, а пользовался срисованными копиями), он все же относился с доверием к указаниям по цвету, сделанными директором музея. Он пытался также найти несколько цветных экземпляров данного труда для проверки качества и сходства в передаче цвета: «Копии Стефанского сделаны были в красках; во всяком случае, в ряде поступивших в продажу экземпляров (но далеко не во всех) таблицы раскрашены от руки, везде более или менее одинаково. По одному из таких раскрашенных экземпляров я и описываю гробницу и воспроизвожу отдельные сцены на таблицах.» [*Ростовцев* 1913–1914, 349].

Как могло произойти, что атлас таблиц в «Античной декоративной живописи на юге России» не содержал репродукции раскрашенных рисунков? Какова бы ни была причина, намеренная или вынужденная в силу ограничивающих обстоятельств (технических или финансовых), раскрашенные рисунки склепа, открытого Ашиком в 1842 году, оставались неизвестными научному сообществу до сегодняшнего дня. Мы нашли два экземпляра, хранящиеся в библиотеках известных российских музеев.

Цветные издания

Издание Российского этнографического музея.

Находка цветного издания труда Ашика в библиотеке Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге явилась результатом поисков, предложенных Вячеславом Шкорпилом в письме от 1913 года, адресованном М. И. Ростовцеву, которое мы предлагаем ниже:

«Дорогой Михаил Иванович!

Посылаю корректуру. Недавно был здесь в Керчи Н. И. Репников и говорил, что у него имеется экземпляр с Ашика «О пантик. катакомбе, украшенной фресками», в котором рисунки раскрашены. По роскошному переплёту книги Р. можно судить, что этот экземпляр был предназначен для какого-то важного лица и что, м. б., был раскрашен Стефанским в самой катакомбе.»[43].

[43] См. Архив Российской Академии Наук, Санкт-петербургский филиал, Ф. 1054 (Ростовцев), оп. 1, ед. хр. 18 – письмо Шкорпила М. И. Ростовцеву.



Рис. 4. Портрет Николая Ивановича Репникова по фотографии 1907 г., хранящейся в Научном архиве Института истории материальной культуры (№ Q.455.62)

Полностью поглощенный написанием своего труда об античной декоративной живописи на юге России, Ростовцев, видимо, искал возможность получить цветное издание труда Ашика, которое было ему необходимо для редактирования соответствующей главы. Таким образом, мы можем сделать вывод, что ученый располагал необходимым материалом за несколько месяцев до сдачи манускрипта в типографию. Действительно, он уточняет в своем труде, что держал в руках несколько раскрашенных изданий, на которые он опирался в своей главе с целью сверить цветовое соответствие [*Ростовцев* 1913–1914, 349].

Так кто же этот Репников, которого упоминает Вячеслав Шкорпил (рис. 4)? Археолог с многосторонними интересами, Николай Иванович Репников (1882–1940) прекрасно знал юг России, и в том числе Крым. Он многие годы исследовал эту местность, что позволило ему описать как археологическое наследие, так и обычаи и традиции местных народов. Он, среди прочего, известен тем, что открыл готский некрополь Суук-Су, а также принимал участие в раскопках некрополя в Ольвии под руководством Бориса Фармаковского. Николай Репников уже обладал значительным опытом полевых исследований, когда он инициировал археологические раскопки палеовизантийской базилики у подножия горы Аю-Даг в Партените в 1907–1908 годах. Он был нанят в 1909 году отделом этнографии Русского музея, который впоследствии будет преобразован в Российский этнографический музей, для которого он участвует в раскопках Старой Ладоги, затем Новгорода, выбрав изучение деревянного наследия Древней Руси, включая иконописную живопись и расписные ансамбли церквей [*Бернштам, Бибиков* 1941*; Равдоникас* 1948*, Длужневская, Медведева, Платонова, Мусин* 2009, 871].

В библиотеке Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, в «фонде Репникова», насчитывающем 450 единиц хранения, не имеется ни одного труда, опубликованного Ашиком. Однако насыщенный профессиональный путь Репникова, оправдывал попытку узнать о возможном существовании цветного экземпляра в другом месте. Потребовалось установить еще одну библиотеку, где могла бы находиться часть коллекции археолога, включающая желанный труд, о котором упоминал Шкорпил. Наша интуитивная догадка подтвердилась во время пребывания

в Санкт-Петербурге: действительно, «фонд Репникова» существует в библиотеке Российского этнографического музея! К тому же, данный фонд включал все публикации Антона Ашика, включая вырезки статей, вышедших в Журнале Министерства внутренних дел.

Среди этих произведений фигурирует цветной экземпляр «Керченских древностей» со стоящей на нем библиотечной печатью Русского музея Александра III[44]! Несмотря на то, что издание не имело каких-либо пометок, позволяющих определить первоначального владельца, экземпляр из Российского этнографического музея, несомненно, предназначался высокопоставленной особе, может быть таинственному барону, которому было адресовано письмо, вложенной в первую часть «Воспорского царства». К тому же, собранные в одном месте вырезки из журналов и труды автора дают ощущение не только единства коллекции, но также тесных отношений между их владельцем и Антоном Ашиком, что подтверждает наличие частного письма, найденного в одной из книг[45].

Для воспроизведения в данной статье мы выбрали цветные таблицы из «Керченских древностей», находящихся в библиотеке Российского этнографического музея.

Издание из Ярославского художественного музея.

По случаю столетия со дня рождения Виктора Владимировича Ашика, внука Антона Бальтазаровича, в трех городах России была впервые организована ретроспектива его коллекции искусства. В Санкт-Петербурге она проходила во Дворце Румянцева на Английской набережной, в течение нескольких недель зимою 2005–2006 года. Хоть и не включавший в себя никаких предметов древности, каталог выставки позволил нам найти одного из потомков Антона Ашика, оказавшегося, к тому же, увлеченным коллекционером, что предсказывало благоприятный поворот в направлении наших поисков цветных экземпляров «Керченских древностей»[46]. Коллекция Виктора Владимировича, приобретенная частями Ярославским художественным музеем, хранилась и выставлялась в этом городе, входящим в Золотое кольцо России, в 300 км на северо-востоке от Москвы. Осенью 2018, спустя 12 лет, нам была предоставлена возможность изучить наследие семьи Ашиков.

Начиная с 1985 года Ярославский художественный музей приобретал коллекции, собранные двумя поколениями семьи Ашиков, чей последний представитель, Виктор Владимирович, заслуженный инженер и профессор Ленинградского Судостроительного Института, создал в своей трехкомнатной квартире что-то вроде «музея повседневной

[44] Его шрифт I. D. 226. Мы благодарим Валентину Владимировну Гавришину, научную сотрудницу Российского этнографического музея за любезно предоставленную помощь, а также Наталью Николаевну Прокофьеву, главного хранителя, за разрешение проводить поиски в музее.

[45] На данном этапе нашего исследования порядок приобретения трудов А. Б. Ашика, хранящихся в библиотеке музея, не совсем ясен. Мы предполагаем, что все они были приобретены Н. И. Репниковым, который после их передал, либо продал, этнографическому отделу Русского музея.

[46] После Москвы и Ярославля, выставка, посвященная в основном акварелям и рисункам из коллекции В. В. Ашика, проходила в ноябре 2005 и январе 2006 года в Санкт-Петербурге в нескольких залах дворца, построенного графом Румянцевым, филиале Музея Истории Санкт-Петербурга. Мы благодарны Ирине Владимировне Тункиной, директору Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии Наук, за идею посетить данную выставку. Каталог выставки, посвященный коллекциям Ярославского художественного музея, вышел в серии «Шедевры музейных коллекций», опубликованной Школой акварели Сергея Андрияки в Москве.



Рис. 5. Портрет-силуэт Антона Бальтазаровича Ашика. Восточно-Крымский ИКМЗ (№ Ф.1849)

жизни русской аристократии конца XVIII – начала XX в.»[47]. Неожиданное пополнение коллекции этим уникальным собранием, включающим в себя 8000 книг и предметов семейного архива, в одно мгновенье удвоило запасники музея Ярославля.

К сожалению, мало что сохранилось в семейном архиве в память об Антоне Бальтазаровиче (несмотря на то, что там имеются документы, датируемые с 1799 по 1980 гг.): силуэтный портрет, подаренный в 1960 г. Виктором Владимировичем Историко-Культурному Музею Керчи (рис. 5) [*Лазенкова* 2003, 20, прим. 68][48], а также фотопортрет его жены Анны Александровны[49]. В основном, содержание семейного архива отражает жизненный путь Виктора Владимировича и его отца. Начинанию последнего мы обязаны появлением художественной коллекции, отражающей его многосторонние интересы. Известно, что Антон Бальтазарович заложил основу семейной коллекции, большую часть которой он подарил возглавляемому им Керченскому музею. Его коллекция древних монет пополнила отдел нумизматики, а личные книги составили основу библиотеки недавно образованного музея. Библиотека, приобретенная музеем Ярославля, включала всего одну книгу, приобретенную Антоном Ашиком: альбом гравюр Федора Петровича Толстого, датируемый первой половиной XIX века[50].

Таким образом, в Ярославле не было оставлено никакого следа, по которому можно было бы найти книги, написанные и опубликованные Антоном Бальтазаровичем? В библиотеке его внука находился – счастливое открытие – экземпляр «Керченских древностей» в цветном варианте[51]. Однако, на нем не было указано ни надписи, ни имени владельца. Скорее всего, это не был личный экземпляр автора, и на нем отсутствовал экслибрис. Дру-

[47] См. по этому поводу вступление Юрова Л.Л. и статью Коновалова Н.О. «Ашики – династия коллекционеров», а также свидетельства В.К. Корченова, связанного дружбой с В.В. Ашиком.

[48] Мы благодарны Наталье Владимировне Быковской, заместителю директора Историко-культурного музея-заповедника в г. Керчи за ценное сотрудничество.

[49] Фотография Анны Александровны Ашик, с дарственной надписью ее сыну Владимиру [*Журова* 2006, 120, N°422] (= Научный архив Ярославского художественного музея, Ф. 50, оп. 1, Д. 222/47).

[50] Речь идет об альбоме гравюр, сопровождавших стихи И.Ф. Богдановича «Душенька», который был указан в музейной коллекции под инвентарным номером РГ-1999–2061.

[51] Произведение под инвентарным номером Р 16083. Мы благодарим Татьяну Альбертовну Лебедеву, главного хранителя, а также Наталью Всеволодовну Смолину, библиотекаря, которые помогли нам ознакомиться с «Наследием Ашика», бережно хранящимся в музее Ярославля.

гое произведение авторства Антона Бальтазаровича «Воспорское царство» было приобретено у букиниста, как было указано на внутренней стороне обложки, с экслибрисом известного антиквара (рис. 6)[52]. Василий Иванович Клочков (1861–1915) был владельцем очень ценимого знатоками букинистического магазина в Санкт-Петербурге, где легко можно было встретить как известных антикваров, так и знаменитых писателей. Он регулярно публиковал каталоги, предназначавшиеся библиофилам, а также перепродавал библиотеки аристократов, к примеру, князя Семена Михайловича Воронцова (1823–1882), единственного потомка князя Михайловича Семеновича Воронцова по мужской линии, унаследовавшего одну из его библиотек. Данный экземпляр был, похоже, куплен у Клочкова Владимиром Антоновичем Ашиком, как, вероятно, указывает дата (1904), помеченная карандашом.



Рис. 6. Экслибрис букиниста Василия Ивановича Клочкова, Санкт-Петербург. Ярославский художественный музей

Владимир Антонович Ашик (1843–1917) продолжил дело своего отца, унаследовав страсть к коллекционированию книг, имеющих художественное значение, и монет. Но, видимо, он должен был начать собирать свою собственную коллекцию почти с нуля: вероятнее всего, личная библиотека Антона Бальтазаровича была распродана после его смерти, как и его научный и личный архивы. Его сын Владимир достаточно быстро начал накапливать гравюры, монеты и медали, приобрел множество редких книг и специализированных изданий, что ему позволяло положение финансового инспектора в администрации управления железных дорог. После его смерти коллекция перешла в руки его сына Николая, а затем к его младшему сыну Виктору Владимировичу (1905–1985). Последний увеличил нумизматическую коллекцию своего отца в два раза, реорганизовал библиотеку, в соответствии со своими вкусами и интересами – кроме произведений, посвященных русскому изобразительному искусству в период с XIX века по первую половину XX века, Виктор Владимирович также приобрел множество редких изданий. Однако «коллекция Ашика» в первую очередь известна своими многочисленными картинами и графическими произведениями, относящимися к XVIII – первой половине XIX века.

[52] Данное произведение указано под инвентарным номером Р 28164; автором экслибриса является иллюстратор, график и акварелист Сергей Соломко.

От подсвечника к акварели

Качество акварельных рисунков.

М. И. Ростовцев верно подметил: лишь ограниченное количество экземпляров произведения имело раскрашенные таблицы. Такая обработка предполагает осторожную и требующую время работу с материалом, что значительно увеличивает как стоимость, так и художественную ценность произведения. По этой причине Ашик реализовал всего несколько цветных копий своего издания, предназначенных, несомненно, его покровителям, либо нескольким ученым и аристократам, чье внимание он хотел бы привлечь.

Два экземпляра «Керченских древностей», копии которых мы смогли заказать (экземпляр, находящийся в Санкт-Петербурге, был сфотографирован, а из Ярославля – отсканирован) по всем критериям имеют великолепную степень сохранности. И хотя цифровое копирование таблиц производилось без использования шкалы оценки цвета (инструмента, используемого профессионалами для сравнения оттенков и тональных значений репродукции и оригинала), нам кажется вполне убедительной степень качества обработки и устойчивости красок, использованных в таблицах, раскрашенных вручную.

Воспроизведенная на целой странице для возможности сравнения (рис. 7), таблица IV в экземплярах из Санкт-Петербурга и Ярославля представляет собой стену первой комнаты склепа, на которой изображено погребальное ложе. На ней, можно предположить с большой долей уверенности, нарисован умерший, изображенный в положении лежа, одетый в ярко-красную тунику, с виноградной гроздью в руке. Сцена конной битвы, часто обсуждаемая в литературе, занимает место на выступающей части лежанки, тогда как кассеты, расположенные над линией виноградной лозы, вписаны в изгиб свода. Лишь в этих последних деталях глаз различает некоторую разницу в насыщенности красок: красный цвет фруктов и цветов, вписанных в кассеты, потускнел в Санкт-Петербургском экземпляре, и зеленый цвет виноградной лозы также выглядит менее насыщенным в сравнении с изданием из Ярославля.[53] Но если судить в целом, две таблицы идентичны, и акварельные оттенки воспроизведены схоже, подтверждая, несомненно, впечатления, описанные М. И. Ростовцевым.

Палитра и «цветовой круг».

Когда Антон Ашик проник внутрь склепа, он был поражен великолепием росписи и сохранившейся интенсивностью красок. Он записывает наличие белого, черного, красного, желтого, синего, зеленого и серого цветов на стенах обеих погребальных комнат. С целью проверить точность соответствия хроматической палитры в описании с раскрашенными акварелью таблицами в работе Ашика, мы выбрали три из них, которые нам кажутся особенно знаковыми с точки зрения сюжетного нарратива, разворачивающегося на стенах склепа (рис. 8). Все три воспроизводят росписи стен первой погребальной комнаты: первая – композицию, находящуюся у входа в склеп, на которой изображена знаменитая погребальная процессия *pompa funebris*; другая – непосредственно соседнюю роспись, помещенную на погребальную лежанку; и, наконец, третья, напротив умершего – сюжетную последовательность, разделенную на три части, рассказывающую миф о похищении Персефоны.

[53] Такое расхождение, для нас относительно менее важное, может быть объяснено настройками используемых для воспроизведения материала фотоаппарата и сканнера.

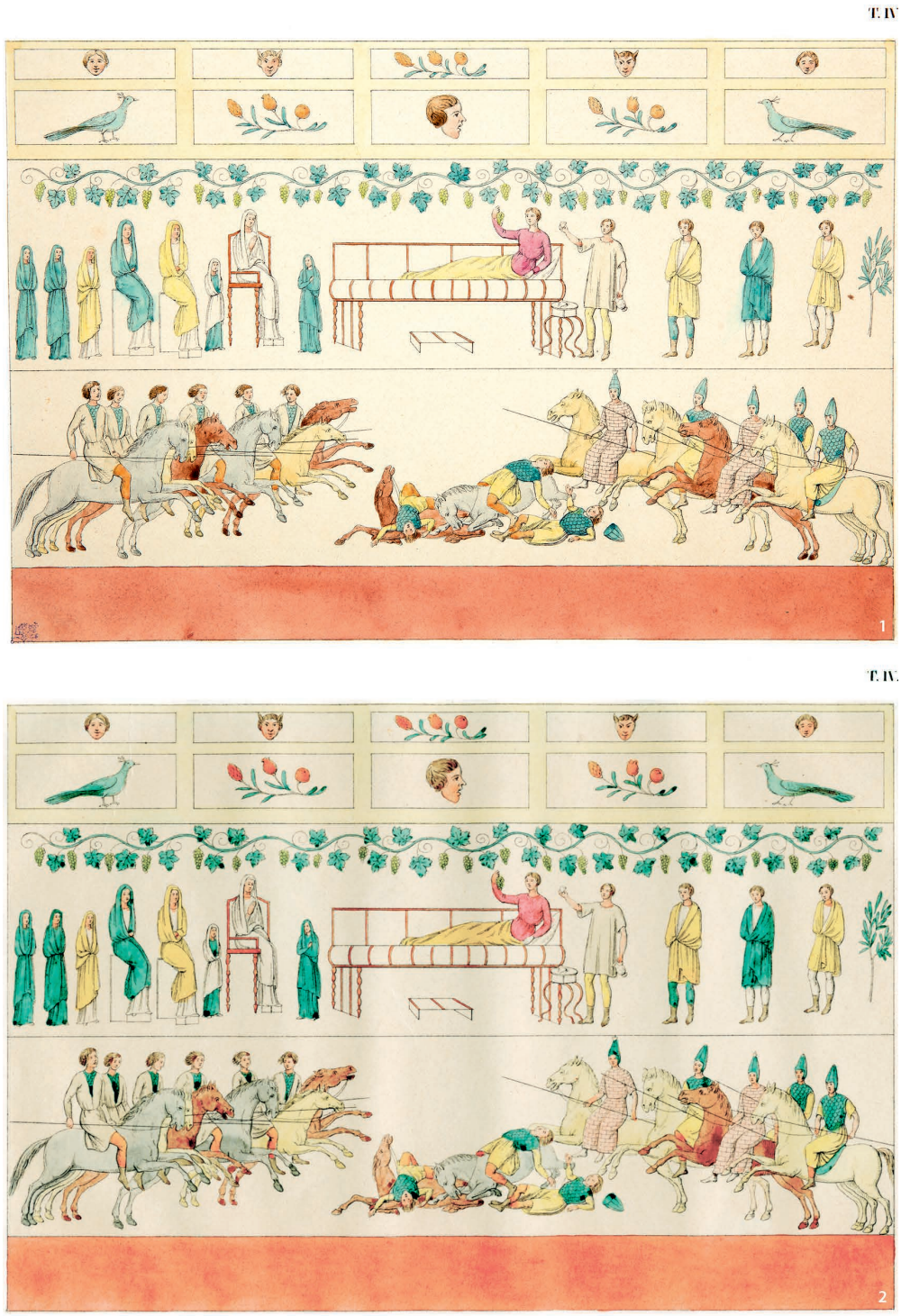


Рис. 7. Изображение таблицы IV [Ашик А. Б. 1845.2].
Сверху – цветное издание из Санкт-Петербурга; снизу – цветное издание из Ярославля. Компьютерная графика Д. Глозер















Рис. 8. Три цветные таблицы из Санкт-Петербургского издания (III, IV и V) и подборка соответствующих цветов. Компьютерная графика Д. Глозер

По нашей просьбе, художник-график произвел выборку используемых оттенков цветов в акварельных рисунках, приложив цветовой круг напротив каждой выбранной таблицы[54]. Результаты данного цветового сравнения не должны рассматриваться буквально: это позволяет, в первую очередь, иметь в распоряжении визуальное средство, помогающее оценить цветовую амплитуду, используемую при раскрашивании, и проверить соответствие словам Ашика. Более того, в описании таблиц содержатся указания на цвета, которые предполагают использование смешанных пигментов, например оранжевая туника служанки (на таблице VI), розовый пеплум женщины (там же), а также сиреневые одежды другого женского персонажа (на таблице XI). Цветовое поле палитры, заявленной в начале труда Ашика, расширяется в ходе его описания. Также в ходе анализа при помощи цветового круга мы замечаем, если не принимать во внимание белый цвет, включенный Ашиком, цветовая гамма расписанных стен значительно превышает описанные 6 цветов: в первой таблице мы можем определить 9, а для двух других даже 11 цветов.

Что мы можем извлечь из этих первичных наблюдений? Какими бы предварительными и относительными ни показались данные, эта информация открывает перспективу для уточнения и последующего сравнения с другими дошедшими до нас в хорошем состоянии сохранности боспорскими склепами римской эпохи (в первую очередь мы вспоминаем анализ пигментов, проведенный в склепе 1891). Цветные копии рисунков из других склепов, открытых в Керчи, хранящиеся в архивах, также могут предоставить значительный материал для изучения, обогатив цветовую гамму, что позволит нам, сопоставив этот новый ряд данных с результатами физико-химического анализа, говорить о предпочтениях эпохи, использовании и происхождении пигментов.

Проблема освещения в склепе и вопрос восприятия цветов.

Проникнув в склеп через колодец, Антон Ашик и его рисовальщик должны были, несомненно, озаботиться необходимым освещением подземного пространства. Рискуя сделать очевидное замечание, отметим, что, скорее всего, настенная живопись предстала глазам исследователей в свете свечей, ограничивая, тем самым, как время пребывания в склепе, так и возможность различать цветовые оттенки. Качество рисунков росписей из второй погребальной комнаты, выдает имеющиеся сложности данного порядка: известно, что в ночном пространстве глазу необходимо время для адаптации и восприятие цветов не идентично в условиях дневного света.

Также и росписи нижнего регистра этой комнаты могут ввести исследователя в заблуждение: на трех из четырех стенах этой комнаты цвета кругов и ромбов, окрашенных то красным, то сосново-зеленым (ближе к голубому), описываются Ашиком как сочетание «зеленого и розового» и «красного и зеленого», напоминая, несомненно, *opus sectile*, имитирующий порфир [*Ашик* 1845.2, 24–26]. Эти результаты влияют на попытку установления хронологии, так как начиная с царствования Траяна использование порфира приобретает символическое значение и становится отличительным материалом императоров [*Mulliez* 2014, 101]. Наше внимание, тем не менее, привлекает отсутствие рамок, квадратных для вписанных кругов и круглых для квадратов. Этот декоративный

[54] Эти круги мы назовем более точно «цветовым диском». Мы благодарим Давида Глозера, художника-графика, за его ценный вклад в данную публикацию.

мотив часто использовался в боспорских захоронениях – речь идет, например, о «склепе Фельдштейна», склепе 1884 года, склепе 1872 года (Стасовском) и других.

Может ли это быть ошибкой в интерпретации мотива или невнимательностью рисовальщика? Либо результатом плохого состояния расписной штукатурки? Вероятнее всего, нижний уровень боковой стены, напротив которой может быть был помещен деревянный саркофаг, претерпел разрушающее влияние при разложении органической материи, находящейся в непосредственной близости. Однако предположение о недостаточности (или неудовлетворительности) освещения этой части стены не должно отклоняться – Ашик и Стефанский прежде всего фокусировали свое внимание на сюжетные живописные композиции, и гораздо меньше были заняты декоративными мотивами. Плохое освещение, а также вынужденная скорость выполнения рисунков, могли стать причиной опущения деталей (хотя и немаловажных) расписного декора.

Недавняя публикация рисунков К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса, хранящихся в научном архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, предлагает множество живописных видов археологических раскопок, которые проводились в течение 1850–1880 годов [*Виноградов* 2017]. Там мы находим рисунки, изображающие рабочих керченского музея, занятых работами внутри погребального памятника, а также директора, занятого занесением заметок в тетрадь. Также на многих рисунках люди держат в руках свечи, поддерживая хрупкое существование среди давящего мрака, как описывал с некоторой торжественностью Ашик [*Ашик* 1845.2, 3]. В качестве примера приведем таблицы 86 и 87 из труда Ю. А. Виноградова, сопровождающие отчет Александра Ефимовича Люценко, директора керченского музея, который он отправил в Императорскую археологическую комиссию в Санкт-Петербург. Художник Ф. И. Гросс изобразил на них своего коллегу Люценко, посещающим христианскую усыпальницу, выкопанную на северном склоне горы Митридат в Керчи. Повсеместно, в 1862 году, подсвечник являлся неизменным спутником археолога, единственным источником света[55].

Заключение.

Как мы видим, документация, хранящаяся в архивах, представляет собой ни с чем не сравнимый объем информации, необходимой для восстановления ныне исчезнувших греко-римских памятников древности. На наш взгляд пример склепа 1842 года, открытого Антоном Ашиком, показателен для Керчи и боспорской археологии в целом: благодаря внимательному исследованию и наличию достоверной документальной базы, позволившей сверить имеющиеся данные, археологические открытия XIX века, считающиеся потерянными для науки, раскрывают новую информацию и приближают нас к большему пониманию эпохи зарождения археологии как науки. Любитель «любопытных» греко-римских древностей и поставщик «сокровищ», запрашиваемых царским Эрмитажем, Антон Ашик делает первые шаги как археолог в поисках систематизированного подхода, в попытках обозначить методы научного исследования и документирования изысканий, а также в стремлении к обсуждению с коллегами результатов для более глубокого их понимания.

[55] На других таблицах этого произведения показаны идентичные сцены: рабочий в погребальной комнате в Мелек-Чесменском кургане (Таб. 3, стр. 40 – рисунок Бегичева), или также открытие рисунков в кургане Большая Близница (Таб. 47 и 48, стр. 84 и след – рисунки Гросса).

Поиски в музейных коллекциях Санкт-Петербурга и Ярославля увенчались успехом: цветные издания труда Ашика привносят новые элементы в изучение античной декоративной живописи, а также возрождают интерес к исследованиям, отмеченным трудом М. И. Ростовцева 1914 года. Новые исследования должны касаться критики рассматриваемой публикации современниками – особенно, вызывает интерес то, как она была принята в Санкт-Петербурге. Важно также приступить к более серьезному анализу декоративных росписей, затронутых в данной статье. Нет сомнений, что склеп 1842 года раскроет еще немало секретов и обогатит нас новыми знаниями…



Список литературы

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1872 год, 1875, 255 прим. 3

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1878 и 1879 годы, 1881, XVI.

Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882 по 1888 г. годы, 1893, IX и след.

А*шик* А. Б. 1845.1. Керченские катакомбы // Журнал Министерства внутренних Дел. Ч. X. СПб., 400–408.

Ашик А. Б. 1845. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 76.

Ашик А. Б. 1848 (1849). Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, Т. II. 98; Т. III. 96.

Б*ернштам* А. Н., *Бибиков* С. Н. 1941. Н. И. Репников (1882–1940). Некролог // КСИИМК. М.-Л., 121–123.

Бутягин А. М., *Виноградов* Ю. А. 2014. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун // БИ. Supplementum. Симферополь-Керчь, 184.

В*иноградов* Ю. А. 2010. Курган Куль-Оба // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I, СПб., 420–425.

Виноградов Ю. А. 2010. Золотой курган (Алтын-Оба) // Поль Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I, СПб., 471–476.

Виноградов Ю. А. 2017. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса // БИ. Supplementum 17. Симферополь-Керчь, 312.

Виноградов Ю. А., *Горончаровский* В. А. 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб., 350.

Виноградов Ю. А., *Зинько* В. Н., *Смекалова* Т. Н. 2012. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография // БИ. Supplementum 9. Симферополь – Керчь, 288.

Виноградов Ю. А., *Медведева* М. 2019. Из истории создания «Декоративной живописи на юге России» М. И. Ростовцева // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского. От графической фиксации к фотографии. СПб., 9–30.

Г*айдукевич* В. Ф. 1981. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым покрытием // Боспорские города. Л-д, 6–54.

Горончаровский В. А. 2003. Между империей и варварами: военное дело Боспора Римского времени. СПб. – М., 224.

Грач Н. Л. 1999. Некрополь Нимфея. СПб., 328.

Д*лужневская* Г. В., *Медведева* М. В., *Платонова* Н. И., *Мусин* А. Е. 2009. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 813–908.

Ж*иль* Ф. 1854. Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее в Эрмитаже. СПб.,

Журова Л. Л. 2006. Семейное призвание. Коллекции Ашиков. Ярославль, 5–13.

К*ёне* Б. В. 1847. Рецензия на сочинения Г. Ашика: Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845 // Финский вестник за июнь 1847 г., 26–31.

Кёне Б. В. 1849. Отчет о сочинении г. Ашика, под заглавием Керченские древности. О Пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845 // Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. I, 89–96.

Коновалова Н. О. 2002. Ашики – династия коллекционеров // Наше наследие. 61, 129–135.

Корченов В. К. Славная династия дворян Ашиков и Одесса. Доступно по ссылке https://www.odessitclub.org/index.php/chitalnyi-zal/2059-slavnaya-dinastiya-dvoryan-ashikov-i-odessa.

Кулаковский Ю. А. 1896. Две керченские катакомбы с фресками // МАР 19. СПб., 67.

Л*азенкова* Л. М. 2003. Керченский музей древностей. Основатели-исследователи. Керчь, 19.

М*асленников* А. А. 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 108.

Матвеев А. А. 1884. К вопросам об археологических исследованиях в Южной России. Одесса, Т. III, 39.

Н*ефёдкин* А. К. 2004. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов во II в. до н. э. – V в. н. э. СПб – М., 192.

Р*авдоникас* В. И. 1948. Памяти Н. И. Репникова // Старая Ладога. Ленинград, 6–10.

Ростовцев М. И. 1913–1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 537.

Т*ункина* И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.). СПб., 676.

Ш*евелёв* Е. П. 1848. Боспорское царство // ЗООИД. II. Одесса, 725–738.

B*arbet* A. (dir.) 2004. Rostovtseff, Mikhaïl, La peinture décorative antique en Russie méridionale (Saint-Pétersbourg, 1913–1914). Пер. Arlette Fraysse и Andrea Rychtecky, 2 vols, Paris, 350.

Burgunder P. 2003. Des lumières de la tombe d'Ašik // Lychnological Acts I., Genève-Nyon, 45–50.

Burgunder P. 2019. Ombres et lumières du tombeau peint découvert par A. B. Ašik // Études bosporanes. Sur un royaume aux confins du monde gréco-romain. Lausanne, 181–241.

Burlot D. 2007. Peintures romaines antiques et faussaires. Sources et techniques, thèse, Université Paris-Sorbonne – Paris IV, (доступны по ссылке: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00778669>).

C*reuzer* F. 1810–1812. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. Leipzig-Darmstadt.

G*uimier-Sorbets* A.-M., *Pelle* A., *Seif el-Din* M. 2015. Renaître avec Osiris et Perséphone, Alexandrie, 126.

H*eurgon* J. 1973. La découverte des Étrusques au début du XIXe siècle // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 117/4, 591–600.

K*öhne*, B. de. 1847. A. Ašik, Antiquités de Kertsch: catacombe de Panticapée avec des fresques peintes//Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de Saint-Pétersbourg. I, 201–207.

L*ebedynsky*, I. 2002. *Les Sarmates*, Paris, 165.

M*ielczarek* M. 1993. Cataphracti and clibanarii. Studies on the haevy armoured cavalry of the ancient world. Łódź, 141.

Mielczarek M. 1999. The army of the Bosporan kingdom. Łódź,

Mulliez M. 2014. Le luxe de l'imitation. Les trompe-l'œil de la fin de la République romaine, mémoire des artisans de la couleur. Naples, 101.

R*ochette* R. 1837. Tableau des catacombes de Rome. Paris.



Summary

Dr Pascal Burgunder

The « Lost » Ashik's tomb. The history of its exploration and archive discoveries

The painted tomb brought to light by Ashik at Kerch is considered to be lost nowadays. However, its discovery in 1842 had proved to be a true sensation when the splendor of the frescoes in excellent state of preservation became evident to the archaeologist and his draftsman. Within three days they had been copying the frescoes which had afterwards been used as an illustrative material for the publication dedicated to this painted tomb. Several copies of the publication, intended for important persons, included hand-colored drawings of paintings. Patient search allowed us to discover two colored versions of this publication stored today in well-known Russian museums. Our findings, presented for the first time, propose to look anew at this unique funeral monument.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.65-96

Н. И. Винокуров
(Московский педагогический государственный университет, г. Москва)

Доследование полуподвала в центральной части городища Артезиан

Данная публикация продолжает введение в научный оборот материалов раскопок Артезианской археологической экспедиции (ААЭ) в центральной части городища, за пределами ранней цитадели, важных для уточнения стратиграфии и хронологии [*Винокуров* 2020, 31–46]. Помимо крепостных сооружений трёх фортификационных объектов, которые последовательно сменяли друг друга (цитадель «0», ранняя и поздняя цитадели), были исследованы различные хозяйственные и сакральные объекты [*Винокуров* 2005, 50–60; 2008, 67–77; 2009, 9–16; 2010а, 38–44; 2010б, 46–65; 2012а; 2012б, 51–76; 2013, 30–40; 2014, 98–105; 2018, 56–72]. Лучше всего изучена ранняя цитадель, сгоревшая в 46/47 г. н. э. во время боспоро-римской войны (Tac. Ann. XII. 15–21)[1]. Штурмам крепости на начальном этапе войны соответствовали два разноуровневых слоя горения, вскрытые и полностью изученные на раскопе III [*Винокуров* 2018, 56–72][2].

Во время первого приступа оказались разрушенными полуподвальные постройки между крепостными стенами и оборонительным рвом, которые использовались царским гарнизоном для хранения припасов и проведения жертвоприношений (рис. 1). Характерно, что здесь обнаружены ямы с жертвенными сбросами черепов и костей крупного рогатого скота, захоронением собаки, два стационарных известняковых алтаря, длинный слив, сложенный из вторично использованных каменных калиптеров, по-видимому, ведущий от третьего алтаря в ботрос – небольшую яму с зольным заполнением [*Винокуров, Крыкин* 2019, 56–92].

Всего во время раскопок 2003–2020 гг. по периметру ранней цитадели выявлено восемь полуподвалов (рис. 1). По крайней мере, четыре из них, №№ 1–4, примыкавшие

[1] Боспоро-римская война относительно неплохо исследована в отечественной историографии [*Дьяков* 1940, 71–88; *Кадеев* 1979, 55–76; *Горончаровский* 2002, 197–206; 2003, 161–170; *Винокуров* 2004, 78–88; 2005, 50–60; 2008, 67–77; 2009, 9–16; 2010а, 38–44; 2010б, 46–65; 2012а; 2013, 30–40; 2014, 98–105; *Abramzon, Treister, Vinokurov* 2012, 207–278; *Сапрыкин, Винокуров, Белоусов* 2014, 134–162; *Винокуров, Крыкин* 2016, 64–73; 2017, 170–194; *Белоусов, Винокуров, Трейстер* 2017, 31–38; *Винокуров, Трейстер* 2019, 49–54].

[2] Первый приступ войск узурпатора Котиса I и римлян уничтожил в 44/45–46/47 гг. предместья, оставив после себя руины хозяйственных и жилых построек с тонким слоем пожара 2 за пределами крепостных стен акрополя городища. Во время второго приступа в конце лета – осени 46/47 г. была взята и собственно цитадель с образованием мощного слоя пожара 1, толщиной до 1,50–1,70 м. Точная датировка случившейся катастрофы обеспечена многочисленными нумизматическими находками [*Абрамзон, Винокуров* 2016, 712–743].



Рис. 1. План ранней цитадели с участками пожара 2 (нижний ярус слоев горения)

к восточной и северной оборонительным стенам крепости, были синхронны. Полуподвалы с южной стороны крепости не исследованы и уходят в борт раскопа[3]. Что касается полуподвалов 7 и 8, сооружённых вдоль западной крепостной стены, то вопрос их хронологии сильно осложнён позднейшими перекопами и выборками (рис. 1–8). В первые годы исследования раскопа III они были включены в планировку хозяйственно-жилых комплексов 10–11, которые, как тогда представлялось, предшествовали ранней цитадели [*Винокуров* 2012б, 51–76]. По всей видимости, эту точку зрения после раскопок полуподвала 8 можно пересмотреть. Скорее всего, это касается не всего квартала застройки террас западнее крепости, а собственно помещений полуподвалов 7–8, которые по стратиграфическим данным могли возникнуть, когда цитадель была уже построена.

Полуподвалы были пристроены к внешней стороне крепостных стен. Таким нехитрым приёмом военные поселенцы добились экономии места, строительных материалов и времени для возведения довольно основательных каменно-сырцовых построек. Причиной сооружения полуподвалов, вероятно, послужил недостаток «полезного» пространства внутри крепости. Для переработки урожая и хранения припасов пришлось организовать дополнительные производственно-складские площади, которые существенно (почти вдвое) расширили хранилищный потенциал военного гарнизона крепости. Сложно сказать, появились ли они одномоментно по единому замыслу или строились без предварительного плана, последовательно, по мере хозяйственной необходимости. Большая часть полуподвалов содержала вкопанные на различную глубину сосуды, которые многократно перемещались с места на место, поэтому ямы из-под пифосов нередко прорезали друг друга. Они имели несколько перестроек, на основании которых были выделены, по меньшей мере, два строительных периода.

Полуподвалы были построены близко друг к другу, состояли из нескольких помещений, которые имели прямоугольную форму (рис. 1). Стены полуподвалов не прорезают друг друга. Вполне очевидно, что они сосуществовали вместе какое-то время в первой трети I в. н. э. Точное время их постройки не установлено. Видимо, это были остатки разноуровневой одноэтажной застройки между стенами цитадели и оборонительным рвом, хозяйственного или сакрального назначения. Их помещения вытянуты продольно крепостным стенам ранней цитадели, ориентированы углами по сторонам света, как и сама крепость, с некоторым разворотом к ССЗ–ЮЮВ.

Конструктивно полуподвалы очень похожи. Это были изолированные одно-двухкамерные объекты правильной планировки, скорее всего, имевшие отдельные входы с каменными и деревянными лестницами. Их фундаменты стен сложены по однолицевой тычково-ложковой, постелистой схеме, на *жёлтой* пластичной глине, из средних и мелких грубо околотых бутовых камней, с применением хорошо обработанных блоков, прежде всего, в сопряжении углов. Сохранность фундаментов довольно хорошая: до 9–12 вертикальных рядов кладки**.** Хуже всего сохранились остатки большого северного полуподвала 4 площадью около 90 кв. м, занимавшего пространство размером 18×5 м вдоль северной крепостной стены 194 ранней цитадели. Размер и количество его помещений установить

[3] Они сильно разграблены современными мародёрами. Выбросы из грабительских шурфов содержали находки, близкие по времени бытования с полуподвалами 1–4.



Рис. 2. *1*, *2* – Полуподвал 8 в процессе раскопок 2019 г.
Вид с северо-запада и северо-востока

не представлялось возможным, так как от стен остались лишь глинистые развалы. От вкопанных внутри пифосов, установленных в несколько линий на разную глубину, параллельно стене 194 ранней цитадели, *in situ* найдены днища восьми сосудов, следовавших в ряд с запада на восток вдоль фасада крепостной стены, и несколько десятков ямных пятен, нередко прорезавших друг друга от извлечённых в древности сосудов. В качестве перекрытия крыши хранилища 4 использовалась камышовая кровля. Её поддерживали вертикальные столбы, от которых обнаружены округлые ямки[4].

[4] Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 8–9, 13, 15, 81, 79–85.

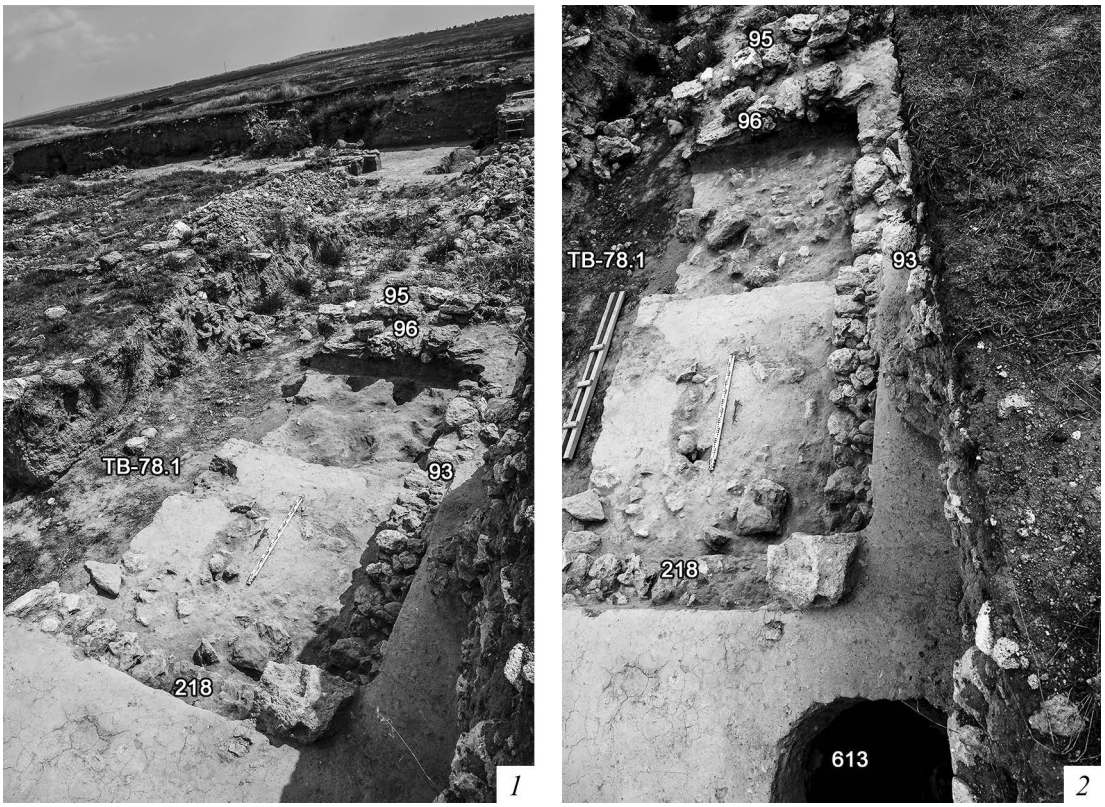


Рис. 3. *1*, *2* – Полуподвал 8 в процессе раскопок. Вид с северо-запада

Судя по развалам сырцовых кирпичей и выровненным основаниям каменных стен, верх кладок был выстроен из сырцового кирпича, полы проходов, двора и отдельных помещений мостились плитами. В качестве покрытия крыши чаще использовалась черепица местного производства, положенная на утеплитель из камыша и глины. Подошвы фундаментов подвалов залегают на разном уровне (с перепадом высот 0,57–0,91 м), что объясняется неровным уклоном древней поверхности.

Фундаменты стен полуподвалов прорезали насыпь ранних террас и перекрывавший их слой строительного отёса, образование которого произошло во время строительства ранней цитадели. Следовательно, полуподвалы были сооружены уже после возведения ранней цитадели. В пользу этой версии говорят и другие стратиграфические наблюдения. Достаточно отметить, что вымостка помещения 1 южного полуподвала перекрывала строительную траншею восточной крепостной стены 186 и примыкала к её фасу. Показательно, что её западные плиты, которые после гибели крепости не были выбраны при разборке стен, остались нависать над стеной 186, выступая над её бортом на 0,12–0,15 м.

Полуподвалы повреждены фундаментами стен поздней цитадели Котиса I и хозяйственными ямами первых веков нашей эры. По этой причине не всегда удавалось

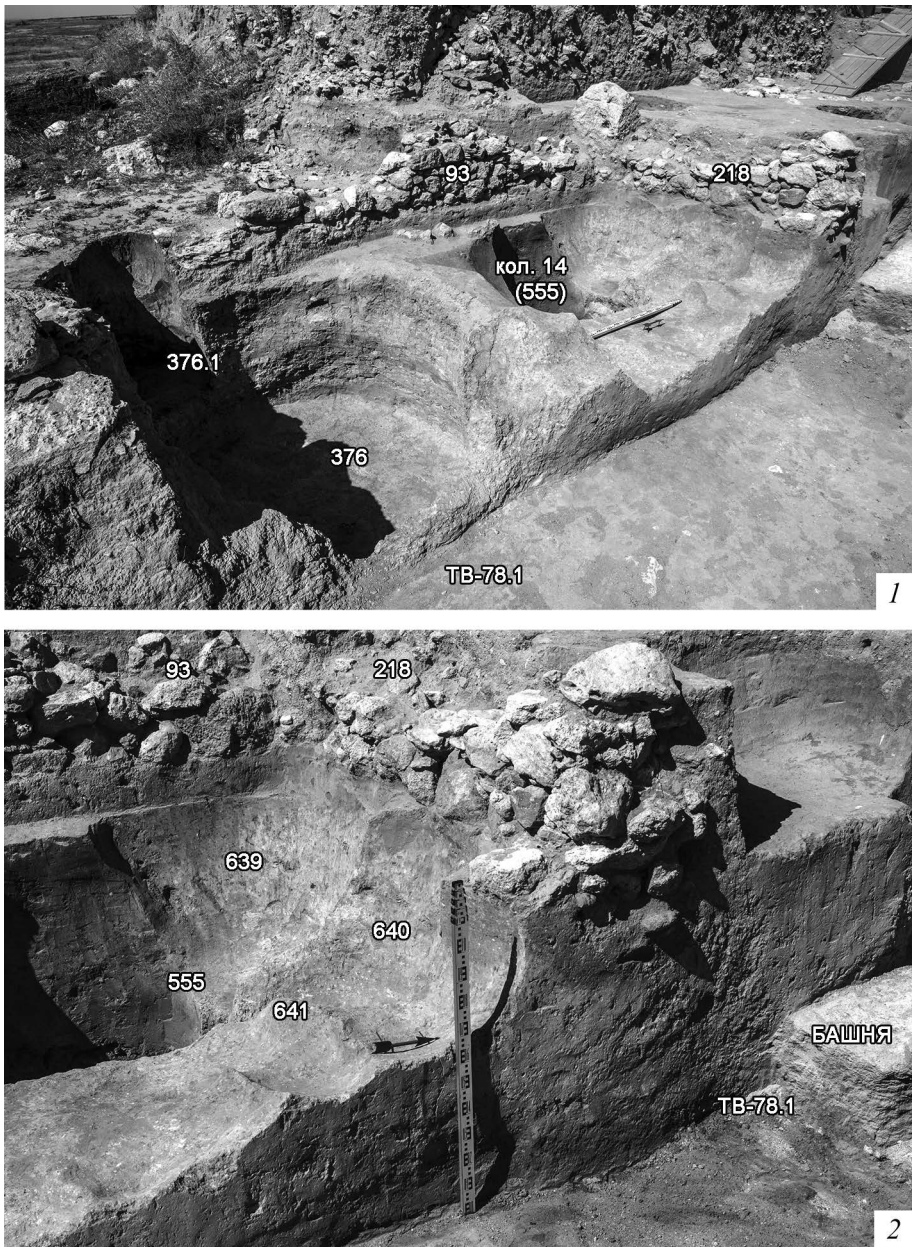


Рис. 4. *1*, *2* – Полуподвал 8 после раскопок. Вид с юго-востока

установить, их отдельные конструктивные особенности, расположение и ориентировку дверных проёмов.

Относительно долговременной эксплуатации полуподвалов на стратегически важных участках обороны акрополя должен был способствовать спокойный период в жизни Боспора, когда на время заботы о сохранении урожая и припасов заслонили необходимость прямой оборонительной функции ранней цитадели в пользу сиюминутных повседневных хозяйственных нужд.

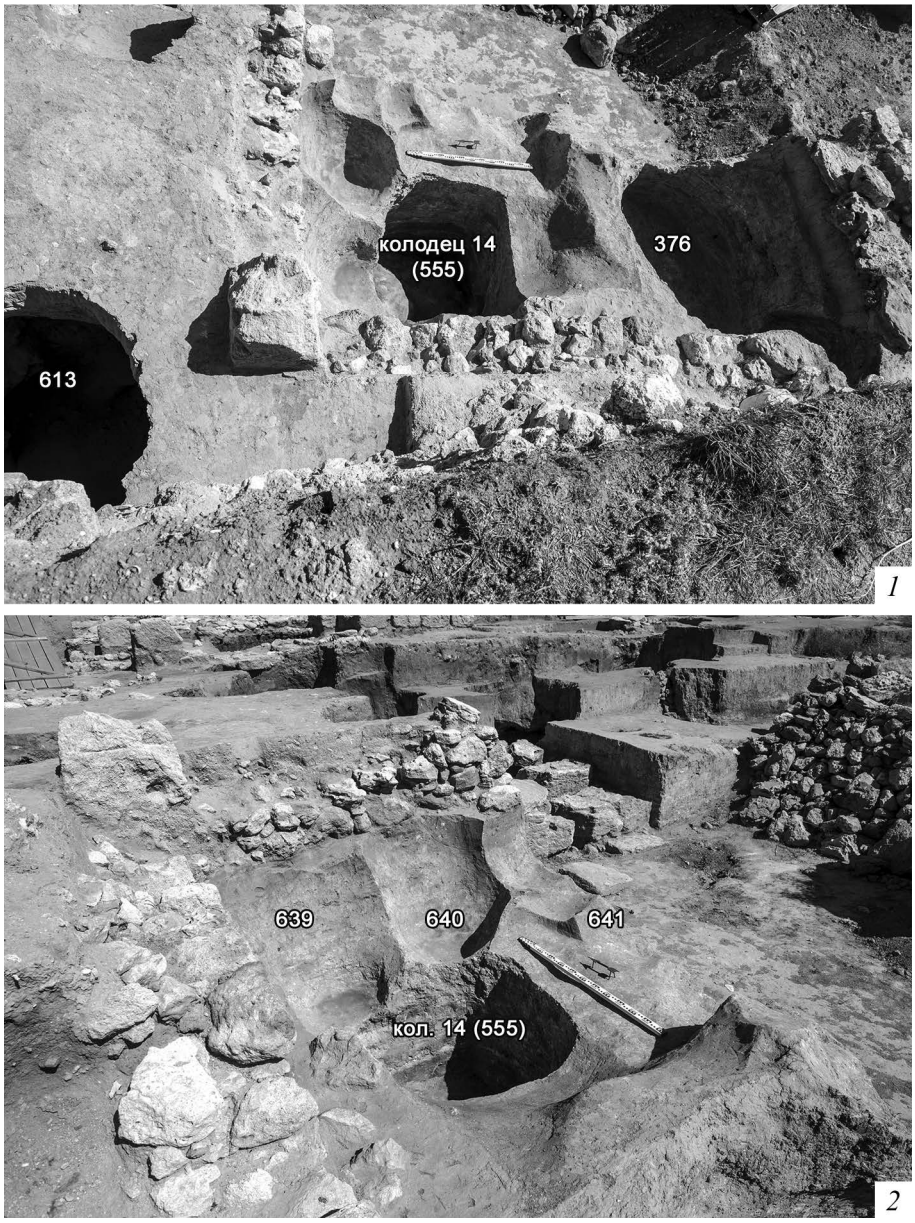
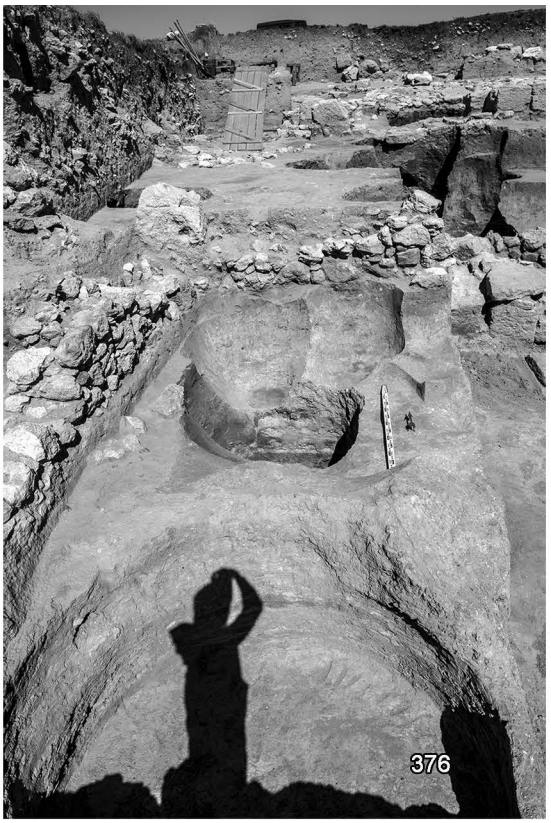


Рис. 5. *1*, *2* – Полуподвал 8, пифосные ямы (в северной части) и колодец 14 (яма 555) и 376. Вид с северо-запада и юго-запада

В самом начале боспоро-римской войны ситуация резко изменилась. Полуподвалы между оборонительным рвом и стенами акрополя городища сгорели во время первого штурма цитадели, что привело к формированию нижнего слоя *пожара 2*, перекрывавшего их руины. Возможно, уже тогда могли пострадать и прилегавшие к крепости жилые кварталы. Это событие предваряло финальный штурм ранней цитадели и находилось в узком хронологическом диапазоне между 44/45–46 гг. Слой разрушения построек, повторим, датирован нумизматическим материалом до 46/47 г.



1



2

Рис. 6. *1, 2* – То же. Вид с юга и юго-востока

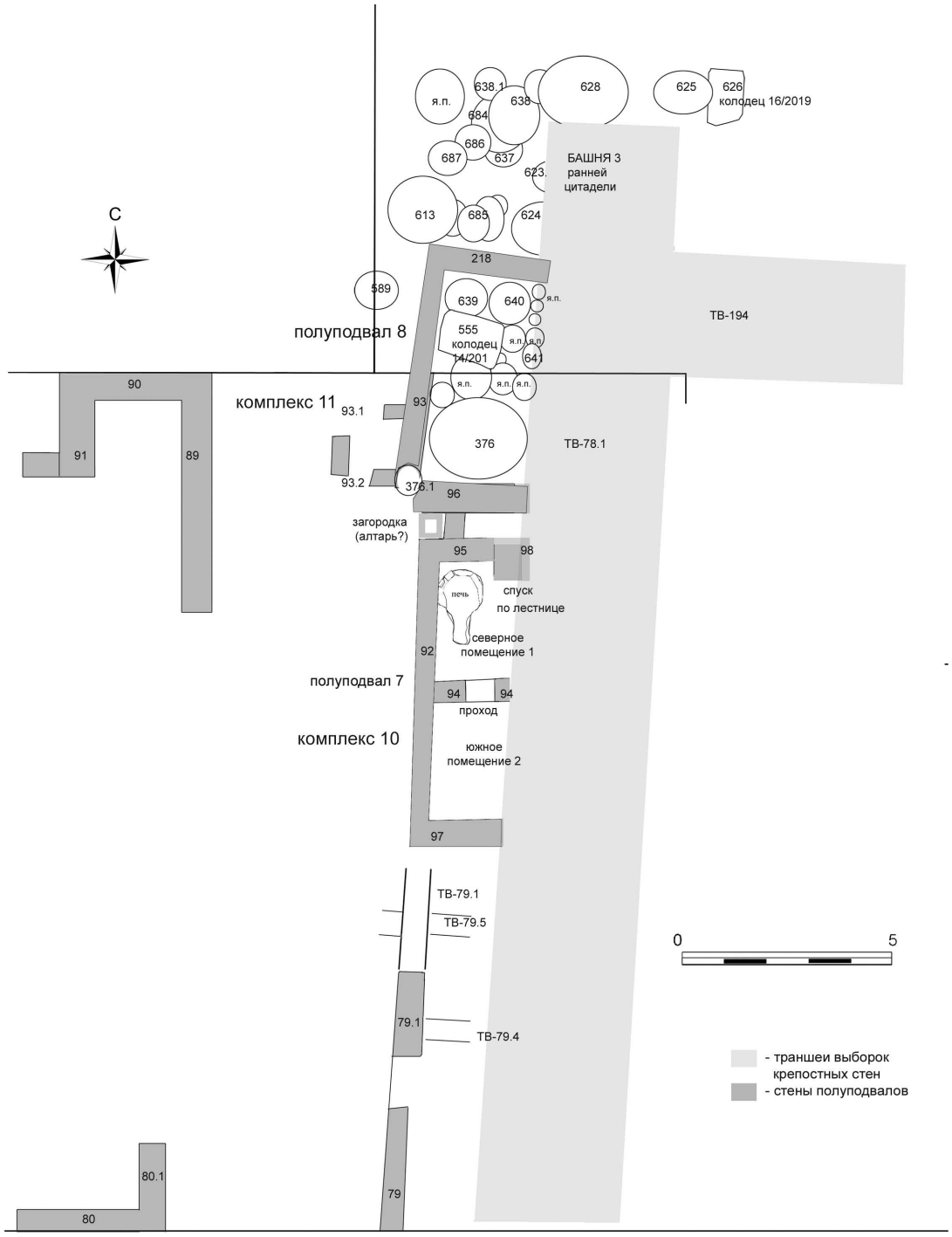


Рис. 7. План-схема участка раскопа III 2019 г. с полуподвалом 8
к северо-западу от ранней цитадели

Защитники крепости, сторонники низвергнутого Митридата III, предприняли после первого штурма экстренные меры по дополнительной защите акрополя. Они снесли и засыпали руины сгоревших полуподвалов, пристроили с южной стороны крепости полукруглый контрфорс. Предпринятые меры оказались недостаточными. Цитадель при новой штурмовке в 46/47 г. полностью выгорела. Её насельники погибли. Их сгоревшие останки вместе с множеством находок оказались в слое пожара 1, фиксировавшего гибель акрополя городища.

Доследование полуподвала 8 было принципиально значимым для понимания общей стратиграфии центрального участка городища и хронологии ранней цитадели и расположенных рядом объектов. Прежде всего, следовало проверить синхронность полуподвалов 1–4 северо-западному полуподвалу 8 и примыкавшему к нему с юга западному полуподвала 7, почти раскопанному в 2007 г.

В 2019 г. был полностью изучен северо-западный полуподвал 8 и открыто место стыковки полуподвала 7 с западной крепостной стеной 78.1 в кв. Ки10/4, Ки10/2 (рис. 1–8). Южная половина полуподвала 8, как и полуподвал 7, раскапывались в 2007 г. Тогда между ними на уровне подошвы стен был расчищен небольшой прямоугольный алтарик из вертикально установленных сырцовых кирпичей с серым зольным заполнением[5]. Полуподвалы 7–8 сохранились довольно хорошо, хотя частично выбраны и пробиты позднеантичными ямами 294, 355, 294, 353, 353.1376, 376.1, колодцем 14 (555). Эти объекты вместе с примыкающими постройками в отчётах ААЭ и публикациях получили условное название «комплексы 10–11» (рис. 7). Они функционировали на рубеже нашей эры – первые десятилетия первого века нашей эры. Тогда представлялось, что объекты были полностью засыпаны и прекратили свое существования до начала сооружения крепостной стены 78.1 ранней Цитадели, которая проходила по линии запад-восток восточнее полуподвалов [*Винокуров* 2012б, 51–76]. Новейшие раскопочные работы позволили эту точку зрения пересмотреть.

Как и другие полуподвалы, расположенные по внешнему периметру крепостных стен ранней цитадели, полуподвалы 7 и 8 возведены на террасированном участке – на северо-восточной террасе, которая сформировалась в близкое с южными, северными и восточными террасами время – во второй половине I в. до н. э. – рубеже I в. нашей эры. С севера и юга к комплексу примыкали остатки других построек, от которых уцелели фундаменты стен и траншеи их выборок (ТВ-79, 79.1, 96). Они близки по времени бытования. Это были сблокированные друг с другом строения, помещения которых использовались преимущественно для хозяйственных целей [*Винокуров* 2012б, 51–76]. Постройки образовали довольно плотный квартал застройки, охватывающий

[5] Небольшое пространство между стенами полуподвалов использовалось для различных бытовых нужд. Во втором строительном периоде были пристроены однорядная перегородка из двух блоков высотой около 0,35–0,37 м и загородка (0,52×0,53 м) из четырёх вертикально установленных сырцовых кирпичей. Загородка имела трапециевидную форму. Она была сооружена на выровненной насыпи террасы на уровне второго ряда кладки 96. Кирпичи, её образующие, срезаны до основания. От них остались лишь останцы высотой 0,01–0,04 м. Поверхность кирпичей не обожжена и не имела обмазки. Внутри загородку заполнял рыхлый золистый грунт пепельного цвета с пятнами черной жирной сажи, без находок, толщиной 0,03–0,04 м. Промывка этого заполнения палеоботанических находок не принесла.

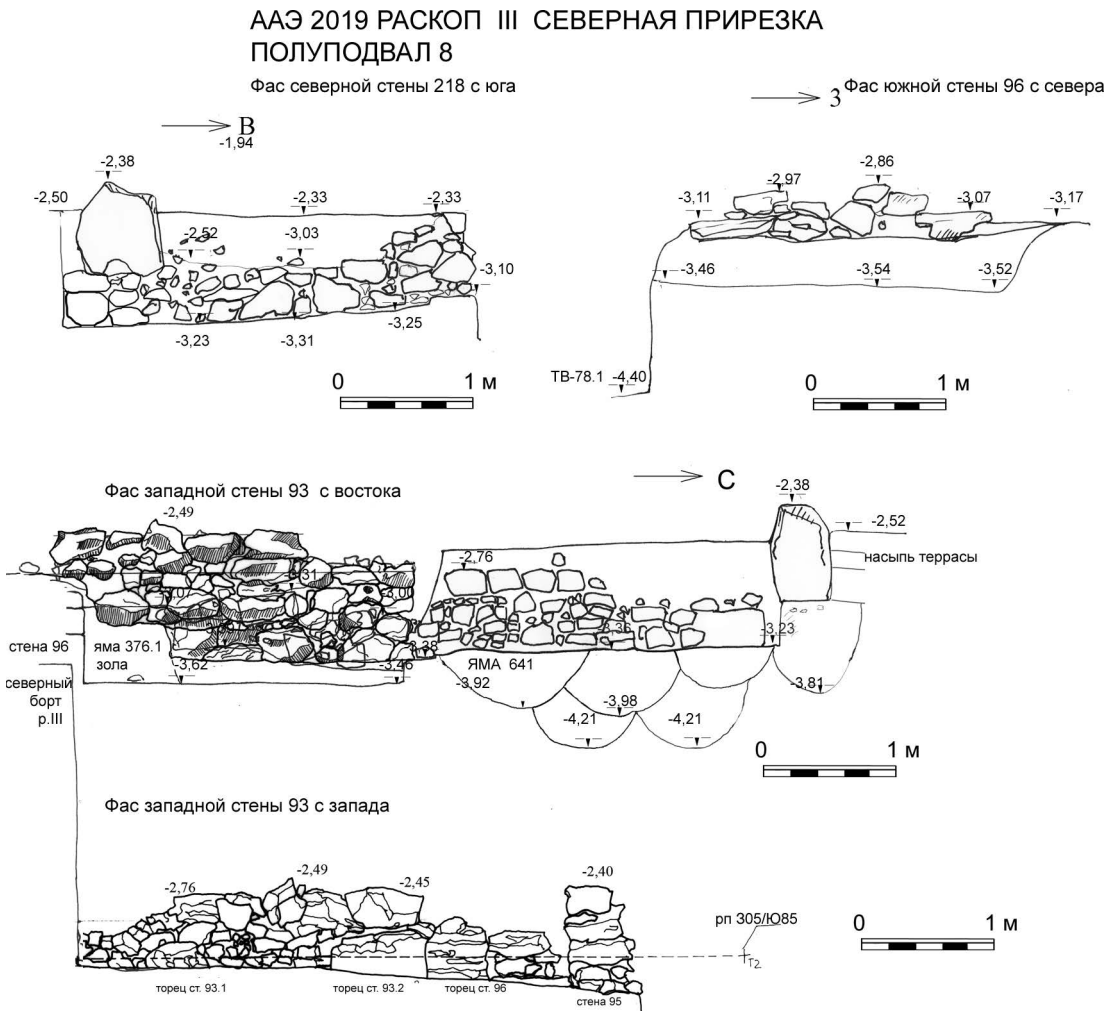


Рис. 8. Фасы северной, южной и западной стен полуподвала 8 и разрезы пифосных ям

в пределах раскопа площадь не менее 300 кв. м. Небольшое пространство между стенами домов не пустовало, здесь размещали лестницы, загородки, алтари.

Западный прямоугольный *полуподвал 7/2007*, материалы раскопок которого опубликованы [*Винокуров* 2012б, 51–76], располагался южнее полуподвала 8. Его образовывали стены 92, 94, 97, 78.1. Он разделялся на северное и южное помещения перегородкой 94 с проходом по центру. Спуск в северное помещения осуществлялся по каменной лестнице из нескольких ступеней с северной стороны, через проём в стене 95. Внутри помещения действовал небольшой гончарный горн, в котором обжигались терракотовые фигурки [*Винокуров* 2012б, 51–76].

Соседний, северный *полуподвал 8* выполнял функцию хранилища. В нём были вкопаны пифосы, на месте которых остались ямы. Он имел площадь около 18,67 кв. м, занимая участок размером 3,03/3,09×6,16/6,21 м вдоль западной крепостной стены 194 ран-

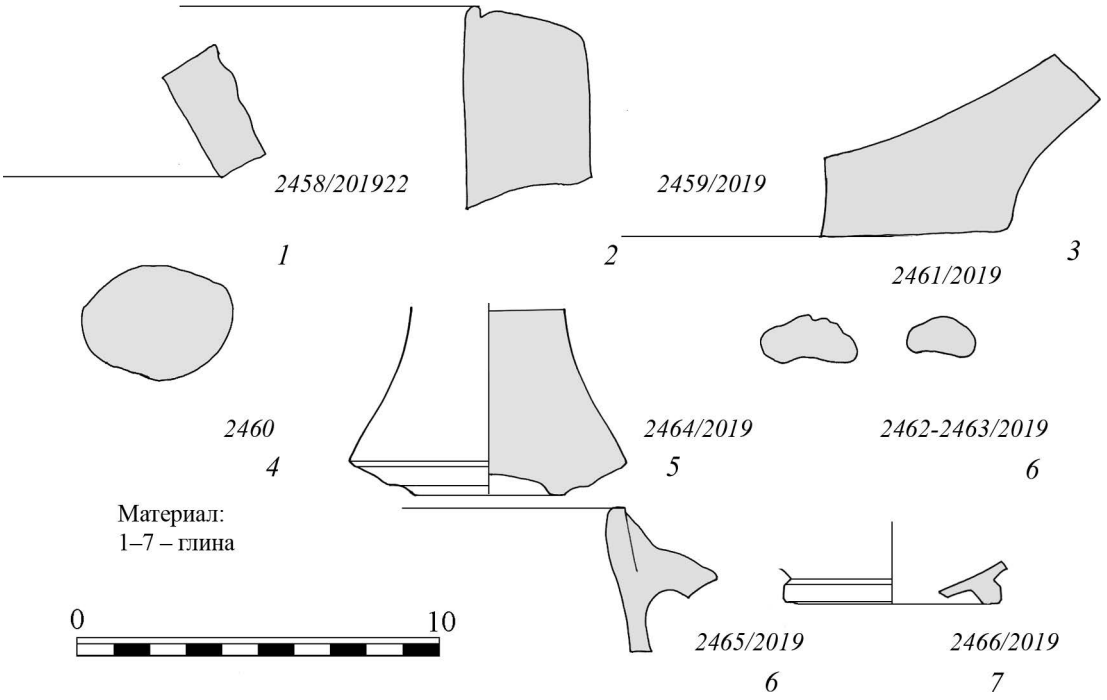


Рис. 9. Находки из заполнения пифосной ямы 639 полуподвала 8

ней цитадели (рис. 1–8). Внутренний размер его полезной площади достигал 13 кв. м. Северной границей объекта являлась стена 218, западной – стена 93, южной – стена 96. Восточной стеной полуподвала 8 была западная крепостная стена 78.1 ранней цитадели, к которой северная и южная стены пристыковывались под прямым углом.

Стены полуподвала сложены из однолицевой бутовой кладки на пластичном жёлтом растворе. Северо-западный угол стыковки северной 218 и западной 93 стен усилен большим вертикально установленным известняковым полуквадровым блоком, размером 0,69/0,74×0,44×0,58 м. Его нижняя часть находилась на отметке -3,12, верх -2,38. Юго-западный угол полуподвала, на месте стыковки стен *западной 93 и южной 96*, выбран поздней *ямой 376.1*. Не исключено, что стены 93 и 94 разновременные, так как подошва стены 96 на 0,76 м выше, чем у стены 93. Они отличались в технике кладки. Стена 93 северного полуподвала сложена из мелких блоков, а стена 96 – из крупных плит и блоков. Она более широкая и правильная по ориентировке. Длина стены 93–5,58–5,90 м, ширина – 0,59–0,64 м, в высоту расчищена с восточного фаса на 0,54–0,98 м, с западного – на 0,45–0,65 м (3–6 вертикальных рядов кладки). Стена 96 сохранилась в длину до 2,40 м. Её ширина – 0,62–0,65 м, высота 0,38–0,58 м. Кладка северной стены 218 в целом подобна западной 93. В длину она уцелела полностью – до 3,09 м. Её ширина – 0,46–0,48 м, высота 0,66–1,10 м.

Стены *полуподвала 8* уцелели лучше, чем его внутреннее пространство. На юге полуподвал выбран ямами 376 и 376.1, средняя часть – колодцем 14 (яма 555) поздней цитадели. По этой причине полы оказались срезанными, а переотложенные напластования

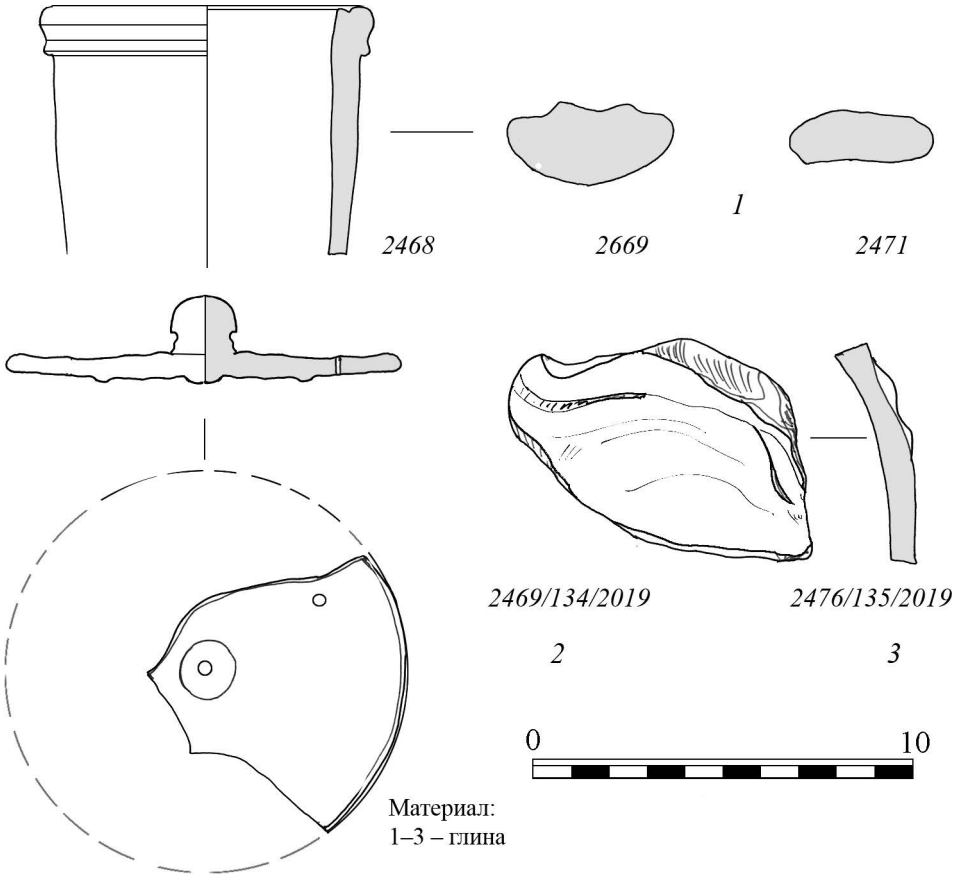


Рис. 10. Находки из заполнения пифосной ямы 640 полуподвала 8

засыпи полуподвала 8, особенно на уровне верха стен, были перемешаны перекопами и содержали разновременный материал. Самые поздние находки отсюда относились к III в. н. э. Они попали в засыпь полуподвала через несколько столетий при выкапывании и заполнении позднеантичных хозяйственных ям и колодца.

Строители полуподвала 8, прорезав насыпь ранних террас, углубились в материковый слой, выбрали или повредили более ранние строительные остатки, предшествовавшие возведению ранней цитадели. Следы ранних объектов фиксировались в западном борту ТВ-78.1 ранней цитадели. В северо-восточном углу полуподвала 8, ниже места стыковки северной стены 218 к крепостной стене 78.1, выявлен ранний пифосный котлован, от которого остались нижние части ям, заполненных золистым серым грунтом с мелкими угольками. Они не были исследованы, так как перекрывающая их стена 218 не разбиралась (рис. 2. *2*, 8). Расположенные севернее и южнее подобные ранние объекты (пифосные и хозяйственные ямы), прорезанные фундаментами ранней цитадели, датировались эллинистическим временем.

В северной части полуподвала 9 сохранились ямы, по меньшей мере, от девяти пифосов, которые были вкопаны в материковый грунт на разную глубину, вплотную

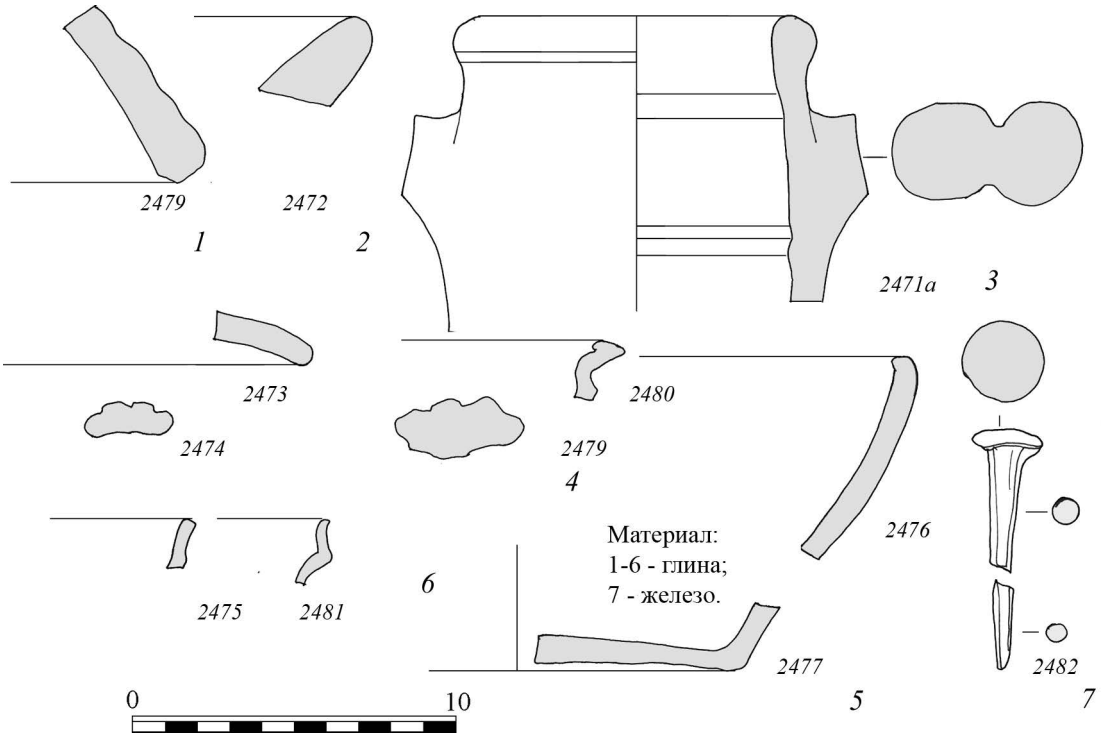


Рис. 11. Находки из заполнения ямы 641 полуподвала 8

к стенам и другу к другу (рис. 2–8). Среди них были округлые в плане, полуконические в разрезе глубокие *ямы 639–641,* а также небольшие линзовидные ямки, прорезающие друг друга. Глубина и конфигурация ям показывают, что пифосы заглублялись наполовину или ¾ величины, если не по устье. Точное количество вкопанных сосудов в полуподвале 8 установить не представлялось возможным, по размерам полуподвала, их могло быть не менее полутора десятков.

Пифосные ямы полуподвала 8 единовременно засыпаны сходным серо-жёлтым, плотным глинистым грунтом с мелким бутом и известковой крошкой с небольшим количеством находок (рис. 7–11). Несколько *ям 639–641*, расположенных вдоль южного фаса северной стены 218 полуподвала 8, отличались относительно лучшей сохранностью. Размер северо-западной пифосной ямы 639: сечение устья – 0,99×0,92 м, глубина 1,08 м (верх на отметке -3,29, дно на отметке -4,37). Диаметр горловины соседней ямы 640, выкопанной восточнее от неё, – 0,98–1,04 м, глубина – 0,86 м (верх на отметке -3,29, дно на отметке -4,15). Яма 641, раскопанная юго-восточнее, вплотную к ТВ-78.1, имела сечение верха – 1,12–1,14 м, глубина – 0,56 м (устье на отметке -3,36, дно на отметке -3,92). Диаметр небольших пифосных ям колебался в пределах 0,48–0,59 м, глубина – 0,15–0,24 м.

В заполнении *ямы 639* содержались стенки пифосов и амфор, угли, мелкие кости животных, фрагмент желобчатого калиптера и солена коричневой глины, донце мортария розовато-сиреневой глины с бежевым ангобом, ручка амфоры оранжевой глины с серым ангобом, ножка эллинистической амфоры красно-коричневой глины

с жёлто-бежевым ангобом (Фасос?), две ручки простых гончарных кувшинов коричнево-серой и серой глины, венчик лепного горшка серой глины, донце краснолакового сосуда, диаметром 59 мм (п. о. 2466/2019) (рис. 9).

В яме 640 обнаружены: венчик, ручка и стенки амфоры серо-коричневой глины с бежевым ангобом, диаметром устья 82 мм (п. о. 2468–2469/2019), ручка лепного кувшина серой глины, простая гончарная крышка с ручкой в виде шишечки розовато-коричневой глины со сквозным отверстием для отвода пара (к. о. 134/2019), фрагмент стенки большой терракотовой фигурки (часть головы или маски) коричневой глины с серо-бежевым ангобом (к. о. 135/2019) (рис. 10).

В засыпи ямы 641 выявлены: стенки пифосов и амфор, угли, мелкие кости животных, фрагмент желобчатого калиптера розовато-коричневой глины, край саманной жаровни, горло позднегераклейской амфоры типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А] (п. о. 2471а/2019); фрагмент простой гончарной крышки коричневой глины, ручка амфоры оранжевой глины с серым ангобом; венчик и фрагменты стенок от нескольких простых гончарных кувшинов коричневой глины, ручка краснолакового кувшина (рис. 11. *1–4*), край, стенки и донце лепной миски серой глины, два края краснолаковых открытых сосудов, железный гвоздь (рис. 11. *5–7*).

Датировка заполнения раскопанных ям не выходит за пределы первой половины I в. н. э.

В слое разрушения полуподвала 8, представлявшем собой глинистый развал разложившихся сырцовых кирпичей, перемещенный с бутовым камнем, жёлто-коричневого цвета с микропрослойками тонкой глины и чистой золы, находки были более многочисленны (рис. 12, 13). Он содержал включения бутовых известняковых камней, углей, кусков печины, обломков керамики и отдельных костей животных со следами кухонной разделки и термической обработки. Слой разрушения отложился поверх засыпанных пифосных ям. Мощность его достигала 0,81 м. В нём найдены следующие артефакты: фрагменты желобчатых калиптеров, соленов коричневой и красной глины, стенки и венчики от нескольких пифосов (рис. 12. *1–3*); венчики, горла, ручки, стенки, донца от нескольких позднегераклейских амфор типа С–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. (п. о. 188, 189, 190/2019) [*Внуков* 2013, рис. 5.А]; венчики, стенки и ручки амфор средиземноморского производства с воронкообразным горлом, стенки, ручки позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60–х – 40–х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], часть ножки позднегераклейской амфоры типа С–IIIа рубежа в. н. э. (п. о. 202/2019) [*Внуко*в 2013, рис. 5.А], фрагменты ручек амфор различных типов (рис. 12. *4*); стенки, ручки и донца кувшинов бежевой и коричневой глины; лепная посуда представлена несколькими десятками стенок, венцами, обломком ручки кувшина, донцами горшков серой глины (рис. 12. *5*); от краснолаковой керамики остались маловыразительные ручка и стенки кувшина, обломки краёв, трёх донцев чаш и мисок на высоком круговом поддоне (рис. 12. *6*). Среди других находок следует отметить клеймо с отпечатком бороздок ключа на верхней части пирамидального грузила светло-коричневой глины (к. о. 35/2019) (рис. 12. *7*).

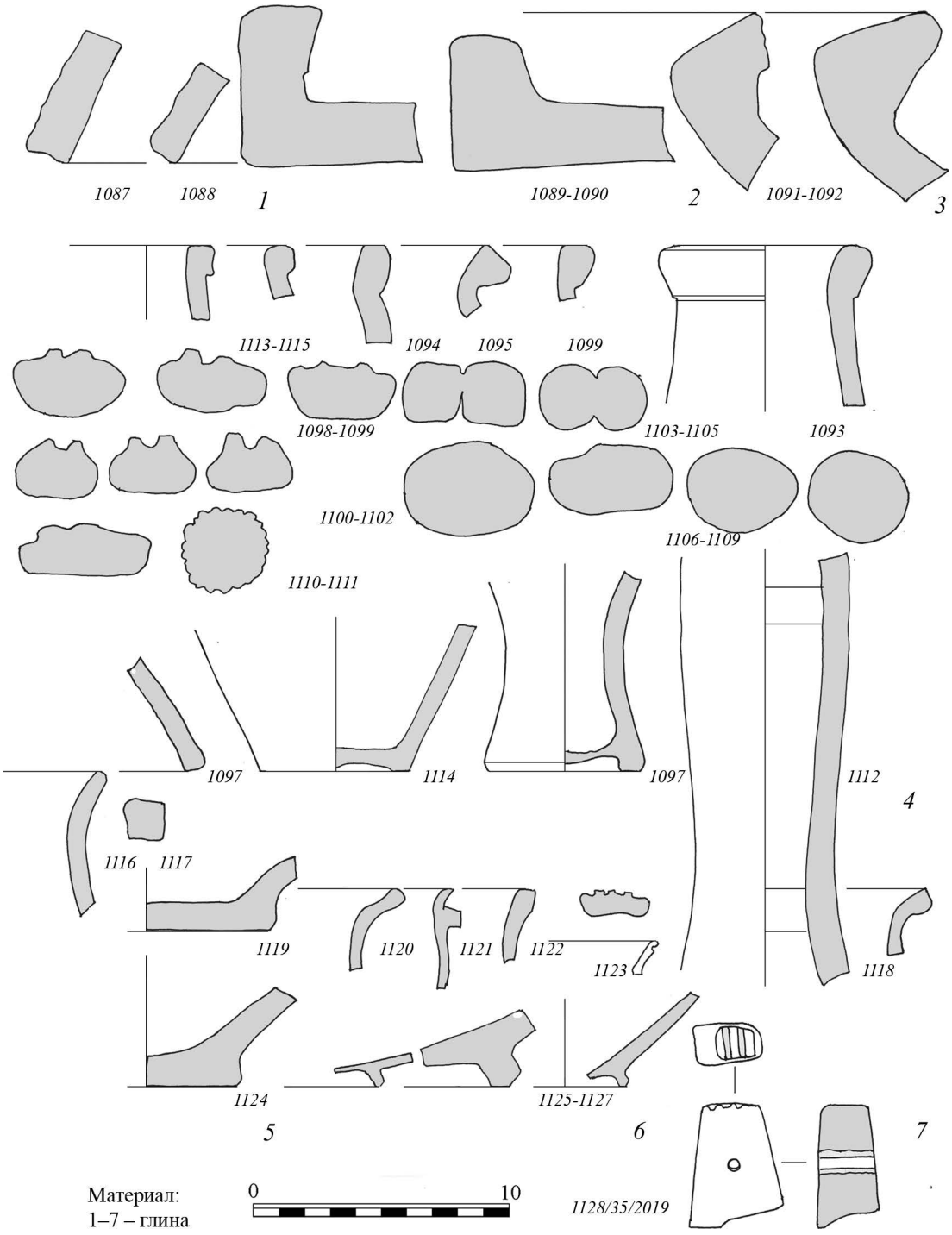


Рис. 12. Находки из слоя разрушения полуподвала 8 над заполнением пифосных ям

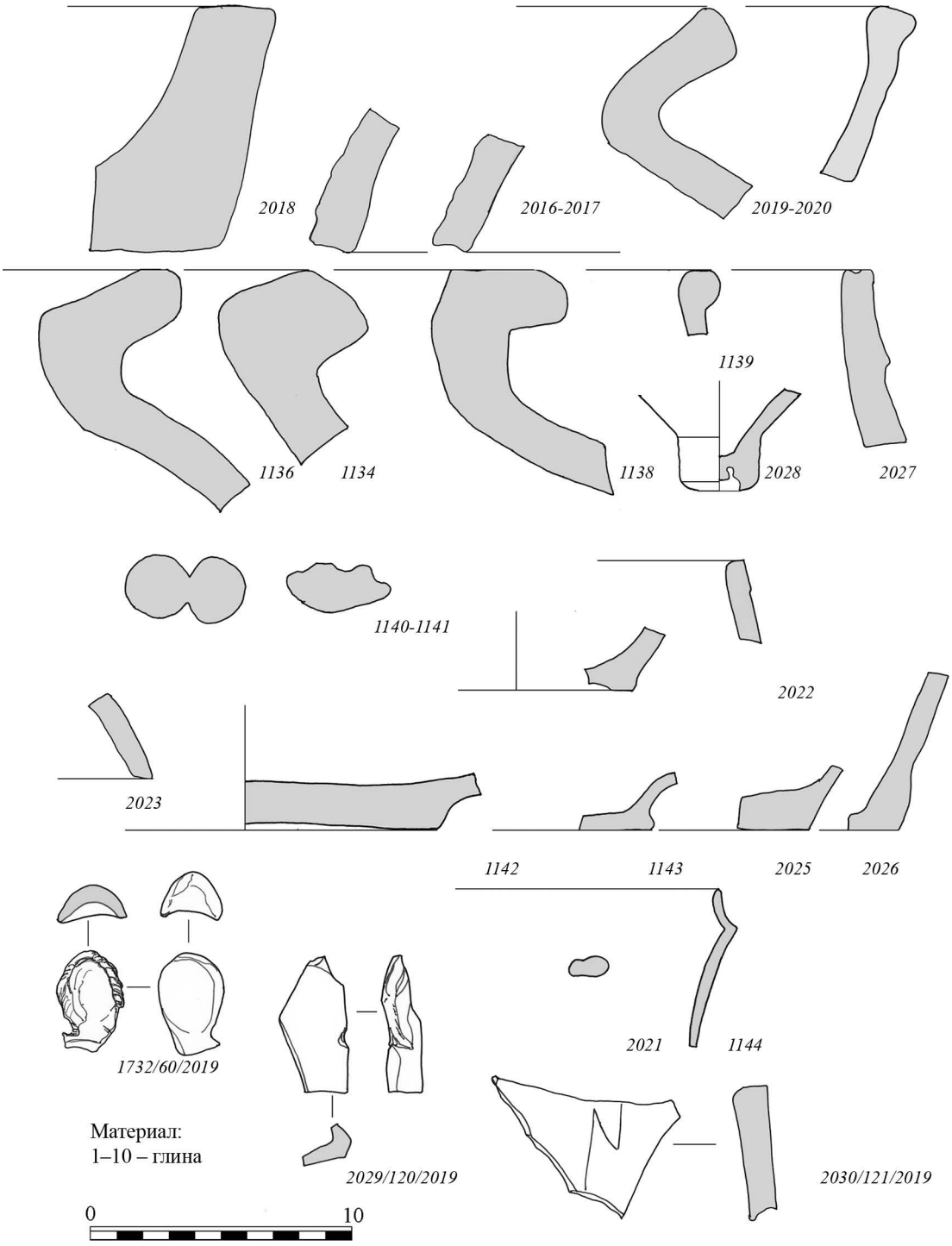


Рис. 13. Находки из слоя разрушения полуподвала 8
над заполнением пифосных ям: верх стен и колодец 14/2015 (яма 555)

На уровне верха стен слой разрушения оказался нарушенным поздними перекопами. В него попали отдельные поздние материалы II–III вв. н. э. из ямы 376 или колодца 14/2016 (ямы 555), оказавшиеся вне контекста других находок из слоя разрушения. В этом слое содержались: профиль саманной жаровни, фрагменты желобчатых калиптеров коричневой глины (рис. 13. *1*, *2*), стенки и венцы, по меньшей мере, пяти пифосов средних размеров (рис. 13. *3*, *4*), венчик амфоры типа «Европейский Боспор» [*Зеест* 1960, тип 83] II–III вв. н. э., ножка позднегераклейских амфор типа C–IVD III–IV вв. до н. э., попавших явно из перекопов (рис. 13. *5*); ручка, стенки и донце простых гончарных кувшинов коричневой и красной глины, край лепной крышки серой глины, несколько донцев лепных горшков серой, бежевой и чёрной глины, ручка краснолакового кувшина, профиль краснолаковой чаши II–III вв. н. э. (рис. 13. *6–8*); оббитая головка женской терракотовой статуэтки коричневой глины (Деметры?) с изображением красиво уложенной причёски (к. о. 60/2019), часть основания статуэтки с изображением копыта животного (козла?) коричневой глины (к. о. 120/2019); граффити на фрагменте амфоры серо-коричневой керамики в виде буквы «N» (к. о. 121/2019) (рис. 13. *9*, *10*).

Заметных следов пожара внутри заполнения полуподвала 8 не прослежено. Скорее всего, он был разрушен, как и остальные полуподвалы 1–4, во время первого штурма цитадели, который зафиксирован слоем тонкого пожара 2, локальными участками отложившимся на поверхности жилого горизонта севернее от него (рис. 14). Датировка этого события, как отмечалось выше, находится в узком хронологическом промежутке между 45/46–46/47 гг. Линзы переотложенного позднейшего пожара 1 оказались вместе с пережжёнными находками в нивелировочном слое под позднюю цитадель Котиса I.

Руины полуподвалов 7 и 8 (в кв. Ки10/4, Ки10/2, Ии10/2) были перекрыты материковыми выбросами из траншей выборок крепостных стен, поверх которых залегал нивелировочный слой под позднюю цитадель, исследованный в период 2006–2011 гг. (рис. 15).

Исследование нивелировочного слоя под позднюю цитадель середины I в. н. э.

Нивелировочный слой под позднюю цитадель на раскопе III изучался с 2006 г. Над северной частью полуподвала 8 его напластования, мощностью до 1,20 м (отметки -1,31–2,53), раскапывались в 2018 г.[6] Структура нивелировочного грунта хорошо читалась в вертикальных срезах банкета вдоль западного борта и стратиграфических разрезах бортов раскопа. Он представлял собой жёлто-коричневый грунт разложившихся сырцовых кирпичей и глиняной обмазки с мелким бутом и известковой крошкой, с отдельными золистыми линзами и прослойками, выкидами материкового грунта, тонкими гумусными прослойками, обломками античной керамики[7]. В слое найдены: фрагмент желобчатого калиптера коричневой глины, венец пифоса или амфоры с раструбовидным устьем коричневой глины с бежевым ангобом, стенки от нескольких пифосов красно-коричневой глины; несколько венчиков, стенки, ручка позднегераклейских

[6] Отчёт ААЭ 2018 г., рис. 15. 2, 67.2, 69. 2, 75.1, 97.

[7] Отчёт ААЭ 2018 г., рис. 93–96.

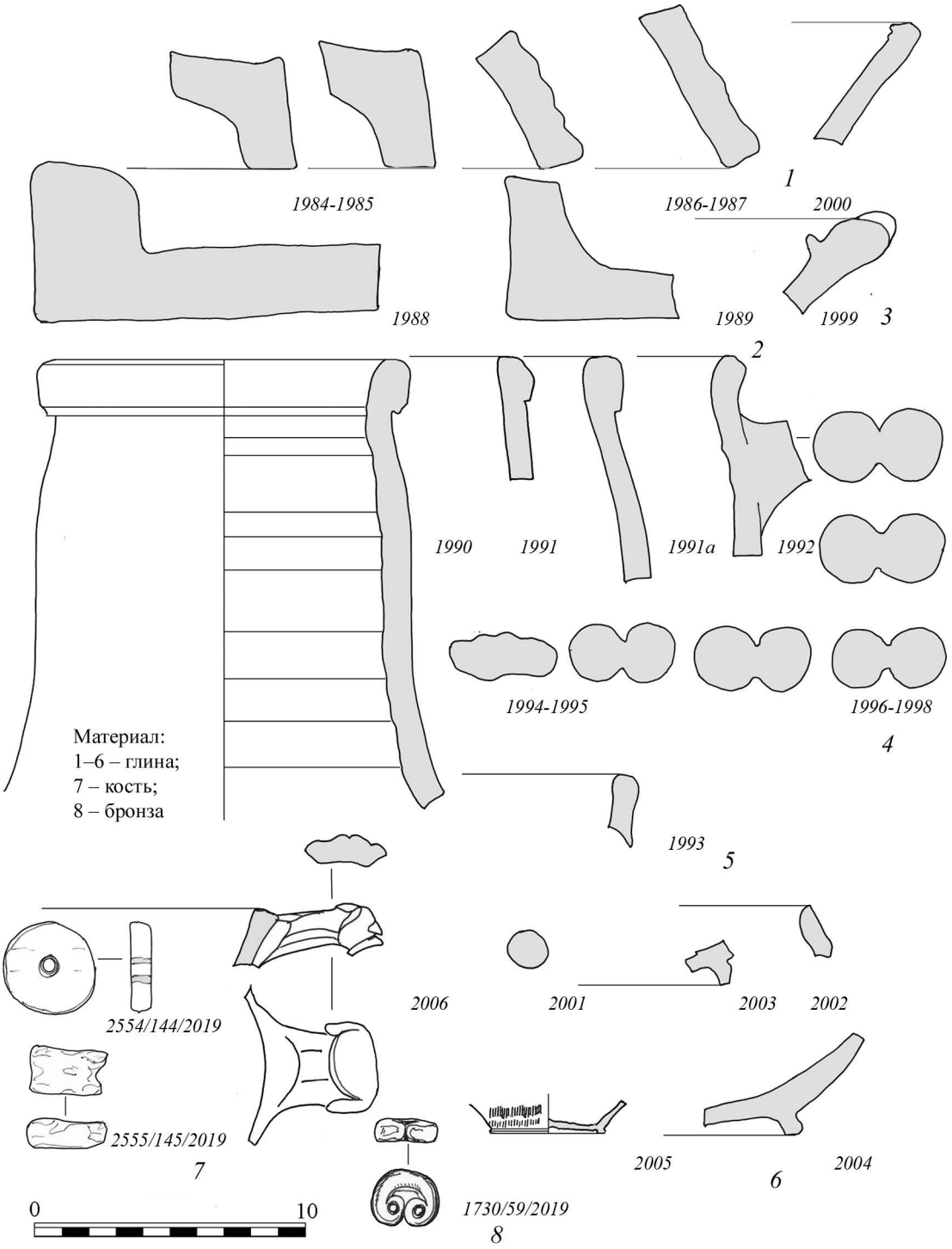


Рис. 14. Находки из насыпи ранней террасы севернее полуподвала 8: уровень верха стен

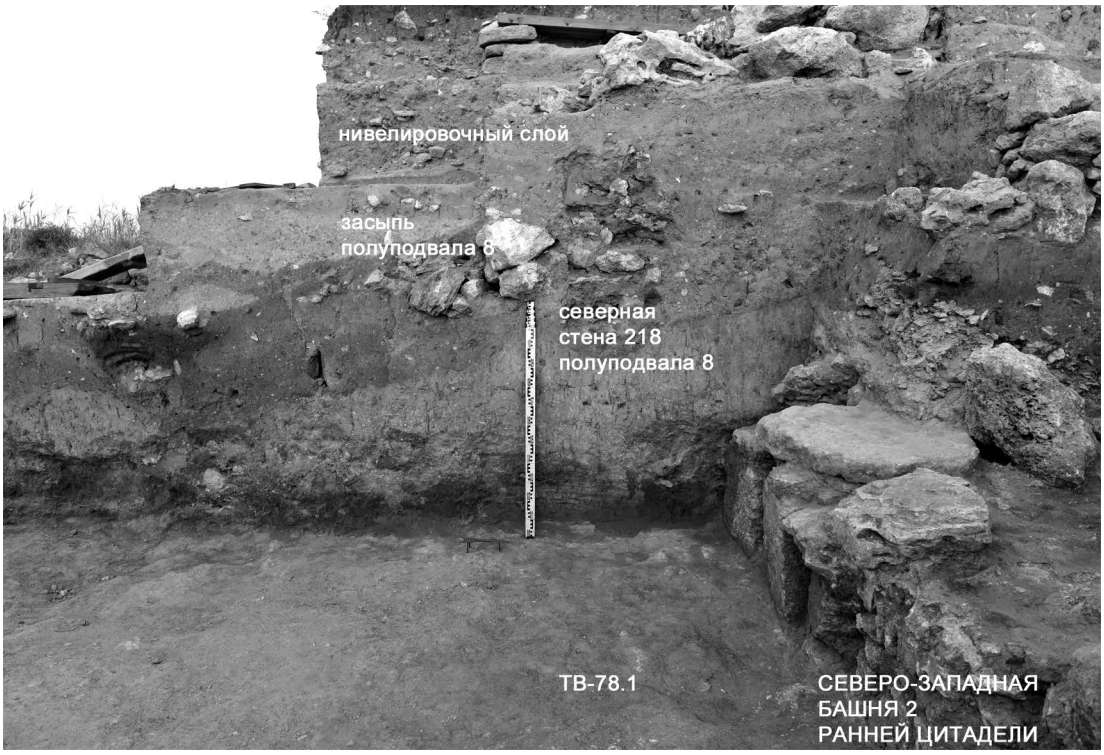


Рис. 15. Полуподвал-хранилище 8 и нивелировочный слой поверх руин полуподвала 8 в западном борту ТВ-78.1. Вид с северо-востока и востока (фото 2018 г.)

амфор типа С–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. (п. о. 2067, 2074, 2073/2018) [*Внуков* 2013, рис. 5.А], ножка амфоры коричневой глины южнопонтийского производства (п. о. 2079/2018), венчик простого гончарного сосуда коричневой глины, венчик простого гончарного сосуда коричневой глины, стенки и донца простых гончарных закрытых сосудов коричневой, красной и розовой глины с бежевым ангобом на поверхности (п. о. 2068, 2071, 2077–2078//2018), небольшое количество обломков стенок и профилей краснолаковых закрытых и открытых сосудов, в том числе от краснолаковых канфаров, украшенных канелюрами (п. о. 2080–2081//2018). Отмечу также: ножку эллинистической амфоры красно-коричневой глины гераклейского производства, несколько фрагментов желобчатых и гранёных калиптеров, соленов коричневой и красной глины, стенки и венцы пифосов красно-коричневой глины с бежевым ангобом; несколько венчиков, стенки, ручки узкогорлых амфор коричневой и бежевой глины, профильные части широкогорлых амфор коричневой глины ранних прототипов типа 83 [*Зеест* 1960]; фрагмент ножки амфоры коричневой глины (п. о. 1894/2018), ножку, стенки и ручки обломков позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60–х – 40–х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А; рис. 5.А], ручки амфор различных типов, венцы, ручки, стенки нескольких простых гончарных кувшинов красной и коричневой глины, край лепной крышки, венцы, стенки, донца серой и чёрной глины, края, стенки и 12 донцев краснолаковых открытых сосудов. Наиболее

интересны происходившие из линз пожара 46/47 г. артефакты со следами действия огня: фрагмент терракоты коричневой глины с изображением складок одежды (?) (к. о. 84/2018), стенка основания терракоты коричневой глины с частью изображения играющей собачки, возможно, от фигурки Артемиды (?) (к. о. 82/2018), граффити на фрагменте стенки амфоры светлой глины в виде плохо читаемых пересекающихся линий (остатки буквы «Δ»?) (к. о. 83/2018), пирамидальное глиняное грузило коричневой глины с граффити в виде косого креста на основании (к. о. 85/2018), фрагмент оплавленного стеклянного сосуда из голубоватого стекла (стенка с ручкой?) (п. о. 1739/2018), стеклянная округлая в плане и уступчатая в разрезе накладка на рукоять меча из прозрачного голубоватого стекла с отверстием по центру (к. о. 69/2018), коррозированная игла большой бронзовой фибулы (п. о. 749/2018), сильно коррозированная фрагментированная ручка металлического сосуда, на нижней части которой имелось рельефное изображение головы козла или сатира (?) (к. о. 76/2018), часть железной сильно коррозированной пластины наличника для замка с отверстиями для личинки замка (к. о. 86/2018), верх точильного камня с отверстием для привязывания из серого мелкозернистого песчаника (к. о. 37/2018)[8]. В слое найдены оплавленные и коррозированные нумизматические находки: монета Фанагории / Агриппии около 13–12 гг. до н. э. (к. о. 124/2018) и медная монета Аспурга (14/15–37/38 гг. н. э.) (к. о. 118/2018), также попавшие из слоя горения.

Исследование поздних объектов,
прорезавших строительные остатки полуподвала 8

Что касается позднейших перекопов, повредивших слой разрушения, строительные остатки полуподвала 8: ям 376 и колодца 14/2015 (ямы 555), то их заполнение раскапывалось на протяжении нескольких полевых сезонов [*Винокуров* 2019, 19–39] (рис. 7). В 2019 г. была полностью расчищена придонная часть *античной ямы 376* от отметки -3,50 и ниже до отметки -4,78[9]. *Она* открыта у северного борта раскопа в 2007 г. среди множества ям I–III вв. н. э. При её устройстве была выбрана практически вся насыпь террасы в пространстве между стенами полуподвалов 7 и 8, что существенно затруднило понимание стратиграфии участка. Яма имела грушевидную в сечении форму. Размер её верха: 2,24×1,89 м; борта расширялись книзу. В глубину она была исследована на 0,74–0,96 м. После раскопок 2019 г., когда было исследована 1,28 м придонной засыпи, общая глубина ямы составила 2,24 м. Диаметр дна: 2,36×2,13 м. Её заполнял жёлто-серый, мелкослоистый золистый грунт с большим количеством крупного и мелкого бутового камня, щебнем, раковинами мидий, печиной, фрагментами керамики первых веков нашей эры. В нём найдены: фрагменты гранёного, желобчатого калиптеров, соленов коричневой глины, стенки и профильные части нескольких пифосов, профильные части и стенки амфор, в том числе: венчик амфоры типа Син Iв с крученой ножкой первая половина II в. до н. э. – середина I в. [*Внуков* 2006, 167; 2013, 29–30, рис. 6. Г], ручки амфор различных типов бежевой, коричневой глины, ножка амфоры оранжево-коричневой глины (п. о. 2038/2019), венчик и ручка амфоры бежевой глины

[8] Отчёт ААЭ 2018 г., рис. 95–96.

[9] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 8–9, 23, 130–132.

(п. о. 2034–2035/2019), отдельные фрагменты стенок и профильных частей простой гончарной (кувшинов и мисок), лепной и краснолаковой керамики рубежа нашей эры[10]. Датировки ямы: I–II в. н. э.

Яма 376 наполовину прорезала более раннюю грушевидную яму 376.1, которая выбрала юго-западный угол полуподвала 8[11]. Устье ямы 376.1 размером 0,70×0,73 м чётко зафиксировано лишь на уровне -3,20, дно, сечением 1,10×1,12 м, расчищено на отметке -4,41. Глубина ямы – не менее 1,21 м. Она заполнена средней плотности золистым грунтом пепельно-серого цвета с углями и раковинами мидий и отдельными фрагментами амфорных стенок. От профильных частей остались обломки венчик пифоса синопского производства, диаметром 240 мм, донце простого гончарного кувшина оранжевой глины с бежевым ангобом, крупный скребок на отщепе из серого кремня эпохи неолита (к. о. 147/2019).

Расположенный северо-восточнее в кв. Ии10/4 колодец 14/2015 (яма 555) *с* подпрямоугольным устьем (сечением 1,58×1,18 м) интересен, так как в нём, помимо поздних находок, были найдены сбросы переотложенного культурного слоя пожара 146/47 г. [*Винокуров* 2019, 19–39]. Верх его находился на отметке -1,43. В разрезе он имел трапециевидную форму. Углы скруглены. Колодец ориентирован длинными сторонами по линии ССЗ-ЮЮВ. Его борта немного расширялись книзу, что больше характерно для обычных ям, чем для колодцев. Он вскрыт на глубину до 1,56 м. Работы ранее были остановлены на отметке -2,99[12]. Объект также прорезал слой разрушения полуподвала 8 с уровня помещений поздней цитадели Котиса I.

В 2019 г. колодец доследован до отметки -5,23. Верх объекта выкопан в культурном слое, нижняя часть – в материковом грунте. До глубины 1,50 м его заполнял рыхлый золистый грунт, состоявший из сбросов золы со щебнем и бутовым камнем, ниже – створ колодца забит очень плотной глиной жёлто-серого цвета с крупным и средним бутом, отдельными фрагментами костей домашних животных и обломков керамики. На глубине -4,80 под глиной вновь оказались линзы мусорного золистого грунта серого цвета с кухонными сбросами с большим содержанием горелого грунта и бытовых отходов: углей, золы, обгоревших костей животных, крупных и средних кусков керамики II–III в. н. э. В золистом заполнении колодца обнаружены: край саманной жаровни,

[10] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 140.

[11] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 9, 87–89, 130–132, 141.

[12] В заполнении колодца ранее найдены: венчик амфоры или пифоса красно-розовой глины, венчик пифоса коричневой глины, часть чаши из днища пифоса коричневой глины, фрагмент венца амфоры коричневой глины, часть венца амфоры коричневой глины с серым закалом, ручки позднегераклейских амфор типа C–IVC – D III–IV вв. н. э. [*Внуков* 2006, 167], амфор с манжетовидным венцом III в. н. э. оранжевой глины с бежевым ангобом, ручек позднеантичных амфор (типы 72, 73, 83 [*Зеест* 1960]; ножка амфоры коричневой глины; несколько десятков стенок и 14 профильных частей лепных сосудов крышки горшков, мисок, блюд, борт цедилки первых веков н. э.; половина открытого лепного светильника серо-чёрной глины типа «лодочки» (к. о. 167/2016); обломок донца гончарной миски серой глины, донце краснолакового сосуда, часть заполированного кружка, изготовленного из фрагмента полихромного стеклянного блюда, декорированного по структуре под мрамор (к. о. 133/2016); фрагмент изящного точильного бруска из песчаника жёлто-серого цвета, размером 44×35×4,9 мм, сечением в виде правильной трапеции (к. о. 122/2016); сильно оббитые метательные ядра из песчаника, весом 10, 160, 195, 80, 90 г. (к. о. 124/2016), фрагментированный железный однолезвийный нож, железный нож с шириной лезвия 15 мм (п. о. 1607, 2024/2016), железный гвоздь. Кроме того, была найдена медная монета, плохо читаемая, возможно, Ининфимея (234–238 гг.) (н. о. 11/2016) (см. Отчёт ААЭ 2016, рис. 28–29).

профиль желобчатого калиптера, два бортика солена бурой глины, многочисленные фрагменты стенок и профильных частей амфор III в. н. э., фрагмент венчика амфоры коричневой глины, диаметром 126 мм, фрагмент венчика амфоры типа Делакеу, диаметром 146 мм, венчик амфоры сиренево-серой глины с манжетовидным венцом, диаметром 124 мм, с бежевым ангобом на поверхности III в. н. э., ручка амфоры серо-коричневой глины (п. о. 2496/2019), ручка амфоры сиренево-серой глины (п. о. 1239/2019), горло амфоры без венца амфоры коричнево-серой глины (п. о. 2510/2019), аналогичной по глине обломкам днищ остродонных амфор (п. о. 2507–2508/2019), венчик амфоры красно-коричневой глины, диаметром 112 мм (п. о. 1241/2019), горло амфоры с фрагментом ручки сиренево-коричневой глины с серым ангобом (п. о. 2507/2010, см. аналог 2508/2019), дно амфоры коричневой глины с осадком смолы, дно амфоры сиренево-коричневой глины (п. о. 2507–2508/2019), горло позднегераклейской амфоры типа «C–IV D-F» с дипинто ИZI (?) красно-бурой краской, нанесённом тонкой кистью (к.о. 136/2019), ручка амфоры типа F IV в. н. э. (п. о. 2513–2514/2019), горло простой гончарной ойнохои оранжево-коричневой глины с серым ангобом (п. о. 2515/2019), профиль простого гончарного закрытого сосуда красно-коричневой глины с высоко поднятыми профилированными петлевидными ручками (п. о. 2512/2019). Отмечу также найденные в яме обломки стенок и профильных частей лепных изделий: часть крышки серой глины, венчики и донца нескольких горшков и мисок, лепной светильник «лодочка» открытого типа серо-коричневой глины с утраченной ручкой, передняя часть которого закопчена и пережжена (к.о. 143/2019); профиль большого лепного горшка серой глины (п. о. 2225–2226/2019), фрагменты краснолаковой керамики: венчик кувшина и дно блюда (п. о. 2516, 2518/2019), граффити на плечиках широкогорлой амфоры типа «Европейский Боспор» сиренево-коричневой глины на основе буквы «А» из нескольких перекрещенных линий (к. о. 137/2019), граффити на стенке светлоглиняной амфоры типа «D-F» в виде буквы «А» (к. о. 138/2019), глиняная серо-черная пережжённая лепешка неправильной округлой формы с отпечатками стеблей зерновых или камыша (к. о. 139/2019). Кроме того выявлены: шарнирная бронзовая петля на основе округлого кольца и прямоугольного коленчатого стержня (к. о. 151/2019), медная петля, часть ременной амуниции (п. о. 2563/2019), полностью окисленная бронзовая оббивка окончания ножен меча со сквозными отверстиями для заклёпок (п. о. 2564/2019), фрагмент железного изделия в виде трепециевидного щитка с прикованной изнутри овальной скобой, вторая скоба на узкой стороне утрачена (к. о. 149/2019), фрагмент лезвия железного ножа из двух частей (к. о. 150/2019), три железных сильно коррозированных гвоздя[13], три медные боспорские монеты: двойные денарии – времени правления Ининфимея (234/235–238/239 гг. н. э.) (к. о. 180–182/2019), дающие нижний хронологический индикатор засыпи колодца.

Исследование пространства западнее и севернее полуподвала 8

Западнее полуподвала 8 прослежен жилой горизонт первой половины первого века нашей эры (рис. 1, 7). Он маркирован одиночным квадром (0,94/0,93×0,52/0,53 м) с пе-

[13] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 143–146.

режжённой до красноты поверхностью. Камень лежал, по линии север-юг, параллельно стене 93, строго горизонтально на отметке -2,27. Подошва его покоилась на насыпи террасы, выше уровня подошвы кладки 93. Вряд ли это алтарь, так как никаких культовых предметов или зольных скоплений вокруг него не обнаружено. Квадр, по-видимому, остался от поздних строительных конструкций и, возможно, был связан с кладками – 93.1–2, отходившими от стены 93 на запад. Но от них остались только обрывки в один-два камня, поэтому уверенно утверждать это нет оснований. В культурном слое, куда был впущен квадр и стены полуподвалов, найдены стенки амфор и простой гончарной античной керамики рубежа – первого века нашей эры: обломки соленов и калиптеров местного производства, стенки, венцы и ручки амфор типа А1 и С–Ia, небольшое число фрагментов простой гончарной, лепной и красно – и серолаковой посуды[14]. Таким образом, дата этого подстилающего слоя не выходит за пределы первой половины I в. н. э.

Севернее полуподвала 8, ниже верха его стен (в кв. Ии10/2, Ки1/1, Ии10/4, Ки1/3), под слоем пожара 2 зафиксирован на отметках -2,40 -2,55 жилой горизонт, сформировавшийся поверх материкового грунта горизонта «В». Он был отмечен многочисленными ямными пятнами из-под извлечённых в древности сосудов и хозяйственных ям, забутованных камнем и глинистым жёлто-коричневым грунтом (рис. 7). Ямы имели диаметр от 0,45 м до 0,70 м. При исследовании насыпи террасы поверх жилого горизонта обнаружены в жёлто-коричневом щебёнистом глинистом слое толщиной до 0,15 м следующие немногочисленные находки: фрагменты нескольких гранёных и желобчатых калиптеров, соленов розовато-коричневой, красно-коричневой и коричневой глины (рис. 14. *1–2***)**, стенки и края двух мортариев (рис. 14. *3***)**, горло амфоры красно-оранжевой глины с серо-бежевым ангобом, диаметром 126 мм (п. о. 1990/2019), венцы, ручки части и стенки позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], типа С–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [*Внуков* 2013, рис. 5.А**]** (рис. 14. *4*), венчик амфоры коричневой глины (п. о. 1993/2019) (рис. 14. *5*), отдельные профильные части и стенки простой гончарной и краснолаковой керамики рубежа нашей эры: профилированная ручка простого гончарного кувшина серо-коричневой глины (п. о. 2006/2019), округлая ручка простого гончарного сосуда коричневой глины (п. о. 2001/2019), край краснолакового открытого сосуда (п. о. 2002/2019), донце краснолакового массивного кувшина (п. о. 2004/2019), донце краснолакового кубка вишневой глины с узором, сделанным зубчатым колёсиком на внешней поверхности (п. о. 2005/2019) (рис. 14. *6*), игральный кружок округлой формы из стенки краснолакового сосуда с отверстием по центру коричневой глины (к. о. 144/2019), найденный вместе с уплощенным, заглаженным астрагалом, сточенным с продольных сторон (к. о. 145/2019) (рис. 14. *7***)**, сильно коррозированная бронзовая (эллинистическая?) подвеска в виде кренделя из толстой расплющенной проволоки (к. о. 59/2019) (рис. 14. *8***).**

[14] Отчёт ААЭ 2007 г., рис. 90.

Часть хозяйственных ям севернее полуподвала 8 исследовалась в 2019 г.: *ямы 613, 628, 637, 638, 540/625–541.1/626* (рис. 7), другая – в 2020 г.: *ямы 685–687*, но последние материалы ещё находятся в стадии обработки.

Одно из ямных пятен в кв. Ки10/4 у западного борта раскопа, северо-западнее полуподвала 8, оказалось большой хозяйственной *ямой 613* колоколовидной формы. Она относилась к стратиграфическому горизонту I в. н. э. Верх её находился на отметке -2,63, дно на отметке -4,87. Горловина правильной округлой формы (1,13×1,17 м) разрушена. Глубина ямы не менее 2,24 м. Максимальное придонное расширение достигало диаметра 1,47×1,68 м. Борта частично обрушились, что привело к изменению первоначальной формы ямы. Она прорезала более ранние ямы, расположенные к западу, северу и востоку от неё. Их зольные заполнения фиксировались с трёх сторон практически до самого дна ямы. Яма 613 была забита до самого верха бутовым камнем, фрагментами квадров и плит вместе с жёлто-коричневом глинистым массивом из разложившихся сырцовых кирпичей и глиняной обмазки. Внутри ямы находились сбросы серого рыхлого мусорного грунта с остатками кухонных пищевых отходов, костей животных, обломков керамики[15]. Внутри ямы найдены: несколько обломков желобчатых калиптеров местного и импортного производства, венчик и стенки массивного пифоса, более пяти десятков стенок античных амфор красно-коричневой глины, два венчика эллинистических амфор (Гераклея, IV век до н. э.), венчик среднегорлой амфоры коричневой глины, ножка эллинистической гераклейской амфоры, горло, ручки и стенки позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], горло эллинистической амфоры розоватой глины с серым ангобом, с фрагментом ручки, типа Солоха II, тип 35 [*Зеест* 1960], ручки амфор, в том числе позднегераклейских амфор, оббитая ножка амфоры коричневой глины, стенки, венцы лепных горшков серой и бежевой глины, край лепной чаши серой глины, диаметром 150 мм, край краснолаковой чаши, несколько фрагментов ручек краснолаковых кубков, кружок из стенки амфоры коричневой глины. Большое количество находок эллинистического времени, скорее всего, оказалось в заполнении ямы 613 при осыпи бортов, из прорезанных более ранних ям.

Расположенная восточнее большая грушевидная *яма 628* была обнаружена на отметке -3,19 на границе кв. Ии10/2 – Ки1/1 после разборки строительных остатков полуподвала 5 I в. н. э. Её верх полностью срезан. Яма 628 имела сечение средней части 1,70 м, глубину – 1,81 м. Внизу она расширялась до 2,80 м, примыкая с севера к фундаменту башни 3 ранней цитадели. Уплощенное дно ямы открыто на отметке -5,00. Вместилище ямы было плотно забито глыбами мшанкового известняка с бутовым камнем, блоками и обломками квадров, обломками сырцовых кирпичей, с жёлто-коричневой вязкой глиной, прослойками чёрного гумуса, костями животных и обломками керамики. Она прорезала более раннюю яму 628.2. В ямном заполнении содержались мелкие обломки стенок нескольких амфор красной и коричневой глины, простой гончарной, лепной и краснолаковой керамики, рубленые кости мелкого и крупного рогатого скота

[15] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 147–149.

со следами термообработки, угли, кусочки печины, а также фрагменты гранёного и желобчатых калиптеров, обломки соленов коричневой глины, стенки и венчик небольшого пифоса, венчик, ручки, стенки и ножка позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], ручка амфоры красно-оранжевой глины (п. о. 1447/2019), стенки, ручка и донце нескольких простых гончарных кувшинов, часть лепной крышки серой глины, венчик, стенки, дно нескольких лепных горшков серой глины, ручка краснолакового кувшина, профильные части открытых краснолаковых сосудов, в том числе край краснолакового сосуда со светло-бежевым растительным орнаментом рубежа нашей эры (п. о. 2132/2019), скол стенки трубчатой кости, с внешней стороны которой осталась неглубокая выемка от действия сверла виде полой трубочки, с помощью которой вырезались кружки для инкрустаций (к. о. 146/2019), фрагментированный серп (?)из серого кремня эпохи энеолита-бронзы (к. о. 57/2019), небольшая часть бронзового стержня, сильно коррозированный железный трёхгранный наконечник стрелы с утраченным основанием (к. о. 164/2019). В верхних напластованиях ямного заполнения найдена медная боспорская монета – ассарий Митридата III 39/40–45/46 гг. н. э.[16] (к. о. 179/2019). Датировка ямы 628 – середина I в. н. э.

Соседняя грушевидная яма 637 открыта на 0,42 м западнее ямы 628 в кв. Ии10/2 (*на* отметке -2,51) по округлому пятну (диаметром 0,89×0,90 м). Она была заполнена мешаным коричневым глинистым грунтом с зольными линзами, обломками печины, сырцовых кирпичей, углей и мелких фрагментов керамики. Яма прорезает раннюю, более глубокую яму 638 и частично яму 628. Глубина ямы 637 – 1,53 м. Диаметр горловины 0,54×0,72 м, дна 1,05×0,90 м. На стенках и дне прослежены следы серо-жёлтой глинистой обмазки. Поверхность дна выровнена (на отметке -4,04). Верх ямы разрушен. Её округлая известняковая крышка (0,80×0,84×0,12 м) вместе с фрагментами плитовой каменной горловиной рухнули вниз и расчищены в обломках на дне ямы. В заполнении найдены обломки черепицы местного производства (гранёного и желобчатого калиптеров), солена коричневой глины, больше двух сотен стенок античных амфор, мелкие фрагменты простых гончарных кувшинов и мисок коричневой и красной глиной, отдельные кости животных со следами кухонной разделки и термической обработки, угли, ручка амфоры синопской глины[17].

Более ранняя колоколовидная яма 638, прорезанная с юга ямой 637, открыта в кв. Ии10/2. (*на* отметке -2,53) по округлому пятну (диаметром 1,06×1,04 м). Она заполнена серым средней плотности грунтом с обломками печины, сырцовых кирпичей, углей и мелких обломков керамики. Глубина ямы 638 – 2,29 м. Сечение горловины 1,32 м, дна 1,73×1,82 м, диаметр максимального придонного расширения 1,88 м. Поверхность дна выровнена (на отметке -4,82). Верх ямы разрушен, плиты горловины находились в обломках на дне ямы. В нижней части с северо-запада она пробивает зольное заполнение ранней *ямы 638.1* тёмно-серого цвета, которая не раскапывалась. В заполнении найдено несколько десятков обломков черепицы местного и импортного производства

[16] Определение монет проведено М. Г. Абрамзоном и М. М. Чорефом.

[17] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 150.

(гранёных и желобчатых калиптеров, соленов), более трёх сотен стенок античных амфор, мелкие фрагменты простых гончарных кувшинов и мисок коричневой и красной глины, отдельные кости животных со следами кухонной разделки и термической обработки, угли. Выделим: венчик, ручки, стенки и ножка позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], оббитое двустрочное синопское клеймо около 329 г. до н. э. на ручке амфоры: [Ποσιδείου] τοῦ Ἡ]φαιστοδ [όρου[18] (к. о. 130/2019), венчик амфоры с воронкообразным горлом рубежа нашей эры, несколько ручек амфор различных типов, в основном, позднегераклейских амфор, донце лепного сероглиняного сосуда, диаметром 110 мм, несколько обломков ручек простых гончарных кувшинов коричневой и красной глины, ручку лепного кувшина[19].

Восточнее от описанных выше ям в кв. Ки1/1 располагались прорезавшие другу друга *яма 625* и *колодец 16/2019*[20] (яма 626). Верх объектов выбран позднеантичными ямами 540/2015 и 540.1/2015. Они были частично перекрыты строительными остатками полуподвала 5 I в. н. э. и оказались доступными для исследования после разборки его фундаментов. Нарушение стратиграфии позднейшими перекопами и уничтожение верха ям привело к тому, что оказалось затруднительным понять, как соотносились между собой и с какого хронологического яруса были впущены эти объекты. Одно было точно: пятна ямы 625 и колодца 16/2019 (яма 626) в 2015 г. проявились на отметке -1,28, на дне хозяйственной ямы 540/2015 и пифосной ямы 540.1[21] после выборки их заполнения, датированного III–IV вв. н. э. Ситуацию осложнили следующие стратиграфические обстоятельства. Во-первых, яма 625 и колодец 16/2019 (яма 626) располагались чётко по створу этих поздних ям, что допускало возможность недоследования ямы 540 и 540.1 в 2015 г. Во-вторых, казалось бы, бесспорный факт перекрытия полуподвалом 5 ямы 625 и колодца 16/2019 (ямы 626) мог неверно интерпретироваться. Грушевидная форма ямы 625 создавала ложный эффект перекрытия одного объекта другим, заходя южным краем под подошву фундамента полуподвала 5. При этом створ колодца 16/2017, немного смещённый к северу, был вне этого фундамента. Таким образом, принцип перекрытия одного объекта другим в данном случае не являлся определяющим. Лишь точное сопоставление планов, высотных отметок и датировки объектов помогло прийти к заключению, что яма 625 и колодец 16/2019 не были продолжением ям 540 и 540.1, а были самостоятельными, более ранними объектами.

Грушевидная *яма 625* проявилась после снятия последних камней фундамента северной стены полуподвала 5. Её пятно, округлое в плане, диаметром не менее 1,31×1,08 м было расчищено на отметке -3,11. Размеры верха ямы 1,28×1,32, дна – 1,95×2,03 м (на отметке -4,45). Глубина ямы – 1,34 м. Её вместилище, прорезанное более поздним колодцем 16/2019 (ямой 626), заполнено мусорным, серо-чёрным грунтом, бутовым камнем, кухонными очажными выбросами и бытовым мусором с углями, костями животных,

[18] Определение А. Б. Колесникова.

[19] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 151.

[20] Колодец 16/2019 стал 17-м по счёту гидротехническим сооружением в центральной части городища Артезиан [*Винокуров* 2019, 19–39].

[21] Верх ям 540 и 540.1 открыт в 2015 г. на отметке -0,18/-0,21.

раковинами мидий, кусками прокалённой печной обмазки, фрагментами античной керамики[22]. Находки в основном концентрировались в верхней части, переотложенной при выкапывании колодца. Здесь обнаружены: фрагменты желобчатых калиптеров и соленов розовато-коричневой и красно-коричневой глины, фрагмент края пережжённой и закопчённой черепицы или угла карниза из плотного известняка (к. о. 51/2019), стенки и донца нескольких пифосов коричневой глины, край мортария, донце мортария оранжево-розовой синопской глины с бежевым ангобом, диаметром 150 мм, стенки и несколько ножек эллинистических амфор, в том числе ножка амфоры серой глины диаметром 54 мм (п. о. 1665/2019), ножка амфоры синопского производства (п. о. 1682/2019), венчик амфоры красно-коричневой глины с бурым ангобом, с двуствольными ручками, колхидского или южнопонтийского производства, диаметром 116 мм, венчик амфоры коричнево-бежевой глины, горло позднегераклейской амфоры типа С–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [*Внуков* 2013, рис. 5.А], ножка амфоры оранжевой гераклейской глины (п. о. 1684/2019), венчик амфоры с воронкообразным горлом бежевой глины, диаметром 116 мм, ручки амфор различных типов с заметным преобладанием ручек позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], типа С–IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [*Внуков* 2013, рис. 5.А], энглифическое клеймо на ручке эллинистической амфоры Менды в виде кружка, сделанного по свежей глине серого цвета, отшлакованной и пережжённой с внутренней стороны до стекловидной поверхности (к. о. 52/2019), ножка позднегераклейской амфоры типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1, 167; 2013, 14–25, рис. 3. А], несколько десятков стенок и 12 профильных частей простых гончарных закрытых и открытых сосудов коричнево-серой, красно-оранжевой и коричневой глины, небольшое количество стенок и профильных частей лепной керамики (кувшинов, горшков, мисок), а также половина лепной солонки серой глины, диаметр дна которой 38 мм (к. о. 50/2019), стенки и четыре профильных части краснолаковых открытых сосудов рубежа нашей эры, бортик краснолакового светильника, оббитое пряслице округлой формы бежево-серой глины (к. о. 63/2019), граффити в виде буквы «N» на стенке краснолакового открытого сосуда бежевой глины (к. о. 53/2019), фрагмент серой морской гальки (п. о. 1710/2019), железный гвоздь, развал бронзовой фибулы (п. о. 1736/2019). Датировка ямы 625 – рубеж нашей эры.

Расположенный северо-восточнее колодец 16/2019 (яма 626) с устьем размером 1,32×0,84 м близким к прямоугольной форме, со скругленными углами резко отличался заполнением, состоящим из плотной вязкой серой глины, в котором находки были единичны. Верх его находился на отметке -2,45. Борта его немного сужались. Колодец ориентирован длинными сторонами по линии С–Ю. Он раскопан на глубину до 2,32 м. Колодец прорезал восточную часть ямы 625 и далее уходил глубоко в материковый суглинок. Работы остановлены на отметке -4,77. В его глинистом заполнении найдены: несколько стенок амфор, край желобчатого калиптера коричневой глины, часть

[22] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 152–154.

ручки округлого сечения серолакового кубка[23]. Датировка колодца 16/2019 (ямы 626): вторая половина I–III в. н. э.

Завершая публикацию, можно констатировать, что на основании стратиграфических данных, следов прорезания крепостными стенами руин полуподвалов 7 и 8 нигде проследить не удалось. Напротив, стены полуподвалов перекрывали и прорезали засыпь строительной траншеи западной крепостной стены 78.1. Лестница, которая вела от подвала 8 в подвал 7 была пристроена непосредственно к внешнему фасу крепостной стены 78.1. Все эти факты, позволяют говорить, что полуподвалы 7 и 8 были построены в период бытования ранней цитадели. Выбросы из переотложенного материкового грунта, которые перекрывали остатки полуподвалов 7 и 8, относились, по-видимому, к периоду реконструкции ранней цитадели между штурмами. Но пока не исключено, что окончательная засыпь разрушенных полуподвалов произошла, когда нивелировался весь центральный участок в ходе возведения стен и башен поздней цитадели. Совершенно точно можно сказать, что засыпанные полуподвалы 7 и 8 были затем перекрыты нивелировочным слоем и мощным фундаментом внутренней подпорной стены 78/2003 поздней цитадели I–II вв. По этой причине они стали доступными для изучения только после разборки этой стены в 2017 г.

Благодаря раскопкам 2019 г. стало очевидным, что полуподвалы 7 и 8 примыкали к западной крепостной стене 78.1 ранней цитадели и были на каком-то этапе с ней синхронны. Мнение о том, что они предшествовали времени её сооружения следует признать не подтверждённым. Таким образом, северо-западный полуподвал 8 и южнее расположенный полуподвал 7 синхронны восточным полуподвалам 1–3 и северному полуподвалу 4. Данный вывод представляется принципиальным для дальнейшего изучения стратиграфии центральной части городища Артезиан.



Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Винокуров* Н. И. 2016. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 3, 712–743.

Абрамзон М. Г., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2012. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 3, 93–146.

Абрамзон М. Г., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2014. Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан //

[23] Отчёт ААЭ 2019 г., рис. 155.

Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии (Боспорские чтения. XV). Керчь, 5–16.

Б*елоусов* А. В., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2017. Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 г. Саки, 31–38.

В*инокуров* Н. И. 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М, 152.

Винокуров Н. И. 2004.Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер // Материалы международной науч. конф. Ч. 1. СПб, 78–88.

Винокуров Н. И. 2005. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф (Боспорские чтения. VI). Керчь, 50–60.

Винокуров Н. И. 2008. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria (Боспорские чтения. IX). Керчь, 67–77.

Винокуров Н. И. 2009. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. 31, 9–16.

Винокуров Н. И. 2010а. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки. I. Москва–Киев, 38–44.

Винокуров Н. И. 2010б. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. 14. 46–65.

Винокуров Н. И. 2012а. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.

Винокуров Н. И. 2012б. Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н. э. // ДБ. 16, 51–76.

Винокуров Н. И. 2013. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. 1 (32), 30–40.

Винокуров Н. И. 2014. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. 6. Исторические науки. Симферополь, 98–105.

Винокуров Н. И. 2015. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // OLBIO. In Memoriam V. V. Krapivina (Археологія і давня історія України. 1 [14]). Київ, 271–294.

Винокуров Н. И. 2018. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. 22. 56–72.

Винокуров Н. И. 2019. Новые колодцы в центральной части городища Артезиан в Крымском Приазовье // Материалы международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора». К 100-летию российской академической

археологии и 80-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 11–14 августа 2019 г. Керчь (Таврические студии. 19). Симферополь, 19–39.

Винокуров Н.И. 2020. Исследование пространства между крепостными стенами и рвом ранней цитадели городища Артезиан: первые результаты раскопок 2019 года // Материалы международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора». К 125-летию открытия склепа Деметры. Август 2020 гг. Керчь (Таврические студии. 22). Симферополь, 31–46.

Винокуров Н.И., *Крыкин* С.М. 2016. Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. // Вестник Московского городского педагогического университета. 2 (22), 64–73.

Винокуров Н.И., *Крыкин* С.М. 2017. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в.н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 4 (58), 170–194.

Винокуров Н.И., *Крыкин* С.М. 2019. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное // ПИФК. 4, 56–92.

Винокуров Н.И., *Трейстер* М.Ю. 2019. Фрагмент бронзового канделябра позднеэллинистического или раннеимператорского времени из раскопок цитадели городища Артезиан // Античные Реликвии Херсонеса. Открытия, находки, теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 г. Севастополь, 49–54.

Внуков С.Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3, 198–206.

Внуков С.Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в.н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб, 320.

Внуков С.Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17. 21–54.

Г*орончаровский* В.А. 2002. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб, 197–206.

Горончаровский В.А. 2003. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в.н.э. // ВДИ. 3, 161–170.

Д*ьяков* В.Н. 1940. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ. 3–4, 71–88.

З*еест* И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83), М., 180.

К*адеев* В.И. 1979. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в.н.э. // ВДИ. 2, 55–76.

С*апрыкин* С.Ю., *Винокуров* Н.И., *Белоусов* А.В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) // ВДИ. 3, 134–162.

A*bramzon* M.G., *Treister* M.Y., *Vinokurov* N.I. 2012. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // ACSS. Vol. 18.2, 207–278.



Summary

N. I. Vinokurov
Further research of cellar in the central part of the Artezian settlement

This publication is focused on the latest data obtained during the 2018–2019 field seasons of the Artezian Archaeology Expedition. Further research of cellar 8 of the early citadel at excavation III in the central part of the Artezian settlement was important for reconstruction of the stratigraphy and chronology of the whole site.

It was located north of the previously excavated cellar 7 with a potter's hearth for firing terracotta figurines. In the course of work, it has been established that the basements were adjacent to the western fortress wall 78.1 of the early citadel and were at some stage synchronous with it.

The earlier stated hypothesis that they preceded the construction of the early citadel should be considered as unconfirmed.

Thus, northwest cellar 8 and cellar 7 located to its south are synchronous with east cellars 1–3 and north cellar 4.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.97-107

А. В. Гаврилов
(Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь)

Новые находки амфор и амфорных клейм Гераклеи Понтийской в Юго-Восточном Крыму

Находки целых и тем более клеймёных амфор в Юго-Восточном Крыму, вообще, достаточно редки. Поэтому новые – несомненно, будут представлять известный интерес для специалистов.

Первая из них: гераклейская амфора из села Ореховка (Кировский р-н Республики Крым) была найдена в августе 2017 г. при работах во дворе гр. Топчикова Э. М. на глубине 1,7 м[1]. При осмотре этого места выяснилось, что выкопанная хозяином под погреб яма полностью разрушила хозяйственную яму античного времени. Её золистое заполнение содержало редкие фрагменты стенок амфор и лепных сосудов, куски печины и кости животных. Никаких внешних признаков античного поселения на месте данного подворья, застроенного в начале 60-х годов прошлого века, обнаружено не было. Вместе с тем, следует отметить, что его местоположение является самым высоким в окружающем пространстве, служа водоразделом между двумя пологими, когда-то обводненными балками (рис. 1). (К западу находится балка Мурзайер, к востоку – безымянная.) А в 0,6 км к северо-западу от домостроения располагается сравнительно большое античное поселение «Ореховка 1» [*Гаврилов* 2004, 158, рис. 52]. Его жители обрабатывали окрестные поля, и вполне естественно предположить, что столь удобное для жизни место было ими освоено и заселено (небольшое поселения типа хутора (выселки)). Удобство данного водораздела было оценено и гораздо позже, в XIX веке здесь была построена улица болгарского села Большие Келичи, отдельные домики которой еще сохранились. Таким образом, находка данной амфоры подтверждает освоенность данного места в IV в. до н. э. и ставит еще одну поселенческую точку на карту округи античной Феодосии.

Размерные параметры амфоры позволяют отнести её к I пифоидному типу варианта I-4 ёмкостью около 9,25 литра [ср.: *Монахов* 2003, 217, прил. 1]. Вероятным эквивалентом этого объема будет мера в три аттических хоя (9,85 литра) или 7 гераклейских хойников, что было характерно для амфор первой четверти IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 128, 143]. Амфоры этого типа и варианта присутствуют во многих керамических

[1] Эта амфора по настоянию автора сдана в фонды Старокрымского литературно-художественного музея, КП 3866 | А 8169.

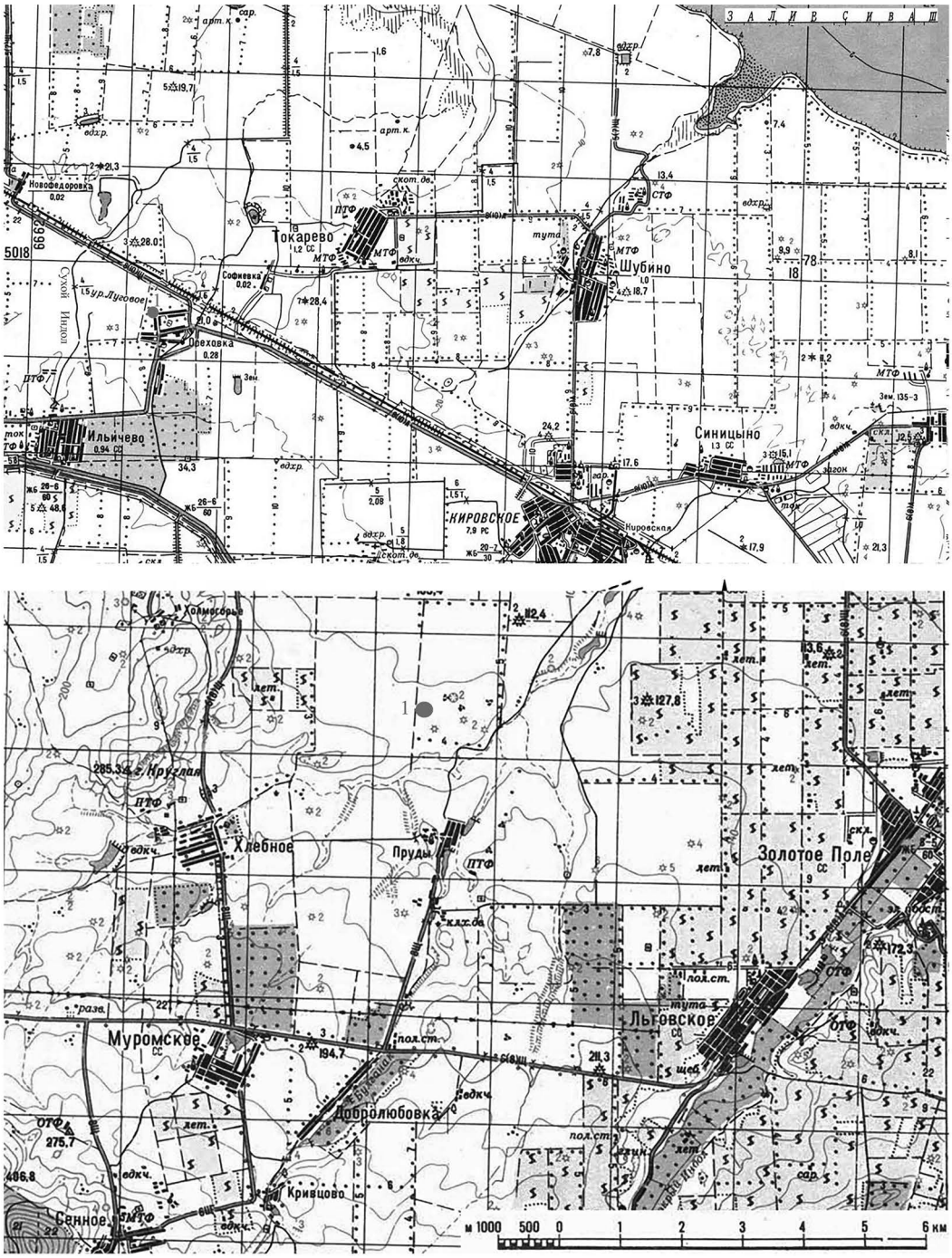


Рис. 1. А: *1* – место находки гераклейской амфоры с клеймом магистрата Аристокла и фабриканта Тидея (село Ореховка Кировского р-на Республики Крым); Б: *1* – место находки гераклейского клейма магистрата Молосса и фабриканта Пасиада (поселение «Пруды» у с. Пруды Кировского р-на Республики Крым).



Рис. 2. Гераклейская амфора с клеймом магистрата Аристокла и фабриканта Тидея:
1 – общий вид; *2* – горло; *3* – клеймо; *4* – дипинти на тулове; *5* – ножка

комплексах, в том числе и с магистратскими клеймами Аристокла, которые датируются в пределах первых двух десятилетий IV в. до н. э. [*Монахов* 1999, 197, табл. 74. *6*; 205, табл. 81. *2*, *3*; 203, табл. 80. *3*; 205, табл. 82. *1*; 216, табл. 90. *1*, *2*]. В клейме рассматриваемой амфоры этот магистрат представлен в сочетании с именем фабриканта Тидея (рис. 2). Вообще же Аристокл встречается в сочетании с именами фабрикантов: Хиона, Диониссия I, Эвклеона I, Евридама, Аргея, Артонда, Феоксена, Коаса, Каллия, Онаса, Пиронида, Тиайя, Силана, Сатира, Сатириона, но с именем Тидея – редко.

В Крыму амфоры с клеймами, содержащими имя фабриканта Тидея, ранее находили в курганах Южного Присивашья [*Махнева, Баранов* 1968, 157; *Монахов* 1999, 311] и на поселениях феодосийской округи: «Яркое Поле 1» [*Гаврилов* 2011, 32, № 1]; «Новопокровка 1» [*Гаврилов* 2011, 90, № 206]; «Журавки 2» [*Гаврилов* 2011, 204, № 29]. Судя по клеймам с сочетаниями данного фабриканта с другими магистратами, мастерская Тидея работала со второй половины 90-х годов по середину 60-х годов IV в. до н. э. С учетом принятой хронологии гераклейских клейм, можно утверждать, что Аристокл клей-

мил амфоры мастерской Тидея в 80-е годы IV в. до н. э., каковым временем и можно датировать данную амфору.

Вторая из публикуемых амфор (рис. 3) зафиксирована мной в частной коллекции жителя Старого Крыма И. И. Кочубея и происходит откуда-то с территории Кировского района Республики Крым, которая в античную эпоху входила в состав хоры Феодосии. Находки фрагментов амфорной керамики здесь не редкость: они часто попадаются на распаханных античных селищах. Например, еще в былые годы в селении Ортай Феодосийского уезда (после 1944 г. – Фрунзево Кировского района, ныне не существует) были найдены хиосские амфоры, которые поступили в Феодосийский музей древностей [*Зеест* 1960, 141, табл. V. 14в]. Позже на этом месте было выявлено античное поселение Партизаны 2 [*Гаврилов* 2004, 165]. В 2016 г. много крупных фрагментов амфор было найдено при копке могилы на мусульманском кладбище села Новопокровка, которое располагается на территории античного поселения «Новопокровка 3» [*Гаврилов* 2004, 163]. Находили целые амфоры и на подворьях села Приветное Кировского района (античные поселения «Айвазовское» и «Гоголевка» [*Кругликова* 1975, 277; *Гаврилов* 2004, 186–187]).

Метрические характеристики амфоры Кочубея позволяют отнести её к I пифоидному типу, варианту I-3 или I-4. Её проверенная емкость – 11,1 литра [ср.: *Монахов* 2003, 217, прил. 1]. Вероятным эквивалентом этого объема будет мера в 3,5 аттических хоя (11,5 литра) или 7,5 гераклейских хойников, что было характерно для амфор конца V – начала IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 127, 143]. На горле амфоры нанесено ретроградное клеймо с полным именем Ортесилая в три строки и сокращенным именем Хиона в круглой рамке (рис. 3).

Среди амфор этого типа и варианта известны образцы, как с фабрикантскими, так и ранними магистратскими клеймами, которые присутствуют во многих керамических комплексах начала IV в. до н. э. Магистрат Ортесилай является первым в списке ранних гераклейских магистратов [*Монахов* 1999, 161; *Кац* 2007, 429, 431]. Его клейма встречены на ряде амфор, например, в ольвийском складе 1947 г. есть две амфоры, на которых прямоугольные двустрочные клейма магистрата Ортесилая поставлены рядом с прямоугольными клеймами фабрикантов Эвпамона и Эвридама. Их имена даны в полной форме [*Монахов* 1999, 197, табл. 76. *6*; 77. *1*, *2*]. На амфорах, выпущенных в 80-е годы IV в. до н. э., имя Ортесилая уже помещается в одном штемпеле вместе с именами фабрикантов, как это видно по клеймам того же ольвийского склада или материалам ямы № 31 на поселении Шпиль [*Монахов* 1999, 197, табл. 77. *5*, *6*; 208, табл. 84. *1*].

Мастерская раннего фабриканта Хиона начала работать в 90-е годы и продолжала свою деятельность вплоть до конца 80-х годов IV в. до н. э. [*Монахов* 1999, 160–161]. Круглые клейма с его именем в сокращенном варианте встречены в материалах Донузлавского кораблекрушения [*Монахов* 1999, 164–165, табл. 56. *6*], погребениях №№ 64 и 74 из некрополя Ольвии [*Монахов* 1999, 168, табл. 58. *4*, *7*], колодца 1992 г. из Херсонеса [*Монахов* 1999, 177, табл. 64. *6*], склада на поселении Сладките Кладенцы [*Монахов* 1999, 194, табл. 74. *6*].

Со второй половины 90-х годов IV в. до н.э, когда в Гераклее начинается магистратское клеймение амфор, устанавливается традиция исполнения магистратуры выбранными из среды фабрикантов лицами [*Монахов* 2003, 125]. И, по-видимому, уже в конце 90-х – начале 80-х годов IV в. до н. э. начинается практика – давать имена магистратов в сокращенной форме [*Монахов* 2003, 125]. Сокращение имени до двух или трех букв

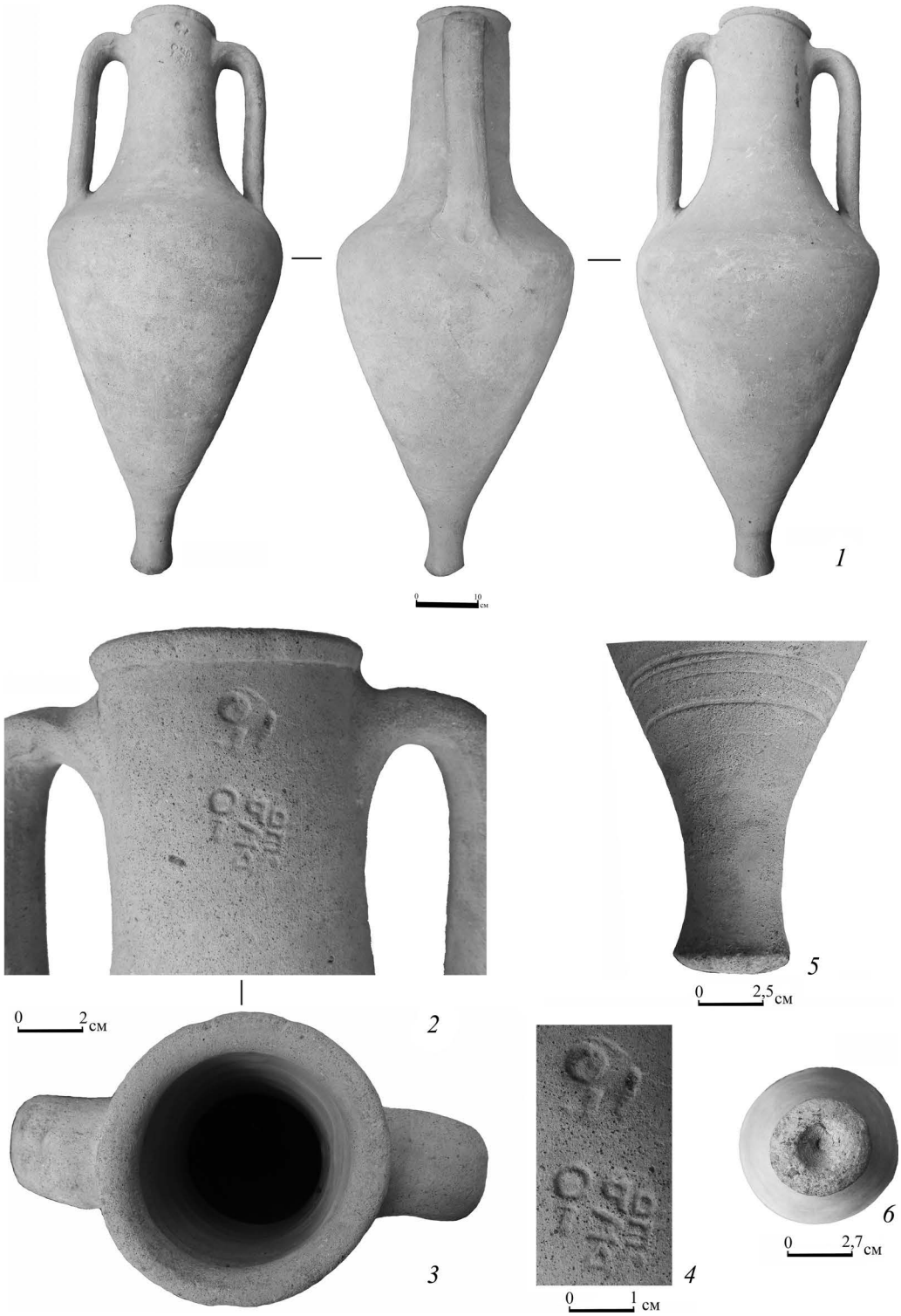


Рис. 3. Гераклейская амфора с клеймом магистрата Хиона и фабриканта Ортесилая (из коллекции И.И. Кочубея): *1* – общий вид; *2, 3* – горло; *4* – клеймо; *5, 6* – ножка

характерно для основной массы эпонимов первой магистратской группы, работавшей с середины 90-х по середину 80-х годов IV в. до н. э. Установлено, что первые магистраты с сокращенными именами: ЛУ (-), ПА (-) начали работать еще во второй половине 90-х годов IV в. до н. э. и такая практика продолжалась до начала 70-х годов этого столетия [*Монахов* 1999, 212, 249]. На начальном этапе магистратского клеймения довольно часто отдельный магистратский оттиск сопровождался самостоятельным фабрикантским клеймом, нередко сделанным тем же штампом, что и в ранней фабрикантской группе [*Кац* 2007, 239]. Из таблицы синхронизации ранних магистратских клейм Гераклеи и Фасоса в комплексах 90-х – 80-х годов IV в. до н. э. следует, что имени Хиона в сокращенном варианте среди магистратов нет [см. *Монахов* 1999, 237, табл. II]. Нет его и среди эпонимов I магистратской группы [*Кац* 2007, 429]. В нашем случае имя Хиона в клейме на амфоре Кочубея дано в сокращенном варианте, следовательно, здесь он является магистратом. Ортесилай же, – очевидно, фабрикант. Если это так, то магистрат Хион должен находится в начале списка имен первой магистратской группы [*Монахов* 2003, 125]. То есть, работал он во второй половине 90-х годов IV в. до н. э. Возможно, в клеймах на амфоре Кочубея Хион впервые выступает в качестве магистрата.

В районном музее поселка Советское находятся фрагменты амфор, происхождение которых точно не зафиксировано. Очевидно, они были обнаружены на территории того же района, где и прежде неоднократно находили подобные артефакты [*Махнева* 1969, 257; *Монахов* 1999, 348–352]. Это обстоятельство не случайно, поскольку этот район в древности также входил в округу античной Феодосии [*Черепанова, Щепинский* 1966, 79; *Шульц* 1967, 227, рис. 1; *Черепанова* 1985, 63; *Гаврилов* 2004, 157–158; 2012, 102]. Среди только что упомянутых материалов выделялось горло гераклейской амфоры с двумя отдельными клеймами: магистрата Аристокла и фабриканта Архела (рис. 4).

В целом, магистрат Аристокл, как только что было отмечено, известен по множеству комплексов. Например, из т. н. Березанского склада 1968 года склада происходит амфора, на горле которой нанесено два отдельных клейма – ретроградное с предлогом ЕП магистрата Аристокла и гончара Каллия с эмблемой – палицей [Монахов, 1999, с. 203, табл. 80. *3*]. Также, в ольвийском складе 1947 года есть две амфоры, на которых отдельные, прямоугольные, двустрочные клейма магистрата Ортесилая поставлены рядом с прямоугольными клеймами фабрикантов Эвридама и Эвпамона [*Монахов* 1999, 197, табл. 76. *6*; 77. *1*].

Отдельные клейма фабриканта Архела были встречены на амфорах из кургана Двугорбая Могила [*Монахов* 1999, 162, табл. 55. *2*], погребения № 64 Ольвийского некрополя [*Монахов* 1999, 167, табл. 58. *2*], кургана № 27 могильника Плавни [*Монахов* 1999, 182, табл. 67. *1*]. Считается, что его мастерская начала работать где-то на рубеже V–IV вв. до н. э. и функционировала до начала 80-х годов IV в. до н. э. [*Монахов* 1999, 162–163]. Иногда клейма фабриканта Архела встречались в сочетании с отдельными клеймами магистрата Аристокла и датировались, очевидно, серединой – второй половиной 90-х годов IV в. до н. э. [*Монахов* 1999, 162]. По-видимому, в первые годы магистратского клеймения исполнение этой должности не было обставлено определенными условиями и каждый магистрат имел свое старое, фабрикантское клеймо, которое использовал для клеймения сосудов, что и наблюдается на амфорах ряда комплексов.

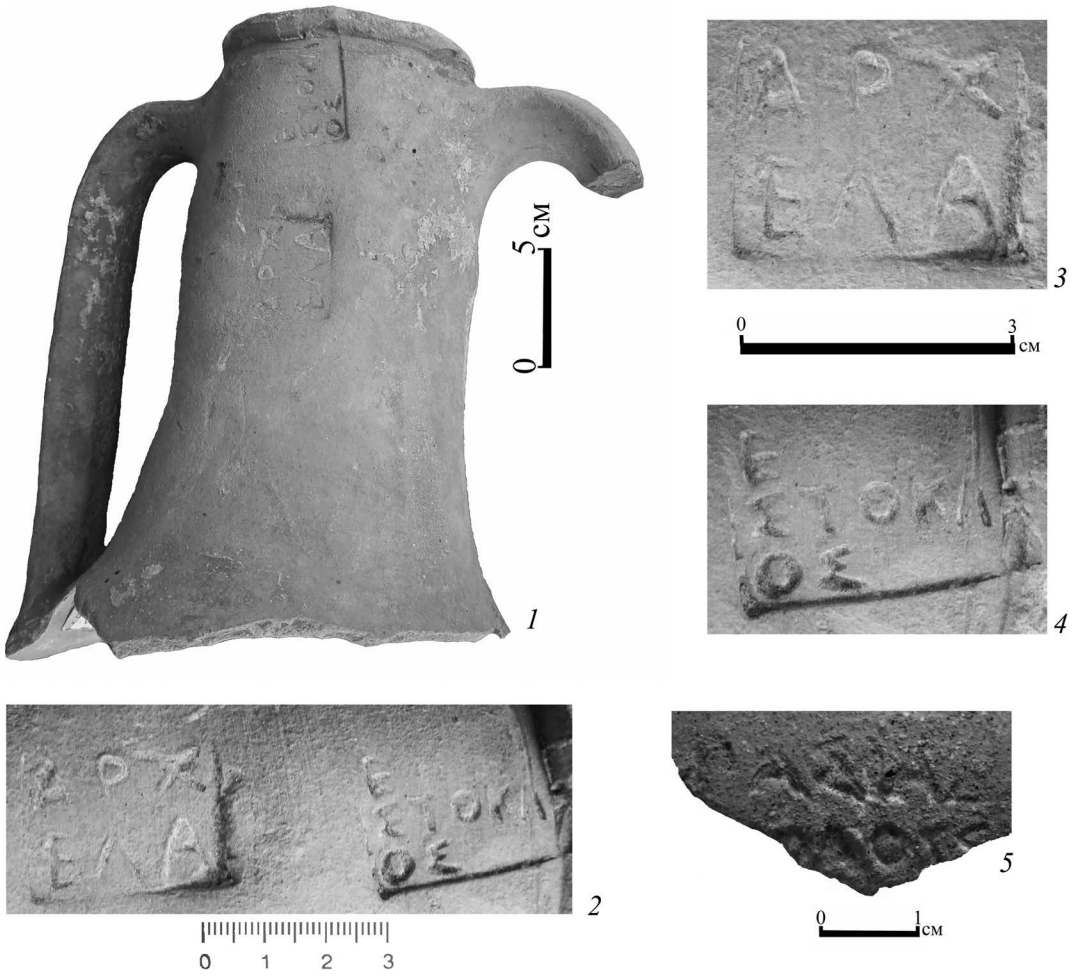


Рис. 4. Горло гераклейской амфоры с клеймами магистрата Аристокла и фабриканта Архела (районный музей пос. Советское, Республики Крым): *1* – общий вид; *2* – клейма; *3* – клеймо Архела; *4* – клеймо Аристокла; *5* – клеймо с поселения «Пруды»

Поскольку магистратские лица были выборными из сообщества производителей и, условно, ежегодно менялись местами [*Монахов* 1999, 270; 2003, 125; *Кац* 2007, 240], быстро возникла необходимость как-то отмечать это в клейме, что и обусловило введение в легенду штемпеля предлога ΕΠΙ. При этом Ортесилай и Аристокл были первыми магистратами, которые начали его употреблять.

Согласно принятой схеме гераклейского клеймения, магистрат Аристокл стоит вторым (после Ортесилая) в списке ранних гераклейских магистратов первой группы из 13 чиновников [*Монахов* 1999, 161; *Кац* 2007, 238]. Начало его деятельности относится ко второй половине 90-х годов IV в. до н. э. [*Монахов* 1999, 203]. На раннем этапе своей «магистратуры» он отмечен с такими же ранними фабрикантами: Хионом, Артондой, Онасом, Дионисием I. Это, в частности, видно по материалам упомянутого Ольвийского склада 1947 г., где Аристокл фигурирует с ними в одном штемпеле. При этом верхняя граница этого склада установлена – он полностью сформировался не позднее конца 90-х

Таблица 1. Гераклейские амфоры и клейма из Юго-Восточного Крыма

№ рис.	№ колл.	Наименование находки	Место находки	Размеры	Центр производства	Примечания
Рис. 2	КП 3866, А 8169	Амфора с клеймом: ΕΠ ΑΡΙΣΤΟ ΚΛΕΟΣ ΤΥΔΕΥΟΣ	Республика Крым, Кировский район, село Ореховка, улица Клубная, дом № 15, Топчиков Э. М. Найдена у западной стены жилого дома. Территория ныне застроена.	высота амфоры 63,5 см; диаметр по плечикам 24,7 см; внутренний диаметр горла по венчику 6,8×9,2 см; высота горла до перехода в плечики 22,0 см; диаметр ручек в сечении 2,9×4,2 см; диаметр подошвы ножки 5,2 см; диаметр самой узкой части ножки 4,2 см; диаметр конусовидной выемки на подошве ножки 2,6 см; глубина конусовидной выемки на подошве ножки 1,5 см; размер клейма: 4,2×2,6 см.	Гераклея, магистратское	Венчик слегка отогнут наружу, в сечении овальной формы. Ручки в сечении подовальной формы. Ножка расширяется к низу, на месте максимального диаметра имеется грань, в центре подошвы сделана конусовидная выемка. Глина светло-красного цвета, тесто с примесью песка, поверхность шероховатая. На поверхности тулова красно-коричневой охрой нанесено неясное изображение в виде ветвей, отходящих вверх от ствола дерева. Под венчиком следы красной краски. Венчик с одной стороны горла отбит, в нижней части тулова утрачена часть стенки. Клеймо расположено на горле, энглифическое, трехстрочное, шрифт средний, оттиск окончания первых двух строк нечеткий. Окончание имени в верхней строке перенесено в начало второй строки. Амфора сдана на хранение в фонды Старокрымского литературно-художественного музея. КП 3866 | А 8169.
Рис. 3.		Амфора с клеймом: ORΘ ΕΣΙ ΑΑ ← [Χ]ΙΟ	Республика Крым, Кировский район	высота амфоры 66,7 см; диаметр по плечикам 28,4 см; внутренний диаметр горла по венчику 8,1×8,3 см; высота горла до перехода в плечики 20,5 см; диаметр ручек в сечении 2,5×4,0 см; диаметр подошвы ножки 5,4 см; диаметр самой узкой части ножки 4,5 см; диаметр конусовидной выемки на подошве ножки 2,5 см; глубина конусовидной выемки на подошве ножки 1,5 см; емкость: вмещает 11 литров и 150 грамм воды, (заполнение чуть ниже венчика);	Гераклея, магистратское	Венчик в сечении округлой формы. Ручки в сечении овальной формы. Ножка расширяется к низу, на месте максимального диаметра имеется грань, в центре подошвы сделана конусовидная выемка. Глина светло-красного цвета, тесто с примесью песка, поверхность шероховатая. Два клейма, на горле, энглифические, каждое поставлено отдельным штампом. Имя Ортесилая оттиснуто в три строки, ретроградное, от штампа частично сохранилась еле заметная квадратная рамка, оттиск легенды четкий. Фабрикант Ортесилай. Второе имя оттиснуто выше имени Ортесилая, отдельным круглым штампом, буквы крупные. Состоит из трех хорошо крупных букв. Буквы I и O оттиснулись четко. От буквы X оттиснулась только часть. Магистрат Хион.

Таблица 1. Гераклейские амфоры и клейма из Юго-Восточного Крыма *(окончание)*

№ рис.	№ колл.	Наименование находки	Место находки	Размеры	Центр производства	Примечания
				диаметр рамки клейма Хиона: 1,8 см; размер клейма Ортесилая: 2,7×2,9 см	Гераклея, магистратское	Амфора хранится в личной коллекции жителя Старого Крыма И. И. Кочубея.
Рис. 4.	314	Горло амфоры с двумя клеймами: ΑΡΧ ΕΛΑ ΕΠ ΑΡΙ ΣΤΟΚΛΕ ΟΣ вторая половина 90-х г. IV в. до н. э.	Республика Крым поселок Советский, районный музей	Высота горла 63 см. Ø по венчику 9 см. Размер клейма Архелы: 2,0×3,1 см Размер клейма Аристокла: 2,2×3,3 см	Гераклея, магистратское	Два клейма, на горле, энглифические, каждое поставлено отдельным штампом. Имя Архелая оттиснуто в две строки, буквы крупные, оттиск четкий. Второе имя (магистрата) оттиснуто выше имени Архелая, отдельным штампом, состоит из трех хорошо различимых строк. Однако, начало имени Аристокла после предлога ΕΠ совсем не оттиснулось, поверхность горла на месте букв не имееет видимых следов оттиска. Буква Е в имени Аристокла оттиснулась на венчике. Горло хранится в районном краеведческом музее поселка Советский.
Рис. 4.		ΠΑΣΙΑΔ[Α Μ]ΟΛΟΣΣ[ΟΣ] первая половина 70-х г. IV в. до н. э.	Республика Крым, Кировский район, село Пруды, античное поселение «Пруды», подъемный материал	Размер клейма: 1,9×3,5 см	Гераклея, магистратское	На горле, энглифическое, двустрочное, оттиск четкий, начало верхней строки отбито, начало и окончание нижней строки отбито. Магистрат Молосс. Клеймо сдано на хранение в фонды Старокрымского литературно-художественного музея.

годов IV в. до н. э. [*Монахов*, 1999, с. 197, табл. 76. *1–5*]. Следовательно, отдельные клейма магистрата Аристокла и фабриканта Архелы на горле амфоры из районного музея п. Советского относятся ко второй половине 90-х годов IV в. до н. э.

Ещё одно интересное клеймо было найдено на античном поселении близ села Пруды Кировского района (рис. 1). Его легенда, несмотря на фрагментарность, читается вполне надежно и содержит имена фабриканта Пасиада и магистрата Молосса (рис. 4). Клейма с таким сочетанием имён попадались нечасто, хотя первое из них изредка встречается на гераклейских клеймах с поселений округи Феодосии [*Гаврилов* 2011, 106, № 279; 121, № 383; 202, № 19]. Такое же клеймо есть на амфоре типа I-А варианта I-А-2 емкостью 8,9 литра из Эрмитажа. Античная мера этого варианта соответствовала 2 аттическим гемигектам (8,75 л) или 2,5 хоям (8,21 л) [*Монахов* 2003, 132–133, табл. 91. *3*; прил. 1, 219]. Самые ранние образцы амфор I-А-2 появляются вместе с амфорами типа I-А-1 – в 70-е годы IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 132]. Установлено, что на рубеже 80–70-х годов IV в. до н. э. вновь возрождается традиция помещать имена чиновников в клейме в полной форме. При этом их имена давались как с предлогом ЕПІ, так и без него [*Монахов* 2003, 249], но у ранних магистратов этого времени эпонимный предлог употреблялся редко [*Кац* 2007, 238].

Относительная последовательность магистратов от рубежа 80-х – 70-х годов до второй половины 60-х годов IV в. до н. э. была установлена С. Ю. Монаховым. В ней магистрат Молосс являлся третьим из 18 чиновников (стоит после Дионисия I и перед Этером) [1999, 250]. В связи с появлением новых материалов, он пересмотрел последовательность лиц второй магистратской группы и расположил их так, что магистрат Молосс стал пятым (после Сулия и перед Этером) в ряду чиновников 80-х – 70-х годов IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 125]. В целом же, магистратура Молосса уже работала в самом начале 70-х годов IV в. до н. э. [*Монахов* 1999, 260]. Этот магистрат отмечен со многими фабрикантами и, учитывая что в Гераклее того времени одновременно работало 20–30 мастерских, они ещё не все в настоящее время установлены [*Кац* 2007, 234]. Мастерская фабриканта Пасиада, одного из них, судя по типу амфор, а также уточненному списку магистратов и фабрикантов, начала работать в конце 80-х и выпускала амфоры до конца 70-х годов IV в. до н. э. По-видимому, магистрат Молосс клеймил амфоры мастерской Пасиада в самом начале 70-х годов IV в. до н. э.

В целом представленные в данной публикации материалы из округи античной Феодосии дополняют, детализируют и уточняют процесс амфорного производства и магистратского клеймения в Гераклее Понтийской в первой четверти IV в. до н. э.



Список литературы

Г*аврилов* А. В. 2004. Округа античной Феодосии. Симферополь, 368.

Гаврилов А. В. 2011. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) (Археологический альманах. 24). Донецк, 350.

Гаврилов А. В. 2012. Подкурганный склеп с уступчатым перекрытием в Присивашской степи у села Лебединка // ДБ. 16, 102–113.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М.,178.

К*ац* В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII) / Симферополь–Керчь, 478.

Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 299.

М*ахнева* О. А. 1969. Находка гераклейских амфор в Крыму // СА. 4, 257–259.

Махнева О. А., *Баранов* И. А. 1968. Гераклейские амфоры из южного Присивашья // АИУ 1967 г., 157–160.

Монахов С. Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов, 678.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов, 352.

Монахов С. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Чурекова* Н. Б. 2017. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 208.

Монахов С. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Чистов* Д. Е., *Чурекова* Н. Б. 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 352.

Ч*ерепанова* Е. Н., *Щепинский* А. А. 1966. Там, где пройдет Северо-Крымский… Симферополь, 95.

Черепанова О. М. 1985. Скіфське поховання з с. Надєжда Кримської області // Археологія. 50, 63–65.

Ш*ульц* П. Н. 1967. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 225–237.



Summary

A. V. Gavrilov

New finds of amphorae and amphora stamps in the South-Eastern Crimea

The publication presents new findings of Heraclea amphorae and amphorae brands of this center from the district of ancient Theodosia, which complement and detail the process of amphorae production and magistrate branding In Heraclea of Pontus in the first quarter of the fourth century BC.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.108-141

Н. В. Ефремов*, А. Б. Колесников**
(Отделение Классической филологии. Институт истории университета г. Грайфсвальда, Германия; ** Институт археологии РАН)*

Матеевич Н., Самойлова Т. Л. Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998–2008 гг.). Киев: Издатель Олег Филюк, 2017. – 234 с.

Abyssus abyssum invocat!

Год от года количество публикаций, включающих в себя керамические клейма, неуклонно растет. Реже появляются монографические труды, посвящённые отдельным коллекциям материала, будь то по отдельным производственным центрам или по местам находок. Не может не радовать, что такой важный источник, десятилетиями хранившийся в фондах многочисленных музеев, становится наконец-то доступным широкому кругу исследователей. Не в последнюю очередь это касается керамических клейм из Тиры. За исключением немногочисленных статей «оттиски» из Тиры не публиковались. Этот недостаток и призвана была частично устранить рассматриваемая монография.

Хочется отметить, что решение написать на неё рецензию созрело не сразу и далось нелегко. Долгие годы знакомства с авторами и постоянные контакты с ними не способствовали тому, чтобы сесть за стол и без поблажек дать объективную оценку многолетнему труду уважаемых коллег. Но, вспоминая известную метафору – «amicus Plato, sed magis amica veritas», мы принялись за этот тяжёлый, неблагодарный труд. чтобы, как указано в эпиграфе: «ошибка не рождала (другую) ошибку». Наша цель при этом была не «обличить неучёность» наших коллег, но исправить допущенные просчёты, не для того чтобы спровоцировать обиду, но чтобы, если не избежать подобных «недоразумений» в будущем, то сократить их количество. Следует отметить, что «стартовая позиция» в нашем случае была значительно лучшей. В отличие от авторов монографии в нашем распоряжении были неопубликованные материалы IOSPE III, хранящиеся в Архиве ИА РАН, картотека Афинской агоры, доступная теперь большей частью в электронном виде[1], появившийся совсем недавно в печатном и электронном вариантах корпус родосских клейм из Александрии[2], а также большое количество неопубликованных клейм с территории Боспора.

[1] https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid

[2] http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/requete.php?#formulaire

Итак, какое впечатление возникает по прочтении монографии «с карандашом в руках»? Прежде всего, – ощущение какой-то недоработки. Уже при первом, беглом просмотре бросается в глаза большое количество неточностей и откровенных ошибок, на что будет указано ниже. Работа написана в соавторстве, что, возможно, обьясняет целый ряд повторений и разночтений, когда некоторые положения преподносятся дважды (стр. 9, 10, 13, 16, 21, 22, 23, 24, 25, 26: появление бастарнов, поход Зопириона, почести для гражданина Тиры, начало чекана псевдолисимаховских статеров, экономические связи с Синопой). Каждый из этих пунктов заслуживает отдельного обсуждения, что невозможно в рамках данной статьи.

Во Введении отмечается, что в отличие от своих предшественников, авторы имели счастливую возможность широкого использования иностранной литературы, а сама работа осуществлена на «основе наиболее современных исследований античной керамической эпиграфики» (стр. 6). Такое заверение обманчиво, ибо как раз результаты работы, несмотря на столь солидную базу, весьма далеки от совершенства.

В историческом очерке также не всё так однозначно. Прежде всего, это касается общих вопросов истории региона в рассматриваемый период. Представляется несколько переоцененным значение товарно-денежных отношений в греко-варварских контактах (стр. 13, 25). Довольно прозрачна «абсолютная» хронология, с точностью до года (?!) (стр. 9, 13, 16) в отношении появления скифов, сарматов, бастарнов и трибаллов в степях Приднестровья. Источник такой уверенности не называется и можно только гадать, каким образом авторы сумели достигнуть таких результатов при практически полном отсутствии соответствующей информации «из первых» или хотя бы «из вторых рук»! Остаётся только позавидовать такой осведомлённости. На самом же деле известные места у древних «информаторов» весьма расплывчаты и представляют, как, впрочем, часто в истории античного мира, широкое поле деятельности для «исторической реконструкции», т. е. своего рода *speculationes* применительно к той или иной эпохе. Печально, когда история того или иного региона пишется в основном или исключительно на основании гипотез. С другой стороны, хорошо документированный поход Александра Македонского против трибаллов датируется в монографии различно: 335, что верно [см., например: *Bosworth* 1988, 29] и 336 гг. (стр. 9, 13).

Несколько обескураживает система цитирования античных авторов. Так, например, не особенно посвящённый в тематику читатель будет напрасно искать опубликованные «мемуары» диадоха Александра Великого, египетского царя Птолемея Лага (стр. 12: I, 4, 1; стр. 13: VII. 3. 8), ибо приведённые там ссылки относятся к труду Арриана из Никомедии «Анабасис Александра», который в этом месте, как и в ряде других, называет свой первоисточник – утраченный труд Птолемея [FGrHist 138; *Kornemann* 1935; *Pearson* 1960, 188–211; *Seibert* 1990, 19–21]. Несколькими строками ниже, наконец, появляется и сам Арриан вместе со своим предшественником (в «новой» транскрипции) Фукидидом (!). Кроме того, непонятно, что скрывается под весьма своеобразным сокращением Tuc. II. 96. 1 (с. 22): Корнелий Тацит (Tac. + сокращённое названияе труда), или Фукидид (Thuk.)[3]? Демосфен, очевидно, цитируется по французскому переводу (с. 32:

[3] Принятую систему цитирования античных источников см., наример: LAW. Bd. 3, 3439–3462.

Demosthene, XXXV. 10). Наконец, ссылки на Страбона (Strab. XIV. 637) и Плиния (Plin. XIV 75) (стр. 105) следовало бы давать по общепризнанным критериям (Strab., XIV. 1, 15 (637C); Plin., NH XIV. 9. (75), что существенно облегчило бы их поиск.

В очерке «Торговля и керамическая эпиграфика Тиры в доримский период» многократно обыгрывается гипотеза Н. А. Гаврилюк [1999, 270], которая в противовес господствующему мнению полагает, а не доказывает, что основным товаром региона в торговле с греками были рабы (стр. 21, 22, 26). Со своей стороны, авторы монографии отмечают: «Пока невозможно определить обьём хлеботорговли варваров, живших в Днестровском регионе, с греками, но и нельзя полностью отрицать её наличие» (стр. 21).

Совершенно очевидно, что такая статистика никогда не станет возможной. Всё остальное – это область фантазии и «пустых, невыполнимых обещаний». Что же касается ассортимента товаров, вывозимых из Северного Причерноморья, то важнейшими из них были хлеб, скот, кожи, продукты скотоводства, рыба и рабы [*Брашинский* 1984, 175]. Единичные находки клейм Пароса и Крита, которые привлекаются в качестве показателя эпизодических торговых связей Тиры с этими центрами, ни в коей мере ими не являются, ибо могли попасть туда окольными путями в качестве дополнительного груза.

Несколько своеобразны и познания в античной географии. Так, на стр. 23 встречаем утверждение: «К концу V в. до Р. Х. торговые отношения с восточно-греческими центрами полностью прекращаются», а несколькими строками ниже: «В IV в. до Р. Х. продолжают сохраняться оживлённые связи с Хиосом, который играет значительную роль в виноторговле…». «В это же время прослеживаются связи с Родосом…». В этом месте хочется спросить, разве эти центры не являлись как раз восточно-греческими? На той же странице отмечается, что в Тире «известна продукция других островных центров, таких как Пепарет, Аканф…». Если в случае с первым – это, действительно остров (совр. Скопелос), то второй полис находился на полуострове Акта (совр. Айон-Орос). Совершенно беспочвенно утверждение, что аттический импорт в третьей четверти IV в. до Р. Х. бы потеснён такими экспортёрами как Аканф, Пепарет, Менде… Речь идёт об экспортёрах различной продукции и, в то время как последние три полиса поставляли товары в амфорах, Афины являлись признанным призводителем и экспортёром товаров для более узкого круга потребителей, в частности краснофигурной и чернолаковой керамики. А прекращение поступления товаров из этих центров было связано с политическими перетурбациями в Греции в период Александра Великого и диадохов.

Оставив в стороне целый ряд спорных положений в исторической и экономической частях монографии, перейдём, наконец, к основной теме рецензии – каталогу керамических клейм[4].

Гераклея

Поскольку нашей основной задачей является анализ клейм с внесением необходимых исправлений в тех случаях, когда это возможно, мы не станем подробно останавливаться на обзорной части, отослав читателя к корпусу Н. Ф. Федосеева. Однако нельзя не отметить, что некоторые утверждения в рассматриваемой здесь монографии,

[4] Требования, предьявляемые к публикации клейм см.: [*Кац* 2007, 37 слл.; *Гарлан, Боду* 2011, 411 слл.].

вызывают, по меньшей мере, недоумение. Для примера отметим совершенно абсурдные домыслы, что «в магистратских клеймах, в некоторых случаях, встречаются имена фабрикантов», либо «в основном клейма Гераклеи эпиграфны и редко содержат эмблемы» (стр. 34). Опровергать эти утверждения не имеет смысла, ибо проверка на основании практически любой публикации гераклейских клейм подтвердит их несостоятельность. Абсолютно невежественной является точка зрения, что Гераклея была основана *милезийцами* (стр. 34) (это, очевидно, неологизм из романо-германских языков?). Здесь следует отметить, что все (!) античные источники единодушно называют в качестве метрополии Гераклеи либо Мегары, либо беотийцев и мегарцев [*Сапрыкин* 1986, 17]. Гераклея была дорийской колонией, а не ионийской апойкией Милета.

Прежде чем перейти к рассмотрению самих оттисков, следует отметить, что в этой части монографии при чтении клейм авторы в большей или меньшей мере опирались на мнения Н. В. Павличенко и В. И. Каца. Безусловно, это позволило избежать ошибок в целом ряде случаев, но в то же время авторитет указанных коллег сыграл злую шутку, когда предложенные ими восстановления, очевидно, перенимались некритично и без надлежащей проверки.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
1.	[Βο]ά[θου] ἐπὶ Ἀνταγ(άθου)	Βοά[θο]υ ἐπὶ Ἀνταγ(...). в конце первой строки неясная эмблема	По фотографии в первой строке видно большее число букв, чем это отмечено у авторов. В имени магистрата принято дополнение Е.М. Придика (с утерей знака вопроса). Однако такая форма не отмечена ни в гераклейских клеймах, ни в LGPN. Кроме того, в подзаголовке фигурирует другое (!), также некорректное дополнение неизвестного нигде имени (Ἄνταγος). Из нескольких вариантов, представленных в LGPN наиболее часто встречается Ἀνταγόρας. Тем не менее, в подзаголовке следовало бы указать сокращённую форму Ἀνταγ(...).
5.	[Ν]όσσ[ο ἐπὶ] Δεινο(μάχου)	Ν̣όσσ̣ο(...) Δεινο(...)	Предлога в данном штампе нет. Ссылка на С.Ю. Монахова [*Монахов* 1999, 281, табл. 114. 4 = *Ebert* 1913, 42, Abb. 41] вдвойне некорректна, так как у него нет круглых скобок и приведен иной штамп, где имя магистрата стоит в полной форме. Ссылка на Lavall et al. (имя, правильно, Lawall) – фикция, ибо в этой публикации ольвийский экземпляр [*Lawall* et al. 2010, 379, L-22, pl. 270] прочитан неверно. Клеймо необходимо повернуть на 180°. При этом хорошо виден двойной оттиск, где левый частично перекрывает правый; между линиями рамок образуется угол около 155°. Правильное чтение ольвийского клейма – Σωτῆ|ρος.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
6.	[ἐπὶ] Εὐξέν(ου) Σωσιβί[ου]	канфар → ἐπ̓ Εὐξενί(δα) Σωσιβίου ретроградно	Скобки в данном случае не нужны. Надпись сохранилась полностью и все буквы хорошо видны на фотографии. Предлог в виде ἐπ̓, а не ἐπὶ. Имя магистрата сокращено до конечной «ι», а не «ν». Над надписью имеется эмблема – канфар. Опубликованы еще два экземпляра того же штемпеля – из Мирмекия [*Пругло* 1972, 15, рис. 5. *17*] и с Елизаветовского городища [*Брашинский* 1980, 236, табл. XXVIII. *373*]. В обоих случаях окончание надписи обломано. На основании этих двух клейм В.И.Кац определил и ввел в свой список имя магистрата Εὔξενος [*Кац* 2007, 432, № 47]. Это же имя он предложил и авторам рецензируемой работы, не отметив того факта, что именно тирский экземпляр позволяет исправить имя Εὔξενος на Εὐξενι. В другом штемпеле [см.: *Брашинский* 1980, 167, № 337; *Полин* 2014, 361, рис. 285; *Монахов* 2007, 95, табл. 1. *9*] сохранилась конечная «δ» и это обстоятельство позволяет восстановить имя магистрата–Εὐξενίδας.
8.	Ἡ[ρακλεί(δα)] палица ← Θε[ώνικος]	Ἡ[ρακλεί(δα)] палица ← Θε[ώνιχος]	В имени фабриканта ошибочно восстановлена «κ» вместо «χ». № 8 и № 7 одного штемпеля, что хорошо видно по отлично сохранившемуся экземпляру: [*Лосієвский, Бондар* 2015, 42, № 25]. Ссылки на И.Б. Брашинского, чьи чтения изобилуют ошибками, в данном случае только путают читателя.
9.	Ἰσ[τιαίου] ἐπὶ Ἰφικράτεος ретроградно	Ἰσ[τιαίου] ἐπ[ὶ Ἰφικρ(άτεος)] ретроградно	Того же штемпеля [*Федосеев* 2016, 69, № 394; *Матеевич, Редина* 2015, табл. II. 24].
13.	Μνασίμαχο Μαλάκων	Μνασίμαχος Μαλάκων	В данном случае имя магистрата оканчивается на «ς». Клеймо того же штемпеля [см.: *Полин* 2014, 383, рис. 301. *5*].
18.	Ἀρ[ίστωνος] ἐπ[ὶ Στυφώνο]	Ἀρ[ίστων] ἐπ[ὶ Λύκωνος] ретроградно	Клеймо того же штемпеля [см.: *Кац* 2015, № 738].
19.	[Δ]έξιππ[ος] ἐπὶ Στύφωνο[ς]	Δεξιππ[ο ↑ лист] ἐπὶ Στύφω[νος]	Клеймо того же штемпеля [см.: *Кац* 2015, № 819].
20.	[...] Палица (?) [Σ]τύφων	[Εὐκλέων] палица → [Σ]τύφων	Аналогии: [*Федосеев* 2016, № 1403].
23.	[Μυό]ς [Σπί]νθαρ(ος)		Ошибочно указана ретроградность надписи. Не приведены основания для восстановления первой строки. В подзаголовке в имени магистрата ошибочно указано «τ» вместо «θ».

№	Прочитано	Исправления	Примечания
24.	Σύρ(ος) кадуцей ← Θευμ[έ](νης)	Στρ[ου](…) кадуцей ← Θευμ[ε](…)	Исправление чтения имени магистрата на Σύρος, на наш взгляд, сомнительно. Известно достаточное количество оттисков для восстановления легенды ΣΤΡΟΥ | ΘΕΥΜΕ. Из них лучшей сохранности: [*Василенко* 1971, 478, табл. V. *6*; *Федосеев* 2016, 209, № 1949].
25.	Φιλ[ῖνος] Εὐπάμων	Φιλ[ίσ]- κο[υ]	Клеймо того же штемпеля [см.: *Колесников* 1985, 84, вклейка, рис. 2. *43*].
36.	[Διονυ]- σίου	[Διο|ν]ύ- σ|ιο	Фотография обрезана как сверху, так и снизу. Не указано, что ромбовидная форма клейма разделена вертикальной линией на две части. Следовало бы отметить распределение букв по секторам. Клеймо того же штемпеля [*Кац* 2015, № 2220].
42.	[....ηρακ]λει [ηρακλει]	[Ἡρακ]λεί(δα)] палица ← [Θεώνιχος]	Одного штемпеля с № 8.
44.	Θεο[γέν]- εος	Θεο[γέν]- εος [Η(...)лист ↑]	Клеймо принадлежит магистрату Η(...). Того же штемпеля клейма: [*Кутайсов* 2015, 319, рис. 38. *16, 17*; *Федосеев* 2016, 170, № 1553].
52.	[...] [Σκ]ύθα		Во-первых, непонятно почему часть клейм с двумя именам помещена в раздел фабрикантских, во-вторых, Σκύθας во второй строке – всегда магистрат.
58.	[...]δας Много вариантов прочтения.	[Κερκίνος] [палица ←] [Ἡρακλεί]δας	№ 58 по всем признакам подклеивается к № 11.
59.	[...]ου	[Ἰστια]ίου [ἐπὶ Ἰφικ]ρ(άτεος) ретроградно	Особенности шрифта позволяют уверенно предложить такое восстановление. [ср.: *Федосеев* 2016, 69, № 394].
61.	[...]ευ. [Ἀπολλ]ωνίο(υ) ретроградно	[Ἰκ]έυ[ς] Ὠνί(α) ↓ венок ретроградно	Новые имена. Надпись восстанавливается по аналогии [*Buzoianu, Bărbulescu* 2008, pl. XXIX, S. 639 (чтение иное)].
65.	[Εὔπο]ρος Канфар ? […]	[Στασί]χορος канфар → [Λυσίθε]ο(...)	Клеймо в публикации следует повернуть на 90° по часовой стрелке. Магистрат - Λυσίθεος. Полный оттиск см.: [*Федосеев* 2016, № 1940].
66.	Ἀμ... Σω... кадуцей ↑ ретроградно	Μα(...) Σω(...) кадуцей слева ретроградно	
68.	[…]ε μ…	Ἐτύ- μου оттиснуто дважды	Ср. с № 39, 40.
71.	анэпиграфное. лист плюща	анэпиграфное. гроздь внутри листа	

Фасос

№	Прочитано	Исправления	Примечания
2.	Θασίων эмблема Αἰσχρίων	Θασίων полумесяц ↑ Αἰσχρίων	Новая эмблема.
5.	[Θάσιων | Ἀμύ]ν[τωρ| Δ]ά[δας] Лябрис →	Ἀμύντ|ωρ Θάσιο|ν | Δάδας лабрис → 	Неправильно определен порядок слов надписи и не указана схема её построения. [см.: *Garlan* 1999, 261, № 813].
6.	Θασίων муравей с листом во рту → Ἀπολλόδωρος	Θασίων муравей тащит зерно → Ἀπολλόδωρος	Этого же штемпеля [*Bon* et *Bon* 1957, 111, № 237] (эмблема не определена). Лучшая сохранность тирского экземпляра позволяет определить эмблему.
7.	[Θασίων] рог (?) → Ἀριστείδ[ης]	[Θασίων] рог изобилия → Ἀριστείδ[η|ς]	См.: распределение букв по экземпляру того же штемпеля [*Garlan* 2004 –2005, 292, fig. 7].
9.	Ἀρισ[τομένης)] | [Σκύμ]νο(ς) Геракл лучник↑→ Θασίων	Ἀριστο|μέ(νης) Σκύμ|νο(ς) Θα|σίων Геракл-стрелок ↑→ 	Неправильно определена схема построения надписи. [см.: *Garlan* 1999, 159, № 327].
11– 12.	[Θ]ασίων Птица со сложенными крыльями → Ἀριστοφ[άνης]	[Θ]ασίων птица в полете → Ἀριστοφ[ά](νης)	Это Ἀριστοφάνης I, а не Ἀριστοφάνης II. О различении этих омонимов см.: [*Tzochev* 2016, 70–71. Того же штемпеля: *Кутайсов* 2015, 326, рис. 45. *1*; *Tzochev* 2016, 139, № 183].
13.	Θασίων прора ↑ Ἀριστοφά[ν](ης)	Θασίων прора ↑ Ἀριστοφά(νης)	Это также Ἀριστοφάνης I, а не Ἀριστοφάνης II. В имени эпонима в конце «α» а не «ν». Этого же штемпеля [*Bon* et *Bon* 1957, 111, № 237].
14– 15.	[...]|[Θασίων]/ [Ἀρ] χέστρα(τος) собака →	[...]| Ἀρχέσ|τρα(τος) собака → Θασίων 	Неправильно определен порядок слов надписи и не указана схема ее построения.
16.	Θασίων ← алабастр → Βίωνος	Βίωνος алабастр ← Θασίων	Новая эмблема. Неправильно определена схема построения надписи.
20.	[Θ]ασίων Гроздь винограда → [Δεΐαλκος] ?	[Θ]ασίων гроздь ← [Δεΐαλκο(ς)] ?	Неправильно определена схема построения надписи [см.: *Avram* 1996, 110, № 211 a, b, pl. XVI.
24.	[Θασίων] [алабастр] [Ἡρ]οφ[ῶν](τος)	[Ἡρ]οφ[ῶντος] алабастр → [Θασίω]ν	Этого же штемпеля [*Стоянов*, *Маджаров*, *Божкова* 2017, 152, № 181].
25.	[Θα]σίων дельфин → [Ἡ]ροφ[ῶντος]	[Ἡ]ροφ[ῶντος] дельфин → [Θα]σίων	Неправильно определена схема построения надписи [ср.: *Стоянов*, *Маджаров*, *Божкова* 2017, 150, № 171–173].
56.	Θασίων буква А ← [Πολυνεί]κης	Θασίω|ν vac.|Πολυνεί|κης буква А →	Неправильно определена схема построения надписи.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
58.	[Θα]σίων амфора → [Πρηξίπολις]	[Θ]ασίων амфора → Ι̣ρη[ξίπολις] ←	Неправильно определена схема построения надписи.

Синопа

№	Прочитано	Исправления	Примечания
3.	ἀστυνόμου Αἰσχίνου Γλα[υκία] семечко, палица ↑	ἀστυνόμου Αἰσχίνου Γλαυκί[α] ↑↑ гроздь, палица	Первую эмблему авторы вслед за И. Гарланом [*Garlan* 2004a, 255, № 206] трактуют как «семечко». Однако именно на тирском экземпляре видно, что это «гроздь».
4–7.	Αἰσ[χίνου] ἀσ - τυνομοῦντο[ς] Θυός → палица	Αἰσ[χίνου] ἀσ- τυνομοῦντο(ς) Θυός → палица	Вторая строка оканчиваеся на «о» [см.: *Garlan* 2004a, 155, cat. 208, Pl. XXVI].
8.	[ἀστυνό]μου [Αἰσχίνου] палица↑ [Θύο]ς ?	[ἀστυνό]μου [Αἰσχίνου] [Κινώλιο]ς (или Σύμμαχος) палица вертикально	По данной схеме более вероятен фабрикант Κίνωλις (ср.: IOSPE III, № 756) или Σύμμαχος.
12.	ἀστυνομοῦ[ντος] Αἰσχρίωνος [τοῦ] [эмблема?] Ἀρτεμιδώρου Ἀγάθων	ἀστυνομοῦντος Αἰσχρίωνος τοῦ Ἀρτεμιδώρου Ἀγάθων ↑канфар	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 5627.
16.	[ἀστυνομοῦντος] [Ἀντ]ιμάχου τοῦ ↑ Θ[ευπεί]θου [...] [рог изобилия]	[ἀστυνομοῦ]ντος [Τει]σιμάχου τοῦ Θ[οπόμ]που [...] рог изобилия	
17.	[Ἀπολλοδ]ώρου [ἀστυν]όμου. гроздь↓идол↑ [...]ατου	[Ἀρτεμι]δώρου [ἀστυν]όμου [Φιλοκρ]άτου гроздь, герма	Тот же штемпель см.: IOSPE III, № 1694.
18.	…υος ἀστυνόμου Ἀπολ[λοδώρου гроздь ↓	[Βό]ρυος ↑→голова ἀστυνόμου Ἀπολλ[ωνίου]	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 1949.
24.	[Βόρυος ἀστ]υ- [νομοῦντ]ος → […]νου мужская голова с лучами (Гелиос ?)	[Βόρυος ἀσ]τυ- [νομοῦντ]ος ↑→ [Καλλισθέ]νου голова Гелиоса	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 15988.
25.	ἀσ[τυνόμου] Βόρυος [τοῦ Ζεύξ[ιος] Μίδ[α] [Артемида с двумя факелами] ↑	ἀσ[τυνόμου] Βόρυος [τοῦ Ζεύξ[ιος] Μιδ[ίας] [Артемида с двумя факелами] ↑	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 12725. В данном случае имя фабриканта Μιδίας имеет сигматическое окончание.
28.	[ἀστυνομοῦντος] Δελφινίου τοῦ Καλλίου колос ↑ Δάμω[νος]	ἀ[στυνομοῦντος] Δελφινίου τοῦ Καλλίου Δάμων ↑ колос	Имя фабриканта стоит в номинативе.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
30.	[ἀστυνόμου] Δημητρίου [τοῦ] кратер↑ Θευγνήτου [Κ]αλλισθένου	[ἀστυνομοῦντος] [Δη]μητρίου [τοῦ] Θευγνήτου ↑ [Κα]λλισθένου кратер	Этому штемпелю соответствует магистратура в форме абсолютного генетива ἀστυνομοῦντος.
35.	Διον[ύσιου] ἀστ[υνόμου] [венок] ↑ Σι[λ]ο[...]	Δίου ἀστ[υνόμου] Φιλο[κράτου] [голова сатира впрямь, герма]	Того же штемпеля IOSPE III, № 2713.
36.	ἀστυνόμου Διονυσίου канфар ↑ [...]	ἀστυνόμου Διονυσίου ↑ [Βακχίου] канфар	[*Garlan* 2004a, 166, cat. 253, pl. XXXI].
47.	[ἀστυ]νόμου Ἑστιαίου канфар↑ [Κλεαινέ]το[υ]	[ἀστυ]νομοῦ(ν)τος Ἑστιαίου [Πίσ]το[υ] ↑ канфар	Одного штемпеля с № 49.
49– 50.	ἀστυνομοῦντος Ἑστιαίου канфар ↑ Πίστου	ἀστυνομοῦ(ν)τος Ἑστιαίου Πίστου ↑ канфар	Не отмечено, что в названии магистратуры резчиком пропущена вторая «ν».
51.	ἀστυν[όμ]ου Ἑστιαί[ου] канфар ↑ Π[...]	ἀστυν[ομ]οῦ(ν)τος Ἑστιαί[ου] Π[ίστου] ↑ канфар	№ 47, 49–51 оттиснуты одним штемпелем.
52.	ἀστυνόμ[ου] Ἑστιαίου [канфар ↑] Στέφανος	ἀστυνομ[οῦντ(ος)] Ἑστιαίου Στεφάνο[υ] [лист, канфар]	Одного штемпеля с IOSPE III, № 3224.
53.	[ἀστυ]νόμου [Ἑ]στιαίου канфар ↑ Σωσία[ς]	[ἀστυ]νόμου [Ἑ]στιαίου Σωσία ↑ канфар	[*Стоянов*, *Маджаров*, *Божкова* 2017, 186, № 301].
55.	ἀστυνόμου Εὐχαρίστου цветок ↑ [...]τυ[...]	ἀστυνόμου Εὐχαρίστου [Μιθριδάτης] цветок	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 4562.
57.	[...] цветок ↑ [...]ος [...]	[ἀστυνόμου] [Εὐχαρίστ]ου [Νουμήνι]ος цветок	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 4712.
58.	[...]ου цветок ↑ Εὐχαρίστο. [...]	[ἀστυνό]μου [Εὐχαρίσ]του [...] цветок	
60.	ἀστυνόμου Εὐχαρίστου τοῦ Καλλισθένου [...] гроздь	ἀστυνόμου Εὐχαρίστου τοῦ Καλλισθέ- νο[υ Πρῶτος] гроздь	Одного штемпеля с IOSPE III, № 3446.
61.	[Ζωπυρίωνο]ς [ἀστυ]νομοῦντο[ς] [Κου]ρυλος канфар ↑	[Φίλωνος ἀ]σ- [τυ]νομοῦντο- [ς Κ]ώρυλος ↑ канфар ← палица	Одного штемпеля с IOSPE III, № 7737.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
63.	ἀστυνόμου [Ἡρακ]λείδου ↑ [τοῦ Μικ]ρίου [Ἀπατού]ριος статуя с рогом изобилия	[ἀστυ]νόμου [Ἡρα]κλείδου [τοῦ] Μικρίου ↑ [Στέ]φανος статуя с рогом изобилия	Новое сочетание имен.
64.	[ἀστυ]νόμου [Ἡρα]κλείδου ↑ [τοῦ Ἑκ]αταίου [...] Геката с веткой	[ἀστυ]νόμου [Ἡρα]κλείδου [τοῦ Ἑκ]αταίου [Καλλισθένης] ↑ Геката с веткой	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 26546. Перегравировка в 4-ой строке.
66.	ἀ[στυνόμου] Ἡρωνύμου Ἡρωνύμου τοῦ Ποσειδωνίου↑ Σ[...]λίω[...] [трофей]	ἀ[στυνόμου] Ἡρωνύμου τοῦ Ἡρωνύμου τοῦ Ποσειδωνίου ↑ Σιμαλίων трофей	IOSPE III, № 3795 (без илл.).
74.	[ἀστυν]όμου [ἀστυν]όμου [Ἰκεσίου] τοῦ [Ἀντιπάτρ]ου [...]	[ἀστυν]όμου [Φημίο]υ τοῦ [Θεοπείθ]ου Человек давит в корзине виноград. Клеймо оттиснуто дважды.	IOSPE III, № 7568, 7610, 7615 (штемпели другие).
85–86.	Μίκ[ου ἀστυνο]- μοῦντος [гроздь←цветок←] Ποσειδ[ωνίου]	Μικ[ρίου ἀστυνο]- μοῦν[τος] Ποσειδ[ωνίο(υ)] конь скачет влево	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 4731.
87.	Μ[ίκου] ἀσ[τυνόμου] [гроздь←цветок←] Ποσειδ[ωνίου]	Ν[ικομήδη](ς). ἀσ[τυνό(μου)] Ποσειδ[ω](...). ←↑ орел на дельфине	Одного штемпеля с Волна-1, 2001, оп. 279.
88.	[Μικρίου] ἀσ[τυνο- μοῦντος конь ← [Ἀπολλ]ώνι[ος]	[Μικρίου] ἀστ[υνο]- μοῦντος [Καλλισθ]έν[(ης)] вздыбленный конь влево	IOSPE III, № 5384 (без илл.).
89.	Μικρίου ἀστυνομοῦ- ντος Ἀπολλω- конь ← νίου τοῦ Μαν(τιθέου) конь	Μικρίου ἀστυνομοῦν- τος Ἀπολλω- νίου τοῦ Μαν- [τιθέου] конь влево	IOSPE III, № 5339, 5340 (без илл.).
93.	Μικρίου ἀστυνο- μοῦντος [...]	Μικρίου ἀστυνο- μοῦντος [Κινώλιος] конь скачет влево	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 895.
94.	[Μικρίου] [ἀστυνο-] [μο]ῦντος конь ← [...]ν	[Μικρίου ἀσ]τυνο- [μοῦντος] [Σιμαλίω]ν конь скачет влево	Одного штемпеля с IOSPE III, № 5426.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
95.	ἀστυνομοῦντος Μικρίου τοῦ τροφεῖ ↑ Ἀρισταγόρου Ἀ[...]	ἀστυνομοῦντος Μικρίου τοῦ Ἀρισταγόρου Ἀ[γά]θων ↑ τροφεῖ	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 23858.
97.	Μνη[σικλέους] ἀστυ[νομόου]. → Θυό[ς] [гроздь]	Μνη[σικλέου ἀστυ[νομοῦν(τος)] Θυό[ς] ↑ гроздь	IOSPE III, № 5426; одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 8250.
98–99.	ἀστυνόμου Μνησικλέους [гроздь ↓] [...]	ἀστυνόμου Μνησικλέους [Στεφάνου] ↓↑ лист, гроздь	IOSPE III, № 5739; одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 2024.
101.	[ἀστυνομοῦντος] [Μν]ησικλέ[ους] τοῦ [Ἀρ]ι[σ]τέως [...]λῆς стоящая фигура вправо	[ἀστυνομοῦντος] [Μ]νησικλέ̣ους τοῦ [Ἀρ]ιστέως [Εὐ]κλῆς стоящая фигура вправо	IOSPE III, № 5799 (без илл.).
105.	Πασ[ιχάρου] [ἀσ]τυνόμου. ↑ [Πυθοκ]ράτους канфар	Πασ[ιχάρου] [ἀσ]τυνομοῦν(τος) ↑ [Φιλ(ο)κ]ράτους канфар	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 2037.
109.	[Ποσιδείου] τοῦ Ἡφαιστο[δόρου] палица ↓ ἀστυνόμ[ου]	[Ποσιδείου] τοῦ Ἡφαιστο(...) ἀστυνόμ[ου] ↑ палица	Отчество астинома в сокращении Ἡφαιστο(...).
111.	ἀστυνομοῦντος Πόσιος τοῦ Ἀστίου гроздь ← Μενίσκος	ἀστυνομοῦντος Πόσιος τοῦ Ἀστίου →↑гроздь, лист Μενίσκος	Не отмечена вторая эмблема.
112.	[ἀστυνόμου] [Πό]σιος τοῦ [Ἀσ]τίου ↑ гроздь [...]	[ἀστυνομοῦντος] [Πό]σιος τοῦ [Ἀσ]τίου ↑ гроздь [Ἡρακλέω]ν	Одного штемпеля с IOSPE III, № 6973.
128.	ἐπὶ Φίλ|ωνος ἀστυ|νόμοῦ[ντος..] ιλιάνιος гроздь→ канфар←	ἐπὶ Φίλ|ωνος ἀστυ|νόμο|[υ Κ]υλιάνιος гроздь, канфар ←	
129.	[…]/[…]/[…] гроздь→ канфар←		Вероятно, того же штемпеля, что и № 128.
136.	[...] ο[...]орел на дельфине← ω[...]	[Νικομήδη.] [ἀστυν]ό(...) [Ποσειδ]ω(...) ←↑ орел на дельфине	Одного штемпеля с [*Кац*, 2015, № 1314].
137.	[...] [ἀστυνό(μου). [ракушка,…] Πρυτάνιος ↑↑	[Ἀντιμάχου] [ἀστυνό(...)] Πρυτάν̣[ι(ος)] ↑↑ ракушка, канфар	IOSPE III, № 1110 (без илл.), Фанагория-1950 (ГМИИ), Волна -1/2017 (ТМК).
139.	[...] [ἀστυ]νόμου [Φιλο]κράτους	[Ἐπιδήμου] ἀσ[τυ]νομοῦντος Φ[ιλο]κράτους ↑ [канфар]	Одного штемпеля с ВКИКМЗ, ККК 1939.

№	Прочитано	Исправления	Примечания
140.	[...] [ἀστυ]νόμου [Φιλο]κράτους	[Βόρυος ↑→ голова] ἀστυνόμου Φιλοκράτους	Одного штемпеля с [*Кац*, 2015, № 1106].
141.	[...] [...] Σ<ε>ιμ[αλίωνος]	[Ἡφα]ιστί[ου τοῦ] [Πο]σειδ[ωνίου] [κεραμέως] [гроздь над канфаром]	
142.	[...]ευς [ἀσ]τυνό канфар↑ [...]	[Φίν]τιος [ἀσ]τυνο(...) [Ἡφαιστί(...)] ↑ канфар	Одного штемпеля с IOSPE III, № 3864.
144.	[...] [ἀσ]τυνόμου [Δ]ιονυσίου	[Καλλισθ]ἐν[ης] [ἀσ]τυνόμου [Δ]ιονυσίου ↑ [канфар]	Одного штемпеля с IOSPE III, № 2472.
147.	[...]νιος [...] колос пшеницы ↑	[ἀστυνομοῦ]ντος [Δελφινίο]υ [τοῦ Καλλίο]υ [....] ↑ колос	По схеме построения легенды, сохранившимся буквам и эмблеме клеймо может принадлежать только этому астиному.
149.	[...]σ τοῦ [...]ε[...]νου [ἀστυνο]μοῦντος	[Γέροντο]ς τοῦ [Εὐξ]ένου [ἀστυνο]μοῦντος	Во второй строке мы не видим лакуны между E и N. В таком случае единственно возможным будет предлагаемое чтение, хотя штампы с подобным построчным распределением букв нам неизвестны.
150.	[...] [ἀστυνό]μου [...]νιος	[Φίλωνος] → [ἀστυνό]μου [Πρυτ]άνιος палица	Того же штемпеля [*Garlan* 2004a, 138, cat. 132, pl. XVI].
151.	[ἀστυνομο]ῦντ[ος] [...] лист, ↓канфар ↑ [...]υ	[ἀστυνομο]ῦντ(ος) [Ἑστιαίου] ↑ [Στεφάνο]υ ↑ лист, канфар	Одного штемпеля с № 52. Возможно, два фрагмента одного клейма.
152.	[...] [...]νος	[...]νος	Клеймо, скорее всего, однострочное фабрикантское.
153.	[...] [...]ο вилы (?), сосуд [...]νι	[Ἰστικῶνος] [ἀστυν]ο(...) [Ἡφαιστί]ο(...) [τοῦ Ποσειδω]νί(...) ↑↑ вилы (?), амфора	С оставшимися на клейме буквами возможно только единственное сочетание имен. На известных клеймах две эмблемы – гроздь и амфора. На клейме из Тиры первая эмблема иная.
154.	Πο[σειδωνίου] ἀσ[τυνόμου] N[...]		Восстановление первой строки ничем не аргументировано. В данном случае не менее вероятны и другие варианты.
156.	[...]ου [...]ου [эмблема?] [...]η	[ἀστυνόμ]ου [Εὐχαρίστ]ου [Κεφαλί]ων ↑ цветок	Одного штемпеля с № 59.
157.	[ἀστυνομοῦ]ντος [...] Герма? [...]υ	[ἀστυνομοῦ]ντος [Ἱκεσίου τοῦ] [Ἀντιπάτρο]υ [...] ↑ герма	

№	Прочитано	Исправления	Примечания
158.	[...] канфар ↑ ἀστυνό(μου) [...]στι	[Φίντιος] ἀστυνο(...) [Ἡφαι]στί(...)↑ канфар	Одного штемпеля с IOSPE III, № 3864.
161.	[...]ευς [ἀστυν]όμου гроздь ↓ [...]ω[...]	[Μνησικλ]έους [ἀστυνο] гроздь μου [Ποσιδ]ωνί[ου]	IOSPE III, № 5715 (без илл.).
162.	[...ι...]ωνος ἀσ]τυνόμου эмблема (?) […]ο[...]	[Φ]ίλωνος [ἀσ]τυνόμου [...]	
163.	[...]θέου(?) [...]ε[...] (?) факел↑ [...]	[Μαντι]θέου [...] факел ↑ [....] ?	
164.	[ἀστυνό]μου [...]ινο пилос?,ойнохоя↑ [...]ιδο	[Λεωκ]ρίτου [ἀστ]υνο(...) [Ποσ]ειδω(...) ↑↑ цветок, сосуд	
165.	Αγ[...]ού [не ясный символ]	Ἀτ[ώ]του бородатая голова влево	Клеймо фабрикантское [см.: *Garlan* 2004a, 192, cat. 360, pl. XLI, «голова Геракла»].

Херсонес

В этом разделе опубликовано 52 клейма, 40 из которых – магистратские. Остановимся подробнее на некоторых чтениях, а соответственно, интерпретациях и датировках.

№	Прочитано	Исправления	Аналогия: [Кац 1994]	Хрон. группа
1, 2.	[Ἀγά]θων(ο) [Γνά]θωνος [ἀστυ]νόμων	[Ἀγα]θών(ος) [Γνά]θωνος [ἀστυ]νομῶν(τος)	I 1-1, 3	II А
3.	[Ἀγασ]ικλέος [ἀστυ]νόμου		II 1-2, 6 либо I 1-2, 4	I Г
4.	[ἀστυνόμου] Ἀγασ[ικλέος]	Ἀγασ[ικλέος] [ἀστυνό(μου)] АΘ (монограмма)	I 1-2, 2	I Г
5.	[Αἰσ]χίνα [ἀστ]υνόμου		IV 1-7, 4	I Б
6.	[Ἀ]πολλά[θεο](υ) ἀστυνόμ[ου]	[Ἀ]πολλά[θέου] [ἀ]στ]υνόμ[ου]	VI 1-12, 1	I Г
7.	[Ἀπολλω]νίδα [ἀστυν]όμου		VIII 1-15, 4	I Г
8.	Ἀπολλωνίο[υ [ἀστ]υνόμου		IX 1-20, 1	I Б
9.	Ἀπολλ[...] ἀστυν[όμου]	Ἀπολλ[ωνίδα] ἀστυν[όμου]	VIII 1-15, 2	I Г
10.	[Βαθύλ]λου [ἀστυνό]μου	Скорее один из штампов Аполлония на табл. IX (*Кац*, 2015).		I Б I Б I В
11, 12.	Διοσκο[υρίδα] ἀστυ[νόμου]		XVI 1-40, 11	I Г

№	Прочитано	Исправления	Аналогия: [Кац 1994]	Хрон. группа
16, 17.	Ἡρογείτου ἀστυνόμου	Два разных штампа.	XXI 1-52, 2 XXI 1-52, 4	I Б
18.	Μάρωνος τοῦ (Βάβωνος) ἀστυνόμου	Μάρωνος τοῦ Βάβων(ος) ἀστυνομοῦντος. В первой строке после «ν» облом. Неясно было ли окончание «ος».	XXXI 1-73, 2	II Г
19.	ἀστυ[νομοῦν]- τος. Μάτριος τοῦ Ἀπολλωνίδας	ἀστυνομοῦν- τος. Μάτριος τοῦ [Ἀ]πολλωνίδα[ς]	Штамп новый.	III Б
20, 21.	Ναν[ώνος] ἀστυνόμ[ου]		XXXV 1-80, 7	I Б
22, 23.	[Π]ολυστράτου {ΣΤΡ} ἀστυνόμου	В начале второй строки монограмма «ΣΤΡ».	XC 1-95, 1	I В
24.	Σιμαίου τοῦ Ἀπο[λ]- λοδόρου ἀσ - τυνομοῦντ[ος].	Σιμαίου τοῦ Ἀπο[λ]- λοδώρου ἀσ- τυνομοῦντ[ος].	Штамп новый.	III А
25.	[…]δα [ἀστυνόμ]ου	[Ἀπολλωνί]δα [ἀστυνόμ]ου	VIII 1-15, 4	I Г
26.	[…]νος [ἀστυ]νόμου	[Κρατώ]νος [ἀστυ]νόμου	XXX 1-68, 4	I А
27.	[...ν...]ου [ἀστυνό]μου	[Ἀλεξάνδρ]ου [ἀστυνόμ]ου ретроградно	V 1-9, 1	I Б
31.	[...] [ἀστυν]όμου	Ἡρόδοτος В первой строке видна «δ».	XXIII 1-54	I Г
32.	[...]υ[...] [ἀστ]υνό[μου]	[Αἰσχ]ί[να] [ἀστ]υνόμ[ου]	IV 1-7, 3	I Б
34.	[...]ο [ἀστυνό]μου	[Ἀπολλάθε]ο(υ) [ἀστυνό]μου	VI 1-12, 2	I Г
36.	[...] [ἀστυν]όμο[υ]	[Ἀγασικλέος] [ἀστυν]όμο[υ] Возможны и другие имена: Νάνων, Συρίσκος, Βάθυλλος	Ср.: № 3	I Г
37.	[...] [ἀσ]τυνόμο[υ]	[Ἀγασικλέος] [ἀσ]τυνόμο[υ]. Кроме того, возможны варианты: Ἀγασικλῆς, Σώκριτος, Π]ολύστρατος.	Ср.: № 3	I Г
38.	[...]ο[...]ε[...] [ἀστυ[νόμου]	[Ἡρ]ο[γ]ε[ίτου] [ἀστυ[νόμου] Протирка перевёрнута.	XXI 1-52, 2. Ретроградная «ν» в названии магистратуры.	I Б
39.	[...] [ἀσ]τυν[όμου]	Возможно, то же, что и № 38.		

Кроме того, на стр. 69, № 29 к Херсонесу отнесено, но не прочитано: [...]υος | [...]δατος (?) Совершенно очевидно, что в данном случае это позднесинопское клеймо, которое следует читать: [Θ]υός | Δάτος [*Внуков, Ефремов* 2018, 257, комментарий к № 6]. Оттиск с таким же сочетанием имён известен из Тиры, но первое имя в нём стоит в номинативе[5].

[5] *Штаерман* 1951, 37, рис. 4. *57*: Δάτος | Θυός, № 58: Θύς | Δάτος; Λαός | Θυός IOSPE III (P-2 2177) № 1869–1871 (Пантикапей); Θῦς | Δάτος № 1738–1739 (Ольвия); *Придик* 1917, 142, № 28 и т. д. В IOSPE III отмечено, что глина напоминает синопскую.

Из числа клейм фабрикантов в № 41 {IA} неверно дана ссылка на Кац 1994, 2А–3 и 3, где приводится позитивный оттиск AI. Возможно, что в данном случае это непропечатавшаяся полностью монограмма АПО [Кац 1994, 2А–4, 6]. Аналогичным ему может быть и № 43. Новыми монограммами являются № 44–50, причём предлагаемые авторами расшифровки скорее относятся к области фантазии. В числе опечаток стр. 70 комментарий к № 51, 52: Μήτρις следует читать Μάτρις и Ἀπολλώνιος Πασσιάδα исправить на Ἀπολλώνιος Πασιάδα.

Родос

Это самая многочисленная выборка клейм в коллекции, которая насчитывает 386 оттисков, из которых 171 – эпонимные). Во вступительном очерке отмечается, что родосские клейма были впервые выделены в начале XX в., что, мягко говоря, не соответствует действительности. Здесь предан забвению значительный вклад учёных [например: *Stoddart* 1850, 111 ff., № 284 ff.; *Nerousos* 1875, 226 ff., № 1 ff.; *Dumont* 1872, 5 ff.; 1873, 317–324 = 1892, 160–167; *Hiller von Gaertringen* 1896, 56–59; *Schuchhardt* 1895, 423 ff. и т. д.; *Badoud* 2019, 9 f.], в том числе и русских, XIX в. [*Becker* 1861, 453 ff.; *Беккер* 1863, 16 слл.; 1868, 4 слл.; 1877, 14 слл.; *Юргевич* 1877, 51 слл.; 1895, 106 слл.; *Pridik* 1896, 129 ff.; 1897, 148 ff. и т. д.].

Нельзя обойти вниманием некоторые неточности во вступительном очерке. Очевидным недоразумением, или «открытием» (?) является утверждение, что «магистрат клейм иногда, если стоит ἱερεύς (неправильно указано ἱερέως, ибо это родительный падеж) исполнял функции жреца» (стр. 71). Позволим себе заметить, что все (!) родосские эпонимы – это жрецы Гелиоса. Равным образом неверно мнение, что предлог мог отсутствовать только в ранних эпонимных клеймах [*Внуков, Ефремов* 2017, 20]. Весьма странно, если не сказать более, утверждение (стр. 73), где характеризуется период VIIb: «после захвата Родоса до периода установления власти Римской Империи». Во-первых, спрашивается, кто и когда захватил Родос? Очевидно, имеется в виду время гражданских войн в Риме с осадой и захватом Родоса сторонником Брута Гаем Кассием Лонгином (*Cic.,* ad fam. XII 14, 3; XV 2 ff.; *App.,* BC IV 60 f., 65, 69, 71–74; 81; V 2, 4; *Dio.,* XLVII 21, 2; 28, 33, 3 f.; *Vell.,* II 69, 6; *Val. Max*., I 5, 8; *Zonar*., X 18; *Plut.,* Brut. 30, 3). Во-вторых, возникает вопрос, действительно ли Римская Империя ведёт своё начало с 30 г., а не с 27 г. до н.э.?

В перечислении месяцев родосского календаря нет указаний на три важнейшие для этой темы работы, где приводятся совершенно иные соответствия современным месяцам года [*Börker* 1978a, 193–218; *Trümpy* 1997, 167–178; *Badoud* 2015, 11–16, fig. 11]. Наконец, фабриканты ставятся на один уровень с эргастериархами, что спорно [см.: *Börker, Burow* 1997, 15 f.; *Börker* 2019, 79–81, 83, 87], а отдельно упоминаются гончары.

Перейдём, наконец, к самой коллекции родосских клейм.

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
3.	[ἐπὶ Ἀγε]σ - τράτου Ἀρ- ταμιτίου	ἐ[πὶ Ἀρι]σ- τράτου Ἀρ- ταμιτίου	RE-ΑΡΙΣΤΡΑΤΟΣ-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ-006.	Vb
5.	ἐπὶ Ἀγεστράτου Σμίνθιος		IOSPE III, № 146–149 (Ольвия).	IIIe

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
15.	солнце ἐπὶ Αἰσ - χυλίνου	ἐπὶ Αἰσ- χυλίνου Неверно указана эмблема «солнце» в левом верхнем углу.	RE-ΑΙΣΧΥΛΙΝΟΣ-0011.	IIb
16.	ἐπὶ Ἀλ[εξιά]δα Βαδρομίου	ἐπὶ Ἀλεξιάδα Βαδρομίου	IOSPE III, № 513 (Херсонес).	Va
17.	ἐπὶ [Ἀλεξι]- άδα Βαδρομίου		IOSPE III, № 514, 515 (Ольвия, Пантикапей).	Va
18.	ἐπὶ Ἀλεξι- μάχου Ἀγ[ρια[νίου]	ἐπὶ Ἀλεξι- μάχου Ἀγρια[νίου]	IOSPE III, № 549–550, 551–553 (разные штампы, но с аналогичной разбивкой легенды).	IVb
23–26.	23, 24: Ἀνδρόνεικος 25, 26: Ἀνδρόνικος	Разделение двух магистратов Ἀνδρόνεικος и Ἀνδρόνικος неверно, ибо в обоих случаях это одно и то же лицо – Ἀνδρόνικος. В первом варианте вместо третьего корневого гласного стоит дифтонг, что является признаком койне. При этом оба начертания встречаются одинаково часто.	RE-ΑΝΔΡΟΝΙΚΟΣ-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-009. Матрицы № 23, 25, 26 – новые.	Vb
27.	эмблема ἐπὶ Ἀρισ- [τε]ίδα	Клеймо прочитано верно. Эмблема «голова Гелиоса» слева, но это эпоним Ἀριστείδας II, а не Ἀριστείδας I (период IIa).	RE-ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ 02-001.	IIIe
28.	[ἐπὶ Ἀριστείδ᾽| Ἀγριανίου ἐπὶ	[ἐπ]ὶ Ἀριστείδα Ἀγρι[ανίου] вокруг розы Эпоним Ἀριστείδας II, а не Ἀριστείδας I.	RE-ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ 02-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-002.	IIIe
29.	ἐπὶ Ἀ[ριστ]είδα Ἀγ[ριαν]ίου]	Ἀριστείδας II, а не Ἀριστείδας I.	RE-ΑΡΙΣΤΕΙΔΑΣ 02-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ- 003.	IIIe
36.	ἐ[πὶ] Ἀρισ[το]δα- μου Σμιν[θίου]		IOSPE III, № 1046, 1047 (Пантикапей и окрестности, Ольвия).	IIIe
43.	ἐπὶ Ἀρχοκράτευς | Ἀ[γ] ρανίου	Это эпоним Ἀρχοκράτης I.	RE-ΑΡΧΟΚΡΑΤΗΣ 01-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ -001.	IIIb
44.	ἐπὶ Ἀρχ[οκρ]άτευς | Θεσμοφορίου	Ἀρχοκράτης I. Тот же магистрат в № 44–46.	RE-ΑΡΧΟΚΡΑΤΗΣ 01-ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΣ -001.	IIIb
48.	ἐπὶ Ἀρχ[…] Δα[λίου]	ἐπὶ Ἀρχ[εμβρότου] Δα[λίου] Ἀρχέμβροτος I.	RE-ΑΡΧΕΜΒΡΟΤΟΣ 01-ΔΑΛΙΟΣ-005.	Va
55.	ἐπὶ Αὐτο - κράτευς Διοσθύου	В описание этого клейма закралась ошибка, ибо легенда обозначена как ретроградная, что относится к № 54.	Новая матрица.	

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
61.	ἐπὶ Δαμοθέμιος вокруг розы		IOSPE III, № 1749–1752.	IIIa
71.	[ἐπὶ Εὐκρ]ατίδα вокруг розы	Существовал только один эпоним этого имени – Εὐκρατίδας. Омоним Εὐκρατίδας II - это фантом.		
76.	ἐπὶ Θεσ-τ[ώρος]	Ошибка в передаче генетива ἐπὶ Θέσ-τ[оρος].	IOSPE III, № 2242–2243 (Эрмитаж).	IIIa
80.	ἐπὶ Καλλικράτε(υς) Θεσμοφορίου	ἐπὶ Καλλικράτε-[υς] Θεσμοφορίου Καллικράτης II. Период IIIc.	RE-ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΗΣ 02-ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΣ-002.	IIIc
81.	ἐπὶ ἱερέως Καллικратίда	Это эпоним Καллικратίдας II (период IIId).	RE-ΚΑΛΛΙΚΡΑΤΙΔΑΣ 02-9011.	IIId
82.	ἐπὶ [Κ]λεικράτευς Καρνείου вокруг розы	Неверно указан несуществующий эпоним Κλεικράτης вместо Κλευκράτης.	Штамп новый.	IIId
92–93.		Νικασαγόρας II (период IIId).	RE-ΝΙΚΑΣΑΓΟΡΑΣ 02-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-003; ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΣ -001.	IIId
101.	ἐπὶ Ξενοφάνευς Καρνείου		[IOSPE III. Бадальянц, № 437 (Ольвия)].	IIIb
105.	ἐπὶ Ξενο-φάνευς	Не указана эмблема: «голова Гелиоса» справа.	RE-ΞΕΝΟΦΑΝΗΣ-015.	IIIb
106–108.		Это эпоним Ξενόφαντος II (период IVb).	RE-ΞΕΝΟΦΑΝΤΟΣ 02-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ -002; ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΣ-004; ΠΑΝΑΜΟΣ-002 или 003.	IVb
110.	ἐπὶ Ξε[…]-του Ἀγριαν[ίου].	ἐπὶ Ξε[νοφάν] -του Ἀγριαν[ίου].	RE-ΞΕΝΟΦΑΝΤΟΣ 02-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-003.	IVb
111.	ἐ[πὶ] Ονασάν-δ[ρ]ου Ἀγρι-ανίου.	ἐ[πὶ] Θερσάν-δ[ρ]ου Ἀγρι-ανίου	RE-ΘΕΡΣΑΝΔΡΟΣ-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-003.	Va
112.	[ἐπὶ] Παυσανία Ἀρταμιτίου	Παυσανίας III (период IVb) ибо форма букв поздняя.	RE-ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ 03-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ-001.	IVb
113.	ἐπὶ Παυσανία Δαλ[ίο]υ	Παυσανίας II (период IIc).	RE-ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ 02-ΔΑΛΙΟΣ-006.	IIc
114.	ἐπὶ Παυ-σανία Δα-λ[ίο]υ	Παυσανίας II (период IIc).	IOSPE III № 3483–3485.	IIc
115.	[ἐπὶ Παυσα]νία [Κ]αρνείου	Παυσανίας III (период IVb).	RE-ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ 03-ΚΑΡΝΕΙΟΣ-001.	IVb
117.	ἐπὶ (ἰ)ερέως цветок розы Παυ[σανία]	Παυσανίας II (период IIc). Эмблема «роза» не справа, а по центру клейма.	RE-ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ 02-006.	IIc
118.	ἐ[πὶ] Παυσανί[α] / [Π]ανάμου	Παυσανίας III (период IVb).	RE-ΠΑΥΣΑΝΙΑΣ 03-ΥΑΚΙΝΘΙΟΣ-010.	IVb

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
121.	ἐ[πὶ Π]ιθο- δώρου Σίνδευς	ἐ[πὶ Π]υθο- δώρου Σίνδευς[6].		IIc
135.	ἐπὶ Σωστράτου вокруг розы		IOSPE III, № 4032 (Ольвия).	
140.	ἐπὶ Τιμα- Τιμασαγόρα голова ↑Гелиоса	↑ ἐπὶ Τιμα- σαγόρα голова Гелиоса	IOSPE III, № 4089–4092 (Ольвия, Пантикапей).	IIIb
148.	ἐπὶ Τιμουρ- ρόδου Ἀρ[τα]μιτίου		IOSPE III, № 4260 (Ольвия).	
152.	ἐπὶ [Φιλοδά]- μου	Φιλόδαμος II (период IIIb).		IIIb
153.	ἐπὶ Φιλ[οδάμ]ου. Βαδρο[μίου]	ἐπὶ Φιλ[(ο)δάμ]ου. Βαδρο[μίου]	RE-ΦΙΛΟΔΑΜΟΣ 02-ΒΑΔΡΟΜΙΟΣ-001.	IIIb
158.	[...]ισ[...] Ἀγριανίου.	Легенда написана ретроградно.		
164.	ἐπὶ [.....]ά- τευς. Κ[α]ρνε- ίου.	ἐπὶ Ἰασικρά- τευς. Καρνε- ίου. Новый штамп.		
172.	Ἀρταμιτί[ου] Ἀγαθοκλ[εῦς]	Ἀρταμιτί(ου) Ἀγαθοκλε(ῦς) Все клейма № 172 - 177 принадлежат фабриканту периода III Ἀγαθοκλῆς I, а не Ἀγαθοκλῆς II.	RF-ΑΓΑΘΟΛΗΣ 02-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ-001.	III
176.	Πανάμου Ἀγαθοκλεῦς		IOSPE III, № 4799 (Ольвия).	
178.	Δαλίου Ἀγη[σί]λα	Правильное написание имени фабриканта Ἀγησίλας, а не Ἀγησίλας, т.е. со *spiritus asper*, а не со *spiritus lenis* (II период).		II
179.	Θευδαίσι[ος] Ἀγησίλα	Θευδασι(...) Ἀγησίλα	RF-ΑΓΗΣΙΛΑΣ-ΘΕΥΔΑΙΣΙΟΣ-001.	II–III
181	Αἴνεα Ἀ[ρ]τ[αμι]τίου	Αἴνεα Σμιν[θί]ου	Новый штамп.	III
182	Αἴνεα/…	Ἀθαν[οδώτου Σμι]νθίου вокруг розы?		III
187.	[Ἀπ]ολλω- [ν]ίδ[α]	[Ἀπ]ολλω- [νί]ου Это Ἀπολλώνιος II.	RF-ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ 02-046.	V

[6] Имя эпонима передано ошибочно как Πιθόδωρος вместо Πυθόδωρος, в то время как в перечне клейм оно отражено верно. Сочетание с фабрикантом новое, как и упоминание фабрикантских имён в эпонимных клеймах этой группы. Фабрикант Σίνδης известен только в группе V. Здесь, возможно, следует читать ретроградно имя эпонима ἐπ[ὶ] Θεο|δώρου, а имя фабриканта Σίνδευς позитивно. «E» в имени эпонима и «C» в имени фабриканта – лунарные. Перед предлогом – наплыв глины. В этом случае это эпоним группы IIc.

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
188–189.	Ἀπολλωνί(ου)	Ἀπολλωνί - [ου] гроздь Ἀπολλώνιος II.	RF-ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ 02-048. Плохое качество фотографий и протирок не позволяет установить, одинаковой ли матрицы оба клейма.	V
198.	Ἀριστό- δα(...)	Ἀριστό- λα.	RF-ΑΡΙΣΤΟΛΑΣ-007.	II.
199.	[Ἀριστ]ογεί[τ]ου [Ἀ] ρταμι[τίου] Вокруг розы	[Ἀρισ]τογείτου [Ἀ]ρταμι[τίου] Вокруг розы.	IOSPE III. Бадальянц, № 782 (Мирмекий).	III
201–202.	Ἀριστοκράτευς Звёздочки по углам	Ἀριστοκράτης II.	RF- ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ-002.	II
216.	Γλ[αυκ]ία	Πα[υσανι]α II		III–IV
219.	Δαμόκλευς	Δαμοκλῆς	RF-ΔΑΜΟΚΛΗΣ-007.	IV–V
230–231.	Διοδότου	Διόδοτος I (период III). Неверно предположение о наличии эмблемы, ибо эмблема «гроздь» присутствует только в клеймах фабриканта Διόδοτος II (период V, где имя в две строки).		III
232.	Διοκλε<ῦ>ς В центре цветок розы, рядом Звезда и пилос.	Διοκλεῦ[ς]. Цветок розы в центре, звезда и пилос. «Y»-перевёрнуто. Период II. Фабриканта Διοκλῆς II не существует.	RF-ΔΙΟΚΛΗΣ-003; [Akamatis 2000, 93, R98].	II
236	Δρακοντίδα кадуцей →	Период IV-V.		IV–V
237	Δρακοντίδα кадуцей →	Δαμονίκου […]		II
242.	Ἐπίγονος Πανάμου	Ἐπίγονος I (Период II)[7].	RF-ΕΠΙΓΟΝΟΣ-003.	II
254.	Ζήνωνος Вокруг розы. Шапки Диоскуров ↓	Ζήνων I.	RF-ΖΗΝΩΝ 1-006.	II
255.	Ζήνωνος	Ζηνῶν Вокруг розы. Фабрикант Ζηνῶν II[8] (период IV).	RF-ΖΗΝΩΝ 2-010.	IV
256.	[Ζ]ήνων	[Ζ]ηνῶν Фабрикант Ζηνῶν II.	RF-ΖΗΝΩΝ 2-002.	IV

[7] Верно определён в публикации: [*Jöhrens* 1999, 43, № 102], ссылка на которого присутствует в монографии, но с неверно понятым авторами немецким текстом. Ибо там (со ссылкой на Кристофа Бёркера) отмечается относительно датировки: «не далеко (от начала) периода II, ибо некоторые его (клеймёные) ручки (из Пергама в Берлине) имеют ещё округлую форму (характерную) для этого времени. На это же время указывают находки на Пниксе, а также деятельность фабриканта при магистратах Ξενόστρατος и Σιμυλῖνας».

[8] Никак не обоснована ссылка на [*Jöhrens* 1999, 69, № 181] («одной матрицы»), ибо приводимый там рисунок очень схематичен и не полон.

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
257.	Θάλητος	Θάλης II. Период III.	RF-ΘΑΛΗΣ 2-001 (иной штамп).	III
258.	Θευμ[νάστου] [...]	Θευμ[νάστου]. Аппластон →	RF- ΘΕΥΜΝΑΣΤΟΣ-013.	IV–V
259.	Ἰάσονος	Ἰάσων II. (Период V).	RF-ΙΑΣΩΝ 2-006.	V
260– 261.	Ἰέρακος ↑Рог изобилия, алебарда →[9].	Ἰέρακος ↑ Рог изобилия, лабрис → (Период IV).	RF-ΙΕΡΑΞ-001.	IV
262.	Καρνείου Ἱεροκλῆ(ς)	Καρνείου Ἱεροκλῆ(ς). О псилосисе в личных именах: «Ἰε» вместо «Ἱε» [см.: *Börker* 1978, 37 f.; *Börker, Burow* 1997, 29 f., № 203, 210].	RF-ΙΕΡΟΚΛΗΣ 01 ΚΑΡΝΕΙΟΣ-001.	II–III
263.	Ὑακινθίου Ἱεροκλῆς звезда	Ὑακινθίου Ἱεροκλῆς звезда	IOSPE III, № 7309 (Ольвия).	II–III
268.	Ἰε[...] υθ[...]	Ἰε[ροκλεο]- sic! ῦς. Г. Ἱεροκλῆς II (период V–IV).	RF-ΙΕΡΟΚΛΗΣ 02-005; *Ariel, Finkielsztejn* 1994, 208, SAH 58.	V–VI
283.	герма ← К[άλλωνος]	Легенда написана полностью в номинативе: Κάλλων Вверху герма →. (Имя стоит в номинативе, все буквы хорошо читаются)	RF-ΚΑΛΛΩΝ-016.	V
285.	[К]λεισι(μ)βροτίδ[ας] Вокруг розы.		Очевидно, RF- ΚΛΕΙΣΙΜΒΡΟΤΙΔΑΣ ΒΑΔΡΟΜΙΟΣ-001.	II–III
286.	К[όσμ]ου	Κόσμος II (III и, возможно, IV период).		III–IV
287.	Κρέοντ- ος	Κρέων II относится к области фантазии, ибо существовал только один фабрикант этого имен (период I-II).		I–II
290.	Μάευς	Против мнения авторов фабрикант Μάης не новый [*Jacopich* 1928, 34 f., fig. 14]. Пять экземпляров найдены в Северном Причерноморье (IOSPE III, № 7792–7796).	RF-ΜΑΗΣ-002. Очевидно, также КТ 2419 (каталог книдских клейм В. Грэйс: Agora Archives. Box 80. 587).	V–VI (?)
291– 292.	Μάνευς	Μάνης – это период V.	RF-ΜΑΝΗΣ-007.	V

[9] Наименование эмблемы как «алебарда» неуместно и неверно. Лабрис (bipennis) был широко распространённым символом ещё с минойских времён [*Gross* 1979, 431; *Graf* 2003, 1035 f.], в то время как алебарда (alabarda, hallebarde) появилась лишь в Средневековье и была в употреблении в Европе в XIII–XVII вв. [*Фасмер* 1964, 70; *БСЭ* Т. 1 1970, 1184].

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
294.	Μενάν- δρου герма ←	Μένανδρος II.	RF-MENANDROΣ 02-004.	VI
295.	[Μενε]δάμου	Один из эпонимов: Ἀριστόδαμος II, Ἀρχίδαμος, Σωσίδαμος, Φιλόδαμος.		
296.	Μενεκρ[ά]τευς Шестиконечная звезда	Μενεκράτης II, ибо клейма Μενεκράτης I - без эмблем.	IOSPE III, № 7985 (Херсонес).	V
297.	Μέντε- ρος Ἀγρι- ανίου	Μέντο - ρος Ἀγρι - ανίου.	IOSPE III, № 8028–8030 (Ольвия, Херсонес, ГИМ).	II
304.	Μίκυθου Καρνε(ί)ος	Μίκυθος II (период II).	[*Nicolaou* 2005, 196, № 507]; RF-ΜΙΚΥΘΟΣ 02 ΚΑΡΝΕΙΟΣ-005.	II
305.	[Μικ]ύθου [Θεσ]μοφο- [ριου]	[Μικ]ύθου [Θεσ]μοφο(	RF-ΜΙΚΥΘΟΣ 02 ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΟΣ-004.	II
306.	Μόσχου	Μόσχος II (период V).	[*Sztetyllo* 1991, 79, № 142]; RF-ΜΟΣΧΟΣ 02-005 или 004.	V
312– 313.	Νικαγίδος	Νικαγίς (период III–IV).		III–IV
316.	Νικα[σίω]νος	Νικασίων (период III–IV).		III–IV
317.	[Ν]ικία	Νικίας I (период IVb–Va).	Новый штамп.	IVb–Va
319.	Ὀνα- σίμου	Ὀνάσιμος I (период Ib).	RF-ΟΝΑΣΙΜΟΣ 01-004; [*Мирчев* 1958, 35, № 152 сл., 155].	Ib
320.	Ὀνα- σίμου	Тот же штамп, что и предыдущий.		Ib
324.	Πασίων Ἀγριανίου	Известен только один, а не два фабриканта этого имени (период II).		II
325.	Πάτρωνο[ς]	Πάτρων (период V).	IOSPE III, № 8700–8705 (Ольвия).	V
327– 328.	Παυσανία	Известно не два, а три фабриканта по имени Παυσανίας. [*Внуков, Ефремов* 2017, 68, № 109]. При этом различать Παυσανίας I и Παυσανίας II довольно сложно. Во всяком случае № 327–332 это, очевидно, Παυσανίας II (период II), а № 332 – Παυσανίας III (период III–IV).		
334.	Π[...]- υσ Ἀγ[ριανίου]	Πυθογένης с месяцем Артамитием в ромбовидном клейме зафиксировано один раз. Оставляем восстановление под вопросом.	IOSPE III, № 8857; [*Придик* 1917, 32, № 818].	

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
336.	Ὑακινθίου Σίνδευς		IOSPE III, № 8932. Группа V.	V
337.	Δαλίου Σπίνθηρ	Фабрикант не новый. Известны его две матрицы RF-ΣΠΙΝΘΗΡ-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ-001 и ΥΑΚΙΝΘΙΟΣ-001 (период III–IV).	IOSPE III, № 8933 (Пантикапей).	III–IV
338.	... Στρατίππου	Στράτιππος (период III–IV).	IOSPE III, № 8937 (Ольвия).	III–IV
350–351.	Φανία	Φανίας II (период III–IV).		III–IV
352.	Φιλαινίου Πανάμου		IOSPE III, № 9385, 9386 (Ольвия).	III
354.	Χρησίμο[υ] Вокруг розы	Период II.		II
372	[...] голова Гелиоса	анэпиграфное, голова Гелиоса		
384.	звезда. [...α]σι- κράτευς	звезда [ἐπὶ Ἰα]σι- κράτευς Вероятно, новый штамп.		IIIa
385.	[.....]- [φ]άνευς (?).	[Ἀρατο]- [φ]άνευς (?).	IOSPE III, № 5401, 5402 (Ольвия, Пантикапей). Штамп иной.	V–VI
386.	[...]νασ [...]μου.	[Ὀ]νασ- [ί]μου. Ὀνάσιμος I (период Ib).		Ib

Кроме того, среди неточностей следует отметить элизию конечной «ι» предлога перед начальным «ἰ» титула жреца (№ 21, 64) [Верно в № 75].

Для Северного Причерноморья в целом и, Тира не составляет никакого исключения, характерно наличие новых штампов (матриц) неизвестных либо малопредставленных за пределами региона. К этой группе необходимо отнести следующие штампы: № 6 (?), 8, 10, 14, 23, 25, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 41, 53, 59, 64, 74, 82, 84, 95, 101, 121, 125, 126 (?), 127, 128, 129, 139, 145, 152, 155, 173, 199 (обычно только прямоугольные клейма), 257, 295, 314–315, 326.

Кос

Вопреки мнению авторов монографии – косское вино было популярно в античности [*Georgopoulos* 2004, 129; *Hein et al*. 2008, 1049]. Ввоз его в Северное Причерноморье отмечает Демосфен (XXXV. 32, 34). Косские амфоры упоминаются в списках инвентаря Делосского храма (IG XI. 3, 401: 18–21; 406B: 70–74; 440A: 62–67; 442A: 220; 445: 4–10; 464: 4–10)[10]. Но особенной любовью косское вино пользовалось в Италии, и прежде всего в Риме, где даже утвердился псевдокосский тип амфоры [*Внуков* 2000, 54 сл.; *Vnukov*

[10] Типологию и хронологию косских амфор и клейм см.: *Kantzia* 1994, 323 ff.; *Монахов* 2014, 195 слл.; *Georgopoulou, Hein, Grigoropoulos* 2018, 69 ff.

2004, 407; *Монахов* 2014, 214 слл.]. Не так давно была выделена милетская группа клейм на двуствольных ручках [*Jöhrens* 2009, 208–217, № 1–32; 2014, 179–186, № 1–53; 2019, 147 ff.]. Не вдаваясь далее в «косскую» проблематику, отсылаем читателя к недавней статье, одним из авторов которой был автор данной рецензии [*Внуков, Ефремов* 2017, 92].

Относительно косских клейм в рассматриваемой монографии необходимо отметить следующие параллели.

№	Прочитано	Исправления	Аналогии
1.	Δάδα[ς]	Конец II – начало I в. до н.э.	[*Grace* 1962, 120, № 14; 125, № 31]; IOSPE III (Кос), № 51–57 (Пантикапей, Парфений, Фанагория, Порфмий).
2.	Διογένου Μαγν палица ←	Διογένης известен в качестве магистрата и в качестве фабриканта [*Grace, Savvatianou-Petropoulakou* 1970, 364, E 241; *Panagou* 2010, 156, 159].	Новое сочетание имён.
4.	Θ палица ←		Штамп новый.
5.	Θευ	Клеймо сохранилось полностью [см.: *Levi, Pugliese Carratelli* 1963, 619, № 66; *Монахов* 2014, 212 сл., рис. 10. *48* (вторая половина 60-х – начало 50-х гг. III в.)].	
6.	Κα[λι]τίπου	Κα[λί]ππου	[*Finkielsztejn* 2004, 159; *Panagou* 2010, 162].
7.	а) Πανταίνου дельфин ← б) ΞΕ	В картотеке Афинской агоры отмечено два аналогичных оттиска – из Александрии и из Мирмекия [Agora, Box 95, № 532). Из имён на Ξε(возможны: Ξεν(…), Ξεῖνις, Ξενοκλ(…), Ξενόκριτος: *Panagou* 2010, 164. Ср.: *Штаерман* 1951, 41, рис. 5. *91–93*, *101–102*; *Levi, Pugliese Carratelli* 1963, 619, № 68].	
8.	Πασία		[*Reisner* 1924, 19, № 415; *Maiuri* 1925, 248, № 9].
9.	[...λ(δ)?] ετα[ι]?	Возможно, Ἀλκέτα [ср.: *Panagou* 2010, 157].	

Кроме того, к числу косских оттисков необходимо отнести «египетское» клеймо (стр. 114, № 8), в котором Αἰγύπτο – это не этникон, а личное имя [Agora. Box 73; *Panagou* 2010, 157].

Книд

Здесь также далеко не всё однозначно. Прежде всего, в который раз удручает плохое качество фотографий и совершенно дилетанское качество протирок, которые, никоим образом, не выполняют своей функции контрольного механизма для публикуемых фотографий [см.: *Гарлан, Боду* 2011, 414 сл.]. Создаётся впечатление, что они изготавливались либо «школярским» методом, когда оттиск просто «протирается» карандашом, либо делались

не на папиросной, а на обыкновенной бумаге. В любом случае авторам, очевидно, совершенно незнакома методика изготовления эстампажей. Остаётся только сожалеть о том, что из-за этого остались непрочтёнными многии фрагментарные экземпляры, либо, что ещё хуже, стали неизбежными ошибки в уже предложенных чтениях и реконструкциях.

В хронологии книдских клейм (стр. 105) – путаница. Группа I почему-то обособляется от клейм с «носом корабля», которые как раз и составляют её. Кроме того непонятна цель авторов, когда тот же хронологический отрезок дублируется по «грубой» и «точной» шкале (стр. 105): Группа I 305–280 гг. Конец IV–III вв. до Р.Х.: отдельные буквы и монограммы, хотя это признаки группы II.

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
1.	ἐπὶ Ἀγαθοκλέυς Κνίδιον Τιμοξένου цветок ↑	ἐπὶ Ἀγαθοκλεῦς Κνίδιον Τιμοξένου ↑ роза	КТ 2172 ЕМ 1.	VIB
2.	ἐπὶ Ἀμοτέλευς Νουμήνιος лист плюща → Κνίδιον		КТ 1090 ЕМ 1–9.	VIA
3.	Ἄνταν(δρος) Κνί[δι]ον Ἀ[ρίστιων]	Ἀντάν(δρου) Κνί[δι]ον Ἀ[ρχίπ(που]	КТ 2205 ЕМ 1.	IV
4.	ἐπὶ Ἀ[πολλωνίδα | Ἑ] ρμίππου | Κνίδ[ιον] вокруг амфоры	ἐπὶ Ἀ[μύντα Ἑ]ρμίππο[υ] Κνίδ[(ιον)] вокруг амфоры	КТ 591 ЕМ 1–2.	VI
5.	[Κνί]διον. Βότρυ- [χος]. Φρουράρχου. [Ἀρ]ιστείδεις ← трезубец	[Κνί]διον Βότρυ- [ος] φρουράρχου [Ἀρ]ιστείδευς ← трезубец	КТ 336 ЕМ 1–5.	IV
6.	ἐπὶ Ἀριστοκλε[ῦς] Ἀπολ <букраний>λων[ίου] Κνίδι< >ον		КТ 167 ЕМ 1–29.	V
7, 8.	ἐπὶ Ἀρ(ι...]. Εὐφρο(νος)	ἐπὶ Ἀρ[ιστάρ]- [χου] Εὐφρο[σύ]- [νου Κνί(διον) весло→]	КТ 655 ЕМ 1–5.	V
9.	Κνίδ(ι)ο[ν] Ἄντα(νδρος) трезубец Ἀρχ(ιππίδας)	Тип, очевидно, новый. Иные типы эпонима Ἀρχιππίδας с фабрикантом Ἀντάνδρος (Группа III) КТ 1816 ЕМ 1 – 2; 2205 ЕМ 1.		III
10.	ἐπὶ Ἀσκ[ληπιοδώ]– ρου.Ἑρμοκ[ράτευς] лист→ Κνίδιον		КТ 601 ЕМ 1–9.	VI
11.	Φρυράρχου [Διονυσ]ίου	Φρυράρχο[υ] Διονυσίου	КТ 1350 ЕМ 1–12.	IV
12.	ἐπὶ Δρ[άκω]ν– τος [Ξάντου] Κνί[δι(ον)] прора→	ἐπὶ Δρ[άκο]ν- τος [Ξάντου] Κνί[δι(ον)] прора Следы перегравировки в нижней строке (?).	КТ 1118 ЕМ 1–5.	V

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
13.	Ἐπι– κύδ[ας] Κνί(διον)	Ἐπι- κύδ(ας) Κνί(διον) Восстановление предположительное.		III
14.	ἐπὶ Θευδότου Κλευπόλιος Κνίδιον ретроградно	ἐπὶ Θευδότο[υ] Κλευπόλιο[ς] Κνίδιον ретроградно	KT 2014 EM 1.	IV
15.	ἐπὶ Θευδότου Εὐρηνίδα кадуцей →	ἐπὶ Θευδότου Εἰρηνίδα кадуцей → Переграверировка – δότου	KT 545 EM 1–9.	IV
16.	[ἐπὶ Θευ]δωρί– δα. [Κ]νί. Διονυ– σοκλεῦς палица ←	ἐπὶ Θ[ευ]δωρί- δα. [Κ]νί(διον) Διονυ- σοκλεῦς палица ←	KT 476 EM 1–6.	V
17.	Κν[ίδιον]. Θε[υδωρίδα]. Θεμ[ιστώνατος].	Κν[ίδι](ον) Θε[υδ]ω(ρίδα) Θεμισ(τώνατος) В рамке.	Очевидно, аналогично [*Jefremow* 1995, 195, № 496 (524), но без этникона].	
18.	Θρά[σων(ος)] Θηροκρ(άτευς)	Θρά[σων(ος)] Θηρ[ο]κρ(άτευς)	KT 803 EM 1–6; [*Jöhrens* 1999, 107 f., № 289].	III
19.	[ἐπὶ Κλεαν]δρίδα [Ἀρισταγό]ρα [Κνίδιον]		KT 192 EM 1–16; [*Jöhrens* 1999, 122, № 348].	IV
20.	[Κλεαν]δρίδα [φρουρ]άρ[χου] [Κνίδιον]		KT 1861 EM 1–3.	IV
21.	Ἀθηναίου. Κλειτοφῶ – ν Κνίδιον	Ἀθηναίου Разделительная черта. Κλειτοφῶ - ν Κνίδιον	KT 60 EM 1.	III
22.	ἐπὶ Μενίππου Ἡνιόχου Κνίδιον кадуцей→		KT 677 EM–18 .	V
23.	Μεν[...] Πρ.Κ[νίδιον]	ΣΕΜ(...) ΣΤ(...) Раннекнидское клеймо [ср.: *Ефремов* 2018, 553, № LIII. 1].	[*Мирчев* 1958, 61, табл. XXXIX. *1*]. Расшифровано как Σέλαγος].	II
24.	[ἐπὶ Πτο]λεμαίου [Κνί]διον трезубец→	[Πτο]λεμαίου [Κνί]διον факел В рамке. Редкий фабрикант периода дуовири.	KT 2050. Очевидно то же KT 1160 EM 1–7.	VII
25.	ἐπὶ Τελε[κρέ]– οντος. Κλ[εύ]– πολις. [Κνίδιον]	ἐπὶ Τελε[κρέ]- οντος Κ[λευ]- πόλιος [Κνίδιον]	KT 906 EM 1–7.	V
26.	Νυσί(ου) Κνί[διον] [Φιλή](του). ретроградно	Νυσί(ου) Κνίδ(ιον) [Φι]λή(τας) Этот экземпляр исправляет дополнения В. Грэйс в первой и второй строке.	KT 1104	III

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
27.	ἐπὶ Φιλίππου Ἀσκληπιόδ– [букраний ↑] ωρος Κνίδιον	ἐπὶ Φιλίππου Ἀσκληπιόδ- букраний ↑ ωρος Κνίδιον	KT 326 EM 1–8.	VI
28	ἐπὶ Φιλίππου. Ἀσκ[ληπιόδωρος]. [Κνίδιον] букраний ↑	ἐπὶ Φιλίππου Ἀσκληπιόδ- букраний ↑ ωρος Κνίδιον Клеймо оттиснуто дважды. Аналогично предыдущему.	KT 326 EM 1–8.	VI
29.	ἐπὶ Φ[ιλομβρ]– οτί[δα. Κνίδιον. Χ]– αρμο[κρά]– τ[ευς] [лябрис]	ἐπὶ Φ[ιλομβρ]- οτίδ[α Κνίδιον Χ]- αρμ[οκρά]- τ[ευς] ← [лабрис]	KT 1278 EM 1–35.	VIA
32.	Ἀλεξί[μβρο]το[…] Нос корабля	Ἀλεξ[ιμβρό]του Нос корабля	[*Ефремов* 2018, 544, № III].	I
33.	[....] Палица ← Ἀρι[στοκλεῦς]	Тирс влево. Ἀριστο(κλῆς)	KT 240.	VI
34.	[Δα]μοκρ[άτης] / Κνίδιον Вокруг букрания	Δαμο[κράτης] Κνίδιον Вокруг букрания.	KT 353 EM 1–8.	VI
35.	Δρα– ретроградно. κών(τος)	Δρά- κων в рамке ретроградно	KT 505.	IV
37.	[ΥΕὐβούλου] трезубец	ΥΕ[ὐ[βούλ]ου трезубец	KT 629 EM 1–25.	III
38.	Κνίδιον. Νι– κα[σιβούλου]		KT 1062 EM 1–55.	III
39.	[Ν]όσσου виноградная гроздь ↓	Против атрибуции данного клейма Книду: [*Ефремов* 2018, 554 сл., № LXIII].		
40.	Ξ		[см.: *Ефремов* 2018, 554, № LIX; *Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, 296, 316, KH 79].	II
41.	ΚΩΛΟΙ ?	ΙΩ|ΛΚΟΙ. бустрофедон Возможно, этникон фессалийского полиса Иолка (Ἰωλκός). В таком случае это новый производственный центр.		
43.	[...]οκρα[...]ε[...]	[ἐπὶ Ε]ὐκράτ(ευς) [Κνί(διον)] вокруг монограммы	IOSPE III, № 142f.; Одного штемпеля с [*Jefremow* 1995, 192, № 437–438]; KT 1378 EM 1–2.	III

№	Прочитано	Исправления	Аналогии	Хрон. группа
48.	[ἐπὶ Κ]λε [...]κρα ←трезубец	[ἐπὶ] Φιλ(...) [трезубец и монограмма] ← [Εὐβού(λου)]	КТ 627 ЕМ 1–3.	III
49.	[...]νικ [...]κρα← трезубец влево	[ἐπὶ Φιλομβρ]- [οτίδα. Κ]νί(διον) Χ- [αρμο]κρά- [τευ]ς ← лабрис См. № 29.	КТ 1278 ЕМ 1–35.	VI
50.	[…] Кадуцей (якорь ?)	Эмблема «трезубец» влево. К сожалению, качество фотографии и протирки не позволяют отметить большего.		

Аканф

Учитывая уже отмеченное низкое качество фотографий и протирок, приводимые ниже прочтения и параллели следует рассматривать как рабочую гипотезу.

1. М-Е-ПХ [*Gramatopol, Poenaru Bordea* 1968, 60, № 92; *Штаерман* 1951, 227; *Придик* 1917, табл. XVI. *56* или *57*; *Panagou* 2010, 85; либо Е-М-ПХ: *Jöhrens* 1999, 161, 168–169, *20*, Abb. 24. *8*].
2. Скорее НГПХ: [*Garlan* 2006, 286, III. Ik].
3. Как раз при плохой сохранности клейма следовало бы опубликовать и фотографию, и протирку.
4. ПХФ: [*Gramatopol, Poenaru Bordea* 1968, 60, № 94].
5. Возможно: [*Штаерман* 1951, 47, рис. 7. *265*].
6. Схоже: [Придик 1917, табл. XVI. *57*].

Месембрия

1. Безосновательно отнесение к этому центру клейма Ἀλκανώρος (113, № 2). Большое количество оттисков с таким именем было обнаружено при исследованиях в Троаде [*Panas, Pontes* 1998, 229–233, 245 f., № 60–69; *Lawall* 2019, 141, Tab. 1]. В IOSPE III (раздел «неизвестные центры») зафиксировано 6 экземпляров: 1–Пантикапей (№ 1117), 2–Тира (№ 1118, 1119), –Ольвия (№ 1120) и 2–Херсонес (№ 1121, 1122). Кроме того, по одному экземпляру найдено в Истрии [*Canarache* 1957, 195, № 458] и Мирмекии [*Sztetyłło* 1983, 184, № 349]. В настоящее время возобладала точка зрения об их происхождении из Троады [*Panas, Pontes* 1998, 229–233, 245 f., № 60–69; *Panagou* 2010, № 23, 3; *Lawall* 2019, 143, 145].

Неизвестные центры

№	Прочитано	Исправления	Аналогии
3.	Αγαθι	[*Штаерман* 1951, 41, рис. 5. *140*]. Ср. косские клейма: Ἀγαθ(, Ἀγαθο(.. : [*Panagou* 2010, 156].	
4.	Πολυνίκου	Родос. Период I-II.	RF-ΠΟΛΥΝΙΚΟΣ-001.
7.	Σιμία	Имя известно среди косских клейм [*Gramatopol, Poenaru Bordea* 1969, 246, № 955].	Очевидно, [*Gramatopol, Poenaru Bordea* 1969, 258, № 1090].
8.	Ἀιγύπτου	Кос. См.: выше.	

№	Прочитано	Исправления	Аналогии
9.	Ιππι	Возможно, редкий родосский эпоним Ἱππίας. Период VI-VII, либо Кос: [*Criscuolo* 1982, 115, Tav. 1; *Finkielsztejn* 2000, 139, Ako 1].	
10.	Κω[...]	Κω(...) эмблема. Возможно, группа «Никандра», где известно такое сокращение (под вопросом): [*Cankardeş Şenol* 2010, 132].	
11.	[Μι]κί [ω]νος	Группа «Парменискa»: [*Grace* 1956, 169, № 208; *Akamatis* 2000, 39 f., ΠΑΡ40–47; *Jöhrens* 1999, 246, № 839]. Иллюстрации стр. 230, № 10 и 10а перепутаны, ибо № 10а это фотография клейма № 11, а не протирка к № 10.	
13.	Μενανδρο	Имя Μένανδρος известно среди косских клейм: Agora Archiv. Box 637, № 434–437, pl. 34.	
17.	ΑΤΑΙΣ	Возможно, позднесинопское фабрикантское клеймо [см.: *Кац* 2007, 273, рис. 63].	
19.	Е В рамке в виде плюща	Схожие типы Милета: [*Jöhrens* 2009, 214, № 23 f.; *Gramatopol, Poenaru Bordea* 1969, 255, № 1035].	
20.	ΛΥ/ΣΙ	Возможно, ранний Книд.	
21–21а	Βακχίου	Βακχίας [*Panagou* 2010, № 6, 8б]. О клеймах «группы Бакхия» и вероятности их происхождения из Пергама [*Börker, Burow* 1997, 65, № 582–585, 127 f., № 658–667, Taf. 21, 38]. В. Грэйс (Agora Archives. Box 80. 587) отнесла этого фабриканта к Книду (KT 1941).	
22.	ΝΠΓ	Ранний Книд.	[*Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, 295 f., № 71, 315, табл. 7].
23.	Ιερευ... Νικον...	ἱερεύ[ς] Νίκω[ν] Родос. Период IIа.	RE-NIKΩN-005.
24.	..... ίου Πρ...του (?)	[Ἀπατουρ]ίου ἐπὶ [Εἰρηνα]ίου	Очевидно, аналогично: [*Штаерман* 1951, 42 сл., рис. 6. *217*; *Jöhrens* 2014, 208, № 157].
30.	...	АТ. Возможно, Александрия в Троаде [*Panagou* 2010, № 45, *1*].	
31.	Ν(?) Λ (?)	Ранний Книд (?).	[*Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, 288, КН 23, 309, табл. 2].
37.	Φ	Ранний Книд.	[*Болонкина, Ефремов, Колесников* 2019, 291 КН 37, 312, табл. 4].

Вызывают существенные возражения ссылки на совершенно необоснованные параллели с египетскими амфорами и клеймами (стр. 115, № 25, 29), которые до сих пор не зафиксированы в Северном Причерноморье. Кроме того, в разделе индексы (список греческих имён) отсутствует перечень эмблем, что существенно затрудняет их поиск.

Наконец, невозможно не отметить плохую работу редактора, «просмотревшего» большое количество явных ошибок и опечаток. Едва ли это касается «научной терминологии», как, например – «эпиграфические клейма» (стр. 29) и «эпиграфные клейма» (стр. 31, 34), «мендийские амфоры» (стр. 31) и «клейма, сделанные геммой» (стр. 33). Оставляет желать лучшего и система цитирования иностранной литературы. При чтении монографии не оставляет чуство небрежности в работе с литературой, когда одно и то же имя пишется различно (*Jefremow* (что верно) и Jefremov). Кроме того, неверно указаны выходные данные монографии – Greifswald вместо München. Неправильно транскрибирована фамилия Lavall вместо *Lawall*. Особенно досталось немецким изданиям: *Pridik* 1928… вместо «aus Südrußland» – «und Südrusland», *Thiersch* 1838: Phil–Phil вместо Phil–Hist. Klasse. Кроме того, в качестве примера приведём цитирование работы Г. Йоренса (Jöhrens), где вопреки всем правилам немецкого языка указывается: taf. 38 nr. 567–569, в то время как все существительные пишутся с заглавной буквы.

Несомненно, проделана большая работа, которая при более тщательном анализе важнейшего источника по археологии и истории периода поздней классики и эллинизма дала бы ощутимо большие результаты.



Список литературы

Б*адальянц* С. Ю. 1986. Дополнение к корпусу родосских амфорных клейм из Северного Причерноморья // Архив ИА РАН. Р-2. № 2361.

Беккеръ П. 1863. О надписяхъ на ручкахъ греческихъ амфоръ и кускахъ древней черепицы // ЗООИД. 5, 18–75.

Беккеръ П. 1868. Новая коллекція надписей на ручкахъ древнихъ сосудовъ, найденныхъ въ Южной Россіи // ЗООИД. 7, 3–84.

Беккеръ П. 1877. О надписяхъ на ручкахъ греческихъ амфоръ изъ собранія И. К. Суручана // ЗООИД. 11, 13–50.

Болонкина Е. В., *Ефремов* Н. В., *Колесников* А. Б. 2019. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книда // АМА. 19, 274–317.

Брашинский И. Б. 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 268.

Брашинский И. Б. 1984. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М., 174–186.

В*асиленко* В. А. 1971. Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V–III вв. до н. э.). Дисс. канд. ист. наук. Одесса // Архив ИА РАН. Р-2. № 2111.

Внуков С. Ю. 2000. Псевдокосские амфоры Причерноморья // ВДИ. 4, 54–63.

Внуков С. Ю., *Ефремов* Н. В. 2017. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований (Крым в истории, культуре и экономике России). Симферополь, 19–120, 279–285, Таб. I–VII.

Внуков С. Ю., *Ефремов* Н. В. 2018. Новые и старые имена в керамических клеймах Херсонеса Таврического и Синопы // КСИА. 249, 250–263.

Г*аврилюк* Н. А. 1999. История экономики степной Скифии. VI–III вв. до н. э. Киев, 263.

Гарлан И., *Боду* Н. 2011. Греческие амфорные клейма: от сбора материала к публикации // АМА. 15, 411–425.

Е*фремов* Н. В. 2018. Двадцать лет спустя. Примечания к керамическим клеймам раннеэллинистического Книда // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 2. Сборник научных трудов, посвящённых 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 542–561.

К*ац* В. И. 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель Саратов, 170, CX табл.

Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь–Керчь, 480.

Кац В. И. 1999. Основные требования к фиксации и публикации керамических клейм // БФ. Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 274–280.

Колесников А. Б. 1985. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 2, 67–94.

Кутайсов В. А. 2015. Античный город Керкинитида. Saarbrücken, 399.

Л*осієвский* І. Я., *Бондар* К. В. 2015: Колекція давньогрецких керамічних клейм у фондах ХДНБ імені Б. Г. Короленка. Пам'ятки античної культури у фондах ХДНБ імени В. Г. Короленка. Харків, 120.

М*атеевич* Н., *Редина* Н. Ф. 2015. Керамические клейма из Надлиманского городища (дополнение) // МАСП. 13, 229–238.

Мирчев М. 1958. Амфорните печати от музея във Варна. София, 79, XL табл.

Монахов С. Ю. 2007. „Псевдогераклейские амфоры" IV – первой трети III в. до н. э. из Южного Причерноморья // Из истории античного общества. Сб. науч. трудов. Нижний Новгород, 86–96.

Монахов С. Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 3, 195–222.

П*олин* С. В. 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 776.

Придикъ Е. 1917. Инвентарный каталогъ клеймъ на амфорныхъ ручкахъ и горлышкахъ и на черепицахъ Эрмитажнаго собранія. Пгр., 191, XVI табл.

Пругло В. И. 1972. Энглифические клейма Гераклеи Понтийской из Мирмекия // КСИА. 130, 12–19.

С*апрыкин* С. Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М., 248.

Стоянов Т., *Маджаров* К., *Божкова* А. 2017. Сборяново. Том IV. Икономическите връзки на гетската столица Хелис по данни от амфорната тара. I. Амфорните печати. София, 286.

Ф*асмер* М. 1964. Этимологический словарь русского языка. Том. I. М., 562.

Федосеев Н. Ф. 2016. Керамические клейма из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Том. II. Гераклея Понтийская. Керчь. 2016, 320.

Ш*таерман* Е. М. 1951. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. XXXVI, 31–49.

Ю*ргевичъ* В. 1877. Надписи на ручкахъ древнихъ греческихъ амфоръ изъ новой коллекціи Дѣйств. Чл. Общества И. И. Куриса и шести, принадлежащихъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей // ЗООИД. 11, 51–66.

Юргевичъ В. 1895. Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи въ 1894 г. // ЗООИД. 18, 87–174.

A*kamatis* I. M. 2000. Ἐνσφράγιστες λάβες ἀμφορέων ἀπὸ τῆν ἀγορὰ τῆς Πέλλας. Ἀνακάφη 1980–1987. Οἱ ὁμάδης Παρμενίσκου καὶ Ῥόδου. Athenai, 241, 15 pl.

B*adoud* N. 2019. Conscience historiographique et renouveau disciplinaire // Analyse et exploitation des timbres amphoriques grecques. Rennes, 9–13.

Becker P. 1850. Über die im südlichen Russland gefundenen Henkelinschriften auf griechischen Tongefässen // Mélanges gréco-romains. I, St. Petersbourg, 416–521.

Becker P. 1862. Über eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland // JhKlPh. Suppl. IV, 454–502;

Becker P. 1869. Über eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland // JhKlPh. V. Suppl., 447–536.

Becker P. 1879. Ueber eine dritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem Südlichen Russland und ueber Dumont's Inscriptions ceramiques de Grece (Paris, 1871) // JhKlPh. Suppl. X, 1–117, 209–232.

Börker Chr. 1978. Zur Datierung einiger Inschriften aus der rhodischen Peraia // ZPE. 28, 35–39.

Börker Chr. 1978a. Der rhodische Kalender // ZPE. 31, 193–218.

Börker Chr. 2019. Der ΕΡΓΑΣΤΕΡΙΑΡΧΗΣ und die rhodischen Amphorenstempel // ZPE. 209, 78–90.

Börker Chr., *Burow* J. 1997. Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon. Der Pergamon-Komplex. Die übrigen Stempel aus Pergamon (Pergamenische Forschungen, 11), Berlin, 142, 40 Taf.

Bon A.-M., *Bon* A. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos (École française d' Athènes: Études thasiennes. IV). Paris, 538.

Bosworth A. B. 1988. Conquest and Empire. The reign of Alexander the Great. Cambridge, XVI, 330.

Buzoianu L. 1979. Noi stampile le amfore descoperite la Callatis // Pontica, 77–96, IV pl.

Buzoianu L., *Bărbulescu* M. 2008. Albeşti. Monografie arheologică. Constanța, 424, CV pl.

C*anarache* V. 1957. Importul amforelor stampilate la Istria (Biblioteca istorica. I), Bucureşti, 446.

Cankardeş Şenol G. 2010. Nikandros Group: Matrix studies on the Amphora stamps of the Group // Olba. XVIII, 125–139.

Criscuolo L. 1982. Bolli d'anfora greci e romani. La Collezione dell' Università Cattolica di Milano (Studi di Storia Antica. 6). Bologna, 177.

D*umont* A. 1873. Inscriptions céramiques de l'ile de Chypre // RA. V, 317–324 = *Idem*. 1892. Melanges d'archeologie et d'epigraphie. Paris 1892, 160–167.

E*bert* M. 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland). II. Teil // PZ. 5, 1–80.

F*inkielsztejn* G. 2004. Koan Amphorae Imported in the Southern Levant in the Hellenistic Period // The Hellenistic Polis of Kos: State, Economy and Culture. Proceedings of an International Seminar organized by the Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University, 11–13 May, 2000. Uppsala, 154–164.

G*arlan* Y. 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres protothasiens et thasiens anciens (Études thasiennes. XVIII). Paris, XII, 339, XII pl.

Garlan Y. 2004. La publication des timbres amphoriques grecs // Epigrafia Anfórica. Barcelona, 11–19.

Garlan Y. 2004a. Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Paris, 310, LXXII pl.

Garlan Y. 2004–2005. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // BCH 128–129, 269–329.

Garlan Y. 2006. Interpretation des timbres amphoriques "à la rou" d'Akanthos // BCH. 130, 263–291.

Georgopoulou V. 2004. The Archaeological Evidence of Coan Amphora from Kardamaina (Ancient Halasarna) // The Hellenistic Polis of Kos. State, Economy and Culture. Proceedings of an International Seminar organized by the Department of Archaeology and Ancient History. Uppsala, 129–132.

Georgopoulou V., *Hein* A. 2018. Minding and Filling the Gaps. Exploring the Production, Technology and Trade of Koan Amphorae During the Hellenistic and Roman Periods // Skyllis. 18/1, 67–78.

Grace V. 1956. Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments // Hesperia. Suppl. X, 117–189, pl. 52–80.

Grace V. 1962. Stamped Handles of Commercial Amphoras // Colt H:, Dunscombe H. a. o. (eds.). Excavations at Nessana. Vol. I. London, 106–130, Pl. XXXVI–XXXIX.

Grace V., *Savvatianou-Petropoulakou* M. 1970. Les timbres amphoriques grecs // EAD. XXVIII. Paris, 277–382.

Graf F. 2003. Labrys // DNP. 6, 1035–1036.

Gramatopol M., Poenaru Bordea Gh. 1968. Amfore stampilate din Tomis // SCIV. 19/1, 41–63.

Gramatopol M., *Poenaru Bordea* Gh. 1969. Amphora Stamps from Callatis and South Dobrudja // Dacia. XIII, 127–282.

Gross H. G. 1979. Labrys (λάβρυς) // KLP. 3, 431.

H*ein* A., *Kilikoglou* V., *Georgopoulou* E., *Nodarou* E. 2008. Koan Amphorae from Halasarna: Investigations in a Hellenistic Amphora Production Centre // JArchSc. 35, 1049–1061.

Hiller von Gaertringen F. 1896. Inschriften aus Rhodos // AM. XXI. 18, 56–59.

J*acopich* G. 1928. Il Museo archeologico di Rodi nell'ospedale die Cavalieri. Collezione amforaria // Clara Rhodos. 1, 34–36.

Jefremow N. 1995. Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. 19). München, 251.

Jöhrens G. 1999. Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Mainz, XVII, 334, 4 Taf.

Jöhrens G. 2009. Funde aus Milet XXVII. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007 // AA. 1, 205–235.

Jöhrens G. 2014. Funde aus Milet XXIX. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007, 2. Teil // AA. 2, 177–219.

Jöhrens G. 2019. Timbres amphoriques milésiens // Analyse et explotation des timbres amphoriques grecs. Rennes, 147–154.

K*antzia* Ch. 1994. Ἐνα κεραμικό ἐργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου. αι. π. Χ. στην Κω // Γ'ἐπιστημονική συναάντηση για τὴν ἑλληνιστικὴ κεραμικὴ χρονολογήμενα συνόλα ἐργαστήρια. Σεπτεμβρίου. Θεσσαλονική. Κειμένα. Ἀθήναι, 323–354.

Kornemann E. 1935. Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I. von Ägypten. Versuch einer Rekonstruktion, Leipzig–Berlin, 265.

L*awall* M. 2019. Alkanor: Amphora Stamps Beyond the Polis // Analyse et explotation des timbres amphoriques grecs. Rennes, 139–146.

Lawall M., *Lejpunskaja* N. A., *Diatroptov* P., *Samojlova* T. L. 2010. "Transport amphoras" // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD (BSS.13). Aarhus, 355–405.

Levi D., *Pugliese Caratelli* G. 1963. Nuove inscrizioni di Iasos. B). Instrumentum domesticum // ASAA. XXIII–XXIV, 605–631.

M*aiuri* A. 1925. Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos, Firenze, 272.

N*eroutsos* T.D. 1874. Κεραμίων λαβαὶ ἐνεπίγραφαι ἀνευρισκόμεναι ἀνευρισκομεναι ἐν τῆ ἀρχαίᾳ Ἀλεξανδρείᾳ // Ἀθήναιον. 3, 213–245, 441–462.

Nicolaou I. 2005. Paphos. Vol 5. The stamped amphora handles from the House of Dionysos. Nicosia, XX, 483.

P*anagou* T. 2010. Σφραγίση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων: Κέντρα παραγωγής καὶ συνθετική αξιολόγηση. Τ. Α-Γ: Κείμενο; Κατάλογοι; Εικόνες, πίνακες, χάρτες (Ph. Diss. University of Athens). Athenai, LII, 474, 394, 55, XIII, 58.

Panas Ch. I., *Pontes* H. R. 1998. Stamped Amphora and Lagynos Handles from the 1989–1995 Seasons // Studia Troica. 8, 223–262.

Pearson L. 1960. The Lost Histories of Alexander the Great (Philological Monographs publ. by the Americ. Philol. Assos., XX), N. Y., 276.

Pridik E. 1896. Amphorenstempel aus Athen // AM. XXI, 127–187.

Pridik E. 1897. Neue Amphorenstempel aus Athen // AM. XXII, 148–158.

R*eisner* G. A. *et al*. 1924. Harvard Excavations at Samaria I. Cambridge, 18–19, 310–316.

S*eibert* J. 1990. Alexander der Große (Erträge der Forschung, 10). Darmstadt, XIV, 329.

Stoddart J. L. 1850. On the Inscribed Pottery of Rhodos, Cnidus and other cities // Transactions of the Royal Society of Literature. 2e série. III, 1–127

Sztetyłło Z. 1983. Les timbres céramiques in Musée National de Varsovie. Warszawa, 220.

T*rümpy C.* 1997. Untersuchungen zu den altgriechischen Monatsnamen und Monatsfolgen. Heidelberg, XV, 300.

Tzochev C. 2016. Amphora Stamps from Thasos (The Athenian Agora. XXXVII). Princeton, 264.

V*nukov* S.Yu. 2004. Pan-Roman Amphora Types Produced in the Black Sea Region // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002 (Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5). Aarhus, 407–415.

Электронные ресурсы:

https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid
http://www.amphoralex.org/
https://www.lgpn.ox.ac.uk/online/Searches.html



Summary

N. V. Jefremow, A. B. Kolesnikov
Mateevice N., Samojlowa T. L. The amphora stamps from Tyras
(Excavations 1998–2008). Kiev: Publisher Oleg Filyuk, 2017. – 234 p.

The ancient city of Tyras was in the late classical and Hellenistic times an important economic center of the North-Western Black Sea region. Ceramic stamps are an important source of external relations of the polis during this period. The monograph considered in the article deals with this group of archaeological material.

Based on an unpublished manuscript of ceramic stamps from the Northern Black Sea region (IOSPE III), the archive of the Athenian agora, the corpus of Rhodian stamps from Alexandria, as well as materials from a number of museum collections, the authors have thoroughly rechecked the stamps published in the monograph. A careful analysis of photographs and stamps with the given readings and, accordingly, the interpretations of individual copies, made it possible to reveal a lot of erroneous reconstructions of legends, incorrect dates and definitions of production centers. This is especially true for Rhodes (102 corrections and clarifications) and Sinope (66). The corrections confirm the analogies from publications and the indicated sources.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.142-165

А. А. Завойкин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Южная окраина Фанагории в IV–I вв. до н. э.: некоторые итоги и проблемы исследований

Раскопки на южной (юго-восточной) окраине Фанагории под руководством М. М. Кобылиной и В. С. Долгорукова проводились с перерывами на протяжении многих лет[1]. В результате была вскрыта значительная площадь: по подсчетам Я. М. Паромова, ок. 4360 м[2]. Здесь обнаружены и изучены древности от последней трети VI до первых десятилетий V вв. до н. э., связанные с городским некрополем [*Завойкин* и др. 2016], а также слои и строительные остатки города от рубежа первой и второй четверти V в. до н. э. [*Долгоруков*, *Колесников* 1993] до византийского времени. Специально результатам раскопок восточной окраины этого района («Керамика») были посвящены две небольшие статьи М. М. Кобылиной [1967, 124–129; 1969, 98–104], кроме того материалы этих работ неоднократно рассмотрены в других ее публикациях [например, см.: *Кобылина* 1956, 25–26; 1963, 132–136; и др.]. Итоги раскопок на «Южном городе» слоев и построек второй половины V и отчасти IV вв. до н. э. были подведены в книге автора настоящей статьи [*Завойкин* 2004]. Наиболее существенным результатом этого исследования стало выявление горизонта гибели в пожаре всей застройки в этой части городища конца V в. до н. э. и обоснование того, что это событие непосредственно связано с утратой Фанагорией автономии и насильственным включением полиса в состав державы Сатира I.

Работа над этой книгой облегчалась, во-первых, тем, что с 1984 г. мне довелось принимать непосредственное участие в раскопках на «Южном городе», а во-вторых, тем, что долгие годы коллекция Фанагорийской экспедиции хранилась в Институте археологии и была доступна для изучения ее материалов (не только коллекционных, но и части массовых). К настоящему времени лишь отдельные категории находок хранятся в музее-заповеднике «Фанагория». Их использование для изучения комплексов, из которых они происходят, сопряжено со значительными трудностями объективного

* Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18–118011790093–2).

[1] Обзор хронологии и масштабов исследований (со ссылками на отчеты), а также краткое резюме основных результатов раскопок в этом районе города см.: [*Паромов* 1993, 125–126, № 23 («Керамик»); 137, № 67, 68 («Участок А» и «Участок Б»); 140, № 79 («Южный город»)].

характера. В полной мере, полагаю, это имеет отношение и к коллекции, хранящейся в ГМИИ им. А. С. Пушкина, куда сдавались находки из раскопок «Керамика».

Объективная сложность в изучении и интерпретации результатов раскопок «Южного города» обусловлена еще рядом обстоятельств, о которых уже приходилось писать. Наряду с тем, что раскоп в целом представлял собой длинную (570 м)[2] узкую (шириной 5 м) траншею, за пределами которой остались значительные части практически всех построек, их сохранность оставляла желать много лучшего в результате того, что их остатки были разрушены поздними хозяйственными ямами, а в особенности из-за того, что дефицитный в регионе камень из разрушенных построек извлекался еще в древности ради вторичного его использования. В следствие всего этого, по сохранившимся разрозненным остаткам кладок фундаментов и цоколей стен трудно (а часто и невозможно) реконструировать планировку зданий и характер застройки района в целом. С учетом того, что отдельные участки раскопа исследовались под руководством различных исследователей (иногда одни и те же участки изучались разными исследователями и в разные годы), и того, что их навыки и подходы к фиксации результатов полевых работ заметно отличались, а сводные планы не составлялись, общая стратиграфическая схема не была выработана – систематизировать материалы раскопок за 9 лет (1980–1988) чрезвычайно трудно.

Учитывая все отмеченные обстоятельства, полагаю, трудно рассчитывать на то, что в обозримом будущем кто-то возьмет на себя нелегкий труд выполнить эту работу. Остается лишь сожалеть, что результаты многолетних усилий целого коллектива исследователей[3] остаются невостребованными. По этой причине я и решился предложить вниманию читателя краткий обзор некоторых итогов исследований южной окраины Фанагории IV–I вв. до н. э. Отмечу сразу, что представленная статья не является систематической публикацией материалов раскопок. Ее цель – дать самое общее представление о том, что представляла собой южная окраина города в течение нескольких столетий после того, как Фанагорийский полис утратил самостоятельность и стал «столицей азиатских боспорян» (Strab. XI. 2. 10).

После катастрофических для этого района событий конца V в. до н. э. и утраты (разборки) городских оборонительных стен [*Завойкин* 2004, 114–115] жизнь здесь постепенно восстанавливается и входит в нормальное русло. Приемлемым хронологическим ориентиром начальной фазы этого процесса могут служить материалы из засыпи траншеи выборки западного участка[4] южной оборонительной стены (38.7) и объектов ее перекрывающих. Они определяют эту временнỳю грань ок. 390/80–370 гг. до н. э. [см.: *Завойкин* 2004, 40–51; *Горлов* 1986, 135–137].

Не вызывает сомнений, что застройка на южной окраине Фанагории была вписана в уличную сеть, которая делила площадь этого района на кварталы. Однако ре-

[2] По Я. М. Паромову [1993, 140, № 79]. В пределах городской территории, ограниченной стенами – ок. 415 м.

[3] На «Южном городе» раскопки производились по Открытым листам В. С. Долгорукова (1980, 1981, 1984–1987), И. В. Новикова (1981–1984), Ю. В. Горлова (1982, 1983), Т. Г. Шавыриной (1984), А. Б. Колесникова (1987), А. А. Завойкина (1988, 1990, 1991). Работы на «Керамике» проводились в течение 8 полевых сезонов по Открытым листам М. М. Кобылиной (1951–1955, 1959, 1960, 1965).

[4] Здесь и далее определения «западный» «восточный» (кроме отдельно оговоренных случаев) подразумевают местоположение объектов в пределах раскопа, который проходит только через восточную половину южной окраины городища.

конструировать здесь квартальную систему не удается. Несомненно, что одна из магистральных улиц Фанагории вела с нижнего плато через балку, разделявшую верхнее плато на две неравные части, на юг–юго-восток, и, по логике, должна была пересекать южную окраину города и далее выходить за его пределы, продолжаясь дорогой по низине у восточной подошвы г. Майской через так называемую Аллею курганов [*Завойкин*, *Кузнецов* 2012, 135–138]. Однако точно установить место ее пересечения с раскопом не удается. На отрезке раскопа, через который могла пролегать трасса этой магистрали, открыта вымостка (336+334+349+288+213[5]) улицы, сделанная из гальки и черепков, ориентированная по оси запад – восток. Ее ширина ок. 10 м[6]. Южный край вымостки (349) хорошо прослежен в западной части объекта (на кв. XXXI–XXXII). Здесь в нижнем горизонте вымостки был открыт монументальный водосток, который пролегал с севера на юг[7] и, очевидно, отводил воду с улицы на юг за пределы города. Восточная его стенка (344) представляет собой солидную кладку из обработанных блоков известняка, положенных в один ряд, с тщательно оформленным западным фасом, а западная его стенка (343) сложена не так аккуратно из камня, только по восточному фасу кладки обработанного. Обе кладки имели общее основание из двух рядов горизонтально положенных плит на подсыпке из желтого песка; поверх плит была положена трамбовка из битой керамики на глиняном растворе. Ширина канала этого водостока весьма значительна: от 0,80 м (на юге) до 1,20 м (на севере, т. е. на вымостке) [*Долгоруков* 1984, 34–36; рис. 142–151, 155–157; *Новиков* 1984, 3–4, 8–10; рис. 28, 30, 31][8].

Функционировала вымостка с IV по I вв. до н. э., периодически подновляясь. На ее поверхности отчетливо прослеживались колеи, оставленные колесами повозок (расстояние между парными колеями – ок. 1,34 м)[9].

Другой элемент уличной сети на «Южном городе» был открыт в самой западной (в пределах городской территории) части раскопа, примерно в 5 м восточнее северного края траншеи выборки ранней оборонительной стены (18.7), засыпанной в первой трети IV в. до н. э. Это вымостка (7) улицы, ориентированной с юга на север, ее ширина 3,80–4,00 м. Многослойная вымостка функционировала длительное время[10]. У западного края улицы располагался дом (52), два южных помещения которого частично лежали над засыпью траншеи выборки городской стены [*Долгоруков* 1980, 76–80; *Горлов* 1982, 3–6;

[5] Трехслойная черепяная вымостка на кв. XXXII–XXXIII: 1-й слой – на глубине 1,64–1,89 м (черепки на ребре); 2-й слой – 1,89–1,97 м; (в южной части керамика на ребре, в остальной – плашмя); 3-й слой – 1,97–2,06 м (черепки плашмя). Материал во всех слоях от IV в. до н. э. до рубежа эпох (светлоглиняные с двуствольными ручками) [*Новиков* 1981, 44–45; рис. 119, 124].

[6] Размер весьма приблизительный, поскольку северный край можно определить только суммарно.

[7] Т. е. перпендикулярно направлению улицы, что необычно (чаще водоотвод проходил параллельно, вдоль кромки улицы).

[8] И. В. Новиков относит кладки водостока (343, 344) к слою «серого/желто-зеленого суглинка с большим количеством рушенных сырцовых кирпичей», который перекрыт слоем «серо-черной глины», датируемым им концом V – началом IV вв. до н. э. С учетом того, что водосток был заглублен относительно дневной поверхности, эту дату следует рассматривать как *terminus post quem* для этого объекта.

[9] Между внутренними краями колей, ширина которых в нижней части 0,14–0,16 м, при средней глубине 0,14–0,15 м.

[10] Автор раскопок выделил 4 основных слоя и датировал вымостку III–I вв. до н. э. [*Долгоруков* 1980, 81; 1981, 25; рис. 5]. Более вероятно, что начальная дата ее сооружения относится не позднее, чем ко второй половине IV в. до н. э.

рис. 2, 17, 19]. Поскольку северная часть этой постройки осталась за пределами раскопа, невозможно судить о ее размерах и планировке в целом[11].

В интервале между этими двумя, ориентированными широтно (восточная) и меридионально (западная) улицами[12] было найдено некоторое количество других вымосток, сохранность и общий контекст местоположения которых не позволяют сказать хоть что-то об их конкретном функциональном назначении.

Отдельного упоминания заслуживает лишь одна из них, расположенная в 25 м к западу от «восточной» улицы. Это монументальная вымостка (300), сложенная из окатанного булыжника небольших размеров (в среднем – 0,20/25–0,15/20 м)[13]. Ее северный и южный концы выходят за пределы раскопа. Полностью сохранившийся восточный край вымостки примыкает к каменной фундаментной кладке стены (266), сложенной из обтесанных блоков известняка и ориентированной с юга на север[14]. Западный край вымостки сохранился хуже: только в южной его части[15] видно, что она примыкала к кладке стены (296)[16], через которую (поперек кладки) проходил водосток (262), отводивший сточную воду на вымостку (в канавку 304а). Таким образом, протяженность вымостки с запада на восток составляла ок. 11,67 м.[17] Датирована каменная вымостка IV в. до н. э.

К сожалению, невозможно определенно сказать, является ли эта вымостка участком улицы, ориентированной с севера на юг (см. примеч. 14), либо же это площадь внутреннего двора значительной по размерам городской усадьбы. К западу от двора (?) могли располагаться несколько помещений: к стене 296 примыкали кладки стен (297, 298 и 400), делившие внутреннее пространство на три помещения, в которых находились вымостки (261, 301) и водостоки (278, 262)[18]. Еще сложнее для понимания ситуация на площади к востоку от каменной вымостки (300). Как было отмечено, ограничивающая ее кладка стены (266) образовывала с перпендикулярной ей кладкой (268) внутренний СЗ угол помещения[19], в которое с вымостки двора (?) вел проход шириной

[11] Остатки построек к востоку от улицы сохранились плохо и сказать что-то определенное о них невозможно.

[12] Между ними приблизительно 120 метров.

[13] В ее основании – известняковая крошка [*Новиков* 1981, 62–63].

[14] Южный ее край тоже выходит за пределы раскопа, а северный примыкает («вперевязь») к кладке (268), проходившей с востока на запад. Западные камни этой кладки, уходящей в северный борт, насколько можно судить по чертежу [*Новиков* 1981, 60–61; рис. 144], фланкировали вымостку 300 с севера (?).

[15] Остальная часть вымостки вдоль кладки стены была выбрана.

[16] В северной части с запада к ней примыкает стена (297), разделяющее пространство здания на два помещения. В 2,20 м от северного борта, параллельно этой стене выявлен отрезок (2,40 м) аналогичной кладки другой стены (298). Значительная площадь южного помещения занята черепяной и каменно-черепяной вымостками (261, 301). Здесь (на вымостке 301) также располагался водосток (278), не стыкующийся с водостоком 262.

[17] Если даже считать расстояние от восточного края до сохранившегося карая вымостки на западе в северной части, оно составит почти 10 м.

[18] В 10,8 м к западу от стены (296), параллельно ей, располагалась стена (265) толщиной 1,20 м [*Новиков* 1983, 11], которая могла быть внешней стеной всего этого комплекса. К ее восточному фасу примыкает под прямым углом кладка (401).

[19] В этом углу был расчищен развал боспорской черепицы (251) с крыши здания, в том числе с клеймами. Автор раскопок прочитал их так: ОППН, КРАТ…, КРАТГС. К сожалению, их иллюстрации не представлены в отчете. По всей видимости, это ретроградное клеймо Гиппократа/Ιππο[κράτης] [*Федосеев* 2012, 51, кат. 929, 940] и клейма Кратиппа/Κράτι[ππος] со знаком сокращения [там же, 56, кат. 1189], которые по В. А. Анохину [1999, № 51, 66] датированы 380–370 и 360–350 гг. до н. э. Здесь же найдены 3 бронзовых трехгранных со скрытой

0,80 м [*Новиков* 1981, 60]. Далее к югу и востоку располагались вымостки и остатки каменных конструкций[20], соотнести которые между собой для реконструкции планировки не представляется возможным. Пожалуй, очевидно лишь то, что здесь представлены фрагменты не одной, а нескольких построек, притом, что, по всей видимости, не все они были одновременны. Еще далее к востоку были открыты остатки многокомнатного здания (помещения которого образованы кладками стен 221, 222, 138, 139)[21]. Параллельно стене (138), идущей с юга на север, примерно в 5 м восточнее открыта кладка стены (304) шириной 0,70–0,74 м, сложенная из крупных обработанных блоков. Сохранилось два ряда кладки в высоту [*Новиков* 1981, 47; рис. 172, 173, 175, 176][22]. Едва ли эта стена имеет отношение к упомянутому только что дому. Стоит, однако, отметить, что стена пролегала непосредственно над кладкой (344) раннего монументального водостока (более, чем на метр выше его), описанного раньше.

На ближайшей территории, примыкающей к северному краю магистральной улицы, проходившей с запада на восток, т. е. к северо-востоку от нее, остатки застройки IV–I вв. до н. э. практически не сохранились[23]. Лишь в 55 м далее к востоку в площади раскопа были открыты остатки значительного здания этого времени.

Так называемая «Постройка I–II» предположительно отнесена к числу общественных зданий эллинистического времени. На это указывает ряд признаков, в том числе: разнообразные элементы его архитектурного убранства, расписная полихромная штукатурка, находки терракотовых статуэток и др. [см.: *Кузьмина* 2012, 136]. Установить длину здания, ориентированного входом на север, не удается, так как южная его часть осталась за пределами раскопа. Поперечный размер строения составляет примерно 6,8 м (ширина внутреннего пространства – ок. 5,50 м). Решение вопроса о планировке этого здания вызывает наибольшее затруднение. В частности, остается не ясным, следует ли говорить об одном его помещении или о двух (что, на мой взгляд, более вероятно). По разрозненным описаниям в отчетах разных лет сложно составить целостное представление об этом архитектурном комплексе[24]. Очевидно лишь то, что здание на этом

втулкой наконечника стрел и клеймо на ручке синопской амфоры: … ΘΙΔΩΡ… ΑΣΤΥΝΟΜ (ΟΥ) … ΤΕΦΑΝ… [*Новиков* 1981, 56–57; рис. 97]. Согласно консультации А. Б. Колесникова (которому я искренне признателен за дружескую помощь), наиболее вероятны два варианта реконструкции синопского клейма: Ἀρτεμιδώρου | ἀστυνόμου | Στεφάνου (*эмблема* – гроздь, венок) или Θευδωρίδου | ἀστυνόμου | Στεφάνου (*эмблема* – голова сатира вправо; IOSPE III, 4027, 4028). Не углубляясь в проблему хронологии, отмечу только, что датировки штампов обоих астиномов укладываются в пределы первых полутора десятилетий III в. до н. э. [соотв.: *Conovici* 1998, gr. IIIa (295–291 гг.); gr. IIIc (288–284 гг.); *Garlan* 2004, gr. IVA (295–289 гг.); gr. IVB (288–285 гг.)].

[20] В том числе: СВ угол кладок стен (226); кладки, ориентированные с запада на восток (225, 216 и 218, сложенная из хороших пиленных блоков известняка в один ряд); кладка (215), ориентированная с севера на юг.

[21] О датировке этой постройки можно сказать только то, что она относится ко времени после конца 5 – начала 4 вв. до н. э., поскольку этот дом перекрыл однорядные кладки (340 и 364), лежащие в слое рушенного сырца, перекрытого слоем, который И. В. Новиков датировал этим временем. Очень примечательно, что лицевые фасы этих параллельных кладок (высотой, соответственно, 0,94 и 0,80 м при ширине обеих 0,40 м) обращены к востоку и западу [*Новиков* 1984, 3–4, 6–7; рис. 17, 23–27, 29].

[22] К более позднему времени относится СЗ угол постройки, образованный кладками 306 и 307. В целом слой, к которому относятся эти постройки, автор отчета датирует III–II вв. до н. э. [*Новиков* 1981, 47–49].

[23] В отличие от более ранних [см.: *Завойкин* 2004, 62–64].

[24] В этом отношении показательна попытка Ю. Н. Кузьминой (Шоруновой). Она пишет о двух помещениях (1, 2) в постройке, воспроизводя на рис. 2 фотографию из отчета В. С. Долгорукова [1984, рис. 22], на которой стены LIII/2, 3, 4 образуют подобие помещения («Помещение 1»); в отчете даже указано, что кладки LIII/3 и 4

месте на протяжении конца IV–II вв. до н. э. не менее двух раз основательно перестраивалось [*Долгоруков* 1986, 4–5, 6, 25; рис. 3].

Примечательно, что в основании постройки (также, как и в здании 476, см. ниже) был использован такой строительный прием, как отливка известкового раствора в опалубку («цемянковые плиты»[25]). Любопытная конструктивная особенность западной стены – наличие прямоугольных блоков ракушечника (их сохранилось три), положенных поперек кладки на равном удалении (ок. 0,9 м) друг от друга, на 15–18 см выступающих за линию западного (внешнего[26]) фаса. В середине верхней плоскости этих боков имелось прямоугольное в плане углубление (глубина выборки 3–5 см), причем с торцевой западной стороны оставлен бортик, а с противоположной его не было (верхняя плоскость блоков, таким образом, приобретала П-образную конфигурацию, «ножками» обращенную внутрь здания)[27]. Предполагается, что эти блоки предназначались для установки «деревянных столбов приставного ордера помещения» [*Долгоруков* 1984, 6; *Кузьмина* 2012, 130 (со ссылками на отчеты В. С. Долгорукова)][28].

Наиболее важная проблема – определить соотношение «Постройки I» и «Постройки II» (по номенклатуре отчета 1986 г.). Сложность в том, что ни южная стена первой, ни северная стена второй[29] не были выявлены, а их продольные стены (или их следы) лежат на одних трассах. Постройка II – «большие плоские цемянковые плиты» – практически целиком располагалась в южных прирезках к квв. 53 и 54. В кв. 54 они были «*непосредственно*» перекрыты восточной стеной Постройки I, в то время как северная часть этой постройки перекрывает кладки Помещения III, которое, предположительно, старше Постройки II [*Долгоруков* 1986, 4–5].

(с 1985 г. это стена LIII/3) сложены «впереплет», и то, что в этом помещении были прослежены остатки глинобитного пола [*Долгоруков* 1984, 6–7; рис. 24]. На рис. 1 у Ю. Н. Кузьминой представлена фотография из отчета следующего года [*Долгоруков* 1985, рис. 214]. Здесь на переднем плане видим «Помещение 2» [*Кузьмина* 2012, 128 сл., рис. 1, 2], которое образовано стенами LIII/3 (смежной с «Помещением 1»), LIV/1 и LIV/2. Именно это помещение в отчете за 1986 г. раскопок именуется «Помещением 1» (см. ниже).

[25] Так называемая Постройка II. Ее строительство датируется автором этой части отчета, А. Б. Колесниковым, концом IV – началом III вв., а строительство постройки I отнесено к первым десятилетиям II в. до н. э. [*Долгоруков* 1986, 4–5, 6, 25; рис. 3].

[26] В 1984 г. ситуация воспринималась иначе: за линию внутреннего фаса [*Долгоруков* 1984, 7].

[27] Один такой же профилированный блок зафиксирован *in situ* в кладке LIII/2 (в 1984 г. она имела номер LIII/3), выемкой в верхней плоскости он ориентирован на юг (логично предположить – внутрь помещения, если только камень не использован вторично).

[28] Однако на плане 1985 г. [*Долгоруков* 1985, рис. 198] к западу от внешнего фаса стены LIII/3 (вплотную к нему) показана трасса выборки ее западной половины. Внешний ее контур на севере замыкается точно на внешней плоскости углового камня стены LIV/1. Таким образом, тыльная сторона профилированных боков *не выступала* за край остальной кладки, но находилась в ее толще. Если так, блоки не могли служить опорой для столбов. Сложно не заметить, что северная стена (54.1) «Помещения 2» (по Ю. Н. Кузьминой; по отчету – это Помещение I) ỳже всех остальных: она сложена в один ряд камней, при этом внешний ее фас фиксируется на западе отмеченным угловым камнем, а внутренний – каменной вымосткой LIV/5 в СВ углу помещения. Следовательно, невозможно предполагать частичную утрату стеной толщины, а значит – эта ее характеристика конструктивна. Видимо, существенно, что восточная (продольная) стена 54.2 примыкает к кладке 54.1 «впритык» [*Долгоруков* 1986, 2].

[29] В качестве основания таковой предполагается цемяночная полоса (54.8), южной границей которой служит край пола, поверхность которого несколько выше. Исследователь предполагает, что сама стена была разобрана при строительстве Постройки I (полоса была перекрыта ее полом?). Примечательно, что стена 53.3 перекрывала западную часть (53.11) этой полосы [*Долгоруков* 1986, 4–5].

Иными словами, складывается впечатление, что мы имеем дело не с двумя разными и разновременными постройками, а с элементами двух этапов жизни *одной*, разделенной (несохранившейся стеной на основании 54.8+53.11) в плане на два помещения, южное из которых на раннем этапе жизни здания имело мощное основание из цемянковых плит. В пользу этого говорит и соотношение уровней пола в обоих помещениях. В первом из них выявлено два уровня полов: один трамбованный глинобитный с большим количеством включений раковин мидий и известняковой крошки, толщиной 4–6 см, на уровне 1,57–1,60 м от R^o; другой – на уровне 1,65–1,73 м, понижается к югу от СВ угла помещения, где имелась вымостка из известняковых плит (54.5[30]), к западу и югу от которой пол представлял собой «плотную забутовку из ракушечника и каменной крошки» [*Долгоруков* 1985, 49–50; рис. 198]. Во втором помещении пол (54 пр.3), покрытый мелкими околами известняка, приходился на уровень 1,73–1,75 м [*Долгоруков* 1986, рис. 3, 16].

Примерно в 55 м к востоку от этой постройки, вблизи юго-восточного угла городища (приблизительно в 40 м от восточной крепостной стены), были раскопаны остатки двух зданий. Первое из них – единственная постройка (475)[31], которая, по-видимому, пережила разрушительные события конца V века. Это небольшое (ок. 3,5 м в ширину) здание, построенное из сырцового кирпича на каменном фундаменте в последней четверти V в. до н. э. Его планировка дает возможность предполагать в нем небольшую постройку типа *templum in antis*, хотя вход в здание, возможно, располагался с южной стороны. Бронзовая пантикапейская монета[32] на верхнем его полу датирует конец жизни постройки *не ранее* первых двух десятилетий IV в. до н. э. Во второй четверти – середине этого же столетия юго-западная часть здания частично была «перекрыта» более крупной постройкой с антами (476) и вымосткой площади перед ней, расположенной южнее [см.: *Завойкин* 2004, 34–37, 188–190, табл. XXXI–XXXIII].

Длина этого здания осталась не установленной, однако его ширина (6,3 м)[33] указывает на довольно значительные размеры. Обрамленный антами вход в него располагался с северной стороны. Примечательно, что при сооружении основания здания использовался известковый раствор («белая цемянка»), который заливался в деревянную опалубку. Нижние камни фундамента (цоколя) были тесно связаны с этим основанием. С перестройками[34] здание доживает до середины I в. до н. э. [*Завойкин* 1990, 62]. На позднем этапе своего существования поверхности стен внутри основного помещения были оштукатурены и расписаны[35].

Местоположение и стратиграфия участка дают некоторые основание для осторожного предположения, что этот комплекс разновременных построек мог представлять

[30] По чертежу, в тесте 54.6.

[31] Открыта только южная ее часть.

[32] Тип: *Зограф* 1951, 245, табл. XL. 3; *Шелов* 1956, табл. III. 38; *Анохин* 1986, 136, табл. 2. *87*.

[33] Ширина внутреннего пространства между антами – ок. 5,0 м.

[34] Их число и характер остались неустановленными из-за того, что работы здесь были прекращены в 1991 г. и более не возобновлялись.

[35] На фрагментах штукатурки преобладали темно-красный и желтый цвета (меньше – розового и серого), разделенные полосками, иногда декорированные цветными точками или волнистой линией. Верхний пояс декорирован росписью в виде «плетеной ленты», парные глазки в которой окрашены последовательно в синей, красной, желтой краской (и т. д.) цвета; сама лента – белая, поле заполнено черной краской. Ниже располагался рельефный карниз: белый двойной меандр на темно-синем фоне.

собой своего рода *героон* у юго-восточной границы города, связанный с почитанием погребенного здесь еще ок. 520–510 гг. воина [см.: *Завойкин* и др. 2016, 160–163, рис. 57–60]. Однако невозможно отвергать и вероятность простильного оформления фасада здания гражданского назначения (или же частного дома?).

Остатки построек и сооружений (каменные кладки стен, вымостка), возведенных над слоем разрушенных в пожаре конца V в. до н. э. зданий[36], далее к востоку не позволяют судить об их планировке [см.: *Долгоруков* 1985, 33–34].

Своим восточным концом этот участок раскопа «Южный город» упирается в северную часть раскопа «Керамик» (рис. 1)[37], к которому с юга примыкают «Участки А и Б» [*Паромов* 1993, 137, № 67, 68][38]. Это самая юго-восточная окраина Фанагории. Именно здесь были открыты остатки городских оборонительных стен двух периодов, разделенных частично свалкой керамического мусора IV–III вв. до н. э. [*Кобылина* 1956, 25, рис. 6; 1963, 132–133; 1967, 127; 1969, 98–99, рис. 30; 101–102]. Основание стены ранней (72), трасса которой прослежена на протяжении 43 м[39] по прямой линии, нас сейчас интересовать не будет (рис. 3). В отличие от нее, менее протяженный открытый участок эллинистической стены (22–23–43 [-51?]), шириной ок. 3 м[40], имеет уступчатые в плане очертания. Он представляет собой сочленение трех отрезков (рис. 1. *3*а–в), образующих конфигурацию в виде буквы Z: южный отрезок (9,3 м) под прямым углом поворачивал к северу (длина второго отрезка от внешнего, ЮЗ угла до северного фаса северного отрезка – ок. 12,3 м), а затем стена под прямым углом поворачивала к западу (по северному фасу – ок. 5,4 м); расстояние от внутреннего угла до внешнего (северо-восточного) – 9,8 м [*Кобылина* 1956, 25, рис. 6; 1954, 42 слл.; 1955, 10–12][41].

К сожалению, следы этой постройки далее к востоку не сохранились. Логично предположить, что южный отрезок эллинистической стены поворачивал к югу где-то недалеко от трассы стены второй половины V в. до н. э. (или непосредственно над ней?). В любом случае, топография местности предопределяла трассу восточной оборонительной линии напротив границы верхнего плато и крутого склона глубокой балки, отделяющей городище от холмов, на которых располагался некрополь.

Столь же предположительно можно рассуждать и о северном отрезке стены (43), бесследно обрывающемся на западе. Если бы не небольшой обрывок стены (51)[42], – что расположен в 4 м к северу от внешнего фаса северного отрезка (43), перпендикулярно ему

---

[36] План южной части только одной из них («Помещение А») был прослежен [см.: *Завойкин* 2004, 61–62].

[37] Свое название раскоп получил в связи с тем, что в этом районе открыто значительное количество горнов для обжига керамики, которые функционировали с I по IV вв. н. э.

[38] Общая площадь, исследованная раскопками в 1965 г., составила ок. 600 м^2. Работы здесь проводились в связи со строительством шоссейной дороги Тамань – Сенной. Участок «Б» располагался непосредственно к югу от описанных выше остатков здания с антами, приблизительно в 10–15 м от него. В восточной части этого участка раскопаны остатки фундамента стен дома V в. до н. э., удаленного к западу от ранней оборонительной стены на 34 м. В IV в. до н. э. остатки северной части дома были прорезаны колодцем [*Кобылина* 1969, 99–100, рис. 31; 103, рис. 35].

[39] Наиболее удаленный на юг её край выявлен в раскопе «2-й Железнодорожный» [*Кобылина* 1960, 114].

[40] Восточный край – 4 м [*Кобылина* 1954, 42].

[41] Остатки стены залегали в слое (*4*), датированном III–II вв. до н. э.

[42] Его размеры – 3,60 × 1,80 м (ширина на длину). Характер этой кладки аналогичен кладке 22–23–43 (относительно крупные камни песчаника, косо поставленные на ребро в основании; огромные камни фундамента, оформляющие западный фас кладки). Залегает кладка 51 также в слое (*4*) III–II вв. до н. э. [*Кобылина* 1955, 10].



Рис. 1. Раскоп «Керамик». Копия генерального плана 1960 г. [*Кобылина* 1960].
1 – камни порога въездных ворот проезда (68) в ранней оборонительной стене; *2* – остатки оборонительной стены последней трети V в. до н.э. (72а); *3а–в* – остатки оборонительной стены III – средины I вв. до н.э. (21-22-23); *4* – то же (?) (51); *5* – свалка керамического боя под стеной эллинистического времени

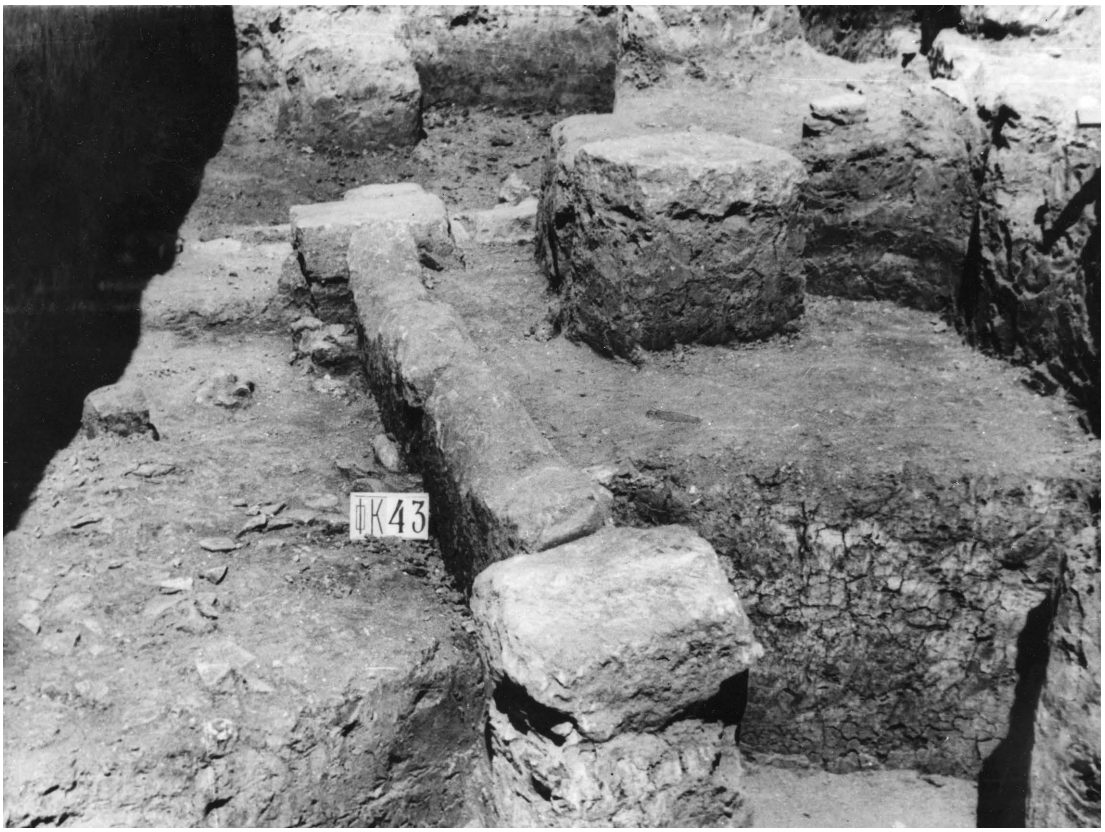


Рис. 2. Камни порога въездных ворот проезда (68) в оборонительной стене последней трети V в. до н.э. и вымостка (69) [*Кобылина* 1955, рис. 5]

(рис. 1. *4*), – опираясь на аналогию со стеной ранней, допустимо предположить, что этот отрезок представляет собой фрагмент стены, фланкирующей с юга въездные ворота в город[43]. От ворот ранних оборонительных сооружений (в 6 м к З-СЗ от края эллинистической стены) сохранились *in situ* пороговые плиты (68), поставленные вертикально (рис. 2). С севера и юга они упираются в каменные блоки (видимо, базисные камни обрамления проема ворот). На поверхности плит сохранились следы потертости от колес (расстояние между колеями – 1,45–1,50 м). Ширина прохода составляла 2,55 м [*Кобылина* 1963, 133–134, рис. 6][44]. Позволительно допустить, что примерно здесь же располагался оформленный въезд в город и в эллинистический период.

[43] Лишь примера ради, ср.: оформление северных ворот Асины (Ἀσίνη) в Арголиде; западных ворот Эретрии на Эвбее [*Hellmann* 2011, 312, Fig. 442; 315, fig. 448]; ворот, фланкируемых отрезками L и M южной стены у Калабактепе (Милет) [*Frederiksen* 2011, 169, fig. 77].

[44] М.М. Кобылина пишет: «Описанные остатки крепостных сооружений лежали под вымостками и керамической свалкой IV в. до н. э. Очевидно, в IV в. до н. э. они были уже разобраны и относятся, вероятно, еще к V в. до н. э.» [*Кобылина* 1963, 136]. Ср. [Кобылина 1955, 4–8]: кладка 68 «типа ограды» отнесена к слою IV в. до н. э. (*2*), ее плиты («вторичного происхождения») прорезают вымостку слоя V в. до н. э. (*1*) и залегает в грунте с находками IV в. до н. э., под вымосткой (60) «в непотревоженном грунте IV в. до н. э.» (а в «поврежденном загрязненном грунте» – находки фрагментов амфор I в. до – I в. н. э.). Вымостка 60 лежала в слое (*3*) IV–III вв. до н. э.



Рис. 3. Фрагмент основания оборонительной стены (72а) последней трети V в. до н.э. [*Кобылина* 1960, рис. 33]. Вид с севера

Наличие напротив предполагаемого проезда перпендикулярной его оси кладки (51; рис. 1. *4*) сильно усложняет рассуждения на эту тему, тем более что незначительные сохранившиеся габариты ее фрагмента допускают различные, но безосновательные варианты реконструкции[45].

Датировка строительства этой фортификации базируется на несомненном стратиграфическом факте: ниже подошвы оборонительных сооружений залегает мощный (до полуметра) слой городской свалки (рис. 4; 5), насыщенный разнообразными находками[46], которую автор раскопок датировал IV в. до н. э., относя (по «методу вычитания») постройку оборонительных стен «скорее всего» к III в. до н. э. [*Кобылина* 1954, 44–46].

По мнению М. М. Кобылиной, «Стена 21-22-23-43 в I в. до н. э., может быть, во II в. до н. э. уже была разрушена. Об этом свидетельствует культурный слой над стеной[47] и наличие над остатками стены (и около нее) керамических печей I в. до н. э. – IV в. н. э.».

[45] Здесь я считаю излишним анализировать предположение М. М. Кобылиной относительно принадлежности конструкциям, связанным с оформлением ворот, кладок 70 и 73 [см.: *Кобылина* 1963, 132, рис. 6. *7*].

[46] «Столь же показательны для этой даты находки в субструкции у западного края стены (на VII пл.) – обломки амфор с красной краской на горле IV в. до н. э., чернолаковые фрагменты IV в. до н. э., более поздних находок нет» [*Кобылина* 1954, 44].

[47] Упомянутые в тексте отчета материалы «*непосредственно над стеной*»: фрагменты амфор Синопы, Фасоса, Гераклеи (в том числе горло с клеймом), Родоса; два обломка краснолаковых чаш с клеймами в виде ступни и другие фрагменты краснолаковой посуды, датированной I в. н. э.; фрагменты чернолакой и краснофигурной посуды V–II вв. до н. э.; бронзовые перстень, гвоздики, монеты (9 экз.), наконечник стрелы; фрагментированные терракотовые статуэтки (в том числе женская голова, датированная автором раскопок II–I вв. до н. э.); фрагменты прозрачного стекла I в. до н. э., стеклянная подвеска [*Кобылина* 1954, 46].



Рис. 4. Участок керамической свалки под основанием оборонительной стены (21-22-23) III – средины I вв. до н.э. Вид с СЗ [*Кобылина* 1954, рис. 52]

[*Кобылина* 1954, 46]. Следует, однако, заметить, что позднейшие находки из слоя *над* стеной могут служить хронологическим ориентиром только для установления *terminus ante quem* её разрушения, но вовсе не позволяют отодвигать датировку этого события на столетие или даже два от данной временной границы. Не дают однозначной датировки и остатки гончарных обжигательных печей. Например, I веком до н. э. датирована печь (30; слой 4), которую перекрывала вымостка (9), относящаяся к этому же столетию. В развале печи была найдена бронзовая монета, датированная Д. Б. Шеловым концом I в. до – началом I в. н. э. По мнению М. М. Кобылиной, эта находка и определяет время разрушение печи [*Кобылина* 1954, 47], что вовсе не очевидно. Ее дата – лишь *terminus post quem* для этого события. Примечательно, что в момент открытия стен предполагалась такая дата их разрушения: «не позже I в. до н. э.» [*Кобылина* 1953, 2] (но и не раньше, а если раньше, то на сколько?); немного же позднее указывалось: «в I в. до н. э. стена *уже* была разрушена» [*Кобылина* 1956, 26; ср.: *Цветаева* 1965, 235].

Уточнения датировок как строительства оборонительных стен Фанагории, так и их разборки, были бы весьма важны для понимания исторической ситуации. Однако,

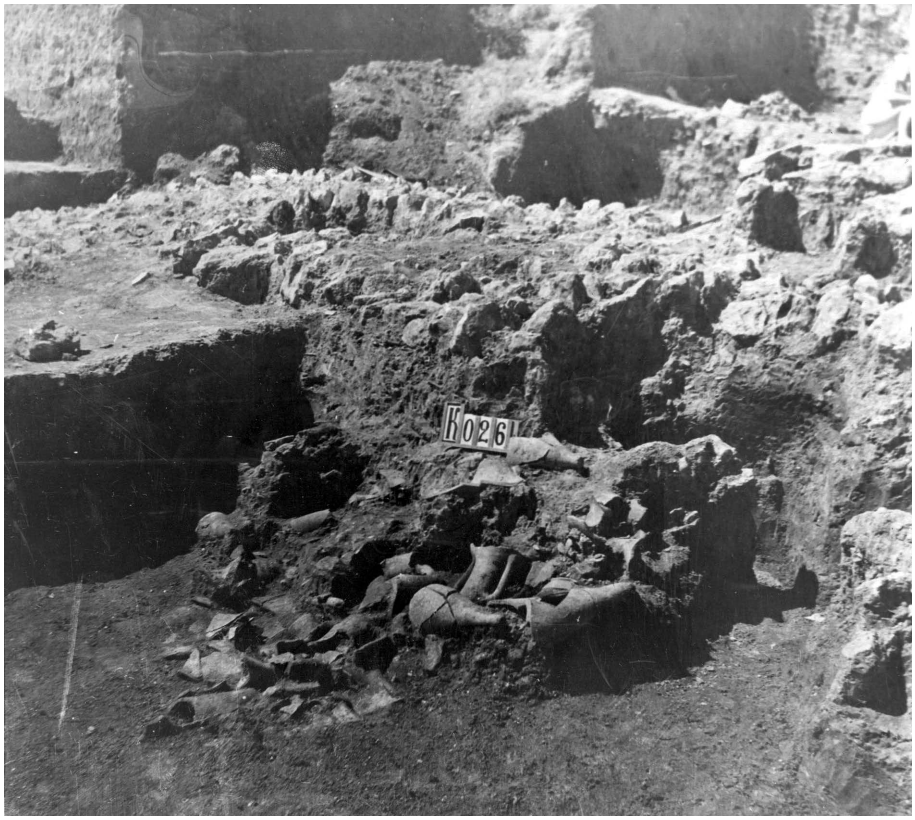


Рис. 5. То же [*Кобылина* 1954, рис. 53]

к сожалению, в отношении первой даты таких возможностей нет; относительно второй – допустимы некоторые соображения косвенного характера.

В I в. до н. э. завершается длительный период жизни южной окраины Фанагории как городского района. В последующие столетия в его юго-восточной части функционируют гончарные мастерские с обжигательными печами. На остальной площади на месте разрушенных эллинистических зданий (жилых и общественных) не были обнаружены остатки каких-либо построек или сооружений помимо хозяйственных объектов. Так, к слою I в. до н. э. – I в. н. э. относится винодельня (52.1а) [*Долгоруков* 1984, 14–17; рис. 19, 65–69]. Её цистерны прорезают слой разрушения «Постройки I–II». А. Б. Колесников, исследовавший данный участок в 1986 г., опираясь на анализ амфорного (включая клейма) и нумизматического материала, датировал строительство «Постройки II» концом IV – началом III вв. до н. э.[48], а сооружение «Постройки I» отнес к первым десятилетиями II в. до н. э., оставив вопрос о финальной дате этого здания открытым [см.: *Долгоруков* 1986, 24]. По заключению В. С. Долгорукова, «Время существования (этого. – *А. З.*) эллинистического здания не ранее первой половины II в. до н. э., тогда как его гибель,

[48] Предшествующие постройки датированы так: П III – 370/60 гг. – последняя четверть IV в. до н. э.; П IV – 390/80–370/60 гг. до н. э.; П V (глиноплетневая постройка) – 410/400–390/80 гг. до н. э.; П VI – 430/20–410/400 гг. до н. э.

по-видимому, приходится на рубеж II–I вв. до н. э. и, возможно, связана с митридатовскими событиями на Боспоре»[49] [*Долгоруков* 1985, 51].

Более четкие хронологические ориентиры были получены в результате раскопок 1990 и 1991 гг. к югу от открытых ранее остатков другого общественного здания (476), над его южной частью. Здесь удалось выяснить, что жизнь этой постройки обрывается в середине I в. до н. э. Во второй половине столетия над ее руинами строится здание (66а.1), насколько можно судить по его плохо сохранившейся планировке, никак функционально не связанное с предшествующим. Этот последний этап застройки в данном районе завершается, судя по монетным находкам, в конце I в. до н. э. (время Полемона)[50]. Примерно с рубежа новой эры здесь функционируют гончарные мастерские[51] [*Завойкин* 1990, 63; 1991, 31–33].

Логично предположить, что разборка городских оборонительных стен связана с тем или другим хронологическим репером. В первом случае разрушения допустимо сопоставить с событиями, о которых сообщает Аппиан.

Фарнак, при поддержке Помпея ставший царем Боспора (63–47 гг. до н. э.), – кроме Фанагории, которой в благодарность за то, что она первой восстала против власти Митридата Евпатора была предоставлена свобода и автономия, – спустя какое-то время «… стал осаждать фанагорийцев и соседей Боспора, пока не одолел в битве фанагорийцев, вступивших в битву из-за голода, и, не причинив им никакого вреда, но сделав друзьями и взяв заложников, удалился» (App. Mithr. 113, 120; перевод С. П. Кондратьева). Сообщение о том, что осажденные голодали означает то, что осада была довольно продолжительной. В ходе ее, надо полагать, осаждающие предпринимали какие-то усилия для захвата города, чему, конечно, препятствовали оборонительные стены[52]. Но и после того, как изможденные жители Фанагории были вынуждены выйти из города, они не сразу сдались на милость победителя, а вступили в бой. Поэтому позволю себе усомниться в словах греческого историка о том, что Фарнак «не причинил им никакого вреда». Захват заложников должен был стать гарантией того, что в будущем граждане Фанагории, лишенные дарованных Помпеем привилегий, станут более лояльны к центральной власти. Ту же цель могло преследовать и лишение города оборонительных стен[53].

[49] В числе прочего, на полу помещения найдены ядро для пращи и наконечник стрелы.

[50] Хронологическое распределение монет здесь весьма показательно. К IV в. до н. э. относится *1* монета, к III в. до н. э. – *14* экз.; к III–II вв. до н. э. – *14* экз.; ко II в. до н. э. – *14* экз. (итого к IV–II вв. до н. э.: 43 монеты); к концу II – первой половине I вв. до н. э. – *2* экз.; конец I в. до н. э. до н. э. – *2* экз.: В-22/1990 (14–8/7 г. до н. э.); В-14/1991 (18–12 гг. до н. э.) [*Фролова* 1989, 3–5]; к I – третей четверти III вв. н. э. – *0* экз.; 275, 311, 322, 323 гг. – *по 1* экз. [*Завойкин* 1990, 12, табл. III; 65–69, Прилож. 1]. Важно отметить, что обе монеты конца I в. до н. э. найдены в контексте жизни и гибели дома второй половины I в. до н. э.: монета Агриппии на горелой прослойке, перекрытой упавшими сырцовыми стенами; монета с монограммой BĀE – на вымостке (68А.1), там же найдена и монета (В-1/1990) Рескупорида VI.

[51] По определению М. М. Кобылиной, до гуннских походов 70-х годов IV в. н. э., но, возможно, и позднее. После гончарных печей на исследованном в 1990 г. участке (западная часть «Керамика») выявлены остатки рыбозасолочного хозяйства и материал V–VI веков.

[52] По этой причине, если признавать вероятность более ранней даты их разборки, придется оставить без ответа вопрос о том, где же проходили оборонительные линии города во время его осады Фарнаком?

[53] Г. А. Цветаева (не совсем, правда, ясно на каком основании) пишет о том, что «Разбор стены происходил не постепенно, а в очень короткий период и материалом датируется I в. до н. э. … Картина одновременного и быстрого разбора стен дополняется следами пожарища, обнаруженными в слое I в. до н. э., и находкой ка-

Таким образом, я вполне солидарен с оценкой этих событий, более полувека назад предложенной Г. А. Цветаевой [1965, 236].

Второй выше отмеченный хронологический рубеж приходится на непродолжительное время правления ставленника Марка Агриппы[54], Полемона (14–9/8 гг. до н. э.). В данном случае нас не будут интересовать все перипетии его царствования на Боспоре, обсуждение которых по многим вопросам остается дискуссионным[55]. Для нас важно констатировать сам факт того, что, по меньшей мере, начальный этап правления (вернее сказать – сама его интронизация) и трагический для Полемона I финал были сопряжены с острой борьбой и активными военными действиями[56].

С самого начала Полемон, царь Понта, посланный Агриппой на Боспор для устранения самозванца Скрибония, застал там ситуацию весьма сложную. Скрибоний уже был убит, но и самого Полемона боспорцы не жаждали увидеть на царском престоле. «Когда они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он *вступил с ними в битву и одержал победу*, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда *они сложили оружие и сдались* Полемону; Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа» (Dio Cass. LIV. 24, 4; перевод по: [*Сапрыкин* 2002, 114]).

Страбон сообщает о том, что Полемон I за неповиновение «недавно» (νεωστί) разрушил (ἐξεπόρθησεν)[57] Танаис (Strab. XI. 2, 3). Сложно судить с уверенностью, к начальному или к заключительному этапу его правления относится эта карательная акция[58]. Д. Б. Шелов аргументированно склонялся к поздней датировке этого события, ок. 8 г. до н. э. [*Шелов* 1970, 226–234, 238]. Н. И. Сокольский же полагал, что «Вероятно, и Танаис был разрушен не перед смертью Полемона, а … в начале его правления», в 14–13 гг. до н. э. [*Сокольский* 1975, 29; *Сокольский* 1976, 111[59]].

Страбон сообщает нам и о печальном финале царствования Полемона на Боспоре. Когда тот, прикрываясь намерением заключить договор о дружбе, напал на аспургиан, те его пленили и предали смерти (Strab. XI. 2, 11; XII. 3, 29). Независимо от того, кем

менного ядра из известняка, аналогичного ядру, найденному в северной части Фанагории и опубликованному В. Д. Блаватским [*Блаватский* 1951, 135]». [*Цветаева* 1965, 235]. В. Д. Блаватский находку ядра в 1949 г. на «Северном раскопе» связывает с событиями антимитридатовского восстания 63 г. до н. э., полагая, что обстрел города из баллист велся с акрополя, занятого осажденным восставшими фанагорийцами понтийским гарнизоном (App. Mithr. 108).

[54] Имя которого (видимо, посмертно, не раньше 12 г.) было присвоено Фанагории [см.: *Яйленко* 1990, 140–142; 2010, 235, 282; ср.: *Сапрыкин* 2002, 102–103].

[55] Обзоры проблем, связанных с этой темой, например, см.: [*Сапрыкин* 2002, 97–124; *Яйленко* 2010, 232–249].

[56] С. Ю. Сапрыкин выделяет два этапа борьбы Полемона за власть на Боспоре: *первый* начался сразу по прибытии понтийского царя в Таврику в 14 г. до н. э. (военные действия охватили главным образом Европейский Боспор); *второй* приходится на 12–8 гг. до н. э. (разрушен непокорный Танаис, основной театр военных действий – Азиатский Боспор) [*Сапрыкин* 2002, 115–116].

[57] В переводе П. И. Прозорова: «разрушил *до основания*».

[58] Столь же трудно найти рациональное объяснение столь суровой акции, по сути, уничтожившей этот важный город-форпост Боспора на северо-востоке [см.: *Шелов* 1970, 226–227 с лит.].

[59] В изданной посмертно книге исследователя со ссылкой на цитируемую статью приводится и другая дата (9–8 гг. до н. э.) [*Сокольский* 1976, 93]. Полагаю, что последняя объяснима только недоразумением, ошибкой в ходе подготовки рукописи к изданию. Эту «ошибочную» датировку воспроизводит в своей статье А. А. Масленников [1995, 161].

считать аспургиан, этносом или социально-политической группировкой[60] (для Страбона это меотское племя, размещавшееся в Синдике, на территории между Фанагорией и Горгиппией), ясно, что по крайней мере в это время основной очаг оппозиции Полемону размещался на Азиатском Боспоре.

Конечно, было бы весьма соблазнительно вслед за В. Н. Дьяковым посчитать, что едва ли не главным организатором сопротивления Полемону была Фанагория, которая за это должна была быть подвергнута экзекуции [*Дьяков* 1940, 75]. Однако невозможно не согласиться со справедливой критикой этого предположения Д. Б. Шеловым: «…Все данное построение решительно ни на чем не основано, а признание антиримской направленности политики боспорских городов противоречит всем известным нам фактам» [*Шелов* 1970, 231–232]. Но в то же время, принимая в расчет чрезвычайную нестабильность ситуации в этот период, насыщенность его конфликтами, в том числе военными столкновениями, в принципе нельзя отрицать вероятность того, что и Фанагория могла быть ими затронута.

В статье, написанной уже много лет назад, А. А. Масленников [1995] представил археологическую картину Боспора во времена Полемона I[61], показав, что целый ряд поселений и городов по обе стороны Киммерийского Боспора в той или иной степени подвергся разрушениям, особое внимание обратив на то, что разрушатся и «вполне эффективная система обороны Боспора и одновременно царского землевладения, построенная с учетом опыта и традиций эллинистических государств» [*Масленников* 1995, 164]. Логика сознательного разрушения этой системы видится исследователю в рамках стратегических планов по включению Северного Причерноморья (Боспора в том числе) «в круг “римского мира”»: уничтожение пограничных укреплений призвано было ослабить возможности местного населения по сопротивлению [там же, 164–165].

В эту логику вполне вписывается и лишение Фанагории городских оборонительных стен. Однако одной логики, при отсутствии иных аргументов, явно будет недостаточно. Поскольку следы военного захвата города в это время не были выявлены, непозволительно рассуждать о подобном мероприятии «по праву победителя». Предполагать же, что оно осуществлялось планомерно, в рамках «стратегической программы» не позволяет все, что нам известно о ситуации на Боспоре: во-первых, весьма шаткое положение Полемона I на престоле едва ли допускало действия, чреватые взрывом недовольства населения городов (потенциальных сторонников проримской ориентации); во-вторых, кажется, нам неизвестны другие примеры такого рода в городах Боспора.

Для характеристики ситуации рассматриваемого времени значительный интерес представляет так называемая Резиденция Хрисалиска, дата гибели которой в пожаре соотносится с «Полемоновыми войнами». Н. И. Сокольский считал, что гарнизон этой крепости, разрушенной «во время карательной экспедиции Полемона в его борьбе против Динамии где-то в [9–8] гг. до н. э.» составляли варвары аспургиане [*Сокольский* 1976, 89, 93][62]. Существенное для датировки обстоятельство – отсутствие среди найденных

[60] Например, ср.: *Сапрыкин* 1985; *Яйленко* 2010, 250–252.

[61] Раскопки последующих лет и новые исследования (в первую очередь самого А. А. Масленникова), конечно, позволили значительно расширить и уточнить эту картину, в том числе и в хронологическом плане.

[62] О дате см. примеч. 59.

при раскопках памятника монет Кесарии, Агриппии и Полемона (понтийское серебро или медь с монограммой ВΑΕ). Позднейшие находки представлены *оболами архонта* Асандра (47–44 гг. до н. э.)[63] и тетрахалками Пантикапея (47–30 гг. до н. э.) [*Сокольский* 1976, 118–120, прилож. 1, № 7, 10, 15, 16, 47][64]. На этом факте акцентировал внимание С. И. Болдырев, который отметил также отсутствие (или, по его мнению, случайность единичных находок[65]) этих монет на других памятниках в слоях разрушений, связываемых с действиями Полемона [*Болдырев* 1999, 31–32][66]. К сожалению, даже обстоятельный анализ комплекса керамических находок из слоя гибели Дома Хрисалиска не позволил верифицировать датировку гибели это постройки, разрушенной сильным пожаром. Г. А. Ломтадзе и Д. В. Журавлев относят эту катастрофу к концу третьей – началу последней четверти I в. до н. э., отмечая невозможность сопоставления его с каким-либо известным историческим событием [*Lomtadze*, *Zhuravlev* 2020, 551].

Для Европейского Боспора, помимо комплекса находок с поселения Полянка[67] – много лет плодотворно исследуемого А. А. Масленниковым, – эталонными памятниками такого рода являются дома-башни у Узунларского вала, справедливо соотносимые с оборонительными укреплениями Асандра (Strab. VII. 4. 6), которые их исследователь датирует 47–8 гг. до н. э. В четырех из них было найдено порядка 48 монет (включая небольшой клад из 22 монет в башне 2001 г.) [*Масленников* 2018, 327 слл.][68]. Помимо заведомо более ранних монет (их учтено 6 экз.), здесь хорошо представлены монеты (в первую очередь иноземные) времени Митридата VI и Фарнака (31), меньше монет архонта Асандра (6). Они самые поздние в этих комплексах [*Масленников* 2018, 332]. Однако А. А. Масленников склоняется к мысли, что эти монеты скорее определяют время строительства оборонительных сооружений, а их оставление соотносит с датировками нумизматических находок из Чокракской башни (см. прим. 68) [там же, 333].

---

[63] Один из двух оболов с надчеканками [*Сокольский* 1976, 118, № 7].

[64] Типы, соответственно [*Зограф* 1951, табл. XLIV. 7 и XLIV. 9].

[65] На поселении Полянка [*Масленников* 1995, 163; *Голенко* 2005, 388] и в усадьбе Юбилейный 1 [*Савостина* 1987, 58] найдено по одной монете Кесарии. В первом случае – это подъемный материал, во втором – монета происходит из верхнего горизонта культурного слоя (см. ниже).

[66] В том числе в двух кладах поселения Полянка, датированных *тетрахалками* архонта Асандра [*Голенко*, *Масленников* 1987, 51–52; *Фролова* 1989, 55, 60; *Коваленко* 2010, 204, 210].
С. И. Болдырев также отметил, что монеты Кесарии и Агриппия отсутствуют в кладах с медными монетами архонта Асандра и городскими монетами времени его правления, что клады с монетами Кесарии и Агриппии имеют иной состав, в котором наиболее ранние монеты – с монограммой ВΑΕ третьей (по А. Н. Зографу [1951, 195]) группы, основываясь на единообразии обозначения на них номиналов [*Болдырев* 1999, 32–33].

[67] Следует, однако, отметить особо, что следов военной катастрофы на этом поселении, кажется, не прослеживается. Судя по всему, оно было оставлено населением без боя, и произошло это примерно в интервале 12–9 гг. до н. э. [*Масленников* 2020а, 258; 2019, 414; 2020б, 47]. Хотя, в таком случае, весьма необычным выглядит оставление на месте кладов монет в двух помещениях, пристроенных к святилищу. В. К. Голенко [2005, 386, 390] полагал, что поселение погибает единовременно. С. А. Коваленко, опираясь, по-видимому, на предварительные публикации (без ссылки) тоже пишет о гибели поселения в пожаре [*Коваленко* 2010, 204].

[68] В башне у с. Марфовка монеты не были обнаружены. А в башне на Чокракском мысу, в стороне от укреплений вала (и только здесь) наряду с тетрахалком Фанагории [*Анохин* 1986, № 147] и тетрахалком Пантикапея времени Асандра, ок. 37–27 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, № 250] найдена монета неизвестного правителя, ок. 17/16 или 9/8 гг. до н. э. – 13 г. н. э. [*Анохин* 1986, № 286; *Фролова* 1997, 41, 48, табл. IX–X; см.: *Масленников* 1918, 331, 328]. А. А. Масленников выделяет эту башню из числа прочих, оставленных без боя, как погибшую в пожаре [*Масленников* 2020б, 47]. Ср., однако [*Масленников* 1998, 106]: описывая одну из башен вблизи Узунларского вала сообщает, что «Постройка погибла в сильном пожаре в конце I в. до н. э., вероятно, не позднее 8 г. до н. э.».

Между тем остается открытым вопрос, который сформулировал В. К. Голенко, в отношении датировки кладов, гибели поселения Полянка в Восточном Крыму и связи этого события с деятельностью Полемона I. Опираясь на факт, что позднейшие монеты чеканены в период архонтства Асандра (т. е. первые 3–4 года его правления), исследователь справедливо отмечает, что продолжительная временна́я лакуна (около трех десятилетий) между этой чеканкой и правлением Полемона I «не заполнена синхронным нумизматическим материалом». Исходя из этого, он приходит к выводу [69], что разрушение поселения и тезаврация кладов связаны с военными действиями, обусловленными попыткой Фарнака, разбитого в 47 г. Цезарем при Зеле, вернуть утраченную им власть над Боспором в столкновении с мятежником – архонтом Асандром (App. Mithr. 120) [*Голенко* 2005, 387–391]. В целом такое понимание ситуации подержал С. А. Коваленко, отметивший, помимо прочего, отсутствие в Полянских кладах *оболов* Асандра, чеканка которых еще не была начата. Однако, по его мнению, образование кладов следует датировать 44–43 гг. до н. э., что «исключает столкновение Асандра с Фарнаком как возможную причину гибели поселения "Полянка", поскольку к этому времени Фарнак уже погиб», и связывает это событие с борьбой Асандра против «скифо-сарматских кочевых племен» [*Коваленко* 2010, 206–208].

Недавно А. А. Масленников [2019, 412–415] опубликовал находки «поздних» монет с поселения, раскопанного к тому моменту уже на 80–85% (от общей площади 0,55 га). За все годы здесь найдено (не считая «кладовых») 84 монеты, из которых 53 экз. датированы III–II и рубежом II–I вв. до н. э. (позднейшая в этой группе[70] – дихалк начала I в. до н. э. [*Анохин* 1986, табл. 7, № 203]). Исследователь акцентировал внимание на монетах I в. до н. э., связанных с жизнью «позднего» поселения: 8 из них определены уверенно, 2 – предположительно. Основная часть этой коллекции по составу и хронологии соответствует монетам из кладов, а две выпадают из этого ряда. Аверс *первой* из них (оп. № 134/2015) полностью стерт, на реверсе предположительно определяется венок по краю монетного поля. А. А. Масленников связывает эту монету с чеканкой времени так наз. «2-го правления Динамии», 9/8 г. до н. э. – 7/8 г. н. э. [по: *Анохин* 1986, 148, 149, табл. 11, № 277][71]. Вторая монета, упомянутая выше (прим. 65), происходит из разведочного шурфа 1984 г. Это медь Кесарии, которую В. А. Анохин [1986, 150, 151, табл. 12, № 322] датирует временем «2-го правления» Аспурга (14/5–37/8 гг. н. э.), а А. Н. Зограф [1951, 247, табл. XLV. 12] – 14–8 гг. до н. э. Отмечая любопытную особенность коллекции (отсутствие «пока» монет Асандра), А. А. Масленников по-прежнему склонен относить финал жизни поселения Полянка к 13–9 гг. до н. э.

На мой взгляд, эти две находки не позволяют в полной мере разрешить проблему датировки интересующего нас события.

Тот же вопрос актуален, как мы видели, и для домов-башен Узунларского вала, и для Резиденции Хрисалиска на Фонталовском п-ове, разрушения которых, по соста-

[69] Изначально сформулированному в предварительной публикации [*Голенко, Масленников* 1987, 52–53].

[70] Т. е. не считая монеты, чеканенной при Ресупориде VI (326/7 г. н. э.), не имеющей отношения к жизни поселения.

[71] Согласно классификации В. А. Анохина, второй серии меди.

ву нумизматического материала, почти синхронизуются[72]. Сразу отмечу, что гибель Резиденции Хрисалиска в любом случае исключает участие в этом событии Фарнака, захватившего на короткое время Феодосию и Пантикапей и погибшего в сражении на европейской стороне Боспора. Кстати, необходимо отметить и такой любопытный факт: при отсутствии на этом памятнике монет времени *царствования* Асандра (с 42 г. до н. э. [*Сапрыкин* 2002, 78]) здесь была найдена надпись с упоминанием имени этого правителя с царским титулом [*Сокольский* 1976, 40–41, рис. 30]. Это, однако, не снимает вопрос о хронологической лакуне в составе нумизматических находок из «эталонных» памятников[73], связываемых с карательными действиями Полемона I.

Решение этой загадки выходит за рамки задач, стоящих пред нами в настоящей статье. Итак нам пришлось отклониться от основной линии повествования значительно дальше, чем изначально планировалось, ради уяснения вопроса: насколько ситуация периода правления Полемона I соответствует гипотетическому предположению о ликвидации городских оборонительных стен именно в это время. То, что такое событие могло быть исключительно преднамеренным, а его действие рассчитывалось на сравнительно длительный период времени, особых сомнений не вызывает[74]. Все то, что нам известно об обстоятельствах правления на Боспоре Полемона I, с трудом может быть согласовано с этими умозаключениями. Более того, несомненный факт, что и после гибели этого царя (и никогда в дальнейшем) в том месте, где еще в последней трети V в. до н. э., а затем в III–I вв. до н. э. проходили трассы городских стен, новые оборонительные сооружения так и не появились. Поскольку сложно сомневаться в том, что и в первые вв. н. э. Фанагория располагала городской фортификацией[75], остается лишь предполагать, что линия обороны в это время проходила где-то в другом месте.

Итак, краткий обзор материалов раскопок на южной окраине Фанагории позволяет сделать некоторые выводы общего порядка. После разрушений застройки этого района города в конце V в. до н. э. Фанагория была лишена внешних оборонительных стен, что, по всей видимости, должно было понизить вероятность сепаратистских выступлений граждан полиса, только что вошедшего в состав государства Спартокидов. Спустя какое-то время полноценная городская жизнь восстанавливается. Наряду с жилыми домами, по всей видимости, сблокированными в разделенные уличной сетью кварталы, здесь функционируют и общественные здания, весьма предположительно культового характера. В целом нормальная городская жизнь этого района с IV в. до н. э. продолжается вплоть до середины I в. до н. э. Несомненно, на протяжении этого периода

[72] Различие сводится к тому, что в Резиденции Хрисалиска были найдены три пантикапейских тетрахалка, датировка которых «поднимается» до 30 г. [*Зограф* 1951, 246, табл. XLIV. 9] или до 37 г. до н. э. [*Анохин* 1986, 148, № 250].

[73] Конечно же, ее не могут заполнить суждения о том, что обнаруженные здесь монеты могли иметь длительное хождение, «вплоть до 20 г. до н. э. и позже» [*Фролова* 1998, 55].

[74] М. М. Кобылина [1963, 136; 1969, 98–99] разборку ранних оборонительных стен объясняла тем, что в IV в. до н. э. отсутствовала угроза со стороны местных племен после того, как они были включены в состав Боспорского государства. Логика в этом суждении имеется, но есть и один, но принципиального характера недостаток. Военном-политическая обстановка могла меняться в регионе стремительно и предугадать это было абсолютно нереально. В случае ее внезапного ухудшения не было бы шансов вовремя возвести новые городские укрепления. Поэтому и поверить в то, что городские стены были разобраны за ненадобностью, совершенно невозможно.

[75] Правда, эпиграфические подтверждения этому, к сожалению, не известны.

время от времени происходят перестройки зданий. Однако выделить какие-то общие периоды этих событий для застройки всего района пока не представляется возможным. Особо необходимо отметить лишь восстановление городских оборонительных стен, которые были построены в III в. до н. э. (точнее, к сожалению, определить нельзя) примерно на тех же рубежах, где и ранее проходила линия обороны (от остатков сооружений которой фортификацию эллинистического времени отделяет мусорная свалка[76]). Отсутствие точной хронологической привязки в данном случае серьезно затрудняет суждение о возможных причинах этого события. Допустимы разве что гипотезы самого общего характера. Если даже предполагать в определенный момент резкое обострение военно-политической обстановки у границ Боспора, то и в этом случае надо принимать в расчет то, что строительство новых стен в Фанагории должно было санкционироваться центральной властью, ранее лишившей город этого права. Необходимо также принимать во внимание, что взаимоотношения правителей Боспора и полиса, за полтора-два столетия глубоко инкорпорированного в состав территориального государства, могли существенно измениться[77], равно как и характер самой центральной власти (со времени Спартока III – царской) тоже претерпевал определенную эволюцию.

Судя по всему, в середине I в. до н. э. в результате осады города войском Фарнака постройки на южной окраине Фанагории оказались в той или иной степени разрушенными. Полис лишился не только свободы и независимости, дарованных ему Помпеем после антимитридатовского восстания 63 г. до н. э., но и стен, которые защищали город от врагов. Цель этой акции, судя по всему, в полной мере аналогична замыслу Сатира I, завоевавшего Фанагорию тремя с половиной столетиями раньше, – пресечь сепаратистские устремления граждан полиса. Примерно в это же время прекращает функционировать уличная сеть. Во второй половине последнего столетия до н. э. следы городской жизни в данном районе прослеживаются локально, а с рубежа новой эры эта территория Фанагории, ок. 12 г. н. э. переименованной в Агриппию, представляет собой пустырь (уже за пределами городской черты), в восточной части которого формируется «квартал» гончаров, обжигательные печи которых функционируют вплоть до IV в. н. э. (или несколько дольше).

---

[76] Вновь отмечаю данный факт ради того, чтобы подчеркнуть: эта территория оставалась зоной, используемой для общественных нужд.

[77] Примечательно, например, что примерно на рубеже III и II вв. до н. э. в Фанагории возобновляется, после перерыва в два столетия, чеканка монеты. Монетный двор здесь работал интенсивно до конца эпохи Спартокидов (ок. 110/109 г. до н. э.), чеканя исключительно мелкие медные монеты. 1) Тетрахалк типа «голова бородатого сатира в плющевом венке, вправо/лук и стрела, ФА» [*Шелов* 1956, 173–174, 221, табл. IX. 112; *Голенко* 1952, 149 (II в. до н. э.); *Анохин* 1986, 142, № 147 (с 230–220 гг. до н. э.); 2011, 168, № 1169, 1170 (ок. 155–145 и 125–115 гг. до н. э.)]. Наиболее поздние монеты этого типа перечеканены на пантикапейских монетах типа «голова сатира/шапки Диоскуров», который датируется ок. 120–110 гг. до н. э. [*Шелов* 1956, 175, табл. VIII. 101.]). 2) «Безбородая голова, вправо/виноградная гроздь, ФАN». Д. Б. Шелов [1956, 175–176, 221, табл. IX. 113] датировал этот тип с рубежа III–II вв. до н. э. [вслед за: *Зограф* 1951, 181] и первой половиной II в. до н. э. В. А. Анохин [1986, № 177, Фа-6] считает изображение на лицевой стороне этих монет (дихалков) головой Диониса и датирует их ок. 130–125 гг.

Трудно судить о конкретных причинах того, почему крупнейшему городу Азиатского Боспора было позволено возобновить чеканку монеты, хотя бы и медной. Возможно, правы те, кто видит в этом факте отражение экономических реалий того времени и попытку возложить на вторую столицу государства расходы, связанные с обеспечением местного рынка разменной медью [Анохин 1986, 56], разумеется, под контролем центральной власти. Во всяком случае чеканка мелкой медной монеты – никак не свидетельство «сепаратистских тенденций» или чего-то подобного.



Список литературы

А*нохин* В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 180, 39 табл.

Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев, 249.

Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 328.

Б*лаватский* В. Д. 1951. Каменное ядро из Фанагории // КСИИМК. XXXIX, 135–136.

Болдырев С. И. 1999. О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 2, 30–36.

Болдырев С. И. 2000. О характере пребывания Полемона на Боспоре // ДБ. 3, 11–17.

Г*оленко* В. К. 2005. К «реабилитации» античного поселения Полянка // БФ. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб, 385–392.

Голенко В. К., *Масленников* А. А. 1987. Два клада монет с поселения «Полянка» // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. Краткие тез. докладов конф. Л., 52–53.

Голенко К. В. 1952. Монеты из случайных находок в Патрее // ВДИ. 3, 147–155.

Горлов Ю. В. 1982. Отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в 1982 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р-1. № 9456, 9456а.

Горлов Ю. В. 1983. Отчет об археологических исследованиях на городище Фанагория (Темрюкский район Краснодарского края) в 1983 г. Раскоп «Южный город». Западный и восточный участки (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р.-1. № 11209, 11209а.

Горлов Ю. В. 1986. К истории Фанагории IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры. М., 135–137.

Д*олгоруков* В. С. 1980. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в сезоне 1980. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р.-1. № 14167, 14167а.

Долгоруков В. С. 1981. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции в сезоне 1981 (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р.-1. № 10078, 10078а.

Долгоруков В. С. 1984. Полевой отчет о раскопках в Фанагории в 1984 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р.-1. № 11166, 11166а.

Долгоруков В. С. 1985. Отчет о раскопках Фанагории в 1985 г. (В 6 томах) // Архив ИА РАН. Р. 1. № 11165, 11165а–11165д.

Долгоруков В. С. 1986. Отчет о раскопках Фанагории в 1986 г. (В 4 томах) // Архив ИА РАН. Р. 1. № 14973–14976.

Долгоруков В. С. 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 197, 30–37.

Долгоруков В. С., *Колесников* А. Б. 1993. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1, 113–32.

Дьяков В. Н. 1940. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 3–4, 71–88.

З*авойкин* А. А. 1990. Раскопки Фанагории в 1990 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р. 1. № 15218, 15219.

Завойкин А. А. 1991. Полевой отчет о раскопках на «Южном городе» Фанагории в 1991 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р. 1. № 19133, 19134.

Завойкин А. А. 2004. Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города») (ДБ. Suppl. I). М., 2004, 242.

Завойкин А. А., *Колесников* А. Б., *Сударев* Н. И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. 2 (Фанагория. 4). М., 110–207.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2012. Некоторые проблемы археологической топографии Фанагории // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики (Боспорские чтения. XIII). Керчь, 130–146.

Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА. 16). М. –Л., 261.

К*обылина* М. М. 1953. Отчет о раскопках Фанагории в 1953 г. (в 2 томах) // Архив ИА РАН. Р-1. № 858, 859.

Кобылина М. М. 1954. Отчет о раскопках Фанагории в 1954 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р-1. № 1010, 1010а.

Кобылина М. М. 1955. Отчет о раскопках Фанагории в 1955 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р-1. № 1420, 1421.

Кобылина М. М. 1956. Фанагория // Фанагория (МИА. 57). М., 5–101.

Кобылина М. М. 1960. Отчет об археологических раскопках Фанагории 1960 г. (В 3 томах) // Архив ИА РАН. Р-1. № 2333, 2333а, б.

Кобылина М. М. 1963. Исследования Фанагории в 1959–1960 и 1962 гг. // СА. 4, 129–138.

Кобылина М. М. 1967. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г. // КСИА. 109, 124–129.

Кобылина М. М. 1969. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории // КСИА. 116, 98–104.

Кобылина М. М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.

Коваленко С. А. 2010. Клад монет с поселения «Полянка». Addendum // Gaudeamus igitur. Сб. статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., 203–216.

Кузьмина Ю. Н. 2012. Монументальное общественное здание эллинистического времени на южной окраине Фанагории // ПИФК. 4, 128–137.

М*асленников* А. А. 1995. Полемон I на Боспоре // БС. 6, 158–167.

Масленников А. А. 1998.Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 299.

Масленников А. А. 2018. Монетные находки из «башен» на постмитридатовской хоре Европейского Боспора // КСИА. 250, 327–335.

Масленников А. А. 2019. «Поздние» монеты с поселения Полянка в Восточном Крыму // КСИА. 256, 411–415.

Масленников А. А. 2020а. Укрепления городища Полянка // ДБ. 25, 229–259.

Масленников А. А. 2020б. Страбон, М. И. Ростовцев и Крымское Приазовье // РА. 4, 40–52.

Н*овиков* И. В. 1981. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции на раскопе «Южный город» городища Фанагория (восточный участок) в 1981 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р-1. № 9684, 9684а.

Новиков И. В. 1983. Полевой отчет о раскопках восточного участка Южного города городища Фанагория в 1983 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р.-1. № 10592, 10592а.

Новиков И. В. 1984. Полевой отчет о раскопках восточного участка Южного города городища Фанагория в 1984 г. (В 2 томах) // Архив ИА РАН. Р.-1. № 11192, 11192а.

П*аромов* Я. М. 1993. Археолого-топографический план Фанагории // БС. 2. М., 111–148.

С*авостина* Е. А. 1987. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения) // СА. 1, 58–71.

Сапрыкин С. Ю. 1985. Аспургиане // СА. 2, 65–78.

Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 270.

Сокольский Н. И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 143, 21–30.

Сокольский Н. И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 126.

Ф*ролова* Н. А. 1989. Медные монеты Боспора конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. // НЭ. XV, 3–18.

Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). М., 449.

Фролова Н. А. 1998. Клад боспорских монет I в. до н. э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985) // ПИФК. VI, 53–75.

Ц*ветаева* Г. А. 1965. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических данных // Новое в советской археологии. (МИА. 130). М., 234–236.

Ш*елов* Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 221.

Шелов Д. Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 250.

Я*йленко* В. П. 1990. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и Северного Причерноморья. М., 128–215.

Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 739.

C*onovici* N. 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises) (Histria. VIII. Corpus international des timbres amphoriques. 3). Bucarest, 206, 47 pls.

G*arlan* Y. 2004. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope (Varia Anatolica. XVI). Istanbul, 310, LXXII pls.

H*ellmann* M.-Ch. 2011. L'Architecrure Grecque. Vol. 3. Habitat, urbanisme et fortification. Paris, 400.

F*rederiksen* R. 2011. Greek City Walls of the Archaic Period. 900–480 BC. Oxford, 238.

L*omtadze* G., *Zhuravlev* D. 2020. Fine Ware from the House of Chrysaliskos (Taman Peninsula, Black Sea Region) // Exploring the Neighborhood. The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Proceedings of the 3rd Conference of IARPotHP. Kaštela, June 2017, 1st – 4th. (IARPotHP. 3). Wien, 533–553.



Summary

A. A. Zavoykin
The southern uptown of Phanagoreia in the IV–I centuries BC: some results and research problems

The article is a review of materials obtained during excavations on the southern outskirts of Phanagoria in 1951–1964 and 1979–1991 (intermittently). The author paid attention to the history of this area of the city after its accession to the Bosporus state at the end of the 5th century BC and up to the turn of a new era. Analysis of these materials made it possible to make a number of conclusions.

Some time after the destruction of buildings in the southern district of the city at the end of the 5th century BC full-blooded city life is being restored here. Along with residential buildings, apparently blocked quarters in separated by a street network, public buildings are functioning here. The normal urban life of this area continues from the 4th century BC until the middle of the 1st century BC. In the 3rd century BC the city's defensive walls were restored. The construction of new defensive walls in Phanagoreia may have been linked to the deterioration of the military and political situation in the region, but of course this construction was sanctioned by the king' government.

In the middle of the 1st century BC buildings on the southern outskirts of Phanagoreia were destroyed as a result of the siege of the city by the king Pharnakes (App. Mithr. 113, 120). *Polis* again lost not only freedom and independence, but also the walls that protected the city from enemies. The purpose of this action of Pharnakes was similar to the idea of Satire I, who won Phanagoreia three and half centuries ago: to suppress the separatist aspirations of the citizens of the *polis*. At the same time, the street network ceased to function. In the second half of the 1st century BC, traces of urban life in the area are traced locally. From the turn of the new era, this territory of Phanagoreia (about 12 AD it was renamed in Agrippeia) is a wasteland outside the city limits. In the eastern part of this area is formed a quarter of potters, the furnaces of which functioned until the 4th century or a little longer.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.166-177

Н. В. Завойкина*, А. М. Новичихин**
(Институт археологии РАН, г. Москва;*
*** Анапский археологический музей)*

Мраморные чаши с надписями из Горгиппии

Находки больших мраморных сосудов в виде чаш или их фрагментов с надписями пока остаются редкостью для античных памятников юга России. Из недавних примеров упомянем фрагменты мраморного перириантерия[1] с посвятительной надписью Зевсу Уранию и Спасителю из Фанагории [*Завойкина* 2018, 106–114; 2020, 62–66][2]. На Боспоре и регионах, примыкающих к нему, не было месторождений мрамора. Поэтому на протяжении всей истории Боспора готовые изделия из мрамора (стелы, алтари, статуи и пр.) доставлялись морем для продажи в города из Малой Азии и балканской Греции. Надписи на мраморных изделиях вырезались уже на месте.

1. Из Горгиппии происходит фрагментированная мраморная чаша (в форме полусферы) с плоским широким краем, на низком плоском поддоне усечено-конической формы (рис. 1). Она была случайно найдена на территории археологического заповедника «Горгиппия» в 1992 г. в осыпи восточного борта раскопа на участке, прилегающем к цитадели. Хранится находка в Анапском археологическом музее[3]. Высота чаши – 8,5 см, внешний диаметр по венцу – 17 см, внутренний – 13 см, ширина бортика – 1,8 см, глубина чаши – 3,5 см, диаметр плоского поддона – 10 см. Верхняя часть чаши частично уничтожена сколами. Емкость сосуда невелика: max. 0,5–0,6 литров. Сосуд имел четыре крестообразно расположенных полуовальных (если смотреть сбоку) выступа-ручки. В настоящее время три из них утрачены полностью, одна сильно – повреждена сколами (сохранился только ее корень). Нижняя часть тулова с внешней стороны обработана зубчатым зубилом, верх тулова, край и внутренняя поверхность отшлифованы. В центре дна углубление округлой формы диаметром и глубиной около 0,3 см. Около углубления мелкие хаотичные точечные насечки. На внешней стороне сосуда имеются следы огня.

На плоской поверхности бортика чаши сохранились остатки надписи (рис. 1в; 2. *1*, *2*). Высота букв – 1,2–1,4 см; ширина букв (*омега*, прямоугольная *сигма*) – 1,2–1,5 см,

* Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18–118011790093–2).

[1] Чаша для ритуального омовения, располагавшаяся перед входом на священную территорию [*Буркерт* 2004, 140].

[2] См. ниже.

[3] Инвентарный номер музейного хранения – КМ 10330.

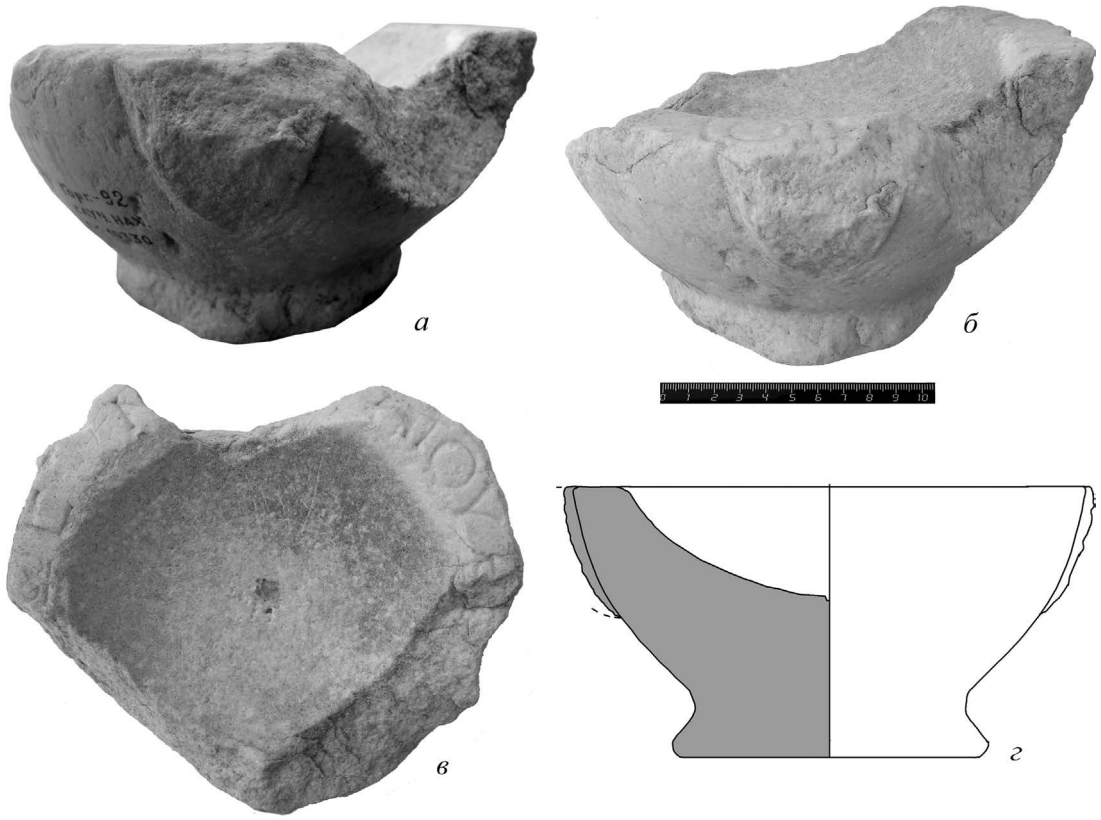


Рис. 1. Мраморная чаша из Горгиппии: *а* – вид сосуда с левой стороны; *б* – вид сосуда с правой стороны; *в* – вид сверху; *г* – профиль и прорисовка

диаметр *омикрон* – 1,3 см; расстояние между буквами – 0,5–0,7 см. Также на чаше сохранились граффити, процарапанные острым предметом: *1*) на плоскости края, слева от *ню* виден прямоугольный крест с раздвоением на левой стороне горизонтальной гасты (рис. 2. *1*); 2) граффито в виде *дельты* и *лямбды* в лигатуре и трех неглубоких вертикальных линий нанесено внутри емкости чаши (рис. 1в; 2. *3*, *3*а). Возможно, эта запись выглядит как ΔΛIII = 10 λ(ίτραι) 3 (унции?). Отмеченные граффити, судя по характеру нанесения линий, достаточно несхожих с линиями букв в надписи, появились, скорее всего, в ходе вторичного использования чаши и не связаны с содержанием надписи.

Если говорить об аналогиях горгиппийскому сосуду, то ему близка по форме мраморная чаша II в. н. э., найденная при исследовании мастерской по обработке мрамора в южной части агоры Афин [*Lawton* 2006, 21, fig. 21]. Другой схожий по облику мраморный сосуд на невысоком четырехугольном основании, с двумя полукруглыми ручками-выступами, происходит из храма Понтийской Матери Богов III–II вв. до н. э. в Дионисополе, который располагается около центрального алтаря [*Lazarenko*, *Mircheva*, *Encheva*, *Sharankov* 2010, 22, 55, fig. 15, 19]. Исходя из приведенных аналогий, хронологический диапазон изготовления горгиппийского сосуда достаточно широк. Однако поскольку афинский экземпляр наиболее близок ему, можно предположить, что горгиппийская

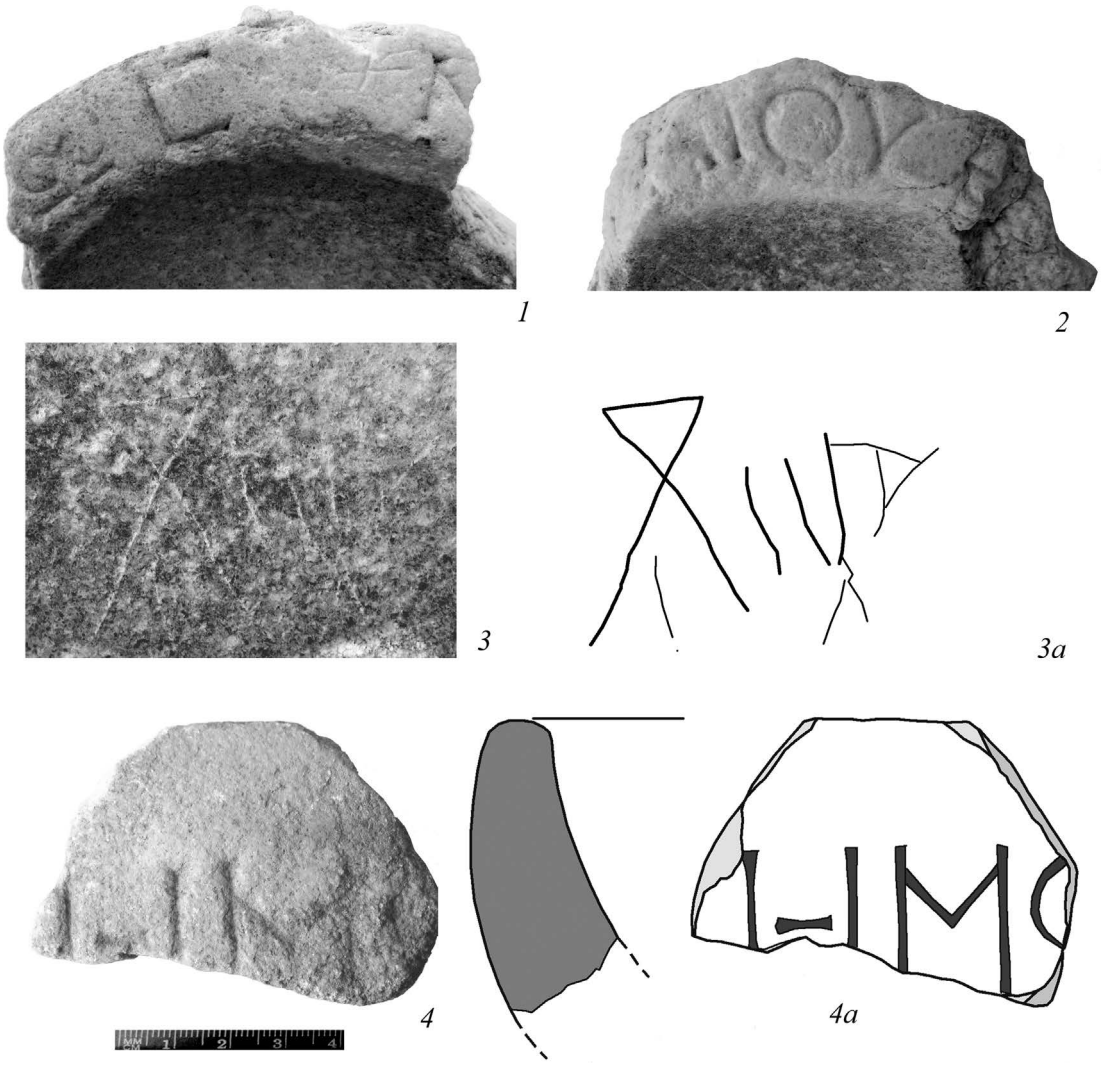


Рис. 2. *1* – Левый фрагмент надписи на бортике чаши; *2* – правый фрагмент надписи на бортике чаши; *3* – граффито на дне чаши; *3а* – его прорисовка; *4* – венец мраморной чаши № 2 с остатками надписи; *4а* – профиль и рисунок венца чаши № 2

чаша относится к римскому периоду. Уточнить время ее изготовления позволяет палеографический анализ надписи, вырезанной на плоском крае сосуда.

Надпись сохранилась фрагментарно (рис. 1в; 2. *1*, 2). От первого слова видна флексия –ΩΣ. Далее следует пустое поле длинной ок. 3 см. От начала следующего слова сохранилась *ню*, правая часть которого частично уничтожена сколом, после следует лакуна длинной ок. 8 см, образовавшаяся из-за утраты части бортика. После лакуны видны фрагмент правой части *ню* и буквы -IOY. С учетом размеров букв и расстояния между ними лакуна уничтожила между N и -ṆIOY примерно 4–5 букв. После -ṆIOY следует пустое поле длиной 1 см, а далее видна левая часть *теты*. Центральная горизонталь

теты упирается в левую сторону круга[4], сохранившегося на половину. Это заставляет предполагать, что изначально *тета* была вырезана с центральной горизонталью, которая плотно прилегала к боковым сторонам круга [*Болтунова, Книпович* 1962, 26–28, табл. IV. 1, IV. 3]. Предположение, что на камне видна левая часть курсивного *эпсилон* следует исключить, поскольку описанная форма *теты* известна в надписях II – начала III вв. н. э. (CIRB 1159 А, 1182 Б, 1224 и пр.). Между Θ̣- и -ΩΣ имеется лакуна длиной примерно 20–20,5 см. Учитывая размеры букв, расстояния между ними и пустого поля между словами, скол плоского бортика уничтожил примерно 10 букв.

Не смотря на фрагментарную сохранность, надпись имеет монументальный облик, каждое новое слово начинается после небольшого отступа. Буквы вырезаны аккуратно, без лишних украшений, они равновеликие и расположены в словах на одинаковом расстоянии друг от друга. Из целых форм сохранились *сигма* прямоугольной формы; *омикрон* в виде круга одинакового размера с остальными буквами; *ипсилон* с широко разведенными в стороны наклонными гастами в верхней части; *омега* в виде крупного полуовала, края которого сильно закруглены внутрь, под полуовалом две горизонтальные короткие гасты. Надежно восстанавливается форма *теты* (см. выше). Прямоугольная *сигма* известна в горгиппийских надписях CIRB 1119 Б 180-х гг. [*Смирнова* (*Завойкина*), 2001, 353–354], CIRB 1120 начала III в. н. э., CIRB 1121 начала III в. н. э., CIRB 1156 второй половины II в. н. э., CIRB 1184 конца II – первой половины III в. н. э. (CIRB-Album 1119, 1120, 1121, 1156, 1184), в танаисских надписях со 188 г. (CIRB-Album 1242, 1243, 1245 и пр.)[5]. Сочетание описанных форм *сигмы* и *омикрон*, *омеги*, *теты*, а также характер расположения букв и их размеры находит аналогию в надписях из Горгиппии 170-х – 210-х гг. н. э.

Надпись (вырезана по кругу): *vac*. Θ̣ – *10* – ΩΣ *vac*. N – *4/5* – ṆIOY

Реконструкция: θ[εῷ ὑψίστῳ? Ἔρ]ως N[ουμη]νίου – *Богу Высочайшему* Эрос, сын Нумения (посвятил).

Расположение надписи на плоском бортике венца находит аналогии среди расположения посвятительных надписей, например, на аттических периррантериях [например, см.: *Raubitschek* 1949, 370–413]. Как правило, эти надписи составлены по краткой формуле, в которой сказуемое (ἀνίστημι и т. п.) может быть пропущено. Эта формула содержит имя донатора в номинативе (нередко оно сопровождается отчеством) и имя божества, которому совершено приношение, в дативе. Имя посвятителя в такого рода вотивных надписях может располагаться как в начале предложения перед именем божества, так в конце него после имени божества. В надписи на горгиппийской чаше сохранились фрагменты двух слов, которые могут реконструироваться как имя донатора: –? – ΩΣ *vac*. N - - - - - ṆIOY. Среди жителей Горгиппии времени правления Савромата II (173/4–210/11 гг.) привлекает внимание имя Эроса сына Нумения, Ἔρως Νουμηνίου, рядового члена фиаса навклеров (CIRB 1134_{20}). Упоминание этого имени среди членов фиаса горгиппийских купцов и судовладельцев указывает на принадлежность Эроса, сына Нумения, к слою зажиточных граждан Горгиппийского полиса. Имя Эроса

[4] О том, что *тхета* имела форму круга свидетельствует правильная круглая форма *омикрон*.

[5] Отметим, что в Пантикапее такая форма *сигмы* фиксируется уже в манумиссии 81 г. (CIRB-Album 70).

сына Нумения вполне вписывается в сохранившиеся остатки имени донатора на чаше: [Ἔρ]ως Ν[ουμη]νίου.

Перед именем донатора должно, если следовать структуре посвятительных надписей, располагаться имя божества, которому совершается приношение. Но от предполагаемого имени божества сохранилась только *meta*. Можно предположить чтение в dat. sing слова θεός или θεά. В надписях первых веков нередко перед именем божества ставилось существительное θεός или θεά (CIRB 35, 975, 1055, 1115, 1134_{4-5}; IG X, 2159; IGBulg. III, 1 1284, 1302; IGBulg. III, 2 1880 и пр.). Среди них в боспорских надписях фигурируют Посейдон и Афродита. Хотя не исключена вероятность упоминания имен других божества, все же мы намерены учитывать в реконструкции зафиксированные в надписях примеры употребления. Итак, оставшаяся после реконструкции θ[εῷ/θεᾷ – *6/7* – Ἔρ]ως лакуна в 6/7 букв (с учетом «узкой» *йоты*)[6] не вмещает имена Посейдона или Афродиты в dat. sing. В первые века на Боспоре распространился культ безымянного божества, который в вотивных надписях и манумиссиях, в том числе, из Горгиппии, именуется просто θεὸς ὕψιστος, Бог Высочайший (CIRB 1125, 1126, 1231; *Болтунова* 1982, 62 сл.; *Новичихин* 2016, 350–353 и пр.). В посвятительной надписи на архитраве здания из Горгиппии II в. н. э. упоминается Бог Справедливый, θεὸς δίκαιος (CIRB 1116). Еще В. В. Латышевым было высказано мнение, что θεὸς δίκαιος является тем же божеством, которое в горгиппийских и танаисских надписях именуется θεὸς ὕψιστος или θεὸς ὕψιστος, ἐπήκοος (IPE IV 430). Итак, в лакуну между θ[εῷ/θεᾷ] и [Ἔρ]ως из 6/7 букв вполне вписывается в dat. sing. θ[εῷ ὑψίστῳ] или θ[εῷ δικαίῳ]. Отдаем предпочтение реконструкции θ[εῷ ὑψίστῳ], поскольку эпиклеза «высочайший» была наиболее употребительной в боспорских надписях. Однако восстановление θ[εῷ δικαίῳ] нельзя полностью исключать, так как во II в. н. э. в Горгиппии действовал храм Бога Справедливого (CIRB 1116).

В итоге, посвятительная надпись на мраморной чаше из Горгиппии сообщает, что этот сосуд был преподнесен членом фиаса навклеров Эросом сыном Нумения, предположительно, безымянному Богу с эпиклезой Высочайший (или Справедливый) в 170– 210-е гг. н. э. Примечательно, что одно из горгиппийских посвящений Богу Высочайшему времени Котиса I, содержит благодарственную формулировку за спасение (от великих) опасностей, под которыми, обычно, подразумевается спасение на море [*Болтунова* 1982, 63, прим. 7]. При роде занятий Эроса, сына Нумения, горгиппийского навклера, счастливое спасение от бедствий на море и последующая благодарность божеству, представляется весьма вероятной.

Фотография горгиппийской чаши была опубликована в качестве аналогии для реконструкции фанагорийского периррантерия в 2018 г. [*Завойкина* 2018, 109]. Каких-либо параметров сосуда и характеристики состояния надписи в статье не приводилось. Однако С. Ю. Сапрыкин счел возможным предложить новое прочтение надписи на горгиппийском сосуде на основании только этой фотографии [*Сапрыкин* 2019, 152–153]. Аутопсию памятника исследователь не проводил, с одним из авторов настоящей статьи, А. М. Новичихиным, заместителем заведующего Анапского археологического

[6] В первые века в надписях *йота* subscriptum нередко пропускалась в словах в dat. sing. (см., например, CIRB-Album 1116).

музея, о состоянии надписи не консультировался. Вследствие такого подхода к новому источнику исследователь предложил прочтение посвящения на бортике чаши, с которым нельзя согласиться. В частности, в имени донатора исследователь усмотрел на фотографии буквы […]ЕФАN […]IOY вместо хорошо видимых при аутопсии букв […]ΩΣ *vac*. N – *4/5* – Ṇ IOY. Незнание размерных характеристик надписи (высота букв, расстояние между ними, длина лакун между буквами) привело С. Ю. Сапрыкина к сугубо умозрительным рассуждениям о возможном имени божества в посвящении.

2. Из Горгиппии же происходит фрагмент верхней части мраморной чаши с закругленным венцом. Он имеет небольшой и плавный изгиб внутрь по направлению ко дну сосуда (рис. 2. *4*, *4*а). Хранится в Анапском археологическом музее[7]. Фрагмент был найден при раскопках экспедицией ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой в Горгиппии в 1968 г., в помещении 16. Венец и внутренняя поверхность фрагмента чаши отшлифованы. Размеры: длина 6 см, высота 4,5 см, ширина бортика 1 см, толщина фрагмента в нижней части 2 см. Небольшой, сильно поврежденный сколами фрагмент не позволяет реконструировать глубину чаши. Предполагаемый её диаметр не менее 30–35 см. На внешней стороне под венцом с отступом от него на 2,3 см сохранились остатки надписи. Высота букв – 2 см. Отмеченные особенности фрагмента чаши из Горгиппии обнаруживают сходство с формой венца левой части (здесь он сохранился) периррантерия из Фанагории [*Завойкина* 2018, 107, рис. 1а, 3], которое выражается в следующем: 1) венец закруглен в верхней части и имеет, после небольшого отступа (ок. 2, 5 см), плавный изгиб вниз от внутреннего края венца и постепенное утолщение стенки ко дну сосуда; 2) внутренняя поверхность отшлифована лучше, чем внешняя; 3) на внешней стороне, примерно в 3 см от верхнего края, венца вырезана надпись. Отмеченные параллели дают некоторые основания для сопоставления фрагмента венца с надписью из Горгиппии с мраморной чашей из Фанагории.

На внешней стороне обломка сохранился фрагмент 1-й строки надписи (рис. 2. *4*, *4*а). На камне видны три буквы: *эта* (нижняя часть уничтожена сколом), *мю*, левая часть овала *омеги*. Формы букв характерны для боспорских надписей последней четверти II – первой половины III в. н. э. [*Болтунова, Книпович* 1962, 11, табл. IV. 2, IV. 3]. Поскольку Горгиппия была уничтожена вскоре после 239 г. [*Алексеева* 1997, 75], чашу с надписью следует датировать последней четвертью II в. – 239/240 гг. н. э.

Надпись: –? – НМΩ –? -.

Остатки надписи незначительны и не позволяют предложить сколько-нибудь надежное чтение. Исходя из предположения, что горгиппийский фрагмент мраморной чаши служил вотивным приношением в храм какого-то божества и с учетом структуры кратких посвятительных надписей, можно допустить реконструкцию надписи как «имя божества в dat. sing. + имя в nom. sing. и отчество донатора». В таком случае, буквы -ημω- являются частью имени или отчества донатора на -ημων, *e. g.*, Ἀρτέμων (CIRB 585, 747, 1056), Δημοφῶν (CIRB 252, 177, 1037, 1137 Б, 1_{17}), Εὐσχήμων (CIRB 1256_{10-11}, 1276, 1282_{6}, 1286_{6-7}), Φαρνακίων (CIRB 1134, 1140, 1159, 1179), Φιλήμων (CIRB 530, 1283_{12}) и пр.

[7] Инвентарный номер музейного хранения: КМ 8365/2294.

Уверенно определить мраморные сосуды с надписями из Горгиппии как перирантерии нельзя (контекст находок не дает ничего для суждений об этом), хотя мы и предполагаем, что 1-й сосуд является именно перирантерием. Очевидно, что горгиппийские сосуды отличаются не только расположением надписей (однако, это не является определяющим признаком), но и формой. Обобщающее наименование *luterion*, нередко используемое для названия подобных мраморных чаш в научной литературе [см., например: *Шелов-Коведяев* 2020. С. 436; *Lazarenko*, *Mircheva*, *Encheva*, *Sharankov* 2010, 22, 55, fig. 19], не всегда точно отражает их реальное назначение. Очевидно, что определение типа больших мраморных чаш – процесс, который не во всех случаях приводит к объективному результату. Одной из первых вопрос об использовании λυτήριον в культовой практике в частной и общественной сферах жизни античного социума рассмотрела Х. Кеннер [*Kenner* 1935, 109–154]). Исследовательница показала на широком круге источников, что определение «лутерий» не всегда соответствует названиям крупных каменных чаш для ритуальных омовений в полисных и общегреческих святилищах древних греков, начиная с классического времени. Хотя в домашней культовой практике для подобных целей использовались именно лутерии. Выводы Х. Кеннер долгое время не подвергались сомнениям. Однако накопившийся археологический материал заставил Е. Павпаки провести повторный анализ древнегреческих каменных чаш на основаниях-колоннах и терминов для их обозначения – λουτήρ (λουτήριον), περιρραντήριον, κάρδοπος (корыто) с целью выявить их функциональные и внешние отличия [*Παυλακη* 2002, 273–306]. Следует отметить, что в основном внимание исследовательницы привлекал наиболее многочисленный и хорошо изученный аттический материал[8]. Его изучение привело к следующим выводам. Лутерии обслуживали утилитарные потребности человека, прежде всего, в регулярном мытье, но могли использоваться и в производстве (мукомольном, например); они были найдены, как правило, в частных домах, гимнасиях, общественных банях [*Παυλακη* 2002, 275–280] (рис. 3. *1*). Перирантерии – большие неглубокие мраморные чаши на высоком основании – использовались для ритуальных омовений и располагались обычно перед входом на священную территорию [*Παυλακη* 2002, 281–289][9] (рис. 3. *2*, *3*). В античности была распространена практика вотивных приношений этого типа чаш с посвятительными надписями в храмы. *Кардопы* использовались в бытовых целях: для стирки белья, заготовки продуктов, как ступки для толчения зерна [*Παυλακη* 2002, 300–304] (рис. 3. *4*). Пожалуй, один из важных выводов, который вытекает из исследования Е. Павнаки заключается в том, что мраморные лутерии, особенно если сохранились только фрагменты круглых чаш-раковин, внешне трудно отличить от перирантериев. В тоже время, достоверно показано и подтверждено многочисленным материалом, что из перечисленных выше типов каменных чаш *только* перирантерии содержат посвятительные надписи [*Παυλακη* 2002, 287–289][10].

[8] Аттические перирантерии отличаются богатой декоративной отделкой и основанием-подставкой в виде трех статуй кариатид или других фигур.

[9] Известны и другие названия близких по функциональному назначению каменных чаш на основании – ἡ ῥαντήριον (ID 1417_{145}, 155/4 г. до н. э.), ἡ ἀγιστήριον (IPergamon 255, 1.8).

[10] Очевидно, что имеем дело с особой традицией вотивных приношений перирантериев в храмы и святилища, берущей начало еще в эпоху архаики.

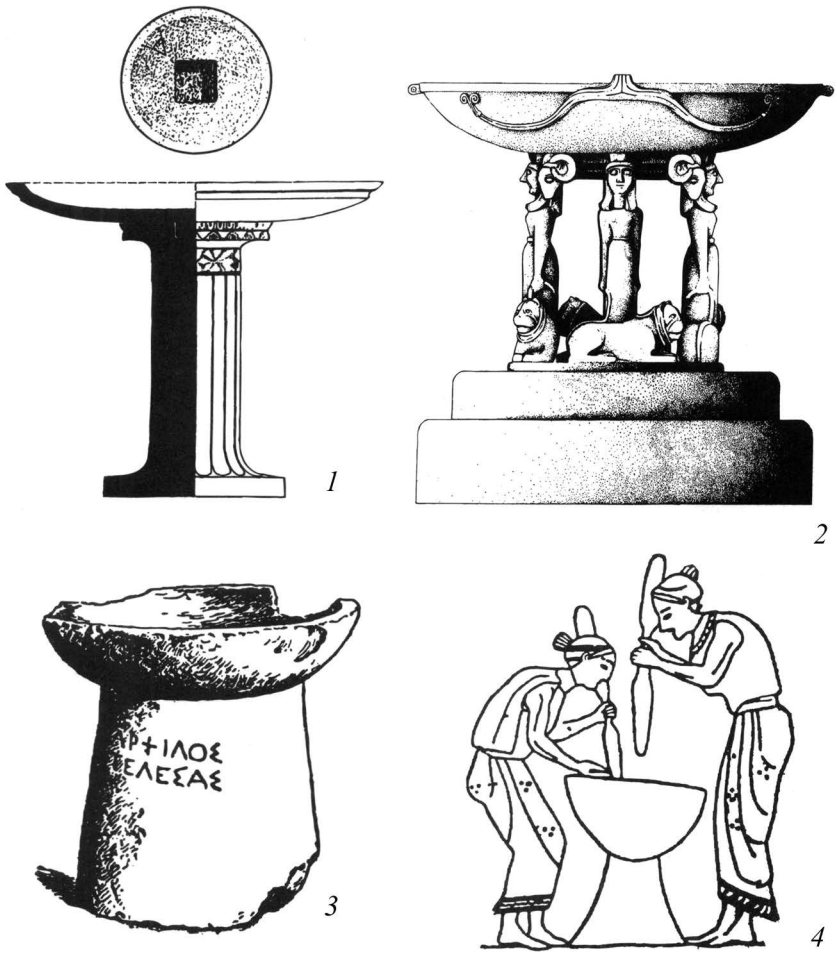


Рис. 3. *1* – Лутерий из Олинфа (по: *Robinson* 1946, fig. 219. *1*); *2* – перириантерий из Истмии (по: *Παυπακη* 2002, 285); *3* – перириантерий из Асклепиона в Эпидавре (по: *Blinkenberg* 1898, 15, fig. 11); *4* – использование кардопа, вазописное изображение (по: *Παυπακη* 2002, 301)

Перириантерий из святилища Асклепия в Эпидавре [*Blinkenberg* 1898, 15, fig. 11] дает основания для вывода, что эти сосуды могли иметь простую форму без какого-либо сложного декора, а надписи располагались не только на бортике раковин перириантериев, но и на его основании-колонне. Сказанное подводит к выводу, что облик сосуда и расположение надписи на перириантерии зависели сугубо от платежеспособности и желания заказчика.

Необходимо также упомянуть еще один тип культового каменного сосуда в виде чаши[11], который использовался для очищающего ритуала омовения уже непосредственно у алтаря перед или после жертвоприношений – это *хернибион*, χερνιβεῖον [*LSJ*, χερνιβεῖον]. Он получил свое название от священной воды *хернипс* (χερνίψ), которая за-

[11] Для их изготовления использовались и другие материалы.

ливалась внутрь сосуда. Хернибион известен в культовой практике греков еще с гомеровской эпохи (Il. 24.304). Как показывают античные свидетельства, единых традиций в материалах и формах хернибионов не существовало (Antiph. 66; Hdn. I. 378; Philostr. Im. 223; IG $2^2$1400.41; IG II. 2. 144 A 32; Michel 832.46). Так, мраморную чашу на не высоком четырехугольном основании из храма Матери всех Богов в Дионисополе исследователи определяют как luterion [*Lazarenko*, *Mircheva*, *Encheva*, *Sharankov* 2010, 22, 55, fig. 19]. Это не совсем верное определение. Месторасположение мраморной чаши у алтаря указывает на то, что во время жертвоприношений в ней должна была находиться священная вода для очищающих омовений (*хернипс*). Следовательно, этот мраморный сосуд должен определяться как хернибион.

Подводя итог сказанному, отметим следующее. Мы полагаем, что мраморная чаша № 1 из Горгиппии являлась перирантерием, посвященным в храм частным лицом, хотя, как уже было сказано, настаивать на этом выводе сложно в виду того, что сосуд был обнаружен случайно, вне сакрального контекста. Из-за незначительных размеров фрагмента чаши № 2 невозможно сделать какие-либо окончательные выводы о типе этого сосуда, остается разве что указать на отмеченные выше совпадения с формой фанагорийского перирантерия.

В свете сказанного, имеет смысл еще раз кратко остановить внимание на фанагорийском перирантерии с посвятительной надписью Зевсу Уранию и Спасителю. Полагаем, что сохранившиеся четыре фрагмента мраморного перирантерия из Фанагории позволяют воссоздать его простой, без дополнительных украшений, облик в виде чаши, видимо, на основании в форме колонны. Аналогией может служить все тот же перирантерий из святилища Асклепия в Эпидавре (рис. 3. *3*). Суждения о типе сосуда и реконструкция этой надписи, предложенные С. Ю. Сапрыкиным, грешащие невниманием к самому объекту и рядом ошибочных предположений, были рассмотрены ранее [*Завойкина* 2020, 62–66]. Справедливые замечания исследователя о неточности в реконструкции 2 стк. были нами учтены и устранены [*Завойкина*, 2020, 63–64]. Ф. В. Шелов-Коведяев, исходя из предположения о больших размерах сосуда – здесь исследователь солидарен с С. Ю. Сапрыкиным, что это крупный лутерий, – предложил еще один вариант прочтения надписи с учетом утраты правой стороны мраморного сосуда [*Шелов-Коведяев* 2020, 436 сл.]. Предлагаемая им реконструкция логична и вполне возможна, однако она сталкивается с двумя, как кажется, пока непреодолимыми препятствиями. Во-первых, фанагорийский перирантерий имеет скромные размеры [параметры чаши: *Завойкина* 2018, 106–108, рис. 3; 2020, 62–64][12]. На вотивных предметах посвятительные надписи располагаются таким образом, чтобы они были хорошо видны окружающим[13]. Длина строк в реконструкции Ф. В. Шелова-Коведяева варьируется

[12] Суммарная высота фанагорийской чаши ок. 30–32 см (без учета ее основания), с максимальной толщиной дна ок. 9–10 см. Диаметр чаши в верхней, самой широкой части, не превышает 40–42 см. Толщина округлого бортика сосуда – 5 см. Следовательно, внутренний диаметр бассейна чаши составляет ок. 30–32 см. При таких габаритах бассейн чаши с закругленным венцом имеет глубину ок. 15 см. Итак, неглубокая фанагорийская чаша имеет небольшие размеры, а ее max. объем составляет ок. 5 литров жидкости.

[13] Ср., например, посвятительные надписи на мраморных столах из Асклепиона в Эпидавре, и из Китея на Боспоре [*Blinkenberg* 1898, 4, fig. 4, 5; CIRB-Album № 942].

от 33–35 букв. Учитывая характер расположения и размеры букв в строках[14], получается, что не меньше трети реконструированной надписи не помещается на внешней стороне фанагорийского перириантерия. Предположение исследователя, что в надписи упомянут Гермес в ипостаси Гегемона и Сотера противоречит на тому факту, что Гермес с такими эпиклезами до сих пор не известен в боспорских городах. В первые века Ἑρμῆς было весьма распространенным мужским именем, в том числе в боспорских городах, что предполагает популярность культа Гермеса среди рядового населения. Однако сотерическими функциями в боспорских надписях, как правило, наделяется Зевс (CIRB 26, 36А, 868 и др.) и Гера (CIRB 36А).

Возвращаясь к перириантериям отметим, что преимущественно надписи из городов Аттики, Беотии, из святилищ в Дельфах и на Делосе демонстрируют практику посвящения этих мраморных сосудов богам. Эта общегреческая традиция сохранялась на протяжении всей античной эпохи. Так, с Фасоса происходит посвящение III в. до н. э. Асклепию Дикекратом, сыном Филона, который наряду со скульптурным изображением руки посвятил богу и перириантерий (IG XII, 8 365). Из Пергама известно посвящение гиерофоров римского времени, которые преподнесли богам, в числе прочего, перириантерий у ворот (… περιῤῥαντήριον πρὸ τοῦ πυλῶνος (IPergamon II 336$_7$)). Этот список пополняется теперь посвящениями перириантериев в храмы Горгиппии и Фанагории.



Список литературы

А*лексеева Е. М.* 1997. Античный город Горгиппия. М., 559.

Б*олтунова* А. И. 1982. Новые эпиграфические материалы из Горгиппии // ВДИ. 3, 61–66.

Болтунова А. И., *Книпович* Т. Н. 1962. Очерк греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.

Буркерт В. 2004. Греческая религия архаической и классической эпохи. СПб, 584.

З*авойкина* Н. В. 2018. Новая посвятительная надпись из Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории. 4 (Фанагория. 7). М., 106–117.

Завойкина Н. В. 2020. Из эпиграфики Фанагории // ПИФК. 2, 61–70.

Н*овичихин* А. М. 2016. Новое свидетельство культа «бога высочайшего» из Горгиппии // ДБ. 20, 350–354.

С*апрыкин* С. Ю. 2019. К публикации некоторых боспорских надписей // Aristeas. 20, 143–156.

Смирнова (*Завойкина*) Н. В. 2001. Наместники Горгиппии // ДБ. 4, 350–367.

[14] Это просто вычисляется (размеры см.: *Завойкина* 2018, 108, рис. 3). Ширина букв 1–1,3 см (исключая *йоту*), межбуквенный интервал 0,5–1 см. Таким образом, длина строки в 33–35 буквы занимает пространство длиной примерно не менее 55 см при max. длине внешней стороны окружности чаши в 40–42 см.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 2020. De titulis Bosporanis et vicinis // ДБ. 25, 426–442.
B*linkenberg* Ch. 1898. Epidaurische Weihgeschenke // AM. 23, 1–23.
K*enner* H. 1935. Das Luterion im Kult // ÖJh. 29, 109–154.
L*azarenko* I., *Mircheva* E., *Encheva* R., *Sharankov* N. 2010. The Temple of the Pontic Mother of Gods in Dionysopolis // Ancient sacral monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 13–62.
Lawton C. 2006. Marbleworkers in the Athenian Agora. Princeton, 52.
Π*αυπακη* Ε. 2002. Λιθινα Λουτηρια, Περιρραντηρια και Καρδοποι της κλασικης αρχαιοτητος // Αρχαιογνωσια. 11 (2001–2002), 273–306.
R*aubitschek* A. E. 1949. Dedications from the Athenian Akropolis. A Catalogue of the Inscriptions of the Sixth and Fifth Centuries B. C. Cambridge (Massachusetts), 554.
Robinson D. M. 1946. Domestic and Public Architecture (Excavations at Olynthus. XII). Baltimore, 322.



Summary

N. V. Zavoykina, A. N. Novichikhin
Marble basins with inscriptions from Gorgippeia

Two marble vessels preserving fragmentary are published in the article. The first is a *perirranterion* from accidental finds in Gorgippia (fig. 1). It is dated back to the Roman time. On its rim has been carved the inscription: *vac.* Θ̣ – *10* – ΩΣ *vac.* N – *4/5* – Ṇ IOY (fig. 2.1, 2.2). The authors have proposed its reconstruction as "θ[εῷ ὑψίστῳ? Ἔρ]ως Ν[ουμη]νίου, – to the Supreme God Eros, son of Noumenios (has dedicated)". Eros, son of Numenios, is known in the dedication to Poseidon of the thiasos of naukleroi from Gorgippia (CIRB 1134) in the reign of Sauromates II (AD 173/4–210/11). He was a merchant and navigator, a wealthy citizen of Gorgippia. This observation makes it possible to date the *perirranterion* to 170s – 210s AD. The reading of θ[εῷ ὑψίστῳ] is suggested on the basis of the size of the gap, the popularity of the cult of this deity in Bosporos in the first centuries AD, and because the Supreme God is known as a protector from some dangers at sea. The photograph of the Gorgippian *perirranterion* was published as an analogy for the reconstruction of the Phanagorian *perirranterion* in 2018 [*Завойкина* 2018, 109]. There were no parameters of it and characteristics of the state of its inscription in the article. However, S.Yu. Saprykin has suggested reading the inscription on the Gorgippian *perirranterion* only on the basis of the photograph [*Сапрыкин* 2019, 152–153]. He did not carry out an autopsy of the inscription. As a result of this attitude to the new source, the researcher has offered the reading with some erroneous. So, Saprykin saw the letters […]ΕΦΑΝ […]ΙΟΥ in the donor's name on the photograph instead of the letters […]ΩΣ *vac.* N – 4/5 – Ṇ IOY, which were clearly visible in the autopsy. Not knowing the parameters of

the inscription (the height of the letters, the distance between them, the length of the gaps between the letters) led Saprykin to a purely speculative reasoning about the possible name of a deity in the dedication.

Only a small fragment of upper part (a rim) of the second marble vessel has survived (fig. 2.3, 2.3a). It was found in the course of archaeological investigation in Gorgippia in 1968. Three letters has cut on its outer side -? – ΗΜΩ -? -. The fragment is dated to the last quarter of II – the first third of III centuries AD. The authors has come to the conclusion that the fragment resembles the *perirranterion* from Phanagoria, and the letters may belong to the donor's name or patronymic in -ημων.

Also it is considered a new restoration of the dedicatory inscription, carving on the *perirranterion* from Phanagoria, which was proposed by F. V. Shelov-Kovedyaev. Some errors, shortcomings and remarks made by S.Yu. Saprykin concerning to the reading of the inscription were disassembled earlier [*Завойкина* 2020, 61–68]. F. V. Shelov-Kovedyaev has not taken into account the diameter of the *perirranterion*, the size of the letters in the inscription and the distance between them in his reconstruction. As a result, the inscription takes more than 50 sm at max. outer diameter of the Phanagorian *perirranterion* 42 sm.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.178-198

В.Г. Зубарев
(Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

О датировке античных и ранневизантийских слоёв на городище «Белинское» в Восточном Крыму

Проблема датировки культурных слоёв и связанных с ними строительных остатков на античных памятниках Северного Причерноморья является одной из самых сложных и ключевых при реконструкции исторического прошлого. Дело не только в недостаточности датирующего материала и, зачастую, отсутствии надёжных временных реперов. Куда более важным является полнота исследования археологического памятника. Даже на небольших по сравнению с городскими центрами сельских поселениях, функционировавших достаточно длительное время, материал с разных участков может существенно отличаться с точки зрения времени формирования культурных отложений. Между тем, памятников, о которых можно сказать, что они исследованы в полном объёме, насчитываются единицы. Именно это обстоятельство заставляет по мере расширения исследованной площади вновь и вновь возвращаться к вопросу о датировке культурных отложений с целью её корректировки на основе накопленного материала.

Городище «Белинское», расположенное в полутора километрах от одноименного села Ленинского района Республики Крым, исключением не является (рис. 1). За 25 лет его исследования к проблеме датировки приходилось обращаться неоднократно [*Зубарев* 2001, 63–77; *Юрочкин, Зубарев* 2001, 454–473; *Зубарев* 2005, 80–89; *Зубарев, Седых* 2013, 250–274; *Зубарев, Шапцев* 2016, 86–106; *Зубарев, Ярцев, Смекалов* 2020, 109–139]. Уточнялось время основания этого античного поселения в северной части Аджиэльской балки, периоды, когда оно подвергалось разрушению, время восстановительных работ и прекращения его функционирования. Были открыты слои, связанные с периодами поздней бронзы [*Зубарев, Ярцев* 2013, 60–64] и каменного века [*Зубарев, Ярцев* 2019, 321–345]. В восточной части городища выявлен слой и соотносимые с ним строительные остатки, относящиеся ко времени салтово-маяцкой археологической культуры [*Майко, Зубарев, Ярцев* 2016, 318–319]. Тем не менее, отдельные аспекты датировки в рамках античного периода всё ещё остаются не решёнными.

Культурные отложения античного времени на городище «Белинское» являются самыми мощными (более 2 м) и отражают как длительность этого периода, так и степень

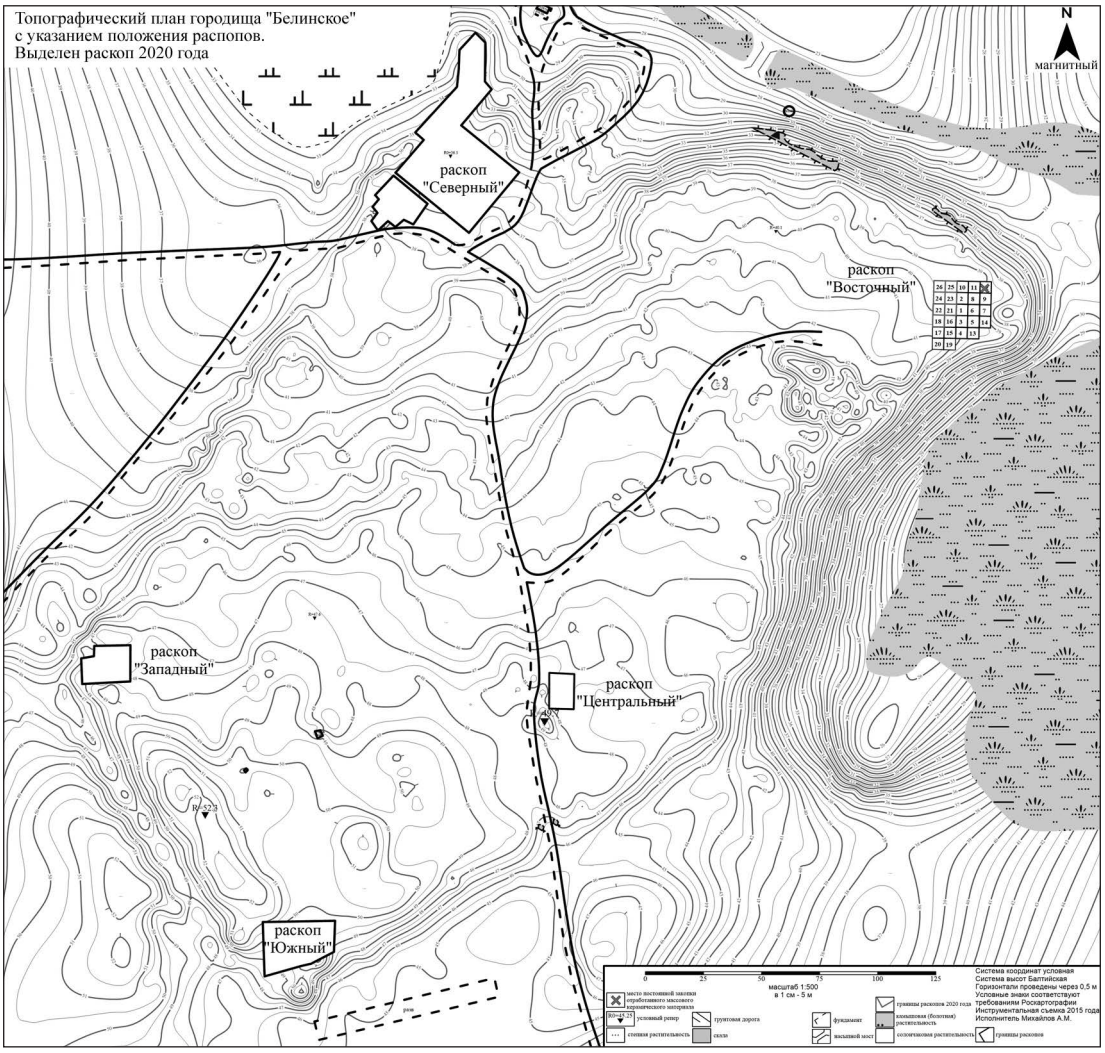


Рис. 1. Топографический план городища «Белинское»
с указанием исследованных участков

интенсивности жизнедеятельности. Все они сформированы на основе суглинка с различными примесями, которые и определяют его цветовую гамму.

Наиболее ранним в стратиграфическом плане является преимущественно серо-коричневый суглинок толщиной до 0,6 м. Он хорошо прослеживается в северной, центральной и южной части городища и в меньшей степени в восточной и западной. На раскопе «Восточный» этот пласт сохранился фрагментарно и присутствует, в основном, в заполнении хозяйственных ям, расщелинах в материковой скале и вблизи немногочисленных строительных остатков, связанных с этим этапом. Такая ситуация стала результатом интенсивных строительных работ и расчистки территории в более поздние периоды.

Следующим по времени формирования является слой жёлто-коричневого суглинка, местами с включениями золы и щебня толщиной до 1 м. Он хорошо представлен

на всех участках городища. Наибольшую мощность слой достигает вблизи и в заполнении строительных остатков, и, скорее всего, его формирование следует отнести ко времени разрушения построек второго строительного периода.

С заключительным хронологическим этапом связан слой преимущественно светлой золистой супеси толщиной до 0,8 м, местами включающей щебень. Он пока не выявлен в западной части городища. На остальных исследованных участках слой присутствует повсеместно, хотя и разной мощности. На раскопе «Восточный» он существенно нарушен в салтовский период, но вблизи остатков фундаментов стен и в заполнении хозяйственных ям прослеживается достаточно чётко. Кроме того, со слоем золистой супеси соотносятся зольники в северной и восточной частях городища.

Наиболее массовыми находками из всех слоёв античного времени являются фрагменты амфор. Их доля, с учётом многочисленных стенок, достигает 70–80% от общего числа находок и важность их анализа в контексте хронологии поселения несомненна. С другой стороны, находки археологически целых амфор на сельских поселениях Европейского Боспора весьма редки и, как правило, будучи обнаруженными в заполнении хозяйственных ям или в разрушенных помещений, не могут отражать всей полноты картины.

Амфорный материал (профилированные части) из раскопок городища «Белинское» (1996–2020 гг.) насчитывает 1783 фрагмента, включая крупные развалы сосудов. Из этого числа были исключены обломки амфор эллинистического времени, являющиеся «ранней» примесью и не связанные с культурным слоем, и фрагменты, тип которых определить не удалось. Последние мало чем могут помочь в вопросах датировки и, учитывая их долю (чуть более 3%), ими можно пренебречь. Таким образом, число отобранных для анализа профилированных частей амфор сократилось до 1688. Из этого числа со слоем серо-коричневого суглинка связано 574 фрагмента. Со слоем жёлто-коричневого суглинка – 738, со слоем золистой супеси – 376. В полном объёме, с учётом всех исследованных участков городища, амфорный материал ранее не рассматривался.

Прежде, чем приступить к анализу, необходимо сделать несколько важных замечаний. Во-первых, общее соотношение фрагментов профилированных частей амфор по их типам не может в полной мере отражать реальное положение дел. Их количество зачастую зависит от числа осколков, на которые была разбита амфора. Разбросанные по большой площади, они могут не стыковаться друг с другом и, тем самым, увеличивать долю амфор конкретного типа. С другой стороны, малое количество фрагментов может соответствовать такому же количеству амфор. Таким образом, статистические показатели фрагментированных частей амфор отражают только общую тенденцию, а не их реальное соотношение.

Во-вторых, необходимо вычленять из общего числа фрагментов те из них, которые реально могут свидетельствовать о количественном показателе: полностью сохранившиеся ножки и донья, горла и развалы амфор. Полученные при этом результаты должны сопоставляться с общей тенденцией, определяемой на основе анализа всей совокупности фрагментированного амфорного материала.

В-третьих, крупные фрагменты и развалы амфор, найденные в заполнении ям и разрушенных помещений, отражают, как правило, конечный этап определённого

периода, связанный с прекращением функционирования конкретного объекта и, следовательно, важны для установления верхней даты этого периода.

И последнее, не вписывающийся в общую тенденцию материал, т. н. «примесь снизу», на городище «Белинское», как правило, происходит из заполнения хозяйственных ям, попадая в них при засыпи из более ранних слоёв и зольников, куда они попадают вместе с бытовым мусором.

Слой серо-коричневого суглинка (рис. 2; 3)**.** Среди амфорного материала, извлечённого из этого слоя и из заполнения строительных объектов, соотносимых с ним, удалось идентифицировать 24 типа амфор. Самая большая доля приходится на амфоры типа С по Д. Б. Шелову (тип С IV С по С. Ю. Внукову) гераклейского производства (33%). Далее следует тип D по Д. Б. Шелову (25%) и варианты розовоглиняных боспорских амфор типа 83–89 по И. Б. Зеест (21,6%). Процент других типов невелик и колеблется в пределах 0,2–6%. Это типы 72–73 по И. Б. Зеест (6%), тип 75 по И. Б. Зеест (4%), тип 76–77 по И. Б. Зеест (2%), тип 69 по И. Б. Зеест (0,7%), тип С/D (0,5%), типы 78, 79, 80 и 90 по И. Б. Зеест (по 0,3% каждый), тип А по Д. Б. Шелову (0,2%). Кроме перечисленного в слое найдены фрагменты амфор, относящихся к более позднему времени (типы С Snp. 1 («Делакеу») и F и Е по Д. Б. Шелову). Их суммарная доля невелика (5,6%), а попадание в слой, скорее всего, в большинстве случаев связано с его пропущенными поздними нарушениями.

Количество амфорных ножек и горл амфор, выделенных из общего числа фрагментов, найденных в слое серо-коричневого суглинка, составило 52 единицы. Их расклад в целом повторяет результат общей статистики: тип С по Д. Б. Шелову – 34%, тип D по Д. Б. Шелову – 27%, тип 83/84–21%, тип 69–8%, тип 72/73–6%, тип А по Д. Б. Шелову – 2% и тип 90–2%. Отметим также, что в заполнении помещений и слое пожара, связанного с событиями III в. н. э., крупные обломки амфор типа С по Д. Б. Шелову отсутствуют, а количество мелких фрагментов минимально. Зато наряду с амфорами типа D по Д. Б. Шелову присутствует небольшое количество фрагментов амфор типа F. Впрочем, скорее всего, мы имеем дело не с собственно типом F, а с какой-то переходной формой, сочетающей в себе признаки обоих типов.

Временной диапазон бытования подавляющего большинства идентифицированных типов амфор достаточно широк: от двух до трёх и более веков.

Тип А по Д. Б. Шелову (тип 5.23 по А. П. Абрамову). Датируется временем от конца I в. до н. э. – до середины I в. н. э. [*Абрамов* 1993, 46]. Это самая ранняя по времени находка среди амфорного материала. Однако обстоятельство обнаружения ножки амфоры (в культовом захоронении собаки под фундаментом стены на южном участке городища) однозначно указывает на вторичность её использования.

Тип 69 по И. Б. Зеест (тип 6.1 по А. П. Абрамову). Амфоры с конусовидным дном датируются I в. н. э. [*Абрамов* 1993, 46]. Ножки амфор этого типа были найдены при прокопе уличного покрытия над материком и в слое вблизи фундамента оборонительной стены на северном участке раскопа.

Тип С по Д. Б. Шелову (тип С IV С по С. Ю. Внукову). С. Ю. Внуков датирует их второй четвертью – концом II в. н. э. [*Внуков* 2006, 166], А. П. Абрамов относит время их бытования к концу I в. н. э. – началу II в. н. э. [*Абрамов* 1993, 46]. По материалам Танаиса

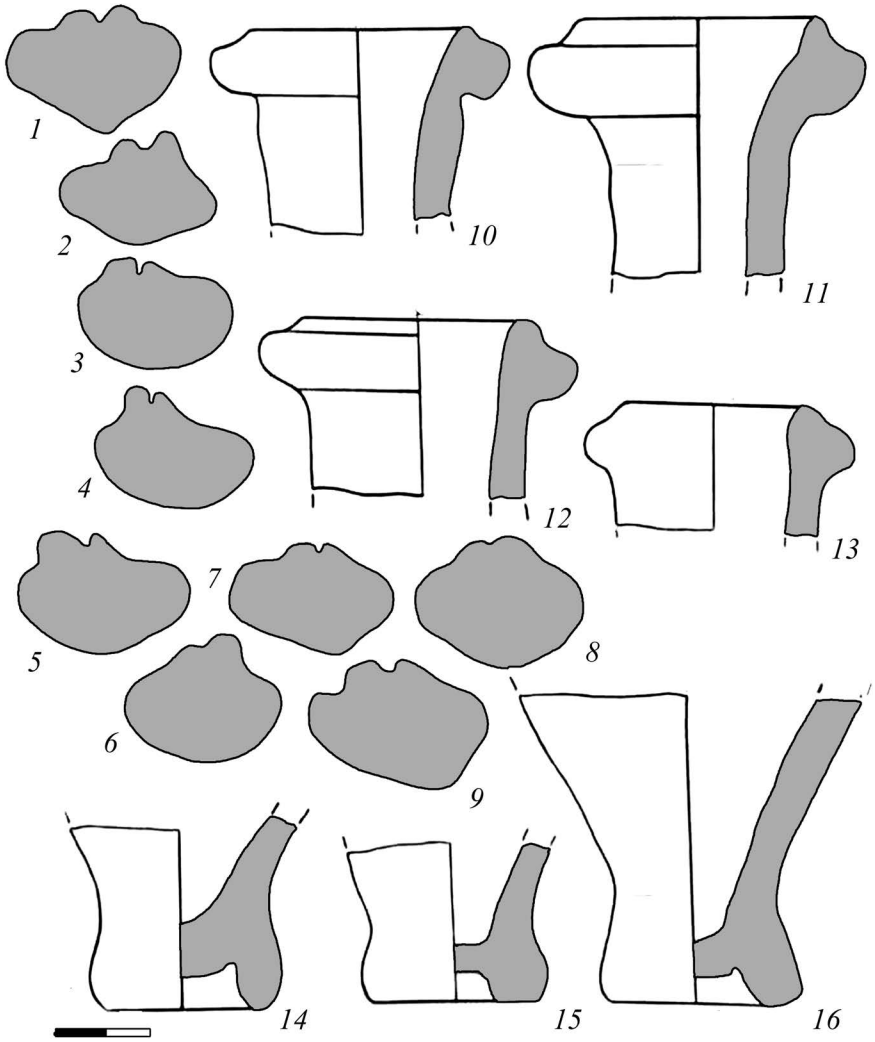


Рис. 2. Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор первого периода (начальный этап)

появление этих амфор относится к последней четверти I в. н. э. [*Храпунов* 2016, 17]. На городище «Белинское» фрагменты амфор этого типа доминируют на уровне нижнего горизонта слоя. Большое их количество получено при прокопе уличного покрытия первого строительного периода на северном участке и при зачистке пола в помещениях этого времени.

Тип C/D. Сочетание признаков двух типов узкогорлых светлоглиняных амфор, по-видимому, отражает процесс постепенной их эволюции внутри типологического ряда развития. Такие амфоры известны и по находкам на других памятниках [*Бёттгер, Шелов* 1998, 32]. Одно горло с ручками амфоры этого типа было обнаружено на северном участке городища «Белинское» в слое серо-коричневого суглинка [*Зубарев* 2005, 81–82, рис. 4]. Ещё два фрагмента найдены в южной части городища.

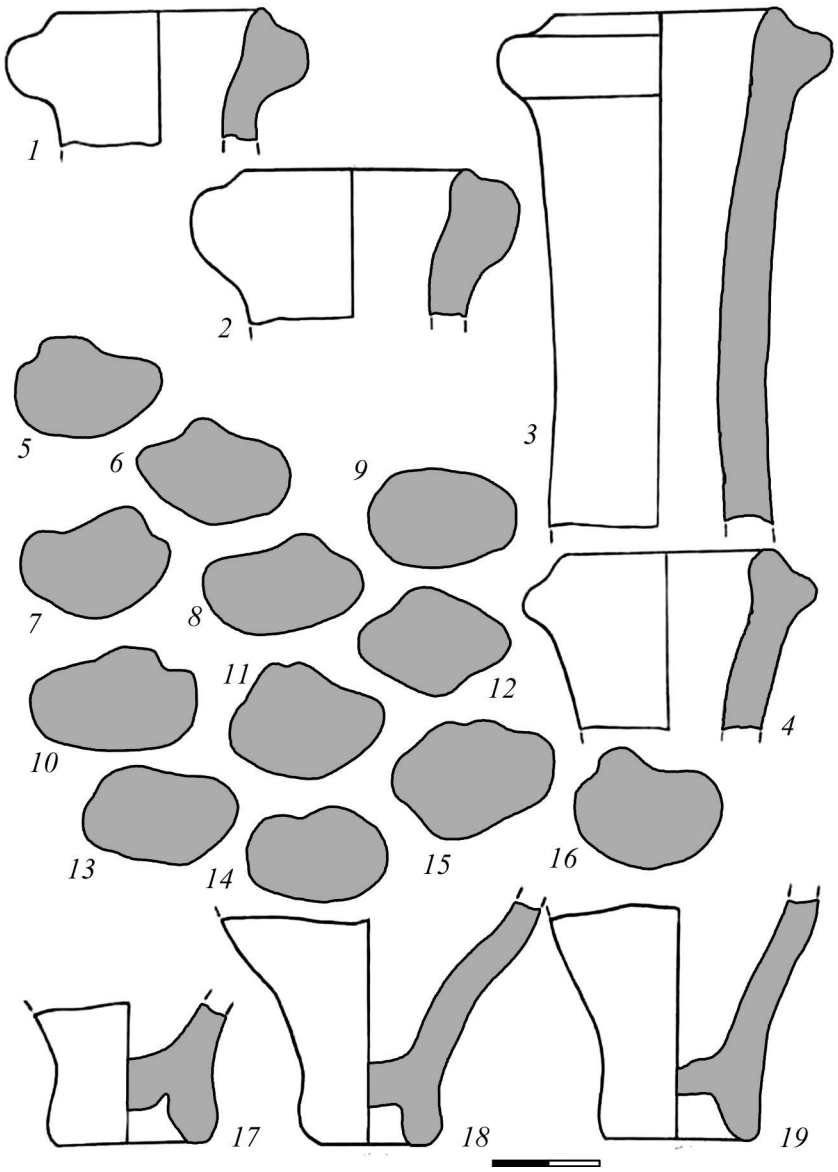


Рис. 3. Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор
(конец первого – начало второго периода)

Тип D по Д. Б. Шелову. Датируется этот тип узкогорлых светлоглиняных амфор по-разному. И. Б. Зеест относила его ко II–III вв. н. э. [*Зеест* 1960, 135–136]. А. П. Абрамов – концом II – первой половиной III вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 46]. Д. Б. Шелов относит время их бытования к первой половине III в. н. э. [*Шелов* 1972, 118]. В современной литературе дата III в. н. э. как время производства амфор типа D является господствующей [*Иванова* 2013, 125]. На городище «Белинское» подавляющее большинство амфор типа D по Д. Б. Шелову найдено в грунте заполнения помещений, слое пожара первого

строительного периода и в засыпи ям. В общей статистике к концу первого периода их доля становится доминирующей.

Тип 90 по И. Б. Зеест (MRA 18 Benghazi). Дата бытования амфор с воронковидным горлом варьируется в довольно широком диапазоне. И. Б. Зеест относила их к I–II вв. н. э. [*Зеест* 1960, 117]. А. П. Абрамов расширял верхнюю границу до середины III в. н. э. [*Абрамов* 1993, 49]. С. Ю. Внуков определяет эти амфоры, как тип C V и считает, что основное время их бытования III в. н.э. [*Внуков* 2003, 129]. И. Н. Храпунов, опираясь на мнение Е. Ю. Клениной, придерживается более широкого диапазона II–IV вв. н. э. [*Храпунов* 2016, 19]. О. С. Иванова предполагает появление амфор с воронковидным горлом в конце I в. н. э., а их широкое распространение относит ко II–III вв. н. э. [*Иванова* 2013, 121]. На городище «Белинское» горло амфоры типа 90 и фрагмент венчика были найдены в заполнении помещения № 7 при зачистке пола первого строительного периода.

Типы 83–89 по И. Б. Зеест. Эта группа амфор объединяется цветом глины (все они розовоглиняные с различными вариантами оттенков, часто с серым закалом в центре разлома ручки или толстого черепка), предполагаемым центром производства (Боспор) и, в отдельных случаях, близостью форм. Выделяются розовоглиняные амфоры с широким горлом (Зеест 83), розовоглиняные амфоры Европейской части Боспора (Зеест 84), красноглиняные амфоры из Танаиса (глина коричневорозовая) (Зеест 85), фанагорийские амфоры (Зеест 86–87), и широкогорлые амфоры центров Азиатского Боспора (Зеест 89). Все они датируются в пределах II–III вв. н. э. [*Зеест* 1960, 116–117] или немного уже: концом II – первой половиной III вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 48–49]. Большинство фрагментов (в первую очередь круглых в сечении ручек), найденных на городище «Белинское», относится к типам 83, 85 и 89 по И. Б. Зеест. Их практически нет в нижнем горизонте слоя, зато в большом количестве встречаются в заполнении помещений, хозяйственных ям, слое пожара и в верхнем горизонте слоя серо-коричневого суглинка. Особенно чётко эта тенденция прослеживается на северном и южном участках городища.

Типы 72–73 по И. Б. Зеест (тип 6.11–6.13 по А. П. Абрамову; Bottger 1.5). Красноглиняные амфоры типа «мирмекийской» отличаются лишь формой венчика и часто описываются как амфоры типа 72–73 по И. Б. Зеест [*Иванова* 2013, 111]. Датируются в пределах II–III вв. н. э. [*Зеест 1960*, 111–112], концом II – первой половиной III вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 47] или II/конец II–IV вв. н. э. [*Храпунов* 2016, 18]. О. С. Иванова относит наиболее активный период использования амфор типа Зеест 72 к III – середине IV вв. н. э. [*Иванова* 2013, 99]. А. В. Сазанов датирует тип 72 первой половиной III – серединой IV вв. н. э. [*Сазанов* 2012, 348–349]. В отношении амфор типа Зеест 73 отмечается, что наиболее часто их можно встретить в комплексах первой половины III вв. н. э., однако с учётом схожести этих амфор с типом Зеест 72 допускается дата их бытования в III–IV вв. н. э. [*Иванова* 2013, 111]. На городище «Белинское» фрагменты амфор типа Зеест 72–73, также как и типа 83–89 (только в меньшем объеме), присутствуют в заполнении помещений, хозяйственных ям, слое пожара и в верхнем горизонте слоя серо-коричневого суглинка.

Тип 75 по И. Б. Зеест (6.16–6.18 по А. П. Абрамову). Амфоры со сложнопрофилированными ручками имели широкое распространение в археологических контекстах конца II – первой половины III вв. н. э. [*Иванова* 2013, 114]. Этим же временем датируются они и у А. П. Абрамова [*Абрамов* 1993, 47]. II–III вв. н. э. датирует 75 тип И. Б. Зеест [*Зеест*

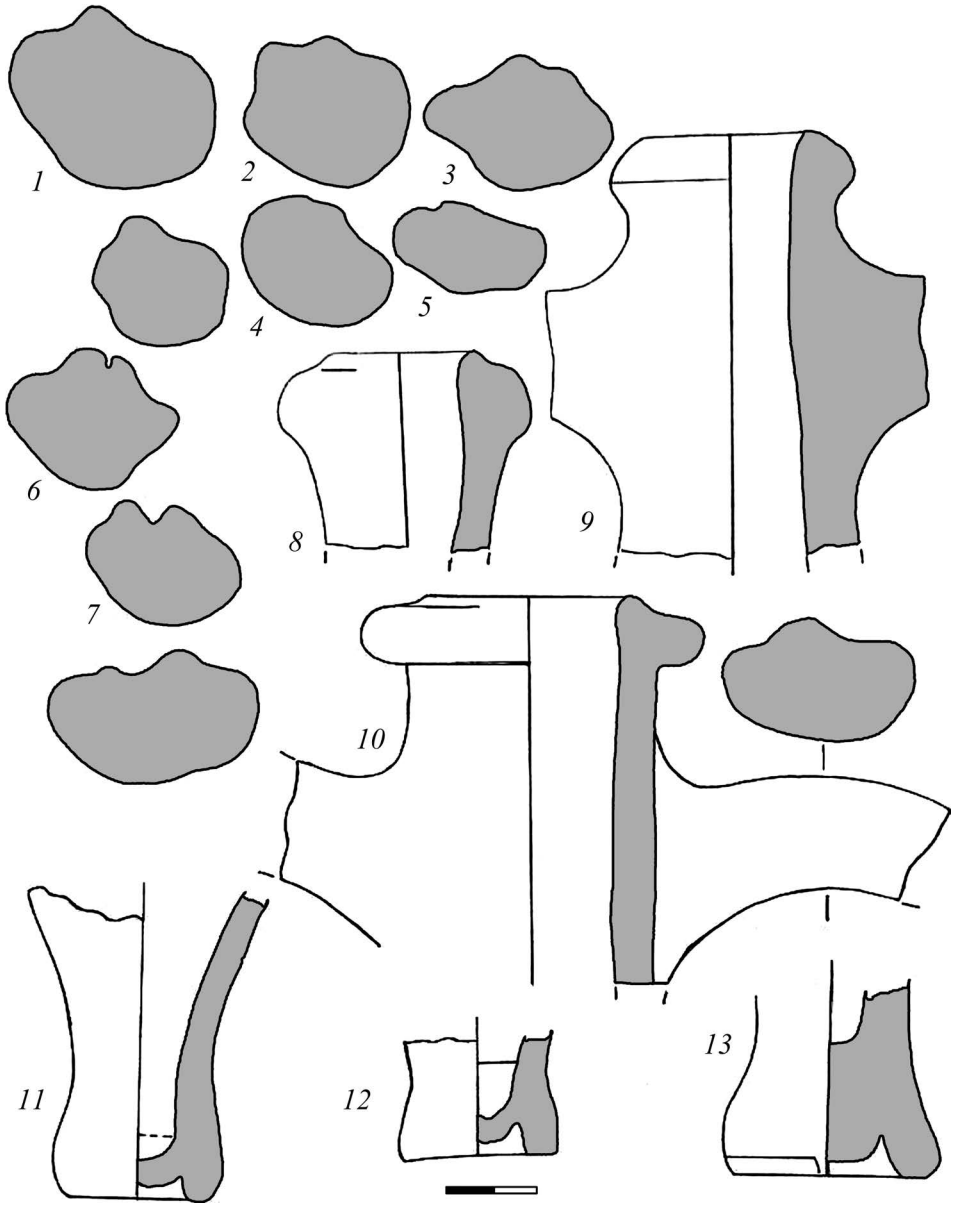


Рис. 4. Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор из слоя первой четверти IV в. н.э.

1960, 113]. На городище «Белинское» фрагменты амфор этого типа присутствуют в слое вне строительных остатков, редко в заполнении хозяйственных ям и практически никогда в заполнениях помещений периода их разрушения.

Типы 76–77 по И. Б. Зеест. Поскольку тип 77 определяется только по глиняной массе «пёстрой окраски», а формы повторяют формы сосудов, существовавших на Боспоре и производившихся здесь же [*Иванова* 2013, 115], он и объединён с типом 76. Суммарная доля фрагментов невелика (около 2%). Все они найдены в слое серо-коричневого суглин-

ка вне строительных остатков. Датируются оба типа одинаково: II–III вв. н. э. [там же]. А. П. Абрамов несколько сужал время бытования типа Зеест 76 (тип 6.19–6.20 по А. П. Абрамову), определяя его, как конец II – первая половина III вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 47–48]. Обстоятельства находок фрагментов амфор этого типа на городище «Белинское» такие же, как для типа Зеест 75.

Тип 78 по И. Б. Зеест. Небольшой фрагмент дна и фрагмент ручки сосуда этого типа были найдены в слое серо-коричневого суглинка вне строительных остатков. Данный тип амфор сравнительно редко встречается на Боспоре и датируется III в. н. э. [*Зеест* 1960, 114].

Тип 79 по И. Б. Зеест (тип 6.24–6.26). Красноглиняные узкогорлые амфоры с высоко поднятыми ручками датировались ею III в. н. э. [*Зеест* 1960, 114]. А. П. Абрамов относил время их бытования к концу II – первой половине III вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 48]. О. С. Иванова допускает появление амфор этого типа в конце II в. н. э., определяя время их наиболее активного использования III–IV вв. н. э. [*Иванова* 2013, 117]. И. Н. Храпунов расширяет временной диапазон до V в. н. э. [*Храпунов* 2016, 18]. На городище «Белинское» два небольших фрагмента амфор этого типа были найдены в слое серо-коричневого суглинка вне строительных остатков.

Тип 80 по И. Б. Зеест (тип 6.21–6.23 по А. П. Абрамову, тип 38 по Дж. Хейсу, тип MRA 5 Benghazi по Дж Райли). И. Б. Зеест относила бытование красноглиняных амфор с желобчатым венчиком ко II–III вв. н. э. [*Зеест* 1960, 114]. А. П. Абрамов сузил этот период до конца II – начала III вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 48]. По мнению О. С. Ивановой, амфоры типа MRA 5 Benghazi следует датировать II–III вв. н. э. [*Иванова* 2013, 119]. И. Н. Храпунов обращает внимание, что Дж. Хейс нашёл эти амфоры в слоях IV–V вв. н. э. [*Храпунов* 2016, 18]. Однако О. С. Иванова считает, что амфоры, производившиеся в IV в. н. э., являются продолжением эволюционного ряда изделий, начало которым положили сосуды типа MRA 5 Benghazi, и их не следует относить к последнему [*Иванова* 2013, 117]. На городище «Белинское» два небольших фрагмента ручек амфор этого типа были найдены в слое серо-коричневого суглинка вне строительных остатков.

Слой жёлто-коричневого суглинка (рис. 3–6. *1*)**.** Среди амфорного материала из этого слоя и из заполнения остатков строительных объектов, соотносимых с ним, удалось идентифицировать 23 типа амфор. Часть из них присутствовала в слое серо-коричневого суглинка и продолжила бытовать и во второй период истории античного городища. В их числе амфоры типов 72–73, 75, 76–77, 78, 80, 83–89, 90 по И. Б. Зеест. Суммарная доля найденных фрагментов этих сосудов составила 24, 2%, из которых 10,6% приходится на амфоры типа Зеест 83–89 и 7% на амфоры Зеест 72–73. Распределение амфор в слое, включая заполнение помещений и хозяйственных ям, довольно равномерно. Их обломки найдены как в нижнем горизонте слоя, связанном с восстановительными работами на городище после событий второй половины III в. н. э., так и в культурных отложениях финальной стадии второго периода в истории античного поселения.

Ещё один тип амфор, фрагменты которого найдены в слое жёлто-коричневого суглинка, узкогорлые светлоглиняные амфоры типа D по Д. Б. Шелову. Их доля в общем контексте амфорного материала резко снижается с 25% до 2,5%. Однако они присутствуют в нижнем горизонте слоя и, скорее всего, оставались в обиходе до конца III в. н. э.

Что касается узкогорлых светлоглиняных амфор типа С по Д. Б. Шелову (2,3%), то подавляющее большинство соответствующих находок приходится на заполнение хозяйственных ям, что можно рассматривать, как «примесь снизу».

Самую большую группу амфорного материала составляют амфоры типа F по Д. Б. Шелову (37,5%). Вторая по численности группа – амфоры типа 100 по И. Б. Зеест («Делакеу») (29%). Прочие находки представлены фрагментами амфор переходной формой D/F по О. С. Ивановой (0,2%). Два небольших обломка амфор типа Е по Д. Б. Шелову (0,3%), скорее всего, попали во второй период в результате позднего перекопа, не замеченного при выборке грунта, и ими можно пренебречь.

Количество амфорных ножек и горл амфор, выделенных из общего числа фрагментов, найденных в слое жёлто-коричневого суглинка, составило 79 единиц. Их расклад в целом повторяет результат общей статистики, с той только разницей, что здесь первую позицию занимают амфоры типа «Делакеу» (52%). Далее следует тип F по Д. Б. Шелову (34,2%), типы 83/84 (6,3%), 72/73 (2.5%) и 90 (2,5%) по И. Б. Зеест, а также тип D по Д. Б. Шелову (2,5%). Следует отметить, что в нижнем горизонте слоя, сформированного по большей части в ходе восстановительных работ, фрагменты амфор типа «Делакеу» отсутствуют, в то время как к финальной стадии второго периода в истории этого поселения их доля резко возрастает. Все развалы амфор этого типа были найдены на полу, в завалах помещений и в засыпи хозяйственных ям.

Тип F по Д. Б. Шелову (С IV F по С. Ю. Внукову). Датировка данного типа амфор достаточно подробно разбиралась в нашей совместной с В. Ю. Юрочкиным статье [*Юрочкин, Зубарев* 2001, 454–473]. В ней мы определили хронологические рамки их бытования в пределах первой половины (скорее всего вторая четверть) – последней четверти IV в. н. э. [*Юрочкин, Зубарев* 2001, 465]. С этой датировкой согласны О. С. Иванова, определяя IV в. н. э., как время появления и распространения узкогорлых светлоглиняных амфор типа F [*Иванова* 2013, 133], и А. В. Смокотина, отметившая, что предложенная И. Б. Зеест хронология этих сосудов (IV в. н. э.) в настоящее время считается устоявшейся [*Смокотина* 2020, 510]. Тем не менее, не возражая в целом против этого, некоторого уточнения требует предложенный нами начальный период бытования описываемых амфор (вторая четверть IV в. н. э.). Накопленный за время, прошедшее после опубликования статьи, материал позволяет однозначно говорить, что уже к концу первой четверти IV в. н. э. этот тип амфор получает достаточно широкое распространение. В большом количестве фрагменты этих сосудов найдены в заполнении помещений и хозяйственных ям, в том числе в хорошо датируемых комплексах вместе с развалами амфор типа «Делакеу» [*Зубарев, Шапцев* 2016, 90–91]. Это позволяет говорить о том, что временем начала распространения амфор типа F следует считать скорее первую, а не вторую четверть IV в. н. э.

Тип 100 по И. Б. Зеест («Делакеу», С Snp I). Хронологию начального этапа производства и время бытования амфор типа С Snp I («Делакеу») мы достаточно подробно уже разбирали ранее [*Юрочкин, Зубарев* 2001, 460–462]. Начало их производства было отнесено к первой половине IV в. н. э. (рубеж первой и второй четверти), а продолжительность их использования определялась до середины – второй половины V в. н. э. [*Юрочкин, Зубарев* 2001, 465]. В более поздней работе, написанной совместно с М. С. Шапцевым



Рис. 5. Развал амфор типа «Делакеу» в заполнении хозяйственной ямы на восточном участке городища «Белинское». Вид с запада (конец первой четверти IV в. н.э.)

и основанной на анализе комплексов с амфорами типа «Делакеу», найденных на восточном участке городища «Белинское», начальная дата бытования амфор этого типа была подтверждена [*Зубарев, Шапцев* 2016, 91–93]. А. В. Смокотина определяет в качестве начальной даты появления амфор типа «Делакеу» первую половину IV в. н. э., допуская возможность говорить о начале этого столетия. Появление амфор в III в. н. э. отвергается ввиду отсутствия серьезных аргументов в пользу этого предположения [*Смокотина* 2020, 515]. В качестве наиболее вероятной верхней хронологической границы типа А. В. Смокотина называет начало VI в. н. э. [там же, 516]. О. В. Шаров считает верхней границей бытования амфор типа «Делакеу» середину V в. н. э. [*Шаров* 2007, 170].

В пользу начала IV в. н. э., как времени появления амфор типа «Делакеу» на городище «Белинское», говорит тот факт, что к моменту финальной стадии второго периода, которая приходится на конец первой четверти IV в. н. э. [*Зубарев* 2002, 123–124], бытование этого типа сосудов носит массовый характер. Развалы амфор типа «Делакеу» были обнаружены на полу нескольких помещений, зафиксированные in situ на момент их гибели, и в заполнении хозяйственных ям. Их фрагментированные осколки доминируют в слое жёлтого суглинка, связанного с заполнением помещений в процессе их разрушения. Отметим также, что в заполнении ямы № 117 на восточном участке, было обнаружено восемь развалов амфор типа «Делакеу», относящихся к 5 вариантам и попавшим в яму в результате единовременного сброса [*Зубарев, Шапцев* 2016, 90]. Вряд ли

такое положение вещей отражает начальную стадию бытования рассматриваемых сосудов. Что касается верхней границы датировки амфор этого типа, то, на мой взгляд, более аргументированным является дата середины V в. н. э. [*Шаров* 2005, 295; *Магомедов* 2006, 54], по крайней мере, применительно к импорту в Северное Причерноморье.

Тип D/F по О. С. Ивановой. Два фрагмента такой «переходной» формы были найдены в слое желто-коричневого суглинка. Так же как и тип C/D они сочетают в себе признаки двух типов узкогорлых светлоглиняных амфор. Помимо Белинского городища они встречаются, например, на Мангупе в археологическом контексте заполнения хозяйственных ям V–VII вв. н. э., куда, вероятнее всего, попали в качестве ранней примеси [*Иванова* 2013, 140]. Наиболее вероятным временем их бытования, на мой взгляд, можно назвать конец III – начало IV вв. н. э. Вряд ли их производство носило массовый характер. Скорее, они стали результатом определённых экспериментов, завершившихся созданием нового типа амфор F, получившим распространение уже в течение первой четверти IV в. н. э.

Слой светлой золистой супеси (рис. 6. *2, 3*)**.** Среди амфорного материала, извлечённого из этого слоя и из заполнения остатков строительных объектов, соотносимых с ним, удалось идентифицировать 13 типов амфор. Из ранее встречавшегося материала присутствуют фрагменты амфор типов 72/73, 75, 83–89, 100 («Делакеу») по И. Б. Зеест, C, D и F по Д. Б. Шелову. Их суммарная доля составляет 11,2%, и все они были найдены в археологическом контексте заполнения хозяйственных ям или в нижней части зольников на северном и южном участках городища. В этой связи все ранние включения можно рассматривать как «примесь снизу».

Самую большую группу амфорного материала среди вновь выявленных типов составляют фрагменты амфор типа E по Д. Б. Шелову (43%). Далее следуют амфоры 96/97 Зеест (27,2%), LR IBI (6,5%), Антонова V (4%), Антонова I (3,4%) и амфоры с рифлением корпуса типа «набегающей волны» (3%).

Количество амфорных ножек и горл амфор, выделенных из общего числа фрагментов, найденных в этом слое, составило 35 единиц. Большинство из них (60%) принадлежит типу E по Д. Б. Шелову. Кроме него представлены типы Антонова V (14%), LR IBI (14%) и 96/97 Зеест (12%). Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть горл амфор типа E по Д. Б. Шелову была найдена в заполнении ям на северном участке городища. На части из них имелись дипинти красной краской [*Сапрыкин, Масленников* 2007, 74–75].

Тип E по Д. Б. Шелову (C IVE по С. Ю. Внукову). Время их бытования определяется по-разному. И. Б. Зеест датировала их концом III–IV вв. н. э. [*Зеест* 1960, 122]. А. В. Сазанов определяет время их бытования от второй четверти IV до середины V вв. н. э. [*Сазанов* 2011, 326]. А. П. Абрамов в качестве хронологических рамок определял период с конца IV до первой половины V вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 50]. Этого же интервала придерживался Д. Б. Шелов [*Шелов* 1978, 19] и А. В. Смокотина [*Смокотина* 2020, 512]. О. С. Иванова отмечает, что узкогорлые светлоглиняные амфоры типа E по Д. Б. Шелову появляются к концу IV в. н. э., наиболее активно используются до начала V в. н. э. и прекращают выпускаться к середине этого века [*Иванова* 2013, 143]. На городище «Белинское» массивные и довольно грубо сделанные амфоры этого типа представлены

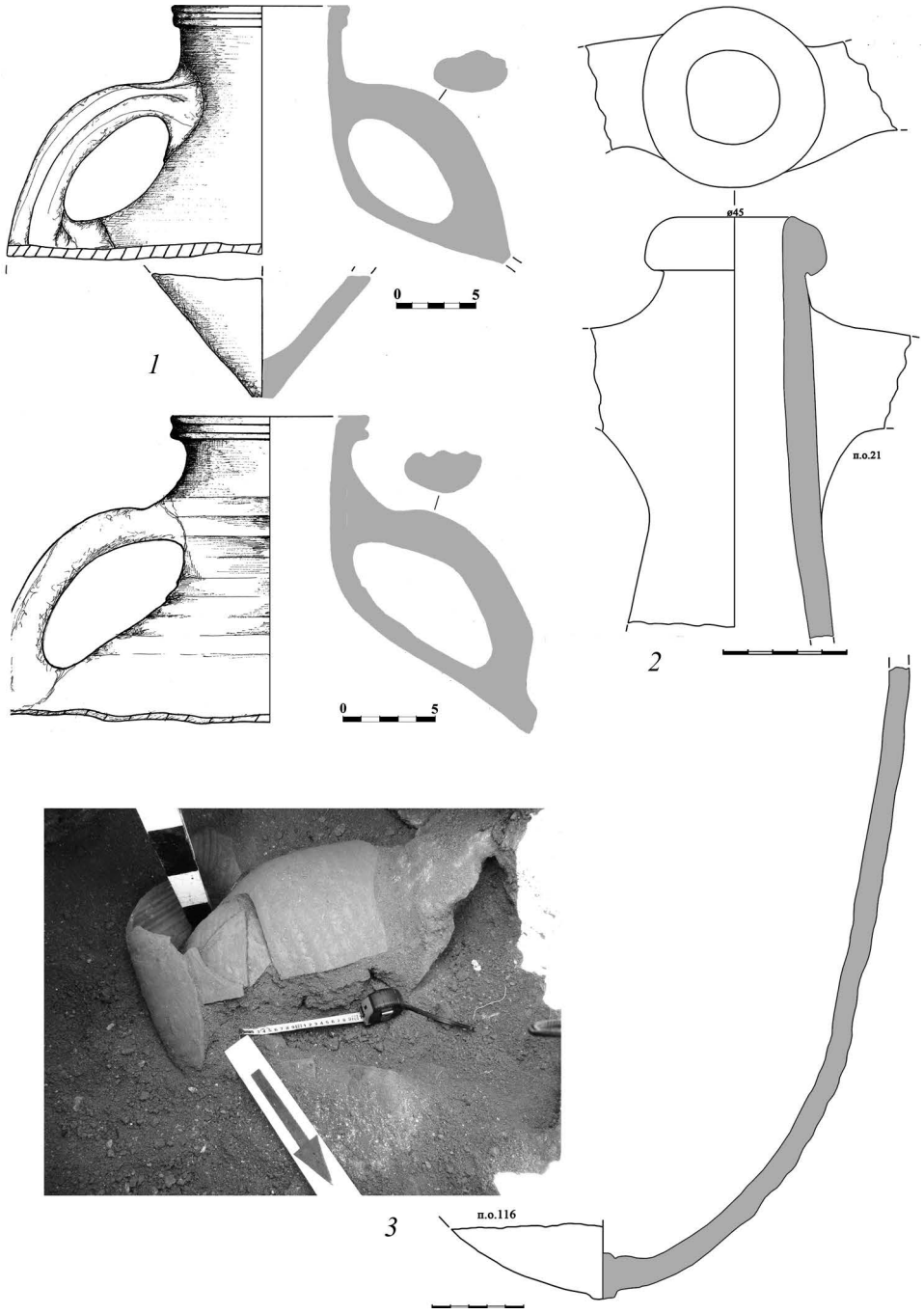


Рис. 6. Амфорный материал из раскопок городища «Белинское»: *1* – амфоры типа «Делакеу» из заполнения хозяйственной ямы на восточном участке городища «Белинское» (конец первой четверти IV в. н. э.); *2* – горло светлоглиняной узкогорлой амфоры типа Е по Д. Б. Шелову с асимметрично расположенными ручками (третий период); *3* – нижняя часть амфоры типа Антонова V из заполнения хозяйственной ямы на восточном участке городища «Белинское» (третий период)

широко. Они встречаются практически повсеместно, однако большая их часть (особенно это касается крупных фрагментов) найдена в заполнении ям и в зольнике. Причём в ряде случаев ямы были перекрыты вымосткой (на северном участке городища) этого же периода. Это обстоятельство можно рассматривать как грань между началом освоения территории после катастрофы конца первой четверти IV в. н. э. (на этом этапе амфоры типа Е по Д. Б. Шелову доминируют), последующей её застройкой и окончательным запустением, когда эти амфоры вышли из обращения и просто были выброшены как мусор. И ещё одна особенность, которую нельзя не отметить применительно к амфорам этого типа, найденным на городище «Белинское». Значительная часть горл с остатками или полностью сохранившимися ручками имеет их как бы ассиметричное расположение (смещённые к краям горла). Аналогов этому массовому браку (если это, конечно, брак) я не нашёл.

Тип 96/97 по И. Б. Зеест. Исследовательница датировала его концом III–IV вв. н. э. [*Зеест* 1960, 119]. А. П. Абрамов определял их как тип 7.21–7.23 и относил к довольно широкому временному диапазону: вторая половина III–IV–VI вв. н. э. [*Абрамов* 1993, 50]. А. В. Сазанов придерживается даты в целом от конца IV до третьей четверти VI вв. н. э. [*Сазанов* 1999, 251]. На территории Мангупского городища фрагменты амфор этого типа обнаружены в археологическом контексте IV–VI вв. н. э., V в. н. э. и VI в. н. э. [*Иванова* 2013, 124].

А. В. Смокотина отмечает, что амфоры типа Зеест 96–97 во второй половине IV и V вв. н. э. являлись одним из наиболее массовых типов тары. Использовались они, предположительно, стационарно для хранения воды (возможно для ритуального омовения), зерна и других домашних припасов. Производство их, вероятно, прекращается ко второй четверти VI в. н. э. [*Смокотина* 2020, 520].

На городище «Белинское» в слое светлой золистой супеси и в заполнении связанных с ним строительных остатков фрагменты амфор типа 96–97 по И. Б. Зеест составляют вторую по численности группу. Следует отметить, что если в предшествующий период (слой жёлто-коричневого суглинка) до сих пор не было найдено ни одного обломка таких сосудов, то на заключительном этапе существования античного поселения они представлены повсеместно, где есть слой этого времени.

Тип LR IBI. Амфоры типа LR I (вариант LR IBI) производились с начала VI в. н. э. и наиболее массово встречаются в VI–VI I вв. н. э. [*Смокотина* 2020, 525]. Доля амфор этого типа среди находок на городище «Белинское» невелика, если рассматривать их суммарно со всем амфорным материалом из слоя светлой золистой супеси, однако подавляющее большинство находок приходится на конец третьего периода (найдены они в заполнении разрушенных построек (в том числе и с уровня пола) и в заполнении хозяйственных ям). Возможно, это обстоятельство косвенно указывает на то, что финальная стадия жизни античного поселения в северной части Аджиэльской балки совпадает по времени с появлением амфор типа LR IBI, т. е. не выходит за рамки первой четверти VI в. н. э.

Тип Антонова V (тип 98 по И. Б. Зеест). И. Б. Зеест ограничивала время бытования амфор этого типа IV в. н. э. [*Зеест* 1960, 120]. Современные исследователи датируют их в пределах второй четверти VI–VII вв. н. э., не исключая, впрочем, того, что они изготав-

ливались и немного ранее второй четверти VI в. н. э. [*Смокотина* 2020, 533]. На городище «Белинское» в 2020 г. крупный фрагмент нижней части амфоры этого типа был найден в заполнении ямы № 169 под вымосткой внутри помещения № 56. Ранее это помещение относилось нами ко второму периоду и рассматривалось как единое целое с круглым в плане помещением № 55 [*Зубарев, Ярцев, Смекалов* 2020, 111]. В свете новой находки эту датировку, по-видимому, следует пересмотреть.

Тип Антонова I (тип 103 по И. Б. Зеест, тип Внуков Кх ID2). Распространена довольно широкая датировка амфор этого типа – IV–VII вв. н. э. Более детальная их эволюционная типология пока не разработана [*Смокотина* 2020, 522]. На городище «Белинское» немногие фрагменты амфор этого типа представлены в основном обломками ручек из слоя светлой золистой супеси и из заполнения ям.

Амфоры с рифлением корпуса типа «набегающей волны». Данный тип амфор известен на ранневизантийских памятниках. Основное время их бытования приходится на VI–VII вв. н. э. [*Зинько, Пономарёв* 2009, 50]. А. В. Сазанов отмечает их в керамических комплексах Северного Причерноморья конца IV – первой половины V вв. н. э. [*Сазанов* 1999, 227–228], третьей четверти V в. н. э. [там же, 231], последней четверти V в. н. э. [там же, 237] и середины/последней четверти V – второй четверти VI вв. н. э. [там же, 251]. Немногочисленные фрагменты амфор этого типа на городище «Белинское» происходят из слоя светлой золистой супеси вне строительных остатков. Примечательно, что стенка такого сосуда была обнаружена на восточном участке городища, практически на материковой скале. Сверху этот слой был перекрыт тёмно-серой супесью, сформировавшейся в салтовский период.

Подведём некоторые итоги. Анализ амфорного материала из раскопок городища «Белинское» за период с 1996 по 2020 гг. позволяет говорить о нескольких ключевых моментах в его истории.

Первое событие связано со временем основания античного поселения. Находок, относящихся к этому периоду, крайне мало, что объясняется, как многочисленными более поздними перестройками, уничтожившими многие участки раннего времени, так и тем, что период освоения плато, на котором находится городище, вряд ли был одномоментным. Наличие фрагментов, время бытования которых включает I в. н. э. и их концентрация вблизи фундамента оборонительной стены, позволяют отнести начало постройки крепости, как минимум, к первой четверти II в. н. э. Эта дата подтверждается как данными, полученными по результатам анализа краснолаковой керамики [*Зубарев, Шапцев* 2014, 300], так и монетными находками [*Зубарев, Куликов* 2011, 175].

Активная застройка городища внутри периметра оборонительных стен (общая площадь около 10 га) продолжалась на протяжении всей первой половины II в. н. э., а, возможно, и дольше. Во всяком случае, в слое серо-коричневого суглинка, по большей части сформировавшегося в ходе этих строительных работ, доля фрагментов амфор типа С по Д. Б. Шелову, в сочетании с амфорами, время появления которых относится ко II в. н. э., является доминирующей. Любопытным добавлением к этому может стать время основания соседнего с городищем «Белинское» (по линии Узунларского вала) Новониколаевского городища (Савроматия). По результатам раскопок оно определяется второй половиной (последней четвертью?) II в. н. э. [*Масленников* 1998, 254]. Не одни ли

и те же строители занимались постройкой схожих по планировке опорных крепостей на сельской территории Боспора?

Второй вопрос связан с периодом наиболее интенсивной жизнедеятельности на городище «Белинское». Анализ амфорного материала показывает, что вплоть до катастрофических событий конца второго периода в истории городища, одна часть типологического набора амфор равномерно распределена по всем культурным отложениям этого времени, а другая (узкогорлые светлоглиняные амфоры гераклейского производства и амфоры типа «Делакеу») позволяет достаточно точно фиксировать происходившие изменения.

Во-первых, основная доля фрагментов амфор типа C по Д. Б. Шелову приходится на ранние культурные отложения, связанные со строительными работами начального этапа истории городища. В остальной части, особенно в финальной стадии первого периода, их доля невелика и, скорее всего, они должны рассматриваться как «примесь снизу».

Во-вторых, фрагменты амфор типа D по Д. Б. Шелову в равной степени присутствуют как в слое, связанном со следами первого разрушения, так и в слое последующего восстановительного периода. Особенно чётко это прослеживается в заполнении помещения 7 на северном участке городища. Слой пожара в нём не выбирался, и пол нового уровня был сформирован прямо на слое разрушения.

В-третьих, фрагменты амфор типа F по Д. Б. Шелову и амфоры типа «Делакеу» доминируют в культурных отложениях финальной стадии второго периода, формирование которых связано, в первую очередь, со следами второго, значительно более страшного по последствиям, разрушения. Отметим также, что из перечня находок на этом этапе полностью исчезают фрагменты амфор типа Зеест 90.

В-четвёртых, наличие смешанных переходных форм C/D и D/F позволяют говорить о непрерывности жизнедеятельности на поселении в первый и второй периоды, несмотря на разделяющий их период разрушения. Такой же вывод позволяет сделать анализ краснолаковой керамики [*Зубарев, Шапцев* 2014, 300].

Таким образом, опираясь на временные рамки бытования амфор типологического набора из раскопок городища, можно констатировать, что рубеж между первым и вторым периодами в истории античного городища приходится на середину/вторую половину III века. Конец второго периода следует отнести к IV в., в рамках которого возможно сочетание амфор типа F по Д. Б. Шелову и «Делакеу». Сопоставление данных анализа амфорного материала с другими результатами раскопок позволяет получить более узкие датировки.

Данные по некрополю городища «Белинское» и находка денария Рескупорида V (после 267 г.) у основания стены помещения первого строительного периода позволили отнести события рубежа первого и второго периодов к третьей четверти III в. н. э. [*Зубарев, Пономарёв, Ефимёнок* 2014, 258–259]. Это несколько расходится с данными радиоуглеродного анализа образцов древесного угля из ямы № 17 на северном участке раскопа (полученная дата 222±30 г.)[1]. С другой стороны, обстоятельства обнаружения

1 Анализ древесного угля проведён Л. Д. Сулержицким в лаборатории Института геологии РАН.

кусочков древесного угля при зачистке дна ямы делают весьма вероятным их попадание туда раньше её окончательного заполнения. Впрочем, и в том и в другом случае разрушения на городище следует связывать с варварскими походами середины/второй половины III в. н. э.

Восстановительные работы на городище осуществлялись в последней четверти этого века (наиболее ранний статер Фофорса, найденный на городище, датируется 288 г. н. э.) [там же, 259], что вполне согласуется с общей ситуацией на Боспоре.

Окончание второго периода можно сузить до конца первой четверти IV в. Аргументами в пользу этой даты служат:

– комплекс с монетами IV века из ямы № 7 на северном участке городища (заполнение ямы синхронно слою разрушения) [*Юрочкин, Зубарев* 2001, 465];

– комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок с восточного участка городища, где вместе с амфорами типа «Делакеу» был найден статер Рескупорида VI, датируемый 324/325 гг. [*Зубарев, Шапцев* 2016, 91];

– результаты радиоуглеродного анализа образцов древесного угля из слоя разрушения второго периода, указывающие на рубеж первой и второй четверти IV века[2].

Эта дата вполне согласуется с небольшим эпизодом повествования Зосима (Zosim, 11, 21), который, вероятно, стал причиной новой дестабилизации на Боспоре и привёл к гибели городища «Белинское» в финальной стадии второго периода в его истории [*Зубарев* 2002, 124].

События конца первой четверти IV в. стали значительно более катастрофичными для городища. Временной промежуток между концом второго и началом третьего периодов в истории поселения оказался намного длиннее и сопровождался, по-видимому, полным запустением. Об этом свидетельствует существенная разница между типологическим набором амфорных фрагментов второго и третьего периодов. Практически полностью исчезают характерные для ранних этапов формы, включая амфоры типа «Делакеу» и типа F по Д. Б. Шелову. Между тем, и тот и другой типы продолжали активно сосуществовать как минимум до конца IV в.

Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа E по Д. Б. Шелову, в свою очередь, с конца IV в. н. э. и в первой половине V в. н. э. должны пересекаться с амфорами типа «Делакеу», однако это пересечение на городище «Белинское» отсутствует. Амфоры типа E по Д. Б. Шелову являются доминирующим типом тарной посуды в рамках третьего периода, но относится это доминирование к его начальному этапу.

Подавляющее большинство фрагментов таких амфор найдено в зольниках и в заполнении ям вблизи них. На северном участке городища горло такой амфоры было обнаружено сразу под плитами вымостки третьего строительного периода. Можно предположить, что зольники, возникшие по периметру городища (на раскопе «Северный» они просто перекрывают остатки фундамента ранней оборонительной стены на протяжении всего исследованного участка), возникли в результате расчистки территории городища под последующее строительство.

2 Анализ древесного угля проведён Л. Д. Сулержицким в лаборатории Института геологии РАН

Наиболее вероятным временем этого процесса, на мой взгляд, следует считать первую половину V в. н. э., ближе к его середине. Именно с этим временем и нужно связывать большинство фрагментов амфор типа Е по Д. Б. Шелову, найденных на городище. Строительство было постепенным и продолжалось, как минимум, во второй половине V в. н. э. Аргументом в пользу этой версии служит обнаружение на восточном участке городища в засыпи ямы № 169 под вымосткой третьего строительного периода развала нижней части амфоры типа Антонова V. Учитывая время бытования этих амфор, обломки не могли попасть в яму ранее начала VI в. н. э.

Верхняя граница третьего периода в истории городища «Белинское» может быть установлена на основании «пересекаемости» амфор, представленных в наборе типологических типов, найденных в ходе раскопок в культурных отложениях, сформированных в процессе прекращения жизнедеятельности на поселении. Причины этого события пока установить не представляется возможным, так как следов внешнего воздействия не выявлено.

Наиболее поздним типом сосудов, связанным с этим временем и фрагментарно представленным среди находок с городища «Белинское», являются амфоры с рифлением корпуса типа «набегающей волны». Как уже говорилось, они присутствуют во многих керамических комплексах конца IV – второй четверти VI вв. н. э. При этом ни в одном из комплексов, отмеченных А. В. Сазановым [*Сазанов* 1999, 227–228, 237, 251], нет амфор типа «Carotte». Отсутствуют они и в амфорном материале городища «Белинское». Между тем амфоры этого типа широко присутствуют в сочетании с амфорами с рифлением корпуса типа «набегающей волны» в типологическом наборе фрагментов тары с поселения Зелёный мыс, расположенном в относительной близости от городища «Белинское», начиная со второй четверти VI в. н. э. [*Сазанов, Мокроусов* 1999, 176–177]. Логично предположить, что городище «Белинское» прекращает своё существование до этого времени.

Ещё один комплекс, включающий большинство типов амфор, отражающих заключительный этап в истории городища «Белинское», известен по раскопкам Тиритаки. Этот небольшой винный склад, состоящий из 9 амфор, включал амфоры типа Зеест 103, Антонова V, LR IBI и Зеест 99/TRC 4. Комплекс датируется в пределах второй четверти VI в. н. э. [*Зинько, Зинько* 2010, 178]. Обращает на себя внимание отсутствие в нём амфор типа Зеест 96/97, фрагменты которых составляют вторую по численности группу в рамках третьего периода в истории городища «Белинское». А. В. Смокотина, отмечая сокращение доли амфор Зеест 96/97 при одновременном увеличении доли амфор типа Антонова V и типа Зеест 99 в комплексах второй четверти VI в. н. э., делает вывод о прекращения производства амфор типа Зеест 96/97 к этому времени [*Смокотина* 2020, 520]. Таким образом, и в этом случае наиболее вероятным временем прекращения жизнедеятельности на городище «Белинское» следует считать конец первой/начало второй четверти VI в. н. э.

В целом скорректированную периодизацию истории городища «Белинское» в античное и ранневизантийское время с учётом анализа амфорного материала из раскопок 1996–2020 гг. можно представить следующим образом:

I период. Начало/первая половина II – середина/третья четверть III вв. н. э.

II период. Последняя четверть III – конец первой четверти IV вв. н. э.

III период. Первая половина/середина V – рубеж первой и второй четверти VI в. н. э.

С какими событиями можно соотнести приход совершенно нового населения на место погибшего в конце первой четверти IV в. н. э. городища, и каковы причины прекращения его жизнедеятельности к началу второй четверти VI в. – предмет отдельного исследования. Одной из версий может быть политика Юстиниана I, направленная на усиление византийского влияния в Крыму, восстановление византийской администрации на Боспоре и размещение там готов-федератов [*Айбабин* 1990, 68]. В этой связи интерес представляет и процесс христианизации населения. Возможно, стоит пересмотреть отнесение обнаруженной на городище и некрополе христианской символики и найденного фрагмента просфорного штампа к салтовскому периоду [*Майко, Зубарев, Ярцев* 2016, 320–326]. Более вероятной кажется версия о присутствии христиан среди жителей городища «Белинское» в ранневизантийский период.



Список литературы

А*брамов* А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М., 4–135.

Айбабин А. И. 1990. Илурат. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I, 5–166.

Б*ёттгер* Б., *Шелов* Д. Б. 1998. Дипинти на амфорах из Танаиса // Pontus Septentrionalis I. Tanais 1, M., 238, ил.

В*нуков* С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 235.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб, 320.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 187.

Зинько В. Н., *Зинько* А. В. 2019. Амфорный склад из раскопок ранневизантийской Тиритаки // МАИЭТ. XXIV, 173–185.

Зинько В. Н., *Пономарёв* Л. Ю. 2009. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы VIII–X вв. Т. I (БИ. Supplementum 5), 328.

Зубарев В. Г. 2000. Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996–1999 годах) // ДБ. 3, 63–77.

Зубарев В. Г. 2002. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // ДБ. 5, 120–132.

Зубарев В. Г. 2005. Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское») // БИ. X, 80–89.

Зубарев В. Г., *Куликов* А. В. 2011. Монетные находки с городища «Белинское» // ДБ. 15, 173–188.

Зубарев В. Г., *Пономарёв* Л. Ю., *Ефимёнок* В. А. 2014. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // БИ. XXX, 248–269.

Зубарев В. Г., *Седых* Е. Е. 2013. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н. э. // БИ. XXVIII, 250–274.

Зубарев В. Г., *Шапцев* М. С. 2014. Краснолаковая керамика из раскопок городища «Белинское» // История и археология Крыма. I. Симферополь, 289–306.

Зубарев В. Г., *Шапцев* М. С. 2016. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища «Белинское» // БИ. XXXII, 86–106.

Зубарев В. Г., *Ярцев* С. В. 2013. Новое поселение эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму // Таврійські студії. Історичні науки. 1. Симферополь, 60–64.

Зубарев В. Г., *Ярцев* С. В. 2019. Новый памятник каменного века в урочище Аджиэль в Восточном Крыму // ПИФК. 4, 321–345.

Зубарев В. Г., *Ярцев* С. В., *Смекалов* С. Л. 2020. Особенности планировки и основные этапы освоения восточного участка городища «Белинское» // БИ. XL, 109–139.

И*ванова* О. С. 2013. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху. Симферополь–Бахчисарай, 93–154.

М*агомедов* Б. В. 2006. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим. Киев, 52–59.

Майко В. В., *Зубарев* В. Г., *Ярцев* С. В. 2016. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 20, 320–329.

Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены: Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 299.

С*азанов* А. В. 1999. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. н. э. // ПИФК. VII, 224–277.

Сазанов А. В. 2011. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии позднеримского времени // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Сб. трудов конференции. Т. I. СПб. – М. – Великий Новгород, 325–327.

Сазанов А. В. 2012. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 – Bottger I.5) // ДБ. 16, 326–353.

Сазанов А. В., *Мокроусов* С. В. 1999. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зелёный мыс (Восточный Крым) // ПИФК. VII, 167–223.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников* А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора (БИ. Supplementum 1). Симферополь, 320.

Смокотина А. В. 2020. Амфоры позднеримского и ранневизантийского времени // Зинько В. Н., Зинько А. В., Пономарёв Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Археологические комплексы второй половины III–VII вв. Т. III (БИ. Supplementum??), 509–618.

Х*рапунов* И. Н. 2016. Поселение в Барабановской балке (II–IV вв. н. э.). Симферополь, 132.

Ш*аров* О. В. 2005. О времени появления амфор типа Делакеу // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 290–297.

Шаров О. В. 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римским импортом. СПб, 208.

Шелов Д. Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 351.

Шелов Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 156, 16–21.

Ю*рочкин* В. Ю., *Зубарев* В. Г. 2001. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища «Белинское» // ДБ. 4, 454–473.



Summary

V. G. Zubarev

On the dating of Ancient and Early Byzantine strata at the Belinskoye settlement in the Eastern Crimea

The article deals with the amphora material from the excavations of 1996–2020 at the Belinskoye settlement in the Eastern Crimea. The purpose of the article is to correct the previously proposed chronological scheme of settlement development in the Ancient and Early Byzantine periods. According to the place of discovery, the fragments of profiled parts of amphorae (1688 fragments) are divided by the author into three groups corresponding to three periods in the history of the settlement. Within each group, the dominant types of amphorae have been identified and the dating of all amphorae fragments has been compared. In the end the paper has confirmed the chronological framework of the first two periods (early/first half 2nd – the middle/third quarter of the 3rd centuries BC and the second quarter 3rd – the end of the first quarter of 4th centuries BC) and established the continuity of the development of the settlement at this stage. The chronological framework of the third period has been significantly adjusted. After the destruction of the settlement at the end of the first quarter of the 4th century AD, new settlers do not appear here until the first half/middle of the 5th century AD. The end of the third period is determined by the boundary of the first and second quarters of the 4th century AD. There is no continuity with the earlier settlement.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.199-213

А. О. Иваник, В. Ю. Кононов
(ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», г. Симферополь)

Раскопки кургана «Капканы Северный I»

Расширение масштабов новостроечных работ в Крыму приводит к открытию большого числа ранее неизвестных археологических объектов или качественному доследованию уже изученных (по какой-то причине ранее не до конца) памятников. Пример последнего – курган «Капканы Северный I», попавший в зону строительства автомобильной дороги по ул. Гаспринского в г. Керчь. Несомненно, он принадлежит к числу интереснейших погребальных комплексов Европейского Боспора, материалы изучения которого представляются нам приоритетными для введения в научный оборот[1].

Курган «Капканы Северный 1» (рис. 1–5) находился в 293 м к северу от дома № 41 по улице Провалова и в 490 м к северо-западу от дома № 21 по улице Отвальной. На момент начала работ он представлял собой довольно крупную грунтово-каменную насыпь площадью 2826 м^2, высота которой с отвалами доходила до 3,5 м, а диаметр – от 40 до 70 м. По южной поле кургана проходила действующая грунтовая дорога. Поверхность была задернована, в верхней части насыпи зафиксирована оплывшая грабительская яма размерами 2×1,5 м и глубиной 0,5 м. В осыпях её просматривался бутовый камень. В пределах курганной насыпи с востока прослеживались разрушения 1951 г., связанные с выборкой грунта для строительства железной дороги Порт Крым–Керчь.

В пределах курганной насыпи были зафиксированы и полностью исследованы каменная крепида и каменный кольцевой кромлех, остатки центрального разрушенного погребения, 8 впускных погребений[2] и 2 тризны.

Основываясь на анализе погребального инвентаря из впускных погребений можно предположить, что подзахоронения в курган проводились в три этапа. К наиболее раннему этапу относятся погребения № 2 и 3. Так же, как и центральное погребение, они были совершены в IV до н. э. по обряду кремации на месте. Второй этап представля-

[1] Раскопки памятника проводились сотрудниками ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» в 2020 г. под руководством авторов данной статьи.

[2] Описание этих комплексов и находок из них будут опубликованы в серии последующих работ

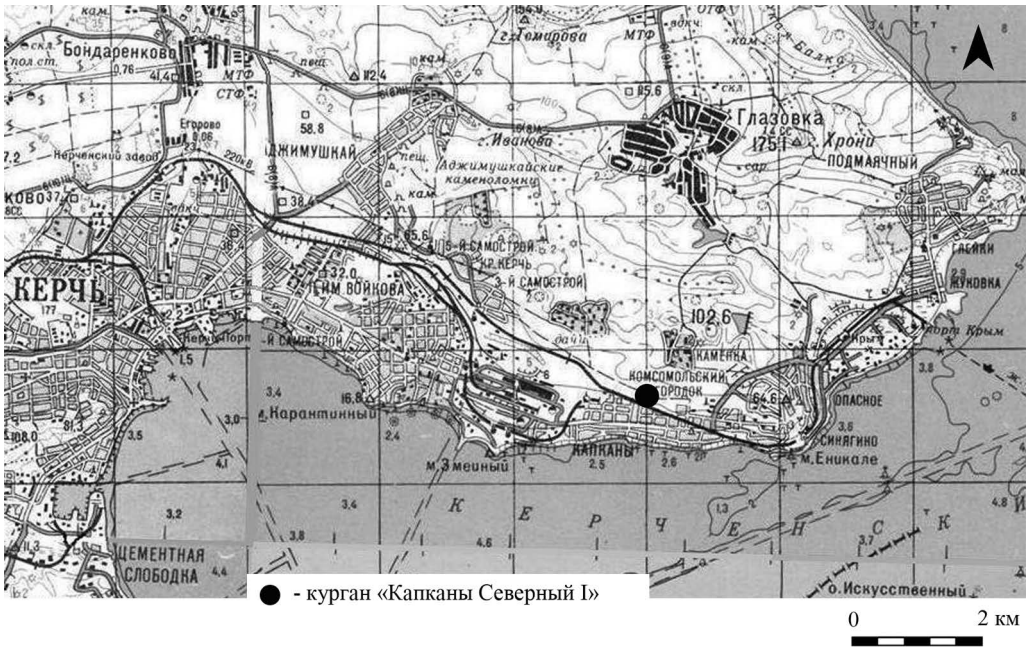


Рис. 1. Место проведения работ на фрагменте карты г. Керчь



Рис. 2. Курган «Капканы Северный I» до начала работ, вид с запада



Рис. 3. То же, вид с юга



Рис. 4. Остатки каменной крепиды, вид с запада

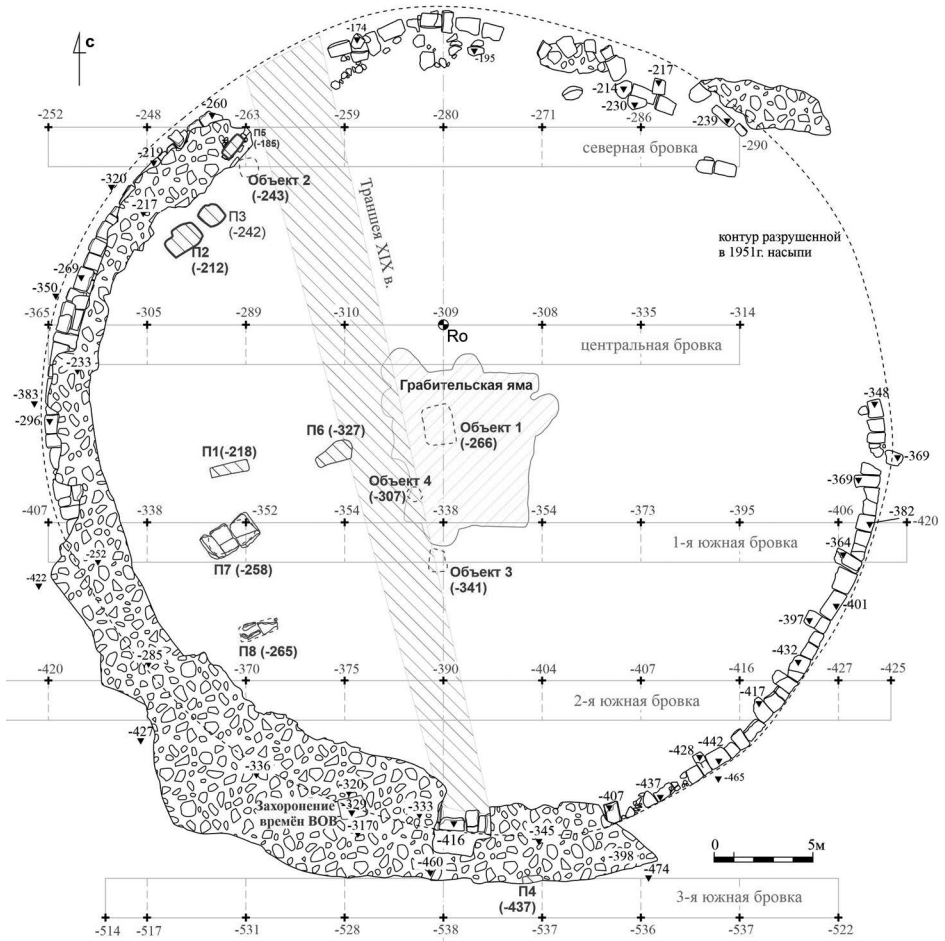


Рис. 5. Сводный план объектов и погребений, остатков крепиды с отметками на уровне материка

ет детское погребение в плитовой могиле (№ 5), датируемое пределах II в. до н. э. К самому позднему периоду функционирования кургана принадлежат четыре погребения (№ 1, 6–8), совершенные в I–II вв. н. э. по обряду ингумации в грунтовых ямах. В трех из них были зафиксированы остатки деревянных саркофагов.

Еще одно погребение в пределах исследуемого комплекса (№ 4) было обнаружено по фрагментам костей человека у юго-восточной полы кургана в слое переотложенного грунта с камнями каменной крепиды. Вероятно, они попали туда при разрушениях 1951 г. Погребальный инвентарь отсутствовал, датировка не ясна[3].

Для фиксации стратиграфии насыпи кургана были оставлены 6 бровок, располагавшиеся через 10 м, и ориентированные по линии запад – восток. Описание стратиграфии приведено по центральной бровке, как наиболее информативной (рис. 6). Бровка располагалась в северной части современного контура, в 5 м к северу от центра первоначальной (древней) насыпи. Длина разреза 35 м, высота в центральной части 3,09 м, в восточной – 0,40 м, в западной – 1,13 м. В разрезе прослежены следующие (сверху вниз) слои:

– *дерново-гумусный слой* (черно-коричневый, гумусированый суглинок) залегал по всей поверхности разреза. Толщина слоя 20–30 см.

– *переотложенный слой* (мешаный суглинок с камнем и мусором) фиксировался в восточной и центральной части по всей высоте разреза и впущен в материк до 0,30 м. Прослеженная в разрезе длина 18 м, высота – до 2,80 м. Это перекоп и отвалы 1951 г., а также сквозной траншеи XIX в., пересекавшей насыпь кургана по линии север – юг с небольшим отклонением к западу.

– *остатки собственно курганной насыпи* (серо-коричневый суглинок), прослеженные в западной части разреза, длиной до 17,80 м и толщиной до 1,68 м, а также в виде небольшой прослойки с внешней стороны каменного кромлеха. Слой в западной части упирается в кромлех и перекрыт дерном.

– *остатки каменной крепиды* (плотное скопление средних и небольших необработанных камней в серо-коричневом суглинке) шириной до 1 м и толщиной до 0,20 м. Прослежены в западной части разреза под слоем дерна и перекрывали каменный кромлех.

– *каменный кромлех,* зафиксированный в западной части разреза в 18,80 м от Ro, был сложен из крупных обработанных известняковых блоков и заглублен в материк до 0,20 м. Высота кромлеха в разрезе достигает 0,73 м, ширина 0,80 м.

– *погребенная почва* (тёмно-серый суглинок) была прослежена в сохранившейся части кургана под слоем насыпи. С внутренней и внешней сторон кромлеха этот слой не зафиксирован (по всей видимости, удалён в древности при сооружении насыпи). Прослеженная длина в разрезе до 11,80 м, толщина – до 0,17 м.

– *материк* (глина с включением карбонатных частиц) залегал по всей длине разреза. В центральной и восточной его части он прорезан траншеей XIX в. и разрушениями 1951 г. глубиной до 0,50 м.

[3] Кроме того, в южной поле курганной насыпи было обнаружено захоронение советских воинов периода Великой Отечественной войны, которое было зафиксировано и эксгумировано представителями поискового отряда г. Керчь.

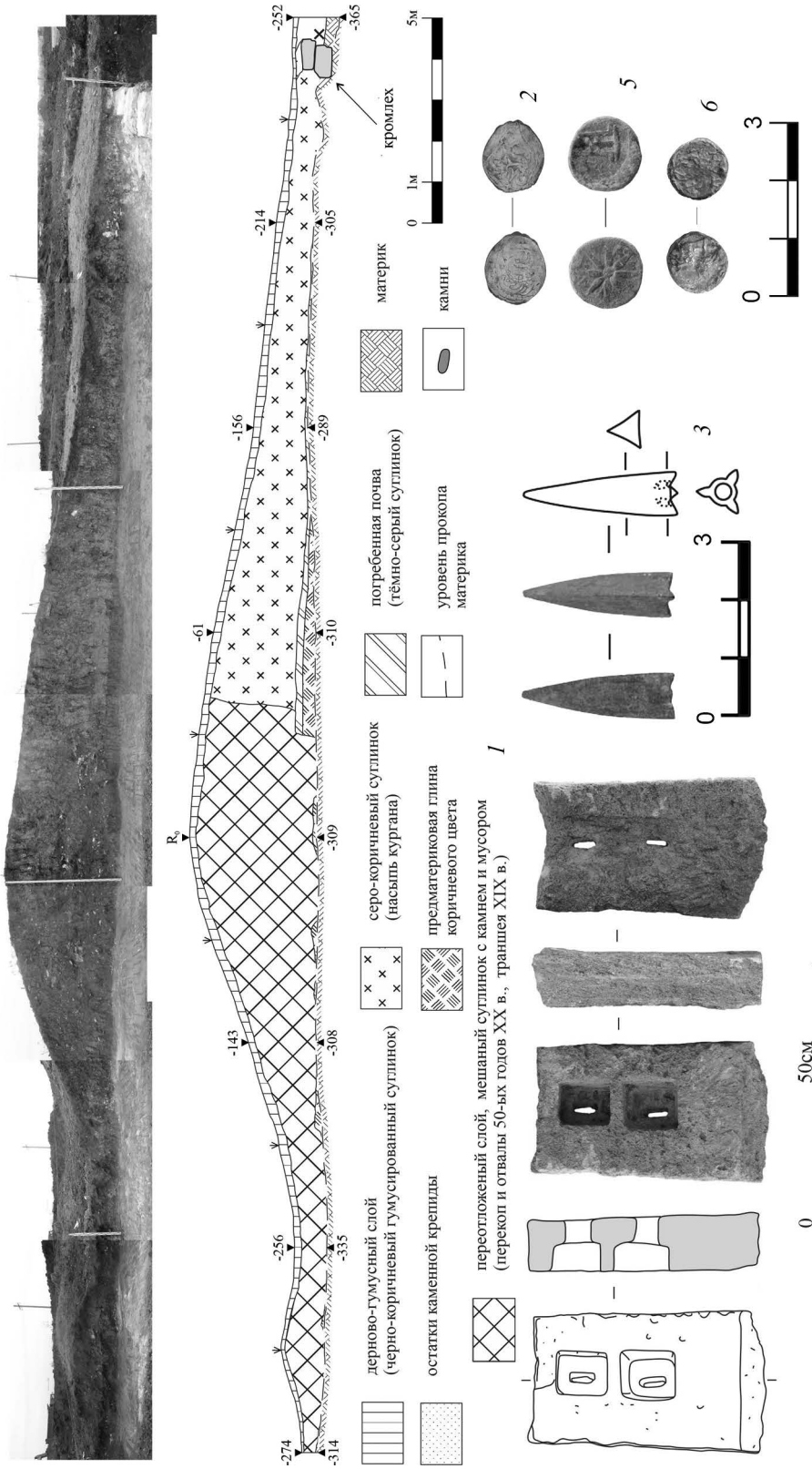


Рис. 6. *1* – стратиграфический разрез насыпи; *2–4* – находки из насыпи

Всего из грунта насыпи и отвалов прежних разрушений было получено 745 находок, из которых 9 фрагментов – кости животных и 4 – кости человека.

Небольшую часть находок из насыпи можно отнести к Новому времени (всего 10). Единственной информативной находкой этого периода является монета белого металла – акче Мухамеда I Гирея 1517 г. чеканки (рис. 6. *2*). Остальные – непрофильные фрагменты красноглиняной керамики и горлышко стеклянного сосуда. Средние века представлены фрагментом ручки амфоры «Причерноморского типа» VIII–X вв. Все это случайный материал, попавший в насыпь при её разрушении.

Большая часть археологического материала относится к античному периоду (IV в. до н. э. – II в. н. э.) и представлена 627 фрагментами амфор, 20 обломками красноглиняных столовых сосудов, 2 – сероглиняных сосудов и 68 – чернолаковой посуды. Находки V в. до н. э. единичны, и, вероятно, появились вместе с грунтом при возведении насыпи. Отметим трехгранный бронзовый наконечник стрелы со скрытой втулкой, датируемый в пределах второй половины IV–III вв. до н. э. (рис. 6. *3*), каменный алтарь-эсхару прямоугольной формы с двумя прямоугольными сквозными фигурными отверстиями (рис. 6. *4*), а также медные монеты: дихалк Митридата VI Евпатора (по Анохину [1986, № 203], 90–80-е гг. до н. э.) (рис. 6. *5*) и тетрахалк (по Анохину [1986, № 158], 180–170 гг. до н. э.) (рис. 6. *6*).

Остатки каменной крепиды (рис. 4, 5), состоявшей из мелкого и среднего камня (светлый, желто-серый известняк-ракушечник), сохранились в западной и юго-западной части насыпи в длину до 25,2 м, в ширину до 9,60 м и толщину до 0,74 м. В западной части он находился под слоем отвалов и перекрывал каменный кромлех.

Повсеместно прослеживалось ее сползание в юго-западном направлении, что, по всей видимости, было связано с сейсмическими процессами, последствия которых зафиксированы и на каменных блоках кромлеха. Можно с уверенностью полагать, что в древности поверхность кургана от каменного кромлеха до вершины была укреплена каменной наброской (крепидой), предотвращавшей оползание грунта за пределы кромлеха. Большая часть крепиды была уничтожена траншеей и перекопами XIX в., а также строительными работами в 1951 г.

При расчистке каменной крепиды было найдено 3 обломка красноглиняной античной черепицы, 120 фрагментов амфор, 31 фрагмент столовых сосудов, 8 – чернолаковых сосудов и 1 один – кости животного. Все находки относятся к вышеупомянутому античному времени (IV в. до н. э. – II в. н. э.).

Каменный кромлех (рис. 7; 8) располагался по всему периметру грунтовой насыпи за исключением северо-восточной части, где его камни отсутствовали из-за разрушений 1951 г. Кроме того, участок крепиды в северной части был сильно разрушен траншеей XIX в. и в 1951 г.

В восточной и юго-восточной части кромлех сохранился на высоту до одного ряда. На поверхности некоторых прослеживались следы воздействия строительной техники (экскаватор) всё того же времени.

Судя по наиболее сохранившейся части (западный и юго-западный сектора), а также по расположению камней в разрушенных и потревоженных секторах кургана, кромлех был почти круглым в плане, диаметром 42,4×41,4 м (слегка вытянут по линии:



Рис. 7. Общий вид после снятия насыпи, вид с запада



Рис. 8. Наиболее сохранные участки кромлеха

запад восток). Сохранившаяся высота кладки в непотревоженной части – до трех рядов (до 1,6 м), причем нижний ряд составляют камни со следами частичной обработки (соприкасающиеся поверхности сглажены и зашлифованы). Этот ряд являются своего рода фундаментом. Второй и третий ряды состояли из тщательно обработанных блоков (возможно, во вторичном использовании), украшенных рустом на внешней (фасовой) поверхности.

Все блоки в кромлехе подпрямоугольной формы, изготовлены из светлого, желто-серого известняка-ракушечника. Некоторые из них имели размеры 1,15×0,65×0,40; 1,32×0,70×0,35 м; и т. п. и весили около 600–800 кг.

Кладка однорядная (в ширину) орфостатная, с чередованием тычковых и ложковых рядов[4]. Высота рядов не одинаковая, встречаются уступы между вертикальными рядами (не исключены: проседание и сейсмическая деформация). В нижнем ряду чередование тычковых и ложковых блоков идет через один – в западной части, и через два-четыре – в восточной, причем ложковые блоки гораздо крупнее. Такое расположение блоков объясняется общим уклоном древней поверхности к юго-западу, и, как следствие, эта сторона испытывала наибольшее давление грунта насыпи. Тычковые блоки выступают из внутреннего фаса в сторону центра кургана и, по всей видимости, образуют сейсмический (подпорный) пояс, предназначенный для укрепления кладки и его связывания с насыпью. Находок в заполнении между камнями не обнаружено.

Грабительская яма-перекоп (рис. 9) в центре кургана была обнаружена по подпрямоугольному пятну перемешанного грунта на уровне древней погребенной почвы. Стенки неровные, местами наклонные, местами вертикальные. Дно неровное с углублениями и шурфами-ямами. Общие размеры ямы-перекопа: длина 7,72 м, ширина 7,28 м, глубина от прослеженного края до дна около 1,5 м. Заполнение состояло из грунта насыпи с камнями крепиды и комками материковой глины.

Перекоп состоял из трех разновременных траншей (мин, тоннелей?), на дне которых располагались грабительские шурфы-ямы № 1 и 2.

Грабительская траншея № 1 находилась в северной части ямы и пересекала её по линии запад-восток. Прослеженная длина 8,94 м, ширина до 1,64 м, глубина до 1,50 м. Дно наклонное, понижается от краев к центру.

Грабительская траншея № 2 пересекала яму по линии север–юго-запад. Прослеженная длина 9,68 м, ширина до 1,70 м, глубина до 1,50 м. Дно наклонное, понижается от краев к центру. На пересечении траншей 1 и 2 находился грабительский шурф (яма 1).

Грабительская траншея № 3 находилась в северо-западной части ямы и пересекала её от центра к северо-западному углу. Прослеженная длина траншеи 7,84 м, ширина до 1,92 м, глубина до 1,50 м. Дно наклонное, понижается от СВ к центру и заканчивается грабительским шурфом (яма 2).

К западу от ямы № 2 на уровне материка прослежен грабительский перекоп аморфных очертаний размером 3,48×4,40 м с неровными стенками и дном (с перепадами до 0,20 м). По всей видимости, данный перекоп, совершенный в древности (ограбление?), и разрушил центральное погребение.

[4] Описание кладок дано по: [*Крыжицкий* 1981, 35–41].

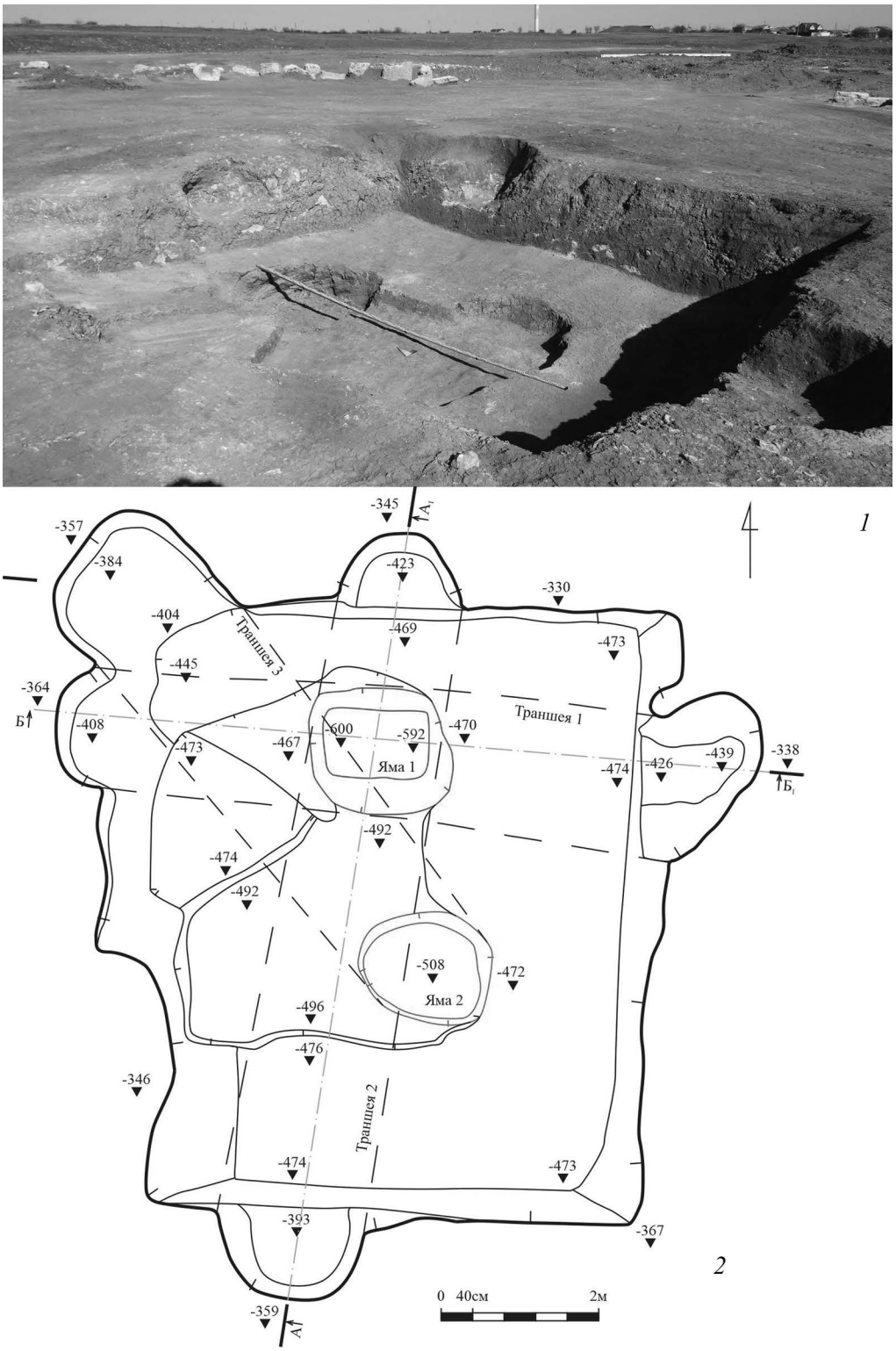


Рис. 9. Грабительская яма в центре: *1* – вид с юго-запада; *2* – план

Центральное погребение (рис. 10) представляло собой кремацию, совершенную на уровне древней погребенной почвы в центре кургана (кромлеха). Остатки пятна кремации зафиксированы по западному и южному краю описанного перекопа. Это слой прокаленного грунта толщиной до 5 см с мелкими пятнами золы и древесных углей. Края пятна наклонные, со следами оползания в сторону грабительского перекопа, который, вероятно, долгое время был не засыпан. Прослеженные размеры остатков пятна кремации в западной части – 4,24×2,0 м, в южной – 3,04×1,24 м. Остатков человеческих костей и погребального инвентаря не обнаружено.

В заполнении грабительского перекопа были сделаны следующие находки:

На уровне древней погребенной почвы были найдены фрагменты верхних частей нескольких амфор (рис. 11. *1*, *2*). Одна из которых – фасосская (№ 1) относится к второй-третьей четверти IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 274, табл. 44]. А также – фрагмент горла клейменой гераклейской амфоры (рис. 11. *3*). Несмотря на плохую сохранность оттиска, можно предположить, что он аналогичен штампу, датируемому концом 350-х гг. до н. э., из коллекции Керченского музея [*Федосеев* 2016, 200, кат. № 1868].

В придонной части ямы, впущенной в материк, обнаружено 255 обломков амфор, среди которых, стоит выделить фрагмент такого же гераклейского клейма, еще худшей сохранности (рис. 11. *4*). Кроме того, в заполнении было найдено два непрофильных фрагмента красноглиняных столовых сосудов и антропоморфное каменное надгробие (рис. 11. *5*), обнаруженное в придонной части западного края грабительской траншеи № 1.

Помимо впускных погребений под насыпью кургана были выявлены и исследованы тризны – объекты, вероятно, связанные с центральным погребением или погребениями № 2 и 3.

Тризна 1 (объект № 2), была обнаружена в северо-западной части насыпи кургана на уровне погребенной почвы и представляла собой две верхние части амфор, стоявших вертикально в небольшой ямке, слегка заглубленной в погребенную почву (контур не читался). Устье амфоры № 1 было перекрыто каменной плиткой (рис. 12). Видимо, горла амфор были использованы в качестве эсхар. Хиосская амфора (№ 1) датируется в пределах первой – третьей четвертей IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 241–242, табл. 11, 12], а амфора с грибовидным венцом (№ 2) имеет более широкий период бытования: IV в. до н. э. [*Dupont* 1983, 1–2, 19–45].

Тризна 2 (объект № 4) обнаружена в центральной части насыпи, у юго-западной границы грабительского перекопа центрального погребения на краю траншеи XIX в. Она представляла собой скопление обломков верхней части мендейской амфоры середины – третьей четверти IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 294, табл. 64], лежавшей на боку, устьем на юго-запад (рис. 13).

Подводя итоги нашей публикации на данном этапе изучения полученных материалов, можно считать, что курган «Капканы Северный I» – неординарная, весьма солидная постройка – был возведен в середине IV в. до н. э. и продолжал использоваться для захоронений до II в. н. э. В дальнейшем предполагается более подробный и тщательный анализ всех находок и строительных остатков и их интерпретация.

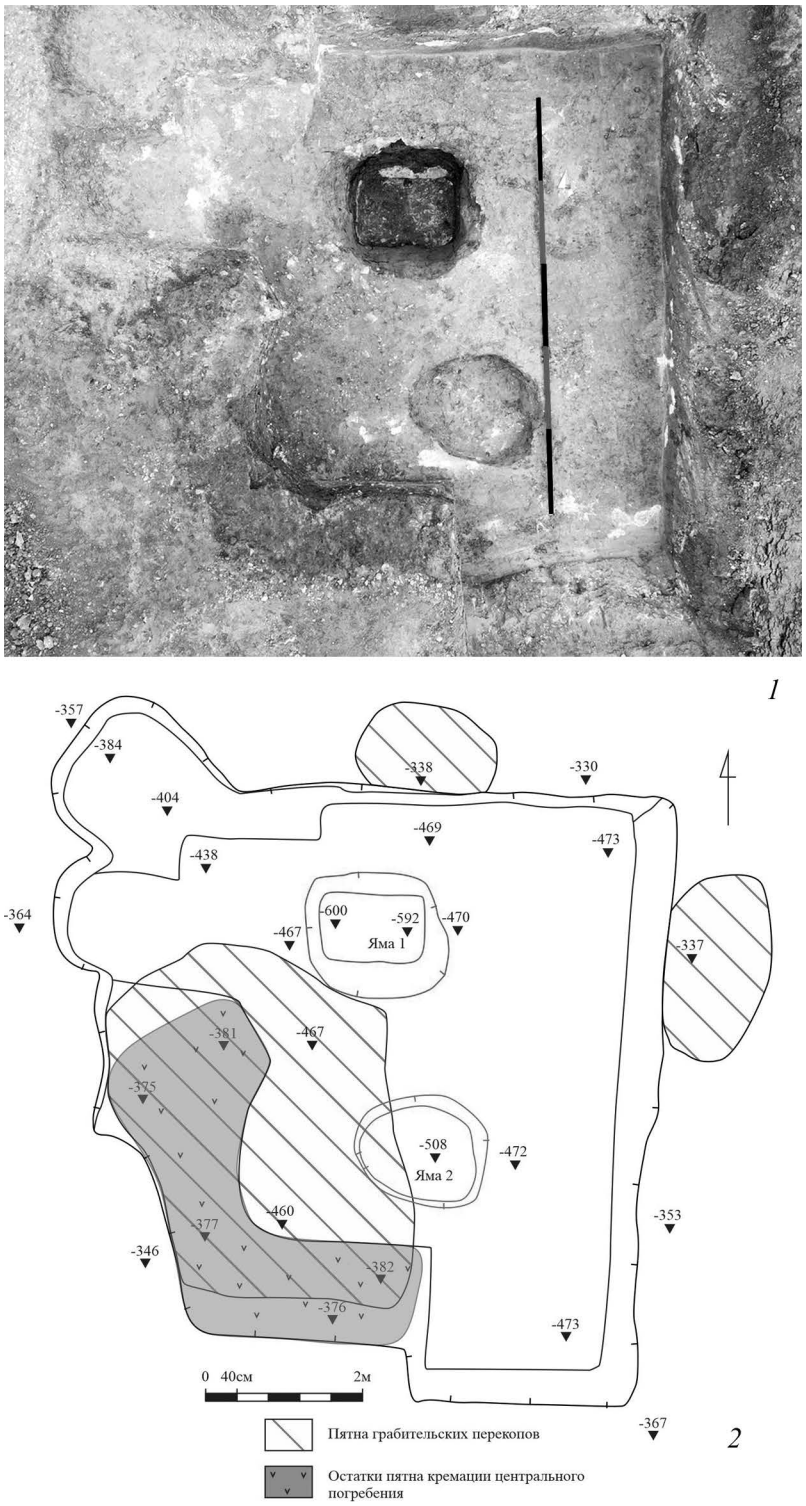


Рис. 10. Остатки центрального погребения с грабительскими перекопами:
1 – вид с юга; *2* – план

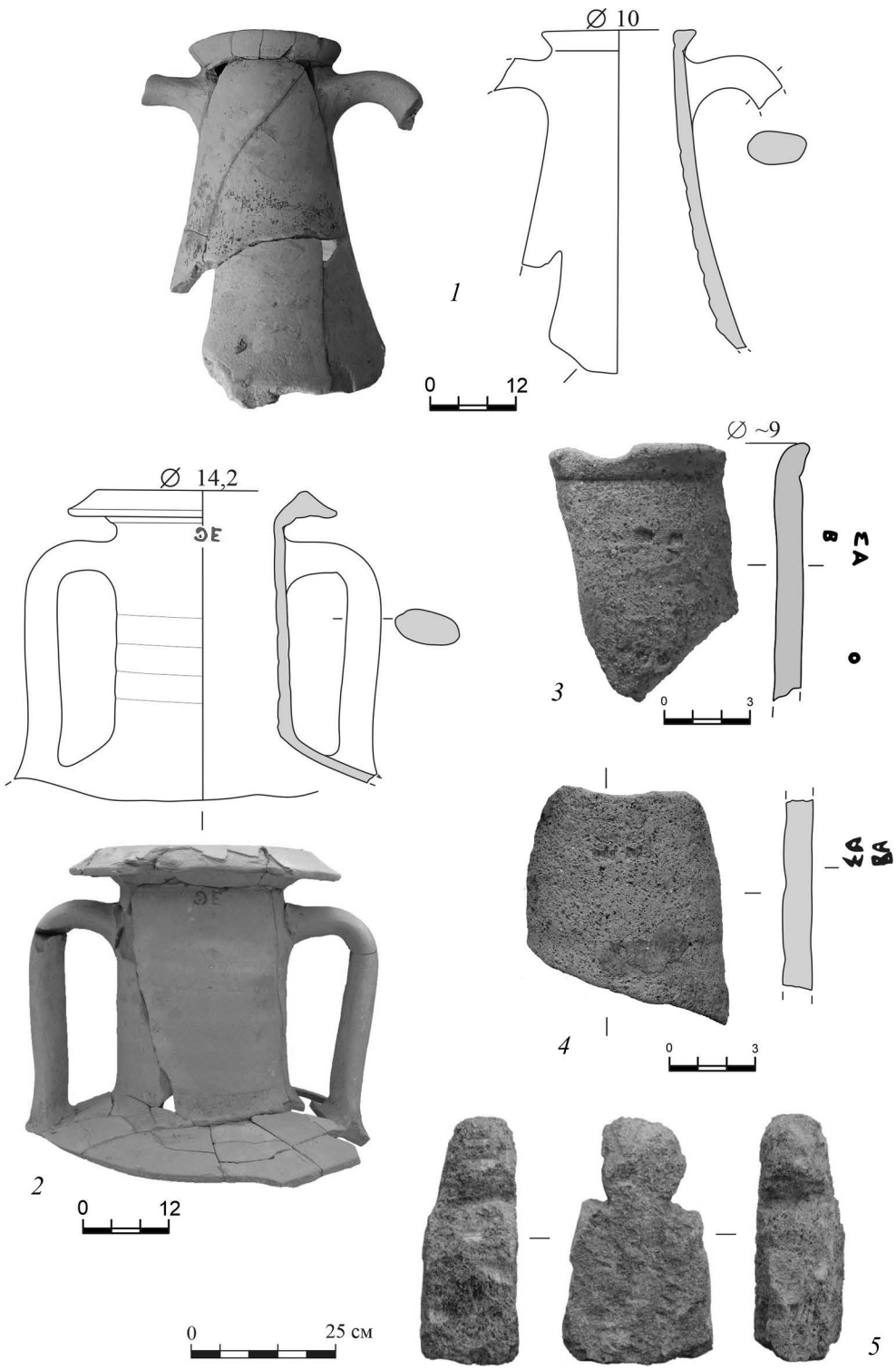


Рис. 11. Находки из заполнения грабительской ямы в центре кургана

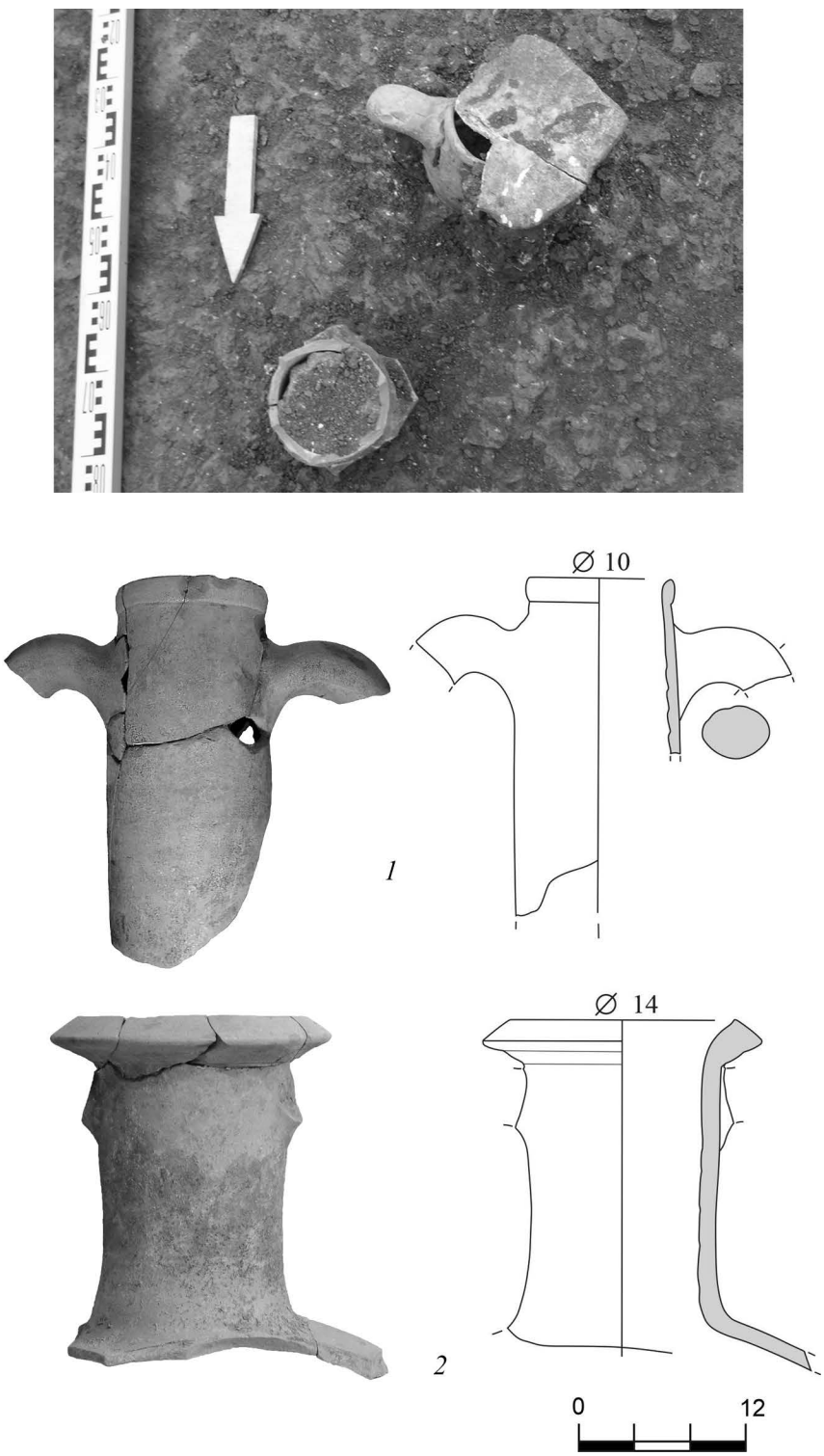


Рис. 12. Тризна № 1, находки из заполнения: *1* – горло хиосской амфоры; *2* – горло красно-глиняной амфоры

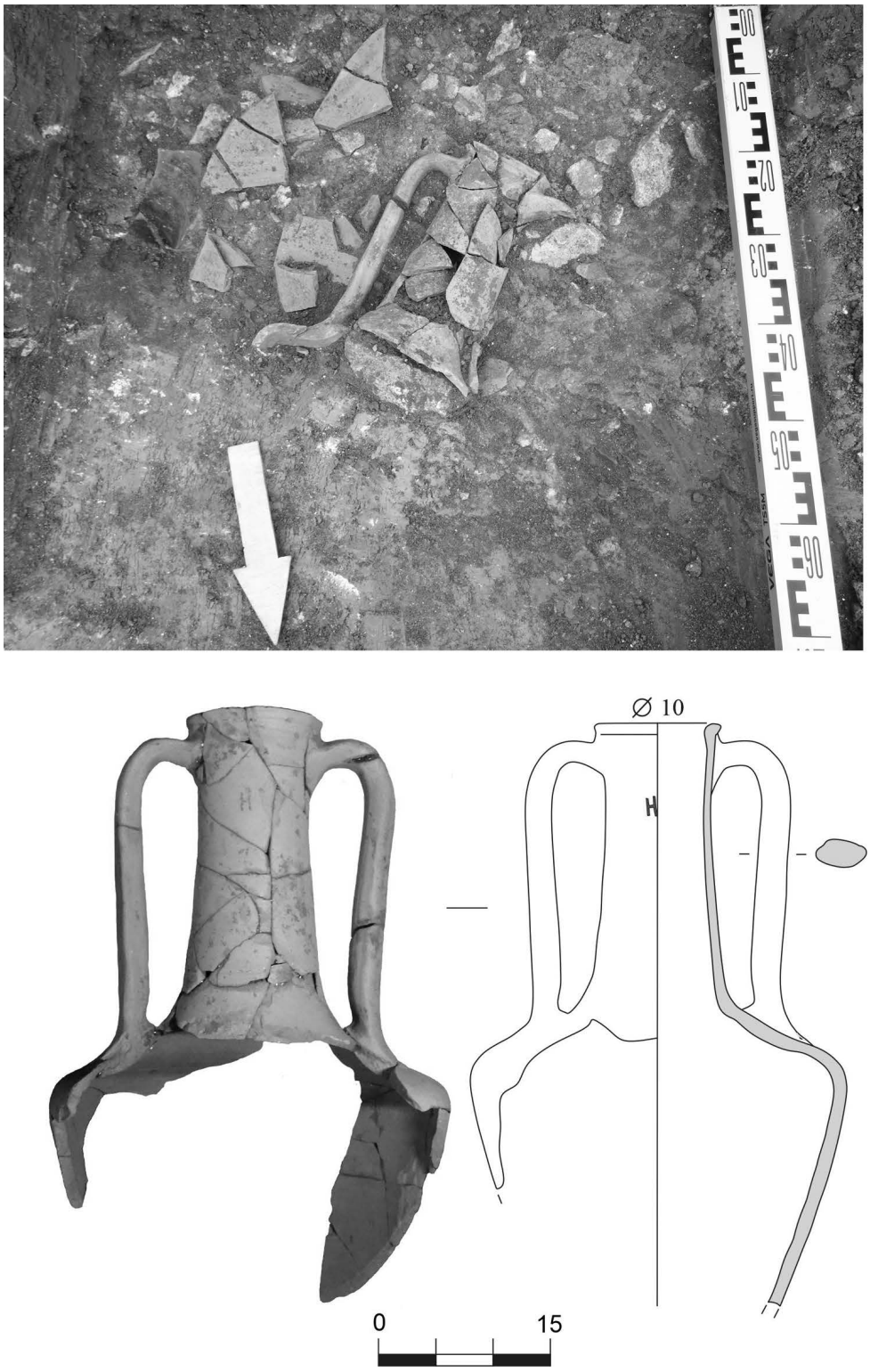


Рис. 13. Тризна № 2, верхняя часть мендейской амфоры



Список литературы

А*нохин* В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 184, 40 табл.

К*рыжицкий* С. Д. 1981. О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // КСИА. 168, 35–41.

М*онахов* С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва–Саратов, 352.

Ф*едосеев* Н. Ф. 2016. Керамические клейма. Т. 2. Гераклея Понтийская. Керчь, 320.

D*upont* P. 1983. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros // Dacia. XXVII, 17–43.



Summary

A. O. Ivanik, V. U. Kononov
Archaeological digs burial mound "Kapkany Severnyy I"

The article first releases the materials from archaeological digs of the "Kapkany Severnyy I" burial mound situated in an auto-road construction zone on Gasprinsky Street (Kerch, Crimea). The research was provided by the Crimean Regional Archaeological Research Center team in 2020. The paper presents data on the mound's structure and its basic constructive features (such as barrow mound, crepidoma and cromlech). The secondary burials are mentioned briefly while the primary burial performed in the second half of the IV century B.C. according to a cremation funeral rite and completely destroyed later by robbers' dug-overs and a XIX century A.D. cross-ditch is exposed more closely. Two funeral feasts sites associated with the primary burial are also released. The paper introduces the major datable finds recovered from the presented burial complex.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.214-224

А. А. Иванов*, В. Г. Черненко**
(НАО «Наследие Кубани», г. Краснодар;*
*** Государственный Исторический музей, г. Москва)*

Бронзовые перстни с изображениями из раскопок поселения «Усадьба “Виноградник”» в 2014 г.

Металлические перстни с изображениями на щитках, наряду с греко-римскими и восточными геммами, являются достаточно значимым и информативным источником для изучения широкого круга проблем этнокультурной, политической и социально-экономической истории античных городов Северного Причерноморья. В частности, они позволяют уточнить или дополнить наши знания о политических и торговых контактах, магических практиках и религиозных представлениях жителей античной ойкумены. Поэтому публикация новых находок, относящихся к этой категории древностей, остается весьма актуальной задачей. Данная работа посвящена серии из трех бронзовых перстней, обнаруженных в ходе археологических раскопок поселения эллинистического времени «Усадьба “Виноградник”», расположенного к югу от с. Варваровка, г-к. Анапы.

Но прежде следует обратить внимание на то, что аналогии к изображениям на металлических щитках перстней встречаются не только среди предметов, относящихся к данной категории украшений, но и на резных камнях – инталиях и камеях, а также среди литых стеклянных гемм, получивших не меньшее распространение. Часто металлические перстни рассматриваются отдельно, однако сходство иконографии изображений и назначения изделий позволяют анализировать все указанные произведения античных мастеров как единый массив источников, что в свою очередь даёт возможность расширить круг привлекаемых аналогий.

Также необходимо отметить, что металлические перстни с изображениями на щитках уже неоднократно привлекали внимание исследователей и являются достаточно хорошо изученной категорией древностей. В 80-х годах прошлого века О. Я. Неверовым была разработана классификация античных металлических перстней [*Неверов* 1986]. Кроме этого, специалистами предпринимались попытки локализации центров производства, осуществлялась публикация каталогов из собраний музеев и частных коллекций, а также отдельных находок [*Финогенова* 2001; *Неверов* 1974; 1984; *Boardman* 1970; *Щербакова* 2000; *Арсентьева*, *Горская* 2019; *Античное собрание семьи Карисаловых* 2019]. Находкам бронзовых перстней с изображениями на щитках, сделанным в 1950–1970-х

годах прошлого века в ходе раскопок могильника Горгиппии и памятников её округи, также была посвящена отдельная работа М. Ю. Трейстера [*Трейстер* 1982]. В совокупности, всё это создает достаточно надежную методическую и фактологическую базу, применимую при публикации новых материалов.

Итак, в 2014–2015 гг. экспедицией НАО «Наследие Кубани» были проведены раскопки поселения Усадьба "Виноградник". Памятник расположен на территории города-курорта Анапы Краснодарского края в 1,1 км к югу от юго-восточной окраины села Варваровка, на мысовой площадке, образованной южным склоном безымянной балки, прилегающей к западному склону горы Шусева. Эти раскопки имели характер охранно-спасательных работ, осуществлявшихся в зоне строительства приморского участка газопровода «Южный поток» и были сосредоточены соответственно годам на двух участках памятника. В ходе исследований был выявлен участок застройки поселения эллинистического времени, а результаты этих работ уже частично введены в научный оборот [*Иванов* 2016; *Жупанин, Иванов, Куликова* 2018]. Была получена выразительная коллекция, включавшая многочисленные нумизматические материалы, разнообразную керамику, бытовые предметы, орудия труда и т. д. Особого внимания заслуживает упомянутая серия бронзовых перстней с изображениями на щитках, обнаруженных в 2014 г.

Прежде всего, рассмотрим уже ранее опубликованный бронзовый литой перстень (№ 57 по полевой описи) [*Иванов* 2016, 250, рис. 7. *7*]. Он был обнаружен в заполнении помещения 2, возле очага в его юго-западном углу. Шинка перстня округлой формы, в поперечном сечении овальная, сужается к центру. Плоский щиток овальный, с вырезанным изображением стоящей крылатой фигуры влево. В правой руке – зажженный факел, направленный вниз, а в левой, отведенной за спину, – длинный узкий предмет, напоминающий посох с загнутым концом (рис. 1, *1*). Согласно первичной классификации О. Я. Неверова описанный перстень близок к IV типу I группы перстней-печаток с резьбой на щитке. Характерными особенностями данного типа являются овальный или округлый щиток, мягко переходящий в шинку. Этот тип традиционно принято датировать IV в. до н. э., хотя появляется он еще в 40-е годы V в. до н. э. [*Неверов* 1986, 20–21].

Первоначально автором раскопок изображение было атрибутировано как фигура Гермеса с опущенным вниз факелом. Однако для его иконографии крылья за спиной не характерны. Как известно, по воздуху бог перемещался при помощи *таларий* – крылатых сандалий [*Скржинская* 2012, 70]. Есть основания полагать, что перед нами одно из изображений крылатого бога Амура-Эрота с факелом (Амура Лампафора). Схожая иконография наблюдается у оттиснутого изображения с геммы на пирамидальном грузиле (рис. 2. *1*), обнаруженном в ходе работ на Раскопе 5 поселения Голубицкая 2 в слое второй половины VI – начала V вв. до н. э. Изображение интерпретируется как фигура Эрота. Несмотря на неясность деталей изображения в оттиске, поза и размещение крыльев аналогичны изображению на перстне: Эрот держит одну руку выставленной перед собой, а вторую – чуть согнутой у пояса. В вытянутой руке, опущенный вниз длинный предмет [*Журавлёв, Батасова, Кудряшова*,2017, 73–80, 78–79, рис. 5. *1*].

Изображения Эрота в античном мире были многочисленны и разнообразны. Несмотря на то, что широкое распространение мотива приходится на первые века до н. э., когда мастера-камнерезы создают как отдельные изображения божества с атрибутами,

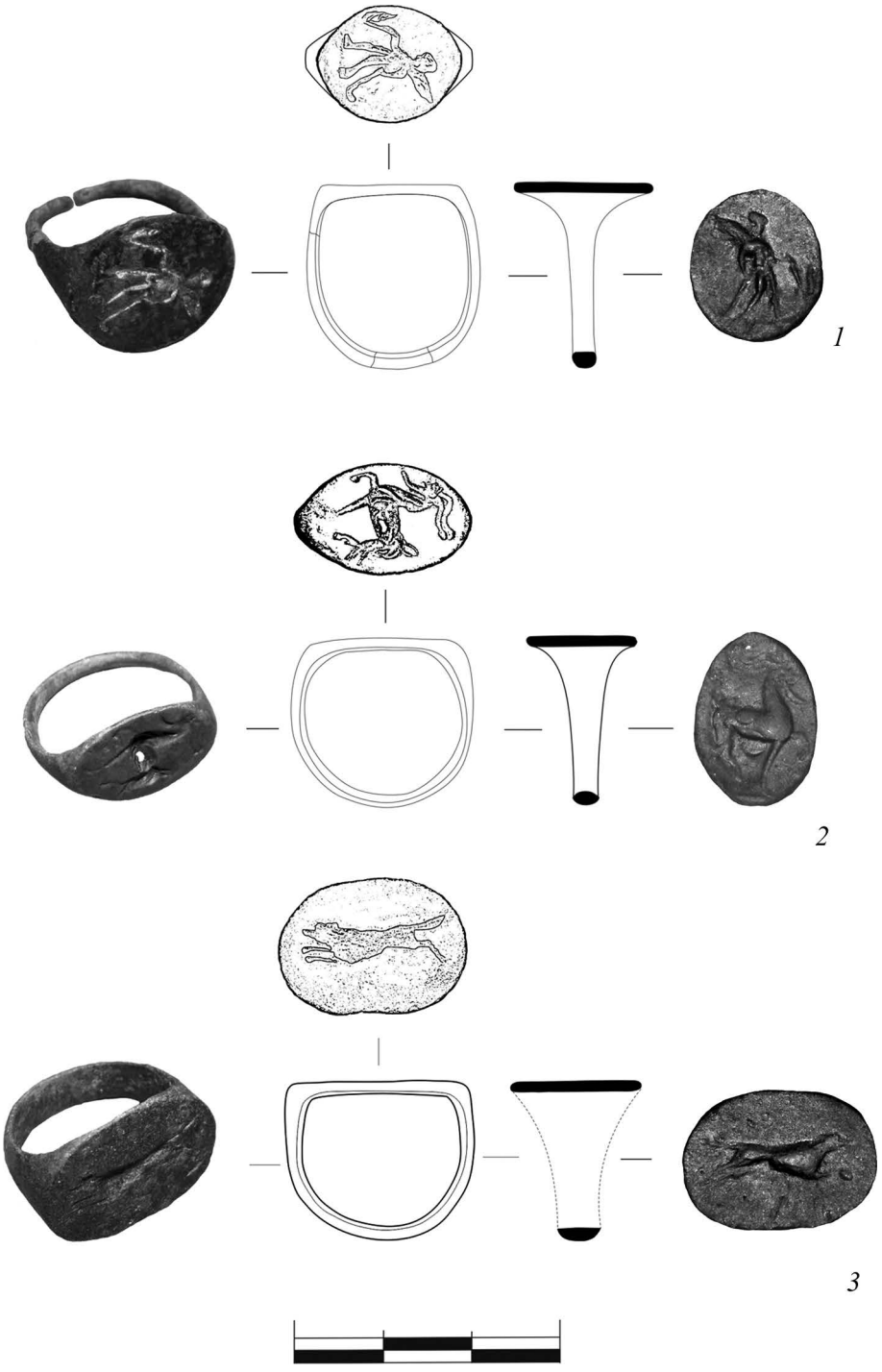


Рис. 1. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из раскопок поселения «Усадьба «Виноградник» (фото предмета, прорисовка, фото оттиска). *1* – перстень из Помещения 2, п.о. 57; *2* – перстень из квадрата Б7, п.о. 39; *3* – перстень из квадрата А5, п.о. 100

так и целые композиции: Эрот с бабочкой, в маске, Эрот-всадник и пр. [*Неверов* 1971, табл. 11, 22–24, 28, 30, 33, 34, 46–51], ещё к IV в. до н. э. относится перстень с изображением богини Афродиты, играющей с Эротом [*Неверов* 1986, 20]. Одним из традиционных сопутствующих предметов в иконографии Эрота является факел; часто его можно видеть в сценах, где присутствует возлюбленная божества – Психея [*Скржинская* 2012, 97]. Сцены, в которых Эрот и Психея мучают друг друга с помощью факела, приобрели известность в конце III в. до н. э. не только в Греции, но и на территории Северного Причерноморья. М. В. Скржинская упоминает ряд предметов с подобными изображениями, в том числе золотой перстень с гранатовой вставкой рубежа I в. до – I в. н. э. из Тирамбы, подчеркивая, что жителями Боспора подобные сюжеты были особенно любимы и встречаются даже чаще, чем изображения Эрота с луком и стрелами [*Скржинская* 2012, 97–98]. Атрибутом Эрота факел становится со второй половины IV в. до н. э.; известно много отдельных изображений божества с ним, в том числе и происходящих из раскопок поселений Северного Причерноморья [*Гущина, Журавлев* 2016, 62–63].

Итак, вероятно, на перстне, обнаруженном на поселении Усадьба "Виноградник", действительно изображен Эрот с факелом. Однако нуждается в уточнении предмет во второй руке. Как писалось выше, он напоминает посох. Один из известных иконографических типов представляет Эрот с театральной маской в вытянутой руке и посохом – *педумом*. В качестве примеров можно упомянуть золотой перстень с яшмовой вставкой II в. н. э. из Аквилеи (рис. 2. *2*) [*Spier* 1992, 133, № 360] и серебряный – конца II в. н. э., обнаруженный в ходе раскопок поселения Муккинг в южном Эссексе (рис. 2. *3*) [*Lucy, Evans* 2016, 107–108].

Для нас важно, что *педум* – ещё один атрибут, традиционный для иконографии древнегреческого бога любви. Любопытно, что пастуший посох чаще встречается в изображениях Диониса-Вакха и его свиты, в частности сатиров. Примером может служить инталия I–II вв. из Халмириса (рис. 2. *4*), поселения в северо-восточной части провинции Нижняя Мёзия [*Nuțu* 2017, 142].

Известно, что Эроты входят в круг образов, связанных с культом плодородия и Диониса. В глиптике встречаются мотивы изображений Эрота, играющего с маской пожилого сатира или гроздью винограда [*Lucy, Evans* 2016, 108]. По одной из версий, опущенный или потушенный факел символизировал не только угасшую любовь, но и смерть, намекая на хтонические функции божества и связь с погребальным культом [*Сапрыкин* 2009, 200–201]. Если посох в данном контексте рассматривать в качестве символа плодородия и перерождения, то перстень с изображением Эрота мог служить амулетом-оберегом, сопутствующим владельцу не только при жизни, но и после смерти.

В 2014 году при раскопках усадьбы были найдены ещё два бронзовых перстня с изображениями. Первый из новонайденных перстней (№ 39 по полевой описи) был обнаружен в южной части раскопа, в слое к северу от северной стены помещения 5. Он имеет шинку округлой формы (2,1×2,0 см), которая сужается сразу у основания щитка; в поперечном сечении она линзовидная. Щиток перстня вытянуто-овальной формы с плоской поверхностью размером 1,9×1,2 см. Форма щитка и шинки позволяет отнести этот бронзовый перстень к III типу (вариант В) по классификации О. Я. Неверова. Они появляются в середине – третьей четверти V в. до н. э. и бытуют до начала IV в. до н. э. [*Неверов* 1986, 19–20]. На щитке помещено изображение стоящего копытного животного

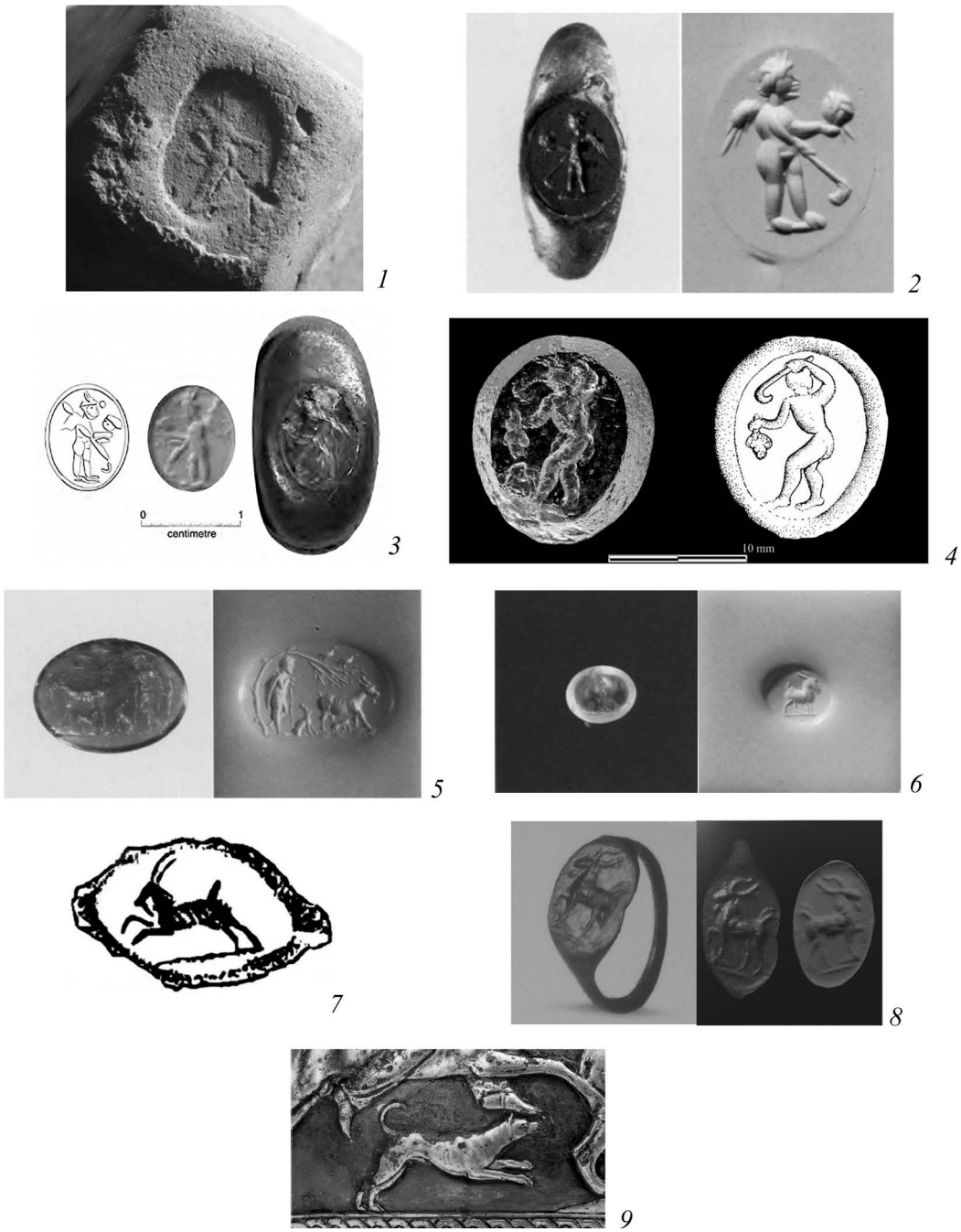


Рис. 2. Аналогии изображениям на перстнях из раскопок поселения «Усадьба “Виноградник”». *1* – оттиск на грузиле из поселения Голубицкая 2; *2* – перстень с геммой из Аквилеи; *3* – перстень с геммой из поселения Муккинг; *4* – инталия из поселения Халмирис; *5, 6* – изображения козла на геммах из Римских провинций в Малой Азии и Тунисе; *7* – изображение козла на перстне из Широкой балки; *8* – перстень с изображением козла из собрания семьи Карисаловых; *9* – изображение бегущей собаки на серебряном сосуде из кургана Солоха

с приподнятой передней ногой. Характерными чертами иконографии являются два загнутых назад рога и борода (козёл) (рис. 1. *2*).

Среди хорошо сохранившихся более поздних изделий глиптики встречаются схожие изображения козла [*Spier* 1992, табл. 114, 290, 117, 301]. Например, на геммах I в. н. э., происходящих из Римских провинций в Малой Азии и Северной Африки (рис. 2. *5*, *6*).

Изображения козла на предметах с территории Северного и Северо-Западного Причерноморья появляются достаточно рано. При раскопках некрополя в районе Широкой Балки (территория Ольвии) в 1993 г. был обнаружен бронзовый перстень «с козлом» (рис. 2. *7*), который на основе «стремявидной» формы щитка был датирован не позже середины – третьей четверти V в. до н. э. [*Островерхов, Папанова* 2009, 117–118]. Авторы соответствующей публикации отмечали, что изображения животных широко распространены на античных перстнях, а образы птиц, копытных и хищников (хтонических существ) соотносятся с трехчленной моделью мира [там же, 119]. Наиболее близкая аналогия нашему перстню (по основным морфологическим признакам и иконографии изображения) приводится в одном из изданий ГМИИ им. А. С. Пушкина. Этот перстень с изображением стоящего козла с приподнятой передней ногой (рис. 2. *8*) датируется V–IV вв. до н. э. [*Античное собрание семьи Карисаловых* 2019, 97].

Козёл в античную эпоху имел отношение к культам целого ряда божеств. В вазописи известны изображения богини Афродиты Пандемос верхом на козле[1]. Культ этой богини был одним из наиболее популярных на Боспоре и в Херсонесе, причем, во всех случаях козёл выступает в качестве её спутника [*Шауб* 1998, 54; *Скржинская* 2006, 331]. Предметы с изображениями богини, её атрибутов и спутников достаточно часто помещали и в погребения [*Шауб* 1998, 56].

Конечно, чаще козла изображали в сценах, связанных с Дионисом[2] или его спутниками – менадами, сатирами и панами [*Spier* 1992154, № 428]. С конца VI в. до н. э. в Северное Причерноморье, в частности, в Ольвию и Пантикапей, проникают вазы с дионисийскими сюжетами, где присутствуют козлы [*Скржинская* 2006, 331]. В Херсонесе культ Диониса известен по памятникам с III в. до н. э. Изображения козла встречаются и в коропластике. Более того, исследователи отмечают, что порода козлов с широкими отогнутыми назад рогами была, вообще, распространена в этом регионе [*Пятышева* 1963, 27].

Завершает наш обзор третий бронзовый литой перстень (оп. № 100), обнаруженный в южной части раскопа, в культурном слое, к северу от внешней стены помещения 6. Перстень массивный, щиток уплощенно-овальной формы с плоской поверхностью. Шинка перстня округлых очертаний, широкая, в сечении полуовальная. С внутренней стороны стенка шинки плоская, с внешней – скругленная. Размер щитка 2,5×1,8 см, размеры шинки 2,5×2,2 см, в сечение 0,6×0,2 см. Массивные бронзовые перстни с широкой уплощенной шинкой составляют самую многочисленную группу металлических перстней на территории Северного Причерноморья и относятся к эпохе эллинизма (VII тип по классификации О. Я. Неверова) [*Неверов* 1986, 19–20]. Важно отметить, что

[1] [Digital LIMC [Электронный ресурс]: Digital LIMC, DaSCH, 2020. URL: https://weblimc.org/page/monument/2095831 (дата обращения: 24. 12. 2020)].

[2] [Digital LIMC [Электронный ресурс]: Digital LIMC, DaSCH, 2020. URL: https://weblimc.org/page/monument/2107057 (дата обращения: 24. 12. 2020)].

рассматриваемый перстень не имеет характерных «плечиков» и его щиток сразу переходит в шинку. На щитке выгравировано изображение бегущего животного, предположительно, гончей собаки (рис. 1. *3*).

Собака всегда играла немалую роль в мифологии многих народов вплоть до представления человеческих душ в виде хтонических собак [*Лосев* 1996, 52]. Исследователями отмечалось, что изображения собак на щитках перстней часто встречаются, начиная с эпохи эллинизма и вплоть до позднеримского времени [*Щербакова* 1980, 98–99]. Однако известны и более ранние примеры, происходящие из раскопок скифских памятников [*Копылов*, 2015, 21–24]. С конца IV в. в погребениях на территории Северного Причерноморья встречается большое количество разных вариаций изображений данного животного на зеркалах, бляшках, топорах и пр., а также в виде фигурок [*Синика* 2006, 58–59].

В качестве аналогии сюжету нашего перстня приведем позолоченный серебряный сосуд IV в. до н. э. из кургана Солоха, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г. На его поверхности представлены сцены фантастической охоты скифов [*Алексеев* 2012, 150–151]. На одной из них изображены два молодых всадника-скифа, которые в сопровождении собак загоняют льва. На другой – охота ведется на мифическое существо, рогатую львицу. Поза одной из собак аналогична помещённой на перстне (рис. 2. *9*). Это даёт основания полагать, что и тут мы видим собаку во время охоты. Так как мастер был ограничен поверхностью изделия, изображение обычно содержит ключевые элементы иконографии, делающие его узнаваемым. В данном случае это чаще всего поза животного в прыжке или беге. Сцены охоты на изделиях глиптики и торевтики, вероятно, пользовались большим спросом.

Сюжет охоты на упомянутом сосуде исследователи интерпретируют различно. По одной из версий, это аллегория борьбы «мира живых» с «миром мертвых» или часть ритуала в честь Великой богини [*Алексеев* 2012, 150–151, рис. 156]. С Великой матерью богов отождествлялась греческая Артемида, чей культ в разных ипостасях был хорошо известен в Северном Причерноморье [*Шауб* 1999, 207]. Изображения богини-охотницы широко представлены на античных геммах, перстнях, в виде оттисков перстней на грузилах и пр. [*Беспалый* 1992, 177, рис. 2; *Скржинская* 2010, 66–71]. Самостоятельные изображения бегущей собаки ряд исследователей также относит к культу Артемиды. Среди подобных изделий можно упомянуть перстень из некрополя Фанагории (по сопутствующему инвентарю он датируется не позднее II в. до н. э.) [*Финогенова* 2001, 167, рис. 7] и из Херсонеса (II–III в. н. э.) [*Щербакова* 1980, 98–99, рис. 3. *11*]. Культ этой богини, наравне с культами Кибелы и Деметры, отождествляемых с Богиней-Матерью, получил распространение и в Горгиппии, начиная с середины IV в. до н. э. [*Алексеева* 1997, 231–232]. Возможно, более поздние геммы повторяют мотивы, получившие распространение в эпоху классики и эллинизма на металлических перстнях и иных изделиях торевтики. Собака в представлении жителей Северного Причерноморья, особенно варваров, была спутником и помощником как при жизни, так и после смерти. Она также входила в круг образов, связанных с высшим женским божеством у кочевников и Артемидой у греков.

Как было сказано, бронзовый перстень с изображением собаки из Усадьбы "Виноградник" можно отнести к VII типу металлических перстней, и среди аналогичных изделий наибольшую группу составляют так называемые «птолемеевские перстни» [*Неверов* 1986, 19–20], поскольку на их щитках древние мастера нередко помещали портреты

представителей египетской династии [*Неверов* 1974, 111–115]. Большая часть перстней, обнаруженных в ходе раскопок поселений и некрополей Северного Причерноморья, начиная с V в. до н. э., считается предметами египетского импорта. Не исключение и перстни, обнаруженные на территории Горгиппии [*Трейстер* 1985, 130; *Трейстер* 1982, 69] и её округи [*Алексеева*, 1997, 32–34]. С IV в. до н. э. этот город входит в состав Боспорского царства, вовлеченного в хлебную торговлю с Египтом [*Ладынин* 2007, 243–244]. На многих из привезённых оттуда перстней встречаются аналогии изображениям на монетах и иных изделиях, обнаруженных в Северном Причерноморье [*Финогенова* 2001, 167]. Видимо, имели место и местные подражания египетским изделиям [*Трейстер*, 1982, 76]. Можно предположить, что и рассматриваемый перстень «с собакой» был изготовлен горгиппийскими мастерами в III–II вв. до н. э.

Говоря о датировке публикуемых находок, должно обратить внимание на следующее обстоятельство. Несмотря на давнюю и весьма обширную историографию вопроса, металлические перстни античной эпохи остаются весьма сложной и неоднозначной категорией металлических изделий, далеко не всегда удобной для разработки классификационных и хронологических схем. А. А. Завойкин, анализируя перстни, обнаруженные при раскопках святилища «Береговой 4» отмечает: «… говоря о формах перстней и хронологических их определениях, стоит сослаться на справедливое замечание Дж. Бордмана, что этот материал с трудом поддается жесткой хронологической классификации из-за значительной локальной вариативности и распределение перстней по типам, иной раз вызывает затруднения. В действительности классификация дает возможность лишь оценить основные тенденции в изменениях форм перстней» [*Завойкин* 2017, 235]. Таким образом, не будет преувеличением утверждение, что бронзовые перстни, как категория археологического материала, характеризуются весьма «широкими» датировками, обусловленными длительным периодом их бытования. Тем не менее, с учетом корректировки, предпринятой на основе иконографических данных, можно предположить, что датировка публикуемых бронзовых перстней в целом не противоречит общей хронологии памятника, на котором они были обнаружены, то есть конца IV – первой половины II вв. до н. э. [*Иванов* 2016, 258].

И наконец, в качестве заключения хотелось бы сделать ещё одно, важное на наш взгляд, замечание. В составе коллекции, сформированной в результате раскопок этого объекта, предметы, которые можно было бы отнести к категории украшений, крайне немногочисленны. Упомянем лишь фрагмент бронзового браслета, найденного при расчистке заполнения одной из хозяйственных ям. Вероятно, это не является случайным. Исследователи неоднократно отмечали, что перстень с врезным изображением, кроме всего прочего, часто являлся личной печатью для маркировки вещей и документов, подчеркивал статус владельца [*Арсентьева* 2019, 9]. О. Я. Неверов отмечал, что «… личная печать нужна была каждому гражданину, так как своим отпечатком она сохраняла личную собственность» [*Неверов* 1984, 239]. Учитывая более скромную и менее выразительную материальную культуру сельских поселений, факт обнаружения на таком памятнике серии из трёх перстней-печатей, к тому же в совокупности с многочисленными нумизматическими материалами (63 монеты, составляющих почти треть от общего числа индивидуальных находок), несомненно, обращает на себя внимание.

Как известно, в указанный период, т. е. начиная с IV в. до н. э., хора Горгиппии активно развивалась и расширялась [*Алексеева* 1997, 149–150], и упомянутые находки можно рассматривать в качестве ещё одного индикатора этого процесса.



Список литературы

А*лексеев* А. Ю. 2012. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб, 272.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.

Античное собрание семьи Карисаловых. 2019. Авт. текстов: П. А. Никулин, С. Х. Садекова, О. В. Тугушева. М., 168.

Арсентьева Е. И., *Горская* О. В. 2019. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. СПб, 196.

Б*еспалый* Е. И. 1992. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1, 175–192.

Г*ущина* И. И., *Журавлёв* Д. В. 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2-х частях. Ч. 1. (Труды ГИМ. 205). М., 272.

Ж*упанин О. Ф., Иванов* А. А., *Куликова* О. П. 2018. Постройка эллинистического времени на поселении «Усадьба Виноградник» // ДБ. 22, 40–53.

Журавлёв Д. В., *Батасова* А. В., *Кудряшова* А. И. 2017. Исследования на поселении Голубицкая-2 в 2013–2016 гг. // Таврические студии. 12. Симферополь, 73–80.

З*авойкин* А. А. 2017. Металлические украшения и другие предметы из металла в святилище Деметры и Коры (Береговой 4») // КСИА. 249, 231–249.

И*ванов* А. А. 2016. Охранно-спасательные исследования поселения эллинистического времени «Усадьба «Виноградник» в 2014 г. // ДБ. 20, 241–259.

К*опылов* В. П. 2015. Греческие перстни с изображениями из памятников скифского времени устьевой области р. Танаис // Виноградовские чтения. Материалы международной научно-практической конференции (11 апреля 2015 г.). Армавир, 20–28.

Л*адынин* И. А. 2007. Еще раз о перстнях птолемеевского типа из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. 11, 235–252.

Лосев А. Ф. 1996. Мифология греков и римлян. М., 975.

Н*еверов* О. Я. 1971. Античные камеи в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 95.

Неверов О. Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1, 41–43.

Неверов О. Я. 1984. Металлические перстни и печати. Античные государства Северного Причерноморья // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М., 239–240.

Неверов О. Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика. Л., 17–28.

О*строверхов* А. С., *Папанова* В. А. 2009. Новые материалы к корпусу ольвийской глиптики раннеантичного времени // Старожитности Степового Причорномор'я і Криму. XV. Запоріжжя, 117–122.

П*ятышева* Н. В. 1963. Глиняная таблетка с изображением козлов (к вопросу о характере культа Диониса) // Сообщения Херсонесского музея. 3, 25–30.

С*апрыкин* С. Ю. 2009. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М. –Тула, 426.

Синика В. С. 2006. О культе собаки у скифского населения Северного Причерноморья в VI–II вв. до н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Сб. статей по материалам XI Международной научной конф. Ростов-на-Дону, 58–59.

Скржинская М. В. 2006. Животные – спутники и атрибуты богов в античных государствах Северного Причерноморья (Спеціальні історичні дисципліни: питаннння теорії та методики. 13). Київ, 322.

Скржинская М. В. 2010. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб, 464.

Скржинская М. В. 2012. Мифы о богах в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья // БИ. XXVI, 59–167.

Т*рейстер* М. Ю. 1982. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 3, 67–76.

Трейстер М. Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1, 126–139.

Ф*иногенова* С. И. 2001. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2, 164–167.

Ш*ауб* И. Ю. 1998. О культе Афродиты на Боспоре // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб, 54–57.

Шауб И. Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 3, 207–223.

Щ*ербакова* В. С. 1980. Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса // Античная древность и средние века. 17. Свердловск, 94–103.

Щербакова В. С. 2000. Бронзовые перстни-печати херсонесского производства II–III вв. н. э. // Археологія. 3, 49–55.

B*oardman* J. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. L., 480.

D*igital LIMC* [Электронный ресурс]: Digital LIMC, DaSCH, 2020. URL: https://weblimc.org/page/monument/2095831 (дата обращения: 24.12.2020)

Digital LIMC [Электронный ресурс]: Digital LIMC, DaSCH, 2020. URL: https://weblimc.org/page/monument/2107057 (дата обращения: 24.12.2020)

L*ucy* S., *Evans* C. 2016. Romano-British Settlement and Cemeteries at Mucking: Excavations by Margaret and Tom Jones, 1965–1978. Oxford – Philadelphia, 466.

N*uțu* G. 2017. Cast in Glass: an Intaglio from Halmyris // NOVENSIA. 28. Warszawa, 141–147.

S*pier* J. 1992. Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum. Malibu–California, 200.



Summary

A.A. Ivanov, V.G. Chernenko
Bronze rings with images from the excavations of the settlement Estate "Vinogradnik" in 2014

The article is devoted to the introduction into scientific circulation of a series of three cast bronze signet rings discovered during archaeological excavations of the settlement of the Hellenistic time "The Estate "Vinogradnik", located to the south of the village of Varvarovka, Anapa. The shape of the items, the plots of the images and the analogies make it possible to date metal rings back to IV-II centuries BC, what coincides with the general chronology of the settlement "The Estate "Vinogradnik".

During the survey it was found out that the motives of the images on the rings were widely represented in the ancient times. Eros with a lowered torch, a bearded goat with a raised front leg and a jumping or running dog are related to the most popular cults and religious beliefs of the peoples in the Northern Black Sea region. The findings of the signet rings may indicate the involvement of the estate population in the economic life of Gorgippia, where cast metal rings and gems with images have been found throughout the life of the polis.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.225-245

А. К. Каспаров*, В. А. Хршановский**
(ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург[1];*
*** Институт археологии РАН, г. Москва[2])*

Фаунистические остатки диких животных из позднеантичного некрополя и «аланский след» на Китее IV–V вв. н.э.

Китей – один из малых приморских городов Боспорского царства, существовавший на юго-восточной оконечности Керченского полуострова больше тысячи лет: с начала V в. до н. э. до второй четверти VI в. н. э. С 1992 г. археологическая экспедиция Государственного Музея истории религии (до 2008 г.) – ИИМК РАН–ИА НАНУ (2009–2013) – ИА РАН (2015–2020) исследует юго-западный участок Китейского некрополя, расположенный в зоне интенсивной береговой абразии. Помимо трёх монументальных склепов, сложенных из блоков и плит известняка, – № 141 (раскоп XXV), № 206 (раскоп XXXIII), № 300 (раскоп XXXIII-А) – второй половины IV в. до н. э. [*Хршановский* 2013, 182–200], здесь открыты и исследованы позднеантичные (второй половины IV–V в. н. э.) погребальные и поминальные комплексы: грунтовой склеп (№ 344, раскоп XL) [*Хршановский* 2017а, 209–213, рис. 3а, б; 4. *1–4*; 5. *1–5*], более 40 грунтовых и плитовых могил [*Хршановский* 2016, 108–141], ритуальные ямы [*Хршановский* 2020а, 407–425; 2020б, 130–136] и сооружения, площадки со следами тризн [*Хршановский* 2017б, 160–162].

Топографической и аэрофотосъемкой на протяжении 60–650 м к западу от западной крепостной стены выявлены 24 вала, вытянутых в меридиональном направлении. Как было установлено, южные оконечности первых девяти восточных валов частично перекрывали исследованную часть некрополя. Раскопы XXV, XXXIII и XXXIII-А со склепами № 141, 206 и 300 оказались в створе валов № 6–8, разведочный раскоп 2009 года – вала № 9, раскоп XL со склепом № 141 – также вала № 6, раскоп XXIII – вала № 2. В 2010 г. восточнее грунтового склепа № 344 был заложен раскоп XLVI, за десять лет почти полностью разрезавший вал № 4 в меридиональном направлении, а в 2016 – продолжающийся раскоп XLVII на валу № 1 (рис. 1).

[1] Исследование выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0009.

[2] Исследование выполнено при поддержке Благотворительного фонда содействия охране и исследованию памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья «Артемида» в 2018–2020 гг.

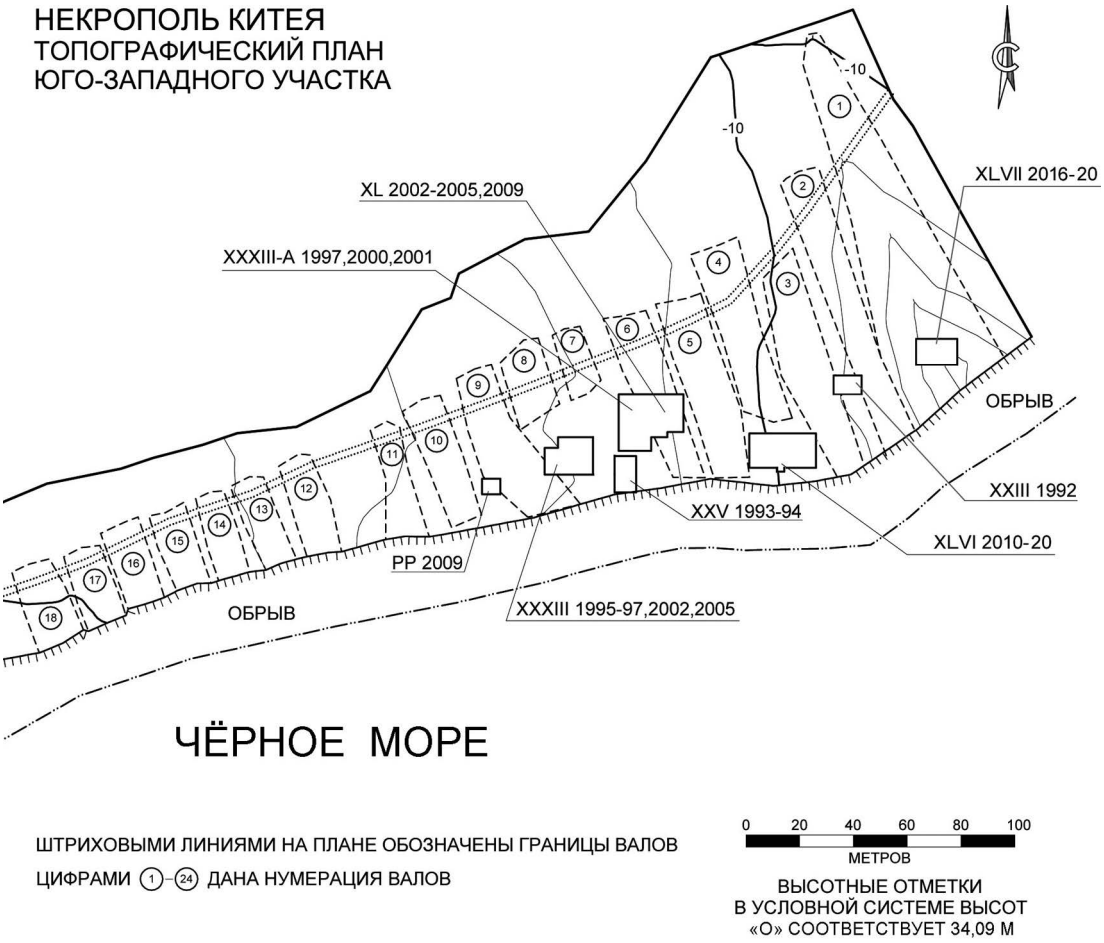


Рис. 1. Остатки валов № 1–18 на юго-западном участке некрополя Китея и раскопы 1992–2020 годов. Топографический план-схема

Помимо грунтовых и плитовых могил позднеантичного времени под валами и внутри образующих валы насыпей были обнаружены погребально-поминальные комплексы и следы ритуальных действий (тризн?). Об этом свидетельствовали многочисленные (более двадцати тысяч) фрагменты разновременной (V в. до н. э. – V в. н. э.) керамики: амфорной – в том числе, с клеймами [*Павличенко, Хршановский* 2020, 289–306], расписной краснофигурной, чернолаковой, краснолаковой, кружальной и лепной, обломки «мегарских чаш» и терракотовых статуэток, медные боспорские монеты (IV в. до н. э. – первой трети IV в. н. э.), фрагментированные глиняные светильники, пряслица и каменные грузила [*Симонова* 2018, 259–265], неолитические орудия труда и отходы их производства (кремневые отщепы). В насыпях валов часто встречались створки морских ракушек, гальки-окатыши и многочисленные костные остатки домашних и диких животных, птиц, дельфинов, рыб, клешни крабов.

Вопрос о том, случайно (в результате механического перемещения грунта), преднамеренно (вследствие осмысленных ритуальных действий) или же в результате

сочетания того и другого сформировались насыпи валов, остается открытым. Ответ на него может дать не только анализ вещевого материала, но и костных остатков животных. Грунт для сооружения валов мог доставляться из «предградья» Китея и содержать обычные бытовые, в том числе и костные, отходы. Однако в процессе ритуальной деятельности на некрополе в насыпи (и под них, на уровень древнего горизонта) могли попасть и остеологические остатки поминальных обрядов, в том числе с сопутствующими жертвоприношениями животных.

Первая попытка извлечь информацию из анализа палеозоологического материала, найденного при исследовании валов № 4 и 1, уже была предпринята [*Каспаров, Хршановский* 2019, 272–283]. Установлено, что процентное соотношение животных, найденных в раскопах XLVI (вал № 4) и XLVII (вал № 1), практически идентично. При случайном перемещении грунта это было бы маловероятно. Ещё одна закономерность выявлена в соотношении состава костей домашних животных (лошадь, корова, овца, коза, свинья, собака) в насыпи вала № 4 и обнаруженных под ним ритуальных ямах. В последних оказалось двукратное превышение доли мелкого рогатого скота по сравнению с крупным и преобладание малосъедобных частей туш (обломки черепа и зубы, дистальные концы конечностей). Наконец, кроме костных остатков домашних животных и куриц (которые теоретически вполне могли оказаться «кухонными» остатками с городской свалки), в том же слое оказались кости диких животных, дельфина и диких птиц, которые в пищу не употреблялись и, соответственно, вероятность того, что они также являются «бытовыми отходами», практически исключена.

Результатам более подробного исследования костных остатков диких животных, птиц и морских обитателей, обнаруженных на юго-западном участке Китейского некрополя в ходе раскопок 2005–2019 гг. (валы № 1, 4, 6, 9; рис. 1), и проблемам их интерпретации посвящена эта статья.

Данные по видовому и количественному составу остеологического материала из юго-западного участка некрополя Китея представлены в Таблице 1. Следует отметить, что в представленном исследовании мы использовали материалы только из контекстов, которые достоверно датируются IV–V веками н. э. Потому общее количество костных остатков несколько отличается от опубликованного ранее [*Каспаров, Хршановский* 2019, 274].

Из Таблицы 1 следует, что доля диких видов здесь довольно велика. Она составляет 31,3%. Однако такая величина обусловлена большим количеством костей птиц и рыб. Доля костей диких млекопитающих гораздо меньше – только 4,7%. Если кости домашних животных, как уже отмечалось, могли быть и «кухонными» остатками, случайно попавшими в валы вместе с перемещенным грунтом, и следами поминальных обрядов (тризн с жертвоприношениями), то присутствие костей диких животных и птиц, скорее всего, обусловлено последней причиной.

Охота – достаточно хлопотное дело с не всегда предсказуемым результатом и для обычного пропитания проще использовать мясо домашних животных, которые всегда под рукой. Конечно, в основном, использовалось именно оно. Но, тем не менее, судя по результатам палеозоологического анализа, обитатели позднеантичного

Таблица 1. Видовой и количественный состав всех видов животных

ВИДЫ	Кол-во фрагментов	%
Летучие мыши *Chiroptera sp.*	**13**	0,24
Большой тушканчик *Allactaga maior Kerr.*	**4**	0,07
Заяц-русак *Lepus europaeus Pallas.*	**131**	2,40
Ласка *Mustela nivalis L.*	**1**	0,02
Куница *Martes sp.*	**4**	0,07
Хорек *Putorius sp.*	**4**	0,07
Барсук *Meles meles L.*	**1**	0,02
Кошка домашняя? *Felis sp.*	**3**	0,06
Лиса *Vulpes vulpes L.*	**4**	0,07
Кабан *Sus scrofa ferrus L.*	**3**	0,06
Благородный олень *Cervus elaphus L.*	**1**	0,02
Лошадь *Equus caballus L.*	**303**	5,56
Корова *Bos taurus L.*	**1268**	23,27
Овца *Ovis aries L.*	**210**	3,85
Коза *Capra hircus L.*	**112**	2,06
Овца или Коза *Capra et Ovis*	**1208**	22,17
Свинья *Sus scrofa L.*	**334**	6,13
Собака *Canis familiaris L.*	**308**	5,65
Дельфин *Phocaena sp.*	**41**	0,75
Дикие и домашние (курица) птицы *Aves sp.*	**214**	3,93
Рыбы *Piscis*	**1235**	22,66
Краб *Brachyura sp.*	**48**	0,88
ИТОГО:	**5450**	100,00

Таблица 2. Процентное соотношение диких видов животных

ВИДЫ	Кол-во фрагментов	%
Летучие мыши *Chiroptera sp.*	13	**0,8**
Большой тушканчик *Allactaga maior Kerr.*	4	**0,2**
Заяц-русак *Lepus europaeus Pallas.*	131	**7,7**
Ласка *Mustela nivalis L.*	1	**0,1**
Куница, бл. не опред. *Martes sp.*	4	**0,2**
Хорек, бл. не опред. *Putorius sp.*	4	**0,2**
Барсук *Meles meles L.*	1	**0,1**
Кошка (домашняя?) *Felis sp.*	3	**0,2**
Лиса *Vulpes vulpes L.*	4	**0,2**
Кабан *Sus scrofa ferrus L.*	3	**0,2**
Благородный олень *Cervus elaphus L.*	1	**0,1**
Дельфин *Phocaena sp.*	41	**2,4**
Птицы *Aves sp.*	214	**12,5**
Рыбы *Piscsis*	1235	**72,3**
Краб (обломки клешней) *Brachyura sp.*	48	**2,8**
ИТОГО:	1707	**100,0**

Китея добывали – пусть в сравнительно небольших количествах – диких животных и птиц, необходимых им, вероятно, для иных (ритуальных?) целей.

В Таблице 2 представлены данные об остатках только диких видов и подсчитано их процентное соотношение, межу собой.

Видно, что основную массу остатков здесь составляют кости рыб. На втором месте находятся птицы, а на третьем – заяц. Остальные виды представлены десятыми долями процента и их присутствие в археологическом слое может быть обусловлено нечастым использованием в ритуальных действиях или же попросту случайным. Рассмотрим представленные в Таблице 2 виды подробнее.

Рыбы.

К сожалению, видовое определение рыб не проводилось. Поэтому мы можем представить себе лишь примерную величину особей, исходя из диаметров обнаруженных позвонков. Е. А. Молев [*Молев* 2015, 143] приводит определения остатков рыб

из исследованных раскопов на городище Китея. В слоях IV–V вв. н. э. это камбала, хамса, европейский анчоус и крупные осетровые. В более ранние периоды встречается также кефаль. Вероятнее всего, эти же виды присутствуют и в культурном слое некрополя. Среди ихтиологических остатков во множестве представлены кожные пластины некрупных осетровых рыб.

К настоящему времени для определения величины особей мы располагаем лишь 27 позвонками, обнаруженными на некрополе. Пределы изменчивости размеров рыб колеблются от 52 до 89 см. Средняя величина рыбы составляет примерно 70 см, что довольно много. Такую рыбу ловили не на удочку, а достаточно далеко от берега, скорее всего – сетями, которые были одним из основных видов промысловых рыболовных орудий [*Куликов* 2005, 264]. Из этого следует, что для трапез и приношений на некрополе использовалась достаточно крупная рыба. Интересно, что на городище средние размеры 69 измеренных особей рыб немного больше: 78 см. Встречались и остатки очень крупных экземпляров – длиной больше метра.

Следует обратить внимание на то, что позвонков рыб при общем обилии ихтиологических остатков сравнительно мало. Кости рыб в основном представлены фрагментами голов, при том, что наиболее многочисленные кости любого скелета – позвонки (и ребра). Можно попытаться объяснить это тем, что, когда рыба поедалась, часть поминальной пищи захоранивались где-то специально. Но не исключено, что головы рыб (как и всякого живого существа) обладали своей семантикой и наделялись теми, кто совершал обряд, особым смыслом. В пользу этого предположения говорит та же закономерность, выявленная ранее в тризнах при анализе костных остатков других животных [*Каспаров* 1996, 39]. Отметим особую концентрацию костей рыб (почти 150 фрагментов) в яме № 385, выделяющейся и своими размерами, и сделанными в ней находками [*Хршановский* 2020, 416–419]. Не вызывает сомнения, что присутствие остатков ихтиофауны в исследованных комплексах не случайно.

В Китее рыболовство во все времена велось очень активно, и рыба играла большую роль в жизнеобеспечении населения и культовой практике. На городище подавляющее большинство ихтиологического материала было обнаружено в эллинистических слоях центрального святилища (зольника), где они лежали сплошным слоем. Там же была найдена и большая часть орудий, связанных с рыболовством. На основании этого Е. А. Молев предполагает, что рыба использовалась во время религиозных церемоний и культовых трапез. Однако он же отмечает, что в III–VI вв. н. э. рыбные остатки в центральном святилище исчезают, хотя и присутствуют на остальной территории городища [*Молев* 2015, 144]. На позднеантичном некрополе, как мы видим, рыбу для поминальных трапез и приношений в это время продолжают использовать.

Птицы.

Птицы, после рыб, являются наиболее многочисленными среди костных остатков. Видовой и количественный состав орнитофауны некрополя Китея представлен в Таблице 3.

Количество остатков птиц в Таблице 3 несколько меньше, чем в Таблице 2, поскольку здесь представлены только остатки птиц, достоверно определимые до вида. Как видим, из домашних птиц здесь присутствует только курица. Ее остатки наиболее

Таблица 3. Видовой и количественный состав остеологических остатков птиц[3]

В И Д Ы	**Кол-во определяемых фрагментов**	**%**	**Сезон обитания в Крыму (по: *Костин*, 1983)**
Ястреб, ближе не опред. *Accipitridae sp.*	4	**3,4**	Весь год
Сокол, ближе не опред. *Falcon sp.*	1	**0,9**	Весь год
Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*	1	**0,9**	Зима
Полевой лунь *Circus cyaneus*	1	**0,9**	Зима
Болотная сова *Asio flammeus*	2	**1,7**	Зима
Большой баклан *Phalacrocorax carbo*	5	**4,3**	Весь год
Чернозобая гагара Gavia arctica	1	**0,9**	В основном, зимой
Краснозобая гагара *Gavia stellata*	1	**0,9**	Зима
Чайки разные *Larus sp.*	10	**8,6**	Весь год
Дрофа *Otis tarda*	4	**3,4**	Весь год
Стрепет *Tetrax tetrax*	9	**7,8**	Весна, лето
Серый гусь *Anser anser*	5	**4,3**	Осень – зима
Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*	2	**1,7**	Зима
Лебедь-шипун *Cygnus olor*	2	**1,7**	Весь год
Малый (тундровый) лебедь *Cygnus bewickii*	1	**0,9**	Зима
Огарь *Casarca ferruginea*	1	**0,9**	Лето
Кряква *Anas platyrhynchos*	1	**0,9**	Весь год
Гоголь *Bucephala clangula*	1	**0,9**	Зима
Серая ворона *Corvus cornix*	1	**0,9**	Весь год
Красноголовый нырок *Aythya ferina*	2	**1,7**	Лето
Чибис *Vanellus vanellus*	2	**1,7**	Весна, лето
Пеганка *Tadorna tadorna*	1	**0,9**	Весь год

[3] Определение старшего научного сотрудника А.В. Пантелеева, Зоологический Институт РАН, Санкт.-Петербург.

В И Д Ы	**Кол-во определяемых фрагментов**	**%**	**Сезон обитания в Крыму (по: *Костин*, 1983)**
Чеграва *Hydroprogne caspia*	1	**0,9**	Лето
Хохлатая чернеть *Aythya fuligula*	1	**0,9**	Зима
Чомга *Podiceps cristatus*	12	**10,3**	Весь год
Серощекая поганка *Podiceps griseigena*	6	**5,2**	Зима
Домашняя курица *Gallus gallus var. domesticus*	38	**32,8**	Весь год
ИТОГО:	**116**	**100,0**	

многочисленны. Из диких почти треть (30,7%) принадлежат тем видам, которые и сейчас добываются охотниками и вполне могли употребляться в пищу. Это дрофа, стрепет, дикий гусь, лебеди, гагары, различные утиные. Часть костей чаек, учитывая, что Китей и юго-западный некрополь находятся на морском берегу, могла попасть в отложения естественным путем.

Количество остатков птиц в Таблице 3 несколько меньше, чем в Таблице 2, поскольку здесь представлены только остатки птиц, достоверно определимые до вида. Как видим, из домашних птиц здесь присутствует только курица. Ее остатки наиболее многочисленны. Из диких почти треть (30,7%) принадлежат тем видам, которые и сейчас добываются охотниками и вполне могли употребляться в пищу. Это дрофа, стрепет, дикий гусь, лебеди, гагары, различные утиные. Часть костей чаек, учитывая, что Китей и юго-западный некрополь находятся на морском берегу, могла попасть в отложения естественным путем.

Однако среди птиц присутствуют виды, которые никоим образом нельзя рассматривать как ресурс пропитания. Прежде всего, это чомга или большая поганка и серощекая поганка – водоплавающие птицы из отдельного семейства поганковых (*Podicipedidae).* Такие имена эти виды имеют не случайно. Мясо их съедобно, но имеет весьма неприятный горький вкус и, хотя в доисторическое время их и употребляли в пищу [см., например: *Zhilin, Karhu* 2002, 111], в античное время при обилии других источников мясного питания вряд ли они использовались для еды. То есть в данном случае мы имеем очевидное доказательство того, что, по крайней мере, часть птиц, остатки которых были обнаружены на некрополе, попала в археологический слой вследствие совершенных поминальных обрядов и жертвоприношений. Помимо этих двух видов обнаружены остатки сокола и ястреба (к сожалению, не определяемые до вида), болотной совы, полевого луня, орлана-белохвоста. Это хищные птицы и тоже сомнительно, чтобы их добывали для еды, тем более что кости их единичны.

Однако даже обычные домашние куры могли являться не только пищей для культовых трапез. Среди их костей имеется некоторое количество метаподий с характерными шпорами, указывающими на принадлежность к самцам. А петух в обрядах античного времени мог иметь своё особое значение.

Большому баклану, мясо которого активно употребляли в пищу в античное время во всем Северном Причерноморье, принадлежит более 4% от всех остатков птиц (Таблица 3). На некоторых из них имеются следы ножа. Количество костей Большого баклана на античных памятниках обычно больше, чем остальных диких пернатых. В древнегреческой мифоритуальной практике он не известен. Современные охотники на баклана не охотятся и в пищу не употребляют.

Не все выявленные птицы обитают в Крыму круглогодично. Часть из них бывает в регионе только в определенные сезоны года. Сезонность обитания на территории Крыма некоторых видов птиц представлена в Таблице 3. Полученные результаты довольно любопытны. Из тех видов, которые посещают Крым сезонно, только 4 обитают здесь в весенне-летнее время. А остальные 11 встречаются в Крыму поздней осенью и зимой. То есть в этот сезон охота на птиц велась гораздо активнее. Можно предположить, что часть из аборигенных видов тоже была поймана в зимнее время, и вследствие этого увеличивается общая доля видов, добытых в это время года.

О времени совершения погребальных обрядов на некрополе (если исходить из того, что обнаруженные костные остатки – следы ритуальных действий) косвенно можно судить по сезону смерти молодых овец и свиней, нижние челюсти которых с незавершенной сменой молочных зубов на постоянные встречались в достаточном для обобщений количестве. По стадии, на которой находилась смена зубов в момент смерти, можно определять возраст молодого животного с точностью до полутора месяцев. Всего за время исследования описываемых комплексов было обнаружено 24 нижних челюсти свиней и 34 челюсти овец. Судя по стадиям смены зубов, разный процент от общего количества этих особей забивался в разные сезоны года. Исходя из того, что детеныши появляются на свет, как правило, в марте – то в зимнее время, с декабря по февраль, погибло 14% всех животных, весной, с марта по май – 29%, летом, с июня по август – 31%, а осенью, в сентябре – ноябре – 26%. То есть животные забивались в основном весной и летом. Осенью их погибало чуть меньше, а зимой смертность была минимальна.

При этом, как уже отмечалось, зимой гораздо активнее велась охота на птиц. Значит, птицы употреблялись в ритуальных целях в основном зимой, а в остальное время использовался мелкий рогатый скот и свиньи. Небезынтересно, что оба этих вида в разные сезоны года тоже использовались с разной интенсивностью. В весеннее время погибало заметно больше свиней, чем овец. Летом их количество было почти одинаково, осенью свиней почти не резали, а доля забитых овец, наоборот, максимальна. И наконец, зимой количество овец наименьшее, а доля забитых в это время свиней заметно больше (рис. 2). Таким образом, если считать, что найденные нами костные остатки – следы поминальных тризн или ритуальных действий, то в зимнее время для этого использовали в основном свиней и птиц, весной – свиней и в меньшей степени овец, летом – их же в равной степени, а осенью – в основном мелкий рогатый скот. Возможно, этот факт найдет свое объяснение в будущем. Конечно, в данном случае определяется время смерти только для молодых животных. Однако сомнительно, чтобы особей, не достигших зрелости, забивали в одно время, а взрослых животных – в другое. Вероятнее всего, всех резали вместе, а молодые животные просто являются хорошим временным маркером для сезонов забоя.

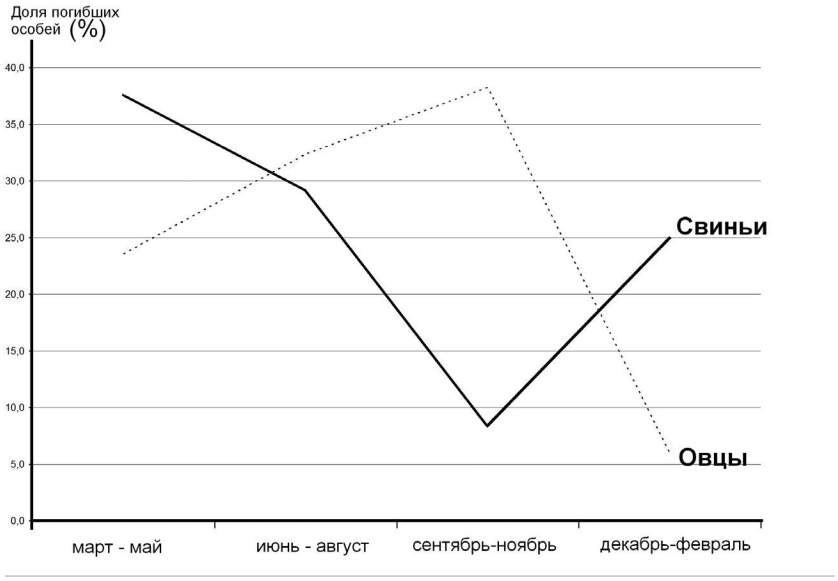


Рис. 2. Процентное соотношение особей молодых овец и домашних свиней, погибших в разные сезоны года

Заяц.

Заяц-русак – третий по численности дикий вид в костной коллекции из раскопок позднеантичного некрополя Китея. Присутствие его здесь вполне закономерно. Заяц не был домашним животным, но при этом являлся постоянным, хотя и не главным объектом охоты человека чуть ли не с палеолита. В римских слоях городища кости зайца составляют 0,2% [*Каспаров, Хршановский* 2019, 274], а на некрополе 2,4% (табл. 1). Совершенно очевидно, что такое заметное превышение не случайно.

Основная часть костей принадлежала взрослым животным. Количество особей, не достигших половой зрелости, не превышает 1%.

Общий анатомический состав остатков зайца выглядит следующим образом: фрагменты краниальной области (черепа, челюстей) – около 7%; позвонки и ребра – 14%; ценные в пищевом отношении части (лопатка, таз, фрагменты трубчатых костей конечностей) – 52%; мелкие несъедобные кости (запястные и заплюсневые, метаподии, фаланги) – около 27%. Так что в целом заяц представлен в слоях некрополя практически всеми костями скелета. То есть, тушки зверька целиком доставлялись на место, где и использовались.

В связи с магическими ритуалами или приношениями следует упомянуть недавнюю находку в слоях Китейского зольника – заднюю метаподию зайца с просверленной дырочкой на нижнем конце. Такие поделки изредка встречались на античных памятниках Керченского полуострова и раньше: одна – на эллинистическом поселении Полянка, две – на Мирмекии. Во всех случаях это была одна и та же кость: третья задняя метаподия с небольшой дырочкой на нижнем конце. Вероятно, она использовалась как оберег для подвешивания или нашивания на одежду.

Зайцы могли быть частью поминальной трапезы, хотя за все время исследований нами была обнаружена всего одна кость со следами разделки – порезами от ножа. Но нельзя исключать и вероятность того, что зайца приносили в жертву. На некрополе все совершавшиеся действия имели ритуальное значение.

Дельфин.

Костные остатки дельфина занимают четвертое место по численности, составляя всего 2,4% (табл. 2). Вновь возникает вопрос: случайно попали эти остатки в слои некрополя (как побочный мусор) или же и они являются следами целенаправленных ритуальных действий?

Дельфин на некрополе представлен в основном позвонками, причем в подавляющем большинстве это позвонки хвостовые. Следов разделки или огня на костях дельфинов нет. На городище Китея в слоях II–I вв. до н. э. были обнаружены ребра крупного дельфина с некоторым количеством мелких насечек. Назначение их непонятно.

Из количества найденных костей дельфина следует, что этот вид не являлся непременным атрибутом ритуальных действий и не служил пищей на поминальных трапезах. Однако можно допустить, что определенную семантическую нагрузку он все же имел, и части его тела иногда могли использоваться как в погребально-поминальной обрядности [*Шауб* 2003, 7], так и в иных ритуальных целях.

В Крыму, на городище Беляус был обнаружен странный ритуальный комплекс: внутри специальной сырцовой выгородки находился скелет дельфина, рядом с которым лежали железный наконечник дротика, ручка книдской амфоры, фрагменты большой мегарской чаши. Комплекс приблизительно датируется первой четвертью I в. до н. э. На основании некоторых (впрочем, весьма недостоверных) признаков было высказано предположение, что перед этим символическим погребением с дельфина сняли шкуру и удалили верхнюю часть черепа [*Сонина, Рамазашвили* 2013, 178].

Все вышесказанное наводит на мысль о том, что остатки дельфина на Китейском некрополе скорее следует рассматривать как приношения, занимающие свое место и имеющие свой сакральный смысл в совершавшихся обрядах.

Прочие виды.

Другие виды диких животных: летучие мыши, большой тушканчик, ласка, куница и хорек (не определенные до вида), барсук, лиса, кабан, благородный олень и некрупная, возможно – домашняя, кошка представлены в сборах единичными костями. Поэтому не исключено, что присутствие на некрополе какой-то части из них случайно и не имеет отношения к осмысленной и целенаправленной человеческой деятельности.

Летучие мыши нередко находили себе дневное убежище в старых склепах, если конструкция частично разрушалась и возникала возможность проникать в погребальную камеру снаружи.

Большой тушканчик обитает в норах. Он мог устраивать себе жилище в насыпях валов, где переотложенный грунт рассыпчат и рыть в нем ходы и норы гораздо легче. Однако на поселении Панское в старом колодце, который под конец использовался для сброса мусора, были обнаружены 48 костей большого тушканчика или земляного зайца. Среди них оказались в основном целые бедренные и большие берцовые кости, два небольших фрагмента таза и три обломка верхних частей метаподий. Никаких дру-

гих костей этого животного или их обломков в колодце не найдено. Таким образом, тушканчик был представлен исключительно задними конечностями. На нескольких костях имелись следы, похожие на порезы ножом [*Kasparov* 2002, 336], что можно считать признаком его употребления в пищу или использования для какого-то ритуального приношения.

Большой тушканчик или земляной заяц – самый крупный из тушканчиков, обитающих на территории бывшего СССР. Длина его тела достигает 260 мм, вес – до 500 г. Естественно, что богатые мясом задние конечности этого крупного грызуна вполне могли использоваться в пищу при ограниченности ресурсов питания. В нашей коллекции он также представлен четырьмя задними метаподиями, то есть задними конечностями. Однако теоретически зверек мог выкопать нору в насыпи вала и оказаться в культурном слое гораздо позже.

Ласка охотится на мышевидных грызунов в норах, и таким образом её остатки могли бы попасть в культурный слой некрополя. Но она представлена лишь одной костью – целой нижней челюстью. Возможно, ласка (или части ее тела) тоже использовались в каких-то поминальных обрядах, хотя и исключительно редко.

То же самое можно отнести и к более крупным куньим – *кунице* и *хорьку*, отдельные кости которых были найдены в ходе раскопок.

Выявленный среди фаунистических остатков *Дикий кабан* очень крупного размера был определен по целой пяточной кости, задней метаподии и таранной костям. Кроме этих костей среди находок оказался левый нижний клык кабана с просверленным у основания отверстием. По всей вероятности, это подвеска-амулет.

Клыки кабана, правда, без отверстий (часть клыка с отверстием могла просто обломиться), были найдены и в зольнике на самом городище Китея. Похожий клык кабана (или очень крупного самца домашней свиньи) обнаружен в слое III–IV вв. до н. э. города Нимфей. В нём отверстие просверлено примерно в середине. Зуб обломан с обоих концов и напоминал какую-то застежку, украшение конской сбруи или нашивку на одежду. На городище Тиритаки в слое VII в. н. э. также был найден обломок кабаньего клыка с отверстием. Отверстие очень небольшого диаметра (в него могла пройти только нить) использовалось, скорее всего, для подвешивания или пришивания амулета на одежду. Клыки кабана с отверстиями находили на поселении Березань в Николаевской области Украины в слоях VI в. до н. э. и в средневековых слоях крепости Чембало под Севастополем.

Таким образом, кости кабана, в особенности – его клыки, во все времена обладали семантической нагрузкой как символ силы, дикой необузданной стихии. Именно поэтому их приносили в дар богам и делали из них воинские амулеты.

Из костей *Благородного оленя* в собранной коллекции лишь один обломок рога. Он обработан, оструган и похож на заготовку рукоятки для какого-то металлического орудия – шила или небольшого ножа. Вероятно, к ритуальным действиям она отношения не имела. При раскопках городища в разное время находили обломки не только рогов, но и костей благородного оленя. Так что охота на него, по-видимому, практиковалась.

Остатки *кошки* представлены целой нижней челюстью и двумя обломками трубчатых костей скелета. В слоях городища кости кошек, как диких (очень крупные), так

и домашних, находили не раз. Они могли попасть на некрополь случайно, но нельзя исключить и использование их в ритуальных действиях. Пока нет свидетельств того, что кошек на Боспоре когда-либо употребляли в пищу. Первые находки некрупных мелких кошачьих, возможно – домашних, на востоке Северного Причерноморья отмечены в Мирмекии в слоях V в. до н. э. [*Каспаров* 2013, 722].

Помимо вышеперечисленных видов, следует упомянуть и об обломках клешней *краба*. На некрополе Китея они довольно многочисленны (табл. 1, 2). Видимо, это был доступный и почти бесплатный пищевой ресурс. Почти все клешни в разной степени обожжены в огне. Возможно, их просто пекли в горячей золе. Но нельзя исключить и какое-то не «утилитарно-пищевое», а символическое использование крабов в ритуале, которые в ходе его, наряду со всем остальным, наделялись «необходимыми» участникам свойствами.

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что в целом дикие животные и птицы представлены в слоях некрополя меньшим количеством особей, чем домашние. Это нетрудно объяснить. Добыча дикого зверя требует специальных усилий, и без них, вероятно, вполне можно было бы обойтись, если бы то или иное дикое животное не было необходимо для совершавшихся на некрополе погребально-поминальных обрядов. Достаточно богатый репертуар этих видов свидетельствует о сложности и многообразии мифоритуальной практики обитателей Китея позднеантичного времени, создавших этот некрополь.

М. В. Скржинская в книге «Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья» приходит к выводу, что древние люди «… выделяли у домашних животных особые, не всегда нам ясные качества и свойства; руководствуясь этим, они выбирали из них жертвы богам» [*Скржинская* 2010, 115]. Это сказано о домашних животных, однако, по нашему мнению, к диким это утверждение относится в гораздо большей степени.

Мы не можем пока представить себе, как происходили эти ритуальные действа, что именно значили для их организаторов и участников те или иные приносимые в жертву дикие животные, птицы и рыбы, выявленные палеозоологическим анализом на Китейском некрополе. Некоторые виды присутствуют в эллинской традиции: из наземных – кабан и заяц, из птиц – сокол, ястреб, гуси, лебеди, петух, из ихтиофауны – дельфин и рыбы. Однако «вычислить» на этом основании богов, которым эти подношения были адресованы, невозможно. Тем более что нельзя быть уверенными в том, что этот позднеантичный некрополь принадлежит непосредственно китейским *грекам* – носителям и хранителям эллинской традиции и, соответственно, насколько корректно использовать именно *древнегреческую мифоритуальную традицию* для интерпретации совершенного жертвоприношения и определения его адресата. Но кто, если не потомки китейских греков, мог оставить после себя такой необычный и по форме, и по масштабу некрополь?

На основании анализа лепной посуды нового типа, появляющейся в римское время вначале на Керченском полуострове, затем в Центральном и Юго-Западном Крыму, В. П. Власов высказал предположение о том, что это связано с переселением на полуостров в I – начале III вв. н. э. новых этнических групп – сарматских племен. Усиление

этого процесса со второй половины III в. н. э. до V–VII вв. н. э. он объяснял переселением в Крым аланов [*Власов* 2003, 111–112]. В более поздней статье, специально посвященной миграционным процессам на Боспоре и в Крыму в первые века нашей эры, В. П. Власов уточнял: «Численно преобладавшими среди них были аланы Центрального Предкавказья» [*Власов* 2007, 200].

К такому же выводу после изучения лепной керамики южнобоспорских античных центров приходит и Н. А. Гаврилюк. Она выделяет три группы лепной керамики. Первая – «греческая» – формируется в архаическое и классическое время и бытует у греческих поселенцев. Вторая – «боспорская» – возникает в IV–III вв. до н. э. и сосуществует с первой до IV в. н. э., постепенно вытесняя её. Третья – «сармато-аланская», имеющая аналогии в сарматских памятниках и северокавказских некрополях, – появляется на Боспоре в I–II вв. н. э., а к V–VI вв. н. э. «становится господствующей в Восточном Крыму» [*Гаврилюк* 2013, 46].

Гипотеза эта не нова. Ещё тридцать лет назад А. А. Масленников на основании данных, которыми он тогда располагал, не исключал, что во второй половине III в. н. э. Боспор захлестнула «особенно сильная аланская волна» [*Масленников* 1990, 40]. С этого времени, по его мнению, начинается проникновение аланов в города Европейского Боспора [*Масленников* 1990, 40, 43], в частности, в Китей [*Масленников* 1990, 39].

Волн аланского проникновения на Боспор, вероятно, было несколько. В 2012 г. на городище Китея найден клад медных монет – позднебоспорских статеров [*Абрамзон*, *Молев* 2016, 387–409]. Эта находка вписывается в установленный ранее факт – массовую тезаврациию кладов с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI, которая приходится на вторую половину 320-х – начало 340-х гг. н. э., то есть задолго до гуннского нашествия в последней четверти IV в. н. э. Авторы публикации предполагают, что сокрытие кладов могло быть вызвано «новым нажимом на границы Боспорского царства объединений племен различных этнических групп, в первую очередь сармато-аланов и германских дружин с Меотиды» [*Абрамзон*, *Молев* 2016, 398]. С этим событием они связывают и внезапное прекращение чеканки на Боспоре. Китейский клад (как, впрочем, и все остальные, найденные археологами) оказался не востребован, из чего следует, что спрятавших клады в надежде пережить «смутные времена», по всей вероятности, постигла печальная участь.

Среди позднеантичных склепов, известных на некрополях в окрестностях Китея, могут считаться традиционно аланскими – Т-образные склепы-катакомбы с перпендикулярными длинными осями входной ямы и камеры [*Коробов* 2019, 56, 60–61, 93] – три из шести: № 1–3, вырубленные в юго-восточном подножье кряжа Джурга-Оба [*Гайдукевич* 1959, 225–226, рис. 96; 227–228, рис. 97; 229–231, рис. 100]. В. Ф. Гайдукевич датировал их создание концом II – перовой половиной III в. н. э., а функционирование – до конца IV–V вв. [*Гайдукевич* 1959, 236]. Он связывал их появление с усилением в смешанном населении Китея в первые века новой эры «сарматского этнического элемента» и находил подтверждение этому в негреческих именах, написанных на стене склепа № 2 Джурга-Обы [*Гайдукевич* 1959, 237]. Доследовавший его повторно в 2001 г. А. Е. Ермолин омолодил склеп до первой половины IV в. н. э. [*Ермолин*, *Юрочкин* 2002, 86–87, рис. 1]. При этом авторы публикации между сармато-аланской и германской принадлежностью

погребённых в склепе по росписям и надписям отдают предпочтение последней [*Ермолин*, *Юрочкин* 2002, 91]. Инфильтрацию во второй половине III–IV вв. условно «готских» элементов в состав городского населения, особенно Пантикапея-Боспора, Киммерика и Китея, допускает и В.Н. Зинько [*Зинько* 2008, 135].

Найденная и исследованная на Центральном участке Китейского некрополя двухкамерная катакомба № 145 первой половины V в.н.э. [*Ханутина*, *Хршановский* 2009, 58–69, рис. 1] имеет аналогии на аланских некрополях Центрального Предкавказья [*Коробов* 2019, 66, рис. 2].

Закрытые погребальные комплексы на юго-западном участке Китейского некрополя под валами датируются не ранее второй половины IV в. н. э. (плитовые могилы № 287, 288, 382, 384). Преобладающий сопутствующий материал из тризн этому не противоречит. По последним данным, его верхняя хронологическая граница уходит во вторую половину V в. н. э.

К настоящему времени здесь открыты и исследованы 47 могил и 1 склеп. 40 из них – грунтовые (№№ 122, 123, 243, 262, 272, 274, 286, 289, 301–310, 317–326, 329, 330, 332, 333, 340–342, 382, 384, 386, 392), 6 – плитовые (№ 275, 276, 287, 288, 327, 339) и одно погребение в известняковом саркофаге (№ 331). При этом 25 – (№ 123, 243, 274, 275, 286, 301–309, 321, 322, 328, 331, 332, 340–342, 386, 392), по всей вероятности, не имели перекрытия и были просто засыпными, как и грунтовой склеп № 344. К особенностям двух плитовых могил (№ 287 и 288) можно отнести то, что щели между плитами, образующими их стенки были зашпатлеваны глиной, а костяки погребенных лежали на подсыпке из слоя морских раковин.

Ориентация костяков различна. Её (с большей или меньшей степенью вероятности в зависимости от сохранности костяка) удалось установить в 40 случаях. Две трети из них – 26 – имели северную ориентацию (север–северо-восток; северо-запад); 4 – южную (юг; юго-восток); 7 – восточную; 3 – западную. Как известно, на Боспоре во II–IV вв. н. э. северная ориентация характерна для позднесарматских погребений.

В трёх случаях (могилы № 123, 243, 332) зафиксированы следы прижизненной деформации черепа лобно-теменной давящей повязкой, которая также является признаком принадлежности погребенных к сарматской этнической группе в целом, но «стала характерной чертой лишь у алан» [*Масленников* 1990, 40]. Встречались такие черепа и на других участках Китейского некрополя – в склепе № 2 (I–IV вв.н.э.) и погребении № 22 (II–IV вв.н.э.). Е.А. Молев считает возможным рассматривать это «как доказательство присутствия сарматов среди жителей города» [*Молев* 1991, 79].

Возможность инфильтрации сарматов в Китей в римское время подтверждается исследованиями лепной керамики Китея. Уже в I–II вв. н. э. сармато-аланская посуда, имеющая аналогии в северокавказских памятниках, составляет на городище 21% [*Гаврилюк*, *Молев* 2013, 104]. Появившись в первые века новой эры, она продолжает бытовать на городище вплоть до VI в.н.э., составляя на последнем этапе жизни города 16% от всей лепной керамики [*Гаврилюк* 2013, 45–46; *Гаврилюк*, *Молев* 2018, 70, Табл. 3][4].

[4] В настоящее время Н.А. Гаврилюк готовит к публикации статью о лепной керамике из позднеантичного некрополя Китея.

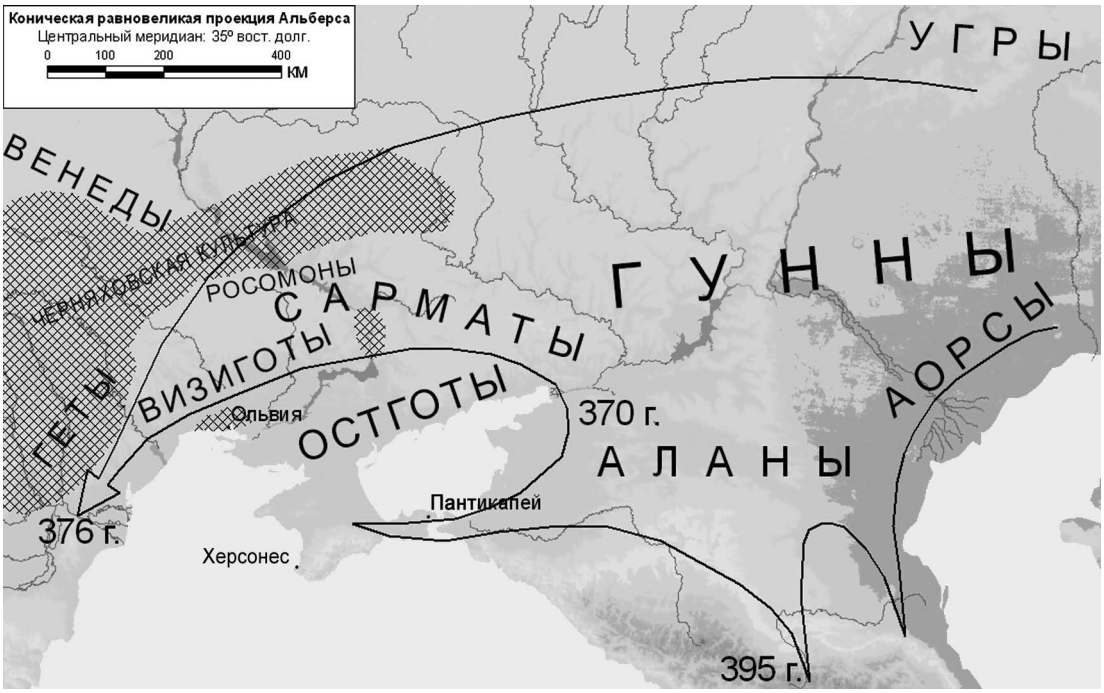


Рис. 3. Карта-схема перемещения племен в Северном Причерноморье, Приазовье и Предкавказье в последней четверти IV в. н.э.[5]

По предварительным наблюдениям, значительная часть её относится к «сармато-аланской» группе[5]. Будет чрезвычайно интересно сравнить эту группу по количеству и соотношению с другими группами лепной керамики, найденной в слоях III–VI вв. н. э. на городище [*Гаврилюк*, *Молев* 2018, 60–72].

Следующая волна миграции могла быть связана уже с эпохой Великого переселения народов и появлением на исторической арене гуннов, погнавших (или увлекших за собой) в последней четверти IV в. н. э. аланов с насиженных мест в Центральном Предкавказье. Часть из них осталась на Северном Кавказе, часть вместе с гуннской ордой устремилась на Запад, в Европу и дошла до Северной Африки, основав Вандальское королевство (*Коробов* 2019, 21). Но кто-то в ходе этих перемещений мог оказаться в Крыму, на Керченском полуострове и на какое-то время осесть возле боспорского города Китея (рис. 3).

Некоторые основания для такого предположения есть. Даже судя по тому, что сохранилось и может быть зафиксировано сейчас, – исследуемые к юго-западу от Китея валы – монументальные земляные сооружения, требовавшие для своего создания усилий большого количества людей и значительного времени. Вероятность того, что они были насыпаны во второй половине IV в. н. э. силами исконных китейцев (к тому же,

[5] Использована иллюстрация с сайта «Крым (история, география, население): http://челсити.рф/2096-крым-история,-география,-население.

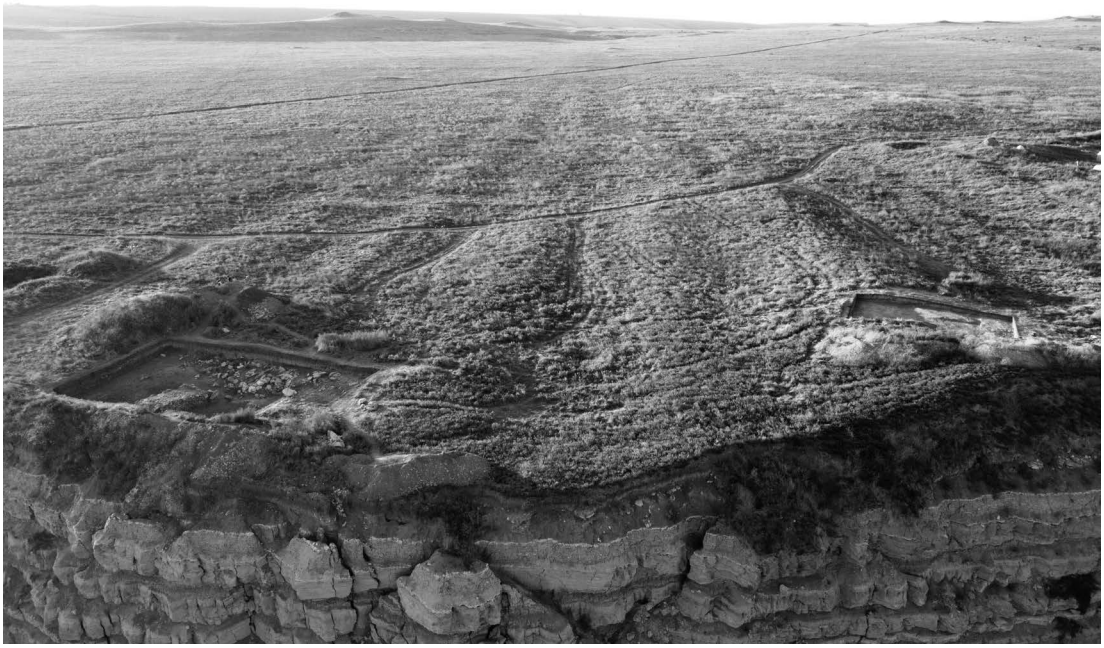


Рис. 4. Валы на юго-западном участке некрополя Китея. Аэрофотосъемка, вид с юга

возможно, обескровленных предшествующими варварскими нашествиями), вызывает сомнения. Остается предположить, что они были сооружены осевшими и на протяжении не менее ста лет обитавшими возле Китея пришельцами-аланами. Как известно, у аланов уже во II–IV вв. н. э. был опыт строительства земляных валов, как, например, вокруг Зильгинского городища [*Коробов* 2019, 20, рис. 1], и других фортификационных укреплений – рвов, валов, эскарпов для обороны «земляных городищ» Центрального Предкавказья [*Коробов* 2019, 62–63], который они вполне могли принести с собой во второй половине IV в. н. э. на Боспор.

Если это так, то 24 параллельных друг другу вала, протянувшиеся с севера на юг на равнине между кряжами Чатр-Тав, Джурга-Оба и берегом моря и повышающиеся по мере приближения к Китейскому городищу, препятствуя подходам к нему с запада (рис. 4; 5), могли быть не только необычным по форме некрополем, но одновременно (если не прежде всего?) фортификационной оборонительной системой.

Некоторые находки из ритуальных комплексов, открытых при исследовании валов № 1 и 4 (фрагменты краснолаковых мисок с резным орнаментом на дне, стеклянных стаканов с синими каплями, костяных пиксид, украшенных резным орнаментом, бронзовые браслеты с утолщенными концами, украшенными поперечными резными бороздками, серьга с фигурным щитком и вставками из сердолика или пасты), находят близкие аналогии среди вещей из комплексов четвертой группы могильника у села Лучистое, датирующихся первой половиной V в. н. э. [*Айбабин, Хайретдинова* 2008, 46,



Рис. 5. Южные оконечности валов. Вид с востока

рис. 24. *21–23*, *13–14*, *11*; 50, рис. 26. *21*, *5*]. Считается, что склепы, из которых они происходят, принадлежали аланам [*Айбабин* 1999, 71].

Наконец, среди костей домашних животных, обнаруженных под китейскими валами и в их насыпях, содержалось около 8% костных остатков свиней. Свинья не относится к разряду «кочевых» животных. Из этого можно заключить, что те, кто сооружал валы, совершал погребения и сопутствующие им поминальные ритуалы (тризны с жертвоприношениями), вел оседлый (или полуоседлый) образ жизни. Небезынтересно, что репертуар и процентное соотношение домашних животных в слоях позднеантичного некрополя Китея и аланского Зильгинского городища почти полностью совпадают [ср.: *Каспаров*, *Хршановский* 2019, 274–275; *Коробов*, 2019, 20].

В главе монографии «Боспорский город Китей», посвященной этническому составу его населения, Е. А. Молев писал, что эллинский на протяжении всей своей истории город пополнялся таврами, скифами и сарматами. «Выделить следы представителей других этносов в составе населения города пока не удается», – заключает он [*Молев* 2010, 104].

Возможно, в результате работ, проводимых на позднеантичном некрополе Китея, этот список пополнится аланами. Если эта версия подтвердится, не древнегреческая, а индоиранская мифоритуальная традиция может и должна быть привлечена для интерпретации открытых археологических комплексов, вещевых и палеозоологических находок. Но это тема отдельного и специального исследования.



Список литературы

А*брамзон* М. Г. 2016. Массовая тезаврация на Боспоре в 320 – начале 340-х гг. н. э.: проблема интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования (Боспорские чтения. XVII). Керчь, 5–11.

Абрамзон М. Г., *Молев* Е. А. 2016. Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.) // ВДИ. 2, 387–409.

Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 352.

Айбабин А. И., *Хайретдинова* Э. А. 2008. Могильник у села Лучистое. Т. I. Симферополь–Керчь, 336.

В*ласов* В. П. 2003. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. X, 98–124.

Власов В. П. 2007. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первые века н. э. // БИ. XVI, 191–201.

Г*аврилюк* Н. А. 2013. Лепная керамика причерноморских памятников Европейского Боспора I–IV вв. н. э. // Таврійські студії. Історичні науки. 1 (4). Симферополь, 43–50.

Гаврилюк Н. А., *Молев* Е. А. 2013. Лепная керамика Китея // ДБ. 17, 65–109.

Гаврилюк Н. А., *Молев* Е. А. 2018. Лепная керамика из объектов и слоев III–VI вв. н. э. боспорского города Китея // ПИФК. 3, 60–72.

Гайдукевич В. Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов (МИА. 69). М.–Л., 154–238.

Е*рмолин* А. Л., *Юрочкин* В. Ю. 2002. Повторные исследования склепа могильника Джург-Оба на Боспоре // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 85–96.

З*инько* В. Н. 2008. «Готы» в Восточном Крыму // БИ. XIX, 129–138.

К*аспаров* А. К. 1996. Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурат и Китей // Животные и растения в мифоритуальных системах. СПб, 38–40.

Каспаров А. К. 2013. Костные остатки из зольников Мирмекия: изменение ситуации в разные эпохи // БФ. Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб, 721–729.

Каспаров А. К., *Хршановский* В. А. 2019. Фаунистические остатки из юго-западного участка Китейского некрополя (по итогам раскопок 2010–2018 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований (Боспорские чтения. XX). Симферополь–Керчь, 272–283.

Коробов Д. С. 2019. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб, 156.

Костин Ю. В. 1983. Птицы Крыма. М., 240.

Куликов А. В. 2005. Археологические свидетельства рыболовства на античном городище Акра // БИ. IX, 251–270.

М*асленников* А. А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 230.

Молев Е. А., *Шестаков* С. А. 1991. Некрополь Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж–Белгород, 74–101.

Молев Е. А. 2010. Боспорский город Китей. Симферополь–Керчь, 316.

Молев Е. А. 2015. Жизнеобеспечение боспорского города Китея по археозоологическим данным // АВ. 21, 140–147.

П*авличенко* Н. А., *Хршановский* В. А. 2020. Керамические клейма из позднеантичного некрополя Китея // ДБ. 25, 289–306.

С*имонова* М. А. 2018. Пряслица и грузила в погребально-поминальных комплексах IV в. н. э. юго-западного участка некрополя Китея // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. I. СПб, 259–265.

Скржинская М. В. 2010. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. Киев, 324.

Сонина Е. Н., *Рамазашвили* Г. 2005. Возвращаясь к опубликованному: новые данные о дельфине в религиозных представлениях Средиземноморья и Понта // Итальянский сборник. 8. СПб, 177–186.

Х*анутина* З. В., *Хршановский* В. А. 2009. Погребальный комплекс гуннского времени на некрополе Китея // БФ. Искусство на периферии античного мира. СПб, 58–69.

Хршановский В. А. 2013. Элитные склепы IV–III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея // Культурный слой. 2. Нижний Новгород, 182–200.

Хршановский В. А. 2016. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. 4. Нижний Новгород, 108–141.

Хршановский В. А. 2017а. Между готами и гуннами // БИ. XXXV, 208–228.

Хршановский В. А. 2017б. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины) // Таврические студии. 12. Симферополь, 158–166.

Хршановский В. А. 2020а. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // ДБ. 25, 405–423.

Хршановский В. А. 2020б. Новый ритуальный комплекс на позднеантичном участке некрополя Китея // БФ. Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. II. СПб, 130–136.

Ш*ауб* И. Ю. 2003. Религиозно-мифологическое значение дельфина в Ольвии и Этрурии. Причерноморско-италийские этюды. II // Итальянский сборник. 7. СПб, 5–12.

Kasparov A. K. 2002 Osseous remains // Hannestad L. and other. Archaeological Investigation in Western Crimea. Panskoe I. Appendix 5. Aarhus, 335–336.

Zhilin M. G., *Karhu* A. A. 2002. Exploitation of birds in the early Mesolithic of Central Russia // Proceedings of 4th Meetind of ICAZ Bird Working Group. Krakow, Poland, 11–15 Sept. 2001. Acta zoologica cracoviensia. T. 45. Krakow, 109–116.



Summary

A.K Kasparov, V. A. Khrshanovsky

Faunal Remains of Wild Animals from the Late Antique Necropolis on Kitaion, and the "Alanian Remnant" in the 4th–5th centuries AD

The paper is devoted to the results of paleozoological analysis of bone remains of wild animals, birds and fish found during a long-term study of the Kytaion necropolis dating back to the Late Antiquity, and to the problem of their interpretation. The share of identified bones of wild animals is large enough – 31.3% in comparison with those of domestic animals (horse, cow, sheep, goat, pig, dog) found in the same mounds-ramparts, which include and overlap funeral complexes. At the same time, most of them are bones of birds and fish. The part of wild mammals is just 4.7%. However, while the bones of domestic animals could be both kitchen residues who had accidentally fallen into the mounds together with the moved ground and could be recognized as traces of funeral rituals too (funeral feast with sacrifices), bones of wild animals and birds is most likely to be present due exactly to the latter reason. In this regard, the species repertoire is of particular importance as the basis for interpreting the role of each one in the accomplished rituals. Taking into account possible changes in the ethnic variety of Kytaion residents up to 4th–5th century AD, the authors are not inclined to consider the traditional ancient Greek system of mythology and ritual being in use, and assume that the South-Western part of the Late Antiquie necropolis belonged to the Alans. In the article they present arguments in favor of this version, and conclude that in case it is confirmed, the Indoiranian mytho-ritualistic tradition should be applied to interpret the archaeological complexes discovered there.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.246-256

М. Е. Клемешова
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Лепная керамика поселений юго-востока Азиатского Боспора II–III вв. н. э. (предварительные результаты изучения)

В течение ряда последних лет автор проводит исследования лепной керамики VI в. до – III в. н. э. поселений и некрополей Таманского полуострова и прилегающих к нему с юго-востока территорий, создавая классификацию встречающихся там форм посуды и определяя присущие им особенности технологии изготовления. Технологические аспекты изучаются по методике, разработанной А. А. Бобринским [*Бобринский*, 1978, 1999]. Результаты этой работы представлены в ряде статей [*Клемешова* 2017а, 2017б; 2019а; 2019б; 2019в; *Клемешова, Ломтадзе* 2018; *Клемешова, Романченко, в печати*]. Для разных хронологических этапов получены данные, показывающие изменения в конкретных формах лепной посуды и культурных гончарных традиций на одних и тех же территориях.

При этом для периода VI–I вв. до н. э. выявлена ситуация, характеризующаяся устойчивым присутствием определенного набора морфологических типов лепных сосудов, различных для северо-западной и юго-восточной частей Таманского полуострова, и соотносящихся с этими зонами разными гончарными традициями составления формовочных масс (из ила и илистой глины для северо-западной области и из глины с дресвой из кальцита – для юго-восточной). Граница между областями распространения керамики различных типов и двух указанных групп гончарных традиций для VI–V вв. до н. э.[1] определяется по условной линии, начинающейся примерно в 15 км севернее Горгиппии, в районе некрополя Красный Курган и заканчивающейся немного восточнее современной станицы Варениковская, близ поселения Шуха-1 [*Клемешова* 2019в, 31–32; *Клемешова, Романченко, в печати*]. Автор связывает данные отличия с территориями расселения различных местных племен, известных в этом районе по письменным источникам. Положение дел для второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. пока не вполне ясно ввиду небольшого количества материалов.

Для II–III вв. н. э. отмечается совершенно иная картина на всех исследованных памятниках. Лепная керамика этого времени присутствует на четырех: Ильичевском

[1] Возможно, и для периода VI–I вв. до н. э. в целом, т. к. противоречащих этому материалов не обнаружено.

городище (т. н. «посаде») из раскопок 2015 г. [*Бонин, Шаров* 2016, 59–61], поселении Чекупс-2 (раскопки Д. Г. Баринова в 2019 г.), поселении Артющенко-1 (раскопки Ю. А. Виноградова) и в Горгиппии. Кратко отмечу, что лепная посуда «посада» Ильичёвского городища совершенно отлична от керамики поселения Артющенко –1, а также от лепного комплекса двух других упомянутых памятников. При этом керамика Ильичевского городища, поселения Чекупс-2 и большая часть найденной в Горгиппии, отлична по морфологии и изготовлена в соответствии с другими гончарными традициями, нежели существовавшие в предшествующий период в этих же местах. Изучение же лепных сосудов расположенных в юго-восточной части Азиатского Боспора поселения Чекупс-2 и Горгиппии и сопоставление их с соответствующими материалами окружающих территорий позволило получить весьма интересные результаты, которые представляется уместным представить ещё до полного окончания всех исследований.

В Горгиппии и на ряде поселений юго-востока Боспора, на территории «юго-восточной» зоны, описанной в начале статьи, во II–III вв. н. э. появляется в значительном количестве керамика совершенно иных, весьма специфических форм и сделанная в абсолютно других гончарных традициях, чем керамика предшествовавшего периода (для которого характерны, прежде всего, корчаги различных форм и размеров, корчагообразные горшки с биконическим туловом и округлобокие миски, встречаются горшки без выделенного горла[2]). Наиболее основательно была изучена посуда поселения Чекупс-2[3], расположенного близ станицы Варениковская, примерно в 30 км к северо-востоку от Горгиппии.

Она характеризуется, помимо отличающегося набора форм, иной технологией изготовления: составом формовочных масс, обработкой поверхности, орнаментацией, режимом обжига. К этой керамике относятся горшки без выделенного горла[4] (рис. 1. *4*, *16*), часто с несколькими сосцевидными и узкими вертикальными налепами, сосуды без выделенного горла, но с длинным, узким носиком-сливом и вертикально поставленной ручкой с противоположной стороны тулова (рис. 1. *1*), миски с четко выраженным, но слегка сглаженным ребром в верхней части тулова, сильно вогнутыми стенками ниже этого ребра и венчиком, прямым или слегка наклоненным внутрь, иногда имеющим Т-образную в разрезе форму края (рис. 1. *12–15*), толстостенные курильницы (?) на круглой ножке (рис. 1. *6*, *7*, *9*, *10*). Некоторые из последних сильно закопчены изнутри. Судя по аналогиям, они могут иметь иногда две небольшие петлевидные ручки с внешней стороны вместилища. На части сосудов встречается один или несколько вертикальных удлиненных, сосцевидных или дугообразных налепов (рис. 1. *2*, *3*, *5*, *8*, *16*). У некоторых горшков имеется орнамент в виде прочерченной под венчиком волнообразной линии (рис. 1. *4*, *8*). Практически вся посуда толстостенная (толщина не менее 10 мм).

[2] Наилучшее представление о них, до выхода соответствующей публикации автора настоящего исследования, можно получить по материалам некрополя у хутора «Рассвет» [*Новичихин* 2010, 214–215, 224–226, рис. 217, 224]

[3] Выражаю глубокую признательность Д. Г. Баринову за предоставленную возможность работы с материалами и их публикацию.

[4] Горшки без выделенного горла были распространены в античное время по всему Причерноморью и Приазовью [*Клемешова* 2019б, 310–314].

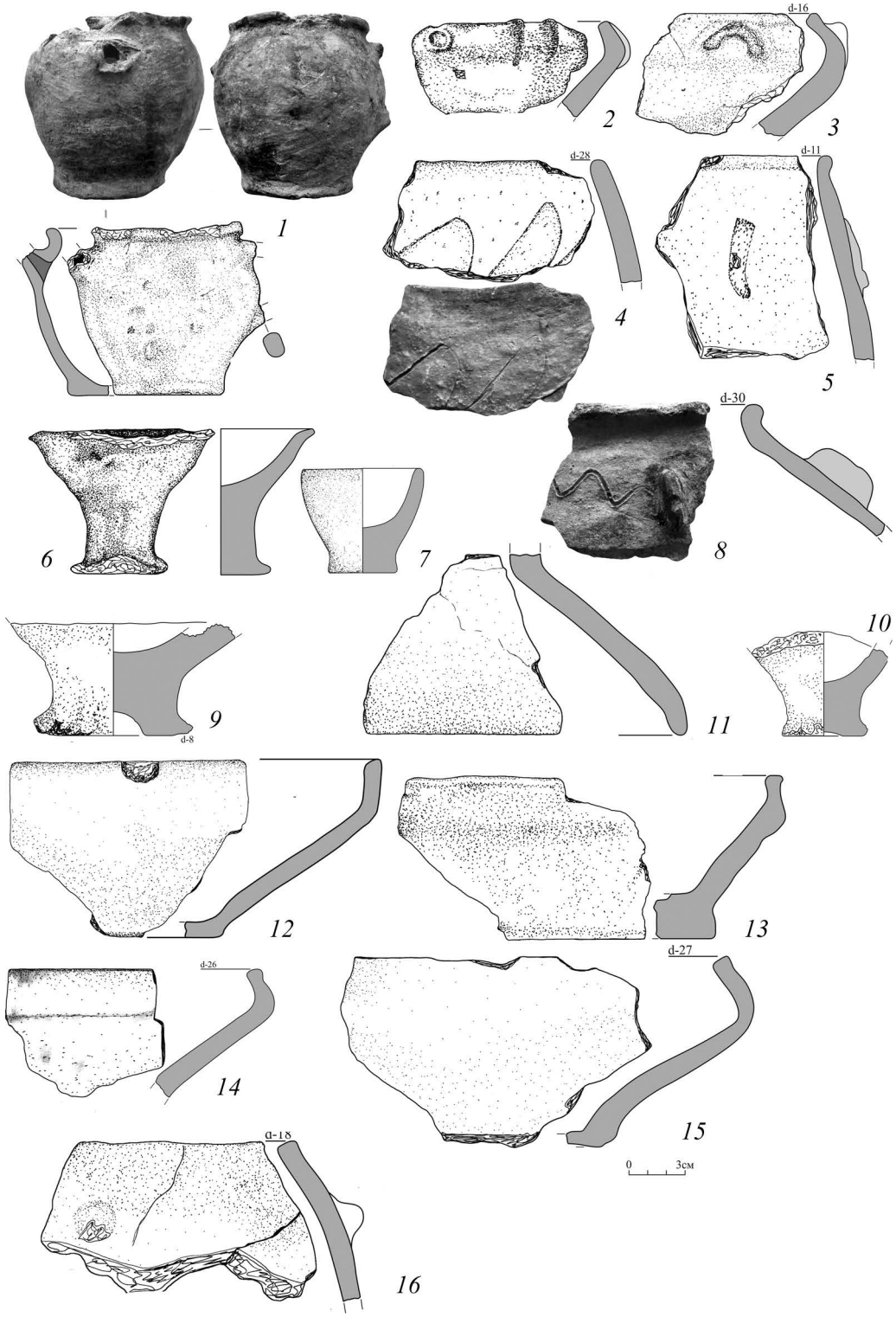


Рис. 1. Лепная керамика II–III вв. н. э. поселения Чекупс-2

Таблица 1. Состав формовочных масс по категориям посуды

Рецепт ФМ	Горшки	Миски	Курильницы	Всего
Гл (ил.гл.?) + +Ш + ОР	–	1	–	**1**
Гл + Ш + ОР	8	12	3	**23**
Гл + Ш+ Др (кварц. песч.) + ОР	–	1	–	**1**
Итого:	**8**	**14**	**3**	**25**

Пояснения: Гл. – глина, Ил. гл. – илистая глина, Ш – шамот, Др (кварц. песч.) – дресва из кварцевого песчаника, ОР – органический раствор.

Формовочные массы[5] этой керамики имеют состав: *«глина + шамот + органический раствор»* с использованием, в основном, крупного и очень крупного шамота с размерами включений от 3–4 до 7–12 мм, добавляемого в пропорции 1:2–1:5, чаще всего 1:3–1:4. В одном случае дополнительно отмечается добавка дресвы из кварцевого песчаника (с частицами до 2 мм в количестве 1:6). В шамоте часто отмечается примесь шамота из такой же слабоожелезненной глины. Глина использовалась слабо- или среднезапесоченная, с естественной примесью пылевидного или размером 0,1 мм, полупрозрачного кварцевого песка с единичными включениями слегка окатанных частиц до 0,2 мм, единичных обломочных и слегка окатанных железистых включений размерами до 1–2 мм, редко – до 8 мм; в отдельных образцах – обломочного известняка и кварцевого песчаника размером от 0,5–1 мм, до 1–3 включений на кв. см. Органический раствор фиксируется по наличию в свежих изломах темно-коричневого или прозрачного налета различной интенсивности с влажным жирным блеском, как правило, довольно густого, и блестящих сгустков того же цвета во впадинах.

Подробно состав формовочных масс этой посуды по категориям представлен в таблице 1.

Преобладающая (за редкими исключениями) часть такой посуды обожжена в окислительной атмосфере (светло-рыжий цвет обеих поверхностей), реже полувосстановительной (бежевый или серо-бежевый цвет поверхностей) или восстановительной. Черепок чаще всего прокален на всю толщину, т. е. излом имеет светло-рыжую окраску.

На некоторых мисках и курильницах есть лощение, как правило, слабое. Относится оно, в основном, к сосудам, обожженным в полувосстановительной и восстановительной атмосфере. В целом, для данной керамики лощение нехарактерно. Поверхность чаще всего очень грубая, плохо заглаженная.

В заполнении объектов и поштыковом материале вместе с этой керамикой в значительном числе встречаются фрагментированные и целые керамические плитки со сквозным отверстием или без него и с округлыми вдавлениями по одной из граней. Иногда вдавления встречаются на плоскости плиток. Эта группа находок обычно встречается с III в. до н. э. по II–III в. н. э. [*Соломоник* 1979]. Назначение их неизвестно. Для античных памятников Таманского полуострова присутствие таких керамических плиток абсолютно нехарактерно, в отличие от меотских городищ Прикубанья.

[5] Результаты получены при исследовании свежих изломов керамики под бинокулярным микроскопом МБС-10 при увеличении до 56 крат в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН.

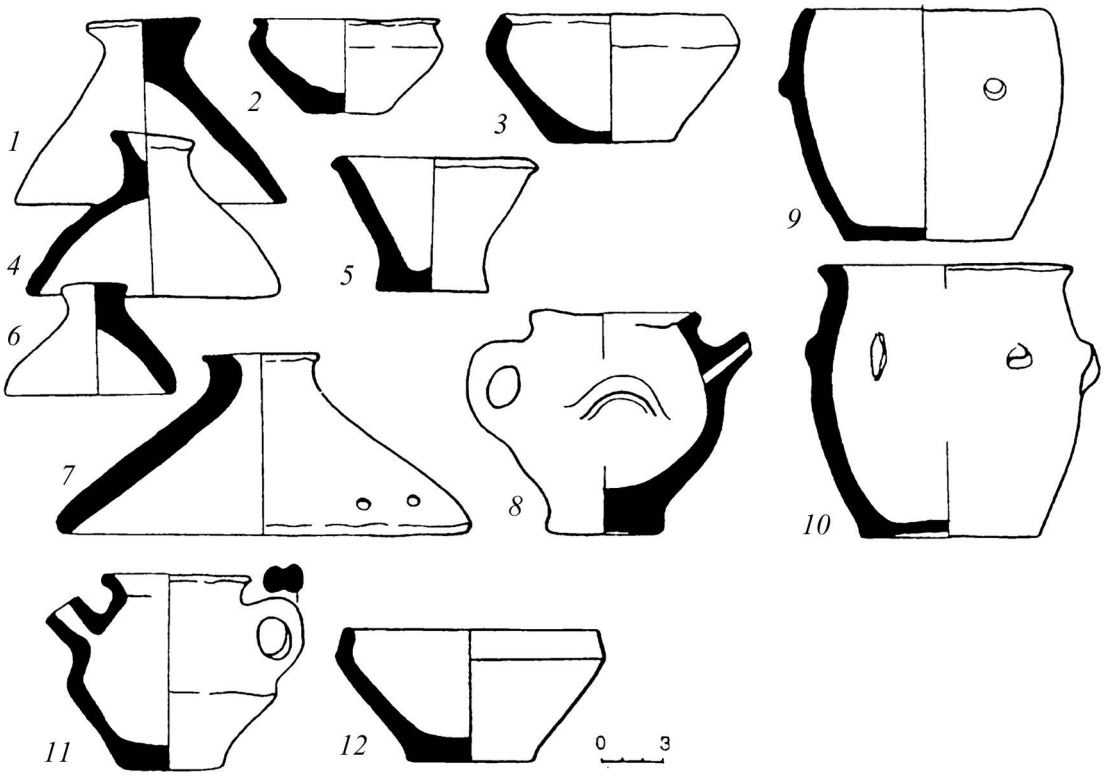


Рис. 2. Лепная керамика II–III вв. н. э. из Горгиппии
(по: *Алексеева* 1997, табл. 112, 129, 226)

Подобная же керамика происходит из хорошо датированных объектов (домов) II – первой половины III в. н. э. Горгиппии (рис. 2) [*Алексеева* 1997, 180, 268, 269, 277, табл. 112. *2, 4, 5*; 129. *16, 18*; 226. *1–6, 8, 13–15, 19*]. Можно отметить такие же горшки без выделенного горла или со слегка отогнутым венцом с сосцевидными и вертикальными узкими налепами, толстостенные миски с выраженным ребром в верхней части тулова и вогнутыми в придонной части стенками, многочисленные крышки (или курильницы?) с широким массивным основанием и одни из самых характерных сосудов этого керамического комплекса – горшки с круглым вытянутым носиком и вертикально поставленной ручкой с противоположной стороны тулова.

Аналогичный набор посуды, по литературным данным, присутствует на поселении Джигинка Анапского района в слое II–III вв. н. э. (рис. 3; 4) [*Каргин, Кононова* 2017, 240–243, рис. 6. *1–5, 13*; 7. *1–6, 8, 13–20*] и на поселении I в. до н. э. – IV в. н. э. у пос. Мысхако (основной материал – II–III вв. н. э.) [*Дмитриев, Малышев, Шишлов, Федоренко* 1994, 143–144, рис. 5]. В качестве примесей к формовочным массам авторы упомянутых статей отмечают на поселении Джигинка крупный шамот и дресву, на поселении у поселка Мысхако – крупную или среднюю дресву из кварцита[6] [*Каргин, Кононова* 2017, 242;

[6] Возможно, имеется в виду примесь дресвы из кальцита, широко распространенной в этом районе в качестве примеси к ФМ лепной посуды с эпохи бронзы и вплоть до средневековья.

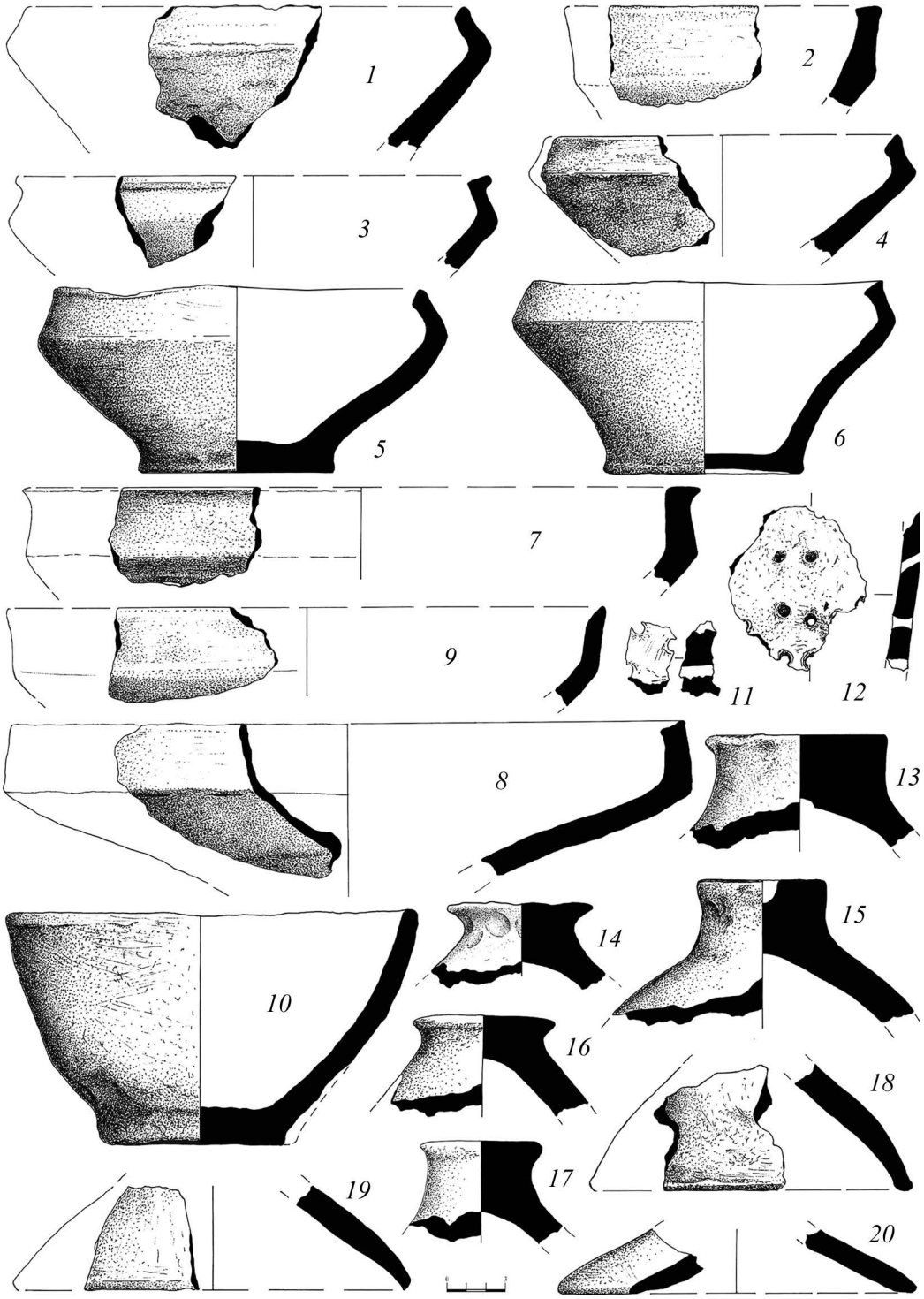


Рис. 3. Лепная керамика II–III вв. н. э. поселения Джигинка
(по: *Каргин, Кононова* 2017, рис. 7)

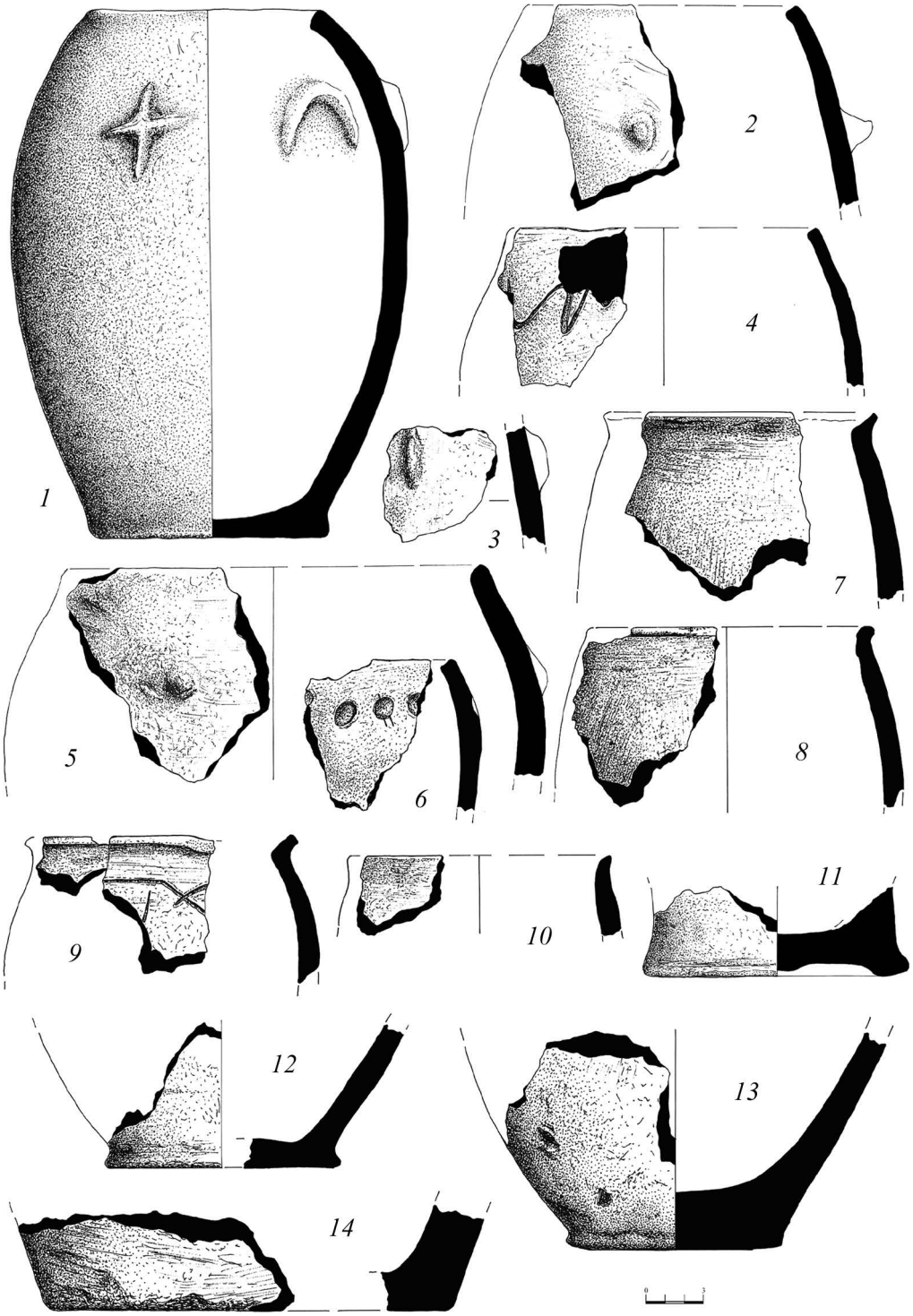


Рис. 4. Лепная керамика II–III вв. н.э. поселения Джигинка
(по: *Каргин, Кононова* 2017, рис. 6)

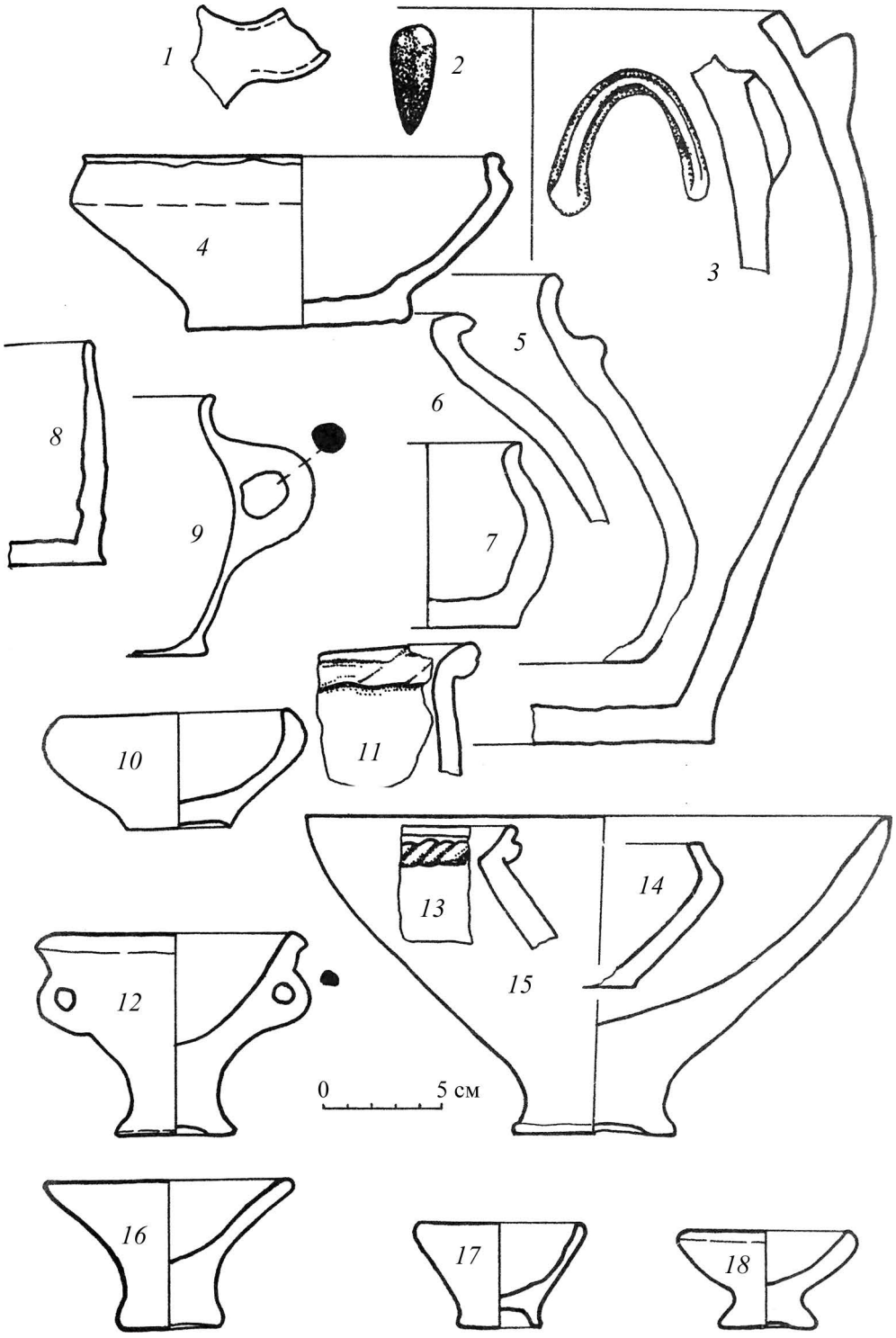


Рис. 5. Лепная керамика поселения I–IV вв. н. э. у поселка Мысхако
(по: *Дмитриев, Малышев, Шишлов, Федоренко* 1994, рис. 5)

Дмитриев, *Малышев*, *Шишлов, Федоренко* 1994, 143–144]. На обоих памятниках отмечены также находки меотских керамических плиток, аналогичных обнаруженным на поселении Чекупс-2 [*Каргин, Кононова* 2017, 240, 243, рис. 5. *18, 19*; *Дмитриев, Малышев, Шишлов, Федоренко* 1994, 144; рис. 6. *4–9*].

Культурная принадлежность этой керамики неясна. Можно констатировать только ее глубокие морфологические и технологические отличия от лепной посуды северо-западной и юго-восточной частей Азиатского Боспора VI–I вв. до н. э., которые не могли сформироваться на базе существовавших в этом регионе гончарных культурных традиций за один-полтора века, разделяющие появление рассматриваемой керамики от посуды, постоянно отмечаемой на этой территории по I в. н. э. включительно. Надо уточнить, что традиционная для юго-восточного района Азиатского Боспора лепная посуда продолжает надежно фиксироваться здесь одновременно с появившейся во II–III вв. н. э., что можно наблюдать, например, по материалам Горгиппии и некрополя у Широкой Балки [*Алексеева* 1997, 268, 269, 271, 277, 278, табл. 114. *5*, 129. *13*, *17*, *19*, *20*; 153. *15*; 226. *11, 12, 17, 18*; 238. *6*; *Малышев* 2011, 262–263, рис. 227]. В некоторых случаях, вероятно, можно говорить о смешении навыков изготовления традиционной и «новой» керамики [*Алексеева* 1997, 269, табл. 129. *20*]. Эти обстоятельства и массовость находок такой посуды на ряде поселений юго-восточной части Боспора во II–III вв. позволяют в качестве объяснения предположить ее «инородность» и появление здесь в это время какой-то иной, пришлой, достаточно значительной группы населения, являющейся носителями как иных гончарных традиций, так и частично отличающейся бытовой культурой использования лепной посуды.

Ближайшие аналогии таким изделиям, как это ни неожиданно, обнаружены в соответствующем керамическом материале Ольвии и Березани конца IV/III – первой половины I в. до н. э. [*Марченко* 1988, рис. 29; 30. *2, 3, 7*]. Там отмечаются той же формы чаши на ножке, в том числе с двумя петлевидными ручками, миски с ребром в верхней части и вогнутыми в придонной части стенками. Для лепной керамики Западного и Северо-Западного Причерноморья античного и доантичного времени характерны также различной формы налепы (сосцевидные, дугообразные, вертикальные, валикоообразные и пр.), связываемые с фракийской керамической традицией [*Вязьмитина* 1969; *Никулицэ* 1987, 42–50, рис. 2; *Черняков* 1985, 150–151]. На лепной посуде обеих культурных зон Азиатского Боспора налепы встречаются редко, в основном, в виде дугообразных ручек-упоров у горшков и округлых выступов на краях венчиков мисок. Поиск соответствующих параллелей в лепном керамическом комплексе первых веков н. э. сопредельных территорий и Северо-Западного Причерноморья [*Кастанаян* 1981; *Арсеньева* 1965; 1969; *Гудкова* 1999; 2003–2004], в целом, не дал пока ощутимых результатов.

Для выяснения культурной принадлежности и происхождения рассматриваемой керамики необходимо дальнейшее ее изучение на более широком круге памятников, и любые более конкретные выводы пока представляются преждевременными.



Список литературы

А*рсеньева* Т. М. 1965. Лепная керамика Танаиса. Вып. I. Открытые сосуды // Древности Нижнего Дона (МИА. 127). М., 169–201.

Арсеньева Т. М. 1969. Лепная керамика Танаиса. Вып. II. Горшки // Античные древности Подонья –Приазовья (МИА. 154). М., 173–219.

Б*обринский* А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М., 272.

Бобринский А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, 5–109.

Бонин А. В., *Шаров* О. В. 2016. Н. И. Сокольский и его батарейки (от укреплений к поселениям) // БЧ. XVII, 57–62.

В*язьмитина* М. И. 1969. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. 150, М., 119–134.

Г*удкова* А. В. 1999. I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // Stratum plus. 4, 235–404.

Гудкова А. В. 2003–2004. Лепная керамика ранней черняховской культуры // Stratum plus. 4, 383–396.

Д*митриев* А. В., *Малышев* А. А., *Шишлов* А. В., *Федоренко* Н. В. 1994. Исследование археологических объектов античной эпохи в окрестностях поселка Мысхако в 1992 году // БС. 4, 146–155.

К*аргин* Ю. Ю., *Кононова* С. А. 2017. Охранные раскопки поселения Джигинка римского времени и раннего средневековья в 2014 г. (г. к. Анапа, Краснодарский край) // Археологические записки. 9. Ростов-на Дону, 238–256.

Кастанаян Е. Г. 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л., 177.

Клемешова М. Е. 2017а. О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ. 21, 228–240.

Клемешова М. Е. 2017б. Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010–2012 гг. (по данным технико-технологического анализа) // КСИА. 247, 249–264.

Клемешова М. Е., *Ломтадзе* Г. А. 2018. Некоторые особенности керамического комплекса конца II–I вв. до н. э. поселения Ахтанизовская-4 // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2, 310–317.

Клемешова М. Е. 2019а. К вопросу о возможных греческих гончарных традициях изготовления лепной керамики (по материалам раскопок поселения Ильич-1 в 2015–2016 гг.) // Вестник Нижегородского университета. 1, 28–37.

Клемешова М. Е. 2019б. Типы лепной посуды поселения и некрополя Вестник-1 // ДБ. 24, 303–324.

Клемешова М. Е. 2019в. Смешанные составы формовочных масс лепной керамики как индикатор межкультурных контактов на юго-востоке Азиатского Боспора // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах: Материалы V международной научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб, 30–32.

Клемешова М. Е., *Романченко* А. С. Лепная керамика поселения Шуха-1 эпохи поздней бронзы и античного времени // Материалы международной конференции «X Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа», *в печати*.

М*арченко* К. К. 1988. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н. э. (по материалам лепной керамики). Л., 143.

Малышев А. А. 2011. Погребальный инвентарь некрополя в Широкой Балке // Некрополи Черноморья. IV. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке. М., 242–302.

Н*икулицэ* И. Т. 1987. Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. // Кишинев, 270.

Новичихин А. М. 2010. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // Некрополи Черноморья. III. Население архаической Синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет). М., 204–238.

С*оломоник* Э. И. 1979. Кубанские керамические плитки // СА. 4, 167–179.

Ч*ерняков* И. Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев, 171.

Summary

M. E. Klemeshova
Hand-made ceramic dated to II–III AD from the settlements of South-East of Asiatic Bosporus (preliminary results of study)

The paper describes hand-made ceramic dated to II-III C. AD of several archaeological sites situated in South-East of Asiatic Bosporus. Its morphology, forms set and technological specificities have considerable differences with the same characteristics of hand-made pottery this region of previous period. The cultural affiliation of this ceramic is not clear. The closest analogies in morphology and set of forms found among hand-made ceramic complex of Olbia and Berezan' of the end of IV/III – the first half of the I C. BC. The author supposes such ceramic being heterogenous for this territory and having been made by some not of local origin group of people appeared there in II–III C. AD. It is necessary to study further this ceramic in wider circle of sites to determine its cultural affiliation and origin.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.257-266

А. В. Ковальчук
(Свободный исследователь, г. Москва)

С. Ю. Сапрыкин. Боспорское черепичное клеймение // Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования (112). М. – СПб., 2020. 320 с.

Тема, выбранная Сергеем Юрьевичем Сапрыкиным для исследования, очень интересна и актуальна. Черепичные клейма являются важным источником для изучения социально-экономической и политической жизни Боспорского царства, а их массовые находки в археологических комплексах и слоях позволяют рассматривать клейма как датирующий материал. В первой половине XX века исследованием черепичного производства занимались такие известные ученые, как Б. Н. Граков и В. Ф. Гайдукевич.

Впоследствии появилось немало работ, посвященных черепичным клеймам, но во всех них без исключения освещались либо вопросы типологии и хронологии отдельных клейм и некоторые проблемы организации производства, либо публиковались коллекции музейных собраний. В связи с этим появление монографии С. Ю. Сапрыкина, рассматривающего зарождение и эволюцию черепичного производства через призму исторических событий, изменения характера царской власти и ее взаимоотношений с боспорскими полисами, безусловно, является важным событием в научном мире и привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Эта работа подводит некоторый итог столетнего изучения черепичных клейм, позволяет еще раз взглянуть на достоверно установленные факты, спорные и нерешенные вопросы, касающиеся, прежде всего, характера участия царской власти в производстве черепиц, существования полисных магистратур, датировки поздних штампов и времени прекращения клеймения.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и приложения, включающего в свой состав хронологические определения черепичных штампов, рисунки, таблицы и список сокращений.

Во Введении автор приводит краткий историографический обзор истории изучения боспорской черепицы, охватывающий период с середины XIX века до настоящего времени, на основании которого читатель вводится в круг проблем, связанный с этой группой керамического материала. Представленный список работ носит практически исчерпывающий характер, автору удается выделить важные вехи в процессе исследования черепиц и критически обобщить накопленный опыт.

Для полноты очерка мы добавили бы в этот обзор сборник, изданный под руководством И. Б. Зеест [*Зеест* 1966]. В нем впервые были подробно рассмотрены типологические отличия и сходства черепиц, произведенных в Пантикапее, Фанагории и Горгиппии, которые и составляют «боспорскую черепицу».

Мы вынуждены еще раз кратко обратиться к каталогу черепицы из Керченского музея, опубликованного Н. Ф. Федосеевым [*Федосеев* 2012], так как это материал, судя по рисункам в приложении, стал наряду с исследованием В. И. Каца [*Кац* 2015] фактической основой рецензируемой работы. Мы признаем безусловную ценность данной работы, однако характеристика каталога как содержащего «все экземпляры» черепичных клейм «из раскопок и разведок, произведенных на Европейском Боспоре за все годы» [*Сапрыкин* 2020, 11], к сожалению, далека от реальности. В частности, недавняя сверка материала, поступившего в Керченский музей из раскопок в Нимфее с 1994 по 2010 гг. дает нам следующие цифры. За этот период в музей, согласно описи, было сдано 529 клейм на черепице, из них в каталоге значится 201 экземпляр. Упомянем, что в ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится материал, полученный в ходе исследований в Пантикапее до 90-х годов XX века (более 1000 черепичных клейм). В каталог также не вошли находки из Феодосии.

Логичным введением в проблему изучения боспорской черепицы служит первая глава «Организация черепичного клеймения в эллинских государствах», в которой автор рассматривает различные группы клейм, известные из городов Греции, Малой Азии и Причерноморья, и включает таким образом боспорское черепичное клеймение в общегреческий контекст.

Черепица подразделяется на несколько типов в зависимости от заказчика продукции (полис, храм или цари), которые также выступали гарантом качества и стандарта выпускаемой продукции [*Сапрыкин* 2020, 19]. Отметим, что если считать клейма с легендами δημόσιος/ δημόσιοι/ δημόσιαι [*Сапрыкин* 2020, 27], ἱεροί/ ἱερά [*Сапрыкин* 2020, 28-29] и βασιλικός/ βασιλική [*Сапрыкин* 2020, 44] обозначением заказчика, лицом, дающим подряд, то интерпретировать таким же образом клеймо [βασιλεί]ων/ [ἱερέ]ων [*Сапрыкин* 2020, 29] неверно, так как эти легенды стоят в разных падежах. Не совсем ясно, как на основании клейм можно различать черепицы, выпущенные по заказу храма в частных мастерских или в эргастериях при святилище. Достоверным свидетельством существования последних могут служить либо открытие в непосредственной близости от них производственных печей и отвалов с керамическим браком, либо упоминание в письменных источниках.

Далее автор рассматривает клейма с названием полиса [*Сапрыкин* 2020, 32] и упоминанием построек, для которых предназначались строительные материалы [там же, 25–26], легенды с именами царей [там же, 42–46] и частных лиц [там же, 38]. Мы воздержались бы от вывода о том, что имена, стоящие в Nom., обозначают мастеров/подрядчиков, в то время, как вырезанные в Gen. принадлежат «мастерам, подрядчикам, которые могли быть наделены функциями эпонимного магистрата» [там же, 38], так как в противном случае придется таким же образом интерпретировать все клейма, стоящие на боспорской черепицы. Утверждение о принадлежности монограммных клейм метекам [там же, 39–40] тоже вызывает много вопросов.

Особый раздел первый главы посвящен процессу организации заказов и оплаты черепицы, в котором исследователь рассматривает эпиграфические памятники

Элевсина, Делоса и Эпидавра, дающие сведения о ценах на строительные материалы и очерчивающие круг чиновников, отвечающих за контроль и изготовление черепицы [*Сапрыкин* 2020, 50–52, 57]. Кратко характеризуется функционирование откупной системы в Афинах [там же, 54–55]. Этот небольшой раздел является некой вводной частью ко второй главе «Сокращения в клеймах Боспора». В ней С. Ю. Сапрыкин останавливается на группе боспорских клейм со знаком в виде полумесяца, который встречается в легенде перед или после личного имени, написанного в сокращенной форме. Этот, казалось бы, частный вопрос имеет ключевое значение для всей монографии, отказ от его интерпретации в качестве персидского полумесяца или знака сокращения позволяет автору по-новому реконструировать организацию производственного процесса.

В вводной статье к IOSPE III знак в виде лунарной сигмы был определен Б. Н. Граковым как сокращение [*Граков* 1958]. Однако отметим, что, вопреки мнению автора [*Сапрыкин* 2020, 59], в последние десятилетия никто не считал его знаком сокращения в прямом смысле этого слова. Исследователь выделяет несколько видов «лунообразных знаков» и приписывает им разное значение [там же, 63]. «Лунообразный знак, напоминающий полумесяц» он предлагает трактовать как лунарную сигму, которая обозначает половину [там же, 63, 66]. Небольшой знак, расположенный выше основной надписи в клеймах ΑΘ, ΖΩ, ΛΥ, является, возможно, все же сокращением или знаком половины, как и в первом типе [там же, 65]. Знак половины С. Ю. Сапрыкин трактует как знак уплаты «половины всей суммы за половину работы, сделанной по подряду» [там же, 67], т. е. мастера брали подряд на изготовление половины заказанной партии черепицы, за которую они могли получить аванс в виде половины суммы заказа [там же, 68, 72–73]. Если черепица изготавливалась хорошего качества и в срок, то она «поставлялась тем же мастером с клеймом его имени без знака половины», и оплата производилась за всю партию целиком [там же, 69]. В качестве примера исследователь приводит клейма Гермократа, Притана, Гиппократа, Алкима и Астидама, которые нам известны как с луновидным знаком, так и без него [там же, 76].

Практика уплаты половины стоимости подряда в казну устанавливается при Перисаде I, при котором происходит усиление государственного контроля за производством черепицы [*Сапрыкин* 2020, 76]. Эти изменения выражались прежде всего в том, что основным заказчиком-распределителем подрядов на изготовление строительных материалов выступал сам царь [там же, 77], который по окончании работ забирал «обратно половину суммы оплаты за подряд» [там же, 77, 79]. Отталкиваясь от подобного понимая луновидного знака, автор рассматривает историю взаимоотношения боспорских правителей и собственников ремесленных мастерских.

Интерпретация луновидного знака в качестве обозначения половины вызывает следующие возражения.

Прежде всего, в Греции, на материалы которой ссылается С. Ю. Сапрыкин, рассказывая о системе подрядов, откупов и оплаты производства черепицы, подобный знак на черепице не встречается, он известен нам только на Боспоре.

Согласно вышеописанной концепции, в случае, если мастера, которые выполняли заказ на половину партии черепицы (и соответственно ставили в свое клеймо знак половины), справлялись со своей задачей качественно и вовремя, то они изготовляли

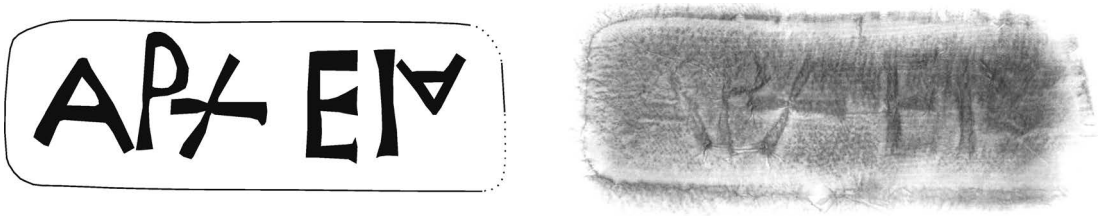


Рис. 1 Клеймо с легендой ΑΡΧΕΙΑ

оставшуюся часть, штампуя изделия клеймами без знака половины. Однако у нас нет ни одного эргастеарха, штемпели для клеймения черепиц которого с луновидным знаком и без него были бы вырезаны одним и тем же резчиком. Хотя отрезок времени, отделявший производство первой и второй партии, не мог быть большим.

Наконец, отметим, что клейма с этим знаком известны короткий промежуток времени (приблизительно 330–300 гг. до н. э.) и зафиксированы исключительно на черепице, произведенной в Пантикапее. Если подобная организация откупной системы была так прибыльна для правящей династии [*Сапрыкин* 2020, 79], то почему она так быстро прекратила свое существование. Возникает также вопрос, почему этот знак отсутствует в горгиппийских клеймах. Попытку реконструкции в одном из клейм с легендой ΑΡΧΕΙΑ собственного имени со знаком сокращения следует признать неудачной. Изучение фотографий и протирок этого штампа свидетельствуют скорее в пользу восстановления надписи ΑΡΧΕΙΑ с перевернутой последней альфой (рис. 1).

Глава 3 «Производство и хронология выпусков черепицы на Боспоре в IV – первой половине III в. до н. э.» посвящена черепичным клеймам, выпущенным в период правления Левкона I, Спартока II, Перисада I, Эвмела, Спартока III и Перисада II.

В начале главы исследователь указывает что производство черепицы на Боспоре формируется на основе двух факторов – интерпретации лунарного знака в качестве знака половины и понимании правления Спартокидов как древнегреческой тирании [*Сапрыкин* 2020, 80]. Относительно первого фактора мы уже высказались. Отметим также, что предложенная С. Ю. Сапрыкиным реконструкция системы получения доходов от производства и поставок строительных материалов на Боспоре [там же, 82–84] опирается на аналогии с разрозненными данными, происходящих из Греции.

Автор рассматривает известные на сегодняшний день черепичные клейма и распределяет их по девяти группам [*Сапрыкин* 2020, 85–87]. Признаки, послужившие основой группировки, не совсем ясны. На наш взгляд, выделение отдельной группы с именами Спартокидов спорна, хотя бы потому, что принадлежность некоторых из имен правящей династии сомнительна [там же, 85], кроме того, нет веских оснований объединять в одну группу полные и сокращенные имена правителей и отделять их от остальных личных имен [там же, 86]. Также неясно помещение в две разные группы клейм с легендами βασιλικός и ἰδιοτικός [там же, 87].

Клейма ΓΟΡ и ΠΑΝΤΙ С. Ю. Сапрыкин трактует как сокращенные названия городов Пантикапея и Горгиппии [*Сапрыкин* 2020, 87] и относит к полисному клеймению, появившемуся во время правления Эвмела (310–304 гг. до н. э.), при котором «греческие

полисы Боспора обрели политические и гражданские права» [там же, 95, 102]. Очевидно, что автор в своих выводах опирается на общеизвестный отрывок Диодора (Diod. XX. 24, 3–4), в котором историк повествует о созыве народного собрания и восстановлении отеческого образа правления, сообщает об обещании освободить жителей от налогов и податей. Заметим, что в указанном пассаже речь идет, по-видимому, только о Пантикапее [*Толстиков, Виноградов* 1999, 295]. В любом случае, распространять эти привилегии на все полисы Боспора нет достаточных оснований.

Кроме того, клейма с легендой ГОР по археологическим данным, по-видимому, относятся к третьей – четвертой четверти IV в. до н. э. [*Кац* 2015, № 1697–1741]. Они составляют подавляющую часть коллекции черепиц, изготовленных в Горгиппии (около 40 экземпляров), и их появление следует скорее связывать с основанием Горгипии и развернувшимся во второй четверти – середине IV в. до н. э. строительством города по единому плану [*Завойкин* 2013, 429].

К группе клейм, обозначающих постройки автор относится штампы АФРО retro, АФРОΔΙΤΗΣ (у С. Ю. Сапрыкина АФРОΔΙ, АФРОΔΙΤ, АФРОΔΙΤΗΣ [*Сапрыкин* 2020, 103]) и АРХЕІА. Принадлежность первых храму Афродиты не вызывает сомнений [*Ковальчук* 2007]. Напомним, что четыре из пяти клейм найдены в Кепах, одно происходит из Фанагории. Аргументы, доказывающие, что эти черепицы принадлежат кровле храма не в Кепах, а в Апатуре [*Сапрыкин* 2020, 104–106], местоположение которого до сих пор точно неизвестно, нам кажутся неубедительными. Отсутствие находок клейм при раскопках святилища может объясняться расхищением и вторичным использованием черепиц после гибели храма. Наличие штампа ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ, возможно, свидетельствует о ремонтных работах или указывает на то, что кровля была изготовлена по царскому заказу (ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ) для храма Афродиты (АФРОΔΙΤΗΣ), что отчасти подтверждается близкими датами изготовления этих керамид.

С. Ю. Сапрыкин трактует штампы АРХЕІА в качестве прилагательного жен. род, относящегося к слову «керамида» [*Сапрыкин* 2020, 111; *Ковальчук* 2017, 246–248] и считает, что они «фиксировали государственный заказ на партию черепицы, стандарт которой подтверждали власти» [*Сапрыкин* 2020, 111]. Если интерпретировать ἀρχεία κεραμίς как «государственная черепица» или «черепица от власти» [там же, 111], то ее датировка по понятным причинам ограничивается периодом между 360-ми годами IV в. до н. э. и началом III в. до н. э. С. Ю. Сапрыкин по аналогии с продатированным им 50-ми годами IV в. до н. э. клеймами МНТРО | ΔΩРОУ относит данные штампы к 350–340 гг. до н. э. [*Сапрыкин* 2020, 108]. Возникает вопрос, почему изготовление черепицы с клеймами АРХЕІА ограничивается исключительно территорией Горгиппии. Мы также вынуждены кратко остановиться на вопросе определения относительной и абсолютной хронологии керамических клейм.

При работе с большим количеством материала созданию хронологии предшествует его классификация, которая включает в себя несколько этапов. А именно, – составление типологической классификации, взаимное расположение типологических групп при помощи синхронистического метода, датирование этих групп на основании археологического, нумизматического, палеографического и морфологического методов. Заключительной фазой является попытка исторической интерпретации смены одних групп

другими [*Виноградов* 1972, 16; *Кац* 2007, 141]. Работа по типологической классификации черепичных клейм производилась различными исследователями на протяжении ста лет. На сегодняшний день типологические группы располагаются в следующей последовательности: личные имена в сокращении, личные имена в сокращении с луновидным знаком, имена в полном написании с сохранением падежного окончания [*Ковальчук* 2007]. В представленной монографии автор пренебрегает созданной типологией и датирует клейма из разных групп одним и тем же временем, ставя во главу угла историческую интерпретацию. Это касается, прежде всего, штампов ΑΡΧΕΙΑ, ΛΕΥΚΩΝΟΣ, ΛΕΥΚ|ΩΝΟΣ, ΜΗΤΡΟ|ΔΩΡΟΥ, ΣΠΑΡ|ΤΟΚΟΥ, которые исследователь относит к 360–350 гг. до н. э., как и личные имена в сокращении без луновидного знака [*Сапрыкин* 2020, 132, 136, 140, 148–149, 299]. В то время, как клейма ΑΙΣΧΥΛΟΥ, ΔΙΟΤΙΜΟΥ, ΕΠΙΚΡΑΤΟΥ, ΟΡΧΑΜΟΥ и др. датирует уже III в. до н.э. [там же, 301–302].

Временем Левкона I С. Ю. Сапрыкин определяет клейма ΓΟΡ|ΓΙΠ|ΠΟ|Υ в плющевом венке [*Сапрыкин* 2020, 124, 132], ΑΡΧΕΙΑ [там же, 132], ΛΕΥΚΩΝΟΣ, ΛΕΥΚ|ΩΝΟΣ [там же, 134, 138, 142], ΜΗΤΡΟ|ΔΩΡΟΥ [там же, 139] и клейма в виде листа плюща и датирует их 360–350 гг. до н. э. [там же, 140]. Ко времени Спартока II относит штампы ΣΠΑΡ, ΣΠΑΡΤΟΚΟ, ΣΠΑΡ|ΤΟΚΟΥ [там же, 148, 149].

Относительно неправомерности датировки полных имен первой половиной IV в. до н. э. мы уже высказались. Характерно, что В. И. Кац также относит клейма с именами Левкона и Метродора в полном написании ко второй половине – концу III в. до н. э. [*Кац* 2015]. Возникшее противоречие – существование одновременно клейм двух типов, С. Ю. Сапрыкин объясняет учреждением при Левконе I коллегии эпимелетов, результатом введения которой стало «появление многочисленных керамических эргастериев, что в свою очередь привело к клеймению черепицы именами их владельцев – частных лиц» [*Сапрыкин* 2020, 143–144], их имена в клеймах сокращались, в отличие от имен членов династии Спартокидов [там же, 145]. В случае со Спартоком II исследователь старается развести клейма с именем правителя в сокращенной форме и имена в полной форме по времени и датирует штампы ΣΠΑΡΤΟΚΟ и ΣΠΑΡ|ΤΟΚΟΥ началом его правления, а клейма ΣΠΑΡ – концом царствования [*там же,* 149].

Интересно объяснение появления клейм гераклейских фабрикантов на Боспоре. По мнению автора, они относятся ко времени после окончания войны за Феодосию [*Сапрыкин* 2020, 120], «когда клеймение черепицы на Боспоре еще только начиналось … и контроля за ее производством со стороны властей еще не было» [там же, 121]. Это предположение кажется нам правдоподобным. Но вопреки мнению ученого [там же, *118*], клейма на гераклейских амфорах и боспорских черепицах выполнены одним и тем же штампом [*Kovalchuk* 2009], что подтверждает восстановление в легенде имен Дионисия и Бакха.

С. Ю. Сапрыкин анализирует распределение клейм на различных памятниках сельской хоры Боспора [там же, 163–173] и предлагает датировать клейма с сокращениями имен без луновидного знака концом 350 – началом 330 гг. до н. э. [там же, 154, 190], а появление луновидного знака относить к началу 30-х годов IV в. до н. э. [там же, 167, 190], что, на наш взгляд, соответствует действительности.

Гипотеза о сосуществовании этих двух видов клейм на протяжении третьей четверти IV в. до н. э. [там же, 176] требует более пристального рассмотрения. Заслуживает

внимания обоснование более позднего появление клейм с именем Притана – около 320–310 гг. до н. э. [там же, 161], как и предложение видеть в мастере клейма МНΣС, МНΣΤОС Местора, сына Гиппосфена, известного по памятникам лапидарной эпиграфики [там же, 169].

Исследователь рассматривает имена боспорских правителей в клеймах в качестве аналогии термину «государственная черепица» в греческих полисах [*Сапрыкин* 2020, 181]. Такие штампы обычно указывали, что строительство проводилось по государственному заказу, от лица тиранов. Обычно к сфере их ведения относились общественные сооружения [там же, 181]. С. Ю. Сапрыкин верно отмечает отсутствие клейм Перисада на сельских поселениях Европейского Боспора, которое он объясняет тем, что поставки черепицы на хору осуществлялись «не по государственному заказу, а по соглашениям между владельцами усадеб и попечителями-эпимелетами» [там же, 178]. Вышеуказанная особенность чрезвычайно интересна и требует дальнейшего изучения. Укажем лишь, что нам известно на поселении Генеральское-Западное два штампа с сокращенным именем Спартока.

Ко времени Эвмела автор относит кардинальные изменения в производстве черепичной продукции: прекращение употребления в клеймах имен в сокращенном написании [*Сапрыкин* 2020, 191], появление «полисного клеймения» [там же, 191] и изменение положения клейм на черепице. Граница IV–III вв. до н. э. верно определена как переход к написанию имен в полной форме с сохранением падежного окончания [там же, 192]. Мы, как и С. Ю. Сапрыкин, опирающийся на данные палеографии и анализ комплекса находок с Раевского городища [там же, 193–194], допускаем принадлежность черепичных штампов с именем Эвмела династу из рода Спартокидов. Перемена в положении клейм в поле керамиды не связана с временными изменениями, оно зависит от места изготовления черепицы: на пантикапейских керамидах клеймо в большинстве случаев ставится у края черепицы, на горгиппийских – в центре. Существование в это время собственной мастерской в Нимфее [там же, 221] сомнительно, упомянутое клеймо СВІ известно также из Кеп.

Ко времени Эвмела ученый относит также появление клейм частных лиц в полном написании: рубежом IV–III вв. до н. э. он датирует штампы Сатириона [*Сапрыкин* 2020, 197, 200] и Кратиппа [там же, 198], которые выполняли обязанности эпимелетов или были эргастериархами-эпонимами [там же, 198–199]. Находки большого количества клейм Сатириона автор объясняет тем, что этот фабрикант работал под покровительством Спартокидов [там же, 221] и некоторое время после прекращения полисного клеймения почти единолично выполнял частные заказы [там же, 221–222].

Отметим, что клейма Сатириона более, чем на 90% нам известны по находкам на территории усадьбы у Солдатской слободки. Их количество скорее свидетельствует не об особом положении фабриканта, а фиксирует масштабные и одномоментные или близкие по времени строительные работы на указанном памятнике. Упомянем также, что на поселении Манитра подавляющее большинство черепичных клейм также принадлежат одному мастеру[1].

[1] По словам А. В. Бонина подавляющая часть черепиц была проштампована клеймом МНΣС

Мы сомневаемся в существовании клейм с полным написанием имени Кратиппа, так как этот штамп уникален и известен только по отчету В. Н. Юргевича. Больше всего настораживает неизвестное по другим памятникам написание имени с одной буквой «*пи*».

Правление Спартока III связано с некоторыми переменами в черепичном клеймении: теперь «клейма на керамиды ставили исключительно Спарток и частные лица» [*Сапрыкин* 2020, 202]. Анализируя эволюцию титулатуры Спартока III в лапидарных надписях, автор предлагает относить штампы Σπαρτόκου, Σπαρτόκου, Σπαρ|τόκου к первому периоду правления тирана (304 – начало 280-х гг. до н.э.), а с легендой Βασιλέως | Σπαρτόκου и Σπαρτόκου | Βασιλέως ко времени после 280 г. до н.э. [там же, 204]. Опираясь на общеизвестную близость палеографии клейм с именами Спартока и Перисада в полном написании, сравнение шрифта клейм с монетными находками и данными лапидарной эпиграфики [там же, 207], С. Ю. Сапрыкин датирует их соответственно временем Спартока III и Перисада II [там же, 204–205, 208]. Эволюция титулатуры Перисада II в монументальных надписях и предложенная нами датировка клейм βασιλικός, βασιλικὴ позволили исследователю говорить о «реорганизации производства и клеймения черепичной продукции», которая выразилась в переходе от черепиц с именем Перисада к «царским» клеймам. Эти изменения автор связывает с принятием Перисадом в 270–240 гг. царского титула [там же, 209], что выглядит странно, так как царский титул по логике вещей он должен был унаследовать от своего отца.

На наш взгляд, вопрос о принадлежности штампов Перисаду II и Спартоку III или Спартоку IV и Перисаду IV пока в связи с отсутствием надежных археологических данных остается открытым.

Ко времени Спартока III и Перисада II относятся также штампы с именами частных лиц [*Сапрыкин* 2020, 209]. Надежных оснований для их датировки у нас пока нет, в связи с этим предложенные С. Ю. Сапрыкиным даты являются во многом условными [там же, 210–218]. Упомянутых в клеймах людей автор предлагает рассматривать в качестве фабрикантов-эпонимов, которые «выполняли заказы частных лиц по подрядам на поставку продукции для общественных построек» [там же, 219]. В случае с «двойными» клеймами Неокла и Пантера, один фигурирует как фабрикант, второй – как эпимелет [там же, 220].

К середине III в. до н.э. исследователь относит очередные изменения в системе производства черепиц. Были образованы «два фонда оплаты работ по подрядам» – царский, который финансировал изготовление черепиц для построек царского или полисного характера, «от имени которого ставили клейма ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ», и частный, отвечающий за заказы частных лиц и клеймивший продукцию штампами ΙΔΙΩΤΙΚΗ/ ΙΔΙΩΤΙΚΟΣ [там же, 225].

Четвертая глава посвящена клеймению боспорской черепицы в период с середины III по начало II в. до н. э. В это время единственными становятся клейма с легендами βασιλικός / βασιλική и ἰδιωτικός / ἰδιωτική [*Сапрыкин* 2020, 229, 251]. В начале главы С. Ю. Сапрыкин рассматривает существующие интерпретации надписей на этих штампах [там же, 225–233] и их датировку [там же, 234–239] и приходит к заключению, что данная группа черепиц начала производится около 265 г. до н. э. [там же, 239], и они изготовлялись вплоть до появления черепиц с именем архонта Гигиэнонта на рубеже III–II в. до н. э. [там же, 242, 256]. Аргументация обозначенной даты вызывает много вопросов.

Так, время архонства Гигиэнонта нам точно не известно, а указание на отсутствие этих штампов на сельских поселения Караларского побережья третьей четверти III – рубежа II/I вв. до н. э. объясняется бедностью последних, среди находок которых фрагменты черепицы вообще отсутствуют.

Автор отрицает существование царской монополии на черепичное производство, по его мнению, штампы βασιλικός / βασιλική означают выпуск черепицы по царскому подряду, на деньги царя для зданий государственного значения [там же, 245, 251]. А клейма ἰδιωτικός / ἰδιωτική отражают «право частных мастеров и поставщиков заключать контракты на подряды по обслуживанию частных построек на средства заказчиков» [там же, 253]. Отмечая их сходство с клеймами Эвтесиона, исследователь относит их к концу второй четверти – середине III в. до н. э. [там же, 254]. Отметим, что штампы ἰδιωτικός / ἰδιωτική нам известны всего в трех экземплярах, в связи с этим они вряд ли могли удовлетворить потребность в черепице частных лиц. Надежных данных для датировки клейм Эвтесиона, как и остальных имен в полном написании, первой половиной III в. до н. э. у нас нет.

Имена с предлогом διά, стоящие на черепице, происходящей преимущественно из Горгиппии (несколько экземпляров известно также из Фанагории), автор приписывает эпимилетам [там же, 265]. К самым поздним клеймам на боспорской черепице ученый относит штампы архонта Гигиэнонта, которые он определяет концом первой – началом второй четверти II в. до н. э. [там же, 269].

В Заключении обобщаются основные положения монографии.

Монография снабжена многочисленным иллюстративным материалом – прорисовками, фотографиями, взятыми из работ В. А. Анохина, А. В. Ковальчук и Н. Ф. Федосеева.

Книга С. Ю. Сапрыкина подводит итог столетнего изучения боспорских черепичных клейм и достойна внимания всех, кто интересуется этой категорией археологического материала. Исследователю удалось суммировать основные достижения в этой области, предложить новый взгляд на решение некоторых спорных вопросов и наметить основные направления дальнейшего изучения черепичных клейм.



Список литературы

В*иноградов* Ю. Г. 1972. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. X, 3–63.

Г*айдукевич* В. Ф. 1934. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 211–315.

Граков Б. Н. 1959. Боспор Киммерийский. Клейма на керамидах и калиптерах (Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III). М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2172.

З*авойкин* А. А. 2013. Образование Боспорского государстваю Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь – Керчь, 591.

Зеест И. Б. 1966. Боспор // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы (САИ. Г1–20). М., 158.

К*ац* В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора, Семибратнее городище. Саратов, 180.

Ковальчук А. В. 2007. Черепица с именем Афродиты из Кеп // БФ: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2, 314–316.

Ковальчук А. В. 2007. Керамические строительные материалы Боспора в эпоху эллинизма (типология и хронология боспорских черепичных клейм). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 22.

Т*олстиков* В. П., *Виноградов* Ю. Г. 1999. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи. М., 282–304.

Ф*едосеев Н. Ф.* 2012. Керамические клейма. 1. Боспор (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция керамических клейм). Киев, 159.

K*ovalchuk A. V.* 2009. Dachziegel mit «Efeustempel» // Phanagoreia und seine historische Umwelt: Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.). Göttingen, 143–151.



Summary

A. V. Kovalchuk
S. Yu. Saprykin. Tile stamps of Bosporus» // Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University. Ser. II. Historical reearch (112). M — Spb., 2020. — 320 p.

The article is a brief review on the book «Tile stamps of Bosporus» published by S. Yu. Saprykin in 2020 and devoted to the tile stamps seen in the context of the social and political history of Cimmerian Bosporus. The review gives a concise summary and analysis of the book's content, offers some critical assessment.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.267-282

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко
(Кубанский государственный университет, г. Краснодар)

Атрибуция и хронология эллинистических канфаров из меотских погребений

В меотских погребениях эллинистического времени привозной керамики очень немного, но эти редкие находки чрезвычайно важны как для хронологической интерпретации отдельных комплексов, так и для понимания объема и географии культурно-экономических связей местного населения Прикубанья с эллинским миром. Импорт этого времени представлен, главным образом, родосскими амфорами, а также немногочисленными находками столовых сосудов (лагинос, чернолаковые миски, «мегарские» чаши). Канфаров эллинистической серии пока известно всего шесть экземпляров из грунтовых могильников Елизаветинского городища, хут. Ленина № 3 и Спорное. В этой маленькой коллекции выделяются три разные формы канфаров: *округло-биконические*, *с резким «угловатым» профилем* и *с отделенным от тулова горлом*.

Округло-биконические канфары **№ 1–3** имеют плавный профиль, наибольшее расширение тулова приходится на среднюю часть. Венчик плавно отогнут. Ручки уплощенные в сечении, с катушковидными налепами. Поддон кольцевой, профилированный. Т. В. Егорова первоначально назвала этот тип «биконическим» [*Егорова* 2009, 49], что, на наш взгляд, не совсем точно. По-видимому, это вызвало сомнение и у А. А. Масленникова, который определил форму тулова таких канфаров-кубков как «подбиконическую» или «бочковидную» [*Масленников* 2016, 240]. В более поздних специальных работах, посвященных вопросам хронологии и места производства эллинистических канфаров, Т. В. Егорова употребляет для их обозначения название «S-видные», принимая терминологию зарубежных исследователей [*Егорова* 2017, 73; 2018, 511]. В материалах Афинской агоры аналогичные сосуды отсутствуют, но, как считается, их прототипами были канфары с «угловатым» профилем *(angular)*, появившиеся около 275 г. до н. э., или даже несколькими годами ранее. Эта форма хорошо известна и на других памятниках Греции [*Rotroff* 1997, 100–101].

Производство канфаров округло-биконической (или S-видной) формы связывают с разными центрами Эгейского региона и Западного Причерноморья. Изготовление их в Пергаме продолжалось длительное время: со второй четверти III – до начала или даже середины II в. до н. э., а наиболее поздний экземпляр был найден в закрытом комплексе (цистерне) второй четверти I в. до н. э. [*Schäfer* 1968, 49, 58, Abb. 3, *3*, Taf. 15, 16;

Meyer-Schlichtmann 1988, 67, Taf. 8, 39, 40, Typ S6]. В Македонии округло-биконические канфары типа С1 массово производились в последней четверти III в. до н. э. [*Hellenstic Pottery*… 1991, хронол. табл.]. К местной продукции, вероятно, принадлежит и канфар этой формы из Аполлонии [*Dupont* 2014, 349, fig. 15].

В Северном Причерноморье (на Боспоре, в частности), судя по имеющимся данным, во второй половине III–II вв. до н. э., основную позицию занимал пергамский импорт, причем, среди прочих сосудов преобладали канфары эллинистического типа с «подвесками» [*Егорова* 2016, 261, 262]. Особенно много S-видных канфаров пергамского производства происходит из старых раскопок эллинистического некрополя Ольвии [*Фармаковский* 1903, 39, рис. 34; *Паровић-Пешикан* 1974, 80–82, тип IV, рис. 77, 79. *1–3*; *Журавлев* 2015, 195, рис. 1. *2*]. Пергамский кубок этого типа был найден в Южном дворце Неаполя Скифского, в слое пожара 1 третьей четверти II в. до н. э. в контексте с фрагментами более ранних чернолаковых сосудов [*Зайцев* 1998, 52, 57, 58, рис. 3. *25*; *Зайцев* 2003, 14, рис. 59. *2*; *Егорова* 2009, 51; 2018, 516; *Журавлев* 2015, 195–196].

Тем не менее, для северо-причерноморских канфаров округло-биконической (S-видной) формы исследователи выделяют и другие центры производства. В памятниках Северо-Западного Крыма – это (кроме Пергама) Эфес, Македония, Метилена [*Егорова* 2009, 49–51]. Происхождение большинства фрагментов «бочковидных» канфаров из раскопок городища Сююрташ (Золотое восточное) в Крымском Приазовье А. А. Масленников связывает с Эфесом и относит к первой половине II в. до н. э., отмечая при этом, что хронологический диапазон существования таких изделий может быть расширен до рубежа II–I вв. до н. э. [*Масленников* 2016, 340–341, рис. 3. *3*, *5*, *7*, *15*].

Как заметила Т. В. Егорова, узкая датировка комплексов с S-видными канфарами из Северного Причерноморья, за редким исключением, ограничивается последней третью – концом II в. до н. э. По её предположению, некая малоазийская мастерская могла продолжать выпуск традиционной формы канфаров специально для этого региона, или же эти сосуды использовались здесь в течение более длительного времени [*Егорова* 2017, 74–75]. В целом, период производства таких канфаров в разных центрах продолжался со второй четверти (ближе к середине) III в. до н. э. до середины – третьей четверти II в. до н. э., поэтому, как считает исследовательница, относить их к концу II–I в. до н. э. нет надежных оснований [*Егорова* 2018, 516].

Для канфаров с S-видным профилем характерна орнаментация в стиле «западного склона» *(West Slope)*. Особенно часто встречается узор, называемый «ожерельем с остроконечными (или копьевидными) подвесками» (*spearhead necklace*), который использовался для украшения разных видов чернолаковой керамики до конца эллинистического периода. «Подвески», как правило, «свисают» с зигзагообразной линии. Выше зигзага – тонкая сплошная линия и линия из точек. Все орнаментальные детали наносились жидкой глиной. Наиболее ранний образец эллинистического канфара с прямыми стенками *(straight wall)* из Афинской агоры, украшенный таким «ожерельем», датируется 310–290 гг. или даже ранее [*Rotroff* 1997, 99, no. 170]. Реже «подвески» прикреплены к прорезной зигзагообразной линии, которая, как считается, не встречается раньше середины III в. до н. э. [*Rotroff* 1997, 58–59, nos. 239, 582, 1171, 1270]. Тем не менее, прорезными элементами (гирлянда и зигзаг) украшен фрагмент чаши с «подвесками»,

найденный в закрытом комплексе (группа В Афинской агоры) с тем самым канфаром, который, возможно, относится еще к концу IV в. до н. э. [*Thompson* 1934, 331, 338, 339, fig. 18, 19, В 21, В 26].

Канфар **№ 1** (рис. 1. *2*, *3*) из погребения № 25/1989 г. Елизаветинского могильника № 1 по размерам – самый большой их трех сосудов, имеющих плавный S-видный профиль, и заметно выделяется «мешковатым» туловом, раздутым посередине высоты сосуда. Канфар орнаментирован аккуратно процарапанной линией, напоминающей одновременно и зигзаг, и волну, из соединенных дуг с остроконечными «подвесками» на концах. Ниже ручек проточен по лаку узкий горизонтальный желобок (по-видимому, рудиментарный элемент, напоминающий о классических формах). По пропорциям (К – 0,95) этот сосуд сравним с прототипами – канфарами формы *angular* первой (ранней) стадии из Афинской агоры, большинство которых относятся ко второй четверти III в. до н. э. [*Rotroff* 1997, 99, 100, 101, nos. 193–199]. Не исключено, что и канфар **№ 1** может относиться к этому периоду.

Из инвентарной описи КГИАМЗ известно, что в погребении вместе с канфаром **№ 1** была найдена родосская амфора «в обломках»[1]. Из этого же комплекса происходит и глубокая чернолаковая миска с загнутым краем (рис. 1. *1*). Этот сосуд принадлежит к распространенному типу (*echinus bowl: deep*), но среди эталонных экземпляров Афинской агоры полностью аналогичных нет, так как миска, скорее всего, неаттического производства. И все же, некоторые признаки: тонкие, слабо округленные стенки, выгнутое снизу дно, ровный, небольшого диаметра поддон с абсолютно плоской подошвой, а также отсутствие внутренней декорации позволяют предположить, что время изготовления миски приходится на вторую половину III – середину II вв. до н. э. [*Rotroff* 1997, 163, nos. 1004, 1010, 1012]. Этим весьма широким периодом пока придется ограничить и хронологию комплекса из Елизаветинского могильника № 1, так как «обломки» амфоры, которая могла бы уточнить дату, пока в фондах КГИАМЗ недоступны для изучения.

На канфарах **№ 2** и **№ 3** той же формы проточенная линия ниже ручек отсутствует, на горле – гладкая ленточная гирлянда со свисающими концами. На сосуде **№ 2** орнамент с остроконечными «подвесками» восстановлен по остаткам белой краски (рис. 1. *4*). На канфаре **№ 3** сохранился только отпечаток гладкой гирлянды, следы «подвесок» не прослеживаются (рис. 2. *2*, *3*). Эти два сосуда почти не отличаются размерами и профилем. Но, все-таки, тулово канфара **№ 2** несколько раздуто в нижней части, а стенки канфара **№ 3** немного резче сужаются к поддону. По форме им особенно близки пергамские канфары с плавным профилем из числа ольвийских находок [*Парович-Пешикан* 1974, рис. 77. *4*; 79. *2*; *Журавлев* 2015, рис. 1. *2*), а также сосуды из Беляусского могильника предположительно македонского производства с датировкой не ранее первой четверти II в. до н. э. [*Егорова* 2009, 49–51, № 558, 560].

Канфар **№ 2** из погребения № 25/1934 г. Елизаветинского могильника № 1 входил в состав комплекса вместе с серолощеной меотской керамикой (рис. 1. *5*–*9*), формы

[1] КГИАМЗ, номер хранения КМ 10855/111.

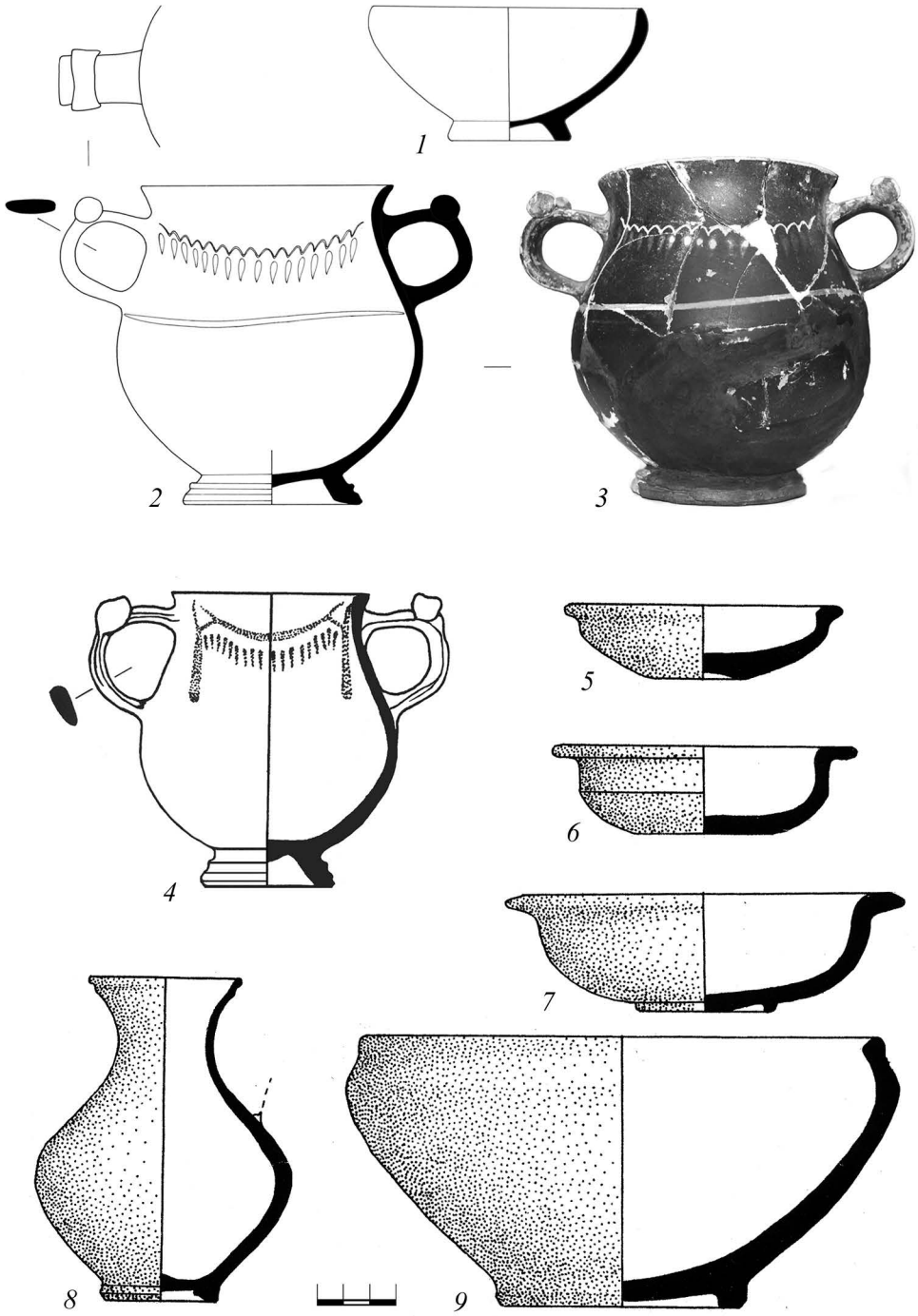


Рис. 1. Елизаветинский могильник № 1, материал погребений с эллинистическими канфарами: *1* – миска чернолаковая; *2, 3* – чернолаковый канфар, **кат. № 1** (*1–3* – п. № 25/1989 г.); *4* – чернолаковый канфар, **кат. № 2**; *5–9* – меотские сероглиняные сосуды (*4–9* – п. № 25/1934 г., по рисункам И.С. Каменецкого)

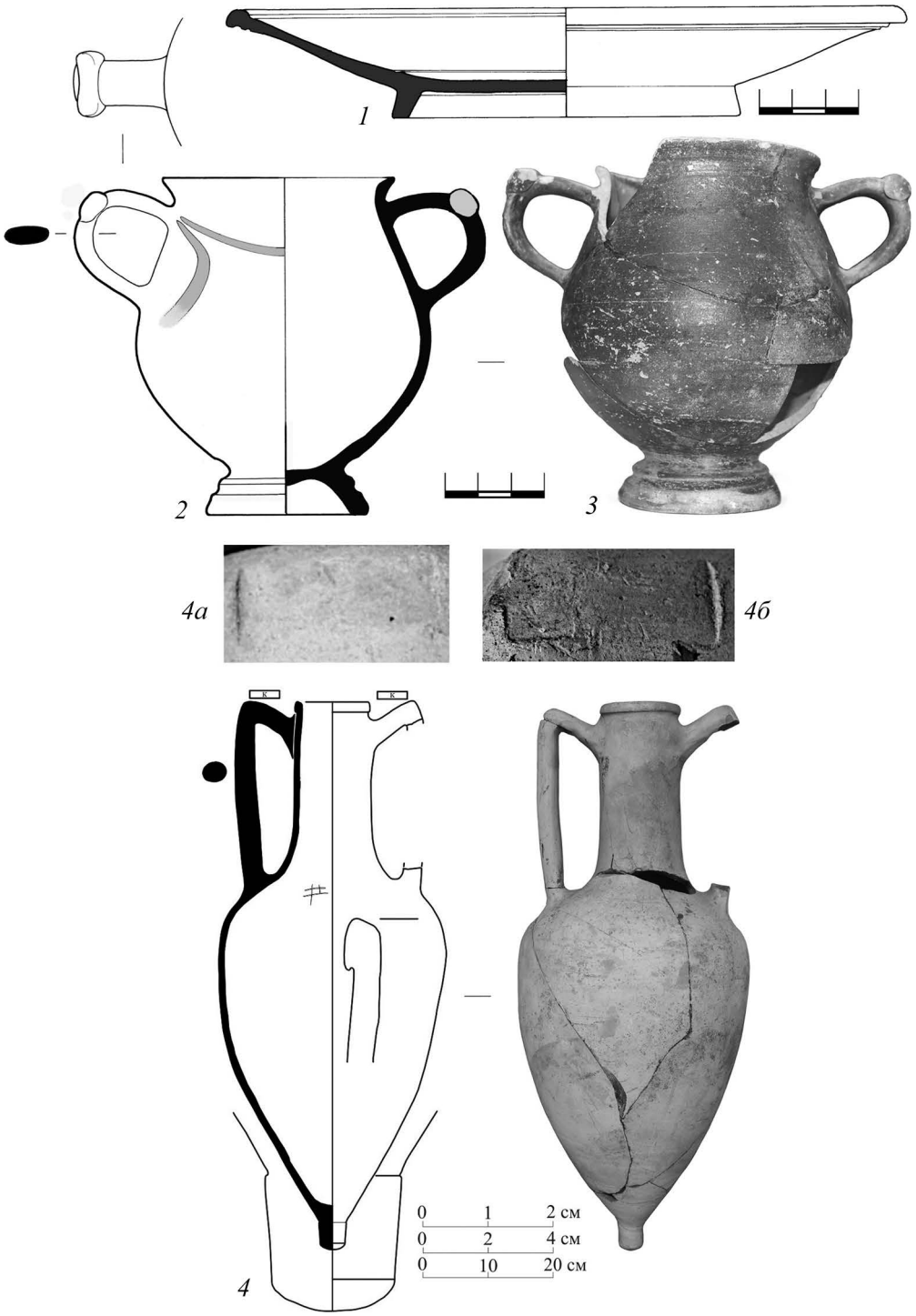


Рис. 2. Могильник городища № 3 хут. Ленина, раскоп III, п. № 5/1982 г.:
1 – тарелка буролаковая; *2, 3* – канфар чернолаковый, **кат. № 3**;
4 – амфора родосская; *4а, 4б* – клейма на ручках амфоры

которой (в частности, чашечек с отогнутым краем) характерны для середины – второй половины III в. до н. э. [*Лимберис, Марченко* 2005, 224–225, 239, хронолог. табл.].

Канфар **№ 3** был найден в погребении № 5/1982 г. (раскоп III) могильника городища № 3 хут. Ленина совместно с буролаковой тарелкой (рис. 2. *1*) и родосской амфорой *александрийского* варианта (I–F), клейма на которой не читаются (рис. 2. *4*). Хронология варианта широкая – вторая половина II–I вв. до н. э. [*Монахов* 2003, 120, 122, табл. 84. *4*]. Тарелка с нависающим валикообразным венчиком, подчеркнутым изнутри и снаружи глубокими желобками, очевидно, неаттического происхождения. Близкую профилировку венчика имеют некоторые соусницы типа *Projecting rim* из Афинской агоры, которые датируются 225–200 гг. [*Rotroff* 1997, nos. 741, 742]. Похожие венчики встречаются и на рыбных блюдах предположительно пергамского производства первой половины II в. до н. э. [*Егорова* 2009, 60, рис. 46, № 702]. Другой инвентарь, сопутствовавший в погребении канфару (в частности, типы местной сероглиняной керамики и лепной курильницы), не позволяет датировать комплекс в целом позднее начала второй половины II в. до н. э. [*Лимберис, Марченко* 2005, 226–227, рис. 49; 2019, 324–325, рис. 14].

О возможности продолжительного использования S-видных канфаров в среде местных прикубанских племен свидетельствует сосуд из сарматского погребения первой половины I в. до н. э. в кургане 2 у станицы Воронцовской в Динском районе Краснодарского края [*Раев, Беспалый* 2001, 26, табл. 5. *3*; *Limberis, Marčenko* 2008, 308, 382, Taf. 52. *7*, Kat.-Nr. 28. *6*]. С другой стороны, эта находка может рассматриваться и как косвенное подтверждение широкой хронологии существования данной формы эллинистических канфаров. Неожиданным примером проникновения таких сосудов в отдаленные районы Центрального Предкавказья является канфар из катакомбы № 17 II в. до н. э. Чегемского кургана-кладбища в Кабардино-Балкарии [*Керефов* 1985, 183, 187, рис. 9. *1*; 17а. *9*; *Абрамова* 1993, 61, рис. 15. *44*].

Канфары **№ 4 и № 5** имеют ***резкий «угловатый» профиль*** с ребром на линии наибольшего диаметра тулова, подчеркнутым узкой проточенной бороздкой, что заметно отличает их от S-видных («округло-биконических» по нашей терминологии).

Канфар **№ 4** (рис. 3. *1. 2*) ярко выраженной биконической формы происходит из погребения № 77 могильника городища Спорное. Его формованная ножка еще очень напоминает ножки канфаров классического типа. Похожие сосуды с «угловатым» профилем из причерноморских регионов отличаются от канфара из Спорного более вытянутой верхней частью [*Иванов* 1963, 198, тип VII, табл. 105, обр. 77, № 482; *Фармаковский* 1903, 38, рис. 32; *Паровић-Пешикан* 1974, 80, рис. 77. *6*, *7*]. Исследователи включают подобные сосуды в одну группу с S-видными, рассматривая их как ранний вариант [Егорова 2018, 514–515, рис. 1. *2*], но это могут быть и разные формы, связанные с одним прототипом – аттическими канфарами типа *angular*.

Канфар из Спорного, определенно схожий морфологически с канфарами типа *angular*, занимает промежуточное положение между сосудами большого *(large)* и малого *(small)* вариантов. По высоте (10 см) он всего на 0,5 см превышает малые канфары. Практически одинаковые по размерам и пропорциям канфары из Афинской агоры первой стадии развития большого варианта датируются 275–250 гг. [*Rotroff* 1997, 101, nos. 189, 190]. Маленькие экземпляры этого же времени часто находят в зольниках, поэтому

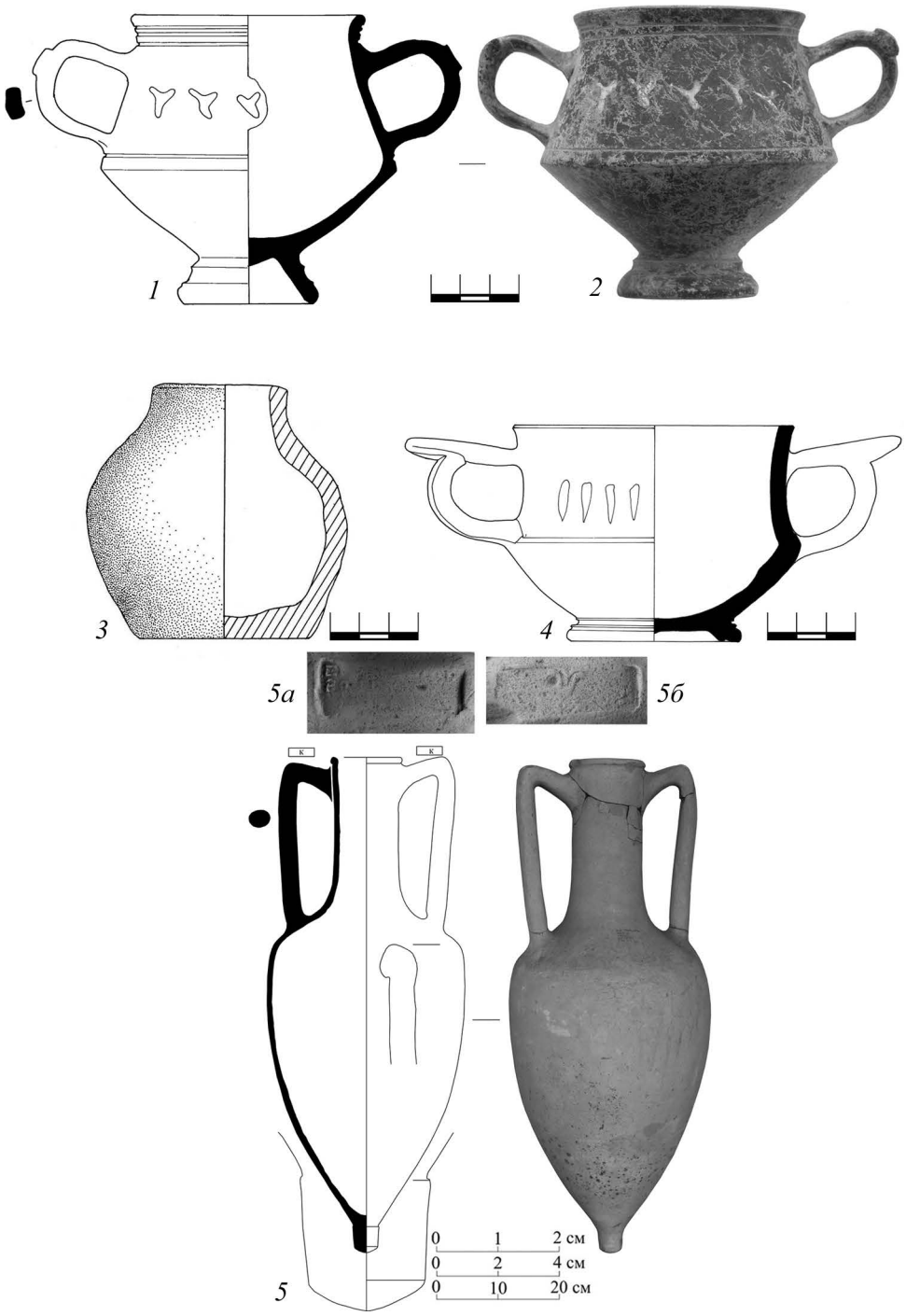


Рис. 3. Материал погребений с эллинистическими канфарами: *1, 2* – канфар чернолаковый, **кат. № 4**; *3* – меотский лепной горшок (*1–3* – могильник городища Спорное, п. № 77); *4* – канфар буролаковый, **кат. № 5**; *5* – амфора родосская; *5а, 5б* – клейма на ручках амфоры (*4, 5* – могильник городища № 3 хут. Ленина, р. VI, п. № 3 1983 г.)

они считаются вотивными, и по качеству изготовления уступают большим [*Rotroff* 1997, 102–103, nos. 219–229]. Растительный орнамент в стиле *West Slope* на канфарах этого типа часто представляет собой гирлянду из листьев плюща. Небрежно (схематично) изображенные Y-образные листочки плюща встречаются на сосудах второй – третьей четвертей III в. до н. э. [*Edwards* 1975, 46, 80, 81, Pl. 39, nos. 189, 412, 442; *Rotroff* 1997, pl. 21, no. 225]. Скорее всего, этим периодом и может быть ограничена хронология канфара **№ 4**. Возможностей для сужения датировки разрушенный комплекс не дает. Характерный рисунок плющевых листочков, как и плотная, хорошо отмученная оранжевая глина, позволяют предположить аттическое происхождение этого сосуда, хотя безусловного сходства по форме с афинскими экземплярами нет.

Канфар **№ 5** (рис. 3. *4*), найденный в погребении № 3/1983 г. (раскоп VI) могильника городища № 3 хут. Ленина, – приземистых пропорций, со слабо прогнутыми в верхней части стенками. От орнаментации в стиле *West Slope* сохранились отпечатки «копьевидных подвесок». Его профилировка также напоминает некоторые экземпляры миниатюрных канфаров типа *angular* [*Rotroff* 1997, nos. 221, 222], но в целом форма этого сосуда не находит прямых аналогий ни в афинской, ни в пергамской керамике. Очень похожие острые выступы (наследие классических канфаров) встречаются на ручках канфаров типа *baggy* 225–210 гг. из Афинской агоры, имеющих плавный «мешковатый» профиль [*Rotroff* 1997, nos. 252, 253]. Пергамские сосуды (Schäfer D 31, Meyer-Schlichtmann S7) с резким биконическим профилем, бороздкой и ручками с маленькими выступами, дополненными налепами, отличаются также более приземистыми пропорциями и отогнутым венчиком. Широкая датировка серии сосудов типа Meyer-Schlichtmann S7 укладывается в рамки середины II – середины I вв. до н. э. [*Schäfer* 1968, 58, Taf. 9, 10; *Meyer-Schlichtmann* 1988, 68, Taf. 8, 39, 41]. В качестве отдаленной аналогии можно также упомянуть резко-биконический канфар с длинными выступами на ручках из погребения № 50/1901 г. некрополя Ольвии конца III или II в. до н. э. [*Фармаковский* 1903, 54, рис. 56; *Паровић-Пешикан* 1974, 208, рис. 80. *8*].

Вместе с канфаром **№ 5** была найдена родосская амфора поздней серии варианта *виланова* (I–E–2) с клеймом эпонима Аглумброта, деятельность которого современная хронология ограничивает 197 г. до н. э. [Монахов 2003, 118–119; Finkielsztejn, 2001, 124, 192, tabl. 6, 19]. На этом основании комплекс был нами отнесён к первой четверти II в. до н. э. [*Лимберис, Марченко* 2005, 226, рис. 46; 2019, 322–323, рис. 9]. Таким образом, амфора, которая не может надолго «запаздывать» в погребении, дает нам и узкую датировку канфара.

Канфар **№ 6** из погребения № 21/1935 г. Елизаветинского могильника № 1 выделяется в рассматриваемой серии сосудов четко ***отделенным от тулова горлом.*** Такие сосуды нечасто встречаются в эллинистических памятниках и не имеют прямых аналогий среди материалов Афинской агоры, но явно представляют собой подражание и развитие классической формы канфаров. Под ручками канфара **№ 6** прочерчены три веерообразно расходящиеся линии, что подтверждает влияние оригинальных образцов. Гравированные Х-образные и Λ-образные знаки, особенно характерны для сосудов с каннелированными стенками. На керамике из Коринфа подобная орнаментация была распространена в последней четверти IV – второй четверти III в. до н. э. [*Edwards* 1975, 78].

Прототипами могли быть и аттические канфары с налепами на ленточных ручках и орнаментом в стиле *West Slope* на горле, которые в материалах Афинской агоры датируются от последней четверти IV в. до н. э. до 275–265 гг. [*Rotroff* 1997, 90, nos. 102–112]. Похожие канфары конца IV – начала III в. до н. э. с двуствольными ручками, украшенными налепами в виде комических масок, происходят из некрополя Аполлонии [*Иванов* 1963, 196, тип V, табл. 105, № 472] и здания U6 поселения Панское I [*Hannestad, Stolba, Hastrup* 2002, 128–129, 134, pl. 62, 70, B 23; *Hannestad, Stolba, Ščeglov* 2002, 280–282]. Аналогичный экземпляр из Горгиппии был найден в слое конца III – середины I вв. до н. э. [*Алексеева* 1997, 117, табл. 86. *23*]. Есть такие канфары и в эллинистическом некрополе Ольвии [*Паровић-Пешикан* 1974, 82–83, тип V, рис. 78. *1–3*].

На материалах ольвийского некрополя М. Паровић-Пешикан в свое время выделила два типа канфаров конца III–II вв. до н. э. с резко отделенным от тулова горлом. Елизаветинский сосуд по основным признакам совпадает с типом III, который отличают более вытянутые, по сравнению с типом II, пропорции. Канфары III типа, как и канфар **№ 6**, имеют округло изогнутые ручки без рельефных налепов и, нередко, гладкий, а не профилированный поддон, а также низкокачественное лакообразное покрытие. Роспись на горле также отсутствует. Учитывая эти детали, исследовательница предположила, что канфары типа III являются местными репликами более ранних привозных сосудов [*Паровић-Пешикан* 1974, 79–80, рис. 75. *4, 5, 7*, 76]. В настоящее время Т. В. Егорова отклонила это предположение М. Паровић-Пешикан, ссылаясь на ближайшие средиземноморские аналогии – канфары типа C из Македонии [*Hellenstic Pottery*… 1991, хронолог. табл.; *Егорова* 2009, 49].

Подобные сосуды, производившиеся в разных центрах Македонии (Фессалии), Малой Азии и Причерноморья, как правило, орнаментированы в стиле «западного склона», а их плоские или двуствольные ручки часто украшены ротелями или стилизованными выступами-шипами [*Егорова* 2009, 48–49, № 546; 2017а, 48, рис. 9, табл. 16, № 82; 2019, 126–127, рис. 2. *4–7*]. К примеру, такой канфар происходит из сакрального комплекса «Расщелина» в Крымском Приазовье [*Масленников* 2007, 287, № 30, рис. 119. *9*, 123. *2*]. На наш взгляд, все эти сосуды заметно отличаются от елизаветинского канфара **№ 6**, который по сравнению с ними выглядит более примитивно и грубо.

В погребении вместе с канфаром **№ 6**, кроме меотских сероглиняных мисок, были найдены красноглиняные рыбное блюдо и унгвентарий, скорее всего, боспорского производства. Образцами для рыбного блюда (рис. 4. *6*), судя по некоторым признакам (таким как угол венчика и выгнутый профиль стенки), послужили чернолаковые аттические блюда последней четверти III в. до н. э. [*Rotroff* 1997, 147–148, nos. 724–728]. Форма унгвентария (рис. 4. *4*), характерная для эллинистических памятников Северного Причерноморья, наиболее близка сероглиняным унгвентариям категории 4 из раскопок Афинской агоры, хронологические рамки которой приблизительно ограничиваются 250–150 гг. Наиболее близкий по форме сосуд был найден в контексте 250–210 гг. [*Rotroff* 2006, 150, no. 443]. Кроме того, в погребении присутствовала костяная булавка с плоским навершием (рис. 4. *5*). Такие изделия характерны для конца IV–III вв. до н. э., но ни разу не были встречены в меотских комплексах II в. до н. э. [*Лимберис, Марченко* 2005, 222–225, рис. 2. *4*, 5. *3*, 17. *18*, 20. *7*а; 2007, 72, рис. 39. *6*]. Поэтому наиболее

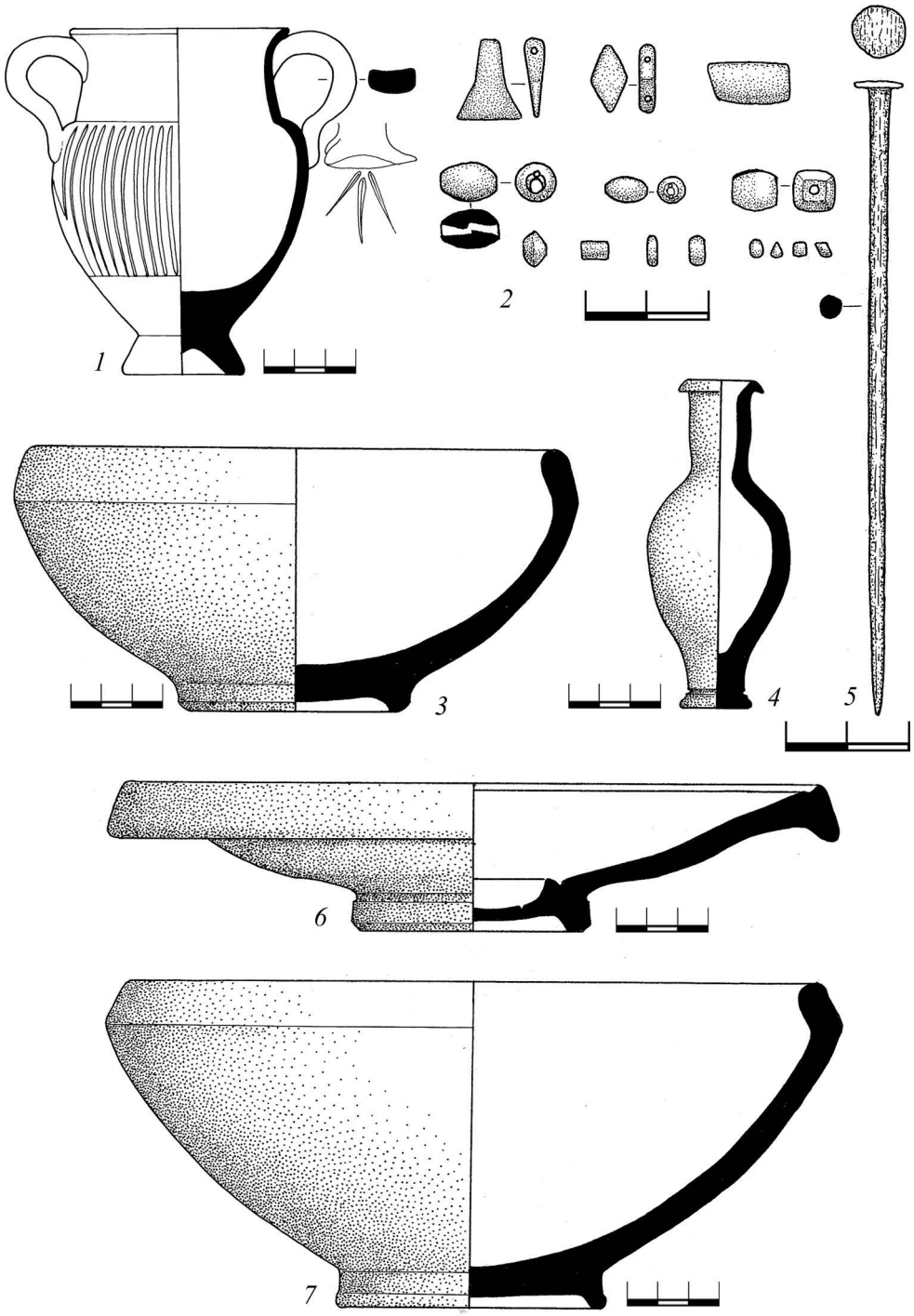


Рис. 4. Елизаветинский могильник № 1, п. № 21/1935 г.: *1* – канфар буролаковый, **кат. № 6**; *2* – бусы (гагат, сердолик, стекло); *3, 7* – меотские сероглиняные миски; *4* – унгвентарий красноглиняный; *5* – булавка костяная; *6* – рыбное блюдо красноглиняное (*1–7* – по рисункам И. С. Каменецкого)

вероятной датировкой канфара **№ 6**, как и комплекса в целом, представляется последняя четверть III в. до н. э.

Анализ комплексов с эллинистическими канфарами показывает, что относящиеся к этой серии сосуды, произведенные в разных центрах, поступали к меотам правобережья Кубани примерно с середины III в. до н. э., по крайней мере, до третьей четверти II в. до н. э. Эта хронология, в общем, совпадает с периодом производства канфаров с S-видным профилем. Датировки канфаров, в основном, вписываются в хронологический контекст комплексов, в составе которых они были найдены. Некоторую неуверенность вызывает погребение № 25/1989 г. Елизаветинского могильника № 1 с канфаром **№ 1**, который, возможно, является наиболее ранним из всей рассмотренной нами серии сосудов. Датировку самого комплекса еще предстоит уточнить.

Каталог

1. Тулово расширено в средней части, венчик плавно отогнут, заострен. Ручки плоские в сечении, с катушкообразными налепами сверху. Поддон кольцевой, расширяющийся к основанию, профилированный желобком с выступом, подошва скошена к внутреннему краю. На дне снизу – небольшое утолщение в центре. Ниже ручек – проточенная бороздка в цвете глины. Под венчиком прорезана по лаку волнообразная линия из соединенных на концах дуг, под которой жидкой бежевой глиной нанесен орнамент в виде остроконечных «подвесок». Лак густой, черный, матовый, потерт на ручках и венчике. Глина бежевая, хорошо отмученная, с очень редкими микроскопическими блестками золотистой слюды. Реставрирован. Высота – 12,6 см, высота до наибольшего диаметра – 6 см, наибольший диаметр – 12 см, диаметр венчика – 9,8 см, диаметр поддона – 7 см.

Елизаветинский могильник № 1, п. № 25/1989 г.

КМ 10855/82.

Не опубликован (раскопки И. Н. Анфимова).

Из погребения второй половины III – середины II в. до н. э.

2. Тулово расширено в средней части, венчик плавно отогнут, утолщен, скошен внутрь. Ручки в сечении уплощенно-овальные, с катушкообразными налепами сверху. Поддон кольцевой, расширяющийся к основанию, профилированный двумя уступами, подошва плоская. Дно снизу с конусовидным утолщением. На горле белой краской нанесен орнамент в виде гирлянды с остроконечными «копьевидными подвесками» и свисающими длинными концами. Краска сохранилась местами. Основная часть орнамента определима по красноватому цвету лака, испытавшему под краской меньший обжиг. Часть рисунка закрыта известковым натеком. Глина оранжевая, тонкая, в изломе видны отдельные белесые частицы. На потертостях – многочисленные мелкие блестки. Вся поверхность, включая внутреннюю часть поддона, покрыта плохим черным лаком. Лак тусклый, местами буроватый, во многих местах потерт. Участок края одной из ручек выбит и подклеен (описание цвета краски, лака и глины И. С. Каменецкого). Высота – 11,15 см, высота до наибольшего диаметр – 5,3 см,

наибольший диаметр – 9,9 см, диаметр венчика – 7,5 см, высота поддона – 1,4 см, диаметр поддона – 5 см. К – 1,5.

Елизаветинский мог. № 1, п. № 25/1934 г.

МАЭ 5266/138.

Не опубликован (раскопки В. А. Городцова).

Из погребения середины – второй половины III в. до н. э.

3. Тулово расширено в средней части, венчик плавно отогнут, заострен. Ручки в сечении уплощенно-овальные, с катушкообразными налепами сверху. Поддон кольцевой, профилированный широким желобком с закругленным выступом. Подошва плоская. На дне снизу – коническое утолщение в центре. По лаковому покрытию ниже венчика нанесен орнамент в виде гладкой гирлянды со свисающими концами, изогнутыми к ручкам, более темного цвета (вероятно, это лишь отпечаток). Лак графитовый, тусклый, покрытие не везде аккуратное. Глина коричневая, плотная, с редкими круглыми порами, включениями мелкотолченого известняка и микроскопическими блестками золотистой слюды. Реставрирован, часть горла и стенок утрачена. Высота – 10,25 см, высота до наибольшего диаметра – 5,4 см, наибольший диаметр – 9,3 см, диаметр венчика – 7,4 см, диаметр поддона – 5 см.

Могильник городища № 3 хут. Ленина, р. III, п. № 5/1982 г.

КМ 6521/1179, Δ 856.

Опубликован: Лимберис, Марченко 2005, 226–227, рис. 49. *8*; 2019, 324–325, рис. 14. *8*.

Из погребения начала второй половины II в. до н. э.

4. Тулово биконическое, с острым ребром в нижней части, выше – узкий гравированный желобок. Стенки резко сужаются кверху, венчик плавно отогнут, ниже венчика – два-три узких гравированных желобка в цвете глины. Накладной орнамент из расположенных на одной линии Y-образных стилизованных листочков плюща, нанесенный белой краской. Ручки в сечении уплощенно-прямоугольные, с прямоугольными налепами на изгибе. Поддон конический, формованный, профилированный двумя узкими валиками, подчеркнутыми линиями в цвете глины, подошва округлена. Дно снизу конусовидное. Лак черный, тусклый. Глина светло-оранжевая, без видимых примесей. Целый. Высота – 10 см, высота до наибольшего диаметра – 4,7 см, наибольший диаметр – 10,3 см, диаметр венчика – 8,2 см, высота поддона – 2,3 см, диаметр поддона – 5,9 см.

Могильник городища Спорное, п. № 77.

КМ 12094/318.

Не опубликован (раскопки КАЭ КубГУ, 2003 г.)

Вторая – третья четверть III в. до н. э.

5. Тулово с острым выступающим ребром в средней части, подчеркнутым узким желобком. В верхней части стенки слегка вогнутые, сохранились отпечатки орнамента из остроконечных «копьевидных подвесок». Край вертикальный, венчик горизонтально срезан. Ручки с горизонтальными площадками и длинными острыми выступами.

Поддон низкий, кольцевой, профилированный желобком с выступом, на подошве – желобок, дно снизу со слабо выраженным коническим утолщением в центре. Узкое выступающее ребро на переходе к стенкам. Снаружи лак – черный, до бурого, изнутри – красный. Глина светло-красная, с микроскопическими блестками слюды. Высота – 7,2 см, высота до наибольшего диаметра – 3,5 см, наибольший диаметр – 10 см, диаметр венчика – 9,5 см, диаметр дна – 5,8 см.

Могильник городища № 3 хут. Ленина, р. VI, п. № 3 1983 г.

КМ 6850/577.

Опубликован: Лимберис, Марченко 2005, 226, рис. 46. *6*; 2019, 322–323, рис. 9. *6*.

Из погребения первой четверти II в. до н. э.

6. Горло резко отделено от тулова, венчик плавно отогнут, округлен. Тулово яйцевидное, расширено в плечиках, сужается к придонной части. Стенки каннелированные, в нижней части – гладкие. Поддон конический, с желобком на подошве, на дне снизу – конусовидный выступ. Дно по сравнению со стенками сильно утолщено. Ручки вычурно изогнуты, верхними концами крепятся под венчиком, нижними – к плечикам. Под ручками на стенке прочерчены три веерообразно расходящиеся линии. Высота – 11 см, наибольший диаметр – 8 см, диаметр венчика – 7 см, диаметр поддона – 3,8 см (описание и размеры даются по рисунку И. С. Каменецкого).

Елизаветинский могильник № 1, п. № 21/1935 г.

Не опубликован (раскопки В. А. Городцова).

МАЭ 5338/1286.

Из погребения последней четверти III в. до н. э.



Список литературы

А*брамова* М. П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 240.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 559.

Е*горова* Т. В. 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 256.

Егорова Т. В. 2016. Чернолаковая керамика с росписью в стиле «West Slope» из раскопок Пантикапея // Stratum plus. 3, 259–276

Егорова Т. В. 2017. К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 г. Саки, 73–78.

Егорова Т. В. 2017а. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Научный каталог. М., 145.

Егорова Т. В. 2018. Еще раз об S-видных эллинистических канфарах // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 2. Сб. научных трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 510–519.

Егорова Т. В. 2019. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм // Нижневолжский археологический вестник. 18 (1), 123–137.

Ж*уравлев* Д. В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда с Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 1, 190–216.

З*айцев* Ю. П. 1998. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I (Труды ГИМ. 102). М., 52–60.

Зайцев Ю. П. 2003. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь, 212.

И*ванов* Т. 1963. Античная керамика из некрополя на Аполония/ / Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1047–1949. София, 75–273.

К*ерефов* Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 135–259.

Л*имберис* Н. Ю., *Марченко* И. И. 2005. Хронология комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 5. Краснодар, 219–324.

Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. 7, 70–150.

Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2019. Погребения с родосскими амфорами из меотских могильников Краснодарской группы // АМА. 19, 318–341.

М*асленников* А. А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 564.

Масленников А. А. 2016. Керамика с лаковым покрытием из раскопок городища Сююрташ // ДБ. 20, 330–349.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва – Саратов, 352.

П*аровић-Пешикан М.* 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 220.

Р*аев* Б. А., *Беспалый* Е. И. 2001. Раскопки кургана «Воронцовский 3» в 1998 г. // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. 1. Краснодар, 24–40.

Ф*армаковский* Б. В. 1903. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году (с 6 табл. и 83 рис.) // ИАК. 8. СПб, 1–70.

D*upont* P. 2014. Vernis Noir du Pont Gauche. Premiers résultats archéométriques // Phanagoreia und darüber hinaus… Festschrift fur Vladimir Kuznetsov. Göttingen, 347–355.

E*dwards* C. R. 1975. Corinthian Hellenistic Pottery // Corinth. VII. Pt. III. Princeton, 254.

F*inkielsztejn* G. 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphorique rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C environ. Premier bilan (British Arch. Rep., Int. Ser.). Oxford, 206.

H*annestad* L., *Stolba* V. F., *Blinkenberg Hastrup* H. 2002. Black-Glazed, Red-Figure, and Grey Ware Pottery // Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6. Aarhus, 127–149.

Hannestad L., *Stolba* V.F., *Ščeglov* A.N. 2002. Conclusion // Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6. Aarhus, 280–282.

Hellenistic Pottery from Macedonia. 1991. Thessaloniki, 174 p.

M*arčenko* I.I., *Limberis* N.Ju. 2008. Römische importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Römische importe in sarmatischen und maiotischen Gräben. (Archäologie in Eurasien. 25). Mainz, 265–400, 222 Taf.

Meyer-Schlichtmann C. 1988. Die Pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon: Mitte 2. Jr. v. Chr. – Mitte 2. Jr. n. Chr. (Pergamenische Forschungen. 6). Berlin – New York, 265.

R*otroff* S.I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 979.

Rotroff S.I. 2006. Hellenistic Pottery. The Plane Wares (The Athenian Agora. XXXIII). Princeton, 650.

S*chäfer* J. 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon (Pergamenische Forschungen. 2). Berlin, 172.

T*hompson* H.A. 1934. Two Centuries of Hellenistic Pottery. The American Excavation in the Athenian Agora. Fifth report // Hesperia. III/4, 311–480.



Summary

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

Attribution and Chronology of Hellenistic Kantharoi from the Maeotian Burials

In the Maeotian burial grounds on the right bank of the Kuban river, several kantharoi of the Hellenistic series are known. The origin of these kantharoi is related with different production centers. Three forms distinguish among them: rounded-biconical (S-shaped), with an "angular" profile and with a neck sharply separated from the body. The first form includes 3 pieces (nos. 1–3), ornamented in the *West Slope* style with the so-called "*spearhead necklace*". The earliest of them is kantharos no. 1. In terms of proportions, it can be attributed to the second quarter – the middle of the 3rd cent. B.C. This vessel was found in a burial with a Rhodian amphorae, the type of which is difficult to establish at the present time; therefore, the broad chronology of the burial according to the kantharos and black-glazed bowl is limited to the second half of the 3rd – middle of the 2nd cent. B.C. Kantharoi no. 2 and no. 3 are especially close to Pergamon kantharoi with a plain S-shaped profile from Olbia. Kantharos no. 2 comes from a burial with Maeotian gray-clay pottery of the middle – second half of the 3rd cent. B.C. The burial with kantharos no. 3 is dated from the *Alexandrian variant* (I–F) of the Rhodian amphorae and from other grave goods no later than the beginning of the second half of the 2nd cent. B.C.

Kantharoi of the second form (nos. 4, 5) are comparable to kantharoi of the *angular* type. Kantharos no. 4 comes from a destroyed burial. The close analogy to the samples from the excavations of the Athenian agora and the characteristic pattern of ivy leaves suggest an Attic origin of this vessel and date it to the second – third quarters of the 3rd cent. B.C. On kantharos no. 5, the prints of "spearshaped pendants" have been preserved. For the Rhodian amphorae of the late series of the *Villanova variant* (I–E–2) with the stamp of the eponym Aglumbroth, the chronology of the burial is limited to the first quarter of the II cent. B.C.

One vessel no. 6 belongs to the third form. According to its main features, it coincides with type III kantharoi from Olbia, which were previously attributed to local production. The context of the burial suggests that its most probable date is the last quarter of the 3rd cent. B.C.

An analysis of the assemblages shows that the kantharoi of the Hellenistic series came to the Maeotians of the right bank of the Kuban from about the middle of the 3rd cent. B.C., at least until the third quarter of the 2nd cent. B.C. The dates of the kantharoi fit well into the chronological context of the grave goods in which they were found.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.283-293

А. А. Масленников
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Амфоры с поселения Полянка

Автор, обращаясь вновь и вновь к «скучной теме», публикации рядовых артефактов из раскопок в общем-то тоже рядового сельского поселения европейского Боспора, должен, также вновь и вновь делать всё те же, но необходимые оговорки. Во-первых, никто кроме него этот материал, каким бы он ни был, не опубликует. Никому это не надо и неинтересно. Во-вторых, – напоминать о двух характерных особенностях данного памятника. Первая состоит в том, что городище именно с этим названием располагалось *на* и, отчасти, *под* зольно-мусорными отложениями некоего, непонятным образом исчезнувшего, более раннего (условно: III–II вв. до н. э.) поселения. А вторая – за небольшими, но яркими и также непонятными исключениями (монетный «клад» и терракоты из местного святилища) заключалась в крайней бедности, невыразительности и плохой сохранности выявленных при его раскопках находок[1].

Дальнейшее изложение необходимо, как кажется, предварить и следующим уточнением. Вообще, как и повсюду на античных объектах поселенческого характера, именно амфорные обломки составляют подавляющую часть массового археологического материала. При этом, по причине вышесказанного, среди них, причем в разных напластованиях и комплексах, не говоря уже о тех, которые «по определению» относятся к эпохе эллинизма, в большом количестве встречаются фрагменты, в том числе клеймёной тары Синопы, Родоса, «Колхиды», Книда и некоторых других менее представленных центров производства. В целом, анализ её, как мы надеемся, будет сделан Г. А. Ломтадзе, а большая часть коллекции клейм (387 экз.) была обработана и издана Н. Ф. Федосеевым [*Федосеев* 2017, 169–250]. Вместе с тем, кое-где в верхних горизонтах культурных напластований в небольшом числе фиксируются фрагменты амфор II–III, IV–VI вв. н. э. и даже, вероятно, ещё более позднего времени. Всё это делает выделение амфорного материала именно интересующего нас периода, то есть времени существования данного

* Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (АААА-А18–118011790093–2).

[1] Как правило, все это сильно измельчённый и по большей части заметно заизвесткованный керамический бой, перемежающийся небольшим количеством костей животных и кое-где кусками печины. Любые относительно крупные и выразительные фрагменты посуды и амфорной тары – довольно редки. Автору неоднократно приходилось и писать, и говорить по этому поводу, что внезапно ушедшие обитатели этого посёлка забрали с собой почти всё мало-мальски целое и ценное и даже «полы подмели».

городища, весьма непростым занятием. Поэтому для «чистоты эксперимента» мы ограничимся лишь теми более или менее выразительными, крупными (мелкие обломки легче перемещаются, что в нашем случае «не есть хорошо») фрагментами профильных частей, позволяющих хоть как-то судить о форме и типе той или иной амфоры, которые происходят также из более или менее «закрытых» комплексов. А таковыми, разумеется, с известными оговорками, являются условные помещения[2]. Почему «условные»? Да потому, что о подлинном назначении почти, что каждого ограниченного каменными стенами пространства (двор, жилая/нежилая комната/ы в доме, «кладовка» или иная «подсобка», туалет и др.) мы, в силу ряда причин, точно сказать не можем. Есть, конечно, и исключения (святилища, винодельни) [*Масленников* 2006; 2013, 181–191], но это – особый случай. Напомним, что к интересующим в данном случае артефактам нам уже приходилось «походя» обращаться довольно давно: по результатам «первого пришествия» на городище (раскопки 1984–87 гг.) [*Масленников* 1998, 133, рис. 85–86]. Напомним также, что раскопанная тогда площадь памятника составляла 1450 м^2. Теперь же (с 2007 г.) всего исследовано не менее 5000 м^2, то есть около или даже более 80% всей его застройки, в том числе 98 разного рода «помещений».

Итак, обратимся, наконец, к предмету нашего рассмотрения. Вот соответствующие рисунки сплошь – как видит читатель – разнородные обломки, не позволяющие в полной мере реконструировать форму ни одного из этих тарных изделий. Что же нам делать в надлежащих аналого-хронологических поисках? Задача казалась почти неразрешимой, хотя находки амфор именно этого периода известны на многих памятниках во множестве. Самый яркий из «местных» примеров – Танаис. Но к счастью, есть аналитико-обобщающие работы нашего замечательного исследователя С. Ю. Внукова [*Внуков* 2003; 2006; 2013, 21–54; 2016а, 90–121], в которых им уделено немало внимания. К тому же он самым тщательным образом рассмотрел в этой связи и такой непростой вопрос, как петрография глин. В этих прекрасных публикациях на обширном материале детально разобрана эволюция и хронология причерноморской и части восточно-средиземноморской амфорной тары, встречаемой в северопричерноморском регионе. Это избавляет нас от непрофессиональных описаний и определений и позволяет ограничиться самыми общими характеристиками полянкинских находок, лишь ссылаясь на мнение маститого учёного. Так что: «С Богом-вперёд».

Но прежде выделим во всём этом собрании бесспорный, хотя и не являющийся, строго говоря, хронологическим репером, материал: несколько характерных ножек (венчики и ручки не столь примечательны, хотя они и наличествовали, а среди первых следует отметить отчётливую «припухлость» горловин) явно синопской глины, хотя и не во всех случаях одинаковых по оттенкам цвета (рис. 4. *2*, *3*, 5, *7*, *8*, 10; 5. *2*). В целом (слишком мала выборка), они отражают некую общую, впрочем, давно уже замеченную тенденцию к сужению (вытягиванию, «высыханию», по С. Ю. Внукову) при более выраженной коничности («остроконечности») этой части синопских амфор и намерен-

[2] Заполнение помещений и ям, естественно, далеко не всегда однородно как по своему содержанию, так и времени образования; в данном случае известный интерес представляют соответствующие находки непосредственно с полов, вымосток, дна ям, из содержимого ларей, цистерн, с домашних алтарей и иных особых «конструкций».

ного (?) сохранения на некоторых из них спиралевидных следов формовки (т. н. кручёная ножка), при более низком (по отношению к ножке) расположении вместилища. Предпоследний и столь характерный признак поздних синопских амфор имеет, тем не менее, достаточно широкую хронологию (II – середина I вв. до н. э. по С. Ю. Внукову), которую, видимо, можно поднять ещё немного (по крайней мере, на треть века) «выше». Впрочем, среди этих артефактов есть и экземпляры вполне «классической» формы (рис. 5. 2), что … может ни о чём собственно и не говорить.

Гораздо примечательнее во всех отношениях следующая группа амфорных обломков, объединённая такими общими признаками как условная «светлоглиняность» и двуствольные ручки. Такого рода ручки, как известно, появляются на отдельных типах (в центрах производства) амфор ещё в эллинистическое время, но подлинно «модными», хотя и ненадолго, (опять-таки, как все археологи-антиковеды знают) они стали в I в. до н. э., причем именно в его второй половине. В массе своей эти части горловин с ручками (более мелкие фрагменты ручек и венчиков в данном случае не рассматривались) удивительно однообразны (рис. 1; 2. *1*, *2*, *5*, *6*). Профиль их венчиков близок к овально-вытянутому; горловины прямые или почти прямые, изгибы высоких (длинных), почти круглых в сечении ручек (рис. 2. *5*, *6*) округлые, плавные, на уровне немного выше нижнего края венчика. Реже – горловина плавно (по центру) выпуклая; в одном случае с горизонтальным «ребром» («перехват», «уступ») у основания (рис. 1. *5*, *8*; 2. *1*). Изгиб ручек как бы приплюснутых в сечении, лишь в одном случае резкий, «угловатый» (рис. 1. *4*). На некоторых изделиях профиль венчиков уплощённо-подовальный и не такой широкий (рис. 1. *7*, *8*; 2. *1*, *3*). Почти не разнятся и характеристики умеренно рыхлых глин. Всё это различные оттенки светло-бежевого цвета. Включения: мелкий песок, мелкие же черные и коричневые частички. Лишь у одной амфоры глина была плотной, красной с прокалом и включением мелких белый частиц (мел, известняк) (рис. 1. *5*).

Согласно С. Ю. Внукову [2003, 36–46, 53–54, 143–147; 2013, 21, 24, 31, 46–47], светлоглиняную двуствольную тару этого времени следует отнести к чрезвычайно схожим между собой т. н. псевдо-косским остродонным амфорам позднегераклейского или позднесинопского производства (соответственно: типы С I и Син. III), которые датируются в целом второй половиной I в. до н. э – первой четвертью следующего века (63 г. до н. э. – 20/25 г. н. э.). Именно им принадлежат и аналогичные по глине ножки амфор, как часть вышеописанных конических (в том числе и «кручёные»?), так и «желудьевидные» (см. рис. 4; 5). Только что упомянутый фрагмент горла с ручкой из плотной, красной глины вполне мог быть от собственно косской или псевдо-косской амфоры середины-второй трети I в. до н. э. [*Внуков* 2013, 36]. Опять-таки, к этому «типу» могла относиться и одна из вышеупомянутый желудевидных ножек.

В связи со светлоглиняной тарой рассмотрим и обломки амфор с круглыми в сечении ручками, бежевой и светло-бежевой, умеренно рыхлой глины с черными включениями (пирит) (рис. 2. *3*, *4*, *7*). Изгиб ручек у них скорее угловатый, нежели плавно-округлый. Диаметр прямого горла по не овальному в сечении венчику 8–9 см; диаметр ручек 3–3.1 см. Скорее всего, это псевдо-родосские амфоры (тип С II), которые с конца I в. до н. э. уже не производились [*Внуков* 2003, 96; 2013, 24, рис. 3 Г].

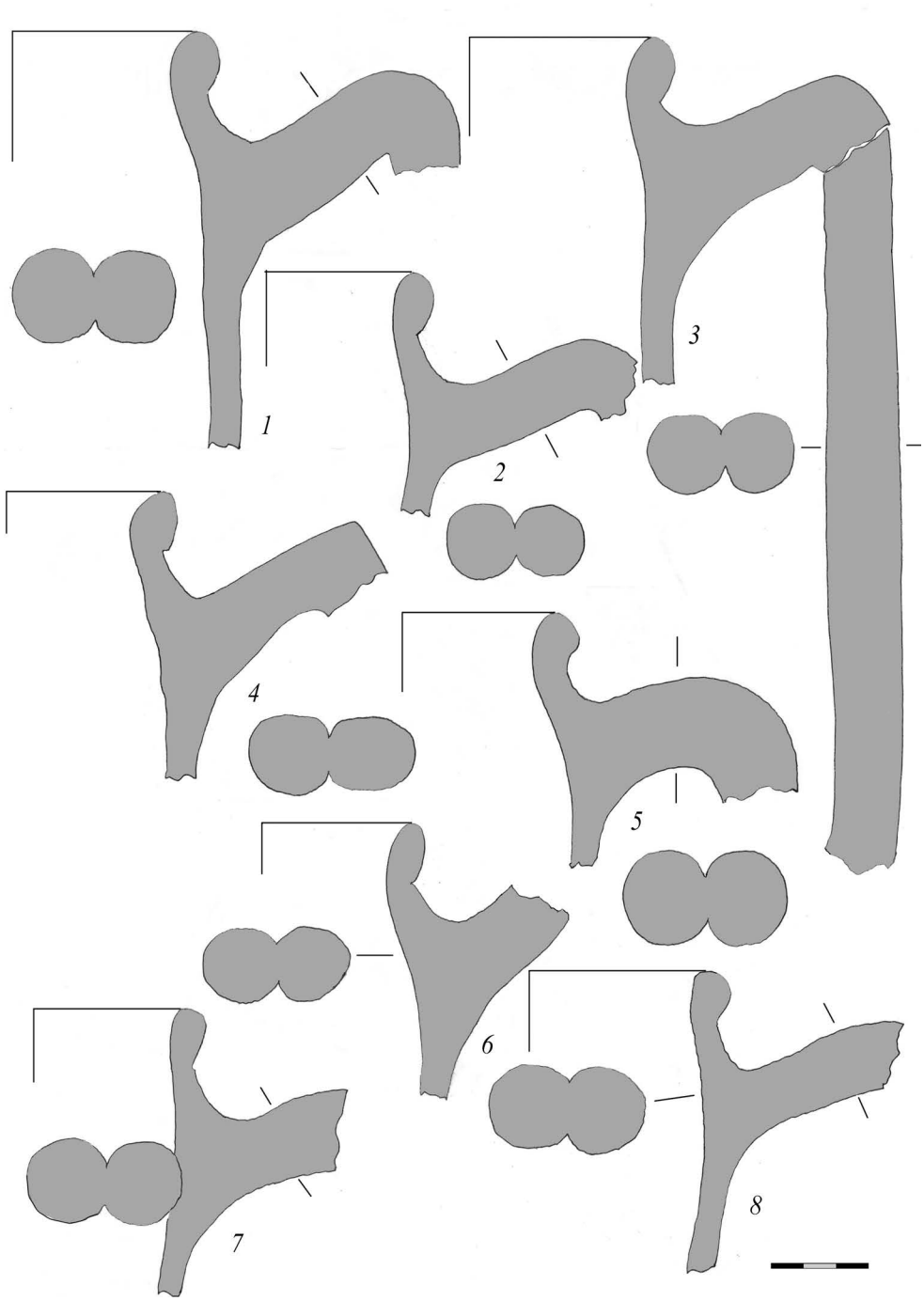


Рис. 1. Рисунки профильных частей амфор I в. до н. э.
с поселения «Полянка»

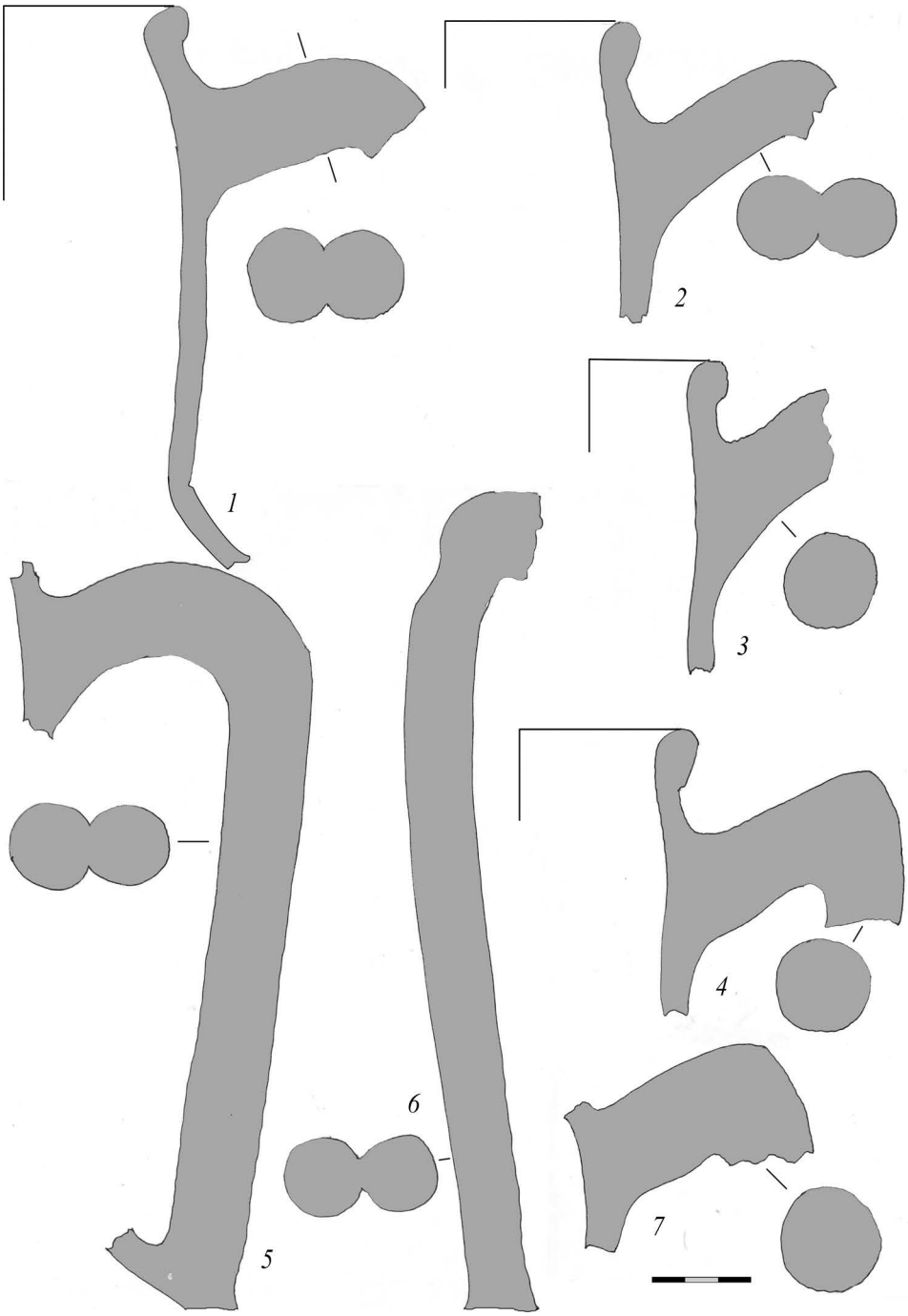


Рис. 2. Рисунки профильных частей амфор I в. до н. э.
с поселения «Полянка»

Следующая по численности группа амфорных обломков принадлежала сосудам с профилированными (три глубоких или, напротив, «плавных» желобка сверху) плавно изогнутыми, относительно коротким ручками и «нормальным» (8,5–9 см) диаметром устья прямого или слегка «припухлого» горла. Форма венчика в сечении овальная, овально-приплюснутая или угловато-округлая. Глины: светло-красная, умеренно рыхлая с песком и известняковыми включениями; светло-серая, умеренно рыхлая с черными и коричневыми включениями и аналогичная светлая, красно-коричневая с черными и белыми включениями (рис. 3. *2*, *3*; 4. *1*). Различия, как видим, несущественные. Судя по пропорциям, всё это остродонные высокие амфоры. Не исключено, что последний пример может быть отнесён к т. н. позднегераклейским амфорам последней четверти II – второй трети I вв. до н. э. [*Внуков* 2016, 106–107]. Остальные – к их светлоглиняному, несколько более позднему «продолжению» (тип С III) [*Внуков* 2016, 107; 2013, 30]. Отдельно остановимся на почти полном профиле (нет фактически большей части, судя по форме ручек, достаточно широкого тулова) относительно тонкостенной «плоскодонной» амфоры (рис. 3. *1*). Профилировка весьма тонких (с небольшим прогибом внизу) ручек как бы смешанная (два желобка глубоких, один – округлый). Глина красная, плотна. Поверхность с бурым ангобом. Диаметр дна на невысоком профилированном поддоне 9 см, устья прямого горла с отогнутым овальным венчиком – 10 см. Высоту определить невозможно, но она явно была меньше, чем у прочих рассматриваемых сосудов. Возможные аналогии: поздние гераклейские амфоры типа С IVZ с датировкой до 20 г. н. э. [*Внуков* 2013, 24–25, рис. 4 Б].

Наконец, особо отметим крайне редкие обломки (уверенно можно отнести к ним только два фрагмента горла и один – ножки) узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 3. *5*, *6*). Профилировка венчика у них не вполне одинаковая, но в обоих случаях венчик довольно массивный, выделяется «острый» выступ у самого устья. Ширина горловины одна и та же (5,5 см). Но умеренно рыхлые глины слегка разнятся (светлая, бежево-коричневая с мелкими тёмно-коричневыми включениями и светло-оранжевая с мелкими чёрными включениями). О профилировке ручек судить не приходится. Не исключено, что единственная зафиксированная в нашем собрании узкая, явно нерассчитанная на «стояние» ножка амфоры принадлежала, судя по глине, именно второму «экземпляру» (рис. 5. *5*). Но вот незадача! По обоснованному мнению С. Ю. Внукова, такая тара, как правило, имеет своим происхождением Гераклею Понтийскую [*Внуков* 2006, 48–57; 2016, 36] и является «долгоживущим морфологическим типом С IV» [*Он же* 2003, 118] с несколькими хронологическими вариантами. При этом четко формализовать эти варианты весьма затруднительно. Наши образцы, судя по профилировке венчиков, более всего соответствуют № 11 и 12 на рис. 1 или ряду номеров на рис. 4 в его статье 2016 г., а исходя из формы ножки это № 9–12 рисунка 3 [*Внуков* 2016]. В любом случае мы, необъяснимым образом, имеем довольно позднюю датировку: начало – 40-е годы II в. н. э. (подвариант С IV В2) [*Внуков* 2016, 41–44]. Не исключено, что нечто подобное – по крайней мере, в отношении одного признака: «… узкое длинное цилиндрическое горло оканчивается валикообразным венчиком, иногда имеющим по внутреннему краю выступающий вверх гребень», – подметил в своё время Д. Б. Шелов Этот тип (В) светлоглиняных амфор он предлагал датировать второй третью I серединой II вв. н. э.

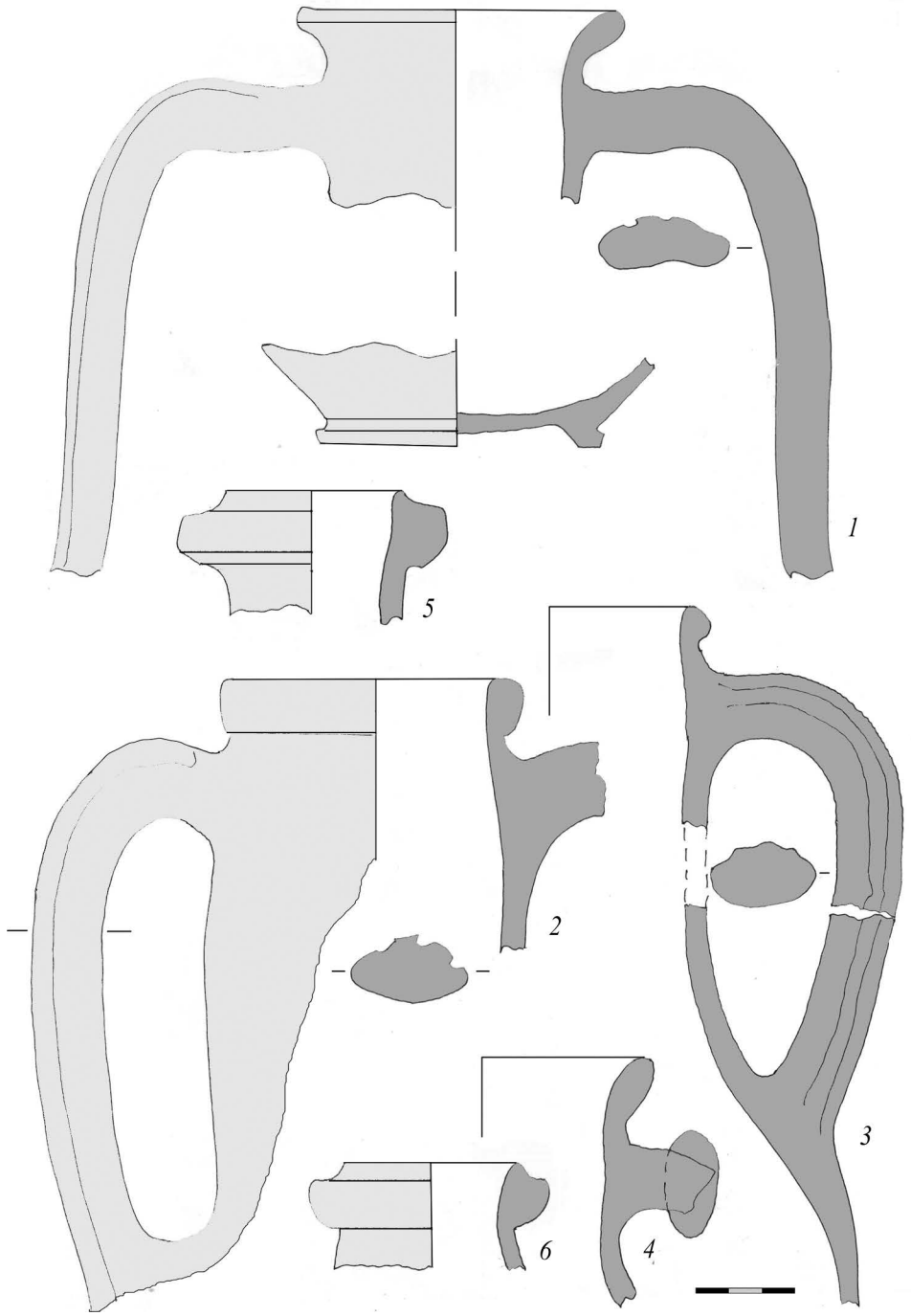


Рис. 3. Рисунки профильных частей амфор I в. до н. э.
с поселения «Полянка»

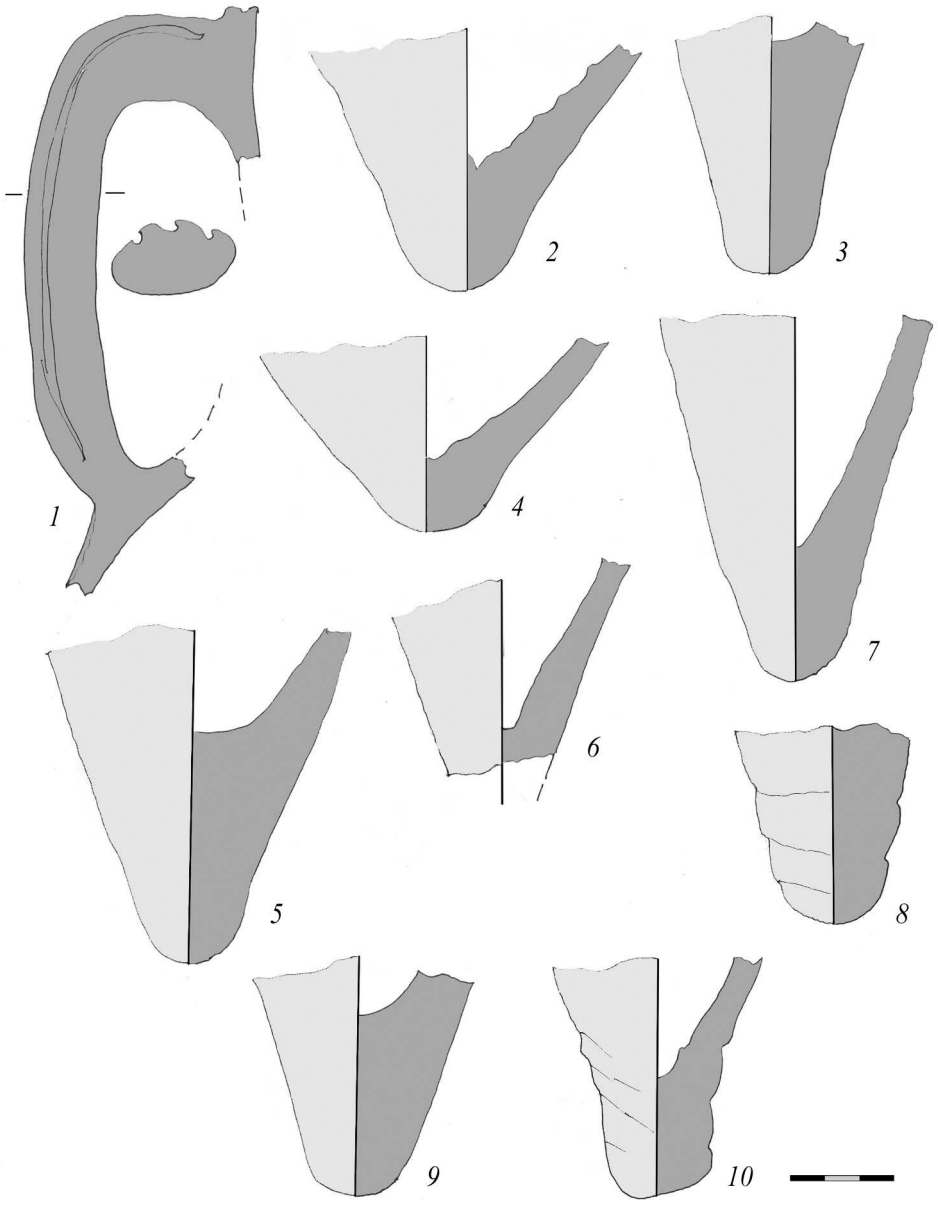


Рис. 4. Рисунки профильных частей амфор I в. до н. э.
с поселения «Полянка»

[*Шелов* 1978, 18]. Мы далеки от того, чтобы оспаривать мнение наших ведущих в данной области специалистов, располагая фактически столь незначительным во всех отношениях материалом. Но происхождение его столь «безупречно», что остаётся только «развести руками»…

Остаются ножки. О значительной части из них (рис. 4, 5) мы в той или иной связи упоминали. Так, некоторые могли принадлежать к вариантам Син. Iв и Син. II и III, другие – псевдо-косским амфорам разного происхождения. О принадлежности

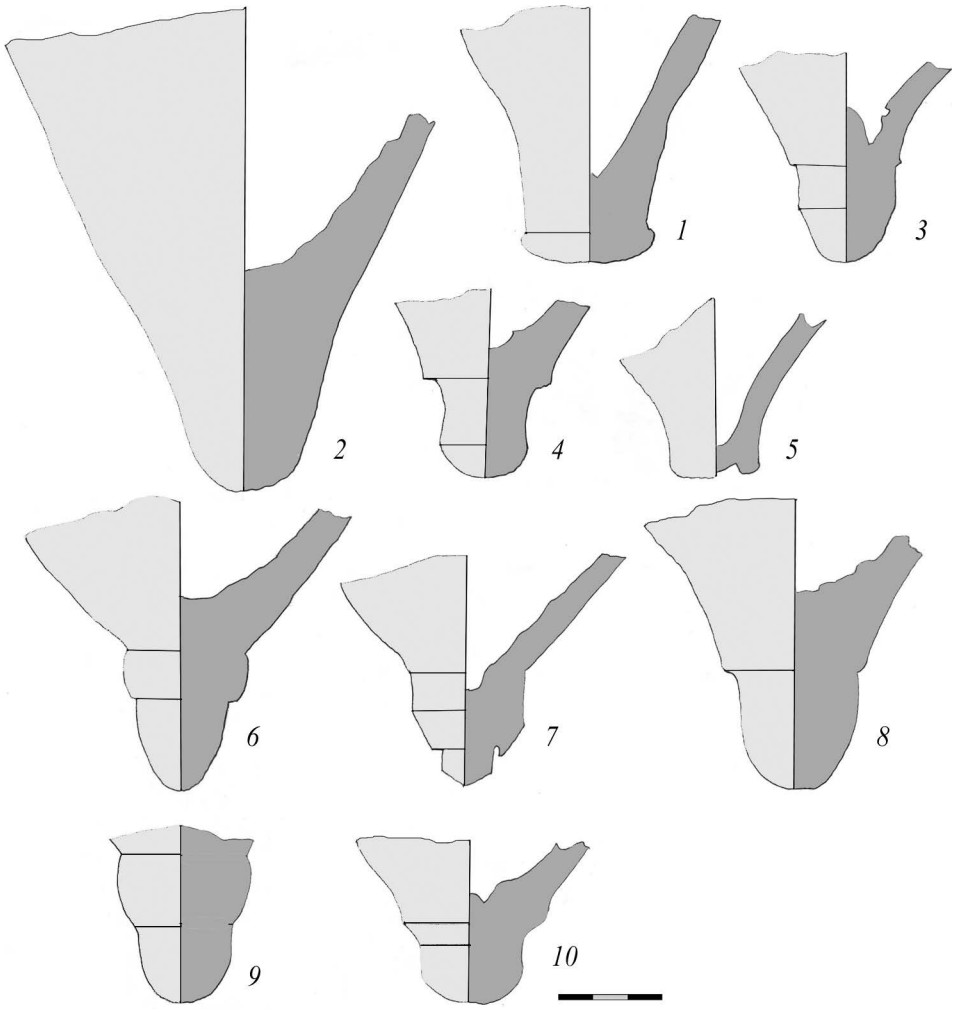


Рис. 5. Рисунки профильных частей амфор I в. до н. э.
с поселения «Полянка»

иных – высказаться вообще сложно. Разняться и их глины (в порядке их №, кроме № 2 на соотв. рисунке: оранжево-красная, рыхлая с песком; темно-буро-красная умеренно плотная с мелкими белыми включениями; ярко-красная, рыхлая с черными и коричневыми включениями; светло-бежевая, умеренно рыхлая; светло-коричневая, умеренно плотная, ангобированная; светло-красная, умеренно плотная с мелкими черными, белыми и коричневыми включениями; светло-бежевая, умеренно рыхлая с мелкими коричневыми вкл.; красная, умеренно плотная с розовыми и белыми вкл.).

Так или иначе, но в целом (за только что отмеченным «недоумением»), видимо, можно сказать, что перед нами одна хронологическая группа. В широком плане это середина I в. до н. э. – начало следующего столетия. При попытках же более узкой датировки, – как совершенно справедливо отмечает наш главный специалист, С. Ю. Внуков, – важно учитывать хотя бы примерное время бытования амфорной тары. А оно

зависело от массы самых разных обстоятельств: первичность или вторичность использования, уровень достатка и «дикости» или «культуры» пользовавшегося ей населения, степень удалённости от центров торговли или, напротив, близости к путям сообщения (берег, глубинка), форс-мажорные обстоятельства разного рода, бытовые, в том числе пищевые-застольные традиции и менталитет и т. п. Согласно С. Ю. Внукову, как правило амфоры с вином обычно не хранились дольше 5–7 лет (что в принципе для большинства собственно вин естественно), а при повторном их использовании – лет 12–20 [*Внуков* 2015, 161 сл.]. В данном случае ситуация (см. начало статьи), видимо, была «ахова»: собирались быстро и забирали всё, что ещё могло пригодиться. Оставался только бой, но «вчерашним» он по определению быть не мог. Ведь убирались же до этого «часа Х»! Следовательно, рассмотренный амфорный комплекс образовался недавно и из тары первичного использования. По крайней мере в основном. Значит, более приемлема его «узкая» датировка. А какая? С. Ю. Внуков справедливо исходил в своей периодизации местного амфорного материала из событийной истории данного региона. Думается, что вкупе с прочими датирующими артефактами из раскопок поселения Полянка, некоторыми полевыми наблюдениями и историческим контекстом, финал описанного собрания приходится на 14/12–9/8 гг. до н. э., а период бытования амфор определяется 5–7 предшествовавшими годами. Как это соотносится с хронологией и типологией, к которым мы не раз обращались выше, – судить читателю. На наш взгляд, рассмотренного материала слишком мало, чтобы брать на себя смелость вносить хоть какие-нибудь коррективы в основополагающие выводы нашего уважаемого коллеги.



Список литературы

В*нуков* С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Морфология. М., 234.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (Петрография, хронология, проблемы торговли). СПб., 320.

Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.

Внуков С. Ю. 2015. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. 238, 161–169.

Внуков С. Ю. 2016. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2, 36–47.

Внуков С. Ю. 2016а. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. 20, 90–121.

М*асленников* А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 300.

Масленников А. А. 2006. Античное святилище на Меотиде. М., 152.

Ш*елов* Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 156, 16–21.

Ф*едосеев* Н. Ф. 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований (Крым в истории, культуре и экономике России). Симферополь, 169–250.



Summary

A. A. Maslennikov

Amphorae from the Polyanka settlement

The article discusses the morphology and chronology of amphora fragments from closed complexes of the 1st century BC of the fortified settlement Polyanka in the Crimean Azov region. According to the latest research in the field of amphora containers of this period, as well as materials from the excavations of this settlement, these findings can mainly be dated to the first half of the last quarter of the same century.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.294-308

А. М. Новичихин
(Анапский археологический музей, г. Анапа)

Изображение боспорского воина на надгробии из станицы Благовещенской

Надгробные рельефы традиционно являются признанными источниками по изучению вооружения боспорского воинства античной эпохи. Классикой отечественного антиковедческого оружиеведения стали статьи Ю. М. Десятчикова о катафрактарии на надгробии Афения, сына Мены [*Десятчиков* 1972, 68–77], В. П. Толстикова о надгробии воина с берега Ахтанизовского лимана [*Толстиков* 1976, 80–90], В. А. Горончаровского о памятнике сыновьям Панталеонта из Горгиппии [*Горончаровский* 2002, 184–189]. Важным событием стали публикации Н. И. Сокольским, в числе группы так называемых «синдских» надгробных рельефов и статуй-полуфигур, изваяний воинов, с точной передачей «этнографических черт» в изображении их одежды и вооружения [*Сокольский* 1965, 90, 92, рис. 35. *1*, *4*; 37; 1966, 244, 245, рис. 1; 1967, 195, рис. 1, 4, 8]. Существенным вкладом в изучение боспорского вооружения и военного дела стали коллективные монографии, посвященные двум рельефам, найденным в фундаменте античной укрепленной усадьбы у пос. Юбилейного на Таманском п-ове: известнякового, с изображением батальной сцены [*Боспорский рельеф* 2001] и мраморного с изображением двух воинов [*Таманский рельеф* 1999]. Эти и другие изображения воинов служат важными источниками в изучении военного дела и военной истории Боспорского государства в обобщающих исследованиях Ю. А. Виноградова и В. А. Горончаровского [*Виноградов* 2004; *Горончаровский* 2003; *Виноградов, Горончаровский* 2008], статье М. Ю. Трейстера об оружии сарматского типа на Боспоре [*Трейстер* 2010, 484–561]. Отметим, что, несмотря на следование канону, надгробия воинов нередко отличались индивидуальностью в передаче вооружения и костюма [*Толстиков* 1976, 90]. Изображения на отдельных боспорских памятниках носят подчеркнуто личностный характер, изготовившие их мастера стремились не только сохранить портретность, но и выразить индивидуальность погребенного и как воина, и как человека, запечатлеть важные события его жизни, показать лучшие человеческие качества. Ярчайший пример – боспорская стела Гокона, сына Папия, на которой изображен вооруженный всадник, держащий на руках двух детей – трогательное стремление передать отцовскую заботу об оставшихся сиротами (или умерших ранее, как считал автор первой публикации) детях [*Шляев* 1955, 175–180].

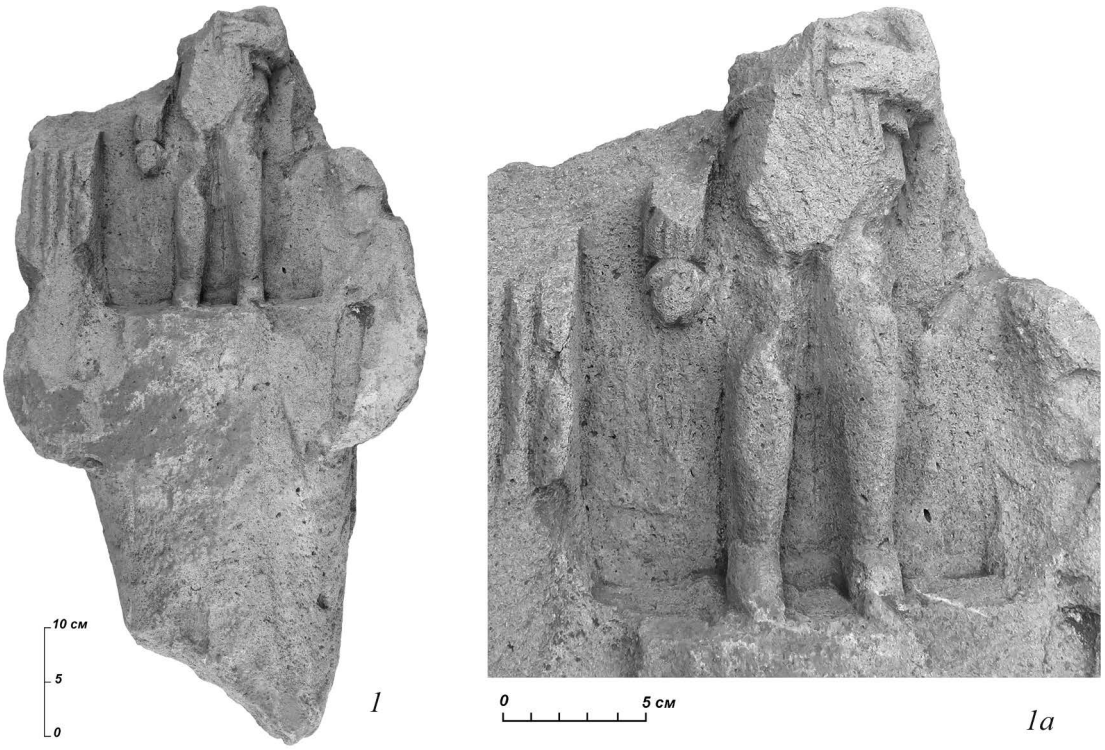


Рис. 1. Надгробие боспорского воина из окрестностей станицы Благовещенской. Известняк (*1*); рельеф с изображением боспорского воина на надгробии (*1а*)

Одно из таких воинских надгробий вот уже более трех десятилетий хранится в Анапском археологическим музее, но до сих пор не было введено в научный оборот.

Летом 1988 г. в Анапский археологический музей поступило сообщение о находке в окрестностях станицы Благовещенской двух каменных рельефов, которые вскоре были доставлены в музей. Неделю спустя после поступления находок, автору настоящей работы удалось выехать в станицу Благовещенскую, встретиться с находчиками, агрономом и механизатором местного совхоза «Благовещенский», и осмотреть место находки. Удалось установить, что оба памятника были извлечены из земли при вспашке в 2 км к западу от станицы. В 0,5 км к западу от места обнаружения надгробий на пашне отмечено скопление камней и фрагментов керамики – следы античного поселения, судя по всему, крупной усадьбы IV–II вв. до н. э.[1]

Из поступивших в музей надгробий наибольший интерес представляет выполненный из плотного желтого известняка неполностью сохранившийся памятник с изображением воина (рис. 1. *1*)[2]. Это нижняя часть надгробия, снабженного снизу длинным

[1] Станица Благовещенская расположена в южной части Таманского полуострова на останце одного из островов, образовывавших в древности Таманский архипелаг. Археологическими разведками здесь выявлены следы поселений античного времени [*Салов* 1979, 102; *Горлов, Поротов, Требелева* 2005,143–158].

[2] Инвентарный номер музейного хранения КМ 8742/2.

цилиндрическим, слегка сужающимся книзу выступом для закрепления памятника в пьедестале. Само надгробие представляло собой невысокую стелу, на лицевой стороне которой у ниши-эдикуле помещалось рельефное изображение стоящего мужчины. Верхняя часть (около половины) стелы утрачена. Высота сохранившейся части памятника – 53 см, из них 18 см составляет выступ для крепления надгробия; ширина – 31 см; толщина – 16 см; средний диаметр выступа – 17 см. Судя по всему, высота надгробия (без учета крепежного выступа) составляла около 70 см. Помимо утраты верхней части, памятник сильно пострадал от неоднократного воздействия плугом, что привело к многочисленным сколам, в том числе и на рельефе. Кроме того, по бокам сохранившегося фрагмента грубо выбиты поперечные борозды, указывающие на то, что обломок надгробия, скорее всего, в недавнем прошлом обматывался проволокой и использовался в качестве «якоря» для натяжки виноградной шпалеры.

Ширина рамки эдикулы составляет 18 см, глубина ниши 3,5–4 см, высота рельефа 2,5–3,5 см. Края рамки эдикулы украшены глубокими вертикальными бороздками, хорошо сохранившимися на левой от зрителя стороне и почти полностью сколотыми на правой. Вероятнее всего, бороздки были призваны изобразить каннелированные выступы-пилоны, обрамляющие эдикулу. Исходя из этого, можно предположить, что верхняя часть эдикулы могла иметь архитектурное завершение в виде фронтона и лицевая часть памятника, таким образом, представляла собой изображение портика с фигурой умершего в нише.

На уцелевшей части рельефа (рис. 1. *1*а) сохранилось изображение стоящего мужчины, одетого в облегающие штаны и обутого в сапожки с низкими голенищами. Плечевая одежда представляла собой короткий, едва доходящий до середины бедер кафтан. Рельеф в этом месте сильно пострадал, но создается впечатление, что спереди нижний край кафтана имел спускающийся вниз треугольный выступ. На талии кафтан подпоясан широким ремнем. Кисть левой руки мужчины, с небрежно обозначенными бороздками пальцами, прижата к поясу и сжимает рукоять меча, направленного с небольшим наклоном вниз, вдоль бедра. Острие клинка меча завершается немного ниже колена, его средняя часть сбита плугом, в верхней, относительно хорошо сохранившейся – отчетливо видны две проходящие вдоль клинка бороздки. Меч не имел перекрестия, его навершие, насколько можно судить по форме сохранившегося над кистью руки выступа, было брусковидным. Судя по всему, меч изображен привешенным к поясу с левой стороны, и рука воина покоится на его рукояти. Правая рука опущена вертикально вниз, ее кисть также изображена обозначающими пальцы бороздками. Ниже кисти руки представлен округлый предмет с валикообразным утолщением по верху, в котором без труда угадывается безбородая человеческая голова с прической «скобкой». Таким образом, в правой, опущенной вниз руке, запечатленный на памятнике воин держал отрубленную человеческую голову.

Костюм и вооружение изображенного на надгробии персонажа, а также манера изображения человеческой головы имеют аналогии в изобразительных памятниках античной эпохи с территории Боспора и с сопредельных пространств.

Костюм. Облегающие штаны и короткие сапоги – непременная деталь одежды боспорских воинов, начиная с эллинистической эпохи. Несомненно, традиция ношения

сапог и штанов была перенята северопричерноморскими эллинами от скифов, как вследствие суровости местного климата, так и вследствие удобства при ведении военных действий в пешем и, особенно, в конном строю. На это недвусмысленно указывал Дион Хрисостом (XXXVI. 7) при описании костюма ольвиополитов [*Подосинов* 2012, 25, 26]. В штаны и низкие сапоги облачен боспорский воин на надгробии из фундамента античного укрепленного здания на берегу Ахтанизовского лимана [*Толстиков* 1976, 84, рис. 1, 2; *Античная скульптура* 1987, кат. 133, *1*; *Kreuz* 2012, 788, Kat. 820, Abb. 88]. В штаны одеты и другие воины, изображенные на надгробных рельефах и статуях-полуфигурах из раскопок этого археологического комплекса: об их обуви судить сложно из-за поколенного изображения [*Сокольский* 1965, рис. 35. *4*; 37; 1967, рис. 1, 4; *Савостина* 2010, 519, рис. 31] или схематизма в передаче деталей [*Сокольский* 1965, рис. 35. *1*; 1967, рис. 8; *Журавлев* 2010, 315, рис. 42]. В первые века н. э. изображения мужчин, причем не только воинов, в штанах и коротких сапогах на боспорских надгробных рельефах становится обычным явлением [*Kreuz* 2012].

То же можно сказать и о коротком подпоясанном кафтане. Такая деталь, как треугольный выступ спереди – вариант 2 оформления подола скифского кафтана по классификации В. С. Ольховского [*Ольховский* 2001, 147] – известна на нескольких изобразительных памятниках IV в. до н. э., запечатлевших варваров на Боспоре и на сопредельных территориях. Таково одеяние «амазонки», сражающейся на переднем плане рельефа из Юбилейного [*Античная скульптура*, 1987, кат. 124. *1*; *Савостина* 1987, рис. 4; 2012, рис. 185, 186, 189; *Боспорский рельеф* 2001, табл. I, II], воинов на колпачке из Курджипского кургана [*Галанина* 1980, 45–47, 93, кат. 51; *Ольховский* 2001, илл. I. 1], персонажа, изображенного на мужском изваянии из ст. Преградной [*Шульц, Навротский* 1973, 199, рис. 4. *2*; *Ольховский, Евдокимов* 1994, 35, кат. 125, илл. 75; *Ольховский* 2001, илл. II. 3]. Изображения мужчин в таких кафтанах представлены на памятниках торевтики и монументальной скульптуры с территории Скифии [*Ольховский* 2001, 147].

Отметим, что боспорские воины, изображенные на надгробных памятниках эпохи эллинизма, часто либо облачены в доспехи [*Сокольский* 1965, рис. 35. *1*; 1967, рис. 8], либо одеты в короткие рубашки типа туник и короткие плащи [*Сокольский* 1965, рис. 35. *4*; 37; 1967, рис. 1, 4; *Античная скульптура* 2004, кат. 53; 54; *Савостина* 2012, 168–169, рис. 115; *Кучеревская* 2016, кат. 5].

Прическа «скобкой», изображенная с разной степенью реалистичности, является отличительным признаком целой серии мужских надгробных рельефов, из числа отнесенных Н. И. Сокольским к «синдским». Она представлена на надгробиях из фундамента античной укрепленной усадьбы, открытой на берегу Ахтанизовского лимана [*Сокольский* 1965, рис. 38а. *2*; 1967, рис. 5, 9; *Савостина* 2010, 519, рис. 31] и на надгробных рельефах из некрополя Горгиппии [*Сокольский* 1976, 190, 191, рис. 4, 5, 6]. Прическа «скобкой» изображена у воина на надгробии с берега Ахтанизовского лимана, хранящемся в ГМИИ им. А. С. Пушкина [*Толстиков* 1976, 83, рис. 1, 2; *Античная скульптура* 1987, кат. 133; *Kreuz* 2012, 788, Kat. 820, Abb. 88]. Подобные же прически, но более реалистично изображенные, имеют отсеченные мужские головы, подвешенные к лошади на рельефе из Юбилейного [*Античная скульптура* 1987, кат. 124, *4*; *Боспорский рельеф* 2001, табл. I, II; *Савостина* 2012, рис. 185, 186, 189].

Меч с брусковидным навершием без выделенного перекрестия с клинком в виде вытянутого треугольника, сужающимся к острию, относится к типу меотских мечей. Первоначально эта группа клинкового оружия была выделена К. Ф. Смирновым и названа им «мечами синдо-меотского типа» [*Смирнов* 1980, 38–45]. Впоследствии, В. Р. Эрлих, отметивший, что эта разновидность клинкового оружия наиболее распространена в Закубанье, на территории расселения меотских племен, предложил называть их мечами меотского типа [*Эрлих* 1991, 77–99]. По классификации В. Р. Эрлиха изображенный на надгробии меч относится к I отделу – определение подотдела ввиду схематичности изображения затруднительно. За исключением нескольких экземпляров, датированных второй половиной V в. до н. э., основная масса меотских мечей с брусковидным навершием происходит из погребений IV–III вв. до н. э. Встречаются среди них и экземпляры с продольными желобками-нервюрами на клинках [*Эрлих* 1991, 79–82, табл. 1–4, рис. 1–4]. Отметим, что меотским данный тип мечей назван В. Р. Эрлихом по области расселения меотских племен, где они встречаются наиболее часто: мечи без перекрестий с брусковидными и другой формы навершиями встречаются на Правобережье Кубани, на Нижнем Дону, в других районах Северного Кавказа, на территории Абхазии [*Смирнов* 1980, 38–50; *Эрлих* 1991, 77–99; 2006, 367; *Марченко* 1996, 50, 51; *Абрамова* 2004, 17–22; *Дедюлькин* 2012, 179, 180]. До недавнего времени на территории Боспора была известна только одна случайная находка кинжала меотского типа – у с. Первомайка на территории исторической Синдики [*Новичихин* 2006, 49, рис. 60. *6*][3]. Но в 2014 г. при раскопках некрополя «Волна-1» на Таманском полуострове в погребении середины – второй половины IV в. до н. э. был найден меч меотского типа без перекрестия с несохранившимся навершием [*Гараев, Цокур* 2020, 145, рис. 2. *33*]. Эта находка свидетельствует о бытовании данной категории оружия и на Азиатском Боспоре.

То, что меотские мечи были знакомы боспорскому воинству, демонстрируют и изобразительные памятники. Так, мечами без перекрестий с брусковидными навершиями сражаются персонажи в варварских костюмах на рельефе из Юбилейного [*Античная скульптура* 1987, кат. 124. *1*; *Боспорский рельеф* 2001, табл I, II; *Ольховский* 2001, 149, 150; *Селиванова* 2009, 134; *Савостина* 2012, 225–238, рис. 185–188]. По мнению В. С. Ольховского, детализированное изображение этих мечей на рельефе «следует рассматривать, прежде всего, как отражение местных реалий» [*Ольховский* 2001, 152, 153]. Предположительно меч этого типа (изображение навершия утрачено, перекрестие отсутствует) сжимает в руке воин, которого изображает статуя-полуфигура из раскопок укрепления на берегу Ахтанизовского лимана [*Сокольский* 1965, рис. 35. *4*]. Более конкретно можно атрибутировать как меотский меч, рукоять которого сжимает воин, запечатленный на хорошо сохранившейся статуе-полуфигуре, найденной в 1896 г. на некрополе Фанагории: оружие снабжено массивным брусковидным навершием и не имеет перекрестия [*Сокольский* 1954, 144; *Античная скульптура* 2004, кат. 53; *Савостина* 2012, 160, рис. 116; *Кучеревская* 2016, кат. 5]. Мечом меотского типа вооружен воин, представленный на скульптурном надгробии, найденном в 1889 г. близ Керчи: навершие не сохранилось, однако

[3] Судя по форме клинка в виде вытянутого треугольника с пятью продольными желобками у основания и отсутствию перекрестия, к числу меотских мог принадлежать меч из 2-го Семибратнего кургана [*Сокольский* 1954, 144, табл. IV. 2; *Черненко* 1973, 68, рис. 2. *12*].

отсутствие перекрестия и характерный широкий клинок в виде вытянутого треугольника не оставляют сомнений в указанной атрибуции оружия [*Античная скульптура* 2004, кат. 54]. На широкое распространение мечей меотского типа и использования их не только варварами, но и эллинами указывает изображение подобного меча на типично греческом надгробии Парфения, сына Сириска, конца IV в. до н. э., найденном довольно далеко и от Боспора, и от меотских земель – в Кульчукском некрополе на хоре Херсонеса Таврического в Западном Крыму [*Голенцов, Дашевская* 1981, 109–114; *Дашевская, Голенцов* 1982, 91. рис. 4. *1*].

Все это позволяет отнести памятник из станицы Благовещенской к группе эллинистических рельефных боспорских надгробий с изображением пеших воинов, представленной надгробиями из фундамента укрепленного поселения, исследованного на берегу Ахтанизовского лимана [*Сокольский* 1965, 92, рис. 35. *1*; 37; *Толстиков* 1976, 80–90; *Античная скульптура* 1987, кат. 133; *Журавлев* 2010, 315, рис. 42] и отдельными случайными находками на Таманском полуострове [*Античная скульптура* 1987, кат. 134]. Датируются эти надгробия IV–III вв. до н. э. [*Журавлев* 2010, 315] или более поздним, вплоть до рубежа II–I вв. до н. э. [*Толстиков* 1976, 90; *Античная скульптура* 1987, кат. 133; 134] временем. Изображение характерного кафтана и меча меотского типа на надгробии из Благовещенской позволяют датировать его в пределах второй половины IV – начала III вв. до н. э. Несмотря на грубость изображения, надгробный рельеф отличается индивидуальностью в передаче одежды и вооружения изображенного на нем персонажа. Надо полагать, это был портрет конкретного погибшего боспорского воина, изваянный не очень искусным местным скульптором[4].

Наиболее интересной деталью надгробного рельефа из окрестностей станицы Благовещенской, несомненно, является человеческая голова, которую воин держит за волосы правой рукой.

О существовании в древности у населения Северного Причерноморья и Северного Кавказа обычая отсечения голов сохранились как письменные и изобразительные, так и археологические свидетельства.

Прежде всего, это сообщение Геродота (Herod., IV, 64) о существовавших у скифов жестоких воинских обычаях: «Военные обычаи их таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех врагов, убитых в сражении, относятся к царю, потому что только под условием доставления головы неприятеля скиф получает долю добычи, в противном случае не получает ничего» (Перевод Ф. Г. Мищенко: [*Геродот* 1888, 331])[5].

[4] Не совсем характерен для надгробных памятников Боспора способ закрепления в постаменте при помощи длинного цилиндрического, слегка сужающегося книзу выступа. Боспорские надгробия либо имеют плоское основание, либо снабжены снизу прямоугольным выступом, либо их нижняя часть представляет собой грубо обработанный «цоколь». В то же время длинные округлые либо овальные в сечении выступы, позволявшие надежно закреплять памятники в монолитных каменных базах, известны у некоторых скифских изваяний [*Ольховский, Евдокимов* 1994, илл. 6. *8*; 76. *126*].

[5] Считаем необходимым привести этот пассаж Геродота в переводах Г. А. Стратановского («Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет»: [*Геродот* 1972, 202]) и А. И. Шишовой («Скиф, убив первого врага, пьет его кровь. Скольких человек он убьет в битве – головы их он приносит царю. Если он принесет голову, то получит долю в добыче, которую захватят, если же не принесет – не получит»: [*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, 123]).

Далее «отец истории» сообщает (IV, 65), что из черепов врагов, но не всех, а «ненавистнейших», скифы делают чаши, также они поступают с черепами сородичей, пораженных на судебных поединках «перед лицом царя» [*Геродот* 1888, 331, 332].

Манипуляции с отрубленными человеческими головами засвидетельствованы на целой серии изобразительных памятников, происходящих с территории Северного Кавказа и Северного Причерноморья[6].

Близкий рельефу из Благовещенской сюжет представлен на известном золотом колпачке из Курджипского кургана в Закубанье. Комплекс, из которого происходит этот памятник торевтики, датируется последней четвертью IV в. до н. э. На колпачке изображены четыре попарно стоящих вооруженных мужчины, одетых в штаны и короткие кафтаны с треугольным выступом внизу. В каждой паре воины стоят друг напротив друга, держась руками за воткнутое в землю копье. Воины, стоящие слева от копья, сжимают в руках мечи, воины, стоящие справа от копья, держат за волосы отрубленные человеческие головы [*Галанина* 1980, 45–47, 93. кат. 51]. Еще Э. Миннз высказал мнение, что изображение на колпачке из Курджипса иллюстрирует рассказ Геродота об обычае скифов приносить головы убитых ими врагов своему царю [*Minns* 1915, 279]. М. И. Ростовцев усматривал в этом изображении сцену «братанья у копья двух скифов» [*Ростовцев* 1925, 198]. По мнению Л. К. Галаниной, на золотом колпачке из Курджипского кургана запечатлен сюжет, связанный, «по всей вероятности, с местным эпическим сказанием». Судя по характеру самой композиции, она передает момент клятвы воинов. При этом воткнутый в землю дротик и боевое положение меча означают, видимо, что представленная сцена предшествует какому-то решительному действию. Может быть, воины клянутся в отмщении врагу, а изображение отрубленной человеческой головы следует рассматривать как символ будущего трофея?» [*Галанина* 1980, 47]. Н. А. Онайко напрямую связывала сцену, изображенную на курджипском колпачке, с рассказом Геродота о военных обычаях скифов, отмечая, что «художник, по-видимому, подчеркнул важность атрибута воинов – головы, но не "как символа будущего трофея", а как уже добытый трофей – признак "доблестного деяния", по Геродоту», а также отметив, что окончательное решение вопроса ее интерпретации «зависит еще и от того, как понимать действия воинов по отношению к копью: держась за него, они в чем-то клянутся или один передает его другому. В последнем случае смысл сюжета другой» [*Онайко* 1984, 283] [7].

Размышляя о сюжете на золотом колпачке из Курджипского кургана Н. А. Онайко отмечала: «Любопытно отметить, что изображения варвара с отрубленной головой встречаются в основном на Кавказе, в том числе и на Северном» [*Онайко* 1984, 282]. Действительно, с территории Центрального Кавказа (Южная Осетия) происходит еще одно изображение с сюжетом отсеченной человеческой головы в воинском контексте. Это гравированное изображение всадника с подвешенной к узде человеческой головой

[6] Оставляем в стороне изображение отрубленной головы в руке скифа на золотой пластине из коллекции Ф. С. Романовича, вопрос о подлинности которой остается открытым [*Ильинская* 1978, 90–100; *Онайко* 1984, 282, примеч. 3; *Алексеев* 1997, 30; *Черненко* 2000, 114–118]. О ростовском книготорговце Ф. С. Романовиче и его роли в криминальном рынке торговли древностями (в том числе поддельными) на Юге России в конце XIX – начале XX вв. см.: [*Бойко, Толочко* 2016, 43–56].

[7] Об изображении на колпачке из Курджипского кургана см. также: [*Булава* 1987, 254–257; *Гуляев* 2019, 174, 176].

на бронзовом поясе из погребения 76 Тлийского могильника, являющееся элементом сложной многофигурной композиции с участием животных и людей [*Техов* 1963, 172–173, рис. 9; 1977, 129, рис. 99. *12*; 1999, 10, рис. на с. 8 и на с. 11; 2006, 231–238, рис. 53; *Ильинская* 1982, 44, 45, рис. 7]. Изначально погребение было отнесено к концу II тысячелетия до н. э. [*Техов* 1977, 130], однако в настоящее время исследователи, в том числе и автор раскопок, сходятся на датировке указанного погребения в пределах VII в. до н. э. [*Воронов* 1980, 205; *Ильинская* 1982, 45; *Ольховский* 2001, 155; *Техов* 2006, 231]. Б. В. Техов, привлекая упомянутый пассаж Геродота (IV, 64–66), пришел к выводу, что гравированный рисунок на бронзовом поясе из погребения 76 свидетельствует о существовании в древности у племен Центрального Кавказа сходного со скифским обычая отсечения голов побежденных врагов [*Техов* 1977, 130; 2006, 230]. В. А. Ильинская напрямую рассматривала изображение на поясе из Тли в качестве иллюстрации имевшего место у скифов обычая отсечения головы убитого в бою или на судебном поединке врага [*Ильинская* 1983, 44, 45]. Отметим, что некоторые детали этого изображения позволяют связывать его ещё с одним пассажем «Скифского логоса» Геродота, а именно: повествованием о победе, одержанной вернувшимися из переднеазиатских походов скифов над потомками слепых рабов (IV, 1–4). Согласно рассказу Геродота, скифы безуспешно воевали с сыновьями своих рабов при помощи оружия и сумели одолеть их лишь тогда, когда вместо копий и луков взяли в руки кнуты. Увидев кнуты в руках скифов, их противники осознали свое рабское происхождение, «забыли о битве и обратились в бегство» (перевод А. И. Шишовой: [*Доватур, Каллистов, Шишова* 1982, 99–101]). У всадника, изображенного на поясе из Тли, лук покоится в горите, висящим за спиной вместе с колчаном со стрелами, в правой руке всадника, поднятой вверх и вперед над головой коня, – плеть с тремя хвостами, а к уздечке подвешена отсеченная голова врага. Причем голова эта безбородая, в то время как всадник бородат. Налицо апофеоз победы пожилого всадника над молодым безбородым юнцом, причем победы без применения оружия (лук так и не вынут из горита), а «оружие победы» – плеть, угрожающе или торжествующе выставлена напоказ. Вполне возможно, что и рассказ Геродота, и пояс из Тлийского могильника повествуют об одном и том же событии, произошедшем в начальный период истории скифов и связанном с Кавказом [*Новичихин* 2014, 103]. Не исключено, что зафиксированное отцом истории фольклорное предание сложилось в тот период ранней истории скифов, когда они, вернувшись из переднеазиатских походов, по данным Диодора Сицилийского (II. 43, 2), «приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях прибрежья Океана и Меотийского озера и прочие области до Танаиса».

Следует отметить, что гравировка на тлийском поясе – не единственное изображение всадника с трофеем в виде человеческой головы на Кавказе. Судя по всему, отсеченная мужская голова, подвешенная к узде коня, изображена на фрагменте бронзового пояса, хранящемся в Государственном Эрмитаже в составе происходящей из селения Кобань в Осетии коллекции К. И. Ольшевского. П. С. Уварова усмотрела здесь «неясное очертание, которое возможно принять за человеческое» [*Уварова* 1900, 36, 37, рис. 41].

Отсеченные мужские головы, подвешенные к узде верхового коня, изображены и на неоднократно упоминавшемся выше боспорском рельефе со сценой сражения варваров, в которой некоторые исследователи склонны видеть сражение скифов

с амазонками (амазономахию). Фрагменты рельефа были найдены во вторичном использовании в кладке фундамента укрепленной усадьбы I в. до н. э. – I в. н. э. Юбилейное I, неподалеку от северо-восточной оконечности Таманского залива [*Савостина* 1987, 58–71; 2001, 39–48]. Две безбородые человеческие головы, отрубленные, судя по ровному срезу коротких шей, помещены по обе стороны груди лошади, верхом на которой сражается один персонажей первого яруса рельефа. Видимо, головы, как и на кавказских поясах, изображались подвешенными к узде или нагрудному ремню (способ крепления, вероятно, был показан краской) [*Античная скульптура* 1987, кат. 124. 4; *Савостина* 1987, 66, рис. 4; 2012, 229, рис. 189; *Боспорский рельеф* 2001, табл I, II]. Рельеф датируется в пределах второй половины IV в. до н. э. Судя по всему, он был частью скульптурной композиции, украшавшей погребально-поминальное сооружение типа героона или наиска [*Штупперих* 2001, 86; *Ольховский* 2001, 157; *Савостина* 2012, 237, 238]. Существует обоснованное предположение, что сцена сражения на рельефе иллюстрирует одно из военных событий боспорской истории IV в. до н. э., участниками которого были представители меотских племен [*Ольховский* 2001, 158]. Примерами таких событий могут быть известная по «Стратегемам» Полиена (VIII, 55) война Боспора за покорение Синдики против коалиции меотских племен, возглавляемой иксоматами (язаматами), около 389 г. до н. э., или описанная Диодором (XX, 22–24) усобица сыновей Перисада I, участниками которых было меотское племя фатеев (или сираков) – около 309 г. до н. э.[8]

К сюжету изображения подвешенных к конской узде голов на рельефе из Юбилейного исследователи обращались неоднократно. А. К. Коровина отмечала, что «мотив трофеев победы – отрубленных голов» «чужд метрополии» и появился на рельефе «под воздействием местной традиции» [*Античная скуль*птура 1987, 188, кат. 124.3]. Е. А. Савостина считает, что данный элемент является «как бы дополнительным штрихом к героической характеристике персонажа», обозначая и выделяя предводителя участвующих в сражении противников «амазонок» [*Савостина* 1987, 67] или же этот трофей является знаком, «равным значению гривне» на шее его соперника, подчеркивающим «общий смысл сцены, как поединка двух предводителей» [*Савостина* 2012, 230][9]. Р. Штупперих указывает, что подвешенные к шее лошади «головы-трофеи» на рельефе из Юбилейного призваны иллюстрировать варварскую, скифскую систему ценностей, «выступают здесь как знак храбрости, военного мастерства» [*Штупперих* 2001, 76]. И. Бергеман напрямую связывает изображение подвешенных к узде голов с приведенным выше пассажем Геродота о жестоких обычаях, отмечая, что оно имеет только две аналогии, происходящих исключительно из варварской среды (колпачок из Курджипского кургана и пояс из Тлийского могильника) и что «в греко-скифском смешанном искусстве этот сюжет отсутствует вообще» [*Бергеман* 2001, 124]. Анализируя изображение отсеченных голов на боспорском рельефе, В. С. Ольховский отмечает, что «обычай отделения голо-

[8] Заманчиво предположить, что рельеф из Юбилейного и сцена на колпачке из Курджипского кургана служат иллюстрациями одного и того же события – на обоих памятниках в качестве трофеев доблестных воинов присутствуют две отсеченные безбородые мужские головы.

[9] Л. Л. Селиванова, в отличие от остальных исследователей, считает, что лошадь с подвешенными человеческими головами принадлежит «царице амазонок» [*Селиванова* 2009, 142]. По мнению Е. В. Савостиной, такое предположение также нельзя исключать [*Савостин*а 2012, 230].

вы убитого противника и подвешивания ее к конской узде был хорошо известен некоторым варварским племенам Северного Кавказа, начиная, по крайней мере, с VIII–VII вв. до н. э., со времени появления в регионе скифов». По его мнению, «общеизвестность, а, возможно, и действительная распространенность среди некоторых варварских племен Кавказа и Предкавказья обычая отсечения головы противника и использование ее в качестве трофея позволила скульптору ввести его в "текст" рельефа в качестве выразительной иллюстрации. Данный изобразительный элемент подчеркивал не только достоверность сюжета рельефа, но и ориентированность, прежде всего, на местного зрителя – и грека, и варвара» [*Ольховский* 2001, 155].

Таким образом, в регионе близком к месту находки публикуемого надгробия – на Азиатском Боспоре, в Закубанье и на Центральном Кавказе – для VII–IV вв. до н. э. известно три или четыре изображения воинов, держащих в руке или подвесивших к узде своего коня отсеченные человеческие головы. Большинство исследователей связывают эти изображения с обычаем, в той или иной мере сходным с описанным Геродотом у северопричерноморских скифов.

Е. А. Савостина, цитируя «Иллиаду» (XVII, 125, XVIII, 175), указывает, что у эллинов также существовал обычай отсечении головы убитого врага [*Савостина* 1987, 66]. Отметим, однако, что у Гомера говорится только о намерении Гектора обезглавить Патрокла и голову «на кол вонзить в поруганье», но все же ничего не сказано о действительных манипуляциях с отрубленной головой, как с добытым трофеем. Исследование Э. Р. Кнауэр, предпринятое в связи с изучением рельефа из Юбилейного, показало, что в греческой изобразительной традиции сюжеты с отсеченной головой связаны почти исключительно с мифологической традицией и не отражают воинских реалий [*Кнауэр* 2001, 203]. Поэтому едва ли стоит связывать обычай отсечения голов противника с эллинской военной практикой. Следует согласиться с В. С. Ольховским, предлагавшем видеть в сюжете с отрубленными и подвешенными к конской узде головами отражение местных реалий, восходящих к жестоким традициям варварских племен Предкавказья и Кавказа [*Ольховский* 2001, 155].

Не столь далеко от места обнаружения публикуемого надгробия было открыто и археологическое свидетельство существования у окружающих Боспор варварских племен обычая отсечения головы поверженного врага. При исследовании синдского могильника у хут. Рассвет близ Анапы было раскопано захоронение человеческих черепов, позволяющее трактовать его в контексте воинских ритуалов. К каменной обкладке погребения первой половины V в. до н. э., содержащего захоронение двух вооруженных мужчин (погребение 36), была пристроена небольшая округлая каменная обкладка (погребение 32), внутри которой в неглубокой яме были компактно попарно уложены четыре человеческих черепа. Судя по размерам черепов, они принадлежали взрослым индивидам [*Крушкол, Новичихин* 2010, 58–59, 61–63, рис. 54, 58]. Автору уже приходилось сопоставлять это необычное захоронение с существовавшим на Кавказе до недавнего времени жестоким обычаем, согласно которому голова сраженного в бою или убитого из мести врага становилась желанным трофеем [*Клычников* 2004, 171–176]. Предполагается, что открытое на могильнике у хут. Рассвет захоронение черепов может служить свидетельством существования у синдов обычая отсечения голов убитых врагов,

сохранения их как трофеев и, судя по всему, принесения их в качестве поминальной жертвы, возможно подтверждающей состоявшийся акт мести [*Новичихин* 2010, 197].

Еще один случай сопровождения погребенного воина отсеченной вражеской головой зафиксирован в курганном захоронении у ст. Старонижестеблиевской на правобережье Кубани, в меото-сарматской контактной зоне. Основное погребение кургана содержало захоронением вооруженного мужчины, лежащего головой на запад в могильной яме прямоугольных очертаний. Кисть правой руки погребенного покоилась на рукояти меча с прямым перекрестием и брусковидным (?) навершием. Поверх кисти руки и рукояти меча находились фрагменты еще одного человеческого черепа, «деформированного (бинтованного)», как указывает автор раскопок Я. М. Паромов. По его справедливому замечанию, «в данном захоронении голова врага (вероятно, сармата) была положена на символическое и знаковое место – на меч и правую руку покойника». Курган датирован второй половиной IV– рубежом IV–III вв. до н. э. [*Паромов* 2020, 385–395][10].

Укажем также, что по данным, собранным А. В. Ивановым и Н. И. Сударевым, на территории Боспора известна целая серия т. н. акефальных погребений – захоронений, в которых отсутствовали головы [*Иванов, Сударев* 2020, 147].

Изображение воина на надгробии из окрестностей станицы Благовещенской служит новым свидетельством существования в среде боспорского воинства в IV в. до н. э. традиции отсечения голов поверженных врагов, известной у окрестных варваров, прежде всего, синдов и меотов. Надо полагать, что распространение этого жестокого обычая произошло в результате вхождения синдов и меотских племен («синдов и всех маитов» надписей IV – начала III вв. до н. э.) в число подданных боспорских царей и участия меотов в качестве противников или союзников в войнах Боспора.



Список литературы

А*брамова* М. П. 2004. О мечах синдо-меотского типа // МИАР. 6, 17–22.

Алексеев А. Ю. 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V–IV вв. до н. э. // STRATUM+ПАВ. СПб-Кишинев, 29–43.

Античная скульптура 2004. Античная скульптура из собрания Керченского государственного историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция. I. Киев, 256.

[10] Предложенная автором раскопок этническая атрибуция помещенного в могилу черепа весьма условна. Кроме того, при описании погребения Я. М. Паромов указывает, что на рукояти меча и правой руке погребенного находилась «почти целая крышка» человеческого черепа, но не сам череп. Исходя из этого, вполне возможным будет предположение, что в курганное погребение воина у с. Старонижестнблиевской была помещена не «голова врага», а чаша, сделанная из человеческого черепа. В таком случае, ее нахождение на кисти руки (в кисти руки?) выглядит вполне закономерным.

Античная скульптура 1987. Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Альбом. М., 232.

Б*ергеман И.* 2001. «Смешанный стиль» поздней классики – или эллинистическая традиция изображения битвы? О стилистике и типологии рельефа со сценой сражения с Таманского полуострова // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.-СПб, 118–143.

Бойко А. Л., *Толочко* И. В. 2016. Криминальный антикварный рынок на Юге России в конце XIX – начале XX вв.: «agente recitatore» Ф. С. Романович и «tombarolo» А. А. Смычков // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования (Боспорские чтения. XVII). Керчь, 43–56.

Боспорский рельеф 2001. Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.–СПб, 332.

Булава Л. А. 1987. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана // СА. 1, 254–257.

В*иноградов* Ю. А. 2004. «Там закололся Митридат…». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.). СПб–М., 208.

Виноградов Ю. А., *Горончаровский* В. А. 2008. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб, 348.

Воронов Ю. Н. 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 200–218.

Г*аланина* Л. К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л., 128.

Гараев И. А., *Цокур* И. В. 2020. Чешуйчатый шлем из грунтового могильника «Волна-1» (Темрюкский район, Краснодарский край) // ПИФК. 1, 139–153.

Геродот 1888. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф. Г. Мишенко. Т. I. Кн. I–IV. М., 394.

Геродот 1972. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л., 600.

Голенцов А. С., *Дашевская* О. Д. 1981. Надгробие воина с херсонесской хоры // ВДИ. 2, 109–114.

Горлов Ю. В., *Поротов* А. В., *Требелева* Г. В. 2005. Археологические памятники Благовещенского останца // ДБ. 8, 143–158.

Горончаровский В. А. 2002. Мраморная стела сыновей Панталеонта из Горгиппии // Hiperboreus. 6/1, 184–189.

Горончаровский В. А. 2003. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб–М., 224.

Гуляев В. И. 2019. Загадка золотых «конусов» скифов // КСИА. 256, 172–186.

Д*ашевская* О. Д., *Голенцов* А. С. 1982. Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 170, 90–96.

Дедюлькин А. В. 2012. Меотские мечи дельты Дона // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации (Крупновские чтения.XXVII) Махачкала, 179–180.

Десятчиков Ю. М. 1972. Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 4, 68–77.

Доватур А. И., *Каллистов* П. Г., *Шишова* И. А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 455.

Ж*уравлев Д. В.* 2010. Государственный Исторический музей. Памятники греческого и римского периодов // Античное наследие Кубани. III. М., 296–325.

И*ванов* А. В., *Сударев* Н. И. 2020. Акефальное погребение рубежа V–IV вв. до н. э. некрополя Фанагории // Боспор Киммерийский и варварский мир периода античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом аспекте (Боспорские чтения. XXI). Симферополь–Керчь, 144–151.

Ильинская В. А. 1978. Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича // СА. 3, 90–100.

Ильинская В. А. 1982. Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной Скифии. Киев, 38–47.

К*лычников* Ю. Ю. 2004. «Труп холодный мертвеца в землю с честию не лег…». Отношение к павшим в реалиях войны на Кавказе // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 год. (Дикаревские чтения. 10). Краснодар, 171–176.

Кнауэр Э. Р. 2001. О «варварском» обычае подвешивания отрубленных голов противника к шее коня // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.–СПб., 200–215.

Крушкол Ю. С., *Новичихин* А. М. 2010. Описание погребальных комплексов. Каталог // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. III). М., 20–190.

Кучеревская Н. А. 2016. Каменная летопись Боспора. Лапидарная коллекция. Каталог. Керчь, 132.

М*арченко И. И.* 1996. Сираки Кубани. Краснодар, 336.

Н*овичихин* А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. По материалам погребальных памятников. Анапа, 220.

Новичихин А. М. 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. III). М., 191–203.

Новичихин А. М. 2014. К предыстории скифо-синдских отношений // ВДИ. 2, 98–108.

О*льховский* В. С. 2001. Рельеф с поселения Юбилейное I: этнографические и фольклорные реалии//Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.–СПб., 144–181.

Ольховский В. С., *Евдокимов* Г. Л. 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 188.

Онайко Н. А. 1984. Рец. на: Галанина Л. К. Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980 // СА. 1, 281–285.

П*аромов* Я. М. 2020. Боспорский рельеф со сценой сражения и погребение воина в кургане у Старонижестеблиевской станицы // Боспор Киммерийский и варварский мир периода античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом аспекте (Боспорские чтения. XXI). Симферополь–Керчь, 285–295.

Подосинов А. В. 2012. Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // Аристей. VI, 21–52.

Р*остовцев* М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л., 621.

С*авостина* Е. А. 1987. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения) // СА. 1, 58–71.

Савостина Е. А. 2001. История и археология рельефа со сценой сражения // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М. –СПб, 39–73.

Савостина Е. А. 2010. Искусство // Античное наследие Кубани. II. М., 494–533.

Савостина Е. А. 2012. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. Симферополь–Керчь, 392.

Салов А. И. 1979. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. 159, 98–102.

Селиванова Л. Л. 2009. Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки // ПИФК. 1, 131–150.

Смирнов К. Ф. 1980. О мечах синдо-меотского типа // КСИА. 162, 38–45.

Сокольский Н. И. 1954. Боспорские мечи // МИА. 33, 123–196.

Сокольский Н. И. 1965. Новые памятники синдской скульптуры // КСИА. 100, 86–96.

Сокольский Н. И. 1966. К вопросу о синдской скульптуре // Культура античного мира. М., 243–258.

Сокольский Н. И. 1967. Синдская скульптура // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 193–204.

Сокольский Н. И. 1976. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 187–198.

Т*аманский рельеф* 1999. Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. М., 304.

Техов Б. В. 1963 Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. 1, 162–178.

Техов Б. В. 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 240.

Техов Б. В. 1999. Кобано-тлийская археологическая культура // ДА. 3–4, 6–13.

Техов Б. В. 2006. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 540.

Толстиков В. П. 1976. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана // ВДИ. 1, 80–90.

Трейстер М. Ю. 2010. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // ДБ. 14, 484–561.

У*варова* П. С. 1900. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа. VIII. М., 381.

Ч*ерненко* Е. В. 1973. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев, 64–81.

Черненко Е. В. 2000. Пластина с «зображенням скіфів» із зібрання Ф. С. Романовича // Музейні читання. Матеріали наук. конф. 19 грудня 1999 р. Київ, 114–118.

Ш*ляев* Б. А. 1955. Стела Гокона // ВДИ. 2, 175–180.

Штупперих Р. 2001. Рельеф с изображением битвы скифов, найденный на Таманском полуострове // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.–СПб., 74–117.

Шульц П. Н., *Навротский* Н. И. 1973. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. 4, 189–204.

Э*рлих* В. Р. 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 77–99.

Эрлих В. Р. 2006. Местные и импортные традиции воинской паноплии Абхазии в античное время // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 364–370.

K*reuz* P.-A. 2012. Der Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. Leuden–Paris–Walpole, 1107.

M*inns* E. H. 1913. Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 720.



Summary

A. M. Novichikhin
Image of the Bosporan warrior on the tombstone from the Blagoveshchenskaya village

The article analyzes the image of the Bosporan warrior on the tombstone of the second half of the IV – beginning of the III century BC, found near the Blagoveshchenskaya village. The warrior is dressed in a short belted caftan, trousers and low boots, and is armed with a sword of the Meotian type. The most interesting detail of the image is a human head, which the warrior holds in his right hand. The attitude to the head of the enemy as a valuable trophy is attested in the ancient Northern black sea region, including the Asian Bosporus and neighboring territories, written sources (Herodotus, IV, 64), pictorial monuments and archaeological data. The penetration of this barbaric tradition into the Bosporan military community is associated with the participation of the Meotian tribes representatives in the wars of the Bosporus, as allies or opponents.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.309-331

Е. А. Савостина*, Т. С. Тихонова**
(Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова; г. Москва;*
*** ООО «Кубаньархеология», г. Краснодар)*

Мастерская коропласта в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгиппии

До наших дней дошло большое количество античных терракот – разнообразных фигурок из обожженной глины. Известны они и на Боспоре. Относительная простота их производства предполагала возможность копирования привозных оригиналов местными мастерами путем несложного изготовления оттиска с «модели» (прототипа) и ее повторения. Разумеется, воспроизводиться могли и местные образцы. Местонахождение мастерских, где занимались этим древним художественным ремеслом, определяется обычно по найденным формам для оттиска – матрицам, реже – по заготовкам, оттиснутым в форме (случалось, что еще и не обожженным (Фанагория)) [*Кобылина* 1958, 178; *Долгоруков* 1990, 35]. Не так часто, но все же обнаруживаются и остатки гончарных печей [*Шелов* 1984, 169]. Однако бывают и совершенно исключительные случаи, когда находят и остатки печи, и обжигавшуюся в ней продукцию, как это произошло при археологических раскопках на территории античной Горгиппии в 2020 г., когда археологическим отрядом «ДиЛуч» ООО «Кубаньархеология»[1] была раскрыта руинированная печь (рис. 1) с остатками обжигавшейся в ней партии терракот – тремя протомами богинь Деметры и Коры-Персефоны[2] (рис. 2).

Для нас большая удача, что эти фигурки стали известны не только в контексте городской жизни и ремесленного производства Горгиппии, но и оказались как бы «запечатанными» в заключительной стадии производственного процесса и в своем времени, резко прерванном и остановленном (каком – это еще нужно будет определить).

[1] Археологические исследования велись на месте строительства нового здания санатория «ДиЛуч» в квартале ул. Пушкина и Калинина города Анапы. Раскоп располагался в створе пер. Тираспольский.

[2] Искренне благодарим за предоставленную возможность публикации терракот и поддержку представителей Археологического отряда «ДиЛуч ООО «Кубаньархеология» и его научного руководителя зав. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН, д.и.н. В.А. Горончаровского, отдельное спасибо К.В. Никифоровой за помощь в подготовке изобразительных материалов. Свою признательность за содействие в работе выражаем заведующему Анапским археологическим музеем-филиалом Краснодарского ГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына К.И. Емец, зав. Отделом фондов музея, канд. культурологии О.В. Галут и к.и.н. А.М. Новичихину. А также большое спасибо м.н.с. ИА РАН Е.В. Фокеевой за помощь с архивными материалами.

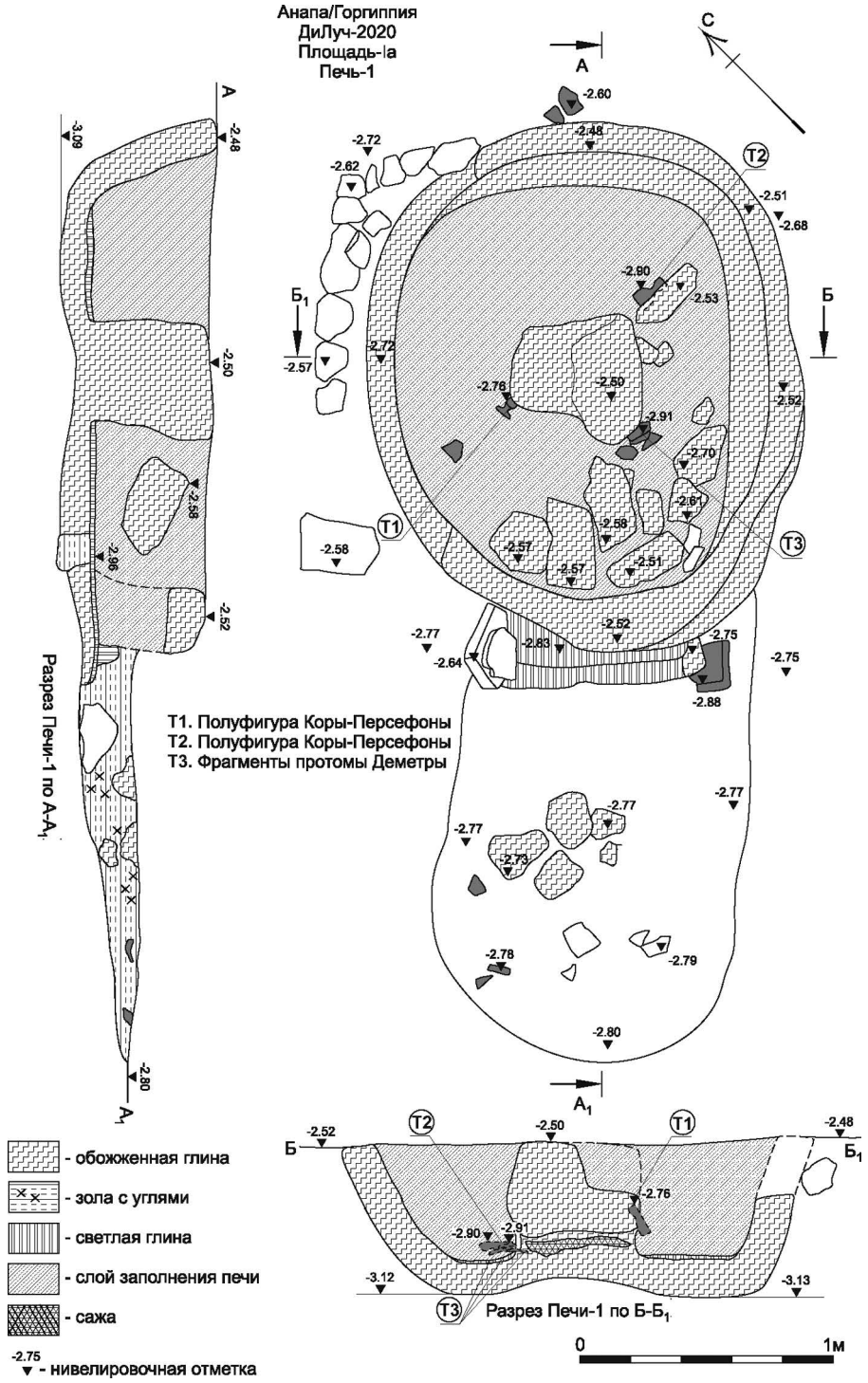


Рис. 1. Горгиппия-2020 г. План и разрезы гончарной печи с остатками обжигавшейся в ней партии терракот: Т1 – полуфигура Коры-Персефоны; Т2 – полуфигура Коры-Персефоны; Т3 – протома Деметры



Рис. 2. Терракотовые статуэтки, найденные в обжигательной печи: Т2 – полуфигура Коры-Персефоны; Т3 – протома Деметры; Т3 – полуфигура Коры-Персефоны

Но все-таки нельзя не сказать, что внезапное крушение работающей гончарной печи было явно связано с неким бедствием – была ли это локальная авария в мастерской или масштабная катастрофа.

Не менее любопытно, что продукция, подобная найденной в этой мастерской, была известна исследователям и ранее. Полуфигура Коры-Персефоны среди других погребальных приношений обнаружена в некрополе Горгиппии (1954) [*Кругликова* 1974, 46, № 8, табл. 51. 4; *Кругликова* 1982, 122]. В том же районе древнего города, неподалеку от некрополя и на расстоянии трех современных кварталов от найденной ныне печи, при градостроительных работах (1965) было зафиксировано скопление чернолаковых сосудов и терракот, истолкованное археологами как храмовый сброс [*Салов* 1968, 202–206; *Цветаева* 1968, 138–148]. Несколько терракот из этой группы сходны с односторонней протомой, извлеченной из печи в 2020 г.

В изучении античной коропластики нередко возникает ряд проблем, касающихся идентификации образа, датировки, определения места производства, технологии изготовления и применения статуэток. Благодаря рассматриваемому «закрытому комплексу», многие вопросы, включая проблему циркуляции отдельных элементов и трансформации образа женского божества, могут быть прояснены.

Печь. Более подробное описание обстоятельств находки печи оставим нашим коллегам, непосредственно проводившим разборку и расчистку объекта. Для нас важно, что она была овальной формы (рис. 1), средних габаритов (наружные размеры 210×170 см, внутренние, на уровне дна – 164×132 см; топочное отверстие шириной 75, высотой 23 см располагалось с юго-западной стороны, длина топочного канала 167 см)



Рис. 3. Сохранившаяся топочная часть печи, засыпанная грунтом. Верхняя часть ее снивелирована

и традиционной конструкции [*Шелов* 1984, 167]. Печь была сложена из сырцового кирпича и имела два уровня: обжигательную камеру (купол) и топочную, – которые разделялись полом-полочкой с продухами для горячего воздуха. Полочка, куда устанавливались обжигавшиеся в печи предметы, опиралась на сложенный из таких же кирпичей столб, поставленный посередине топки. Верхняя половина найденной печи была утрачена, дошла только ее нижняя часть, а опорный столб, прямоугольный в основании (52×32 см), сохранился на высоту 44 см (рис. 1, разрезы А и Б). В устройстве топочного устья помимо сырцовых кирпичей был использован крупный фрагмент черепицы и немного плоских камней. Снаружи печи, на ее северо-западной стороне, сохранилась однорядная кладка камней, выложенная углом. Нужно думать, что она также связана с конструкцией печи и была основанием ее внешнего ограждения.

Верхняя часть печи при следующем этапе строительства была срезана, чаша нижнего объема – топочная камера – засыпана грунтом (рис. 3) и, вероятно, утрамбована, дабы предотвратить провисание поставленной на нее стены нового здания (рис. 4). Этот темный, коричнево-рыжий крупинчатый грунт с ярко-рыжими кусками прокаленных сырцов обвалившейся конструкции содержал и фрагменты керамики: ножку амфор, так и части простой кухонной посуды (рис. 5), и пока не вполне понятно, принадлежали ли эти фрагменты сосудам, также обжигавшимся в печи в момент ее крушения, служили ли амфорные ножки вспомогательными подставками – или эта керамика связана с добавленным к остаткам разрушения печи перемещенным слоем, с помощью которого нивелировался общий уровень всех площадей перед началом следующего строительства.



Рис. 4. В следующий строительный период вся площадь была засыпана нивелировочным слоем, перекрывшим руины печи, над которыми прошла стена нового здания



Рис. 5. Керамический материал из слоя заполнения печи: ножки амфор, ручки кастрюль. Фрагменты черепицы применялись в устройстве топочного отверстия

Терракоты: техника и технология. В слое заполнения печи были найдены три терракотовые статуэтки, последовательно открывавшиеся археологам по мере расчистки топочной камеры (рис. 1, разрез Б – Б1, объекты Т1 – Т3). Первой появилась полуфигура Коры (Т1) высотой около 15 см, стоявшая вертикально у столба с западной стороны; далее, почти у дна печи, вниз лицом лежала вторая статуэтка Коры (Т2) высотой ок. 15 см, и на том же уровне, но с другой стороны столба, во фрагментах

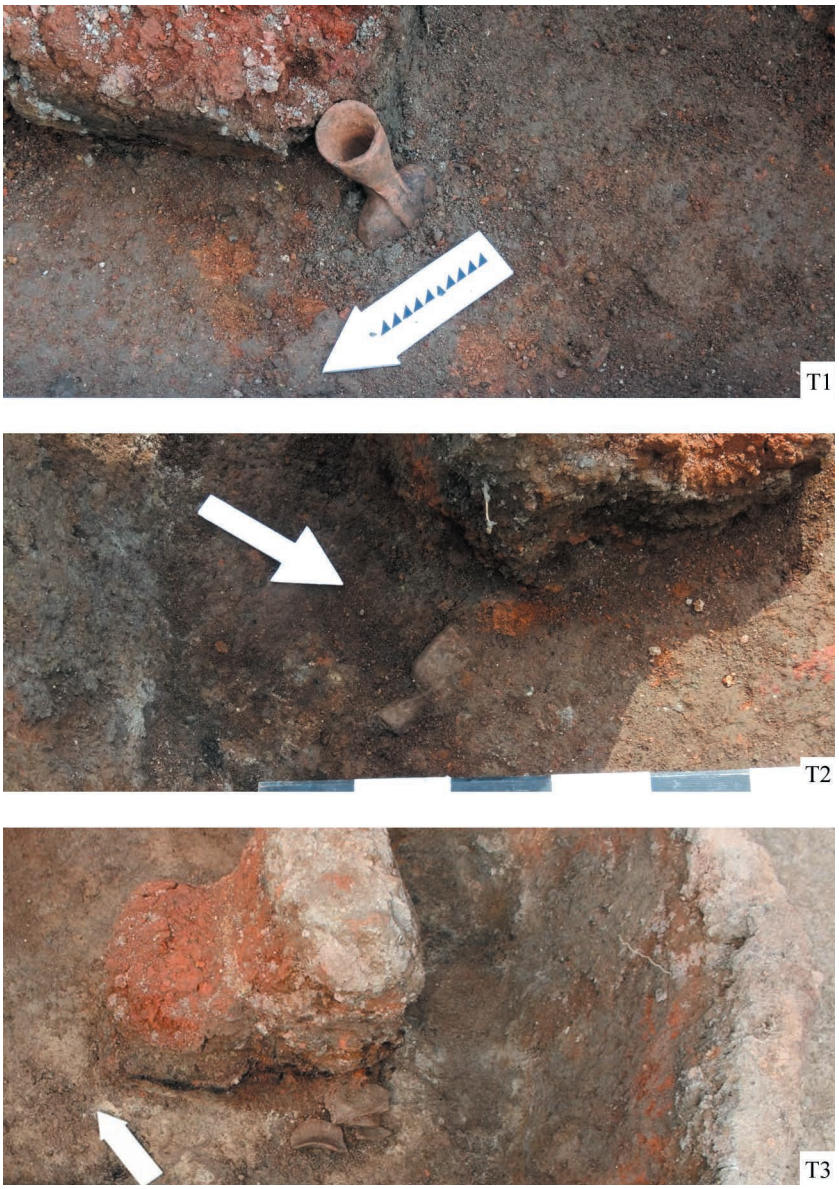


Рис. 6. Появление статуэток по мере расчистки печи: Т1, Т2, Т3

обнаружена протома Деметры (Т3)[3] высотой 13 см (рис. 6). Скрупулезная фиксация того как располагались найденные в печи терракоты имеет большое значение для нашего исследования. Во-первых, она красноречиво показывает ход разрушения, постигшего мастерскую в разгар производственного процесса, во-вторых, дает возможность

[3] Терракоты поступили в Анапский археологический музей (филиал Краснодарского ГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына) со следующими номерами полевой описи: протома Коры-Персефоны (Т1) – 496, протома Коры-Персефоны (Т2) – 497, односторонняя протома Деметры (Т3) – 498. В момент написания статьи памятники проходили процедуру регистрации в музейном собрании.

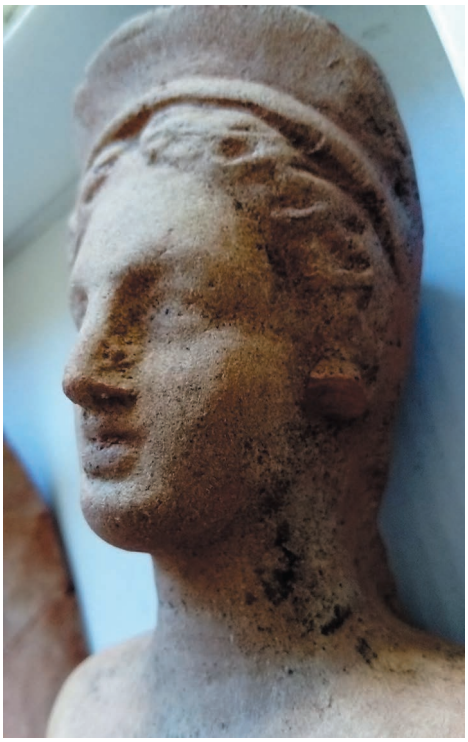


Рис 7. Голова статуэтки Коры Т1 с глиняной «крошкой» возле носа



Рис. 8. Голова статуэтки Коры из некрополя. Виден шов соединения обеих частей формы

интерпретации тех особенностей, которые проявились в характере получившейся продукции: определенные технологические моменты производства терракот выходят на первый план, и в этой проекции оставшиеся в печи статуэтки могут послужить своеобразным пособием в изучении ремесла коропласта.

Терракоты, найденные в развале печи, представляют два типа женских протом: объемная протома-бюст (скорее, полуфигура) и односторонняя протома-маска [*Tzanavari* 2017a, 143]. Их атрибуция как изображения Деметры и Коры-Персефоны не вызывает сомнений [*Кругликова* 1982, 122; *Цветаева* 1968, 138]. Односторонняя и объемная статуэтки различаются как по форме, так и по качеству исполнения, но при этом они определенно имеют что-то общее, некое сходство, вызывающее к этим произведениям особый интерес.

Протома-бюст представляет собой трехмерное поясное изображение молодой женщины в стефане. В отличие от цилиндрического калафа, как обычно определяли головной убор аналогичной полуфигуры, найденной в некрополе 1954 г.[4] [*Кругликова* 1974, 45; *Новичихин, Галут* 2013, 81], это высокая, слегка вогнутая корона, плавно понижающаяся от центра к боковым сторонам (рис. 7; 8). Хорошо видно ее основание – обруч, охватывающий голову над полоской волос и ушами, в которых показаны круглые

[4] За исключением Е. В. Хмары, что справедливо отметить [*Хмара* 1987, 82].



Рис. 9. Оборотная сторона статуэтки Коры

серьги. Лицо высотой 4,6 и 4,7 см (Т2 и Т1) узкое, тонкое, «нежное» [*Хмара* 1982, 82], с крупными ясными чертами: небольшой выразительный рот, круглый подбородок, линия которого под прямым углом переходит в шею, нос прямой, но его кончик явно сглажен, глаза с утолщенными веками. Волосы надо лбом расходятся на две стороны рельефными свободными прядями, сзади два локона-«косы» [*Хмара* 1982, 82], на которых также показаны пряди (рис. 9). Все тонкие детали были предусмотрены в форме и исполнялись без доработки (что в свое время предполагалось для статуэтки 1954 г.), поскольку все они одинаковы и в музейной терракоте, и в экземплярах из печи. При этом одеяние божества никак не моделировано.

Надо сказать, что описываемая полуфигура технически довольно сложна в исполнении (особенно по сравнению с односторонней протомой). Полая статуэтка оттиснута в составной форме, в двух матрицах – лицевой и оборотной стороны, верхняя часть ее в виде раструба оформлена как головной убор и оставлена незакрытой (из-за этого головной убор воспринимался исследователями как калаф). Нижний срез фигурки использовался как ее основание. Следы соединения частей формы заметны лишь внутри статуэток – на всю высоту боковых сторон по внутренней части протомы проходят желобки, верхняя часть их заглажена в «раструбе». Кроме того, примыкание второй, оборотной половины, отчетливо читается на голове фигурки снаружи (рис. 8). В целом статуэтки исполнены довольно тщательно и даже вызывает удивление, что, пройдя все испытания смены режима, они не имеют трещин. Привлекают внимание в обеих протомах небольшие крупинки у левого крыла носа, похожие на не снятую при оттиске с формы глиняную крошку (рис. 7).

Очевидно, что декоративная техника искусства горгиппийского коропласта включала и элементы полихромии – ее следы проявились в статуэтке Коры из некрополя (1954), где найдены остатки красной краски в волосах, наносившейся уже после обжига (рис. 8). Нужно думать, что раскрашивалось и одеяние богини (при большом увеличении на некропольском экземпляре заметны частицы, возможно относящиеся к красочному слою).

Протомы-бюсты Коры (Т1 и Т2) высотой ок. 15 см являются абсолютными двойниками в том, что касается формы статуэток и формовочной массы – мелкоструктурной глины с мелкими черными включениями. Совершенно очевидно, что они представляют собой экземпляры одного тиража, обжигавшегося в печи. Однако фигурки значительно различаются по цвету и характеру черепка, и это, несомненно, нужно объяснять уже

условиями их обжига[5]. Напомним, что терракоты были найдены на разных глубинах печного завала (выше Т1, у самого дна Т2) и обжиг, эта завершающая и, пожалуй, самая ответственная часть технологического процесса, проходил у них в экстремальных условиях. Явно остававшаяся высокой и после гибели печи температура в топке, при которой уже в незапланированных обстоятельствах продолжался обжиг, вызвала тот эффект, что мы наблюдаем: одна из терракот получилась светлой, скорее бежевого оттенка (Т1), другая темной, испещренной светлыми вертикальными полосами (Т2). Словесно обозначить цвет глины этой статуэтки довольно затруднительно. В похожем случае Д. Томпсон определила его как "buff"– цвет буйволовой кожи, коричневатый, «доходящий до легкого загара». Как полагала Томпсон, тот эффект был вызван небольшим количеством дыма в печи [*Thompson* 1957, 109]. Думаем, в нашем случае дыма было более чем достаточно для того, чтобы цвет усилился и появились эти светлые полосы – вихревые затёки, которые можно видеть не только на темной, но и на бежевой статуэтке, а также разглядеть и на односторонней протоме. Но к ней мы вернемся чуть позже, пока же обратимся к терракоте из некрополя, которую уже неоднократно упоминали.



Рис. 10. Экспозиция Анапского музея: протома Деметры из «Сброса 1965», полуфигура в хитоне и полуфигура Коры из некрополя

Находка этой протомы-бюста была сделана еще при новостроечных раскопках некрополя Горгиппии, проводившихся в 1954 г. в районе будущего анапского кинотеатра «Родина», которые наблюдала тогда И. В. Поздеева и лишь через несколько десятилетий опубликовала И. Т. Кругликова [*Кругликова* 1974, 45, № 12; 1982, 122, рис. 3. *3*]. В настоящий момент эта полуфигура находится в экспозиции Анапского музея[6] (рис. 10) [*Алексеева* 2010, 488, рис. 14; *Новичихин, Галут*. 2013, 81]. Она склеена из нескольких кусочков (13) и, как уже говорилось, в отличие от новых примеров, имеет следы красного покрытия на волосах. Помимо полуфигуры Коры в сопровождающий

[5] С помощью зав. Отделом фондов Анапского музея О. В. Галут мы попытались экспериментально установить, насколько повлиял режим обжига на плотность черепка терракоты: статуэтки были взвешены, затем погружены на 16 часов в воду и снова взвешены в непросушенном состоянии для определения их пористости. Различия оказались незначительными: Т1 (вес: сухая 211,42; мокрая 233,56) – 22,22 г; Т2 (211,34; 234,56) – 23,22 г. Но все-таки, хотя бы на 1 г, темная оказалась тяжелее…

[6] Инв. КМ 8365/242. Горг-1954.



Рис. 11. Протомы-бюсты Коры: Т2, Кора из некрополя 1954, Т1

инвентарь женского погребения № 4, где она была найдена, входили и другие терракоты: статуэтки стоящих и сидящих женщин, задрапированных в гиматий, а также акварельная пелика боспорской работы [*Кругликова* 1982, 122, рис. 3. *2–4*].

Полуфигура Коры-Персефоны из некрополя относится к тому же типу протом-бюстов, что и статуэтки 2020 г., и практически им подобна (рис. 11). Высота ее также около 15 см. Терракота имеет черепок рыжеватого цвета, что обычно считается признаком горгиппийской глины, однако тесто ее отличается от фигурок, найденных в печи и тоже, без сомнения, сделанных из местной глины: в формовочной массе Коры из некрополя заметны блестки слюды и редкие белые включения (но черных включений, как в наших новых терракотах, здесь нет). Примечательно, что в этом оттиске Коры также явственны небольшие бугорки типа глиняной крошки у крыла носа слева. Все эти наблюдения, характер изображения и детали – особенно идентичные размеры и «крошка», дают возможность предположить не только типологическое родство всех трех статуэток Коры. Весьма вероятно, что они относились к одной серии выпуска терракот, оттиснутых в одной матрице, и очевидно являлись продукцией одной мастерской. Развивая далее эту тему, заманчиво было бы думать, что именно в этой печи и была когда-то обожжена терракота, в свое время ставшая погребальным даром и затем обнаруженная археологами в 1954 г. От перспективы принять такое предположение останавливает пока лишь несоответствие теста терракот из печи и из некрополя.

Любопытно сопоставление всех ныне известных экземпляров статуэток Коры-Персефоны из одной серии: три фигурки – одна форма и три совершенно разных, контрастных цвета. Оказавшиеся в сфере нашего внимания статуэтки – протомы-бюсты Коры, в определенном смысле дополняют ту наглядную историю техники и техноло-

гии греческой коропластики, которая постепенно раскрывается перед нами. О форме мы уже говорили, глинистая масса в них горгиппийская, хотя и по-разному улучшенная специальными добавками, изменяющими ее шихту, технология – совокупность методов и способы работы, последовательность действий – одна, но вид и технические свойства различны, и это, несомненно, еще раз демонстрирует то, что помимо свойств шихты значил обжиг и режим в деле коропласта. Эту тему мы продолжим, возвратившись к односторонней терракоте, найденной в печи (Т3).

Протома-маска Деметры – тонкая, в верхней ее части сильно изогнутая рельефная пластина высотой 13 см (рис. 2, Т3). Такой тип терракот, собственно, и получил наименование «маска» из-за того, что помимо лица в ней практически ничего не моделировано, и образ женского божества трактуется в самых общих чертах: голову венчает высокая стефана, поднимающаяся над лицом с очень сильным изгибом наружу (рис. 12). На нее накинуто покрывало, спускающееся с двух сторон, заменяя моделировку боковых частей фигуры. Покрывало образует своеобразную раму, в которой рельефно проступает только верхняя граница одеяния. Лицо изображения выполнено менее упрощенно: овальное, высотой 4,5 см, с крупными чертами. Однако нельзя сказать, чтобы они были переданы очень отчетливо: нос прямой, но его кончик сглажен, явно смазан подбородок и расплывается линия овала лица. Рот небольшой, глаза с утолщенными веками. Волосы, расходящиеся надо лбом на две стороны, показаны безыскусными штрихами-насечками. Серьги схематично изображены в виде крупных плоских дисков. И наконец, но не в последнюю очередь: у левого крыла носа имеются небольшие крупинки, похожие на уже встречавшуюся нам глиняную «крошку» (рис. 13).

Протома оттиснута в одной лицевой матрице из тонко отмученной глины с редкими белыми включениями (вероятно, добавлена толченая ракушка). После обжига и как последствие всех сопутствующих обстоятельств статуэтка приобрела бежево-красноватый оттенок. На ее поверхности, хотя и в меньшей степени, чем у Кор, но также заметны более светлые разводы – следы воздушных потоков. Однако если форсмажорные обстоятельства и объясняют существенную разницу в цвете всех терракот из печи, то радикальные различия в составе формовочной массы одновременно обжигавшейся продукции требуют особого внимания и прояснения. Возможно, такие случаи уже встречались в практике исследований ремесла коропласта, но нам пришлось столкнуться с подобными фактами впервые.

На наш взгляд, если бы односторонка и две новые полуфигуры Коры, имеющие разный состав теста, не были найдены в одной печи, сложно было бы представить, что они производились в одной мастерской. Гипотетически можно было бы вообразить, что протома Деметры попала в заполнение печи уже после ее гибели, с перемещенным грунтом. Но нет, на статуэтке остался отпечаток «дымовых потоков», и это означает, что она находилась в печи в момент ее работы и разрушения. А потому на первый план выходит другое предположение: здесь обжигались оттиски, сделанные двумя набивальщиками матриц, заполнявшими свои формы из отдельно подготовленных формовочных масс.

Эти наблюдения снимают все вопросы по шихте и соответствию каким-либо «нормам» и в отношении полуфигуры Коры из некрополя – на этом моменте мы как раз остановились в рассуждении о месте ее производства. Кроме того, нельзя не заметить, что формовочная масса протомы-маски Деметры очень близка ей по текстуре, хотя



Рис. 12. Протома Деметры Т3. Деталь



Рис. 13. Протома Деметры Т3. Глиняная «крошка» у крыльев носа

и не идентична – здесь нет слюды, отмеченной в Коре. Таким образом, в четырех статуэтках, близких по ряду признаков, наблюдается сразу три разновидности шихты. Это наводит на мысль о том, что в ремесле коропласта ее состав не был чем-то принципиальным и утвержденным в плане набора примесей. Более важным были те пластические свойства, которые благодаря различным добавкам приобретал формовочный материал.

Продолжая сопоставление исследуемых терракот, обратимся к их групповой особенности, упомянутой в самом начале статьи: в статуэтках ощущается какая-то общность, похожесть, не совсем понятная и объяснимая при таком различии в деталях и качестве изображения. Впрочем, при более пристальном взгляде становится очевидно, что большое сходство имеют лица полуфигур и протомы-односторонки, хотя производят они достаточно разное впечатление: у Кор лицо более узкое, с тонким изысканным овалом, у протомы-маски утяжеленное (более «взрослое») за счет того, что линия подбородка и шеи не имеет четкого перехода. Тем не менее, в характеристике основных черт совпадение очевидно (рис. 14). Оно проявляется и в построении лицевого угла (угол наклона лица по отношению к вертикали), и в трактовке рельефно выделенных глаз с утолщенными верхними и нижними веками, в изящном переходе от рта к подбородку, читаемом в профиле, линии лба и прямого носа. Как отмечалось в описаниях, кончик носа у всех статуэток одинаков и имеет характерную закругленность. Она никак не оправдана стилистически и явно спровоцирована производственными

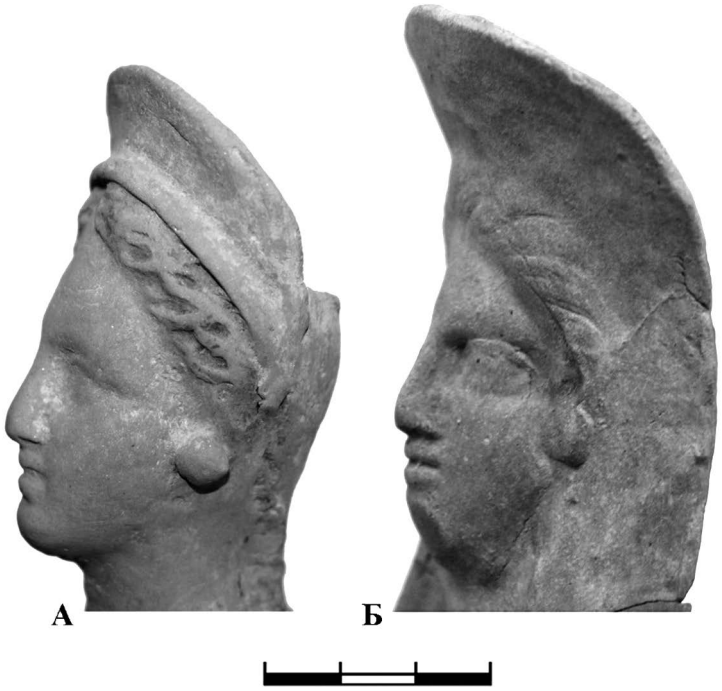


Рис. 14. Сопоставление профилей полуфигуры Коры из некрополя - А
и протомы Деметры Т3 - Б

огрехами – дефектом формовки модели. Обращалось внимание и на другие производственные отметины, прослеженные у всех рассмотренных фигур: в них отпечатались бугорки, происходящие, по всех видимости, от не снятой вовремя глиняной крошки.

На основе этих наблюдений можно говорить о том, что создание моделей статуэток, найденных в обжигательной печи, было не совсем простым или прямолинейным. Оно состояло из нескольких последовательных действий и начиналось с общего для всех этапа – можно сказать, с сотворения лица. Сначала мастер формовал лицо по оттиску с какой-то привозной статуэтки (здесь, на наш взгляд, вполне различимы аттические черты). Предполагаем, что именно тогда и появилась на оттиске та глиняная крошка, не убранная у левого крыла носа, которая стала отчетливым общим признаком, как бы своеобразной родовой отметиной. Тогда же, скорее всего, на оттиснутой первой модели «пралица» был случайно сглажен и кончик носа.

Изготовив лицо в форме, мастер дополнял остальную фигуру свободной лепкой. Она становилась новой моделью (прототипом). Или возникало несколько моделей с одним лицом – как в нашем случае. Так поступали многие коропласты, начиная с VII–VI вв. до н. э. [*Ulenbrock* 1990, 15–21; *Burn, Higgins* 2001, 18–19; *Muller* 2017, 63; *Ходза* 2018, 313]. Определенно так были созданы и новые модели терракот двух рассматриваемых нами типов, с которых снимали уже производственные формы для изготовления тиражных копий.

Несмотря на то, что главный элемент в комбинированном технологическом решении статуэток совпадает, мы далеки от мысли, что модели для изготовления обеих фигурок сделаны одним коропластом, настолько значительно отличается их замысел



Рис. 15. Протомы Деметры из «Сброса 1965»: слева – протома, подправленная стекой; справа – протома, подобная Т3. Фото из отчета Г. А. Цветаевой

и степень проработки. На фоне всех других терракот, известных в Горгиппии и ее окрестностях, полуфигура-бюст Коры несомненно является художественным произведением неординарного уровня. Особенно это очевидно в сопоставлении с другой продукцией той же мастерской. Как уже отмечалось, протома-маска за очертаниями «пралица» имеет очень несложную форму и вылеплена кустарно, по-домашнему, с упрощенно и небрежно показанными деталями. К тому же, при изготовлении модели этой статуэтки был допущен еще один производственный огрех – смазан подбородок. Он не был исправлен и так и вошел в серию копий как отличительный признак.

Но и это еще не все. Есть основания думать, что модель того же «пралица» была использована еще в одном типе статуэток, в другой односторонней протоме Деметры, найденной в Горгиппии в 1965 г.[7] [*Салов* 1968, 204; *Цветаева* 1968, 138; *Кругликова* 1974, 46, № 10, табл. 51. *6*] (рис. 15). Об их родстве, в свое время подмеченном А. И. Саловым [*Салов* 1968, 205], убедительно говорит сопоставление профилей всех трех генетически связанных изображений (рис. 16). Кстати, здесь была использована модель лица уже со смазанным подбородком, но очевидны усилия мастера по преображению типа и внесению в него «чего-то новенького». Черты лица этой протомы подправлены стекой,

[7] Инв. АМ 5265, КМ 8365/1741.



Рис. 16. Сопоставление профилей: полуфигура Коры из некрополя – А, протома Деметры Т3 – Б, протома Деметры, подправленной стекой – В

по-другому, хотя тоже упрощенно, показаны волосы, прическа дополнена круглым украшением в виде налепа, такие же налепы-серьги размещены по бокам, и весь контур «рамы» спускающегося от стефаны покрывала имеет более округлые очертания.

Таких протом не нашли в нашей печи, но она была среди находок в так называемом храмовом сбросе, обнаруженном в 1965 году – назовем его «Сброс 1965», где А. И. Салов видел три подобных экземпляра [*Салов* 1968, 205, рис. 3. *3*]. Еще несколько протом и отдельных фрагментов из этого комплекса (упоминается шесть) [*Салов* 1968, 205, рис. 3. *2*] были аналогичны нашей протоме-маске Деметры, найденной в печи в 2020 г. Одна из них представлена в экспозиции Анапского музея[8] [*Кругликова* 1974, 46, № 8, табл. 51. *4*; *Хмара* 1982, 92, кат. 3].

Всего из этого комплекса в музей поступило около 80 терракот и их фрагментов, а найдено их около сотни (рис. 17) [*Цветаева* 1965, 2; 7, рис.; *Хмара* 1982, 92–94, кат. 1–71]. К сожалению, мы пока не имели возможности непосредственно ознакомиться с этим материалом, тогда как он представляет интерес не только с точки зрения статистических данных, но и в плане истории производства. Дело в том, что, судя по данным каталога [*Хмара* 1982, 92 сл.], размеры некоторых фигурок совпадают с протомой-маской из печи, но мы пока не можем уверенно знать, целые ли это или фрагментированные статуэтки. Между тем это обстоятельство важно, потому что тот экземпляр протомы Деметры, что находится в экспозиции (рис. 10), оказался крупнее подобного образца, найденного в печи: высота терракоты из сброса 15 см против 13 см из печи.

[8] Инв. АМ 5264, КМ 8365/1740.



Рис. 17. Материалы «Сброса 1965». Фото из отчета Г. А. Цветаевой

Для восстановления истории ремесла это означает одно: в практике горгиппийских коропластов данный тип протомы-маски Деметры достаточно долго был в производстве. Изнашивались формы, новые рабочие матрицы снимались с обожженных статуэток, но, учитывая линейную усадку глины, они получались меньше прежних матриц. Естественно, что и следующее поколение фигурок выходило чуть меньших размеров. Этот феномен хорошо проиллюстрирован терракотами из храма Артемиды на Фасосе [*Muller* 2017, 61, fig. 1] и святилища на Майской горе близ Фанагории, где прослеживается от двух-трех до шести поколений различных линий протом [*Ильина* 2008, 13]. Что касается Горгиппии, то на основании наших наблюдений мы уже можем говорить хотя бы о двух поколениях изображений протомы-маски Деметры. Однако о том, как они сосуществовали, могут поведать лишь данные дальнейшего анализа материалов из «Сброса 1965».

Вполне закономерно, что в печи 2020 г. была найдена терракота из второй, более поздней серии протом Деметры. Были ли все они последовательно сделаны в одной мастерской – мы не можем знать. Но вот еще один любопытный факт, который нельзя обойти: высота лиц Коры-Персефоны и Деметры, обжигавшихся одновременно, идентична. Учитывая то, что производственный процесс, начинаясь с создания модели, стартовал от одной общей основы – «пралица», как мы его обозначили, в том случае, когда наблюдаются пропорционально равные изменения параметров этого ключевого элемента (а они уменьшились уже по сравнению с протомой из сброса), позволитель-

но предполагать параллельную стадиальность серий. То есть, с большой вероятностью можно предсказать и существование предшествующего поколения фигуры Коры-Персефоны – статуэтки несколько более крупных размеров.

Упомянутый «Сброс 1965 г. » сыграл существенную роль в определении стадий производства терракот, не менее важен он и для подтверждения применения статуэток. Скопление терракот, чернолаковых канфаров, маленьких сосудов и других керамических фрагментов (рис. 17) были обнаружены в слое, задетом градостроительной траншеей 1965 г. на перекрестке улиц Ленина и Протапова. Разрытие сначала наблюдал и обследовал А. И. Салов [*Салов* 1968, 204], затем небольшие охранные раскопки, без широких прирезок, осуществлялись под руководством Г. А. Цветаевой [*Цветаева* 1965; 1968, 138], материалы переданы в Анапский музей.

По характеру терракотовых статуэток, преобладающих в данном скоплении, – а это в большинстве своем односторонние протомы Деметры, хотя и не только, есть и небрежные оттиски, и бракованные фрагменты – исследователи сразу связали этот слой с храмовым сбросом, *фависсой* святилища Элевсинских богинь, и даже нашли достойную кладку, соотнесенную с этим храмом (правда, она несколько выше по стратиграфии и прорезает этот слой [*Цветаева* 1965, 6]). После первых публикаций и достаточно осторожных предположений [*Салов* 1968, 206] в последующей литературе можно встретить уже утверждение существования здесь храма с земельным наделом [*Алексеева* 2010, 59].

Однако более пристальное знакомство с данными этого «сброса» по отчету Г. А. Цветаевой [*Цветаева* 1965, 2] раскрывает его характер залегания, отличающийся как от использования какого-либо специально вырытого резервуара (ямы или заброшенного колодца – как на холме Ареопага Афин [*Thompson* 1954, 72]), так и от природной расщелины – как на Майской горе. Слой в целом был похож на линзу общей мощностью около 1 м, но заполненную одновременно и как бы двумя порциями: внизу, как пишет Г. А. Цветаева, было найдено больше канфаров, выше – больше терракот, при этом терракоты располагались на одной глубине 130–140 см от современной поверхности. Очевидно, что «раскопками был захвачен только край этого выброса, узкая полоса» [*Цветаева* 1965, 3], границы этого слоя, раскрытого на ширине 1,5–2 м, уходили в борт, под асфальт улицы Протапова, и в силу сложившихся обстоятельств прослежены быть не могли.

Таким образом, на наш взгляд, это скопление больше напоминает перемещенный слой, но все-таки бесспорно связанный с каким-то однородным сбросом. Возможно, заполнение *фависсы* использовалось в качестве нивелировочного слоя, но вряд ли это была она сама. Не вызывает сомнений определение сакрального характера материала сброса: большая часть его состоит из односторонних изображений Деметры, которые были примером самого простого и обычного вотивного дара [*Кузьмина* 2013, 47]. Протомы-маски служили наиболее ходовым приношением и, возможно, продавались прямо у входа в святилище. Но известны случаи их находок в составе сопроводительного погребального инвентаря, как, например, в женских захоронениях некрополя Аканфа IV в. до н. э. [*Rhomiopoulou* 2017, 87, fig. 2] и более раннего, где, кстати, встречались и находки объемных полуфигур в детском погребении конца V в. до н. э. [*Rhomiopoulou* 2017, 90, kat. 283].

Назначение второго типа статуэток, найденных в комплексе коропласта, также связано с древнегреческой ритуальной практикой [*Tzanavari* 2015, 165–179]. Статуэтка



Рис. 18. Терракотовая полуфигура Коры. Аттика, V в. до н. э. (по Н. Н. Бритовой)

Коры-Персефоны, дочери Деметры, была включена в состав погребальных даров, сопровождающих женское захоронение в Горгиппии, что, несомненно, отражает традиционные представления, связанные с циклическим культом элевсинских богинь. В этом плане понятна и иконография Коры: ее полуфигура символизирует *анод* – восхождение из земных глубин, из царства Аида [*Грач* 1974, 36; *Исаева* 1990, 169], откуда Кора-Персефона каждый год возвращается на землю, к матери своей Деметре, и жизнь возрождается.

Тип объемной стоящей полуфигуры довольно хорошо известен в греческой мелкой пластике [*Tzanavari* 2015, 165–179]. Ясные черты лица аттических статуэток Коры V в. до н. э., показанной в одеянии-пеплосе, особенно трактовка миндалевидных глаз с толстыми веками, несомненно напоминают черты Кор из Горгиппии (рис. 18) [*Бритова* 1969, 46. рис. 46; *Исаева* 1990, 307, рис.]. Схожи по типу изображения и фигурки IV в. до н. э. из Великой Греции, представляющие более высоко срезанные протомы-бюсты девушек в калафе (рис. 19) и без одежд[9]. Скорее всего, в большинстве «обнаженных» статуэток Кор одеяние не моделировалось пластически, но дополнялось средствами живописи, что известно по многим примерам [*Tzanavari* 2017b, 53–55]. Вероятно, так была декорирована и полуфигура Коры-Персефоны из каменной гробницы боспорского кургана Большая Близница[10] [*Грач* 1974, 36, табл. 42. 2; *Власова* 2010, 227, 230, рис. 69] (рис. 20), на которой можно рассмотреть следы сохранившейся росписи: бусы, контуры глаз (?) и следы грунтовки поверхности, предшествующей росписи. Эту статуэтку датируют первой половиной IV в. до н. э. [*Грач* 1974, 36].

Среди горгиппийских терракот известны также несколько статуэток-полуфигур женщины в хитоне (одна из них вошла в экспозицию Анапского музея (рис. 10), головы их утрачены. Терракоты этого типа найдены в заполнениях ям или под полом по-

[9] Фигурки входят в аукционную продукцию, лот 49: https://www.invaluable.com/auction-lot/greek-terracotta-goddess-pair-49-c-83b4055b6b#lotPanel1

[10] Государственный Эрмитаж, инв. ББ. 184. Р. 1868.



Рис. 19. Протомы-бюсты из Великой Греции, IV в. до н.э.

гибшего помещения [*Алексеева* 1997, табл. 181. *20*, *21*, *23*]. Их аналогии датируются эпохой эллинизма и атрибутируются как образ божества «домашнего круга», связанного с домашним культом. В их перечень включены и Афродита, и Исида, и Великая Богиня [*Tzanavari* 2015, 175; *Tzanavari* 2017a, 338, № 365]. В принципе, и мы должны быть готовы к тому, что какие-то экземпляры терракот из продукции нашей мастерской могли быть использованы в домашнем культе. По наблюдениям исследователей, домашний и официальный храмовый культы не так сильно различались и адаптировались очень индивидуально [*Barrett* 2015, 415]. Нельзя исключить и того, что, погружаясь в сакральное значение этих образов и глубже изучая смысловой контекст наших находок, со временем мы также столкнемся с более объемным пониманием ипостасей и круга Великих богинь в греческой традиции [*Thompson* 1954, 102]. Но это возможный предмет следующих исследований. Пока же перейдем к заключительному этапу нынешнего – к определению времени изготовления терракот.

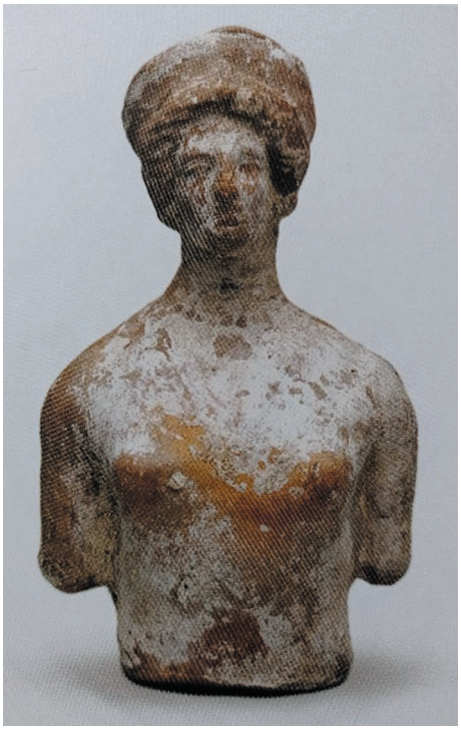


Рис. 20. Полуфигура Коры из каменной гробницы кургана Большая Близница, IV в. до н. э. (по Е. В. Власовой)

Датировка и археологический контекст. Безусловно, в установлении даты производства наших статуэток решающую роль играет археологический контекст, а именно анализ слоя, хронологически связанного с гибелью печи. Вне его, опираясь только на стилистические особенности изображения, можно говорить, что они характерны для эпохи классики и аттических мастерских в том, что касается происхождения исходного «пралица», а также имеют наиболее близкие аналогии среди категории протом-бюстов IV в. до н. э. Однако обстоятельства находки самого объекта, где были обнаружены терракоты, вносят свои коррективы, с которыми нельзя не считаться. Несомненно, более подробно это будет рассмотрено другими участниками раскопок, но и мы не можем не затронуть этого вопроса. На основании анализа нумизматического материала, происходящего с прилегающей площади, больше половины которого относится к концу IV – середине III вв. до н. э.[11], хронологические координаты гибели печи определяются серединой III в. до н. э. И эта дата – *terminus post quem* для печи и жизни мастерской коропласта, после чего этот участок города был перепланирован, и прямо по утрамбованным развалинам печи прошла стена нового дома (рис. 4). Справедливости ради заметим, что все исследователи горгиппийских терракот исследуемых типов – и протомы-маски, и протомы-бюста – датировали их с момента открытия именно III в. до н. э. [*Салов* 1968, 206; *Цветаева* 1968, 139; *Кругликова* 1974, 46].

В решении вопроса о том, была ли гибель печи локальной аварией или это следы повсеместного бедствия, внезапной катастрофы, разорившей город, можно опираться на данные прежних раскопок. Надо сказать, что именно в этот хронологический отрезок (середина – третья четверть III в. до н. э.) в других районах Горгиппии исследователями уже отмечались следы значительного разрушения города, сопровождавшегося сильным пожаром [*Алексеева* 2010, 486]. Насколько всеобщим было бедствие и насколько повсеместным пожар – трудно оценить; на данном участке следов пожара обнаружено не было. Но то, что катастрофа для самой печи была внезапной, совершенно очевидно уже по тому, что она погибла во время работы.

Судя по размерам печи, вероятнее всего, это была мастерская в рамках одного домохозяйства, а не крупная ремесленная печь, где могла бы обжигаться продукция нескольких мастерских коропластов, как это было, например, в Олинфе [*Koukouvou* 2017, 46]. Горгиппия не такой большой город, мастерских пока известно немного, и определяются они по находкам форм и остаткам гончарных печей [*Кругликова* 1962, 218; 1974, 44]. Неясно, как формировался рынок терракот, в рамках домохозяйства или выделенных ремесленных студий. Но, судя по характеру форм, найденных близ остатков печей, в мастерских все же улавливается определенная специализация, и мы можем видеть, что где-то изготавливались только гермы Гермеса, где-то были изображения Геракла [*Алексеева* 1997, 276, табл. 198, 197], и при таких обстоятельствах предполагать, что производство терракот Деметры и Коры концентрировалось только в нашей мастерской, вполне допустимо.

Закономерно возникает вопрос о том, как и каким образом обнаруженная в 2020 г. мастерская коропласта была интегрирована в городскую среду. Печь была сооружена в юго-

[11] Определение нумизматического материала исследуемого участка проведено к. и. н. А. Е. Терещенко и любезно предоставлено В. А. Горончаровским для подготовки данной статьи.

западной части города и возведена на культурном слое, то есть, данный участок города к этому времени уже был обжит. В этом районе, на обширной площади раскопа «ДиЛуч» (более 2000 м^2) она была единственной. Однако не так далеко к юго-востоку от раскопа 2020 г., в раскопе 1988–1989 гг. по улице Ленина, в квартале между ул. Калинина и Кирова (котлован под здание Горкома, ныне здание Сбербанка), были найдены печи II–III вв. н. э. диаметром до 2,7 м и остатки печей IV–III вв. до н. э. И это место определено исследователями как *керамик* [*Алексеева* 1997, 168] «с производством собственной терракоты» [*Алексеева* 2010, 488]. Ни брака, ни готовых изделий в печах и вблизи них не было обнаружено, хотя здесь, наоборот, были найдены формы (уже упоминавшиеся фрагменты герм, фрагменты статуэток Геракла). В районе нынешнего Заповедника по ул. Набережная (тогда раскоп «Город») в свое время тоже была найдена печь римского времени прямоугольной формы [*Кругликова* 1966, 85]. Стоит ли и ее относить к участку *керамика*?

Рассуждая о том, была ли наша печь связана с кварталом гончаров или нет, поскольку такие маленькие печи для производства терракот нередко устраивались и в городе (Пантикапей, I в. н. э.) [*Кобылина* 1958, 179], не хотелось бы делать преждевременных выводов. На сегодняшний день важнее другое. И раньше высказывалось мнение о местном производстве найденной в «Сбросе 1965» продукции. Оно основывалось не только на глине и характере обожженного черепка, но и на производственных отметинах, на трещинках и неубранной глиняной крошке, которую отмечали и А. И. Салов, и Г. А. Цветаева. Теперь это предположение получило убедительное подтверждение. Более того, можно говорить, что эти производственные особенности во многом помогли восстановить тот путь, которым шли горгиппийские коропласты в III в. до н. э. и в изготовлении простых и незамысловатых терракот, и в создании самобытных художественных произведений – местных статуэток комбинированных типов, в основу которых был положен аттический «первоэлемент».



Список литературы

А*лексеева* Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 559.

Алексеева Е. М. 2010. Горгиппия // Античное наследие Кубани. I. М., 470–509.

Б*ритова* Н. Н. 1969. Греческая терракота. М., 180.

В*ласова* Е. В. 2010. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. III. М., 198–262.

Г*рач* Н. Л. 1974. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров (САИ. Г1-11. Ч. IV). М., 36–39.

Д*олгоруков* В. С. 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 197, 30–37.

И*льина* Т. А. 2008. Проблемы исследования античной коропластики Боспора: опыт комплексного анализа материалов святилища на Майской горе близ Фанагории. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 23.

Исаева Н. Н. 1990. К иконографии анода в греческой коропластике классического периода // Образ – смысл в античной культуре. М., 164–173.

К*обылина* М. М. 1958. Мастерская коропласта в Пантикапее // СА. XVIII, 178–192.

Кругликова И. Т. 1962. О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 2, 218–224.

Кругликова И. Т. 1966. Раскопки Горгиппии // КСИА. 108, 82–88.

Кругликова И. Т. 1982. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954–1964 гг. // Горгиппия. II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 117–149.

Кругликова И. Т. 1974. Терракоты из Горгиппии // Терракотовые статуэтки. Придонье и Таманский полуостров (САИ. Вып. Г-11. Ч. IV). М., 43–50.

Кузьмина Ю. Н. 2013. Керамический комплекс второй четверти V в. до н. э. из раскопок на южной окраине Фанагории // ПИФК. 2, 45–49.

Н*овичихин* А., *Галут* О. 2013. Золото Горгиппии. Краснодар, 96.

С*алов* А. И. 1968. Случайные находки в Анапе и ее окрестностях // СА. 3, 202–206.

Х*мара* Е. В. 1987. Терракотовые статуэтки из Анапского историко-археологического музея (Каталог) // Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар, 80–102.

Ходза Е. Н. 2018. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. СПб, 368.

Ц*ветаева* Г. А. 1965. Охранные раскопки в Анапе в 1965 г. (Отчет). М. // Архив ИА РАН, Р-1. № 3211.

Цветаева Г. А. 1968. Новые данные об античном святилище в Горгиппии // ВДИ. 1, 138–148.

Ш*елов* Д. Б. 1984. Ремесленное производство // АГСП. М., 162–173.

B*arrett* C. 2015. Terracotta Figurines and the Archaeology of Ritual: Domestic Cult in Greco-Roman Egypt // Figurines grecques en context Présence muette dans le sanctuaire, la tombe et la maison. Presses universitaires du Septentrion, 401–419.

Burn L., *Higgins* R. 2001. Catalogue of the Greek Terracottas in the British Museum. Vol. 3. London, 528.

K*oukouvou* A. 2017. Terracotta Figurines. Craftsmen and Workshops // Figurines. A Microcosmos of Clay. An Exhibition. Thessaloniki, 45–48.

M*uller* A. 2017. The Coroplastic Workshops of Thasos // Figurines. A Microcosmos of Clay. An Exhibition. Thessaloniki, 61–63.

R*homiopoulou* K. 2017. Akantos. Figurines from the Coastal Cemetery // Figurines. A Microcosmos of Clay. An Exhibition. Thessaloniki, 87–90.

T*hompson* D. B. 1954. Three Centuries of Hellenistic Terracottas. I, B and C // Hesperia. XXIII, 72–107.

Thompson D. B. 1957. Three Centuries of Hellenistic Terracottas. Part II: The Early Third Centuries B. C. // Hesperia. 26 (2), 108–128.

Tzanavari K. 2017a. The Terracotta *Protome* in the Local Workshops of Macedonia // Figurines. A Microcosmos of Clay. An Exhibition. Thessaloniki, 142–147.

Tzanavari K. 2017b. Polychromy, a decorative Technique of Coroplastic Art // Figurines. A Microcosmos of Clay. An Exhibition. Thessaloniki, 53–55.

Tzanavari K. 2015. Protomés de terre cuite de l'antique Lètè (Migdonie) // Figurines de terre cuite en Méditerranée grecque et romaine. Vol. 2. Iconographie et contexts. Presses universitaires du Septentrion, 165–180.

U*lenbrock* J. P. 1990. The Coroplast's Art. NY, 175.



Summary

E. A. Savostina, T. S. Tikhonova

Koroplast workshop in the context of urban life and craft production in Gorgippia

In 2020, during archaeological exploration on the territory of ancient Gorgippia, the Archaeological team of "Diluch" Kubanarcheologiya" uncovered a small dilapidated furnace containing terracotta figurines fired in it: two identical hollow protoma-busts and a one-sided protoma-mask representing images of Kora-Persephone and the goddess Demeter. It is interesting that the products from this workshop were known to researchers before. A half-figure of Kora- Persephone, among other offerings, was discovered in the necropolis of Gorgippia (1954). In the same area of the ancient city, not far from the now found furnace and the necropolis, during construction work (1965), an accumulation of black-gloss vessels and terracotta was recorded, interpreted by researchers as a 'temple dump' associated with the sanctuary of the Eleusinian goddesses. Several figurines from this group are similar to the one-sided protoma extracted from the furnace in 2020. In ancient coroplastics, a number of problems often arise concerning the identification of the image, dating, determining the place of production, manufacturing technology and use of figurines. Thanks to the new open complex associated with the koroplast workshop, many issues, including the problem of the circulation of individual elements and the transformation of the image of the female deity, can be clarified.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.332-357

С. Ю. Сапрыкин
(МГУ им. М. В. Ломоносова;
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

EPIGRAPHICA REGNI BOSPORANI. VARIA

1. В 2019 г. в районе г. Темрюка Краснодарского края была случайно обнаружена небольшая плита из серого мрамора с текстом греческой надписи. Размер плиты 13×12,5 см, толщина 2,8–3 см, величина букв 1–1,3 см. Лицевая поверхность камня тщательно заглажена, боковые грани не имеют обработки, кое-где сохранились зарубки от резца. Камень представляет собой левую среднюю часть большой надписи, начало и конец которой до нас не дошли (рис. 1). Сохранилось семь строчек текста:

1 Α ΙΟΔ[.....]
ΔΑΓΟ[.....]
ΛΕΙΔΗ[.....]
ΔΗΣ Α[.....]
5 ΡΑΙΟΥ ·Α[.....]
ΣΤΡΑΤΩΝ[.....]
[.]ΑΛΟΥ · Φ[.....]

Надпись, крайне фрагментированная, является частью списка личных имен и отчеств, ни одно из которых полностью не сохранилось, за исключением, быть может, стк. 6. Неизвестно количество строк и лишь приблизительно можно определить, сколько букв было в каждой из них. Справа, в недошедшей части текста, находились имена и отчества лиц, окончания которых располагались в дошедшей до нас левой половине надписи. В ряде случаев, как в стк. 6, начала имен фигурировали в левой половине надписи, но окончания имен и патронимиков перенесены в основном на нижестоящие строчки. Для надписи характерно использование несиллабического переноса. В двух случаях (стк. 5 и 7) имена стоят в родительном падеже, следовательно их можно считать патронимиками. Подобные списки широко известны в боспорских городах Горгиппии, Танаисе, Фанагории, Гермонассе, в «малых» городах Боспора, в частности, в Зеноновом Херсонесе (мыс Зюк), и даже на периферии азиатской половины царства [*Завойкина* 2013, 84–129]. Из последних находок – список имен боспорцев с Ильичевского городища [*Сапрыкин* 2017, 328–336]. Эти надписи принадлежат членам боспорских религиозных союзов, главным образом фиасам. По аналогии с ними восстанавливается и текст публикуемой над-



Рис. 1. Фрагмент списка фиасотов или синодистов
из окрестностей г. Темрюка

писи. Например, в надписи из Танаиса, в преамбуле, после указания на синод во главе со жрецом, перечисляются члены синода и их должности, а далее приводятся списки имен простых («остальных») фиасотов (*CIRB* 1263). По такому же принципу построена и публикуемая надпись. Обращает на себя внимание, что между боковой гранью плиты и эпиграфическим полем с именами сохранилось пустое пространство в 2 см, однако в стк. 1 *альфа* выходит за пределы основного текста, примыкая почти впритык к левой границе камня. Такое положение буквы А говорит о том, что она могла служить обозначением первого столбца в списке имен или являлась окончанием преамбулы надписи. В ней, как правило, фигурировали титулатура правящего царя, дата, ссылка на синод во главе со жрецом, а далее приводился список «остальных» членов фиаса (*CIRB* 1262, 1263). Иногда датировка именем царя с его титулатурой отсутствовала, поэтому оставалось только указание на синод. В публикуемой надписи список имен членов фиаса начертан с отступлением от края плиты. Надпись могла быть посвящением от имени жреца фиаса и фиасотов богам, покровителям фиаса (ср. *CIRB* 76), или включала упоминание должностных лиц синода, за которым следовал список фиасотов (*CIRB* 1054). На этом основании стк. 1 предположительно можно реконструировать [...οἱ περὶ ἱερέ]/α ΙΟΔ[...], [...καὶ ἱερομάστορ]/α ΙΟΔ[...] или [...καὶ γραμματέ]/α ΙΟΔ[...] [ср. *CIRB* 1054] с последующим перечислением имен членов фиаса. Имя предполагаемого жреца (гиеромастора, грамметея?) фиаса или синода восстанавливаем по аналогии с именем члена синода одного из фиасов Танаиса – неанискарха Ἰοδασα[ν? …]αίου (*CIRB* 1263, первая половина

II в. н. э.) или, согласно другой конъектуре, Ιοδα Σα[...]αιου [1]. Ср. также имя Ἰόδα на надгробии из некрополя Кыз-Аул [*CIRB* 945 = *LGPN* IV 174, II в. н. э.] и имя Ἰώδας Βαρδάνου (*CIRB* 36, стк. 35, конец III в. н. э.) [2].

В стк. 2 можно дополнять ирано-сарматские имена [Πά]δαγος (*HO* 42 = *LGPN* IV 267) или [Δά]δαγος (*HO* 42; *IOSPE* I² 137, 139 = *SEG* XLIV 666 = *LGPN* IV 84; ср. Δάδαγος Παδάγου – *HO* 42 = *SEG* III 583), популярные в Ольвии в первые века н.э. [*Zgusta* 1955, 81, 92; *Тохтасьев* 2013, 40, прим. 270]. Имя восстанавливаем в именительном падеже, поскольку оно поставлено после имени предполагаемого жреца фиаса.

Стк. 3: здесь отчетливо дополняется [Ἡρακ]λείδη[ς] в именительном падеже, так как после имени Падага в предыдущей строке могло упоминаться его отчество. Данное имя с различными патронимиками было распространено на Боспоре в разные эпохи (см. *CIRB*, index, p. 871 = *LGPN* IV 154).

В стк. 4 возможны имена с окончанием на – δης: [Ἡρακλεί]δης, [Ἀσκληπιά]δης, [Διοσκουρί]δης, [Ὑμνὼ]δης ктл. (*CIRB*, index, p. 855, 864, 871 = *LGPN* IV 54, 106 – Пантикапей); ср. имя синагога синода из Пантикапея Ἡρακλείδης Ἀγαθοῦ (*CIRB* 91, первая половина II в. н. э.), а также Ἡρακλείδης Ἀτάσα (*CIRB* 1262, Танаис, II в. н. э.), Ἡρακλείδης Ἄττα (*CIRB* 1277, 1285, Танаис, III в. н. э.). Это позволяет предположительно дополнить антропоним с окончанием [...]δης как [Ἡρακλεί]δης, а отчество могло быть одним из имен типа Ἀτάσα, Ἀγαθοῦ, Ἄττα. При этом следует учитывать, что мужское имя Ἄττας – одно из наиболее популярных на Боспоре в римское время (*LGPN* IV 58) [3].

Стк. 5: имена с окончанием на – ραιος происходят в основном из Македонии, реже из Добруджи и Фракии, поэтому возможны варианты типа Ἀκέραιος (*LGPN* IV 12, Македония, 161 г. н.э.), Περαῖος (*LGPN* IV 278, Македония, V в. до н.э.), Ἀγοραῖος (*LGPN* IV 6, Македония, эллинистическое время и I–III вв. н. э.), Κορραῖος (*LGPN* IV 198, Македония, IV в. до н.э.), Δυραῖος (*LGPN* IV 113, Фракия, II в. н. э.), Πετραῖος (*LGPN* IV 279, Македония, II–III вв. н. э.), Ἀργυραῖος (*LGPN* IV 41, Македония, III в. н. э.), Ὀπεραῖος (*LGPN* IV 263, Каллатис, III в. н. э.). Перечисленные имена на Боспоре пока не засвидетельствованы. В этой строке, скорее всего, стояло имя [Ἡ]ραῖος, известное в Горгиппии, Пантикапее (*CIRB* 166, 1137), Мирмекии в IV–III вв. до н.э. [*Гайдукевич* 1966, 70–76] , Херсонесе во II в. н. э. (*IOSPE* I² 359 = *LGPN* IV 153). Можно дополнять и имя [Εὐφ]ραῖος, засвидетельствованное в боспорском Нимфее в IV в. до н.э. (*LGPN* IV 118, ср. близкое имя Εὐφραῖος – *LGPN* IV 139, Македония, IV–III вв. до н.э.). Однако имя [Ἡ]ραῖος вероятнее, так как чаще встречается в боспорской ономастике.

В стк. 6 уверенно читается эллинское имя Στράτων (*LGPN* IV 318), которое широко известно в Пантикапее в IV в. до н.э. – III в. н. э. (*CIRB* 75, 111, 727), Гермонассе в 123–132 гг. н.э. (*CIRB* 1054). Возможно и греческое имя Στρατῶναξ (*CIRB* 231, Пантикапей, IV в. до н.э.), правда, оно не встречается в римское время.

[1] Ср. [*Тохтасьев* 2013, 38]: имя иранское в аккузативе (α вместо αν), праиранская и общеиранская антропонимическая основа *Yauda, *Yaudaka.

[2] С.Р. Тохтасьев отмечает, что имя Ἰώδας иранское [*Тохтасьев* 2013, 39, 40].

[3] Об именах на At(t)- см. [*Яйленко* 2010, 123–131].

Стк. 7: от первой буквы сохранился только выступающий вверху кончик правой боковой гасты Δ, но вероятнее всего Α, так как такое начертание *альфы* совпадает с ее написанием в других именах. Здесь можно дополнить родительный падеж имени [Παιρίσ]αλος, которое известно на Боспоре во II–I вв. до н.э. – III в. н. э. (*LGPN* IV 267: Ахиллий, Киммерик, Пантикапей, Тиритака, Танаис), но убедительнее всего предполагать здесь имя Ἄτταλος в родительном падеже [Ἀτ/τ]άλου (ср. *CIRB* 1137: Горгиппия, III в. до н.э., *IOSPE* I² 39: Ольвия, II–III вв. н. э. = *LGPN* IV 58). Вышеизложенное позволяет прочитать надпись следующим образом:

[.....οἱ περὶ ἱερέ]-
1 α Ἰοδ[α?..... θιασεῖται Πά]-
δαγο[ς.....Ἡρακ]-
λείδη[ς.....Ἡρακλεί]-
4 δης Ἄ[ττα?.....Ἠ]-
ραίου · Α[.....]
Στράτων[.....Ἀτ]-
7 [τ]άλου · Φ[.....]

Перевод: «(……во главе со) жрецом Иодасом? (фиасоты) Падаг, сын (…), Гераклид, сын (…), Гераклид, сын А(тта?, ….), сын Герая, А(…) сын (…), Стратон, сын (…), (…) сын Аттала, Ф(….) сын (…)…».

По шрифту надпись относится к римской эпохе: концу II – началу III вв. н. э. [*Болтунова, Книпович* 1962, 11]. Из особенностей текста следует выделить интерпункцию в виде точки между именами с отчествами, сохранившуюся в стк. 5 и 7, а также сочетание силлабики и несиллабики в переносах. Надпись относилась к фиасу одного из крупных полисов Азиатского Боспора или сообществу жителей одного из «малых» городов данного региона, а, быть может, даже одного из поселений или нескольких селений на хоре. В ней сочетаются негреческие имена, например, Иодас, Падаг или Дадаг, и греческие антропонимы (Гераклид, Аттал, Герай, Стратон). Это свойственно населению Боспора в римское время и свидетельствует об эллинизации местных жителей.

2. В 2020 г. А. А. Завойкин и Н. В. Завойкина опубликовали фрагмент проксенического декрета, так называемой «третьей» фанагорийской проксении, который был случайно обнаружен при исследовании Фанагории (рис. 2). Они дали подробное описание памятника [*Завойкин, Завойкина* 2020, 134–139], что избавляет нас от повторения технических данных и позволяет сконцентрировать внимание на восстановлении текста. От надписи дошло пять строк, которые воспроизводим согласно тому, как их прочитали авторы публикации:

1 […]Ο[...]ΜΠΑΣΙ[.....]
[.....]Χ̣ΟΥΣΙΚΑΙ[...]
[.....]Σ̣ΚΑΙΕΚΠΛ[...]
[.....]ΟΥΚΑΙΕ[.....]
5 [.....]Ε̣ [.....]

На основании такого прочтения была сделана реконструкция текста:

[Λεύκων? καὶ παῖδες τῶι δεῖνι]
[τοῦ δεῖνος *ethnicum* ἔδοσαν]
[προξενίαν καὶ ἀτέλειαν πάντων χρη-]
[μάτων ἐν παντὶ Βοσπόρωι καὶ αὐτῶι καὶ]
1 [ἐκγόνοις καὶ τ]ο[ῖς συνέ]μπασι κ[αὶ ὧν οἱ]
[ἄλλοι πρόξενοι μετέ]χουσι καὶ [κατὰ γῆν καὶ]
[κατὰ θάλατταν καὶ εἴσπλου]ς καὶ ἔκπ[λους]
[καὶ πολέμ]ου καὶ ε[ἰρήνης ἀσυλεὶ καὶ]
5 [ἀσπονδ]ε[ί].

Надпись правильно определена как проксенический декрет времени Спартокидов и продатирована IV в. до н.э. Однако восстановление текста вызывает вопросы. Во-первых, обращает на себя внимание расположение строчек реконструированного текста, их непропорциональность в сравнении с их положением на камне – в официальных декретах, таких как проксении, строки всегда выдерживались пропорционально и любое несоответствие официозному стилю не допускалось. В восстановлении авторов буквы ΣΚΑΙΕΚΠΛ в стк. 3 значительно сдвинуты вправо, тогда как на камне они поставлены строго под сочетанием …]χουσι καὶ […]; в стк. 5 читаемая авторами буква Ε вообще оказалась значительно левее стоящих строкой выше литер ...]ΟΥΚΑΙΕ[…], хотя на камне остатки букв в последней строке просматриваются намного правее.

Во-вторых, авторам публикации очень хотелось продатировать проксению временем Левкона I, поэтому в качестве обоснования этого ими приводятся варианты шрифтов надписей с упоминанием его имени, которые они соотносят с публикуемым документом. Однако такой подход не дает абсолютной даты, поскольку шрифт надписей, бытовавший при Левконе I, сохранялся и при его преемниках. Это показывает надпись из Керчи, найденная в 2007 г.: […] Λεύκωνος Βο[...]. Она была поставлена при Левконе I или при одном из его сыновей, скорее всего, Перисаде I[4]. Ее шрифт почти полностью соответствует шрифту фанагорийской проксении. А. А. и Н. В. Завойкины справедливо замечают, что шрифты надписей Левкона I и Перисада I во многом совпадают. При этом едва ли не единственное отличие их в том, что поле круга буквы О в надписях Перисада либо большое, как в документах его отца, либо немного суженное, а все остальные буквы почти тождественны [*Завойкин, Завойкина* 2020, 142–145][5]. Неслучайно, что Т. Н. Книпович и А. И. Болтунова отмечали: «существенных различий в особенностях письма между надписями времени Перисада I и Левкона I незаметно…Изменения форм букв очень незначительны» [*Болтунова, Книпович* 1962, 12]. На этом основании уверено датировать надпись временем Левкона I невозможно, тем более вставлять его имя в реконструкции текста. Закон эпиграфики требует оставить верхнюю часть надписи без восстановления, пусть даже вполне веро-

[4] В. А. Сидоренко считает надпись посвятительной [*Сидоренко* 2018, 518, рис. 1].

[5] Это особенно заметно при сравнении надписей Левкона I и проксении Перисада I, предоставленной некоему сыну Дионисия, пирейцу (*CIRB* 1; [*Болтунова, Книпович* 1962, 14, рис. 5]). Можно еще указать на более зауженную П в надписях Левкона, тогда как в надписях времени Перисада она чуть шире, как на фанагорийской проксении, о которой идет речь.



Рис. 2. Фрагмент проксенического декрета из Фанагории
(по: *Завойкин, Завойкина* 2020)

ятного, а ограничиться конъектурами тех строчек, которые просматриваются на камне, причем в строгом соответствии с расположением сохранившихся букв. А этого авторы публикации проксении из Фанагории не делают.

И, наконец, в-третьих: в ряде случаев буквы на камне прочитываются авторами неверно, что негативно сказалось на восстановлении надписи. В стк. 1 справа просматриваются контуры О, І, Σ, далее *vacat* в размере одной-двух букв – в нем как будто бы сохранились верхняя гаста Σ и нижняя часть вертикальной гасты Υ – затем ΜΠΑΣΗ̣. Авторы вычитывают в этой строке συνέμπασι, механически перенося его из другого проксенического декрета [*Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 67] и, как представляется, не совсем правильно понимая смысл. Они недопустимо безответственно проходят мимо того объективного факта, что в лакуне между [...τ]ο[ῖς ...]μπασι помещается всего лишь не более двух букв. В конце строки невооруженным глазом видна четкая Η, а не *йота*, как у авторов публикации, а далее можно заметить остаток нижней вертикальной гасты какой-то буквы, похожей на І или Τ. Это позволяет реконструировать данную строчку декрета как Σ̣ΥΜΠΑΣΗ̣ или Σ̣ΥΜΠΑΣΗ Τ. В начале стк. 3 над сколом сохранилась верхняя часть расходящихся в стороны усиков Α и верхняя поперечная гаста Σ, что делает невероятным восстановление … εἴσπλου]ς. В стк. 5, последней из сохранившихся строчек текста, буква Ε не читается – здесь отчетливо фиксируются верхние половинки букв Π и Ο. Эти немаловажные подробности заставляют предложить

иное восстановление документа согласно сохранившемуся на камне расположению строк и прочитанных букв:

[.....]
[ἔδοσαν προξενίαν καὶ ἀτέλειαν πάν-]
[των χρημάτων ἐν παντὶ Βοσπόρωι καὶ]
1 [αὐτῶι καὶ ἐκγόν]οις ⟦υμπάσηι [τῆι]
2 [οἱ ἄλλοι πρόξενοι ἔ]χουσι, καὶ [ἔγκ-]
3 [τησιν γῆς καὶ οἰκί]ας καὶ ἔκπλ[ουν]
4 [καὶ εἴσπλουν καὶ πολέμ]ου καὶ ἐ[ρή-]
5 [νης ἀσυλεὶ καὶ ἀσ]⟦υ⟧[νδεί].

Перевод: «(…дали проксению и ателию во всех делах на всем Боспоре и ему и) потомкам в том объеме, (в котором) их имеют (другие проксены), и (право владеть землей и) домом и право выплывать из гавани (и вплывать в гавань и) во время войны и во время мира (без конфискации и) договора».

В стк. 2 можно читать ἔ]χουσι, но можно оставить μετέ]χουσι, т.е. «в том объеме, в котором участвуют (который имеют) другие». Сохранившаяся часть декрета являет собой правую нижнюю его половину, а количество букв в строчках колебалось в пределах 26–28. Декрет, по-видимому, состоял из семи строк, причем в первых двух отмечалось, кто из Спартокидов дал проксению и ателию, в честь кого он был принят и из какого полиса проксен был родом. Любопытно впервые засвидетельствованное в проксениях Боспора наречие ⟦υμπάσηι – dativus relationis или скорее limitationis от σύμπας, σύμπασα, σύμπαν – «весь полностью, в совокупности» (LSJ s.v.). Знаменательно и упоминание права проксена на ἔγκτησιν γῆς καὶ οἰκίας – владение землей и домом. Это право являлось полисной привилегией, поскольку иноземец получал участок земли с домом на полисной хоре [*Pečirka* 1966, 137]. В данном случае тираны Боспора, очевидно, предоставили его на аграрной периферии Фанагории. Эта привилегия, однако, засвидетельствована не во всех проксениях. Она фигурирует в проксении Левкона I из Пантикапея [*Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 62–71; *Сапрыкин, Федосеев* 2011, 96, 97], проксеническом декрете из Горгиппии времени Селевка, сына Евмела (*CIRB*. Add.4; *Болтунова* 1964, 136; *Яйленко* 1985, 154; 2001, 476; ср.: *Виноградов* 1978, 22–25; *Шелов-Коведяев* 1985, 57], в первой и предположительно во второй фанагорийских проксениях [*Яйленко* 1984, 220-222; 2001, 474–483; 2010, 55–79; *Шелов-Коведяев* 1985, 59, 60; *Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 70–71; *Сапрыкин, Федосеев* 2011, 98, 99; *Завойкин, Завойкина* 2020, 139–149]. В этих декретах, даже с учетом их фрагментированности, отсутствует указание на политию – права гражданства. Хотя в некоторых проксениях, особенно из Пантикапея, это право оговаривается особо [*Шелов-Коведяев* 1985, 67–69; 2018, 278; *Яйленко* 2001, 477; *Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 58–62; *Сапрыкин, Федосеев* 2011, 94, 97], но в таких случаях ссылка на владение землей и домом отсутствует. Данный факт вызвал справедливый вопрос А.А. и Н.В. Завойкиных – можно ли говорить, что проксен, получивший гражданские права (политию) мог приобрести недвижимость на всем Боспоре или только в полисе, где была установлена стела с декретом?

Пытаясь дать на него ответ, они опираются на различные варианты восстановления разных декретов, что методологически неверно. Поэтому у них получается, что энктесис, т.е. право владеть недвижимостью в другом государстве, в одних случаях предоставлялся наряду с правами гражданства, а в других случаях, согласно иным вариантам восстановления, эти привилегии не сопряжены друг с другом. Поэтому, заключают исследователи, «право приобретения недвижимости на Боспоре не было связано с необходимостью получения прав «боспорского гражданина». Во всех декретах, в которых уверенно вычитывается полития, отсутствует упоминание энктесиса. По их мнению, предоставление энктесиса означало, что «свободного рынка земли» не имелось, что «предполагает общебоспорский кадастр и узурпацию Спартокидами суверенного права распоряжаться землей», т.е. права приобретать землю на хоре городов [*Завойкин, Завойкина* 2020, 150, 151].

При решении проблемы связи энктесиса и предоставления гражданских прав на Боспоре следует обратить внимание на то, что на спартокидовском и постспартокидовском Боспоре три полиса – Пантикапей, Горгиппия, Фанагория – при тиранах и при царях династий Митридатидов и Тибериев Юлиев чаще всего получали права политии – полисной конституции, свободы (элевтерии) и автономии, но с рядом существенных ограничений. В меньшем объеме это касалось Феодосии, Гермонассы, возможно, Нимфея [*Виноградов* 2000, 228]. Проксении иноземцам (к настоящему времени их известно 21) обнаруживаются на Боспоре исключительно в Пантикапее, реже в Фанагории, еще реже в Горгиппии, поэтому они напрямую увязаны с полисными правами на Боспоре [*Шелов-Коведяев* 1984, 158; *Сапрыкин, Федосеев* 2011, 107]. Проксенические декреты имеют стандартные формулировки, привилегии в них всегда даются от имени тиранов (и сыновей-соправителей тиранов), но указания на соответствующие полисы отсутствуют. Следовательно, на Боспоре действовало право, основанное на почти безграничной политической власти тиранов Пантикапея, ставшее общебоспорским, поскольку тираны выступали архонтами Боспора и Феодосии, т.е. симмахии эллинских полисов [*Шелов-Коведяев* 1984, 166][6]. На основании этого права тираны Пантикапея принимали решения по общегосударственным вопросам, в разряд которых входила и такая исключительно полисная привилегия, как предоставление гражданства. В Греции и на периферии Эллады полисы были самостоятельными и автономными, закрытыми гражданскими общинами, городами-государствами, хотя при тирании функции их государственных органов управления были ограничены. Это выражалось в уменьшении власти и влияния буле, нерегулярном созыве Народного собрания, принятии важных решений исключительно волей тирана [*Berve* 1967, 132–143; *Фролов* 1979, 102]. На Боспоре гражданство соответствовало происхождению и проживанию местных жителей в тех полисах, уроженцами которых они являлись [*Виноградов* 1993, 84]. Но оно было опосредовано общебоспорским гражданством [*Граков* 1939, 288, 289; *Osborne, Byrne* 1996, 57, 58], так как полисы составляли единое политико-административное объединение

[6] При Писистратидах в Афинах сохранялась должность архонта-эпонима, которую занимали представители некоторых знатных родов [*Meiggs, Lewis* 1969, № 6]. На Боспоре архонтами-эпонимами являлись сами тираны, поэтому в надписях фигурировала эпонимная формула, например, «при Левконе (Перисаде и т.д.), архонте Боспора и Феодосии». Это доказывает полисный характер власти Спартокидов.

«Боспор»[7]. Что касалось иностранцев, то предоставленное им гражданство основывалось на праве тиранов – архонтов симмахии полисов Боспора – даровать его в качестве общебоспорского независимо от местной полисной власти, ограниченной в своей компетенции, если вообще таковая у них была. В греческой политико-юридической практике полноценное гражданство было обусловлено владением недвижимостью, главным образом, в виде земельного участка – фундамента для соответствующего имущественного ценза, налогообложения и повинностей гражданина [*Hasebroek* 1966, 217–221]. На этом принципе выстраивалось и право иностранцев получать энктесис. В. П. Яйленко, опираясь на проксении из Афин и ряда других полисов, где получение земли и дома не сопровождается предоставлением гражданских прав, считает, что энктесис не связан с получением гражданства, поскольку полисы были заинтересованы в доходах от вложения капиталов иноземцев в экономику [*Яйленко* 2010, 60]. Однако в каждом полисе был специальный закон – νόμος προξενικός, по которому иностранца-проксена наделяли землей согласно принятым в полисе законам[8]. В Аттике было несколько групп иностранцев, которым даровался энктесис. Самая большая из них включала метеков, имевших равные с афинянами права в военных и финансовых вопросах, и иностранцев-проксенов, в том числе тех, кто вместе с проксенией получал еще и исотелию – равенство в уплате налогов с местным населением, или обретал «дом и землю по закону» [*Monceaux* 1885, 96–98; *Pečirka* 1966, 148; *Mack* 2015, 98]. Это показывает, что полисный «закон о проксении» подразумевал предоставление гражданских прав в том объеме, в котором это оговаривалось законом относительно разных групп проксенов. Поэтому получение проксении с энктесисом, но без упоминания политии, не означало, что проксен, получивший участок и дом, был вообще лишен гражданских прав в полисе.

О том, как право гостеприимства осуществлялось на Боспоре в IV в. до н.э., сообщает Диодор. В 310/309 г. до н.э. Евмел принял тысячу жителей Каллатиса и «…не только дал им безопасное убежище, но даже город для поселения, а кроме того разделил на участки так называемую Псою и хору» (*Diod*. XX. 25, 1). Это было реализовано согласно декрета о коллективной проксении[9], а область, в которой тиран поселил каллатийцев, с большой долей вероятности находилась в окрестностях Горгиппии. При наделении иностранцев землей и домами «в городе для поселения» Спартокиды руководствовались исключительно собственным решением, но на основе «гостеприимства» – полисного права предоставления проксении [*Сапрыкин* 2006, 206]. Тираны Боспора давали землю и гражданские права по всему Боспору, о чем говорит формула проксенических декретов – «дали право гостеприимства (проксению) и ателию на все товары по всему Боспору». Из этого следует, что в тех случаях, когда в декретах отсутствует указание на политию, но имеется энктесис – владение землей и домом, то эта привилегия дава-

[7] Это подтверждают имена выходцев с Боспора, проживавших в Афинах, которых называли «боспоритами» или «боспоранами».

[8] В некоторых афинских декретах энктесис дается согласно законам полиса и по решению Народного собрания (*IG* II² 422; 425; 466).

[9] Коллективная проксения в Афинах была дана гражданам Китиона и предусматривала предоставление земли – энктесис на священной земле храма Афродиты на время его строительства (*IG* II ² 337), а также фракийцам, получившим энктесис на период строительства храма богини Бендиды (*IG* II ² 1283).

лась исключительно тиранами без учета решения буле и Народного собрания соответствующих полисов. Согласно греческому полисному праву, владение землей и домом, переходившее в собственность, возводило члена полисной общины в ранг обладателя имущественного ценза, что давало возможность проживать в полисе на правах гражданина, участвовать в управлении государством, голосуя в Народном собрании, если оно созывалось, или даже избранием в Совет или на одну из магистратских должностей[10]. Поэтому в тех случаях, когда в боспорских декретах проксенам-иноземцам давалась полития, т.е. гражданские права, право на энктесис не упоминалось, поскольку полития как институт гражданской общины и как важная черта полисной автономии уже предусматривала право иметь земельный участок и дом для проживания – основу для имущественного ценза, чтобы быть полноправным гражданином. Поскольку полития встречается, как правило, в декретах, относящихся к Пантикапею, то данный факт можно рассматривать в качестве определенной уступки тиранов этому полису, которая заключалась в расширении его полисной автономии. Диодор, повествуя о созыве Евмелом в 310 г. до н.э. Народного собрания Пантикапея, где он провозгласил «восстановление прежнего образа правления», т.е. возврат автономных прав гражданской общине, урезанных прежними правителями, называет это благодеянием с его стороны гражданам столицы Боспора (*Diod*. XX. 24–25). Это сообщение показывает, что тиран сумел завоевать поддержку эллинов, сыграв на их традиционном менталитете – любви к свободе и автономии. Из него также следует, что до Евмела боспорские Спартокиды могли расширять и, если им было выгодно, ограничивать в Пантикапее и других полисах власть Народного собрания и Совета. С уступками полисам связано разрешение Пантикапею и Горгиппии осуществлять клеймение черепичной продукции от имени и под контролем полисных властей [*Сапрыкин* 2020, 91–98].

Таким образом, энктесис на Боспоре предусматривал самоличное право тиранов предоставлять иностранцам участок земли и дом без участия органов государственной власти соответствующих полисов. Однако когда решение об этом принималось с оглядкой на граждан Пантикапея, коим периодически даровался «прежний образ правления», тогда требовалось одобрение его Народным собранием и буле. В этих случаях в проксенические декреты, принятые от имени тиранов, включали политико-юридический термин πολιτεία.

3. В 2002 г. Ф. В. Шелов-Коведяев в соавторстве с Ю. Г. Виноградовым и В. П. Толстиковым ввел в научный оборот проксенический декрет из Пантикапея (рис. 3), который был найден в 1979 г. на горе Митридат в Керчи [*Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 62–70; *Кузнецов, Толстиков* (ред). 2017, 283, кат. № 155]. В 2011 г. нами была сделана его републикация с рядом дополнений и предполагаемых исправлений [*Сапрыкин, Федосеев* 2011, 96, 97]. Ниже для сравнения приводим два предложенных восстановления этого документа:

[10] Ср., например, постановление властей Херсонеса Таврического о проксении и политии выходцу и Гераклеи Понтийской, в котором специально оговаривалось предоставленное ему право «участвовать в полисе во всем, в чем участвуют и херсонесцы» (*IOSPE* I² 357). Это право предусматривало участие в государственной и общественной жизни полиса.

Ф. В. Шелов-Коведяев	С. Ю. Сапрыкин
1 [Λεύκων (ὁ)] Ϛατύρ[ō]	1 [Λεύκων (ὁ)] Ϛατύρ[ō]
2 [καὶ παῖδε]ς Ἀπολ-	2 [καὶ παῖδε]ς Ἀπολ-
3 [.....]νομέ –	3 [λωνίωι ?] Νōμη̣ -
4 [νεος e.g. Ἀπολλ]ῶν[ι]ά-	4 [νίō Ἀπολλ]ῶν[ι]ά-
5 [τηι ἀτέλει]αν ἔ[δ]ω –	5 [τηι ἀτέλει]αν ἔ[δ]ω –
6 [καν πάντ]ω̣ν [χρ]η̣ –	6 [καν πάντ]ω̣ν [χρ]η̣ –
7 [μάτων (καὶ)] αὐτ[ῶι κ]α[ὶ]	7 [μάτων] αὐτ[ῶι κ]α[ὶ]
8 [ἐκ]γόνοις κ[αὶ συν]έ[μ] –	8 [ἐκ]γόνοις κ[αὶ πρ]οξε-
9 [π]α̣σι τοῖς [τούτ]ω̣[ν]	9 [νίαν πά]σι τοῖς [ἥν] ἄ[ν]
10 [ἐν] π̣αντὶ Βο[σπόρ]ω̣[ι,]	10 [ἐν] π̣αντὶ Βο[σπόρ]ω̣[ι]
11 [καὶ εἶ̃ναι] α̣ὐτ[οῖς ἐ]γ –	11 [ὑπάρχηι α]ὐ̣τ[οῖς], ἔ[γ-]
12 [γαίων ἔγκ]τηȿ [ιν]	12 [κτησιν] γῆς [καὶ οἰκί -]
13 [καὶ εἴσπλουν] κ̣α[ὶ ἔ]κ –	13 [ας, εἴσπλουν] κ̣α[ὶ ἔ]κ –
14 [πλουν καὶ π]ολ̣έ –	14 [πλουν καὶ π]ολ̣έ –
15 [μου καὶ εἰρή]νη̣ς [ἀσυλεὶ καὶ ἀσπον] - [δεί].	15 [μō καὶ εἰρή]νη̣ς ἀ - [συλεὶ καὶ ἀσπονδεί].

Предложенное нами чтение было поддержано А. В. Белоусовым [*Белоусов* 2012, 223], но резко негативно воспринято Ф. В. Шеловым-Коведяевым [*Шелов-Коведяев* 2018, 280]. Последний назвал «неловкой» попытку дать новое прочтение некоторых строк надписи, обвинил нас (с Н. Ф. Федосеевым) в том, что мы воспользовались его идеями (хотя из сравнения двух вариантов текста надписи с наглядной очевидностью следует, что никаких «великих идей» Шелова-Коведяева там нет, а потому их не было воспринято и в помине). Уважаемый оппонент полагает, что его расчет количества букв в строчках надписи бесспорен, но любой мало-мальски знакомый с азами эпиграфики понимает, что никакой расчет количества букв в строках в столь сильно фрагментированном тексте не может считаться гарантировано точным. Он всегда будет приблизительным и колебаться в пределах допустимой погрешности. Мы принимаем упрек оппонента, что имя и патронимик в сткк. 2 и 3 нельзя уверенно читать как Ἀπολ | [λωνίωι?] Νōμη̣ | [νίō], но обращаем внимание, что это высказывалось в предположительной форме. Однако и чтение Ф. В. Шеловым-Коведяевым буквы Е в конце стк. 3, на аутопсию которой он «потратил годы» (sic !?), остается под вопросом – по фотографии на камне на этом месте можно усматривать О, Е и Н, причем от *омикрон* как будто бы просматривается даже левая дуга окружности. Не исключаем восстановления в сткк. 2–3 имен типа Ἀπολ | [λωνίωι?], Ἀπολ | [λοδώρω̣], Ἀπολ | [λοφάνη̣] и других теофорных антропонимов с корневой основой имени Аполлона. Что же до патронимика проксена, то здесь уместны имена [...Ἀστυ]νόμō (*LGPN* IV 57), [...Ξε]νομέ/[νō…] (*LGPN* IV 260) и т.д. Но при всех вариантах любое имя будет предположительным.

Ф. В. Шелов-Коведяев правильно возражает против прочтения сткк. 8–10 κ[αὶ πρ]οξε/[νίαν πά]σι τοῖς [ἥν] ἄ[ν] / [ἐν] π̣αντὶ Βο[σπόρ]ω̣[ι]. Выражение «по всему Боспору», «на всем Боспоре» действительно в боспорских декретах всегда связано с χρήματα, поэтому слово «проксения» здесь лишнее. Однако чтение первоиздателя в сткк. 8–10 κ[αὶ συν]έ[μ]/



Рис. 3. Проксенической декрет из Пантикапея 1979 г.
(по: ***Виноградов***, ***Толстиков***, ***Шелов-Коведяев*** 2002, 62–70)

[π]ασι τοῖς [τούτ]ῳ[ν]/ [ἐν] π̣α̣ντὶ Βο[σπόρ]ῳ[ι,] – «и всем их потомкам на всем Боспоре» также уникально. Публикатор надписи осознает, что «сложносоставное наречие» συν]έ̣[μ]/ [π]α̣σι является гапаксом, но при этом ссылается на «эпиграфически засвидетельствованное выражение σύμπας – «весь, совершенно» в словаре LSJ». Однако ссылка авторов этого словаря на данное выражение в надписях всегда имеет значение «весь» «общий» вкупе с понятиями «демос», «форос», «количество всего», а упоминаний этого слова в проксениях там нет. К тому же на камне не читается [τούτ]ῳ[ν], на месте *омеги* видны остатки А, а далее место для одной буквы, очень похожей на Λ. В конце стк. 8 отчетливо прочитывается не Е, а Н без «съеденной» пилястром-валиком правой вертикальной гасты и примыкающая к ней почти вплотную правая половинка горизонтальной гасты Т. Уже одно это заставляет отказаться от восстановления συν]έ̣[μ]/[π]α̣σι, тем более, что в конце строки вряд ли стояла М, так как это противоречило бы построению финальных букв в строках. Ведь нижняя граница фронтона при вторичном использовании плиты прошлась по гладкой поверхности с правой стороны декрета и уничтожила не все последние буквы в строчках, а только часть, например, четверть *лямбды* в стк. 2, половину *омеги* в стк. 5 и 10, половинку *эты* в стк. 8. В настоящее время, учитывая выражение σ̣υ̣μπάσῃ̣ [τῇ̣/ οἱ ἄλλοι πρόξενοι μετέ]χουσι *vel* [ἔ]χουσι в третьей фанагорийской проксении, можно с большей уверенностью реконструировать стк. 8–11 примерно как [ἐκ]γόνοις κ[ατ᾽ αὐ]τὴ/ [ν (συμ)πά]σι τοῖς [οἱ] ἄ[λ]/[λοι (ἐν) π̣]α̣ντὶ Βο[σπόρ]ῳ / [ἔχουσι... В отличие от первоиздателя,

полагаем, что в надписи сочетаются силлабический и несиллабический переносы. Учитывая изложенное, предлагаем такое прочтение документа:

1 [Λεύκων] Σ̣ᾰτύ̣ρ[ō]
2 [καὶ παῖδε]ς̣ Ἀπολ –
3 [λωνίῳ Ξε]νομέ̣ –
4 [νō? Ἀπολλ]ᾠ̣ν[ιά] –
5 [τῃ̣ ἀτέλει]ᾰ̣ν ἔ̣[δ]ω –
6 [καν πάντ]ων [χρ]ῃ̣ –
7 [μάτων] ᾰ̣ὐτ[ῷ̣ κ]ᾰ̣[ὶ]
8 [ἐκ]γ̣όνοις κ[ατ᾽αὐ]τὴ –
9 [ν πά]σι τοῖς [οἱ] ᾰ̣̔[λ] –
10 [λοι π]ᾰ̣ντὶ Βο[σπόρ]ῳ̣
11 [ἔχουσι, α]ὐ̣τ[ῷ̣ κ]ᾰ̣ὶ
12 [ἔγκτησιν γ]ῆ̃ς [κ]ᾰ̣[ὶ]
13 [οἰκίας,] κα[ὶ ἔ]κ –
14 [πλουν καὶ π]ολέ –
15 [μō καὶ εἰρήν]η̣ς
[καὶ εἴσπλουν ἀσυ] –
[λεὶ καὶ ἀσπονδεί].

Перевод: «(Левкон), сын Сатира, и сыновья дали Аполл(онию, сыну Ксе)номена (?), беспошлинность на все товары ему и потомкам во всех *делах*, которые другие, согласно оной, (имеют) для всего Боспора, *дали* ему и (*право* энктесиса) – владеть землей и домом, и *право* (выплывать из гавани и) во время войны и во время мира, (и вплывать в нее без конфискации и заключения договора)».

Стк. 12: реконструкция Ф. В. Шелова-Коведяева καὶ εἶναι] ᾰ̣ὐτ[οῖς ἐ]γ/[γαίων ἔγκ]τη̣σ̣[ιν] невозможна по двум причинам. Предоставляя проксенам право энктесиса, боспорские тираны всегда поясняли, что он может владеть землей и домом. Об этом свидетельствуют три фанагорийские и горгиппийская проксении (см. выше). В конце стк. 11 видна только вертикальная гаста I и как будто бы контуры A. Но любопытно другое – в декрете не упоминается предоставление проксении (это заставило нас ранее попытаться вставить ее в текст, что было неверным шагом). Списать данный факт на невнимательность резчика маловероятно, тем более в официальном документе, начертанном хорошим языком и содержащим последовательные четкие формулировки. Объяснить эту особенность можно двумя причинами. Первая – тиран Левкон I самолично, без оглядки на гражданскую общину Пантикапея, дал право проживания на Боспоре некоему аполлониату, чтобы вести торговые дела без ущерба ему и детям. Поэтому право гостеприимства, предусматривавшего в том числе и полисное гражданство, было для него не очень важно. К тому же проксения давала право на ответное гостеприимство на родине проксена [*Marek* 1984, 335–355], а для тиранов Боспора это было не актуально, так как Сатир, Левкон и его сыновья имели права гражданства и право беспошлинной торговли в Афинах (*IG* II³ 1. 298; *Demosth.* Adv. Lept. 29). По решению Левкона выходец из Аполлонии Понтийской мог проживать в любом месте Боспора, но, очевидно, толь-

ко в пределах хоры одного из полисов, скорее всего Пантикапея, и там свободно вести коммерческие дела.

Второе – концентрация в декрете внимания тирана исключительно на беспошлинности соответствовала проводимой в то время политике. После победы в войне с Гераклеей, подчинения Феодосии и Синдики, Левкон I приступил к активной торговой политике, направленной на вывоз пшеницы в Афины и Пирей. Вслед за его отцом Сатиром (*Isocr.* XVII. 57; *Demosth*. Adv. Lept. 29-36), Левкон дал афинянам и купцам, занимавшимся вывозом хлеба в Афины, ряд привилегий, включая беспошлинный вывоз и первоочередность погрузки судов (*Demosth.* Adv. Lept. 37; *IG* III 212 = *IG* II³ 1 298; [*Braund* 2019, 3–18]). Тираны Боспора даровали ателию, главным образом, в Пантикапее и других городах (*Demosth*. Adv. Lept. 29–36), что регулировалось взаимными договорами о беспошлинном вывозе (*Demosth.* Adv. Lept. 37; [*Жебелев* 1953, 131; *Брашинский* 1963, 122]). Это послужило причиной включения в проксенические декреты формулы «выплывать из гавани и вплывать в нее во время войны и мира без конфискации и заключения договора». Если договор о беспошлинности или подобные соглашения между Боспором и Афинами и их союзниками действительно существовали[11], то в таком случае торговля предусматривала коллективный подход к экспорту пшеницы. При сложившемся в IV в. до н.э. на Боспоре положении, когда власти давали коллективное право беспошлинного вывоза всем, кто был вовлечен в морскую торговлю зерном, большая часть торговцев увидела для себя в этом прямую выгоду и использовала преимущество коллективной ателии по договору для более быстрого обогащения. Такое положение ограничивало другие виды торговой деятельности, суживало рынок поступления товаров, подрывало индивидуально-частное предпринимательство, которое поощрялось предоставлением проксений отдельным торговцам и их детям. Поэтому Левкон был вынужден прибегать к ателии торговцам, в том числе и тем, которые не занимались вывозом зерна. Вот почему в индивидуальных проксенических декретах из Пантикапея этого времени право беспошлинности «на все товары по всему Боспору» было поставлено на первое место[12], проксения на второе, а упоминание о гражданстве отсутствует [*Сапрыкин, Федосеев* 2011, 103]. Тиран мог давать этим торговцам землю и дом в любом месте государства в пределах полисов, объединенных политико-административным термином «Боспор», что открывало возможность для развития торговли. Можно поэтому согласиться с точкой зрения, что торговцы были заинтересованы закрепиться на Боспоре, пользуясь индивидуальной ателией в сочетании с правами энктесиса и позднее даже с политией [*Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 73]. В этом видится главная причина появления декретов из Пантикапея только с ателией, а также с ее упоминанием на первом месте среди других привилегий. Это могло быть связано еще и с тем, что в первые годы правления Левкона I полисные права пантикапейцев были ограничены, они еще не пользовались

[11] Впрочем, существование таких договоров оспаривается, хотя особый интерес Афин к Боспору и Боспора к Афинам признается реальным [*Кузнецов* 2000, 116].

[12] Это объяснялось не только общей практикой, согласно которой главной привилегией проксенов в эллинской мире в IV в до н.э. было предоставление ателии [*Виноградов, Толстиков, Шелов Коведяев* 2002, 72], но и внутриполитическими особенностями каждого полиса. На Боспоре беспошлинность была связана с политикой тиранов [*Сапрыкин, Федосеев* 2011, 103].

беспошлинностью, что было им предоставлено позднее при Перисаде I, а потом при Евмеле. Когда дисбаланс в торговле зерном с Афинами и другими товарами или тем же зерном, но с другими государствами, выровнялся, а ведущие полисы Боспора получили ослабление прежних ограничений, в декретах, как, например, в Фанагории, ателия оказалась на третьем месте после проксении и права энктесиса. А в ряде декретов из Пантикапея появилась ссылка на политию – полисное гражданство в столице Боспора, ставшее общебоспорским (см. выше).

4. В 2018 г. Ф. В. Шелов-Коведяев опубликовал фрагмент проксенического декрета из Пантикапея (рис. 4), который реконструирован им в таком виде [*Шелов-Коведяев* 2018, 278, 279; *Кузнецов, Толстиков* (ред.) 2017, 282, кат. № 154] [13]:

1 [Παιρισάδης κ]αὶ παῖδες
2 [.....Ε]ὐπόλιος Ἥρα –
3 [κλε(ι)ώτηι] προξενίαν καὶ πο –
4 [λιτείαν κ]αὶ ἀτέλειαν ἔδο –
5 [σαν πάντ]ων χρημάτων αὐ –
6 [τῶι καὶ ἐκγό]νοις καὶ χρημά –
7 [των ἀσυλίαν καὶ εἰσιό]ντι
[καὶ ἐξιόντι καὶ πολέμου καὶ]
[εἰρήνης κτλ.].

Предложенное восстановление вызывает ряд вопросов, прежде, всего, в отношении последних строк надписи и количества букв в строчках. Если судить по бесспорно восстанавливаемым сткк. 4 – 5, то количество букв в строчках колебалось в пределах 18–21. Чтение сткк. 6, 7 и далее в предложенном варианте невозможно. В боспорских проксениях не употреблялось выражение «асилия движимых имуществ (?!)» (орфография *Ф. В. Ш.-К.* sic!!). Пояснение πολέμου καὶ εἰρήνης никогда не сочеталось с εἰσιόντι καὶ ἐξιόντι, но только с ἔκπλουν καὶ εἴσπλουν. Двусоставное отчество проксена с окончанием на -πολις могло фигурировать не только как Ε]ὐπόλιος. В (*LGPN* IV P. 374) можно найти 30 разных имен с таким окончанием, а в Prosopographia Heracleotica имен на -πολις вообще не засвидетельствовано, поэтому патронимик проксена следует оставить без дополнения. В связи со сказанным предлагаем следующее восстановление документа:

1 [Παιρισάδης ? κ]αὶ παῖδες
2 [.....]πόλιος Ἥρα –
3 [κλεώτηι π]ροξενίαν καὶ πο –
4 [λιτείαν κ]αὶ ἀτέλειαν ἔδο –
5 [σαν πάντ]ων χρημάτων αὐ –
6 [τῶι καὶ ἐκγό]νοις καὶ χρημά –
7 [των ὧν ἂν αὐτὸς ἐν πα]ντὶ
[Βοσπόρωι εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι]
[.....]

[13] В текст описания памятника в издании [*Кузнецов, Толстиков* (ред). 2017, 282, кат. № 154] вкралась досадная ошибка – автором декрета назван Левкон I, хотя ниже авторы восстанавливают в нем имя Перисада I.



Рис. 4. Декрет о проксении гераклеоту. Пантикапей
(по: *Кузнецов*, *Толстиков* (ред.) 2017, 282, кат. № 154)

Перевод: «(Перисад?) и сыновья дали (…) сыну (…)полия, гераклеоту, проксению и политию и ателию на все товары ему самому и потомкам и на товары, какие бы он ни ввез на весь Боспор либо вывез (с Боспора)…».

Последние строчки декрета хорошо дополняются по аналогии с проксениями из Ольвии (*НО* 6, 7), за исключением указания на «весь Боспор», так как ольвийские декреты приняты от имени гражданской общины Ольвии, а боспорские от имени правящих тиранов. Выражение [...ὧν ἂν αὐτὸς ἐν πα]ντὶ / [Βοσπόρωι εἰσάγηι ἢ ἐξάγηι] имеет аналогию в тексте первой фанагорийской проксении [*Яйленко* 2010, 55]. Декрет, скорее всего, относится к Перисаду I, когда полисные права Пантикапея – «прежний образ правления», т.е. политический строй, существовавший до тирании Спартокидов, – был восстановлен. Упоминание в этом и других декретах «беспошлинности на все товары», вывозимые и ввозимые на «весь Боспор» или «по всему Боспору», подразумевает города, объединенные в симмахию «Боспор». Понятие «весь Боспор» включало и Феодосию, присоединенную до начала боспорской проксенической деятельности при Левконе I. Расхождение в его упоминании в проксениях и в официальном титуле Спартокидов – «архонты Боспора и Феодосии» – объясняется тем, что титулатура тиранов официально закрепилась при Сатире и раннем Левконе I еще до захвата Феодосии. А после войны с Гераклеей и включения города в состав Боспора при Левконе I Феодосию просто добавили к титулу, выделив ее для демонстрации важной роли города для Боспорского государства.



Рис. 5. Фрагмент проксении из Пантикапея
(по: *Шелов-Коведяев* 2018)

5. В том же издании Ф. В. Шелов-Коведяев дает восстановление небольшого фрагмента проксенического декрета из Пантикапея (рис. 5), который сохранился в таком виде: [...]AṆ [...] / [...]MATΩ [...] / [...]PHIHΣ[...] / ḶONO[...] / [...]YT[...]. Он предлагает читать его [Λεύκων Σατύρου]/[καὶ παῖδες ἔδω]/καν [ἀτέλειαν χρη]/μάτω[ν πάντων Εὐχά]/ρηι Ἥσ[ου Τήιωι καὶ ἐκ]/ γόνο[ις πᾶσιν τοῖς]/[το]ύτ[ου κτλ.] [*Шелов-Коведяев* 2018, 276], обосновывая следующим: «стк. 3 выглядит длиннее лишь формально, т.к. в ней больше всего *йот*». Это странно, ибо в ней в оригинале всего одна *йота*. Личные имена Эвхара и Геса, по его мнению, «выглядят наиболее соответствующими бюджету располагаемого пространства» (sic!). Правда, утверждает он далее, «здесь могли быть и другие» имена. При этом он, вопреки законам эпиграфики, оставляет в реконструкции именно их. А далее выдвигает такой перл: «Чествуемый мог быть, конечно, кеосцем или косцем, но теосец мне представляется предпочтительным, поскольку Милет – метрополию Пантикапея, столицы державы Спартокидов, и Теос – материнский полис Фанагории – связывали и принадлежность к Ионийскому Двенадцатиградию, и участие в колонизации Боспора Киммерийского». Аргументы, надо сказать, совершенно не укладываются ни в какие рамки работы с эпиграфическими источниками, не говоря уже об их смысле с исторической точки зрения. Только (*LGPN* IV P. 373 (index)) приводит 72 мужских имени на -ρης, из которых 15 соответствуют лакуне в стк. 3 данной надписи. Восстановление отчества проксена по двум буквам Ησ[...] недопустимо. Лексикон (*LGPN* IV P. 159) дает шесть имен с подобным начальным слогом; (*LGPN* II P. 208) – пять; (*LGPN* V. A. P. 207) – шесть; а (*LGPN* I. P. 207) вообще восемь имен. От этникона проксена ничего не сохранилось,

поэтому любое дополнение будет чистой спекуляцией. В стк. 2 χρη]/μάτω[ν πάντων… сомнительно, так как почти во всех декретах (исключение – *CIRB* 5, но и там оно в восстановлении) это словосочетание фигурирует исключительно как πάντων χρημάτων. Отнесение проксении к Левкону I также умозрительное. Учитывая сказанное, надпись предположительно можно прочитать примерно так:

[.....καὶ παῖδες]
[ἔδωκαν προξενίαν καὶ πολι-]
1 [τεί]αν [καὶ ἀτέλειαν πάντων]
2 χρη]μάτῳ[ν ἐν πάντι Βοσπορωι]
3 [.....]ρηι Ησ[.....καὶ]
4 [ἐκ]γόνο[ις πάσηι τῆι οἱ ἄλλοι]
5 [κατ᾽ α]ὐτ[ὴν ἔχουσι.....]

Перевод: «(…и сыновья дали проксению и политию и) ателию (на все) товары (по всему Боспору) (….)ру, сыну Гес(……и) потомкам во всем том, в чем другие согласно ей (ателии. – *С.С.*) имеют (…)».

Восстановление в стк. 5 [κατ᾽ α]ὐτ[ὴν ἔχουσι соответствует предлагаемому нами чтению κ[ατ᾽αὐ]τὴν в стк. 8, 9 пантикапейской проксении, обнаруженной в 1979 г. (№ 3 нашего списка).

6. Не хотелось бы никого обидеть, но работа уважаемого Ф. В. Шелова-Коведяева (и не только его) с эпиграфическими документами выглядит, мягко говоря, небрежной. Показательно восстановление надписи на фрагменте мраморного архитрава от какой-то большой постройки общественного значения из Фанагории, опубликованной Н. В. Завойкиной: ΒΑΣΙΛΕΥ[...]/ΟΙΠΕΡΙ[...] (рис. 6). Она восстанавливает в надписи имена царя Аспурга или царицы Динамии [*Завойкина* 2016, 208–212], хотя никаких указаний на этих царей там нет. Ф. В. Шелов-Коведяев принимает этот бездоказательный вывод и читает надпись как Βασιλευ[ούσης βασιλίσσης Δυνάμεως φιλορωμαί]/ου οἱ περ[ὶ ἱερέα...] [*Шелов-Коведяев* 2020, 435]. Оба исследователя не обратили внимание, что официальный титул царицы Динамии никогда не фигурировал в виде genitivus absolutus, правительница всегда именовалась просто «царицей Динамией», иногда с пояснением происхождения от Фарнака и Митридата Евпатора Диониса (*КБН* 30, 31, 38, 978, 979, 1046; *IOSPE* I² 354; [*Сапрыкин* 2002, 93; 2010, 106, рис. 18]) [14]. Датировочная формулировка «в царствование царя…» вошла в обиход только при Асандре и Аспурге (*CIRB* 30, 985). Нельзя уверенно говорить, что в данной надписи Βασιλευ[...] это ее начало. Выше сохранилась небольшая часть заглаженной поверхности, где могли быть еще строки, отделенные от нижних

[14] В надписи CIRB 30, поставленной при совместном правлении Асандра и Динамии, говорится «в царствование царя царей великого Асандра, друга римлян, спасителя, и царицы Динамии…». Титулатура правящей супруги Асандра, в отличие от мужа-царя, ограничивалась простым сочетанием «царица Динамия». см. также [*Arsen'eva, Böttger, Vinogradov* 1995, 217] с предположительным чтением титулатуры Динамии «царицу Динамию, происходящую от царя Фарнака…» на фрагменте надписи из Танаиса. Восстановление имени и титулатуры царицы Динамии в этой надписи, к которой были отнесены еще два фрагмента [*Иванчик, Тохтасьев* 2009, 95-100], убедительно оспорил В. П. Яйленко. Он доказал, что это две разные надписи, поставленные в честь Митридата Евпатора и Фарнака II [*Яйленко* 2010, 208–212].



Рис. 6. Фрагмент надписи на обломке архитектурного сооружения. Фанагория (по: *Завойкина* 2016)

строчек профилированным обрамлением. На это намекает выражение οἱ περ[ὶ…] во второй строке, которое Ф. В. Шелов-Коведяев правильно дополнил «во главе со жрецом» (ср. надписи боспорских синодов *CIRB* 78-95, 1054 и т.д.: ἡ σύνοδος ἡ περὶ ἱερέα *vel* συναγωγόν). Надпись была нанесена на архитрав храма или портика, м.б. на алтарь или какую-то иную общественно-религиозную постройку, поэтому относится к категории строительных или посвятительных. Скорее всего, она связана с боспорскими синодами или фиасами и потому была достаточно пространной. Сильная фрагментированность не позволяет точно ее воспроизвести, поэтому чтение может быть исключительно приблизительным:

[Ἀγαθῆι τύχηι].
[Θεῶι ... vel Θεᾶι.....? Οἱ συνοδεῖται vel Θιασεῖται?]
1 Βασιλευ[ούντος βασιλέως .....φιλορω-]
2 [μαί]ου οἱ περ[ὶ ἱερέα vel συναγωγόν……..]

Перевод: (С добрым счастьем! Богу..? Богине..? синодисты? фиасоты?) в царствование (царя……), друга римлян, во главе (со жрецом? синагогом? ……..*посвятили*? *возвели*?)».

По палеографии надпись датируется рубежом нашей эры [*Болтунова, Книпович* 1962, 19]. Титул «друг римлян» имели Фарнак II (*App*. Mithr. 113, 114; Bel. civ. II. 92), Асандр (*CIRB* 30; [*Сапрыкин* 2002, 87, рис. 2]), Динамия (*CIRB* 31, 38, 978, 979, 1046), Ас-

пург (*CIRB* 39, 985; [*Сапрыкин* 2002, 157–159; *Кузнецов* 2006, 157; *Завойкина, Новичихин, Константинов* 2018, 682]) – последний приблизительно до 21 г. н.э., когда к его титулу был добавлен эпитет «друг цезаря», который с тех пор стал постоянным элементом царской титулатуры. Упоминание Динамии мы исключили, поэтому памятник, которому принадлежит надпись, относился к Асандру или, скорее всего, к Аспургу, на что справедливо указывала первоиздательница. Предполагаемое нами восстановление сделано по аналогии с архитравом с посвящением Богу справедливому неким сыном Хрестиона из Горгиппии (*CIRB* 1116), посвящением синода Богине Афродите, очевидно, во главе с «отцом синода», «начальником царского двора», «жрецом», из Гермонассы (*CIRB* 1055), надписью пантикапейского фиаса, где в преамбуле перед традиционной датировочной формулой «в царствование царя» Савромата II и списком членов союза стоит его название (*CIRB* 77).

Несмотря на вероятную принадлежность надписи Аспургу, имя царя следует все же оставить без восстановления, чем пренебрегли Н. В. Завойкина и особенно Ф. В. Шелов-Коведяев. Следует заметить, что, когда Ф. В. Шелов-Коведяев выражает несогласие с другими исследователями, он обвиняет их в отсутствии «меры ответственности за свои суждения» и при этом любит ссылаться на Ж. и Л. Роберов и А. Вильхельма [*Шелов-Коведяев*, 2018, 280; 2020, 429]. Однако, как мы убедились, он с не меньшим удовольствием вставляет в реконструированные им тексты надписей имена, какие ему просто приходят на ум, не обременяя себя доказательствами исторического и эпиграфического порядка. Поэтому адресованные им упреки, в том числе и автору этих строк, подкрепленные именами выдающихся эпиграфистов, с полным правом можно отнести к нему самому.

7. В 2018 г. Н. А. Павличенко и Н. Ф. Федосеев издали фрагмент надписи, которая была найдена при раскопках некрополя Кыз-Аул в Восточном Крыму (рис. 7). Плита вторичного использования – она являлась частью погребального сооружения позднеантичного времени. До того, как на нее нанесли надпись, она, очевидно, служила надгробием, остатки рельефа которого сохранились на оборотной стороне. Надпись была восстановлена таким образом:

1 [.....]ου ε[.....]
[.....κα]ταπεσουσ[.....]
[....καθιέρ]ωσεν ἐκ τῶ̃[ν ἰδ-]
4 [ίων ἀναλω]μάτων δι᾽ ἐπιμελ-
[είας Ἡρακᾶ] Ποντικοῦ ἀρχερμ-
[ηνέως Ἀλα]νῶν ἄρχοντος αὐ-
7 [λῆς vacat ἐν τῷ̃] αφ᾽, Δαεισίῳ κε᾽

Надпись датирована 204/5 г. н.э. – временем правления царя Савромата II. В ней упоминается главный переводчик аланов Герак, сын Понтика, который, как и в другой строительной надписи из Фанагории (*CIRB* 1053) от 208 г. н.э., был попечителем (δι᾽ ἐπιμελείας) при строительстве или ремонте какой-то постройки. Обе надписи с именем Герака, сына Понтика, вторичного использования и нанесены на более ранние надгробия [*Pavlichenko, Fedoseev*, 2018, 315–336].



Рис. 7. Надпись из раскопок некрополя Кыз-Аул
(по: *Pavlichenko, Fedoseev* 2018)

Восстановление памятника, к сожалению, не во всех деталях правильное, а в ряде случаев ошибочное. Вызывает вопрос в стк. 3 καθιέρ]ωσεν – аорист от глагола καθιερόω – «посвящать», «приносить в дар», «жертвовать». Надпись явно строительная, поскольку в ней говорится об эпимелетах, поэтому связывать ее с религиозными обрядами вряд ли верно[15]. Смысл документа зависит от понимания в стк. 2 причастия женского рода от глагола καταπίπτω – «падать» и сказуемого в стк. 3, от которого сохранилось только окончание [...]ωσεν. Прямое дополнение к очевидному восстановлению к]αταπεσοῦσ[αν может подразумевать нечто «упавшее» ж.р. – стелу (τὴν στήλην), портик (τὴν στοάν), ворота (τὴν πύλην) и т.п. А сказуемое можно дополнить как [ἐνέ]ωσεν – аорист 1 от νεόω – «возобновил», «восстановил». Ошибочное чтение в стк. 6 ἄρχοντος αὐ/[λῆς], относимое первоиздателями к Гераку, на самом деле связано с другим человеком и никакого отношения к царскому двору не имеет. Должность «управляющего царским двором» в боспорской официальной номенклатуре всегда именовалась ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς или πρίν ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς (*CIRB* 49, 78, 98, 897, 1005, 1055), а государственно-правовой термин «архонт» имел совершенно иной смысл – верховный магистрат во главе управления полисом или симмахией полисов Боспора, осуществлявший политическую власть. Ряд букв на камне остались незамеченными при публикации надписи: в стк. 1 перед ΟΥ Ε можно увидеть нижнюю

[15] Справедливости ради следует отметить, что на спартокидовском Боспоре эпимелеты являлись и попечителями религиозных процессий (*Polyaen.* VI. 9, 3).

горизонталь и начало нижнего излома, скорее всего, от Σ, как она начертана в стк. 2. В начале стк. 1 на месте выскобленной поверхности просматриваются контуры буквы, похожей на Λ или А. Это позволяет читать […]ΔΣΟΥ Ε[...], что можно понимать как [...θι]ά̣σου? Ε[...]. В конце стк. 6 просматривается вертикальная гаста от П, М, N, Г, Р, что исключает чтение αὐλῆς. В стк. 4 реконструируется δι' ἐπιμελ[ητῶν] – «старанием попечителей», чему имеется аналогия (*CIRB* 61, 127 г. н.э.).

В связи с вышесказанным, предлагаем читать надпись таким образом:

1 [.....θι]ά̣σου? Ε[.....]
2 [.....τὴν κ]αταπεσοῦσ[αν στή-]
3 [λην? ἐνέ]ωσεν ἐκ τῶν [ἰδίων]
4 [ἀναλω]μάτων δι' ἐπιμελ̣[ητῶν]
5 [Ἡρακᾶ] Ποντικοῦ ἀρχερμ̣[η-]
6 [νέως Ἀλα]νῶν (καὶ) ἄρχοντος Αὐρ(ηλίου)
7 [.....ἐν τ]ῷ̣ αφ' Δαεισίῳ κε'

Перевод: « (…….) фиаса? (….) упавшую (стелу?) восстановил на собственные средства старанием попечителей Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов, (и) архонта Аврелия (….) в год 501, в *месяц* Даисий, на 25 день».

Надпись имеет близкую аналогию – строительную надпись из Пантикапея (*CIRB* 61), в которой говорится, что некое лицо при попечении двух эпимелетов в 424 г. б-п. эры = 127 г. н.э. и в месяце Дистре 1-го числа сделал нечто важное, вероятно, что-то построил или реставрировал. В нашем случае некий гражданин, возможно, член фиаса или должностное лицо в фиасе, восстановил (или возобновил) что-то упавшее и, вероятно, разбившееся, м. б. стелу(?), ранее поставленную фиасотами своему умершему сочлену, или нечто другое. Это произошло при попечительстве Герака, сына Понтика и архонта Аврелия (…). Римский *nomen* «Аврелий» часто встречается на римском Боспоре во второй половине II – первой половине III вв. н. э. как составная часть имен знатных граждан Боспора (*CIRB* P. 857, index), поскольку представители элиты боспорского общества, подобно жителям других причерноморских государств, получали права римских граждан при Марке Аврелии и Коммоде. Не вызывает сомнений, что этот Аврелий (…) имел греческий или варварский *cognomen*, м. б. даже полное римское имя. В греческих надписях имя Аврелия часто писалось на римский манер сокращенно, например, на Боспоре – Αὐρ(ήλιος) Οὐαλέριος Σόγους (*CIRB* 64).

Должность архонта неудивительна в надписях римского Боспора: в указанное время мы слышим об архонтах Танаитов (*CIRB* 1237, 1242, 1245, 1251a, 1251), архонтах Агриппии и Кесарии (*CIRB* 1051). Архонт Авр(елий) (…) мог замещать полисную должность в столице Боспора Пантикапее (Кесарии) или в Агриппии (Фанагории), где ранее Герак также являлся попечителем. Царь Савромат II пришел к власти после внутриполитической борьбы, поэтому рассчитывал на поддержку греческих городов. Это позволяло им сохранять прежние полисные традиции, включая ряд магистратур.

Упоминание главного переводчика аланов Герака, сына Понтика, как эпимелета в строительных надписях из Фанагории и Кыз-Аула свидетельствует, что он был богатым

и влиятельным лицом на всем Боспоре[16]. Это позволяло ему попечительствовать над строительными и прочими проектами, очевидно, при одобрении этого царем. Около 193 г. н.э. Савромат II победил пиратов, что способствовало усилению морской торговли в интересах полисов, победил сарматское племя сираков на Азиатском Боспоре и захватил часть Таврики у тавро-скифов (*CIRB* 1237). Ему было крайне необходимо закрепиться в Таврике, для чего нужен был надежный тыл в Прикубанье, где проживали аланские племена. Во II – начале III вв. н. э. аланы стали играть важную роль в политике боспорских царей. Часть из них находилась в границах Боспорского царства, участвовала в военных походах его правителей, вступила в династические связи с царским правящим домом и даже вмешивалась во внутрибоспорские междинастические конфликты (*Luc.* Tox. 50–55). Поэтому правящая верхушка Боспора придавала большое значение отношениям с аланами, которые совершали походы против римских провинций в Малой Азии. В этих условиях возрастала роль в государстве таких людей, как Герак, сын Понтика, главного переводчика аланов – главы коллегии переводчиков, дипломата и государственного деятеля, который консультировал боспорского царя Савромата II, как ему выстраивать отношения с этими воинственными племенами. Боспорский царь в своей политике рассчитывал на содействие греческих городов [*Сапрыкин* 2010, 122, 123], поэтому Герак, сын Понтика, эллинизованный варвар или варваризированный эллин, ради престижа царской власти участвовал в попечительстве над различными проектами в полисах царства.



Список литературы

Б*елоусов* А. В. 2012. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2011 г. // Аристей. 6, 206–225.

Болтунова А. И., *Книпович* Т. Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. III, 3–31.

Болтунова А. И. 1964. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 3, 136–149.

Брашинский И. Б. 1963. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 175.

В*иноградов* Ю. Г. 1978. Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. М., 22–25.

Виноградов Ю. А. 1993. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 9, 79–95.

[16] Мы знаем также о другом переводчике – боспорянине Аспурге, сыне Биомаса, проживавшего в Риме, которого называли «переводчиком сарматов» (*IGUR* II. 1. 763). Он мог находиться там в составе посольства от боспорского царя, а значит также был достаточно влиятельным лицом в боспорской чиновничьей иерархии.

Виноградов Ю. А. 2000. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб, 227–232.

Виноградов Ю. Г., *Толстиков* В. П., *Шелов-Коведяев* Ф. В. 2002. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 4, 58–75.

Г*айдукевич* В. Ф. 1966. Вотив Герея из Мирмекия // Культура античного мира. М., 70–76.

Граков Б. Н. 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3, 231–315.

Ж*ебелев* С. А. 1953. Северное Причерноморье. М.–Л., 387.

З*авойкин* А. А., *Завойкина* Н. В. 2020. Третий декрет Спартокидов из Фанагории // ДБ 25, 134–154.

Завойкина Н. В. 2013. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 288.

Завойкина Н. В. 2016. Новые надписи Фанагории (находки разных лет) // Материалы по археологии и истории Фанагории. 2 (Фанагория. 4). М., 208–229.

Завойкина Н. В., *Новичихин* А. М., *Константинов* В. А. 2018. Новая посвятительная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 3, 680–692.

И*ванчик* А. И., *Тохтасьев* С. Р. 2009. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 3, 95–107.

К*узнецов* В. Д. 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 1, 107–120.

Кузнецов В. Д. 2006. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.

Кузнецов В. Д., *Толстиков* В. П. (ред.) 2017. Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 438.

С*апрыкин* С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 271.

Сапрыкин С. Ю. 2006. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 171–242.

Сапрыкин С. Ю. 2010. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. – середина III в. н. э.) // Античное наследие Кубани. 2. М., 81–132.

Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. 2011. Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. IV, 89–114.

Сапрыкин С. Ю. 2017. К прочтению новой надписи из Ильичевского городища // ДБ. 21, 328–337.

Сапрыкин С. Ю. 2020. Боспорское черепичное клеймение. М., 320.

Сидоренко В. А. 2018. Две надписи на камне из раскопок в Босфорском переулке в Керчи в 2007 г. // МАИЭТ. XXIII, 510–519.

Т*охтасьев* С. Р. 2013. Иранские имена в надписях Ольвии римского времени // Commentationes Iranicae. Сб. статей к 90-летию В. А. Лившица. СПб, 1–42.

Ф*ролов* Э. Д. 1979. Сицилийская держава Дионисия (IV в. до н. э.). Л., 159.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 1984. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. М., 5–187.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1985. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1, 57–72.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018. Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб, 273–281.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2020. De titulis Bosporanis et vicinis // ДБ.25, 426–442.

Я*йленко* В. П. 1984. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 210–223.

Яйленко В. П. 1985. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного Причерноморья как исторический источник. М., 148–160.

Яйленко В. П. 2001. Вторая фанагорийская проксения // ДБ. 4, 474–486.

Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 740.

A*rsen'eva* T. M., *Böttger* B., *Vinogradov* Ju. 1995. Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1994 // Eurasia antiqua. 1, 213–263.

B*erve* H. 1967. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. München, 796.

Braund D. 2019. The Relief and Text of IG II³ I 298: Leukon and His Sons in Athens and Mytilene // ABSA 114, 241–261.

H*asebroek* J.1966. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Hildesheim, 296.

M*ack* W. 2015. Proxeny and Polis. Institutional Networks in the Ancient Greek World. Oxford– N. Y., 410.

Marek Ch. 1984. Die Proxenie. Frankfurt/Main–Bern–N. Y., 495.

Meiggs R., Lewis D. 1969. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century BC. Oxford, XIX + 308.

Monceaux P. 1885. Les proxénies grecques. P., 345.

O*sborne* M. J., *Byrne* S. G. 1996. The Foreign Residents of Athens (Studia Hellenistica. 33). Lovanii, XXXVI+479.

P*avlichenko* N., *Fedoseev* N. F. 2018. New Inscription of Herakas, son of Pontikos. ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ // Hyperboreus. 24/2, 315–336.

Pečirka J. 1966. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 159 + 26 pls.

Z*gusta* L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 467.



Summary

S. Yu. Saprykin
Epigraphica regni Bosporani. Varia

The author of this article is publishing a fragment of the newly found Greek inscription from the environs of Temriuk (the region of Krasnodar, in ancient times the Asian side of the Bosporan kingdom), dated the late 2nd – early 3rd c. AD. It is a list of *thiaseitai* – members of the Bosporan religious association. The names are of the Greek and Iranian origin which is usual at Bosporus in the Roman period. It shows a certain degree of Hellenization of the barbarian population and Barbarization of the Greeks on the Asian side of the Kingdom. The author also

gives a new reading of the earlier published four proxenic decrees. He corrects the earlier suggested reading of the so-called "Third Phanagoreian proxenia" and the restoration of the three proxenic decrees from Panticapaeum. His historical and epigraphic commentary concerns the problems of *enktesis* and the duty-free import of goods at Bosporus. To his mind the grant of land-plots and houses in these decrees is connected with the policy of the Spartocids, the tyrants of Panticapaeum, who gave this privilege by themselves without turning to the polis institutions of the Bosporan cities. But when the tyrants, probably Leucon I, Paerisades I and Eumelus for sure, gave some political privileges to the cities like the "restoring of the constitution of their fathers", i.e. a certain deal of polis autonomy, then the proxenic decrees were adopted with a term *politeia* – a right to obtain a civil position at Bosporus, chiefly in Panticapaeum, sometimes in Phanagoria and Gorgippia. It was linked with *enktesis* and gave a possibility to participate in political and civic life in one of these three *poleis*. The author also corrects the reading of a building inscription from Kyz-Aul (European Bosporus) dated to 204/5 AD, where the publishers didn't recognize the name of one of the *epimeletai* – Aur(elius) (…), an archont, presumably, in Panticapaeum (Caesareia), Nymphaeum or Phanagoreia (Agrippeia). Along with Herakas, son of Pontikos, the supreme interpreter of the Alani, this person restored something "ruined, broken out" or simply when something "fell down". Herakas as the interpreter of the Alani, was also mentioned in the Phanagoreian inscription of 208 AD where one of the building projects was also held under his supervision. The author connects this Herakas' activity with the policy of king Sauromates II who was searching for the support of the Bosporan cities and the Alani.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.358-371

А. А. Супренков*, М. А. Топоривская*,
Н. Ю. Требухина*, В. В. Фролов**
(Институт археологии РАН, г. Москва;*
*** Восточно-Крымский ИКМЗ, Керчь).*

Тиритакский вал в Восточном Крыму. Новые данные о хронологии [1]

Тиритакский вал, по-видимому, один из трёх разновременных валообразных построек, образовывавших почти единую линию укреплений, простиравшуюся от Азовского моря до Керченского пролива, самую восточную из нескольких меридиональных древних земляных оборонительных валов в этом регионе. Подробная характеристика и история исследований этого сооружения была изложена в монографии А. А. Масленникова [*Масленников* 2003, 131–168, 189], а в сокращённом виде, но с учётом новейших работ, публиковалась нами ранее [*Супренков* 2017, 40–48; *Прокопенко, Супренков* 2018, 26–37].

Данная работа представляет собой попытку уточнить датировку Тиритакского вала. Прежде всего, стоит отметить сложность в решении хронологических задач касательно сооружений данного типа. Для всех предшествовавших исследователей валов Восточного Крыма было очевидно, что они уже существовали в античную эпоху. Однако письменные источники на этот счёт крайне ограничены и достаточно неопределённы. О так называемом Тиритакском вале они и вовсе ничего не сообщают. Что же касается данных археологии, то немногочисленные артефакты, которые встречаются в качестве подъёмного материала вблизи валов, а также происходят из раскопов и разведывательных траншей на них, как правило, могут свидетельствовать о датировке самих земляных сооружений только косвенно.

В ходе разведочных работ 2019 г. авторам данной статьи удалось получить дополнительную информацию касательно северной части Тиритакского вала в районе д. Войково. Результаты стратиграфического разреза вала и рва по размерным характеристикам и по полученному археологическому материалу позволили предположить, что из двух параллельных насыпей в этом районе, хорошо видимых на космическом снимке, продолжением античного вала является восточная [*Супренков* 2020, 371]. Трасса южного участка этой же постройки по-прежнему вызывает ряд вопросов.

[1] Исследование выполнено в Институте Археологии РАН в рамках работы над НИР № АААА-А18–118011790092-5 «Оборонительные валы Восточного Крыма (по материалам спасательных раскопок)».



Рис. 1. Тиритакский вал. Раскоп 2017–2018, вид с юга

Есть мнение о его связи с сообщениями Геродота о вале, через который переезжали кочевые скифы, отправляясь зимой на противоположный берег пролива (*Herod*. IV, 12; 28), т. е. он уже существовал в V в. до н. э. В. Ф. Гайдукевич полагал, что вал возник в эпоху Археанактидов (480/79–438/7 гг. до н. э.), хотя и оговаривал, что пантикапейцы могли использовать сооружение, относящееся к более древней, киммерийской эпохе [*Гайдукевич* 1949, 45]. Похожую точку зрения разделял и В. Д. Блаватский [*Блаватский* 1954, 102], а Н. И. Сокольский напрямую связывал Тиритакский вал со «рвом детей слепых рабов» Геродота (Herod. IV. 3) [*Сокольский* 1957, 91]. Сотрудник Керченского музея К. Э. Гриневич, считал, что вал возник в период до 405 г. до н. э., но не ранее V в. до н. э. [*Гриневич* 1946, 162–164], а его коллега Ю. Ю. Марти предлагал несколько более позднюю датировку: IV–III вв. до н. э. [*Марти* 1937, 9]. Комплексные исследования, проводившиеся в начале века А. А. Масленниковым на этом и других валах Восточного Крыма, привели его к выводу, что какие-то участки Тиритакского вала возникли через непродолжительное время после первой половины IV в. до н. э. либо же в первой трети III в. до н. э. [*Масленников* 2003, 216]. Наконец, А. Л. Ермолин предлагал датировку этого сооружения рубежом эр [*Ермолин* 2012, рис. 2].

В 2017–2018 гг. отрядом экспедиции ИА РАН под руководством одного из авторов проводились масштабные охранно-спасательные раскопки на «южном» участке[2] Тиритакского вала к северу от Второго Змеиного кургана Юз-Обинской гряды (рис. 1; 2). Здесь были заложены три раскопа, общая площадь которых составила около 8 500 м^2.

[2] По А. А. Масленникову.

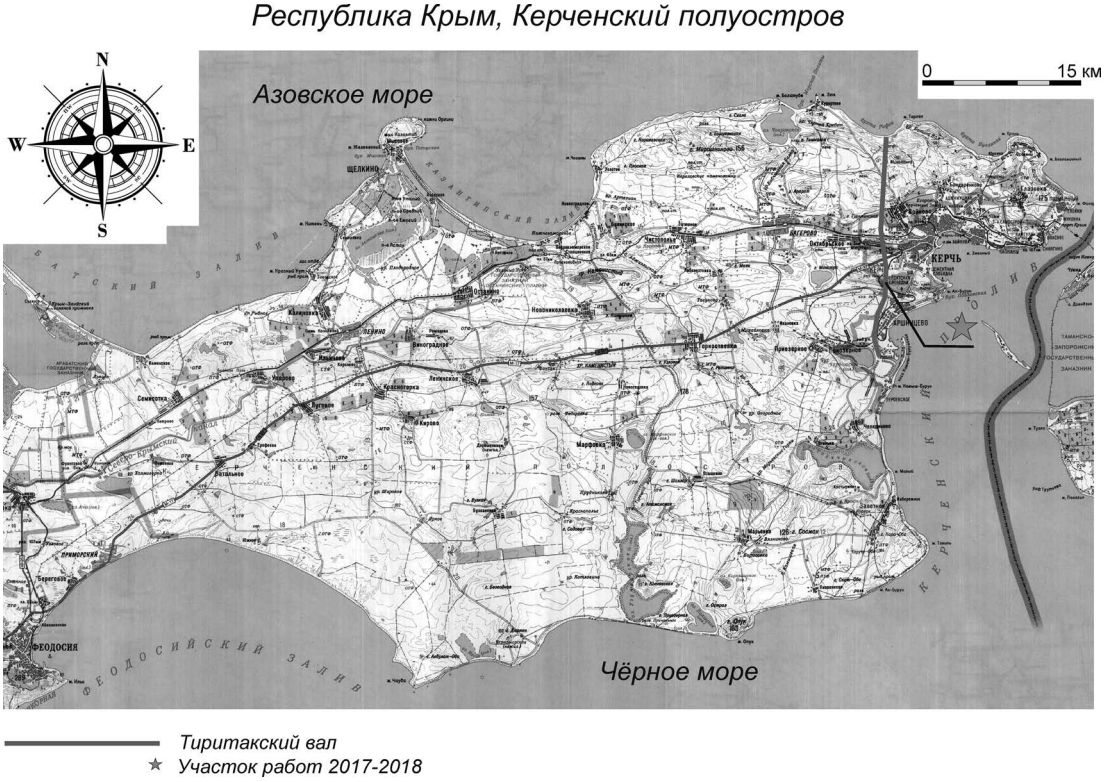


Рис. 2. Район проведения работ на географической карте

В ходе этих работ, наиболее масштабных из всех проводившихся когда-либо на валах Восточного Крыма, было сделано множество поперечных и продольных разрезов вала (рис. 3; 4) и рва (рис. 5). Их стратиграфическое описание частично ранее было опубликовано [*Супренков*, *Требухина* 2018, 380–388]. Приведём обобщённую характеристику выявленных здесь археологических структур.

Прежде всего отметим, что на всём обследованном участке насыпь вала относительно слабо выделялась на дневной поверхности[3], т. к. была сильно снивелированна природным и антропогенным воздействием. Но углубление рва, расположенного к западу от насыпи, прослеживалось на юге относительно хорошо. Тем не менее, в ходе работ было установлено, что на отдельных участках сохранившаяся высота насыпи достигала 1,2 м над погребенной почвой толщиной до 0,4 м, представленной темным серо-коричневым гуммированным суглинком с примесью карбонатов. Сама насыпь состояла преимущественно из переотложенного материкового грунта, перемешанного с серым гуммированным суглинком. Её ширина в основании достигала 12–13 м.

В нижнем горизонте западной части насыпи на всех трёх раскопах были зафиксированы участки каменной крепиды (рис. 6; 7) шириной до 2 м, состоявшей из крупных

[3] По сравнению, например, с Узунларским валом, насыпь которого до сих пор прекрасно сохранилась на ряде участков.



Рис. 3. Вид с севера на насыпь вала в разрезе, центральная часть раскопа



Рис. 4. Вид на насыпь вала в разрезе, южная часть раскопа. Вид с севера

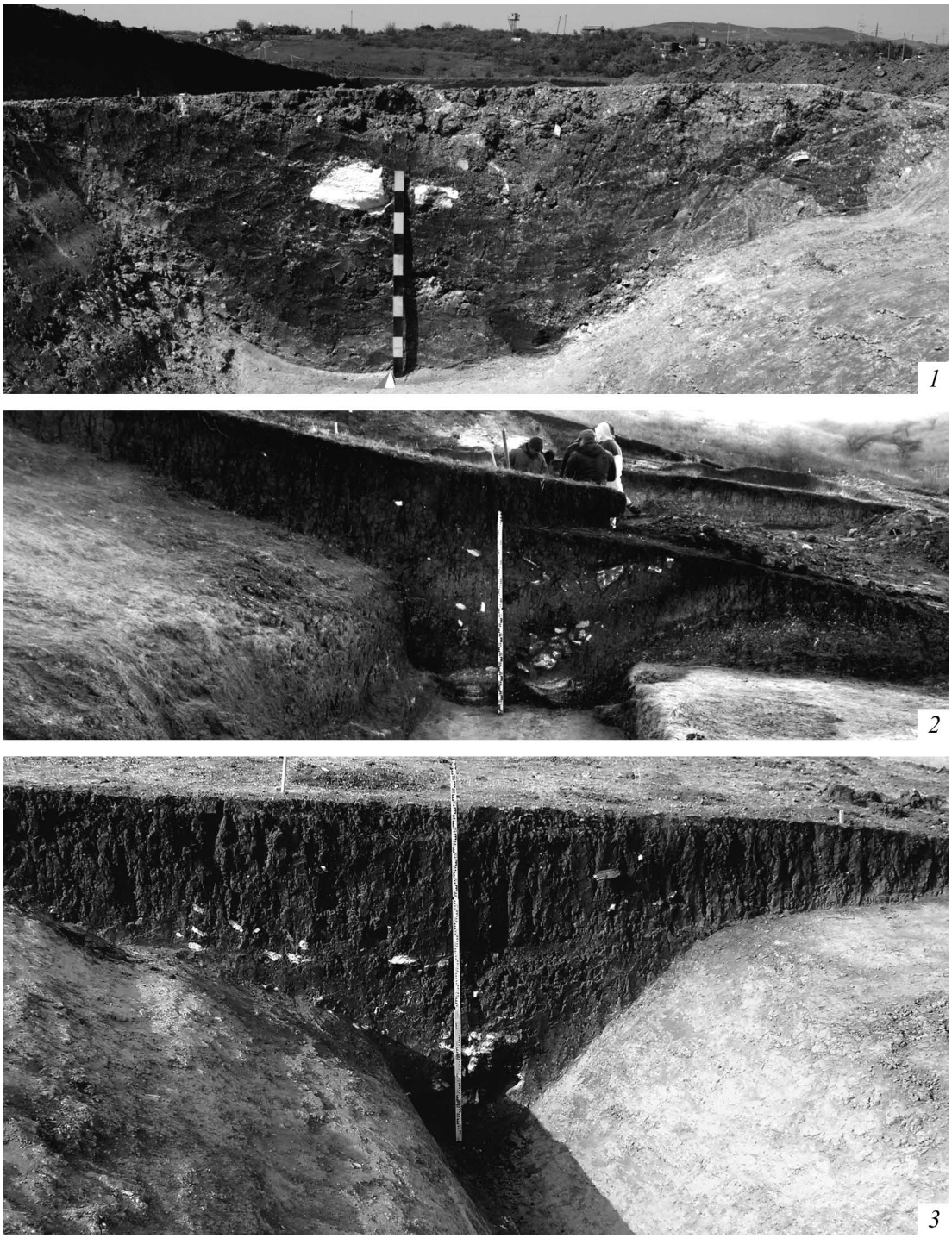


Рис. 5. Вид с севера на заполнение рва в разрезе: северная часть (*1*), центральная часть (*2*), южная часть (*3*) раскопа



Рис. 6. Вид с юго-запада на северную и центральную часть раскопа в процессе работ

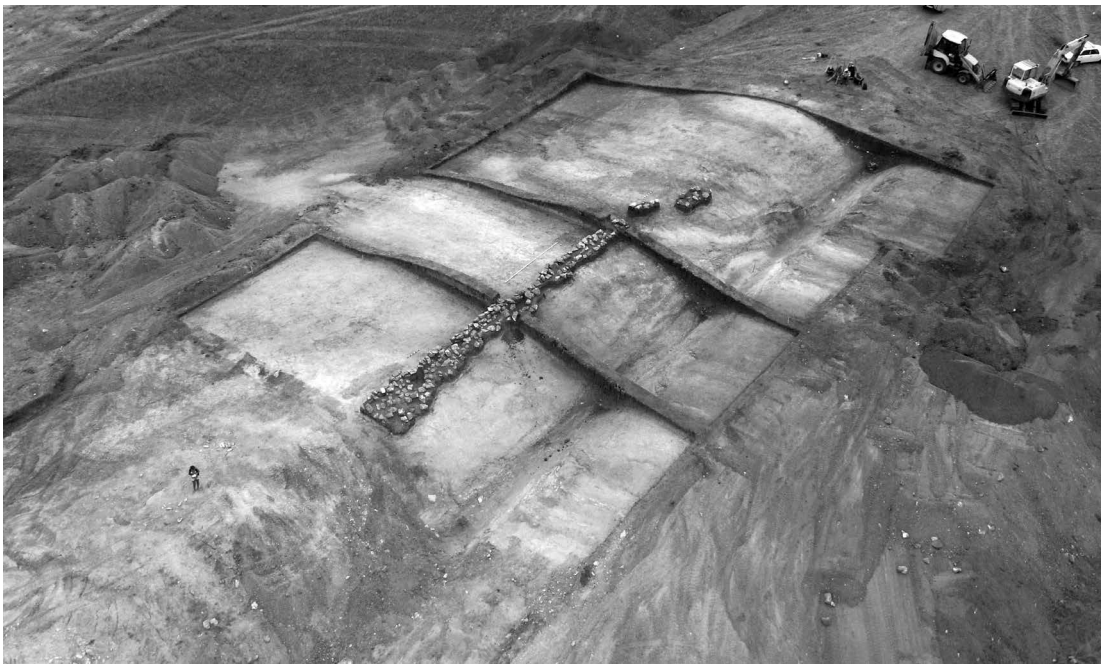


Рис. 7. Вид на южную часть раскопа в процессе работ. Вид с севера

и средних известковых камней, как правило, уложенных в один, иногда два ряда. Камни крепиды на некоторых участках лежали на погребённой почве, а где-то на грунте насыпи вала небольшой мощности. То есть местами каменная конструкция предшествовала земляным работам (как предполагал ещё К. Э. Гриневич), но иногда возводилась в процессе выкапывания рва и создания насыпи, либо же отмечала период их реконструкции. Два строительных периода возведения укрепления хорошо читались в разрезах рва особенно в северной части раскопов (рис. 5. *1*). Их стратиграфия показывает, что ранний ров, расположенный непосредственно к западу от вала, прорезан на западе другой траншеей, в ряде случаев более глубокой.

Ширина «горловины» рва достигала 7 м, а его максимальная глубина составляла 3 м. Восточный склон рва, «эскарп», имел закономерно более крутой склон, нежели западный. Таким образом, «боевая высота» сооружения от дна рва до вершины насыпи даже сегодня достигает 4,5 м, в древности же очевидно была большей. Укрепление не было абсолютно неприступным, но, очевидно, не давало возможности быстро его преодолеть неприятельской коннице, как это и отмечалось ранее [*Блаватский* 1954, 104].

Обратимся к хронологии археологического материала, обнаруженного в процессе этих раскопок. Всего в ходе работ 2017–2018 гг. тут было найдено более тысячи артефактов, но среди них 90% – массовый материал, не имеющий сколько-либо точной датировки. Три четверти всех находок происходило из заполнения рва, а одна пятая часть была обнаружена среди камней крепиды. Остальной материал был «подъёмным» либо найденным в верхних слоях раскопов. Около 70% его составили обломки амфор, стенки красноглиняных сосудов (17%) и кости животных (12%). Остальные единичные находки были представлены стенками сероглиняных гончарных и лепных сосудов.

Среди них 68 датирующих керамических обломков можно выделить три хронологические группы. *Первая* – IV–III вв. до н. э., *вторая* – I в. до н. э. – II в. н. э. В *третью* группу вошли находки позднеантичного – раннесредневекового времени.

Первая группа (рис. 8) составила 43% от общего числа датирующего материала и была представлена 28-ю профильными фрагментами керамики и бронзовым наконечником стрелы. Почти половина из них (48%) происходила из рва, в центральном раскопе (2), а 21% был найден среди камней крепиды на севере (1). Остальное пришлось на слой гумуса и подъёмный материал.

Все обломки керамики принадлежали *амфорам* разных центров производства[4]. Этот материал распределён следующим образом:

Фрагменты *гераклейских* амфор преобладают, составляя около 43% от всех профильных частей этой группы. Они представлены 7-ю ручками (рис. 8. *1–5*), фрагментом горла с частью ручки, а также 4 ножками (рис. 8. *6–8*).

Обломки *хиосских* амфор составили 18%. Среди них две «колпачковых» ножки IV в. до н. э., а также три ручки, две из которых широко датируются V–III вв. до н. э. (рис. 8. *9*, *10*), и одна – IV–III вв. до н. э. (рис. 8. *11*).

[4] Определение и датировка амфор В. П. Копылова и А. В. Смокотиной, которым авторы выражают свою благодарность.

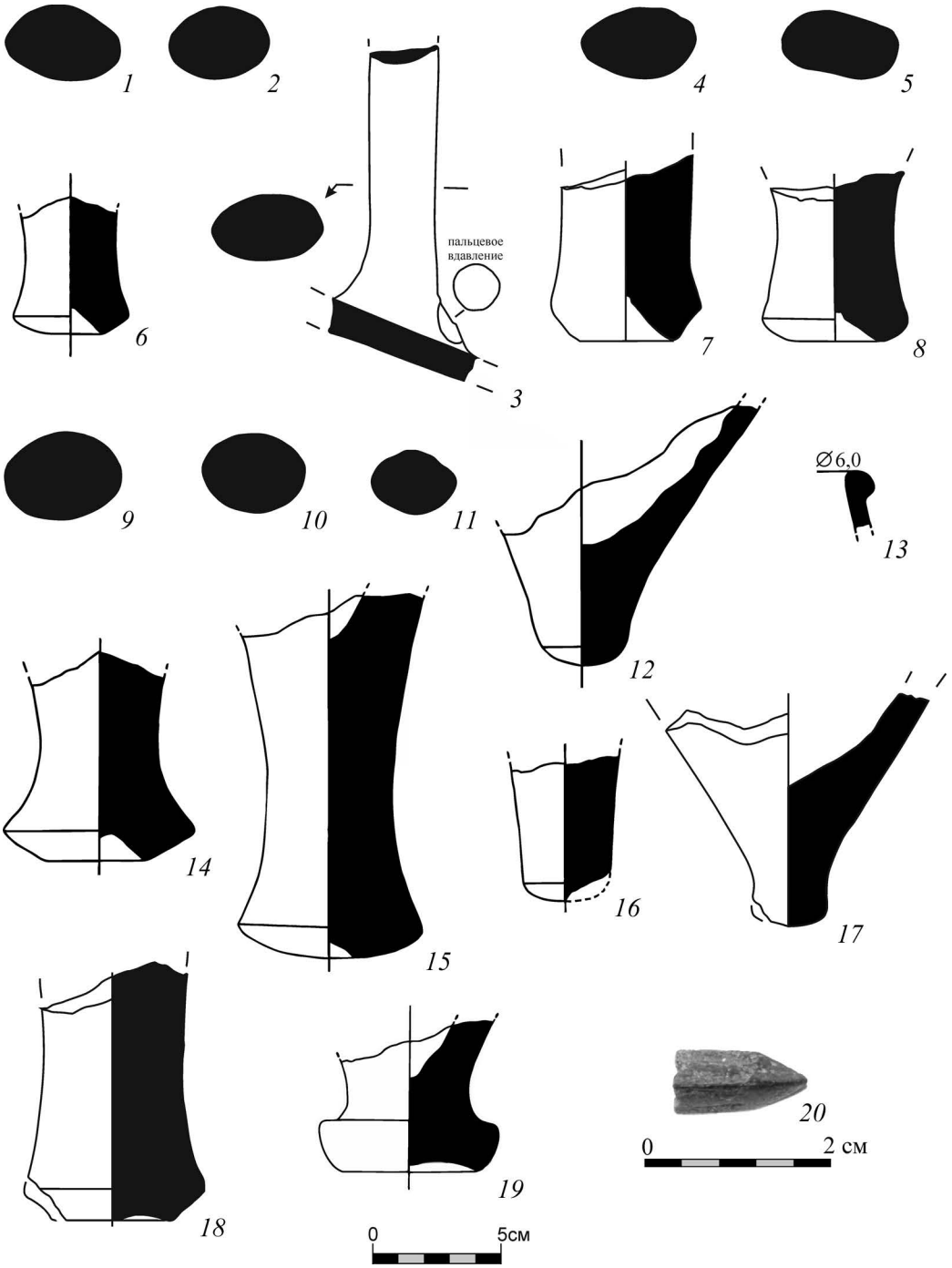


Рис. 8. Находки первой хронологической группы (IV–III вв. до н. э.): *1–8* – Гераклея; *9–11* – Хиос; *12, 13* – Фасос, веретенообразный тип III; *14, 15* – Фасос; *16, 17* – Синопа; *18* – амфора неустановленного центра; *19* – Херсонес (?); *20* – наконечник стрелы (гумус) (гумус – *4, 5, 20*; крепида – *6, 12–14, 16*; заполнение рва – *8, 9–11, 15, 17–19*; подъемный материал – *7*)

Фасосские амфоры (14%) представлены венчиком и ножкой веретенообразного типа III, середины – третьей четверти III в. до н. э. (рис. 8. *12*, *13*) [*Монахов* 2003, 74, табл. 51], а также двумя ножками амфор IV в. до н. э. (рис. 8. *14*, *15*).

Фрагменты *синопских* амфор также составили 14%. Они представлены «светлоглиняной» ножкой амфоры III в. до н. э. (рис. 8. *16*) и тремя красноглиняными ножками, две из которых датированы III–II вв. до н. э. (рис. 8. *17*), а третья – IV–III вв. до н. э.

Еще три обломка (11%) амфор принадлежали неизвестным центрам, но с большой вероятностью также были датированы эллинистическим периодом. Среди них венчик и две ножки (рис. 8. *18*, *19*), одна из них, возможно, от *херсонесской* амфоры.

Что касается *наконечника стрелы*, (рис. 8. *20*), то он отнесён к типу трёхгранных «башнеобразных» со скрытой втулкой и датируется IV–III в. до н. э. [*Мелюкова* 1964, табл. 9].

Вторая хронологическая группа представлена 34-мя профильными фрагментами керамики и бронзовой деталью конской упряжи (52%). Большая часть находок (80%) происходит из заполнения рва на всех трёх раскопах. Незначительное их число (8,5%) было найдено среди камней крепиды в раскопах 1 и 3, остальное приходится на подъёмный материал и находки из гумуса.

Керамика данной группы представлены как фрагментами амфор, так и столовой посуды. Три четверти находок (74%) приходится на амфорный бой нескольких центров производства.

Среди них также преобладает тара *Гераклеи* – более 90%. В основном это светлоглиняные амфоры разными группами типа С. К типу С I относятся венчик (рис. 9. *1*), пять двуствольных ручек, две из которых с частью тулова (рис. 9. *2–5*), а также две «желудевидные» ножки (рис. 9. *6, 7*), которые датируются серединой I в. до н. э. – первой третью II в. н. э. Тип С III представлен шестью фрагментами: тремя овальными ручками (рис. 9. *8*) 20–15 гг. I в. до н. э. – первой третью I в. н. э. и тремя ручками I в. до н. э. – первой третью I в. н. э. (рис. 9. *9–11*). Тип С IV – двумя ручками, одна из которых с частью горла (рис. 9. *12*, *13*), а также двумя амфорными донъями на невысоких кольцевых поддонах (рис. 9. *14*, *15*) I–II вв. н. э. [*Внуков*, 2003, 202]. Еще одна ручка и два фрагмента донъев на кольцевых поддонах светлоглиняных амфор (рис. 9. *16*, *17*) были идентифицированы как тип С по Д. Б. Шелову и датируются II в. н. э. [Шелов 1978, 18, рис. 6], а одна ручка красноглиняной амфоры причислена к типу 73 по И. Б. Зеест с широкой датой – конец II–IV вв. н. э. [*Зеест*, 1960, табл. XXX].

Синопские амфоры представлены ножкой II в. до н. э. – I в. н. э., а также фрагментом донца на кольцевом поддоне (рис. 9. *18*) типа Син IV I–III вв. н. э. [*Внуков*, 2003, рис. 63].

Столовая посуда представлена 9-ю фрагментами сосудов, что составляет 26% от всего профильного керамического материала второй хронологической группы. Все они, вероятно, боспорского производства. Среди них преобладала красноглиняная ангобированный венчик и ручка кувшина (рис. 9. *19, 20*), четыре донца на кольцевых поддонах, два из которых относятся к сосудам закрытого типа (рис. 9. *21–23*). Сероглиняная посуда представлена единственным фрагментом донца на кольцевом поддоне сосуда открытого типа (рис. 9. *24*). Также зафиксированы обломки краснолаковых сосудов – «Боспорской сигиллаты» (рис. 9. *2–5, 26*) – венчик миски I в. до н. э. – первой половины II в. н. э. и стенка кувшина с верхним прилепом ручки середины II в. до н. э. – I в. н. э.

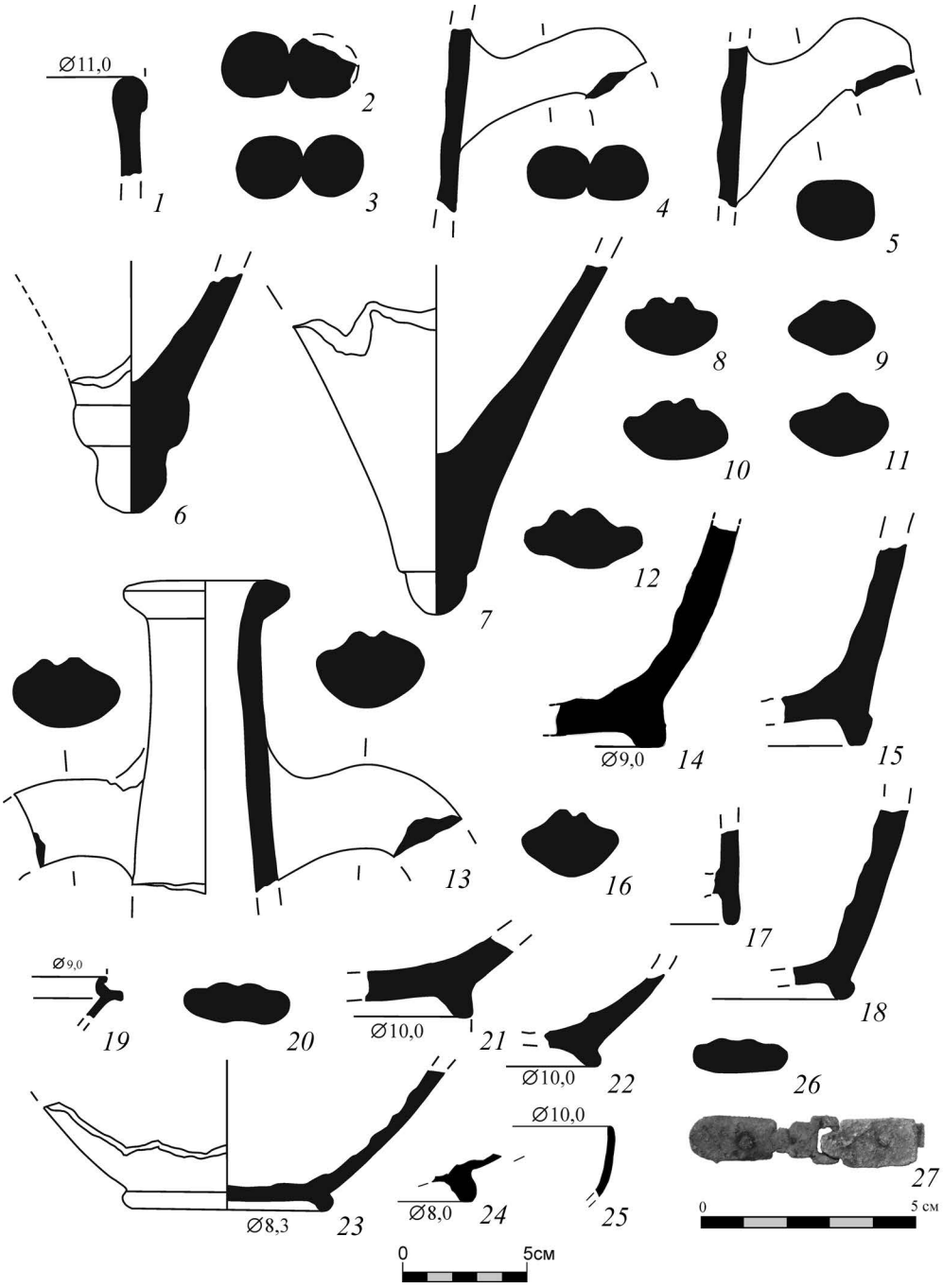


Рис. 9. Находки второй хронологической группы (I в. до н. э. – II в. н. э.):
1–7 – Гераклея, тип С I; *8–11* – Гераклея, тип С III; *12–15* – Гераклея, тип С IV;
16, 17 – Гераклея тип С (по Шелову); *18* – Синопа тип IV; *19–24* – боспорская глина;
25, 26 – красный лак, боспорская сигиллата; *27* – деталь уздечного набора бронзовая
(заполнение рва – *1–7, 9–13, 16–23, 26, 27*; гумус – *8*; крепида – *14, 24*;
подъёмный материал – *15, 25*)

Наконец, отметим находку бронзовой детали конской упряжи – литой наконечник-подвеска с рамкой для крепления ремня (рис. 9. *27*), предположительно I–II вв. н. э.

К ***третьей группе*** позднеантичного и раннесредневекового времени относится всего 4 находки (5%). Две из них были обнаружены в слое гумуса, ещё две в заполнении рва. Все они от *амфорной тары* и представлены следующими центрами производства:

Гераклея – фрагмент ручки светлоглиняной, узкогорлой амфоры типа Е по Д. Б. Шелову [Шелов 1978, 19, рис. 9], конца IV – первой половины V вв. н. э. (рис. 10. *1*).

Синопа – фрагмент овальной в сечении ручки с ребром, с частью горла и тулова красноглиняной амфоры типа 100 по И. Б. Зеест [*Зеест* 1960, табл. XXXIX], IV–V вв. (рис. 10. *2*).

Кроме них упомянем венчик с прилепом ручки *понтийской* красноглиняной амфоре типа 5 по Антоновой, VI–VII вв. н. э. [*Антонова и др*. 1971, 81–107], а ручка красноглиняной амфоре «причерноморского» типа, класса 36 по ХК-95 (рис. 10. *3,4*) относится к первой половины IX в. [*Романчук и др*. 1995, 23, табл. 60].

Самой же поздней находкой на раскопах был фрагмент донца красноглиняной амфоры из Херсонеса, класса 52 по ХК-95, датирующийся XIII–XIV вв. н. э.

Ряд находок не имел точных датировок, но очевидно, что они относились к античной эпохе. Среди них четыре амфорных ручки, ножка амфоры, четыре венчика кувшинов, ручка кувшина, два плоских донца и два донца на кольцевых поддонах, фрагменты железного и бронзового гвоздей, железный предмет и почти целый каменный жёрнов (рис. 10. *5–23*).

Таким образом, найденный археологический материал позволяет сделать некоторые предположения относительно датировки Тиритакского вала, по крайней мере, его обследованного участка. Прежде всего, среди ранних находок эллинистической группы, хотелось бы выделить ножки хиосских «колпачковых» амфор, которые согласно существующим датировкам, не «выходят» за конец IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 21–24]. Одна из них происходит из верхних слоёв раскопа, но вторая была найдена в его северной части, среди камней крепиды, что косвенно может соотноситься со временем создания сооружения. Касательно эллинистического материала хотелось бы сделать ещё две ремарки. Подобные находки и ранее фиксировались в линии вала к северу от Юз-Обинской гряды, и некоторые исследователи полагали, что они могли происходить из тризн Второго Змеиного кургана, центральное захоронение которого датируется первой половиной IV в. до н. э. [*Масленников* 2003, 217]. Но, следует отметить, что в ходе наших работ эллинистический материал в основном концентрировался в раскопах 1 и 2, удалённых от кургана (особенно раскоп 1), в третьем же раскопе, расположенном от него в непосредственной близости, они отсутствовали. Далее нам кажется недостаточно обоснованной точка зрения А. Л. Ермолина, который писал, что эллинистический материал на Тиритакском валу происходит из греческих и скифских селищ расположенных неподалёку и не имеет отношения ко времени его сооружения [*Ермолин*, 2013]. В том случае, если бы ров «прорезал» какое-либо из поселений указанного времени, то остатки его культурного слоя были бы зафиксированы в одном из многочисленных разрезов в нижнем горизонте насыпи, что нами не наблюдалось.

Таким образом, на основании археологического материала, в том числе и из нижнего горизонта заполнения рва, мы склонны полагать, что на обследованном участке Тиритакский вал возник не позднее рубежа IV–III вв. до н. э.

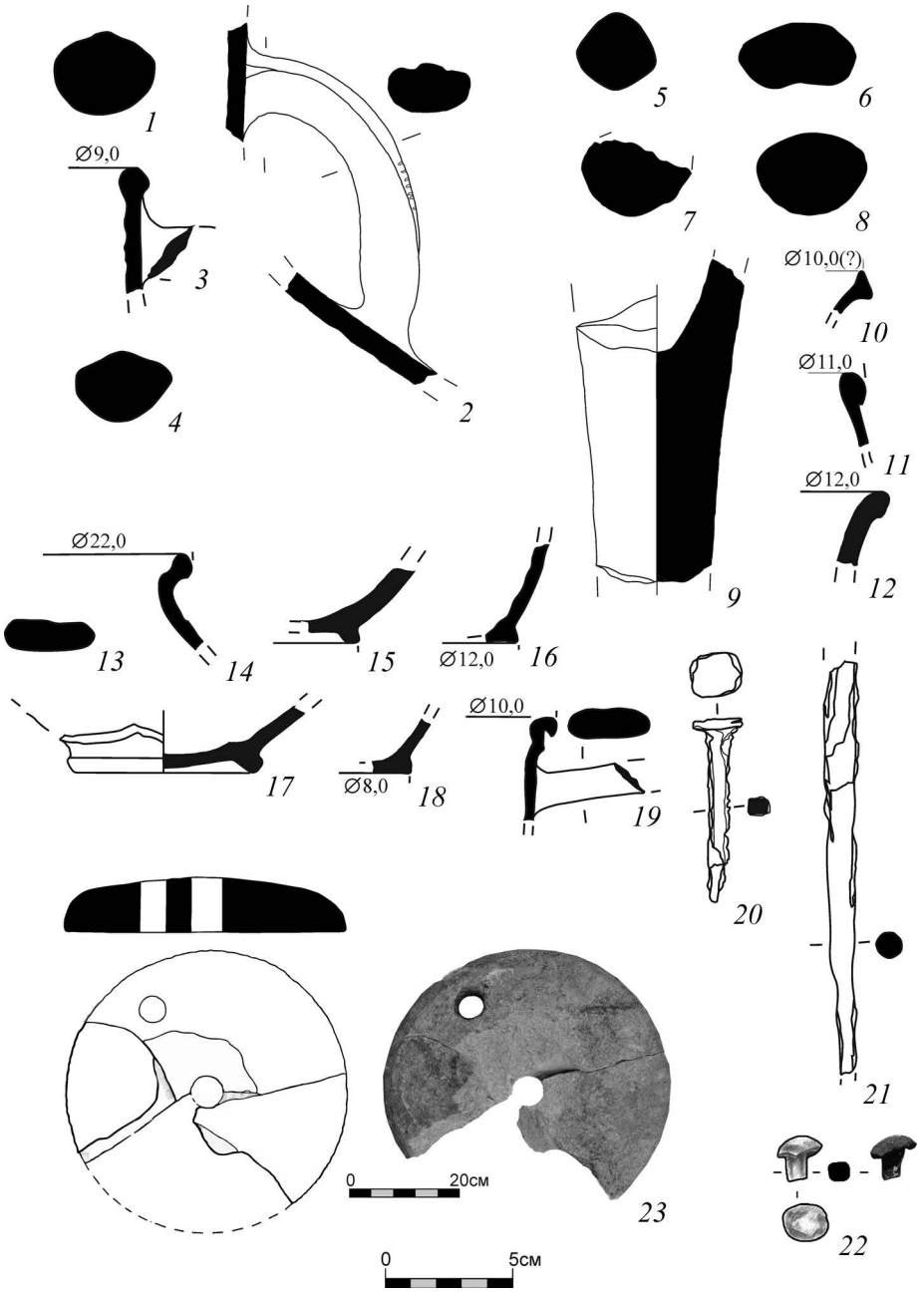


Рис. 10. Находки третьей хронологической группы – позднеантичного и раннесредневекового периодов и неопределенного времени: *1* – Гераклея, тип Е (по Шелову); *2* – Синопа (Зеест 100); *3* – Понт (Антонова 5); *4* – «Причерноморский» тип (класс 36 по ХК-95); *5, 18* – коричневая глина; *6–10, 12–17* – красная глина; *11* – светлая глина; 19 – красный лак; 20 – гвоздь железный; 21 – стержень железный; *22* – гвоздь бронзовый; *23* – жернов каменный.
(гумус – *1, 4, 5, 14, 22, 23*; заполнение рва – *2, 3, 6, 10, 11, 12, 16, 17, 20, 21*; крепида – *7, 15, 18, 19*; подъёмный материал – *8, 9, 13*)

Что касается находок второй группы, примерно равного по численности эллинистическому, то мы полагаем, что нижняя граница его датировки (середина I в. до н. э.) маркирует время реконструкции линии рва-вала, которая, возможно, имела место параллельно с аналогичной деятельностью на Узунларском валу во время правления Асандра, что отражено в письменных источниках (Strabo, VII, 4, 6) и было доказано археологически [*Масленников* 2003, 208; *Супренков* 2018, 237].

Материал более позднего периода, напомним, был немногочисленным.

Дальнейшие исследования Тиритакского вала, безусловно, позволят внести коррективы в предложенные нами датировки.



Список литературы

А*нтонова* И. А., *Даниленко* В. Н., *Ивашута* Л. П., *Кадеев* В. И., *Романчук* А. И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века 7. Свердловск, 81–107.

Блаватский В. Д. 1954. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 102.

В*нуков С. Ю.* 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 235.

Г*айдукевич*. Г. Ф. 1949. Боспорское царство. М. –Л., 484.

Гриневич К. Э. 1946. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. 2, 160–164.

Е*рмолин* А. Л. 2012. Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (по материалам археологических разведок) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 1 (120). Вып. 21. Белгород, 25–33.

Ермолин А. Л. 2013. Тиритакский вал – элемент Восточной линии обороны Европейского Боспора // Таврические студии. Электронная версия. http://kukiit.ru/docs/ts/no4/8.pdf

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 187.

М*арти* Ю. Ю. 1937. Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею им. А. С. Пушкина. Симферополь, 64.

Масленников А. А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 280.

Мелюкова А. И. 1964. Вооружение скифов (САИ. Д 1-4). М., 113.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов, 352.

П*рокопенко* С. Н., *Супренков* А. А. 2018. Валы Европейского Боспора: к истории изучения Акмонайского, Узунларского, Тиритакского и Вала Безкровного // Классическая и византийская традиция 2018. Сб. материалов XII научной конференции. Белгород, 26–37.

Р*оманчук* А. И., *Сазанов* А. В., *Седикова* Л. В. 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 2. Екатеринбург, 1–110.

С*окольский* Н. И. 1957. Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. XXVII, 91–107.

Супренков А. А. 2017. Тиритакский вал: восточный рубеж обороны Боспора (история исследований и новейшие работы) // Классическая и византийская традиция. Сб. материалов XI научной конференции. Белгород, 40–48.

Супренков А. А. *Требухина* Н. Ю. 2018. Валы Тиритакский и Узунларский (Аккосов) (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. 25. М., 380–388.

Супренков А. А. 2018. Раскопки на Узунларском валу в 2016 г.: хронология и интерпретация основных построек // ДБ. 23, 230–257.

Супренков А. А. 2020. Предварительные результаты разведок на валах Восточного Крыма в 2019 г. // ДБ. 25, 360–376.

Ш*елов* Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 156, 16–21.

Summary

A.A. Suprenkov, M.A. Toporivskaya, N.Y. Trebukhina, V.V. Frolov

Tyritaka rampart in the Eastern Crimea. New chronology data

The article represents the results of the authors' work on the Tyritaka rampart in the Eastern Crimea in 2017–2018. During the large-scale security and rescue excavations, was investigated a significant area (about 8,500 sq. m.) of the rampart and ditch, located to the north of the Yuz-Oba ridge. There were obtained stratigraphic sections and was collected numerous archaeological material, which can be chronologically divided into three main groups: Hellenistic (IV-III centuries BC), Roman time (I century BC - II century BC). AD) and late antique - early medieval.

On basis of the sections stratigraphy data and the generally accepted finds dating, the authors suppose, that the rampart construction dated up to the IV century BC, or a little later, and it was reconstructed in the 1st century BC, during the reign of Asandros. In general, this conclusion does not contradict to the conclusions of the past researches.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.372-380

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Кто был погребен в Мелек-Чесменском кургане?

В последнее время активизировались попытки установить связь «царских», наиболее высокостатусных курганов Боспора с некоторыми конкретными представителями династии Спартокидов. В частности, для IV в. до н. э. такая работа была проделана в нескольких недавних исследованиях Ю. А. Виноградовым [например: *Виноградов* 2014; 2017а, 145–160]), который в настоящее время является, безусловно, крупнейшим специалистом по боспорским курганам[1]. Нам показались весьма доказательными его выкладки, согласно которым, например, с большой степенью вероятности в Баксинском кургане был погребен Сатир I, в Остром кургане – Левкон I, в Царском кургане – Перисад I (последнее предположение высказывал ранее В. Ф. Гайдукевич [*Гайдукевич* 1949, 250], но лишь мимоходом, да и без особой уверенности, допуская также вариант с Левконом I).

Нам хотелось бы в данной связи привлечь внимание к Мелек-Чесменскому кургану, который датируется тем же столетием. По мнению Л. Г. Шепко, он фиксировал начало курганной цепи, заканчивавшейся Царским курганом [*Шепко* 2013,103]. Его принадлежность именно к той самой группе наиболее высокостатусных курганов представляется практически несомненным; таково и авторитетное мнение Ю. А. Виноградова, неоднократно высказывавшееся им нам per litteras. Он и в целом является одним из самых зрелищных археологических памятников Керчи. Но написано о нем, к сожалению, очень мало. В сущности, приходится вести речь лишь о весьма кратких пассажах в нескольких исследованиях разных лет [*Марти* 1913, 26–29; *Гайдукевич* 1949, 250–253; *Гайдукевич* 1981, 48–49; *Федосеев* 2004; *Виноградов* 2012, 26–27; *Виноградов* 2017б, 214–215]. Но именно из них приходится черпать те скудные сведения, которые имеются о кургане.

Памятник впервые был раскопан А. Е. Люценко в 1858 г. Его интересной особенностью оказался пристроенный снаружи к дромосу портал с антами, увенчанный фронтоном. В. Ф. Гайдукевичу это показалось настолько необычным, что в «Боспорском царстве» 1949 г. он отрицал античное происхождение портала, считая, что тот

[1] Автор глубоко благодарен Ю. А. Виноградову за ценные консультации при работе над статьей. Разумеется, за все недостатки статьи всецело ответствен автор.

был создан в ходе реставрации XIX века [*Гайдукевич* 1949, 253]. Впрочем, потом он признал свою первоначальную неправоту, поскольку ему стала известной фотография кургана сразу после первых раскопок; на ней портал уже присутствовал [*Гайдукевич* 1981, 48].

Погребение оказалось почти полностью разграбленным. В северо-западном углу погребальной камеры были обнаружены останки ребенка, несколько досок от детского гроба, четыре квадратных камня, черепки алабастра и небольшой витой бронзовый браслет с концами из золота в виде змеек с эмалевой чешуей.

В ходе последующих раскопок в насыпи кургана с северной стороны были обнаружены следы поминальной тризны и остатки костра, на котором было совершено погребальное жертвоприношение. Среди обломков разбитой во время тризны посуды были фрагменты краснофигурных сосудов второй половины IV в. до н. э. Один из этих сосудов – лекана с изображением битвы грифонов (ныне в Эрмитаже), может быть датирован с большей точностью – 340-е – 330-е гг. до н. э., что, по мнению В. Ф. Гайдукевича, и определяет примерно время сооружения кургана. По указанию Н. Ф. Федосеева, там же были найдены наряду с перегоревшими человеческими костями также медные гвозди от сгоревшего гроба.

Итак, как нам представляется, можно говорить о двух (разумеется, как минимум двух) захоронениях в этом кургане, причем одно из них принадлежало ребенку и находилось в погребальной камере, то есть явно было изначальным, тем, для которого курган и создавался. Понятно, что ребенок, для останков которого было предназначено столь внушительное сооружение, должен был принадлежать к правящему роду Спартокидов. А кто именно это мог быть – на сей счет мы теперь и выскажем гипотезу.

К этому персонажу боспорской истории в свое время привлек внимание А. А. Завойкин (впервые, кажется, в [*Завойкин* 1999, 182, 189]; затем он касался этого сюжета неоднократно [например: *Завойкин* 2008, 196; 2013, 300–301]; ссылки на прочую литературу вопроса см. в указанных местах). А мы, со своей стороны, развили некоторые его наблюдения [*Суриков* 2014]. Перисад I, один из самых известных представителей династии Спартокидов имел, помимо сыновей Сатира II, Притана и Евмела, которые пережили его и затем устроили знаменитую смуту, еще одного сына, Горгиппа, скончавшегося раньше отца. Это с достаточной определенностью выясняется из совокупности следующих обстоятельств.

Оратор Динарх в речи, которую он в качестве логографа написал для кого-то из обвинителей в судебном процессе над Демосфеном по «делу Гарпала», имевшем место в 324 г. до н. э. (о процессе см.: [*Landucci Gattinoni* 1996]), в какой-то момент отвлекается от изложения и характеристики обстоятельств, послуживших непосредственным поводом для суда, и начинает давать общую, весьма нелестную оценку личности и деятельности обвиняемого. В частности, он говорит:

«Скажите мне, ради Зевса, граждане, неужели вы думаете, что он (Демосфен – *И. С.*) даром внес предложение… о том, чтобы поставить на городской площади (ἐν ἀγορᾷ) медные (т. е. бронзовые – *И. С.*) статуи Перисада, Сатира и *Горгиппа* (курсив наш. – *И. С.*), понтийских тиранов, от которых ему ежегодно посылается по тысяче медимнов пшеницы?» (Dinarch. I. 43).

Последнее утверждение, скорее всего, являет собой выдумку Динарха. Известно, что в афинских судебных речах злонамеренные инсинуации – обычное дело[2]. Но сам факт установки статуй по инициативе Демосфена оратор, конечно, измыслить не мог.

Итак, расставим, как говорится, точки над i. В том, что упоминаемый тут Перисад – это Перисад I, как раз тогда правивший Боспором, сомневаться не приходится. Вторым упомянутым в цитате персонажем, стало быть, обязательно должен являться его сын – будущий злосчастный Сатир II (никакого другого Сатира, подходящего по статусу, в то время на Боспоре не имелось). Из этого приходится исходить при идентификации личности, которая упомянута третьей по счету, – Горгиппа. Без сомнения отбрасываем интерпретацию, согласно которой это был престарелый дядя Перисада I (Горгипп, сын Сатира I и брат Левкона I), известный из других письменных источников (Polyaen. VIII. 55), и присоединяемся к мнению А. А. Завойкина, считающего, что данный Горгипп, – как и Сатир II, сын Перисада I, но из других источников неизвестный.

Особенно важно наблюдение [*Завойкин* 2013, 301, прим. 101], что никакой Горгипп «в декрете афинян 347/6 г. (имеется в виду декрет Андротиона в честь Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония, IG. II². 212. – *И. С.*) … не фигурирует в списке почтённых Спартокидов». Это замечание вполне правомерно. Очевидно, уже на момент принятия декрета Андротиона Горгипп-старший отсутствовал среди живых. И тогда его a fortiori не было в живых в пору события, о котором говорит Динарх.

А. А. Завойкин полагает, что Горгипп-младший, скончавшийся ранее Перисада I и потому-то не участвовавший потом в «заварухе трех братьев», был у отца вторым сыном – моложе Сатира, но старше Притана и Евмела. Впрочем, строго говоря, он мог быть даже не вторым сыном, а первым: ведь не раз отмечалось, что античные авторы могут перечислять имена в отнюдь не хронологическом, а произвольном порядке.

Вопрос о том, кто был старше – Сатир или Горгипп, – приходится оставить открытым. Возможно, даже навсегда. Антропонимические данные тут ничем не помогают. Вот если бы кто-то из этих двоих носил имя Левкон – то было бы ясно, что он-то и был первенцем[3]. Впрочем, проблема старшинства и не принципиальна. Важнее разобраться с тем, когда умер сын Перисада Горгипп и в каком приблизительно возрасте.

Тут необходимо принимать во внимание датировку скульптурной группы, о которой идет речь. А. А. Завойкин приводит следующие соображения: «Вероятный *terminus post quem* – 330 г. (по дате речи *Aesch.* III. 171–172 – “О венке”), исходя из того, что упомянутый у Динарха “свежий” факт связи Демосфена с боспорскими тиранами вряд ли был бы оставлен без внимания Эсхином» [*Завойкин* 2008, 196, прим. 4].

[2] См. на примере другого эпизода, связанного с тем же Демосфеном (и интересного, между прочим, тем, что он тоже связан с Боспором): [*Суриков* 2009а].

[3] Сделаем небольшое отступление. При имянаречении детей греки, как правило, руководствовались принципом «давать старшему сыну имя деда по отцу». Хотя на практике встречаем, на первый взгляд, довольно большое количество отступлений от этого принципа, но в действительности эти отступления,– по крайней мере, какая-то их часть – являются кажущимися. Просто следует учитывать весьма высокую в античной Греции (как и в любом древнем обществе) детскую смертность; ей, естественно, были подвержены и первенцы, которые поэтому не оставляли никаких следов в источниках, в результате чего за первенцев ошибочно принимали детей более поздних, но выживших. Так, среди известных сыновей того же Перисада I нет носившего имя Левкон. Полагаем, что такой существовал и был, разумеется, первенцем в семье, но просто умер в раннем возрасте, поэтому мы о нем ничего и не знаем.

Итак, по мнению исследователя, скульптурная группа должна быть датирована в рамках весьма узкого хронологического отрезка: 330–324 гг. до н. э. Но нам трудно согласиться с этим [ср.: *Суриков* 2009б], поскольку приведенная система аргументации зиждется в конечном счете на argumentum ex silentio, который применительно к данной конкретной ситуации представляется особенно мало весящим по следующей причине.

Речь Эсхина против Демосфена «О венке» 330 г. до н. э. (как и парная к ней речь Демосфена против Эсхина с тем же названием) являет собой характерный образчик риторического жанра псогоса, безоглядной хулы. В таких случаях старались изобразить личность и всю жизнь оппонента в максимально черных красках [*Кудрявцева* 2008, 224–246], сказать о нем всё плохое, что только возможно (или даже невозможно – ср. выдумки Демосфена об отце и матери Эсхина), но уж ни при каких условиях не сказать о нем ничего хорошего. Имело ли смысл в данном контексте Эсхину напоминать лишний раз аудитории о дружественных связях Демосфена с могучими боспорскими правителями? Шло ли бы такое напоминание в «минус» его противнику? Скорее наоборот – в «плюс». Ведь в понимании массы тогдашних афинян Спартокиды были прежде всего благодетелями, «кормильцами», а о том, что они – тираны, вспоминали лишь в последнюю очередь. Восхвалить же благодетелей почетным декретом или установкой статуй в античном греческом понимании отнюдь не считалось пороком, напротив – поведением, достойным порядочного человека и гражданина.

Следует вспомнить и о том, что отнюдь не один Демосфен в Афинах старался дружить со Спартокидами, но и его недоброжелатели тоже (во всяком случае, на определенных хронологических отрезках). Инициатор почетного декрета 347/346 г. до н. э. в честь Спартока II и братьев (IG. II². 212), как упоминалось выше, – Андротион, а этот политик занимал видное место в группировке, противостоящей группировке Демосфена[4], иными словами, был ближе к Эсхину. У Демосфена есть и речь «Против Андротиона» (Demosth. XXII). Иными словами, если бы Эсхин в 330 г. до н. э. вздумал попрекать Демосфена декретированием почестей боспорским правителям, то ему пришлось бы попрекать ровно за то же самое своего сподвижника Андротиона; на подобную двусмысленность Эсхин, опытный оратор и искусный политик, конечно, пойти бы никак не мог.

Итак, мы должны констатировать, что статуи Перисада с сыновьями были установлены на афинской Агоре совершенно не обязательно после 330 г. до н. э. Подлинным terminus post quem для этого события может быть только приход Перисада к единоличной власти со смертью Спартока II (346 г. до н. э.).

Более того, нам представляется, что создание скульптурной группы следует относить скорее к началу, чем к концу хронологического отрезка 346–324 гг. до н. э. (между началом правления Перисада I и написанием речи Динарха), и вот почему. Обратим внимание на то, что в свидетельстве оратора фигурируют статуи сыновей Перисада I Сатира и Горгиппа, но не фигурируют статуи его же сыновей Притана и Евмела. Стало быть, таковых статуй и не было, иначе Динарх, конечно, упомянул бы и о них.

Что за странный «выборочный» подход: увековечить скульптурными изображениями тирана и двух его сыновей, но почему-то «забыть» о двух других сыновьях?

[4] Об Андротионе, который был еще и известным историком, см. наиболее подробно: [*Harding* 1994].

Афиняне в подобных вещах были достаточно скрупулезны. Можно вспомнить о том, что, когда в 347/346 г. до н. э. в экклесии обсуждался поднятый Андротионом вопрос о почестях Спартоку II и Перисаду I, на трибуну вышел еще один политик – Полиевкт – и указал, что негоже оставлять без внимания их младшего брата Аполлония. Замечание было учтено, и имя Аполлония появилось в декрете.

Ситуация со статуями сыновей Перисада перестает быть необъяснимой только в том случае, если мы допустим, что на момент предложения Демосфена Притан и Евмел просто еще не родились. Но тогда два старших сына правителя – Сатир с Горгиппом – должны были на момент установки статуй быть еще совсем молодыми людьми, а скорее всего – детьми. И, видимо, в отличие от Сатира, который дожил до зрелого возраста и в 310/309 г. до н. э. стал преемником Перисада, Горгипп в детстве же и скончался. Это должно было произойти вскоре после установки их статуй на афинской агоре, то, есть, скорее всего, в 330-х гг. до н. э. – что, кстати, хорошо согласуется с датировкой Мелек-Чесменского кургана.

Боспорские подкурганные склепы – достаточно монументальные сооружения, к тому же построенные на совесть. Не думаем, что они возводились в спешке, за тот краткий период, который протекает между смертью погребаемого лица и похоронами. Очевидно, архонт-царь уже при жизни озабочивался тем, чтобы ему была подготовлена подобающая гробница.

Но безвременную смерть ребенка, конечно, невозможно было предвидеть заранее и совершить соответствующие приготовления. Поэтому мы допускаем, что скорбящий отец Горгиппа (судя по всему, горячо любивший его[5]) «отдал» сыну гробницу, которая должна была вместить его собственные останки. А себе Перисад приказал строить новую, еще более величественную – ведь нельзя же было допустить, чтобы захоронение царевича выглядело более пышно, чем захоронение царя. И так появился на свет уникальный склеп Царского кургана, который Ю. А. Виноградов справедливо называет «самым знаменитым архитектурным сооружением, оставленным нам классической древностью на северном берегу Черного моря» [*Виноградов* 2014, 503].

* * *

А теперь обратимся к событиям более поздним, имевшим место после царствования Перисада I. Как известно, не прошло и года с момента его кончины – а на Боспоре уже вспыхнула гражданская война между его сыновьями. Из них Сатир II и Притан находились на одной стороне, представлявшей легитимную власть, а Евмел противостоял им, выступая в роли инсургента и узурпатора.

Подробный рассказ об этом событии сохранен в пространном пассаже Диодора (Diod. XX. 22–26), который представляет собой, без преувеличения, просто самое ценное

[5] Решимся,– правда, с крайней осторожностью и только в формате подстрочного примечания – высказать совсем уж «крамольную» мысль: а что, если город Синдская Гавань был переименован в Горгиппию именно в честь *этого* Горгиппа, а не Горгиппа-старшего, как обычно считают? И если это было сделано Перисадом I в память об умершем сыне, то есть в 330-х гг. до н. э.? Как нам представляется, можно допустить такую возможность,– тем более что до 357 г. до н. э. у греков не было обыкновения называть города в честь реальных лиц (наши аргументы в пользу того, что названия Фанагории и Гермонассы не являются исключением, см. в [*Суриков* 2012]).

из всех имеющихся в нашем распоряжении нарративных свидетельств по боспорской истории. Согласно Диодору, ход войны был следующим. На первом этапе военных действий их жертвой стал Сатир II. Он погиб (точнее, скончался от раны) на азиатском Боспоре [*Суриков* 2016], но его тело было доставлено в Пантикапей. Там его брат Притан, «устроив великолепные похороны и положив тело в царскую гробницу (ταφὴν συντελέσας μεγαλοπρεπῆ καὶ καταθέμενος εἰς τὰς βασιλικὰς θήκας τὸ σῶμα)», перенял власть. Теперь Евмел воевал уже с ним и тоже одержал победу: Притан «передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей, Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Сады (Кепы), где и был умерщвлен (ἐπεχείρησε μὲν πάλιν ἀνακτᾶσθαι τὴν βασιλείαν, κατισχυθεὶς δὲ καὶ φυγὼν εἰς τοὺς καλουμένους Κήπους ἀνῃρέθη)».

К этому нюансу мы хотели бы привлечь особое внимание, поскольку о нем часто забывают: в отличие от Сатира II, который боролся до конца и умер царем, Притан в какой-то момент признал свое поражение и отрекся от престола в пользу Евмела, то есть царем быть перестал, Евмел же вступил на трон на законных основаниях. Таким образом, он больше не являлся узурпатором (подчеркиваем это обстоятельство: его обычно не учитывают, а оно важно!). Напротив того, теперь узурпатором оказался уже Притан, когда попытался вновь захватить власть. В результате с ним и поступили как с преступником: он был «убит», то есть, несомненно, казнен по приказу Евмела. Это произошло в Кепах, на азиатском Боспоре.

Ю. А. Виноградов считает, что местом захоронения всех трех братьев стал Золотой курган. Если остальные предложенные им идентификации (Сатир I – Баксинский курган, Левкон I – Острый курган, Перисад I – Царский курган) представляются нам исключительно удачными, то вот с этой мы бы поспорили. Санкт-петербургский исследователь пишет: «… Первым в ней (в борьбе за власть. – *И. С.*) погиб Сатир, которого похоронили в царской гробнице. Второй жертвой междоусобицы стал Притан, о месте погребения которого нам ничего не известно, однако можно предположить, что это было сделано в подобающем его социальному рангу месте, рядом со старшим братом. Победа досталась Евмелу… Диодор рассказал о чудовищной жестокости Евмела по отношению к родственникам, но всё-таки можно допустить, что он решил возвести свою гробницу рядом с могилами братьев. Есть все основания считать, что все эти погребения были совершены в Золотом кургане» [*Виноградов* 2014, 505 = *Виноградов* 2017, 159].

Нам подобный вариант представляется практически исключенным. Обратим внимание: у Диодора эксплицитно сказано, что Сатир, окончивший свои дни в Азии, был оттуда перевезен в Пантикапей и похоронен по-царски, а относительно Притана, тоже нашедшего свой конец в Азии, ни о чем подобном не говорится. И не думаем, что историк здесь совершил упущение по недосмотру, забыл упомянуть о факте царских похорон и второго сына Перисада[6]. Очевидно, такой факт вовсе и не имел места. Сатира хоронил его сторонник Притан, которому к тому же пышное погребение брата было на руку, поскольку укрепляло его легитимность. А кому было хоронить самого

[6] Имеем в виду – второго (по старшинству) из трех участников междоусобной борьбы. На самом деле он был у Перисада как минимум третьим (вспомним умершего Горгиппа), а скорее всего даже и не третьим.

Притана? Его злейшему врагу Евмелу, который был более всего заинтересован в том, чтобы имя его предшественника как можно скорее стерлось из памяти людей?

Более того, Евмел имел полное, законное право этого не делать. Ю. А. Виноградов, как видно из вышеприведенной цитаты, считает, что «социальный ранг» Сатира II и Притана на момент их смерти являлся равным. Но вот этого-то как раз и не было. Притан, повторим, сложил с себя царский сан. А потом еще попытался совершить узурпацию, чем нарушил данную им самим клятву, имевшую законную силу. И тем самым поставил себя вне закона. Сатир умер царем, а Притан – преступником. И, полагаем, как преступник и был закопан – где-нибудь там же, в Кепах.

Узурпаторов не хоронят с почестями. Ближайшей исторической параллелью (при всей несопоставимости масштабов фигур) является судьба Наполеона I, который тоже попытался (и даже ненадолго смог) вернуть себе утраченную власть. Умри он на престоле – и его останки упокоились бы в Сен-Дени. А в действительности их приняла каменистая почва Святой Елены… Потом прах Наполеона был перенесен в парижский Пантеон, но это уже, как говорится, совсем другая история.

К аргументам юридического характера присовокупим соображения, имеющие отношение к религии, к представлениям о смерти и загробной жизни. Думается, Евмелу и в страшном сне не привиделась бы перспектива оказаться после кончины в одном кургане с братьями, которых он погубил. Он уж точно не отдал бы распоряжения похоронить себя подобным образом.

Главным мифологическим прецедентом вражды сыновей Перисада I была вражда сыновей Эдипа Фиванского. И, что интересно, в одном из вариантов соответствующего мифа (Stat. Theb. XII. 429 sqq.), причем, возможно, даже древнейшем[7], Полиника и Этеокла, сразивших друг друга в поединке, пытаются сжечь на одном погребальном костре, но братья – даже мертвые! – ожесточенно противятся этому.

Подчеркнем: мы оспариваем данное мнение Ю. А. Виноградова лишь *частично*. Отнюдь не будем отрицать, что в Золотом кургане мог быть погребен Евмел; а вот два других, проигравших, участника междоусобицы, по всей видимости, были похоронены в других местах. Притан, как отмечалось выше, не получил и не мог получить царского погребения; но Сатиру II, как мы знаем из Диодора, такая почесть была оказана.

Где он был погребен? Здесь нужно учитывать, что, вступив на престол отца, Сатир занимал его всего лишь девять месяцев. Вряд ли за это время он успел соорудить для себя гробницу, да, скорее всего, и не занимался этим: он был еще не стар и не мог предвидеть, что жизнь его так скоро оборвется. Таким образом, вопрос о гробнице должен был встать после его смерти, причем встать перед Пританом. Судя по тому, что тот устроил брату «великолепные похороны», вопрос этот он решил. Но как?

Нам не кажется, что Сатиру была наскоро построена собственная гробница. Для этого в любом случае понадобилось бы время. А Притану нужно было как можно скорее отправляться на азиатский Боспор, дабы продолжать военные действия против Ев-

[7] «Фиваида» римского поэта Стация является, в сущности, латинским переложением недошедшей греческой «Фиваиды» – одной из самых ранних эпических поэм [*Радциг* 1982, 97], созданной в гомеровские времена (иногда она и приписывалась Гомеру)

мела, опасность со стороны которого отнюдь не миновала. Диодор так и говорит, что после похорон Сатира Притан «быстро (ταχέως) явился в Гаргазу» – город, где в тот момент стояло подконтрольное ему войско.

Мы предполагаем, что в условиях цейтнота было принято неординарное решение – совершить погребение праха Сатира II в уже существующем кургане, где покоился другой представитель рода Спартокидов, а именно – родной брат Сатира, давно уже умерший в детском возрасте. Читатель догадывается, что речь идет о Горгиппе-младшем и о Мелек-Чесменском кургане. Таким образом, именно Сатиру II, согласно нашему предположению, принадлежит второе захоронение в нем. Разумеется, мы вполне отдаем себе отчет в гипотетичности предложенных здесь построений. Но, полагаем, они вполне имеют право на существование.



Список литературы

В*иноградов* Ю. А. 2012. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской Археологической комиссии (1859–1917) (БИ. Suppl. 27). Симферополь – Керчь, 364.

Виноградов Ю. А. 2014. Цари Боспора и боспорские курганы // Боспорские исследования. Вып. 30, 497–509.

Виноградов Ю. А. 2017а. Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. 34, 112–223.

Виноградов Ю. А. 2017б. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН) (БИ. Suppl. 17). Симферополь – Керчь, 310.

Г*айдукевич* В. Ф. 1949. Боспорское царство. М. – Л., 622.

Гайдукевич В. Ф. 1981. Боспорские города. Уступчатые склепы, эллинистическая усадьба, Илурат. Л., 136.

З*авойкин* А. А. 1999. Спарток и Перисад, дети Левкона. Некоторые проблемы боспорской хронологии // ПИФК. 8, 176–190.

Завойкин А. А. 2008. Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 12/1, 196–225.

Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь – Керчь, 591.

К*удрявцева* Т. В. 2008. Народный суд в демократических Афинах. СПб, 464.

М*арти* Ю. Ю. 1913. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. Одесса (приложение к: ЗООИД. 31, с отдельной пагинацией).

Р*адциг* С. И. 1982. История древнегреческой литературы. 5 изд. М., 488.

С*уриков* И. Е. 2009а. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 13, 393–413.

Суриков И. Е. 2009б. О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // БФ. Искусство на периферии античного мира. СПб, 85–88.

Суриков И. Е. 2012. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 16, 440–469.

Суриков И. Е. 2014. Кем, когда и почему был обожествлен Перисад I? (Две версии) // ДБ. 18, 398–416.

Суриков И. Е. 2016. «Остров Тамань», Боспор Синдский и город Гаргаза // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола. М., 90–95.

Ф*едосеев* Н. Ф. 2004. Мелек-Чесменский курган // Исторический и зеленый туризм в Восточном Крыму. Материалы научно-практической конференции. Керчь, 77–83.

Ш*епко* Л. Г. 2013. Некрополи Европейского Боспора VI–II вв. до н. э. в пространственно-хронологическом измерении // Донецький археологічний збірник. 17, 99–114.

H*arding* P. 1994. Androtion and the Atthis. Oxford, XI, 236.

L*anducci Gattinoni* F. 1996. Demostene e il processo arpalico // Processi e politica nel mondo antico. Milano, 93–106.



Summary

I.E. Surikov
Who was buried in the Melek-Chesmenski Tumulus?

The tumulus in question belongs to the group of Bosporan royal tombs. The author suggests that, first, one of Paerisades I's sons, who was named Gorgippus and died in 330es B.C. as a child, was buried in this tumulus; and, second, in 300es B.C. another Paerisades' son, Satyrus II, who became the king after his father's death but soon perished in a civil war, was also buried there.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.381-410

М. Ю. Трейстер
(Германский археологический институт, г. Берлин)

Диадема из кургана Хохлач. Размышления о центре изготовления[1]

Введение.

Золотые диадемы со вставками из цветных камней и стекла первых веков н. э. чрезвычайно редки [*Трейстер* 2007а, 58–59]. Особого внимания заслуживает находка такой диадемы в сарматском погребении кургана Хохлач в Новочеркасске на Нижнем Дону (рис. 1) [*Трейстер* 2007а, 58–59; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 135, № В45.11 с лит., табл. 59, рис. 34; *Засецкая* 2011, 21–81, ил. 3–19; 258–259, № 1–1а с лит.; 2019, 40, 59, 62, 66, 69–70, 89, 93, 109–110, 125–129, 135, № 1 с лит., табл. I–II]. Уникальный декор диадемы представляет собой комбинацию типично эллинистических элементов с элементами, характерными для сарматского искусства [*Трейстер* 2007а, 58–59; *Засецкая* 2011, 80–81], например, фигурками птиц [*Засецкая* 2011, 40, ил. 14; 66–71, илл. 32; 2019, 92–94, ил. 30, *б–в*], оленей и козлов [*Мордвинцева* 2003, 33–34; 2007, 210–211; *Засецкая* 2011, 43–46, ил. 18; 209, ил. 107; 2019, 89, 92]. В конструкции диадемы использованы редкие для ювелирного дела античного времени приемы, в частности, крепление дополнительных элементов декора – золотых кастов со вставками, с петлями на обороте в прорезях пластины, которые фиксировались на оборотной стороне при помощи проволочек [*Засецкая* 2011, 36–39, ил. 12–13]. В рамках небольшой статьи невозможно подробно рассмотреть все элементы диадемы, их смысловую нагрузку и культурно-историческую атрибуцию, тем более что очень подробный и прекрасно иллюстрированный очерк, посвященный диадеме, содержится в монографической публикации кургана Хохлач [*Засецкая* 2011, 21–81, ил. 3–19; 258–259, № 1–1а с лит.]. Поэтому я рассмотрю лишь те конструктивные особенности и элементы декора диадемы, которые имеют принципиальное значение для определения особенностей ее создания и центра ее изготовления.

[1] Представленная публикация частично выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15–1). Партнер проекта с российской стороны – Б. А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную возможность работать в экспозиции и фондах музеев: Н. В. Хабаровой†, А. В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), И. П. Засецкой, Е. Ф. Корольковой, С. В. Воронятову (Санкт-Петербург, Гос. Эрмитаж), К. Б. Фирсову (Москва, ГИМ).



Рис. 1. Курган Хохлач. Диадема. Общие виды. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/2 (по: *Засецкая* 2011, 20, ил. 3; 28, ил. 7. *1*)

1. Конструкция диадемы.

Сама основа диадемы в виде двух, сужающихся к концам, элементов – по краям и одного, прямоугольной формы, – в центре, на шарнирном соединении, имеет явно позднеэллинистические прототипы (рис. 1). Каждый из трех элементов основы диадемы представляют собой конструкцию из верхних, нижних и узких торцевых пластин с полостью внутри, заполненной черной смолистой массой [*Засецкая* 2001, 28–32, ил. 7–9]. Подобную двух- или трехчастную конструкцию имеют браслеты II в. до н. э. – I в. н. э.: из Палеокастро в Фессалии, из Ольвии, из Бори в Грузии, браслет, предположительно происходящий из Крыма, а также находка из сарматского погребения в Тузлуках, в Нижнем Подонье [*Treister* 2002a, 23–38; 2002b, 358–371; *Трейстер* 2007а, 142–144, 148–149]. Чем были заполнены полости у указанных выше браслетов мне не известно, однако, предполагать, что черный цвет смолистой массы заполнения основы диадемы из Хохлача указывает на ее восточное (азиатское) происхождение, как это делает И. П. Засецкая [*Засецкая* 2011, 80; ср. *Засецкая* 2019, 70–71], на мой взгляд, не обоснованно, тем более что автор отмечает наличие подобного заполнения черного цвета и в диадеме из Артюховского кургана [*Засецкая* 2011, 81; 2019, 126], которая является очевидным образцом эллинистического ювелирного искусства [*Максимова* 1965, 23–27, рис. 8–9; 1979, 25, цв. табл.; 45–48, рис. 6–7; *Pfrommer* 1990, 52–53; 72–73, 309, HK 99 с лит., Taf. 29, *32*; *Despini* 1996, 79, fig. 40; 217–218*; Трейстер* 2007а, 57; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 135, № A6.6 с лит., табл. 78; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 174, № 154; *Калашник* 2014, 250–251].

2. Золотые касты со вставками.

Диадема украшена кастами округлой, овальной и прямоугольной формы со вставками из граната и стекла различного цвета. Касты (четыре – на центральной пластине, четыре и три – на боковых), имели на оборотной стороне припаянные пластинчатые петли, две или четыре, которые вставлялись в прорези на пластинах и фиксировались на оборотной стороне при помощи проволочек (рис. 2. *1*) [*Засецкая* 2011, 36–39, ил. 12–13]. Касты округлой и овальной формы со вставками кабошонов, подобные кастам хохлачской диадемы, применялись в ювелирном деле довольно часто, получив распространение прежде всего в конце II–I в. до н. э. [*Treister* 2002a, 31–37; *Трейстер* 2007в, 273–275]. Касты прямоугольной формы с плоскими вставками, напротив, использовались редко, хотя как будто-бы появились еще в III в. до н. э., судя по касту со вставкой красного цвета, украшающему венок с Галиполийского полуострова [*Meriçboyu* 2001, 183, fig. 2], в Северном Причерноморье представлены лишь двумя экземплярами, в обоих случаях центральными медальонами ожерелий со вставками: из лазурита – в парфянском ожерелье из кургана № 14/1978 Сладковского могильника [*Cat. Tokyo* 1991, 110, no. 129; *Kat. Zürich* 1993, 262, Nr. 138; *Cat. Daoulas* 1995, 96–97, no. 121; *Cat. Paris* 2001, 242–243, no. 279; *Мордвинцева* 2003, № 75, рис. 30; *Treister* 2004a, 193, fig. 2. *6*; 212, no. 18; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 79, № A249.1 с лит., табл. 39, 78, рис. 41; *Трейстер* 2007а, 85, 166–167; 2018а, 129–131, рис. 13. *1*; *Кат. Ст. Петербург*



Рис. 2. Курган Хохлач. Диадема. Касты и подвески. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/2
(по: *Засецкая* 2011, 38–39, ил. 12, 13; 42, ил. 16. в–г)

2008, 138, № 53; *Kat. Leoben* 2009, 262–263, Nr. 114; *Засецкая* 2019, 68, 80, 81, 142, № 20, табл. XIV] и зеленого стекла (как и на диадеме из Хохлача) – из погребения № 1 кургана № 3/1982 у с. Барановка (рис. 3) [*Сергацков* 2000, 24, рис. 22. *10*; 143; *Мордвинцева, Хабарова* 2006, 77, № 12; *Трейстер* 2007а, 85; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 11, № A10.1, табл. 22, рис. 25].

Прямоугольный каст с плоской вставкой коричневого цвета, предположительно, керамики, украшает наряду с другими кастами овальной формы золотой браслет из гробницы V в Тилля-тепе [*Sarianidi* 1985, 160–161, Taf. 102–103; 252, Nr. 5.1; *Kat. Bonn* 2010, 212–213, Nr. 127], однако сами касты имеют другую конструкцию и оформлены по краю рядами крупной зерни, в отличие от упомянутых выше кастов из Восточного Средиземноморья и Северного Причерноморья.

Для этого же времени характерно сочетание во вставках красного и зеленого цветов, их оттенков и совместное использование прямоугольных, овальных и круглых кастов. Очевидно, что для украшения хохлачской диадемы были использованы дешевые имитации кастов со вставками изумрудов и гранатов, известные по многим ювелирным изделиям из Фессалии, Македонии, Малой Азии, островов Эгейского моря и Египта [см. подробно: *Treister* 2002а, 31–35; *Трейстер* 2007в, 272–273, 281–282]. Рядом с высококачественной камеей из аметиста они выглядят дешевыми элементами, однако, вероятно ни мастера, которого интересовала, скорее всего, в первую очередь, цветовая гамма, ни заказчика диадемы, это не беспокоило. В качестве альтернативного объяснения, учитывая тот факт, что в одном из овальных кастов по сторонам от бюста находится вставка из граната [*Засецкая* 2011, 21], можно предположить, что изначально касты диадемы, были украшены вставками из цветных камней, которые в процессе использования и возможной утраты могли заменяться стеклянными вставками аналогичных цветов.

За исключением кастов диадемы из Хохлача в кочевнических погребениях мне известен лишь один пример каста с припаянной в центральной части оборотной стороны парой петель, позволяющий предполагать аналогичное использование каста, а именно его крепление на металлическую основу (в отличие от кастов с петлями по горизонтальной оси или шарнирами сбоку, которые использовались как элементы ожерелий) – прямоугольный золотой каст с парой петель и утраченной вставкой происходит из ограбленного погребения в кургане № 1/1901 у ст. Казанской [*Гущина, Засецкая* 1994, 41, № 3, табл. I], которое относят к группе погребений I – первой половины II в. н. э. [*Гущина, Засецкая* 1994, 37]. В то же время в некоторых погребениях некрополя Пантикапея первой половины I в. н. э. в районе головы погребенных были найдены группы из 2–5 небольших кастов овальной или каплевидной формы, реже – в форме лунницы со вставками граната или стекла [*Трейстер* 2007а, 59–60; *Мордвинцева*, *Трейстер* 2007, т. 2, 65, № A208.1; 66, № A209.1; 69, № A221.1, табл. 36–37]. На обороте таких кастов припаяны одна, две или три петли. Сами касты в ряде случаев были связаны В. В. Шкорпилом – с головным убором погребенных [*Шкорпил* 1909, 8]. Поскольку в этих неограбленных погребениях никаких металлических основ для крепления кастов найдено не было, есть основания полагать, что петли могли использоваться для крепления на толстую основу из кожи или других органических материалов.



Рис. 3. Барановка. Курган № 3/1982. Погребение № 1.
Ожерелье с кастом прямоугольной формы. Волгоград, ВОКМ,
инв. № 20192–20193. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

3. Украшения края пластин нанизанными на проволоку жемчужинами.

Украшение края пластин в виде ряда жемчужин, нанизанных на тонкую проволочку и перемежающихся золотыми пронизями в форме катушек (рис. 4. *1*, *4*), – декоративный прием, который получил распространение в ювелирном искусстве в эллинистическую эпоху и использовался для украшения диадем, поясных пластин, браслетов, преимущественно II–I вв. до н. э., найденных на территории Македонии, Фессалии, Северного и Северо-Восточного Причерноморья [см. подробно: *Treister* 2002a, 30–31; *Трейстер* 2007a, 58–59, 148]. Вероятнее всего, использовали этот прием и ювелиры Северного Причерноморья в I в. н. э., о чем могут косвенно свидетельствовать находки браслетов из Ольвии, хранящихся в Балтиморе [*Treister* 2002a, 17–68 с лит.], а также из комплекса, найденного предположительно на территории Крыма [*Treister* 2002b, 368–369], и из погребения в Тузлуках на Нижнем Дону [*Bespaly* 1986, 75, no. 1, pl. 60. *1*; *Cat. Tokyo* 1991, 86, no. 81; *Kat. Zürich* 1993, 272, Nr. 145; *Cat. Daoulas* 1995, 94, no. 118; *Cat. Paris* 2001, 181, no. 200; *Kat. Frankfurt* 2003, 122, Nr. 87; *Трейстер* 2007a, 149].

4. Амфоровидные подвески.

Хотя точные аналогии полым амфоровидным подвескам диадемы (рис. 2. *2*) мне не известны, их орнаментация в виде расположенных под углом к вертикальной оси косых рельефных валиков [*Засецкая* 2011, 42–43, ил. 16. в–г] находит аналогии на золотых бусах ожерелий I–II вв. н.э., часть из которых происходит из Керчи [*Greifenhagen* 1975, 23–24, Taf. 15. *2–4*; 16. *3*; *Ondřejová* 1975, 65–66, nos. 41–42, pl. VI. *5, 6*; *Трейстер* 2007a, 78, прим. 227]. При этом сама структура подвесок с наличием промежуточного элемента в виде бляшки в форме контурной розетты восходит к богато украшенным зернью, филигранью и вставками эмали зерновидным и амфоровидным подвескам, а также подвескам в форме буковых орешков ожерелий, подвесок и серег IV – начала III в. до н. э., получившим распространение как в Малой Азии, Македонии, так и на Боспоре[2] [о них см.: *Трейстер* 2008, 113–115]. Амфоровидные подвески I в. до н. э. – I в. н. э. выглядели иначе и очень часто припаивались снизу к рубчатым пронизям [Трейстер 2007a, 67; Мордвинцева и др. 2010, 28, тип 3, рис. 32]. Соответственно, подвески диадемы можно рассматривать как изделия I в. н. э., но ориентирующиеся на позднеклассические-раннеэллинистические прототипы.

5. Центральный элемент диадемы – бюст богини.

Аметистовая камея (1,7×1,3 см) в виде головы богини, украшенная золотой диадемой со вставкой овального граната в оправе с зубчатым краем (рис. 4; 5. *1*) и датированная О. Я. Неверовым без каких-либо комментариев по этому поводу I в. н. э. [*Неверов* 1988, 176, № 475; *Засецкая* 2011, 33–36, ил. 10, 11], и в новейшей работе по скульптурным изображениям эллинистического и римского времени из драгоценных материалов

[2] В качестве примеров, см. Калашник 2014, 116–117, 136–145, 150–151, 164–171, 186–187, 196–199, 206–207.



Рис. 4. Курган Хохлач. Диадема. Детали. Бюст богини.
Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/2 (по: *Засецкая* 2011, 34–35, ил. 10)



1



2



3



4

Рис. 5. Бюст из аметиста диадемы из кургана Хохлач и аналогии. *1* – Курган Хохлач. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/2 (по: *Засецкая* 2011, 36, ил. 11. *1*а); *2* – сетка для волос с медальоном из коллекции Е. Стататос, деталь. Афины, Национальный музей, инв. ΣΤ 369 (по: *Amandry* 1953, pl. XXXVIII); *3* – матрица из клада в Гальюбе. Хильдесхайм, Музей Рёмера и Пелициуса, инв. № 2276 (по: *Miller* 1979, pl. 21c); *4* – серебряный медальон на бронзовой основе, Геркаланум. Неаполь, Нац. Археологический музей, инв. № 25493 (по: *Stefanelli* 1991, 15, tav. 18)

отнесена к одиночным изображеням богинь (под вопросом и без датировки) [*Gagetti* 2006, 395, no. G174 с библиографией; 519, № 38, tav. LXII], а И. П. Засецкая [2011, 33] определяет ее как «бюст знатной женщины».

И. П. Засецкая справедливо указывает на то, что золотые ювелирные изделия со вставками в виде женских головок, вырезанных из камня, появляются не позднее III в. до н. э., будучи представлены двумя золотыми перстнями с изображением бюстов Афины из некрополя Пантикапея со вставками лица, вырезанными из граната [*Засецкая* 2011, 65]. Перстни происходят из богатого женского погребения в IV плитовой гробницы в кургане за Карантинным шоссе, раскопанном А. Б. Ашиком в 1838 г. и датирующимся началом III в. до н. э. [*Hackens*, *Lévy* 1965, 539; *Axmann* 1986, 40–41, 222–223, Nr. 34A–B, Taf. 3. *2*; *Неверов* 1988, 40, № 11, 12; *Kat. Zürich* 1993, 238, Nr. 125; *Kat. Bonn* 1997, 154, Nr. 64; *Cat. Amsterdam* 2004, 111, fig. 73; Gagetti 2006, pl. LXXVI. 6; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 172, № 150 с лит.; *Cat. Malibu* 2007, 170, no. 73; *Засецкая* 2011, 65, ил. 31; *Калашник* 2014, 218–219]. Вне внимания исследовательнцы осталась более близкая по времени круглая брошь с изображением бюста Афродиты, со вставкой лица и шеи из граната (рис. 6. *1*) [*Hackens, Lévy* 1965, 537–541, no. II, pl. XIX. a–d; *Axmann* 1986, 84–85, 205–206, Nr. 25, Taf. 6. *2*; *Zafeiropoulou* 1998, 294, no. 252; *Hadjidakis* 2003, 241, no. 351; 431], из клада, найденного на о. Делос в 1964 г. Этот клад, найденный «в квартале ювелиров», состоящий из ювелирных изделий и монет, достаточно надежно датируется ок. 122 или 88 г. до н. э. [*Hackens, Lévy* 1965, 533–534].

На мой взгляд, бюст, украшающий диадему из Хохлача, находит близкую аналогию в халцедоновой головке из Музея Барбье-Мюллера (рис. 6. *2*), которая атрибутирована как александрийская работа ок. 120–80 гг. до н. э. [*Zimmermann* 1990, 144, fig. 43; *Cat. Geneve* 2008, 370 (ил.), 502]. Близок по стилю также халцедоновый бюст, хранящийся в Вене (рис. 6. *3*–*4*), с египетскими элементами прически, датировавшийся ранее серединой I в. н. э. [*Oberleitner* 1985, 60, Abb. 58; https://www.khm.at/objektdb/detail/71625/], и определенный Э. Гагетти как портрет Арсинои II, т. е. изделие первой трети III в. до н. э. [*Gagetti* 2006, 135–136, 158–159, no. B1 с лит., tav. II]. Таким образом, нельзя исключать, что камея, вмонтированная в диадему из Хохлача, является изделием позднеэллиинстического времени, вероятно еще второй половины – конца II в. до н. э., не исключено, что и птолемееевского круга[3], хотя камеи в виде женских головок и бюстов из аметиста и халцедона были характерны и для раннеимператорского времени [*Lapatin* 2015, pls. 139, 143]. О вероятном значительном разрыве между временем изготовления камеи и ее использованием в качестве вставки могут косвенно свидетельствовать и следы повреждения камеи, в частности, сколы на носу [ср.: *Засецкая* 2011, 34–35, ил. 10. а, б].

Сам каст (рис. 4. *1*, *4*), в который была вставлена аметистовая камея [*Засецкая* 2011, 33–36, илл. 11], вероятнее всего, относится к тому же времени, что и камея. Во всяком случае, оформление складок бюста с обнаженными плечами в хитоне с V-образным вырезом находит очень близкие параллели на эллинистических золотых и серебряных медальонах с изображением бюста Артемиды из Греции, Фессалии, Македонии,

[3] Аметистовые камеи эллинистического и раннеимператорского времени с фронтальными изображениями женских бюстов [см. также: Vollenweider 1966, 12–16; Spier 1992, 156–157, no. 433]. Об эллинистических камеях в целом и о позднеэллинистических камеях, вероятно изготавливавшихся в Александрии см.: [Plantzos 1996a, 115–131; 1996b, 39–61].



Рис. 6. *1* – брошь из клада, найденного на о. Делос. Делос, Археологический музей, инв. № B.10331 (по: *Hadjidakis* 2003, 241, no. 351); *2* – халцедоновая головка. Женева, Музей Барбье-Мюллера, инв. № 204–9 (по: *Cat. Geneve* 2008, 370); *3, 4* – халцедоновая головка. Вена, Художественно-исторический музей, инв. № AS X26 (по: https://www.khm.at/objektdb/detail/71625/)

Малой Азии и Сирии [см. подробный анализ этих медальонов: Miller 1979, 35–38, pls. 20, 21; см. их сводку: *Трейстер* 2015б, 315]. О том, что такая трактовка хитона появляется не позднее III в. до н. э. свидетельствует серебряный медальон с изображением бюста Артемиды из цистового погребения второй половины III в. до н. э. некрополя Амфиполя [Kotitsa 1996, 128–129, 190, Taf. 49. *1*; Zimi 2011, 95, 118, 273, no. 155]. Очень близка трактовка складок хитона на бюсте Артемиды, украшающем крышку пиксиды или сетку для волос, из Фессалии, ранее в коллекции Е. Стататос, в настоящее время в Национальном музее в Афинах (рис. 5. *2*), датирующемся концом III – началом II в. до н. э. [*Amandry* 1953, 99–105, no. 234, pls. XXXVIII, XXXIX; *Reinsberg* 1980, 79–80; *Axmann* 1986, 48–57, 185–186, Nr. 12, Taf. 4. *1*; *Barr-Sharrar* 1987, 124–125, no. H8, pl. 65]. Впрочем, сопоставима и трактовка складок на серебряном бюсте Артемиды из Геркуланума (рис. 5. *4*), который датируют концом I в. до н. э. – началом I в. н. э. [*Barr-Sharrar* 1987, 152–153, no. H33, pl. 73; *Stefanelli* 1991, 15, tav. 18; 255, no. 21 с лит.]. Такие изображения могли оттискиваться при помощи матриц – бронзовые матрицы с аналогичными рельефными бюстами Артемиды происходят из клада ювелира в Гальюбе (Египет) (рис. 5. *3*) [*Ippel* 1922, 61, Taf. VII, Nr. 65–66; *Miller* 1979, 36, pl. 21c; *Kotitsa* 1996, 129; *Treister* 2001, 259]. На всех этих изображениях за правым плечом богини был представлен колчан, которого нет на касте из Хохлача, а сама богиня обычно представлена с характерной прической типа *Scheitelknotenfrisur*: боковые пряди образуют валик, завязанный узлом на затылке; это сочетается с прядями, образующими две петли с большим узлом в центре на макушке [*Gkikaki* 2011, 321–452; 587–588; *Трейстер* 2015б, 313–315]. И именно такая прическа скрывается на голове хохлачского бюста под кастом со вставкой, о чем свидетельствует фотография, сделанная при реставрации диадемы 1960 г. (рис. 5. *1*) [*Засецкая* 2011, 36, ил. 11. *1*а]. Таким образом, есть все основания предполагать, что изначально аметистовый бюст в оправе из золота изображал не какую-то «знатную женщину», как предполагает И. П. Засецкая [2011, 33], а именно богиню Артемиду.

Отметим тонкий декор, который проявился в прочеканенных вдоль края и складок хитона рядов точек и выполненных в этой же технике, точечными наколами, фигур в форме ромбов с завитками на концах – на правой и левой груди [*Засецкая* 2011, 34–35, ил. 10. а, б], на которые И. П. Засецкая не обращает внимания. Вероятно, точечными наколами изображалась расшивка хитона бляшками или бусами. Во всяком случае, близкую форму изображениям на груди персонажа камеи демонстрируют золотые элементы ожерелья из погребения первой четверти III в. до н. э. в Айгинио, Пиерия в районе Салоник [*Cat. Thessalonike* 1997, 123, no. 116].

С другой стороны, венок из золотых листьев с центральной овальной вставкой гранатового кабошона (рис. 4. *1*), явно является более поздним дополнением, хотя диадемы и погребальные венки со вставками цветных камней были распространены еще в эллинистическую эпоху [*von Hesberg et al.* 2004, 63–82], а касты с зубчатым краем, как каст со вставкой венка на бюсте диадемы из Хохлача, были широко распространены во II–I вв. до н. э. [*Трейстер* 2007б, 275]. О более поздней дате венка говорит не только его более грубое исполнение по сравнению с нижней частью каста. Листья венка в виде узких трилистников переданы очень натуралистично. В отличие от Средиземноморья, где венки в виде тонких узких лент, украшенных такими трилистниками, появляются

еще во II в. до н. э., в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре, венки с трилистниками такой формы получают широкое распространение лишь в I в. н. э., а самый ранний комплекс с такой находкой надежно датируется второй половиной I в. до н. э. [подробно см.: *Трейстер* 2015а, 89–97]. Косвенно это свидетельствует о вероятной датировке бюста Артемиды в оправе временем не позднее середины I в. до н. э. Кроме венка, дополнительно украсившего камею, прическа была, как показала И. П. Засецкая, дополнена длинными локонами или косами [*Засецкая* 2011, 35–36, ил. 10, 62; 2019, 112]. Трудно сказать были ли поздним дополнением помещенные на правом и левом плечах жемчужинки, зафиксированные на вертикальных золотых штырьках с расплющенными вершинами (рис. 4. *1*, *4*), которые, вероятнее всего, должны были изображать броши. Подобным же образом фиксировались и жемчужины по периметру щитков золотых серег второй половины II – начала I в. до н. э. из упомянутого выше клада, найденного на о. Делос (серьги с головками рыси [*Hackens, Lévy* 1965, 548–552, no. IV, pl. XXI; *Pfeiler-Lippitz* 1972, 111–112; *Zafeiropoulou* 1998, 295, no. 257; *Hadjidakis* 2003, 241, no. 353; 431]; серьги с высокими щитками со вставками и подвесками в виде фигурок эрота [*Hackens, Lévy* 1965, 541–547, no. III, pl. XX; *Pfeiler-Lippitz* 1972, 111–112; *Zafeiropoulou* 1998, 295, no. 256; *Hadjidakis* 2003, 241, no. 352; 431; *Jackson* 2006, 186, fig. 7]) и датируемого ок. 70–60 гг. до н. э. кораблекрушения у расположенного между Пелопоннесом и северо-западным побережьем Крита о. Антикитиры [*Jackson* 2010, 181–182, fig. 2. a, b; 3; 192; *Stassinopoulou* 2012, 149–150, no. 119].

6. Фигурка Эрота.

И. П. Засецкая отнесла фигурку Эрота (рис. 7. *1–3*), которая ранее определялась как подвеска [*Rostovtzeff* 1922, 135, pl. XXVI, 5; *Трейстер* 2007а, 104; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 135, № В45.12, табл. 60], к декору диадемы, на основании сообщения в отчете 1864 г. Н. Борисяка, датируя ее, впрочем, без каких-либо аргументов, эллинистическим или раннеримским временем [*Засецкая* 2011, 46, ил. 18: II; 2019, 112, табл. II. *в*]. Нет никаких оснований датировать фигурку из Хохлача и I–II вв. н. э., как это делает также без каких-либо комментариев Р. С. Минасян, относя ее к изделиям «римской мастерской» [*Минасян* 2014, 105, ил. 25. 2][4]. Прежде чем, навешивать подобные ярлыки, исследователю следовало бы попытаться атрибутировать фигурку.

У известных мне подвесок серег в виде фигурок Эрота крепления другие: или стержень с петлей вверху, припаянный к спине фигурке [например, см.: *Jackson* 2006, 39–40, 159–160, pl. 12. *2*, *4*, *6*] (по способу крепления объединены М. Джексон в группу „The Suspension Rod Group"), или, в большинстве случаев, петля, припаянная сзади к голове [например, см.: *Калашник* 2014, 236–237]. Таким образом, остается предположить, что это петли были припаяны позднее специально для того, чтобы приспособить фигурку для диадемы из Хохлача, в которой она была продета, как отмечал Н. Борисяк в 1864 г. на «шпеньке одной из виноградных лоз» [*Засецкая* 2011, 46; 2019, 69, 112]. В пользу последнего предположения свидетельствуют остатки расклепанного

[4] Не говоря уже о том, что II в. н. э. она вообще не может датироваться исходя из датировки кургана, см. ниже.

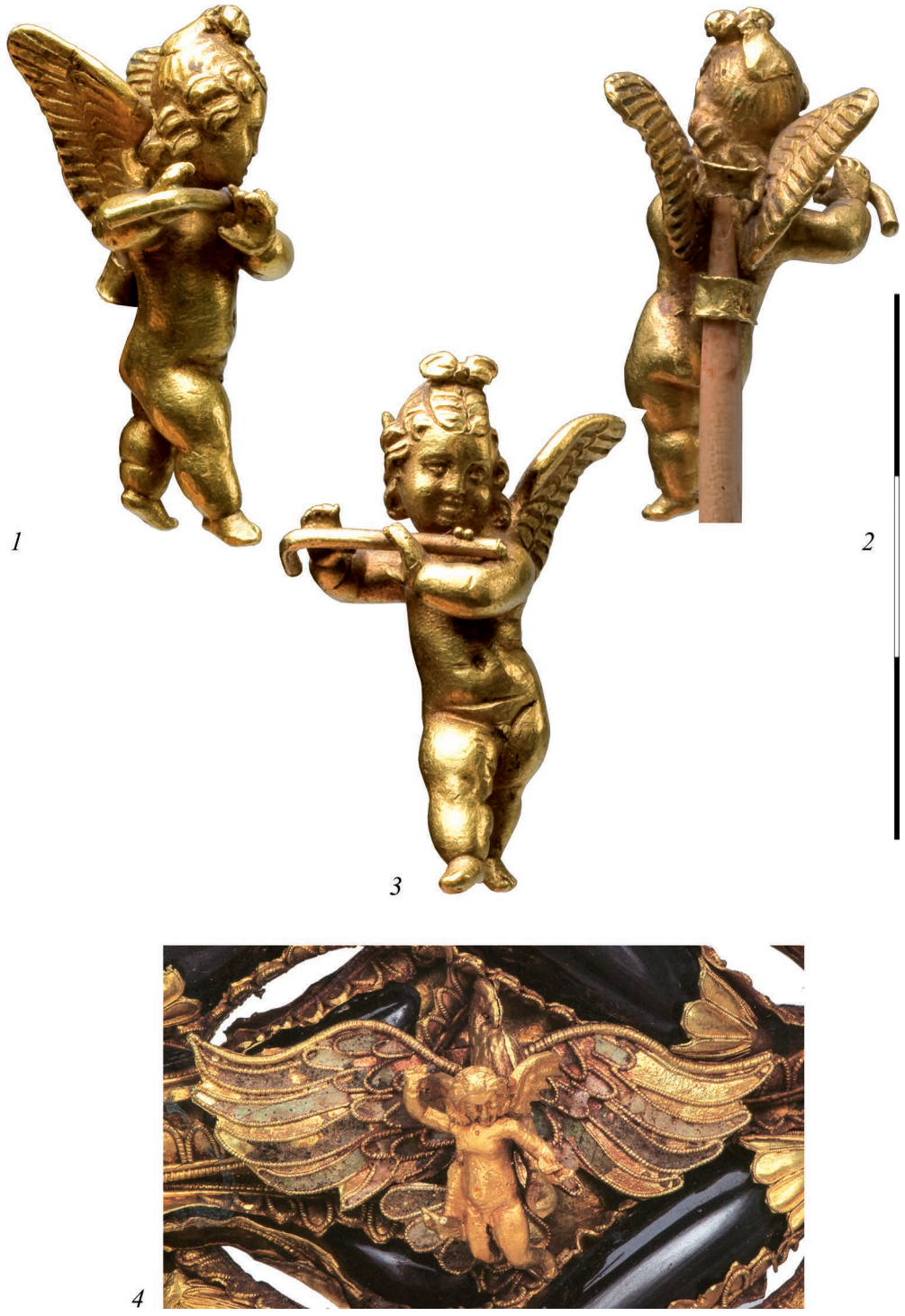


Рис. 7. *1–3* – курган Хохлач. Фигурка Эрота. Общие виды. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/15 (по: *Засецкая* 2011, 46, ил. 18: II); *4* – Артюховский курган, гробница 1. Деталь диадемы. Государственный Эрмитаж, инв. № Арт. 1 (по: *Калашник* 2014, 251)

основания петли на затылке Эрота, хорошо видные на фотографии (рис. 7. *2*) [*Засецкая* 2011, 46, ил. 18: II. a].

Фигурка из Хохлача представляет Эрота, идущего и играющего на флейте, сравнительно редкий вариант изображений Эрота (серьги из Лувра [*Jackson* 2006, 216, pl. 25B, no. 46], Музея ювелирного дела в Пфорцхайме [*Jackson* 2006, 172, pl. 16, no. 7]). Среди многочисленных изображений Эротов в эллинистическом ювелирном искусстве, значительно чаще встречаются Эроты, играющие на двойной флейте [http://www.mfa.org/collections/object/ring-with-eros-playing-a-double-flute-180733] или кифаре [*Jackson* 2006, 39]. Стилистически изображение близко подвескам серег II–I вв. до н. э., которые объединены М. Джексон в группы „The Isis Crown Group" [*Jackson* 2006, 24–25, 171–173, pl. 16] и „The Attis/Musician Group" [*Jackson* 2006, 24–25, 174–177, pl. 17. a, b]. Есть все основания рассматривать фигурку из Хохлача как подвеску серьги позднеэллинистического времени.

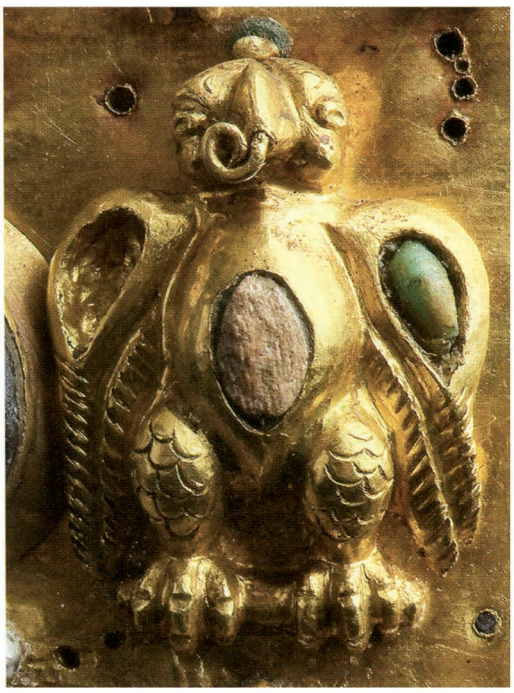
7. Фигурки птиц.

Объемные фигурки птиц с филигранными кастами для вставок из пасты на крыльях, помещенных по верхнему краю диадемы (рис. 8. *1*), относятся, по мнению И. П. Засецкой, к элементам античного ювелирного стиля диадемы [*Засецкая* 2011, 41, ил. 15; 60; 2019, 93, 94, ил. 30. в; табл. II. б]. Действительно, оформление кастов отличает их от фигурок оленей, располагавшихся между ними, однако, общий облик птиц довольно варваризованный и его можно скорее сопоставить с фигурками птиц, украшавших серебряные сосуды: чаши из Жутово [*Мордвинцева* 2000, 146–148, рис. 2. *1*, *2*; *Cat. Rome* 2005, 164–165, nos. 139, 140; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 30, № A72.6–8 с лит.; *Засецкая* 2011, 186–191; 2012, 82–90], и особенно (ср. оформление оперения крыльев) крышки кубков из Косики [*Dvornitchenko, Fedorov-Davydov* 1994, 71 (рис. внизу); *Трейстер* 1994, 192, рис. 12; *Cat. Rome* 2005, 143, no. 100; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 41, № A114.5 с лит.] и Усть-Альминского могильника [*Loboda et al.* 2002, 299, Nr. 6; 301, Abb. 4. *1*, *2*; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 91, № A292.2; табл. 42; *Kat. Bonn* 2013, 304, Kat. VII.1.1]. Таким образом, если здесь и проявились традиции эллинистического ювелирного дела, то можно говорить скорее о периферийной причерноморской мастерской.

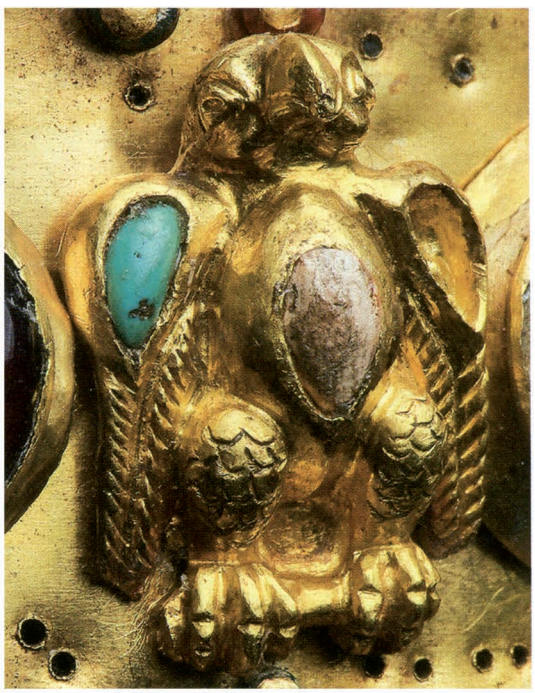
В этом плане, фигурки птиц, украшавшие верхний край диадемы, отличаются от двух изображений птиц, помещенных в центральной части боковых пластин диадем между кастами со вставками (рис. 8. *2*, *3*). Для этих фигурок характерно изображение тулова птиц *en face* в высоком рельефе, со скульптурной моделировкой головки, также развернутой *en face* к зрителю [*Засецкая* 2011, 40, ил. 14; 2019, 92, 94, ил. 30. б]. Конструкция кастов для вставок, их материал (коралл и бирюза) также характерны для произведений так наз. сарматского звериного стиля, значительная часть которых происходит именно из кургана Хохлач [*Мордвинцева* 2007, 233–237; *Трейстер*, в печати]. Сочетание плоскостного изображения тулова со скульптурной головкой – признак, позволяющий сопоставлять эти изображения с находками из Ирана – четыре подобных по рещению накладки, изображающие орлиноголового грифона с зайцем (или копытным?) в лапах,



1



2



3

Рис. 8. Курган Хохлач. Диадема. Фигурки птиц. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2213/2 (по: *Засецкая* 2011, 40–41, ил. 14, 15)

со вставками из бирюзы и лазурита были найдены в составе одного из кладов, попавших в Музей Гетти [*Pfrommer* 1993, 63–64, 202, nos. 81–84; *Мордвинцева* 2003, 60; *Королькова* 2011, 12–13][5]. Упомяну также изображения птиц на бронзовых с позолотой пластинах из Ай-Ханума – это фронтальные изображения, как и на диадеме; отличаются они лишь тем, что головы птиц повернуты в профиль [*Guillaume, Rougeulle* 1987, 52, no. 0959–60, pl. 17. *15*, *16*; *Invernizzi* 1999, 118, 126, figs. 61, 62]. Это, безусловно, более близкие параллели, чем изображения хищных птиц в раннескифском искусстве Северного Причерноморья и Алтая, которые приводятся И. П. Засецкой [*Засецкая* 2011, 70–71], при том, что я не могу не согласиться с критикой И. П. Засецкой предположения В. И. Мордвинцевой о том, что хохлачские птицы и изображения хищных птиц на ножнах кинжала из Горгиппии выполнены по одной схеме и представляют один иконографический тип [*Мордвинцева* 2003, 45; ср.: *Засецкая* 2011, 66–67]. Изображения хищных птиц на диадеме из Хохлача отличаются от изображений орлов, сидящих, как правило, на пучке молний с головой, повернутой в профиль, получивших распространение и в ювелирных изделиях из Северного Причерноморья I в. н. э. [*Трейстер* 2015а, 163–165].

Тот факт, что среди вещей, украшенных вставками из коралла и бирюзы, имеются предметы, относящиеся к различным стилевым группам и возможно изготовленные в разных центрах, как в Центральной Азии, так и в Парфии, а не исключено, что и в Северном Причерноморье, скорее всего, на Боспоре, не дает каких-то однозначных указаний о центре их изготовления. Очевидно, учитывая хронологию вещей, которые в Северном Причерноморье происходят из комплексов не ранее I в. н. э., что эта традиция пришла на Боспор с Востока [*Трейстер* в печати].

Высказываясь о возможности боспорского изготовления части этих вещей, я, прежде всего, имею в виде кубок из разрушенного погребения у ст. Мигулинской на Дону с надписью мастера и заказчика (рис. 9. *2*) [*Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 123–124, № В24.1 с лит., табл. 20, 54, рис. 16, 46; *Засецкая* 2015, 171–183, ил. 1; 2. в; 3. б; 7. в; 2019, 50, 154, № 51 с лит., табл. XXI. 6]. Не вижу никаких оснований, почему следует считать, что фракийский мастер (по поводу атрибуции имени вопросов не возникает [*Тохтасьев* 2015, 893–894]) изготовил этот кубок «в одном из античных центров Востока, в том числе и в Бактрии» как считает И. П. Засецкая [*Засецкая* 2015, 182; 2019, 128], особенно учитывая распространение имени Тарула в боспорских надписях I–II вв. н. э. [*Тохтасьев* 2015, 893–894].

Не очень понятно, что именно вкладывает в понятие «Бактрия» И. П. Засецкая. Если Греко-Бактрийское царство, в котором можно было бы представить работу приезжих с Запада мастеров[6], то, оно, как хорошо известно, пало под давлением кочевников задолго до того (еще ок. 145 г. до н. э.) [например, см.: *Rapin* 2007, 48–50], как этот кубок в принципе мог появиться, если исходить из его стилистического анализа и особенностей

[5] Ср. композицию с орлом с добычей в когтях на парфянских золотых ажурных пряжках (I в. до н. э. – I в. н. э.) в Британском музее [*Collon* 1995, fig. 160 (вверху); *Curtis* 2001, 306, 327, pl. XIV, b; *Rahbar et al*. 2014, 301, 313, pl. 2. *3*] и Музее Метрополитен [*Ghirshman* 1962, 100, fig. 112 (вверху); *Cat. New York* 2000, 124–125, no. 95; 208], предположительно происходящих из гробницы, открытой в 1910–1911 в районе Нихавенда в Ирана [*Herzfeld* 1928, 21–27; *Rahbar et al*. 2014, 301].

[6] См., в частности, происходящий предположительно из Афганистана (?) золотой спиральный браслет с надписью мастера Местора, датирующийся II в. до н. э. [*Bernard, Bopearachchi* 2002, 240–246, figs. 4–9]. О надписи – [там же, 246–261].



Рис. 9. *1* – обкладка ножен меча окрестностей Старой Загоры. Стара Загора, Окружной исторический музей, инв. № 2 С3 133/1; *2* – кубок из ст. Мигулинской. Разрушенное погребение. Случайная находка, 1864 г. Кубок. Москва, ГИМ, инв. 53072. Б 229/1. Фото М. Камишевой (1), ГИМ (2)

надписи. Если имеется в виду более поздняя Бактрия под властью юэчжей, то представить работу фракийского мастера здесь еще сложнее, практически невозможно, несмотря на отдельные западные вещи, найденные в Тилля-тепе, и определенные реминисценции эллинистических образов (наряду с индийскими, кочевническими центрально-азиатскими и южносибирскими, а также китайскими) в ювелирных изделиях, явно изготовленных местными мастерами [*Hickman* 2012, 78–87; *Francfort* 2012, 88–101; *Boardman* 2012, 102–111; 2015, 109–115]. Кстати, я никогда не писал, что кубок из Мигулинской, как утверждает это И.П. Засецкая [*Засецкая* 2015, 177], был изготовлен именно в Центральной Азии, высказывая лишь распространенное мнение об одном из возможных центров появления формы круглодонного кубка с зооморфной ручкой (vessel-form!), совершенно не исключая изготовление данного конкретного кубка в Северном Причерноморье, соответственно и на Боспоре [*Treister* 2004b, 138; *Трейстер* 2007a, 193] и приводя анализ распространения имени Тарула, которое засвидетельствовано кроме Боспора, в Пропонтийской Фракии, Фессалии и Этолии, но никак ни в Малой Азии, а уж тем более Бактрии [*Treister* 2004b, 138; *Cuvigny* 2004, 192; *Трейстер* 2007a, 193]. К точке зрения об изготовлении кубка «боспорским мастером, имеющим фракийские корни» для сарматского заказчика, возможно царя, пришел в результате анализа надписи и С.Р. Тохтасьев [*Тохтасьев* 2015, 894]. К аналогичному выводу приходят и другие исследователи [*Dana et al.* 2016, 62–63; *Белоусов* 2016, 249, № 4.4].

Заключение. Где же бы сделана диадема?

В целом хохлачская диадема может быть охарактеризована как изделие I в. н. э., вероятнее всего, его второй половины, рассчитанное на вкусы клиента-кочевника, выполненная со вторичным использованием, в том числе с переделкой и дополнениями, «антикварных» элементов позднеэллинистических украшений (камея, фигурка Эрота, касты). В пользу датировки изготовления диадемы I в. н. э. свидетельствует и касты прямоугольной формы, и оформление амфоровидных подвесок, подробо рассмотренные мною выше. Диадема какое-то время использовалась, о чем с видетельствуют не только утраты отдельных композиций с мировым древом, закрепленных по верхнему краю [ср. реконструкцию: *Засецкая* 2011, 26, ил. 5], но и многочисленные отверстия на лицевой стороне пластин, в которых изначально должны были быть закреплены декоративные элементы. В свое время я предположил, что мастерская в которой была изготовлена диадема, находилась в Северном Причерноморье [*Трейстер* 2007a, 59]. К аналогичному выводу пришла и В.И. Мордвинцева, относящая диадему из Хохлача к шестой стилистической группе ювелирных украшений с элементами звериного стиля или произведениям «причерноморского (в работе 2003 г. – боспорского) полихромного стиля» [*Мордвинцева* 2003, 80; 2007, 239].

И.П. Засецкая, отмечавшая смешение художественных стилей в декоративном оформлении диадемы, в частности «греческого ювелирного стиля классического и эллинистического периодов», с элементами «полихромного греко-восточного стиля римской эпохи, зооморфными изображениями сарматского искусства и композицией, восходящей « к культуре иранского круга», не дает однозначного ответа на вопрос, где

могла быть сделана диадема, не исключая возможности ее изготовления, как на Боспоре, так и «в одном из центров Малой Азии, в частности в Сирии (Сирию, безусловно, нельзя относить к Малой Азии. – *М. Т.*), или даже еще восточнее, например, в Парфии» [*Засецкая* 2011, 81; 2019, 125–129].

В работе 2019 г. И. П. Засецкая склоняется к тому, что создателем диадемы был все-таки был греческий мастер, но работать он мог, в указанных выше частях света, т. е. в Малой Азии, Сирии, или Бактрии (вместо Парфии, как в публикации 2011 г.), при этом в очередной раз приписывая мне то, что я никогда не утверждал, а именно, изготовление предметов для кочевников «сарматскими торевтами, организованными в специальные мастерские» [*Засецкая* 2019, 128]. Я действительно высказывал гипотезу о возможности изготовления сарматским мастером Ампасалаком серебряных сосудов, найденных в погребении в Косики, на основании надписи с именем мастера на одном из сосудов, и атрибуции имени, предложенной Ю. Г. Виноградовым, но никогда не возводил это на уровень обобщений и уж тем более не писал о специальных сарматских мастерских [*Виноградов* 1994, 155, 158; *Трейстер* 1994, 199–202].

Мне в принципе не очень понятна негативная реакция сарматологов на возможность существования кочевников-торевтов [например, ср.: *Скрипкин* 1996, 157=2010, 174–175]. В нашем распоряжении, в лучшем случае, имеются надписи с указанием имен мастеров, и что поделаешь, если это не-греческие имена? В этом контексте важен и вывод, к которому пришел С. Р. Тохтасьев, анализируя прочерченное на золотых обкладках мечей IV в. до н. э. из курганов Куль-Оба и у дер. Великая Белозерка имя мастера Ποριναχο, рассматривая их «как свидетельства того, что по меньшей мере в 1-й пол. IV в. до н. э. на Боспоре трудились торевты негреческого, по-видимому, скифского происхождения, способные создавать шедевры греческого искусства, предназначенные, однако, для скифской верхушки, вполне способной оценить их по достоинству» [*Тохтасьев* 2015, 893; *Белоусов* 2016, 249, № 4.3]. Отметим, что в греческих надписях на сосудах и оружии мы также встречаем фракийские имена торевтов. В одном случае (Севт из Пайгары) мастер мог работать действительно во Фракии, где и был (в районе Старой Загоры) найден датирующийся второй половиной I в. н. э. меч с надписью на ножнах (рис. 9. *1*) [*Dana et al.* 2016, 60–64 с библиографией в прим. 4–6 на стр. 61–62]. В случае с Тарулом надписи на сосуде из Мигулинской (рис. 9. *2*), как было показано выше, есть основание полагать его работу на Боспоре. Ремесленники, и в том числе торевты и ювелиры, были мобильны в древности, это хорошо известно и не требует доказательств, а вот этническое определение мастера диадемы из Хохлача, на которой мастер не оставил надписи со своим именем – крайне рискованное и ни на чем не основанное предположение.

Недавно в пользу возможности восточного изготовления диадемы из Хохлача выступил А. С. Скрипкин, который считает, что изображения птиц, помещенных стоящими и по краю диадемы, и фронтальные изображения по сторонам бюста богини – это изображения воронов, священных птиц усуней. А поскольку автор гипотезы исходит из того, что погребенная в кургане Хохлач является представительницей аланов, в состав которых могли войти усуни, он приходит к следующему выводу: «Поскольку диадема явно изготовлялась по заказу кочевнической знати, то в ее оформлении могли найти отражение мифологические предания заказчиков, в частности той усуньской

группировки, которая могла войти в состав аланского объединения» [*Скрипкин* 2016, 214], при этом предполагается, что диадема, возможно, была изготовлена «в тех же центрах, в которых были изготовлены ювелирные вещи из погребений Тилля-тепе». Такая реконструкция, при которой атрибуция памятника выводится на основании предполагаемых этнических и исторических реконструкций, на мой взгляд, не заслуживает того, чтобы ее комментировать[7]. Ни конструкция пластин основы диадемы и их соединение, ни оформление их краев рядами жемчужин, ни конструкция кастов и подвесок с розеттами и амфорками, ни другие важные разобранные выше особенности диадемы из Хохлача не дают оснований для предположения о ее изготовлении мастерами, изготовившими ювелирные украшения, найденные в Тилля-тепе.

Если исходить из того, что диадема была изготовлена в I в. н. э., и изготовлена она была по заказу представителя ираноязычных кочевников, в чем наши мнения с И. П. Засецкой совпадают [ср.: *Трейстер* 2007а, 59; *Засецкая* 2011, 81], то мне довольно трудно предположить возможность такого контакта при заказе диадемы в Сирии, если исходить из необходимости непосредственного контакта мастера и заказчика. Что касается Парфии, как возможного центра изготовления диадемы, то это безусловно, более вероятное место, чем Сирия или Малая Азия, учитывая довольно многочисленные контакты номадов с Парфией, которые нашли отражение как в письменных, так и в археологических источниках [*Treister* 2017, 151–160; *Трейстер* 2018а, 118–210]. Наши сведения о ювелирных изделиях Парфии довольно отрывочны и представлены преимущественно предметами без известного происхождения или изображениями ювелирных изделий на скульптурах [см., например: *Musche* 1988, 7–288]. Тем не менее, ювелирные изделия предположительно парфянского происхождения, найденные в погребениях кочевников Сарматии, представлены в основном мелкими изделиями, как правило, серьгами [*Трейстер* 2018а, 130–131, рис. 15; 16. *1*, *2*]. К крупноформатным – относится ожерелье из кургана № 14/1978 Сладковского могильника [*Cat. Tokyo* 1991, 110, no. 129; *Kat. Zürich* 1993, 262, Nr. 138; *Cat. Daoulas* 1995, 96–97, no. 121; *Cat. Paris* 2001, 242–243, no. 279; *Мордвинцева* 2003, № 75, рис. 30; *Treister* 2004a, 193, fig. 2. *6*; 212, no. 18; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 79, № А249.1 с лит., табл. 39, 78, рис. 41; *Трейстер* 2007а, 85, 166–167; 2018а, 129–131, рис. 13, *1*; *Кат. Ст. Петербург* 2008, 138, № 53; *Kat. Leoben* 2009, 262–263, Nr. 114; *Засецкая* 2019, 68, 80, 81, 142, № 20, табл. XIV]. Нет никаких свидетельств того, что в ювелирных изделиях парфянского происхождения использовались разнородные стилистические элементы или части антикварных украшений.

Напротив, именно эти особенности характеризуют ювелирные изделия и произведения торевтики из Северного Причерноморья [*Трейстер* 2007а, 172–173], в связи с чем, я считаю эту опцию более вероятной, чем малоазийскую. Замечательную привязку в этом плане представляют собой фалары (рис. 10) [*Cat. Tokyo* 1991, 105, no. 112; *Беспалый* 1992, 182–183, № 6, рис. 8, 9; *Kat. Zürich* 1993, 258–259, Nr. 136; *Cat. Daoulas* 1995, 70–71, nos. 100, 101; *Cat. Paris* 2001, 209–210, no. 235; *Mordvinceva* 2001, 86–87, Nr. 112, Taf. 56; *Мордвинцева* 2003, 38, 52, 80, 90, № 78, рис. 33; 2007, 223, 231, 237, 239; *Treister* 2004a, 193, fig. 2. *4*; 210, no. 9b;

[7] Упомяну лишь, что и И. П. Засецкая находит проблематичной атрибуцию птиц как воронов, сделанную А. С. Скрипкиным [*Засецкая* 2019, 93].



Рис. 10. Курган у пос. Дачи. Тайник. Фалар. Общий вид и детали. Азов, АИАПМЗ, инв. № КП–23458/33 (по: *Кат. Ст. Петербург* 2008, 101–103)

Трейстер 2007в, 303; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 28, № А67.2, табл. 26, 78, 79, рис. 44; *Кат. Ст. Петербург* 2008, 100–103, № 22; *Kat. Leoben* 2009, 222–225, Nr. 83] из тайника в кургане у пос. Дачи под Азовом, комплекса, который достаточно надежно датируется последней четвертью I в. н. э. [*Беспалый* 1992, 178, 190; *Внуков* 2006, 167; 2016, 41; *Трейстер* 2018а, 153] и является хронологически близким кургану Хохлач, который может быть, в свою очередь датирован этим же [*Трейстер* 2018а, 153] или несколько более поздним временем конца I – начала II в. н. э. [Засецкая 2011, 254].

О том, что эти фалары если и не были изготовлены (хотя В. И. Мордвинцева относит их к изделиям той же стилистической группы, к которой она относит и диадему из Хохлача, т. е. произведениям северопричерноморской [в работе 2003 г. – боспорской] мастерской [*Мордвинцева* 2003, 38, 52, 80, 90, № 78, рис. 33; 2007, 223, 231, 237, 239]), то по крайней мере подверглись ремонту в боспорской мастерской (хотя, на мой взгляд, речь идет с большей вероятностью об изготовлении – никакие следы замены вставок не фиксировались) свидетельствует тот факт, что в качестве вставок в одном из фаларов были использованы три геммы (рис. 10. *2–4*), принадлежащие к изделиям так наз. боспорской камнерезной мастерской и практически неизвестные за пределами Боспора и его ближней периферии [*Трейстер* 2007в, 303; *Абрамзон и др.* 2012, 105; 106; *Abramzon et al.* 2012, 225], а сами фалары украшены фигурками лежащих львов, чрезвачайно близких изображениям на фаянсовых пронизях-плакетках, северопричерноморское (боспорское) происхождение которых весьма вероятно [*Трейстер* 2018б, 20–22]. Об использовании при ремонте ювелирных изделий на Боспоре в несколько более ранее время, во второй половине II в. до н. э., элементов ювелирных изделий, деталей других украшений свидетельствует наблюдение М. И. Максимовой о древней реставрации фигурной композиции на диадеме из Артюховского кургана, при которой утраченная фигурка Ганимеда была довольно грубо заменена фигуркой Эрота (рис. 7. *4*) [*Максимова* 1965, 23–27; 1979, 38, 48; *Калашник* 2014, 250–251].

В рассматриваемый период модификации подвергались и античные серебряные сосуды, которые либо украшались дополнительно изображениями животных, как фиалы из Ново-Александровки, или снабжались зооморфными ручками, как таз из того же комплекса [*Трейстер* 2010, 79–81]. У нас также имеются свидетельства переделки полусферических чаш II в. до н. э., происходящих с территории Ближнего или Среднего Востока, в кубки с одной трехчастной ручкой с горизонтальной пластиной, украшенной завитками. При этом переделка происходила, скорее всего, не ранее середины I в. до н. э. и, вероятно, не позднее первой половины I в. н. э., возможно, в мастерской Танаиса [*Трейстер* 2016, 215–225]. Все эти наблюдения дают весомые основания для локализации мастерской, в которой могла быть изготовлена диадема, найденная в кургане Хохлач, именно на Боспоре. Есть основания предполагать, что хохлачская диадема не являлась единственным произведением этого рода; судя по описаниям со слов очевидцев, близкую конструкцию имела утраченная диадема, найденная вместе с рассмотренным выше кубком, из разрушенного погребения в окрестностях ст. Мигулинской [*Трейстер* 2007а, 59; *Мордвинцева, Трейстер* 2007, т. 2, 124, № В24.4; *Засецкая* 2015, 182].



Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2012. Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 3, 93–146.

Археологическое наследие 2013. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея. Волгоград, 288.

Б*елоусов* А. В. 2016. Epigraphica Pontica. Греческие и латинские надписи Северного Причерноморья // Аристей. XIV, 246–273.

Беспалый Е. И. 1992. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1, 175–190.

В*иноградов* Ю. Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 2, 151–170.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э.– II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб, 320.

Внуков С. Ю. 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2, 36–47.

Г*ущина* И. И., *Засецкая* И. П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 171.

З*асецкая* И. П. 2011. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб, 328.

Засецкая И. П. 2012. К вопросу о месте изготовления серебряных чаш из сарматского комплекса I в. н. э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной (Труды ГИМ. 191). М., 82–90.

Засецкая И. П. 2015. Загадка золотого кубка из разрушенного погребения у ст. Мигулинской // Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы (Труды ГЭ. LXXVII). СПб, 171–183.

Засецкая И. П. 2019. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н. э. – начало II в. н. э.) (Археологические памятники Северного Причерноморья. 1). Симферополь, 184.

К*алашник* Ю. П. 2014. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб, 278.

Кат. Ст. Петербург 2007. Александр Великий. Путь на Восток. СПб, 512.

Кат. Ст. Петербург 2008. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения Б. Б. Пиотровского. Азов, 175.

Королькова Е. Ф. 2011. Конский «эгрет» со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. 69, 5–14.

М*аксимова* М. И. 1965. Миф о похищении Ганимеда в передаче боспорского мастера // КСИА. 103, 23–27.

Максимова М. И. 1979. Артюховский курган. Л., 152.

Минасян Р. С. 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб, 472.

Мордвинцева В. И. 2000. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // РА. 1, 144–153.

Мордвинцева В. И. 2003. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 206.

Мордвинцева В. И. 2007. Сарматский полихромный звериный стиль // Мордвинцева В. И., Трейстер, М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. I. Симферополь–Бонн, 195–244.

Мордвинцева В. И., *Трейстер* М. Ю. 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Т. I–III (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 2). Симферополь–Бонн: I – 308, II – 255, III – 204.

Мордвинцева В. И., *Хабарова* Н. В. 2006. Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Симферополь, 139.

Мордвинцева В. И., *Хачатурова* Е. А., *Юрченко* Т. В. 2010. Сокровища древней Кубани (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 4). Симферополь–Краснодар, 448.

Н*еверов* О. Я. 1988. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Каталог. Л., 225.

С*ергацков* И. В. 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 270.

Скрипкин А. С. 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1, 160–169.

Скрипкин А. С. 2010. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // Скрипкин А. С. Сарматы и Восток. Избранные труды. Волгоград, 159–178.

Скрипкин А. С. 2016. К интерпретации одного из сюжетов на диадеме из кургана Хохлач // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б. А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г. Ростов-на-Дону, 210–214.

Т*охтасьев* С. Р. 2015. Из ономастики Северного Причерноморья XXII: несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX: чтения памяти И. М. Тронского. Материалы международной конф., 22–24 июня 2015 г. СПб, 890–898.

Трейстер М. Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 3, 172–203.

Трейстер М. Ю. 2007а. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь–Бонн, 15–194.

Трейстер М. Ю. 2007б. Типы накладных пластинчатых кастов, форма, материал и цвет вставок // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Т. 1. Симферополь–Бонн, 272–287.

Трейстер М. Ю. 2007в. Вставки гемм (за исключением перстней) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Т. 1. Симферополь–Бонн, 295–305.

Трейстер М. Ю. 2008. Изделия из бронзы, кости и украшения // Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. 3). Симферополь–Бонн, 105–122.

Трейстер М. Ю. 2010. Ремонт, «усовершенствование» инокультурных вещей в скифской и сарматской среде и использование инокультурного орнамента в декоре собственных произведений скифов и сарматов (на примере памятников художественного металла) // АВ. 16, 72–94.

Трейстер М. Ю. 2015а. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории (Фанагория. 2). М., 77–181.

Трейстер М. Ю. 2015б. Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгиппии первых веков н. э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре // ПИФК. 1, 308–337.

Трейстер М. Ю. 2016. Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о переделке антикварных серебряных сосудов для кочевников Азиатской Сарматии) // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конф., посвященной 70-летнему юбилею Б. А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г. Ростов-на-Дону, 215–225.

Трейстер М. Ю. 2018а. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н. э. – III в. н. э.) // МАИАСК. 10, 118–210.

Трейстер М. Ю. 2018б. Фигурные пронизи и подвески из так называемого египетского фаянса в Евразии в I в. до н. э. – III в. н. э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV. Симферополь, 9–49.

Трейстер М. Ю. в печати. Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // ВДИ. 2021.

Ш*корпил* В. В. 1909. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. 30, 1–50.

А*bramzon* M. G., *Treister* M., *Vinokurov* N. I. 2012. Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site // ACSS. 18/2, 207–278.

Amandry P. 1953. Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques. I. Strasbourg, 149.

Axmann U. 1986. Hellenistische Schmuckmedaillons. Inagural-Diss. Berlin, 296.

В*arr-Sharrar* B. 1987. Hellenistic Decorative Busts. Mainz, 188.

Bernard P., *Bopearachchi* O. 2002. Deux bracelets grecs avec inscriptions grecques trouvés dans l'Asie centrale hellénisée // Journal des savants, 237–278.

Bespaly E. I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–84 // Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278). Oxford, 75–78.

Boardman J. 2012. Tillya Tepe: Echoes of Greece and China // Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 102–111.

Boardman J. 2015. The Greeks in Asia. London, 240.

C*at. Amsterdam* 2004. Kalashnik Yu. Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 123.

Cat. Daoulas 1995. Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995. Abbaye de Daoulas, 141.

Cat. Geneve 2008. Le profane et le divin, arts de l'Antiquité. Fleurons du musée Barbier-Mueller. Genève, 542.

Cat. Malibu 2007. Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 307.

Cat. New York 2000. The Year One. Art of the Ancient World. East and West. New York, 220.

Cat. Paris 2001. L'or des Amazones. Paris, 300.

Cat. Rome 2005. I Tesori della steppa di Astrakhan. Milano, 184.

Cat. Thessaloniki 1997. *Greek Jewellery 6000 Years of Tradition.* Thessaloniki. Villa Bianki, 21 December 1997–21 February 1998. Athens, 455.

Cat. Tokyo 1991. The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo, 178.

Collon D. 1995. British Museum. Ancient Near Eastern Art. London, 247.

Curtis V.S. 2001. Parthian Belts and Belt Plaques//IrAnt. XXXVI, 299–327.

Cuvigny H. 2004. Deux pièces d'argenterie hellénistique avec notations pondérales // ZPE. 147, 183–200.

D*ana* D., *Kamiševa* M., *Theodossiev* N. 2016. Une signature d'artisan sur le fourreau d'une épée trouvée près de Béroia de Thrace // ZPE. 199, 60–64.

Despini Ai. 1996. Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens, 292.

Dvornitchenko V.V., *Fedorov-Davydov* G.A. 1994. Trésors des tombes de l'aristocratie sarmate au nord de la Caspienne // Les dossiers d'archéologie. 194, 66–75.

F*rancfort* H.P. 2012. Tillya Tepe and its Connection with the Eurasian Steppe // Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 88–101.

G*agetti* E. 2006. Preziose sculture di età ellenistica e romana (Il Filarete. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università degli Studi di Milano, 240). Milano, 712.

Ghirshman R. 1962. Iran. Parther und Sasaniden. München, 401.

Gkikaki M. 2011. Die weiblichen Frisuren auf den Münzen und in der Großplastik zur Zeit der Klassik und des Hellenismus. Typen und Ikonologie. Inaugural-Dissertation. Würzburg. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opus.bibliothek.uni-wuerzburg.de/frontdoor/index/index/docId/5039

Greifenhagen A. 1975. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. Berlin, 141.

Guillaume O., *Rougeulle* A. 1987. Fouilles d'Ai Khanoum. T. VII. Les petit objets (MDAFA. 31). Paris, 90.

H*ackens* T., *Lévy* E. 1965. Trésor hellénistique trouvé à Délos en 1964 // BCH. 89, 503–566.

Hadjidakis P.J. 2003. Delos. Athens, 455.

Herzfeld E.*B.* 1928. The Hoard of the Karen Pahlavs // Burlington Magazine. 53, 21–27.

Hickman J. 2012. Bactrian Gold: Jewelry Workshop Traditions at Tillya Tepe // Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road (The Metropolitan Museum of Art Symposia). New York, 78–87.

Higgins R.A. 1980. Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. London, 243.

I*nvernizzi* A. 1999. Sculture di metallo da Nisa. Cultura greca e cultura iranica in Partia (Acta Iranica. XXXI). Louvain-la-Neuve, 242.

Ippel A. 1922. Der Bronzefund von Galjûb (Modelle eines hellenistischen Goldschmieds). (Pelizaeus Museum zu Hildesheim, Wissenschaftliche Veröffentlichung. 2). Berlin, 96.

J*ackson* M. M. 2006. Hellenistic Gold Eros Jewellery: Technique, Style and Chronology (BAR International Ser. 1510). Oxford, 240.

Jackson M. M. 2010. New Jewellery Evidence from the Antikythera Shipwreck: A Stylistic and Chronological Analysis // BCH. 134, 177–194.

K*at. Bonn* 1997. Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 267.

Kat. Bonn 2010. Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul. Bonn, 288.

Kat. Bonn 2013. Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn, 460.

Kat. Frankfurt 2003. Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. Frankfurt, 175.

Kat. Leoben 2009. Das Gold der Steppe. Fürstenschätze jenseits des Alexanderreichs. Wien, 318.

Kat. Zürich 1993. Aus den Schatzkammern Eurasiens. Zürich, 336.

Kotitsa Z. 1996. Hellenistische. Tonpyxiden. Untersuchung zweier hellenistischer. Typen einer Keramikform. Mainz, 210.

L*apatin* K. 2015. Luxus: The Sumptuous Arts of Greece and Rome. Malibu, 296.

Loboda I. I., *Puzdrovskij* A. E., *Zajcev* Ju. P. 2002. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia Antiqua. 8, 295–346.

M*eriçboyu* Y. A. 2001. Antikçağ' de Anadolu takilari. Istanbul, 255.

Miller S. 1979. Two Groups of Thessalian Gold. Berkeley, Los Angeles, 78.

Mordvinceva V. I. 2001. Sarmatische Phaleren (Archäologie in Eurasien 11). Rahden, 98.

Musche B. 1988. Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden. Leiden–New York–København–Köln, 350.

O*berleitner* W. 1985. Geschnittene Steine. Die Prunkkameen der Wiener Antikensammlung. Wien–Köln–Graz, 77.

Ondřejová I. 1975. Les bijoux antiques. Prague, 83.

P*frommer* M. 1990. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks (Istanbuler Forschungen. 37). Tübingen, 470.

Pfrommer M. 1993. Metalwork from the Hellenized East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections. Malibu, 252.

Plantzos D. 1996a. Hellenistic Cameos: Problems of Classification and Chronology // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. 41, 115–131.

Plantzos D. 1996b. Ptolemaic Cameos of the Second and First Centuries BC // Oxford Journal of Archaeology. 15/1, 39–61.

R*ahbar* M., *Alibaigi* S., *Haerinck* E., *Overlaet* B. 2014. In Search of the Laodike Temple at Laodikeia in Media/Nahavand, Iran // IrAnt. XLIX, 301–329.

Rapin C. 2007. Nomads and the Shaping of Central Asia: from the Early Iron Age to the Kushan Period // After Alexander: Central Asia before Islam (Proceedings of the British Academy. 133). Oxford, 29–72.

Reinsberg C. 1980. Studien zur hellenistischen Toreutik. Die antiken Gipsabgüsse aus Memphis (Hildesheimer ägyptologische Beiträge. 9). Hildesheim, 355.

Rostovtzeff M. I. 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 260.

S*arianidi* V. I. 1985. Baktrisches Gold. Leningrad, 264.

Spier J. 1992. Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections. The J. Paul Getty Museum. Malibu, 198.

Stassinopoulou E. 2012. The Golden Jewels and the Silver Vases // The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue. Athens 2012, 146–151.

Stefanelli L. P. B. 1991. L'argento dei Romani. Roma, 329.

T*reister* M. 2001. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica. 8). Leiden–Köln–Boston, 617.

Treister M. 2002a. Two Golden Bracelets from Olbia in the Walters Art Gallery // ACSS. 8, 17–68.

Treister M. 2002b: Jewellery and Related Finds from a rich 1st Century AD Sarmatian Burial from the Crimea // Ancient West & East. 1, 357–392.

Treister M. 2004a. Cloisonné-and Champlevé-decoration in the Gold Work of the Late Hellenistic – Early Imperial Periods // Acta Archaeologica. 75/2, 189–219.

Treister M. 2004b. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology (Colloquia Pontica. 9). Leiden–Boston–Köln, 131–193.

Treister M. 2017. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd–1st Centuries BC) // Contact Zones of Europe from the 3rd mill. BC to the 1st mill. AD. Preliminary Publication of Conference Proceedings. Moscow, 151–160.

V*ollenweider* M.-L. 1966. Die Steinschneidekunst und ihre Künstler in spätrepublikanischer und augusteischer Zeit. Baden-Baden, 148.

von Hesberg H., *Schenke* G., *Treister* M. 2004: Diademe mit Steineinlagen – Eine syrisch-orientalische Schmuckform? // Damaszener Mitteilungen. 14, 63–82.

Z*afeiropoulou* F. N. 1998. Δήλος. Μαρτυριες απο τα Μουσειακα εκθεματα. Athens, 304.

Zimi E. 2011. Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia (Oxford Monographs on Classical Archaeology). Oxford, 308.

Zimmermann J.-L. 1991. Ancient Art from the Barbier-Mueller Museum. New York, 183.



Summary

Mikhail Treister

A Diadem from the Khokhlach Burial-mound. Reflections on the center of manufacture

In the focus of the article is a diadem from a Sarmatian burial in the Khokhlach Burial-mound in Novocherkassk on the Lower Don, most likely dating from the late 1st – early 2nd century AD. The unique construction and decoration of the diadem is a combination of typical Hellenistic elements with elements characteristic of Sarmatian art.

The author examines the constructive features of the diadem, gold cells with inlays, decorating it, the design of the edges of the plates with pearls strung on a wire, amphora-shaped pendants, suspended from the diadem. Particular attention is paid to the central element of the diadem – a secondary-used bust of the goddess, a late Hellenistic amethyst cameo in the original gold setting, and with some additions made during the creation of the diadem. Also, most likely, to the 2nd–1st centuries BC dates back the figurine of Eros playing the flute, used in the decoration of the diadem, adapted from a pendant of an earring. Round figures of birds with filigree settings on the wings, placed along the upper edge of the diadem, are compared with figures of birds on the handles of silver vessels and vessel lids from the Sarmatian complexes in the Crimea and the Lower Volga region. Two other bird figures, placed in the central parts of the side plates of the diadem, with their bodies and heads shown *en face* in high relief, with inlays of coral and turquoise, are made in a different style and are compared with finds from Iran.

In general, the Khokhlach diadem can be described as a product of the 1st century AD, most likely its second half, designed for the tastes of a nomadic client, made with the secondary use, including alterations and additions, of "antiquarian" elements of Late Hellenistic decorations (cameo, figurine of Eros, gold settings with inlays). I.P. Zasetskaya, noting the mixture of artistic styles in the decorative design of the diadem, does not give an unambiguous answer to the question, of where the diadem could had been made, not excluding the possibility of its manufacture, neither in the Bosporus, nor "in one of the centers of Asia Minor, ... in Syria, or even farther east, for example, in Parthia".

It is difficult for the author to imagine the possibility of such a contact when ordering a diadem in Syria or Asia Minor. As for Parthia as a possible center for diadem-manufacture, it is more likely than Syria or Asia Minor, however, there is no evidence that dissimilar stylistic elements or elements of antiquarian jewelry were used in Parthian minor arts. On the contrary, just these features characterize jewelry and works of toreutics from the North Pontic area and from the Bosporus, in particular, where already in the second half of the 2nd century BC the practice of using elements of other items in the repair of jewelry was used. Inlays of intaglios made by a Bosporan stone-cutting workshop in a phalera from the cache in the Burial-mound near the village of Dachi, chronologically and geographically close to the Khokhlach barrow, indirectly confirm the possibility of making of the Khoklach diadem in the Bosporan workshop. There are also presented the data on the possibility of manufacturing in the Bosporus in the 1st century AD also of the other works of toreutics from the burials of the Sarmatian elite of the Don region.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.411-431

Ф. В. Шелов-Коведяев
(независимый исследователь, г. Москва)

De titulis Bosporanis et viciniis IV[1]

12. Das Zaubergerät из раскопок цитадели городища Артезиан. А. В. Белоусов без аутопсии телеграфно запустил в оборот [*Белоусов, Винокуров, Трейстер* 2017, 33–34] запись на донце одного из серебряных канфаров из раскопок Артезиана (ВКИКМЗ, № 8567). В паре слов он сложил романтическую повесть о бедствующих в доме Аполлония, которым посылает помощь Дий Калокэров. Почему не попробовать блеснуть богатой выдумкой, когда кругом публикуют письма на свинце и т.п.?

Порыв был бы успешнее, учти он *исторический и археологический* контекст находки. «Цитадель» – не город, но малая царская *крепость* [*Белоусов, Винокуров, Трейстер* 2017, 31], размеры которой годятся лишь для небольшого *караула* [*Сапрыкин, Винокуров, Белоусов* 2014, 134–135, 156, 158–159]. Открыт же сосуд был там, где происходили ритуальные действия [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 136–137; *Белоусов*, *Винокуров*, *Трейстер* 2017, 36, рис. 1. *1*].

По обеим причинам «нуждающиеся» в «доме» (были гарнизонные помещения) невозможны. Да и что прибытку от ценного предмета виртуальным издержавшимся солдатам, коим и продать, и обменять его не с кем и некому?

Н. И. Винокуров обратил внимание на то, что художник, делавший прорисовку, не зафиксировал целый ряд образуемых точками (надпись выполнена пуансоном) знаков и фигур. Не отразились они и на фотографии, которой трудно передать текст, нанесённый в такой технике (см. рис. 1 и 2).

Автор раскопок августом 2018 г. спросил меня, не будет ли мне интересно поработать с артефактом[2]. Надпись нанесена внутри кольцевого поддона, в две строки по его кругу. Во внешнем ряду (А) читаются – *альфа* с вписанной в неё *дельтой*; за ними, отступя, две *сигмы* под горизонтальной чертой, напоминающей рукописное *титло*; лигатура *каппы* и *эты*, от перекладины которой в сторону *каппы* идут ещё две точки, что позволяет читать: κμη, ниже вертикали *каппы* – квадрат из точек с помещённой в центре между

[1] Первые заметки об опубликованных боспорских надписях см.: ДБ 25 (№ 1–9а); ВДИ. 2021. 1 (№ 10); ВДИ. 2021. 3 (№ 11). В настоящей серии очерки следуют алфавитному порядку фамилий издателей.

[2] Искренне благодарю Н. И. Винокурова за разрешение работать с надписью, а директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т. В. Умрихину и сотрудников музейных фондов за предоставленную возможность очно ознакомиться с памятником и помощь в этом непростом деле.



Рис. 1. Серебряный канфар из Артезиана (фото предоставлено Н. И. Винокуровым)



Рис. 2 Серебряный канфар из Артезиана (прорисовка предоставлена Н. И. Винокуровым)

ними ещё одной точкой (как обозначение цифры 5 на игральных костях), от левого нижнего угла последней фигуры вниз уходит изогнутый открытый вправо сегмент; после κμη – *каппа* и *альфа*; *мю* в лигатуре с *ипсилоном* (от него вниз отходят точки открытого влево прямого угла) и *ро* (круглая его часть служит и *омикроном* при *мю*), снова *омикрон* и *ипсилон*; *тау*; серия signa magica (χαρακτῆρες): разомкнутый вверху *«омикрон»*, *«гамма»* с задранной вправо вверх «горизонталью», «рыболовный крючок» на основе лунарной *сигмы* (все три слева направо и сверху вниз пересекает косая линия), кособокий *ипсилон* с примыкающим к нему снизу аналогичным описанному углом и знак вроде латинской G с далеко уходящей вправо изогнутой «горизонталью»; *эта* с точкой под перекладиной; *дельта*; *йота*; *альфа*; значок ~. Завершается всё vacat перед лигатурой ΑΔ.

Внутренний, начинающийся под открывающей лигатурой во внешнем, ряд (Б): тупой угол с отходящей от него условной горизонталью, от неё вниз уходят две точки (похожий на h χαρακτήρ); *йота*; *тау*; разомкнутый вверху «омикрон» со стыкующимися с ним справа внизу двумя точками, близкий букве Ա [a] армянского алфавита; угловой χαρακτήρ в форме обращённого вправо «бумеранга»; две точки друг над другом вроде знака интерпункции; «крючок»; с отступом от него *альфа* и *эта* с вписанным между ними открытым влево прямым углом; лунарная *омега* с подписанной под нею *йотой* и точкой в середине её левой половины и второй *йотой* справа в лигатуре с ней; signum ~, соединяющий описанную группу с ещё одной лунарной *омегой*; *йота* или *эта* в лигатуре с четырёхчастной вытянутой *сигмой*; «бумеранг»; *омикрон*; косой *ипсилон* с изгибающейся вертикалью и отходящим от неё под тупым углом усиком; «G» с пятёркой «игральных» точек в середине; «шеврон» с вписанными в него слева, параллельно его правому скату, двумя точками.

Магическая (открытые сосуды использовались в обрядах), природа надписи становится очевидной из её подлинных графем. Да и сам кольцевой поддон мог восприни-

маться как *воображаемый* магический круг, валик в его середине – как *уроборос*, а углубление в центре – как *глаз демиурга*: излюбленные в магических документах элементы (см., например, [*Theis* 2016, 193 ff.; cf. 200, 204 ff.]).

Лигатура альфы и дельты в начале внешнего ряда разворачивается в аббревиатуру (о них см. [*Kagarow* 1929, 17; cf. Bull. ép. 2006, 62]) банального и в papyri, и в tabellae magicae Ἀδ(ωναί). В *сигмах* под «*титло*» (о его распространении см.: DTA, XXXI; DT 15. 8, 9, 18; [*Wünsch* 1905, 16, A4 (магические камни); *Perdrizet* 1928, 73, l. 11]; PGM IV 487; PGM, Bd. II, passim; [*Sijpestejn* 1969, 188; *Jordan* 1994, note 17 & n. 164.9]), как и в сегменте под κμη, логично видеть лунарную символику: полумесяцы [см.: *Wünsch* 1900, 67, Nr. 19; DT 243.8; *Wünsch* 1905, Z. 48]) или прямое указание на Селену [PGM XXXVI 363; PGM, Bd. II, Index s.v.; *Sijpestejn* 1969, 188; *Jordan* 1994, fig. 5; *Jordan* 2002, 5.13, 16.14; *Campedelli* 2017, 202, Abb. 1]. В κμη – сокращение Κμη(φ) [ср.: *Daniel*, *Maltomini* 1990, I, 42A57; cf. *Sanzi*, *Sfameni* 2009, 247], «истинного» (египетского происхождения) имени демиурга [DT 242.7=AF 4.7; PGM III 142, 471; IV 1705; VII 584; *Bevilacqua*, *Ferradini Troisi* 2009, 252, 255–256; cf. Bull. ép. 2010, 637]. Возможно, «игральная пятёрка» ниже него есть вариация распространённой в памятниках магии пентаграммы. ΚΑ – группа litterarum magicarum [*Wünsch* 1900, 67, Nr. 19].

Voces magicae μου ρου попадаются как самостоятельно [DT 15.34; PGM I 134; III 411–412; *Bevilacqua, Giannobile* 2000, A2.6: μου] и в сочетании с другими элементами [DTA, XXV, 1.21: ρου; DT 243.8: μου], так и вместе [PGM XII 478: μου ρου]. *Tay* в силу угловатости есть отдельная χαρακτήρ [*Wünsch* 1900, 67, Nr. 19; *Perdrizet* 1928, 74, l. 12; PGM VII 206, 207, 415; O_3; *Sijpestejn* 1969, 188; *Kotansky*, 1994, n. 22.1]. Следующие signa magica – разомкнутый вверху «омикрон» [*Wünsch* 1905, Taf. 2, fig. 8; *Campedelli* 2017, 202, Abb. 1], «гамма» с задранной «горизонталью» [*Jordan* 1978, l. 6] и «рыболовный крючок» [*Jordan* 1994, 5B; cf. *Stroud* 2013, 118, n. 128] – хорошо известны.

Ипсилон и увязанные с планетами другие гласные суть магические символы suo ipso: Α – Гермес (Меркурий), Ε – Афродита (Венера), Η – Гелиос (Солнце), Ι – Кронос (Сатурн), Ο – Арес (Марс), Υ – Селена (Луна), Ω – Зевс (Юпитер) [*Wünsch* 1905, 29]. Ο χαρακτήρ G см. [PGM IV passim; *Kotansky* 1994, n. 58.8; *Theis* 2016, 200 (Pap. Lond. BM 121); *Jordan* 2002, l. 3 in. (тут в перевёрнутом виде)].

В ΔΙΑ за *этой* (Гелиосом) соблазнительно читать Δία, но винительный падеж труднообъясним. Перспективнее разуметь равносторонний треугольник аллегорией высшего/единого божества [DT 123; PGM I 14–19; *Bonner* 1951, n. 14 (с вписанным в него IAW); *Jordan* 1985, n. 145; *Jordan* 1994, 5B] или четвёрки, которая была посвящена Гермесу [*Шелов-Коведяев*, 2021 (в печати), с литературой], его египетскому аналогу Тоту и многим другим любимым заклинателями богам [PGM VII 242 слл.]. Ἰα – одна из форм тетраграмматона [см., например: *Perdrizet* 1928, 82]: более, чем уместная после треугольника. Χαρακτήρ ~ можно найти в [*Wünsch* 1905, Taf. 2, fig. 8; PGM VII 923; XII 201; XIII] и проч.

Во внутреннем ряду назову лишь новое. Об «h» см. [PGM IV 2706, XII 201; *Bonner* 1951, n. 1; *Jordan* 1978, l. 5–6; *Kotansky* 1994, n. 62.4], о «бумерангах» [*Campedelli* 2017, 202, Abb. 1]. Буквосочетание ΙΩ, которое читают то Ἰω (вариант YHWH), то ἰὼ (возглас), весьма распространено. Его ретроградное написание (о такой манере в магии см.: [DTA 44; *Wünsch* 1905, 16 (магические камни B 1, 2); *Kagarow* 1929, 17; *Jordan* 2002, n. 14; cf. Bull. ép. 39, 10; 90, 154; 93, 107]) представлено в [DT 15, fr. IX6; *Wünsch* 1905, 13, Z. 61 (магический диск);



Рис. 3. Abecedarium из Артезиана (фото по: *Белоусов*, *Сапрыкин* 2018)

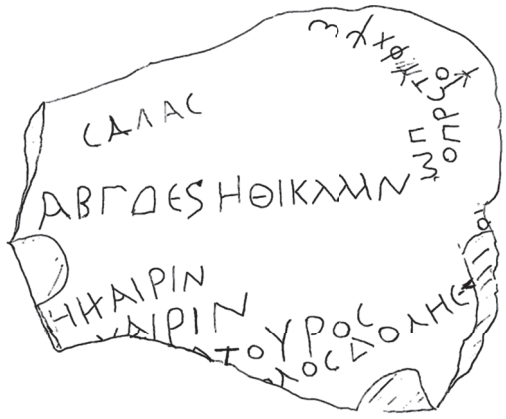


Рис. 3а. Abecedarium из Артезиана (прорисовка по: *Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014)

PGM II 14, 130; IV 208, 308, 2637, 2774–2775; V 368], совокупность прямого и обратного начертания (ιω ωι: у нас – ωι ιω) в [PGM XIII 993].

К углам разной конфигурации ср. [DTA, XII, XIV; *Wünsch* 1905, Taf. 2, fig. 8; PGM III 294; *Sijpestejn* 1969, 188; *Jordan* 1978, l. 4]. То же относится и к четырёхчастной сигме из-за её угловатости. *Йота* и *сигма* в лигатуре дают Ἴσ(ις): о сокращениях см. [*Kagarow* 1929, 17]. Подобие *ипсилона* с наклонной (ровной, выгнутой или волнистой) ножкой часто используется в качестве отдельной от этого гласного χαρακτήρ [*Perdrizet* 1928, 73, l. 11; PGM VII 401, 464; *Kotansky* 2002, l. 14; *Ferraro* 2014, 67, fig. 11; *Campedelli* 2017, 202, Abb. 1]. *Альфу*, где «перекладина» (напоминая одну из архаических форм *альфы* – см. [*Jeffery* 1963, таблицы]) параллельна правому скату см. [*Wünsch* 1905, 17].

Получается стандартное [*Preisendanz* 1972, 13; *Sanzi, Sfameni* 2009, 67–68, 82 nota 20, 124; *Elia* 2014, 33; *Schwemer* 2019, 77] Gemisch эллинских (Селена, Гермес, Гелиос, Кронос, Арес), семитских (Ἀδωναί, Ἰα, Ἰω, Δ) и хамитских (Κμηφ, Ἴσις) небожителей, чьи имена перемежают типичные χαρακτῆρες и voces magicae:

А Ἀδ(ωναί) vac. CC Κμη(φ) κα μου ρου ┬ 2 χαρακτῆρες ¿YGH Δ Ια ~
:: ┘ ┘
(

Б hI vac. ┬ 2 χαρακτῆρες : ¿ A┘ H ΩΪ~ω Ἴσ(ις) 1 χαρακτήρ O┤ G 1 χαρακτήρ

Артезианский канфар мог быть чашей для ритуальных возлияний/воскурений, но скорее – для приготовления нужных для них ингредиентов либо снадобий. А имена Б-га и божеств и абракадабра (об ограничении этими двумя элементами в магизме см. PGM; ср. [*Trzcionka* 2007, 122]) на его поддоне – оберегом при манипуляциях с содержимым.

13. **Defixio из Артезиана**. А. В. Белоусов и С. Ю. Сапрыкин сообща издали остракон из «цитадели» городища Артезиан [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 138–147] (рис. 3, 3а, 4, 4а, б). После едкой реакции В. П. Яйленко [*Яйленко* 2017, 472–475] первый отмежевался от ответственности за понимание лицевой стороны, но не от интерпретации [ср.: *Белоусов, Сапрыкин* 2018, 247–260] фрагмента в целом.



Рис. 4. Граффито из Артезиана. Реверс (фото по: *Белоусов*, *Сапрыкин* 2018)

Было отмечено, что черепок с левого и нижнего (и остальных тоже. – *Ф.Ш.-К.*) краёв был в древности обломан, а внизу аверса к «травмам» добавился скол от лопаты. Сперва было выбрано следующее: Σάλας / abecedarium / [. . . Δό]λῃι χαίρ<ε>ιν / [. . .] χαίρ<ε>ιν / [. . . Ἀπ]άτουρος / [. . .κα]λὸς Δόλης μοί (*курсивом* в греческом тексте выделены неполностью сохранившиеся литеры). И сразу [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 139 слл.], и позднéе [*Белоусов*, *Сапрыкин* 2018, 248, 251] подчёркивалось, что публикаторы работают только по фотографиям и прорисовкам С.Ю. Сапрыкина с них.

На с. 139–140 и 146 editio princeps дана справка по распространению ЛИ Σαλας и Δολης во Фракии и фракоязычных областях Малой Азии. Хотя многократно, со ссылками на Мэбел Лэнг, И.И. Толстого и А.С. Русяеву, говорится, что граффито может быть

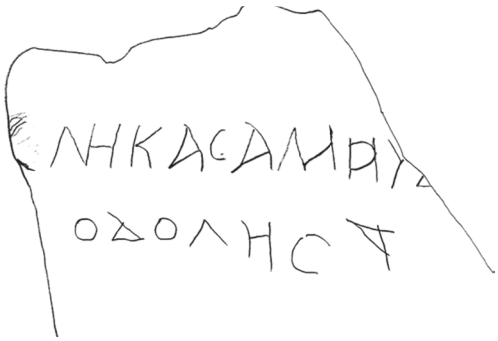


Рис. 4а. Граффито из Артезиана. Реверс(прорисовка по: *Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014)

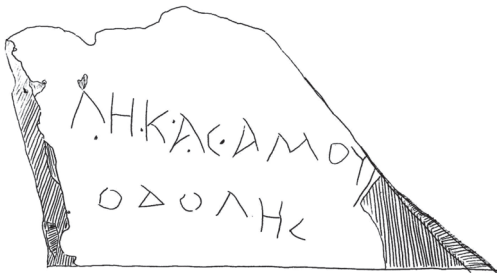


Рис. 4б. Граффито из Артезиана. Реверс (прорисовка по: *Белоусов*, *Сапрыкин* 2018)

магическим, выбор делается в пользу его ученического (о чём «свидетельствуют» буквы П и ОΨ над и под абецедарием) любовно-сексуального подтекста с чертами «юмора гомосексуального характера».

В графике χαίρῑν видится нарушение норм орфографии, в Ἀπάτουρος – название святилища Афродиты на азиатском берегу Боспора (*зачем* и *почему* оно тут названо, не поясняется), с которым загадочно «коррелирует» определение καλός. Прочтение вместо него АН Ἀπατούρ(ι)ος рассмотрено, но не избрано.

Принимая основные их выводы, В. П. Яйленко [*Яйленко* 2017, 472–475] жёстко иронизирует над соавторами. Автором он счёл обращающегося к остальным Саласа. Апатур, по его мнению, новый мужской аналог женского антропонима Ἀπατούρη – имя, как Салас и Долес, а написание ι вместо ει – регулярное, но не ошибочное для времени составления текста. У свежего скола он увидел уголок *дельты* и восстановил эпическое, находимое им и в поздней прозе, *δ*[οι]οί «два, оба». Перед вторым χαίρῑν он отрицает существование иных знаков и получает: Сάλας / abecedarium / [?Δό]ληι χαίρῑν, / *χ*αίρῑν / [Ἀπ]άτουρος, / [κα]λὸς Δόλης, *δ*[οι]οί (sc. καλοί).

В своём ответе А. В. Белоусов и С. Ю. Сапрыкин [2018, 247–260] признают «неряшливость» своей работы, частично учитывают критику В. П. Яйленко и отвергают его восстановление *δ*[οι]οί. Они впервые прямо отмечают важную деталь: начала строк слева и ниже абецедария уходят в облом. Убрано фантомное П над abecedarium, но местоположение ОΨ под ним теперь указано неверно и с ошибочной (ΨО) последовательностью букв. На с. 254 внутренняя поверхность черепка названа внешней. Зато актуализированы ссылки на фракийский ономастикон, а Σαλας и Δολης логично лишены ударений. Лакуна после Δολης оставлена пустой ([..]οί: предложены разного объёма κ[αλ]οί и [. . . ϑε]οί).

Сохранено, что граффито – сочетание ученических упражнений, проб письма и обсценной записки. Магическая интерпретация основательно не рассмотрена. Ἀπάτουρος – безоговорочно святилище. ЛИ Ἀπατούρ(ι)ος снова не исключается, но без интереса. Избыточна полемика с В. П. Яйленко о графике χαίρῑν: обе стороны говорят разными словами об одном и том же.

В августе прошлого года я провёл аутопсию обломка, хранящегося в фондах ВКИКМЗ (КП 181000, КМГ 4710: мои благодарности всем см. в прим. 2). Его состояние серьёзно отличается от всех предложенных до сих пор его толкований.

В первоиздании [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 139] указаны лишь длина и ширина остракона. Поэтому даю его подробное описание. Размеры его граней (от верха по кругу слева направо) – 28, 78, 19, 36, 39, 23, 30, 70 и 43 мм. Abecedarium образует известный по очерку 12 «крючок». Имя Салас процарапано внутри (от *беты* до *эты*) этого эллипсоида. Слева от него, на траверзе от *беты* до *ню*, наискосок по отношению к нему и краю фрагмента, начертаны четыре строки; окончание 4-ой повторяет курватуру алфавита и завершается на уровне его *пи*. Высота букв – около 7 мм. *Дзета* вычерчена как угловатое латинское S частым в рукописях обратным зигзагом, *кси* – как 3, *хи* – почти прямым крестом с равными ветвями. Между правым краем черепка и загнутой частью алфавита, на уровне *тау* и *ипсилона*, процарапано оψ (*пси* перечёркнуто).

Строки слева суть: vacat (ΛΗΙ и т.п. отсутствует) ΧΑΙΡΙΝ | ΖΑΙΡΙΝ (вверху перед *альфой* виден уголок вышеназванной формы *дзеты*) | […]ΑΤΟΥΡΟC | \ΛØC (χαρακτῆρες:

пересекающая круг косая прочерчена уверенно) | ΔΟΛΗС. За верхней третью последней *сигмы* видна горизонтальная черта. После скола, скравшего 2 м.б., – ΟΥ.

Если бы С.Ю. Сапрыкин уделил больше внимания обыкновенной vox magica οψ/ψο [*Wünsch* 1905, Z. 50 (οψ трижды); cf. DT 36.6; VII 811 (Θ οψ); PGM III 144 (ειο ψο)] и χαρακτῆρες \ [*Bonner* 1951, n. 26: трижды после Ἰα] и Ø [PGM, Bd. II, Index (может быть, = θεός)], у него не возникло бы сомнений в магическом характере остракона. Об алфавитной магии (символизирующей всей полнотою череды литер (пред)вечность: ср. «Аз есмь Альфа и Омега») он сам много пишет. Да и в граффити из Феодосии [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 143] искажение очертаний букв и их (как и слогов [NGCT 50]) перестановка – ясное отражение магизма [см.: *Kagarow* 1929, 17; Bull. ép. 61, 65; 99, 183; 2000, 146; 2005, 91].

И что за школьники в гарнизоне крепости, чьи габариты допускают лишь горстку солдат? Жаль, что А.В. Белоусов в 2018 г. не помог своему учителю утвердиться в верной интерпретации.

Имя Δολης предваряет абракадабра: Λ и С – широко распространённые litterae magicae (см. DTA, DT, PMG, SMA, SM, MA, MH, SGD, DAG, GMA ...). По-видимому, она продолжалась и после него: подходящих к − [..] ου (τακου и проч.) voces magicae в упомянутых сводах предостаточно. На Саласа и Долеса накладывается заклятье: номинативы АН в defixiones обычны. То же относится и к возможному Апатурию: сознательное искажение [*Kagarow* 1929, 17] антропонима (Ἀπατούρ<ι>ος) – ещё один признак ворожбы.

О ΧΑΙΡΙΝ. С.Ю. Сапрыкин не рассмотрел чтения nom. дамского имени Χαίριον с ставшим привычным с III в. до Р.Х. (для заклятий см. [*Arbabzadah* 2012, 253]) переходом ιον>ιν: ср. двойное написание Ζωσάριον и Ζωσάριν в первые века от Р.Х. в Македонии и Фракии (LGPN IV s.v.). Следующее ZAIPIN могло бы быть окончанием женского (Ἀζάριον→Ἀζάριν) аналога известного в Танаисе (КБН 1287.23) мужского АН Ἀζαρίων. Стоила бы внимания и отвечающая самой сути defixio конструкция [καταδῶ] Χαῖριν (acc. от Χαῖρις – см. все тома LGPN).

Помимо ономастических, имеется и иное, предпочтительное решение. Среди voces magicae встречается χηιρα [*Bonner* 1951, n. 27], χαρευ [*Nemeti* 2005, 2.4–5], χαρυς [*Matrocinque* 2019, 73] и т.п. Учитывая множественность форм, его присутствие здесь в облике χαιριν (ср. βαχυχ/βαιχυχ) вполне возможно. На то же указывает и идущее следом ζαιριν: намеренная модификация при повторении подобных единиц (Ευλαμω, Βυλαμω; βαχυχ, βαιχυχ, χυχβαχ; κμηφ, κμητ ктл.) – обыкновенна в античной магии [DT 243; *Kagarow* 1929, 17, 35; PGM LXXX; Bull. ép. 2000, 146].

Апатурий с Саласом и Долесом оказываются в обрамлении магических символов. Что придаёт граффито целостный, завершённый вид.

Говоря об обратной стороне обломка, А.В. Белоусов, сопротивляясь В.П. Яйленко, с вызовом настаивает на своём авторстве. Он сознаёт, что реверс написан другой рукой. Сначала [*Сапрыкин*, *Винокуров*, *Белоусов* 2014, 146–147] он читал ληκάσα<ς> μοῦ δ’ | ὁ Δόλης: экзерсис «ученика грамматической школы» в два молосса (– – – | – ⏑ –) с подражанием «возвышенному слогу поэзии» (доризм ληκάσας вместо стандартного ληκήσας и положение подлежащего в конце фразы), где тот «пытается применить свою школьную учёность в обсценном издевательстве над своим товарищем Долесом». Упоминая,

что злосчастный Долес *дважды* оказывается мишенью неких лиц, он этого не осмысливает. Далее идёт подробный экскурс о формах глаголов, применимых к фелляции, примерах её упоминания, греческой этимологии и проч.

Потом, посчитав диттографию гаплографией, он принимает слабую апелляцией к оплошности писавшего прозаическую версию С. Р. Тохтасьева – ληκάσα<ς> μοῦ Δ|ό{δο} λης. Ему бы укрепиться основанной на «малой» эпиграфике диссертацией Н. В. Шебалина [*Шебалин* 1978] и не робеть поэтических размеров в граффити.

После саркастической реплики В. П. Яйленко [*Яйленко* 2017, 474–475] в адрес публикатора, проигнорировавшего прекрасно видные вертикали, обрамляющие *омикрон* первой строки, эти черты, объявленные «затёртостями» (?!), чудесным образом исчезли из второй прорисовки по фото (рис. 4б).

В. П. Яйленко увидел перед *лямбдой* у скола в начале стк. 1 следы *эпсилона* (за втравливание его в содом отвечает рис. 4а). Учтя вертикальные черты вокруг *омикрона* стк. 1, он принял, что сперва писавший намеревался поставить μή, но потом остановился на οὐ и забыл выскоблить ставшее ненужным *мю*. У него получилось: ἐλήκασα, {μή} οὐδ’| ὁ Δόλης «я развратил, а не этот Долес» (ληκάω переводится «блудить», а объектом совращения признаётся Апатур).

В ответе ему отмечено, что перед *лямбдой* в дебюте есть только скол, диттография названа своим именем, а в конце стк. 1 обозначен уже не уголок дельты, но одна длинная волнистая косая. Засим А. В. Белоусов продолжил настаивать на своём чтении, хотя иное завершение первой строки должно было бы его изменить. Он «спел сагу» о мужской фелляции и, заключив, что ληκᾶν Гесихия может быть омонимом обсценного глагола, не сделал отсюда никаких выводов для изучаемого им граффито [*Белоусов, Сапрыкин* 2018, 256–260].

Версия В. П. Яйленко тоже не проходит из-за отсутствия на черепке начального *эпсилона* и необходимости прибегнуть к ошибке писавшего, забывшего стереть ставшую лишней букву. Но и филологические турнюры А. В. Белоусова не помогают пониманию надписи. Поэтому я начну с более подробного описания реверса остракона.

Его первая строка открывается обширным (а не разбросанными небольшими [*Белоусов, Сапрыкин* 2018, 255, рис. 2]) сколом. Очевидно, что писала другая рука. Высота букв здесь 9 мм. По обеим сторонам *омикрона* чётко прочерчены чуть наклонные влево линии. Между собою их соединяет перемычка, как у кириллического И. От второй вертикали данной графемы вправо вверх уходит формирующая выписанный «птичкой» *ипсилон* слегка загибающаяся в конце черта. Вкупе с предшествующими им *мю* и *альфой* образуется обычный в магии Ἀμοῦν (Амон: см. [PGM I 134, 139–140; XXI 20; *Jordan* 2002, 27]). К реверсивному *ню* (И) см. такое же в Αἰών, одном из эпитетов Амона [*Bonner* 1951, n. 7]. Ниже лигатуры ουν вычерчена χαρακτήρ двузубой рогатины вроде лежащего на правом боку *ипсилона* [ср.: *Wünsch* 1905, fig. 17: пятижды влево]. После имени Амона – litterae magicae - Y ├ [ср.: *Sijpestejn* 1969, 188]. Стк. 2 чуть ползёт вниз по отношению к стк. 1. Высота букв в ней – 7 мм.

В начале первой строки оборота, на самом деле, находится не *эпсилон*, но сверху – скол, внизу – дефект поверхности, посередине («горизонталь» лунарного «эпсилона») – эффект формовки на гончарном круге. Какое ещё нужно доказательство, что работать эпиграфисту надо с оригиналами, а не фото и прорисовками с них?

Почему первоиздатель несерьёзно отнёсся к глоссе Гесихия ληκᾶν: «прыгать, подпрыгивать»? Ведь в рамках его логики это могло навести на допускаемый генитивом μοῦ перевод «отпрыгнув/прыгнув от меня этот Долес», что придало бы его мыслям иное направление.

Отчего (если играть, как в 2014 г., соответствиями ᾱ/η и подозревать пропуск литеры) было не рассмотреть и реконструкцию inf. pass. ληκᾶσα(ι) от λᾱκάω/λᾱκέω «разрывать, разламывать, растерзывать» [см.: *Arbabzadah* 2012, 253–254] – «да будет разодран» (Долес). Либо не вспомнить (применительно к аверсу обсуждалась defixio) voces magicae λαχ [Bull. ép. 2017, 68 (Анапа)], λακι λακιω λακημω [PGM II 303], λακινια [DT 252.11=MA 98.11=DAG 14.11], Λαικαμ [DT 241.3=AF 3.3=DAG 8.3]. Ληκας мог бы быть дублетом последнего: ибо Λαιλαμ [DT 242.6=AF 4.6] показывает и графику Λλελαμ [DT 241.3=AF 3.3], а сам А. В. Белоусов приводить довольно примеров чередующихся αι/η в *боспорских* надписях [*Белоусов*, *Сапрыкин* 2018, 260].

Поскольку же между сколом поверхности и Ἀμοῦν сохранилось лишь ΛΗΚΑϹ, остракон пострадал (editio princeps) уже в древности, стк. 1 явно искривлена, то есть иное надёжное решение. В заклинании SGD 144 [=*Versnel* 1998, 226] содержится пожелание, чтобы его жертву пожрали черви: σκώληκες. Acc. pl. этой лексемы даёт σκώληκας, а конструкция πρὸς + acc. в адрес тех, кому желают отправиться в преисподнюю, давно известна в defixiones: в DTA 106a.1–9 в каждой строчке после καταδεδέσθω названо имя в номинативе, а затем значится – πρὸς τὸν Ἑρμῆν τὸν χθόνιον καὶ τὴν Ἑκάτην τὴν χθονίαν.

Значит, наиболее приемлемо чтение второй части надписи (с переходом её с лицевой на обратную сторону или без оного) [πρὸς τοὺς σκώ]ληκας – Ἀμοῦν, χαρακτῆρες – | ([καταδεδέσθω]) ὁ Δολης «*к че*рвям – vox magica Ἀμοῦν + χαρακτῆρες | (*да будет заточён*) этот Долес»: объём обеих лакун совпадает; писавший мог обойтись и без [καταδεδέσθω], поэтому я ставлю восстановление, кроме квадратных, и в круглые скобки; большой vacat перед первым *омикроном* в ‖ 2 не должен смущать, ибо в граффито нет жёстких законов расположения знаков.

Долес чем-то очень насолил двум сослуживцам. Один накладывает узы заклятья и на него, и на Саласа с Апатурием. Зато второй, присоединяясь, желает сгинуть навеки Долесу уже эксклюзивно.

И – никакой педерастии! Ни с фасада (аверс), ни с тыла (реверс).

14. **Запись, упоминающая Фанагора**. Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2020, 245–254] полностью развернула аргументацию в доказательство своей версии прочтения известного граффито из раскопок Фанагории. Её упорство в отстаивании точки зрения вызывает уважение. Её критика предложений С. Ю. Сапрыкина в целом верна. В этой связи я благодарен за то, что она (пусть и не всегда последовательно: не указано [там же, 248–254], что мною впервые [*Шелов-Коведяев* 2018, 98–100] были предложены – принятое ею удревнение артефакта, объяснение отсутствия знака [о] перед слоговым *ро* в имени Фанагора, *обоснование* присутствия в надписи божества Кэра, героизации ойкиста Фанагора, интерпретации цифр как пожертвований и невозможности Ἅγιος=Ἄξιος С. Ю. Сапрыкина) ссылается на автора этих строк.

К сожалению, статья не лишена досадных опечаток. На с. 246 и др. попадаются «ди*а*бол» (получается какой-то diabolo) и «три*а*бол». Праздник Антестерий назван Анф*и*стериями.

В 2018 г. я [там же, 99], разобрав палеографию, фундировал, что остракон был записан двумя руками. Н. В. Завойкина на своих с. 248, 250, 251 и 253 без доводов постулирует, что писал один человек. Но её полемика с С. Ю. Сапрыкиным на с. 251 подтверждает мои выводы о двух *разных людях*: *ро* в стк. 2 написано в столь отличной от стк. 1 и 3 манере (о внимании к ней см. разделы Écritures в Bull. ép.), что позволило её оппоненту принять его за *каппу*.

Она права, что наши с нею разногласия сводятся к датировке и интерпретации стк. 2 памятника. В первом вопросе наблюдается вербальная аберрация. Классификация С. Ю. Монаховым амфор свидетельствует, что их тип, давший черепок, существует с 1-й половины VI в. до Р.Х. [*Шелов-Коведяев* 2018, 99]. Если же говорить о третьей четверти столетия, то она начинается с его середины, а значит героизированный Фанагор жил ранее. Материальные (строительные?: керамика первой половины VI в. в Фанагории есть) остатки при сырцовой технике (археологам это хорошо известно) могут не выявляться очень долго, что не отрицает бытования полиса в период, предшествующий выявленным комплексам, но говорит лишь о нивелировке горизонтов. Конечно, и ямы справедливо датируются по самому «молодому» материалу. Но это не значит, что заполнять их не начали одновременно с более ранними находками. Боюсь, что высокопрофессиональная команда археологов Фанагории слишком гипнотизирует себя версией С. А. Жебелёва, сегодня ненадёжной уже в силу вольного обращения покойного с текстами [см.: *Шелов-Коведяев* 2018, 102–103].

О том, что пожертвование Кэре (о ед. ч. ТН см. [*Gruppe* 1906, 1084, Anm. 0; cf. 768] было связано с избавлением от смертельной опасности во время путешествия по морю, я написал довольно [*Шелов-Коведяев* 2018, 99]. Выкладки Н. В. Завойкиной [2020, 250] о функциях божества лишь оттеняют мою правоту. Четырёхчастный зигзаг в стк. 2 – *точно не сигма*: аутопсия фрагмента показала, что форма *сигмы* (фото и прорисовка её искажают – ср. очерки 12 и 13) в стк. 3 совсем другая (ещё одно свидетельство двух рук). А неведомые вчера культы становятся известны сегодня, благодаря, как раз новым материалам археологии.

Наконец, она настаивает [251–252] на том, что в стк. 2 стоит ἥϊος. О «сигме» уже сказано. К критике С. Ю. Сапрыкина [*Сапрыкин* 2019, 473 слл.], с которым я был и ранее солидарен [*Шелов-Коведяев* 2020, 428], могу добавить ещё, что в раннее время Феб был, действительно [*Завойкина* 2020, 251], просто *эпитетом* Аполлона, поэтому *обозначение эпитета* его *вторичным эпитетом* крайне проблематично. Тут *должны быть собраны* не косвенное (ἥϊος Φοῖβος), но *исчерпывающие прямые* литературные и *эпиграфические доказательства* его *одиночного* (без Феба и вне перечисления эпиклез) *применения*.

Что же до использования для обозначения чисел, против чего возражает Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2020, 253], графических символов Восточной Ионии (где была расположена *метрополия* Фанагории – *Теос*) [*Шелов-Коведяев* 2018, с. 99], то оно вполне оправдано в период архаики.

14а. Ещё раз о граффито, упоминающем Нису. Интерпретация надписи на поддоне чернолакового килика, как обращённой к даме полусвета (см. [*Завойкина* 2018, 69–70; *Шелов-Коведяев* 2020, 428–429]) укрепляется тем, что сопутствующие Дионису нимфы зовутся на одной аттической чернофигурной вазе мастера Софила Νῦσαι [*Kretschmer* 1894, 200 § 183; *Fränkel* 1912, 20–21]. Такое прозвище в реплике, адресованной гетере, да ещё на сосуде для вина, весьма логично.

15. **Надпись Рескупорида II из Патрея**. А. И. Иванчик опубликовал [*Иванчик, Петерс* 1988, 119–121] мрамор, позволяющий обсудить вопросы методики (рис. 5).

Обломок плиты сохранил обрывки четырёх строк датировки по правлению Тиберия Юлия Рескупорида. Издатель сравнивает его с ныне утраченной надписью из раскопок Патрея 1949 г. (КБН 1020), которая «чрезвычайно близка публикуемой» по всем параметрам.

Отметив, что «едва ли» оба фрагмента соединяются в контакте, но принадлежат двум одинаковым текстам, исполненным одним и тем же резчиком, он в итоге не избегает такой попытки:

[Βασιλ]εύοντος [βασιλέως Τιβε]-
2 [ρίο]υ Ἰουλίου Ῥη[σκουπόριδος]
[φιλοκ]αί[σ]αρος κ[αὶ φιλορωμαί]-
4 [ου, εὐσεβο]ῦς . . .

А. И. Иванчик считает, что апексы стк. 3 в КБН 1020 принадлежат А, I и А, а «остаток *сигмы* между *йотой* и второй *альфой*, <…> не сохранился, поскольку <…> на нашем фрагменте верхняя гаста *сигмы* идёт чуть ниже верхней границы строки».

Суждение об одной руке, резавшей оба камня, может быть (без оригинала КБН 1020 судить трудно) верно, а вот их объединение – нет. Излом в стк. 2 документа 1986 года проходит ровно по хорошо видному левому скату *лямбды*; но точно такой же сохранился и в стк. 2 КБН 1020, но справа за ним виден рваный камень. Ножки *ипсилонов* в КБН 1020 длиннее, а *омикроны* – одинаково крупные, тогда как *омикрон* стк. 2 у А. И. Иванчика мельче, чем в стк. 1 и 3. *Сигма* стк. 3 КБН 1020, похоже, была вычерчена ниже апексов соседних литер, а в стк. 1 и 3 публикации А. И. Иванчика она стоит вровень с остальными, да и в стк. 4 вырезана едва уловимо (на 1 мм при высоте букв в 25 мм) ниже. Расстояние между строками в КБН 1020 больше отмеченных А. И. Иванчиком [119] в новой находке 10 мм. Правый скол в стк. 1 КБН 1020 проходит так, что между *омикроном* в нём и *ню* в позднейшем обломке зиял бы обширный vacat.



Рис. 5. Фрагмент из раскопок Патрея 1986 года (фото по: *Иванчик, Петерс* 1988)

Для реконструкции фрагмента 1986 г. более шрифта важна индивидуальная для него манера письма. Расчёт лакун [*Иванчик, Петерс* 1988, 120–121] проведён формально верно. В стк. 1–3 слева, где они примерно одинаковы, разница не превышает 1–1,5 м.б.: хотя настораживает, что её максимальный показатель приходится

на сткк. 2 и 3, где исчезло одинаковое количество *йот*. Справа всё выглядит ещё лучше – по 12 литер (с учётом *йот* – от 10,5 до 11,5).

Однако бросается в глаза, что сохранение с левого края примерно того же (стк. 1: [Βασιλευο] 7.5; 2: [ριου Ἰου] 7 (6); 3: [φιλοκαισα] 9 (8) букв) объёма пропавшего текста ([ου ευσεβο]: 8) в стк. 4, где излом проходит зримо правее сткк. 1–3, делает невозможным, чтобы *ипсилон* и *сигма* в [εὐσεβο]ῦς оказались там, где они, на самом деле, находятся – в интервале между *омикроном* и *сигмой*, и *сигмой* и *каппой* стк. 3 соответственно.

Поскольку ничего, кроме имени монарха и его титулатуры тут быть не может (vacat выше стк. 1 однозначно говорит о начале надписи), то следует обратить внимание на то, что сткк. 1 и 3 нанесены намного свободнее стк. 2. Последняя же начертана в полтора и более раза убористей: омикрон в ней меньше, её 4.5 полноценных литеры приходятся на 3 в стк.1. Стк. 3 вырезана с ещё бóльшим разбегом, чем стк. 1: соотношение по буквам со стк. 2 у неё – 3÷5.

Сделанные наблюдения позволяют дать следующую реконструкцию (в скобках указано количество знаков с учётом того, что йота занимает ½ места остальных):

№	лакуна слева	текст	лакуна справа	число букв
1	8 (7,5)	[Βασιλεύο]ντος [βασιλέως Τι]-	10 (9)	22 (20,5)
	9 (8)	[βερίου Ἰου]λίου Ῥη[σκουπόριδος]	11 (10,5)	26 (24)
3	8 (7)	[φιλοκαίσ]αρος [καὶ φιλορω]-	9 (8)	21 (19)
	11 (10,5)	[μαίου, εὐσεβο]ῦς - - -		

App. crit. ‖1 от *омикрона* перед *ню* ничего не осталось; ‖2 помимо того, что окончания строк вообще сильно варьировались в официальных надписях римского времени (см. КБН), отмеченная выше плотность не противоречит здесь большему объёму конечной лакуны; ‖3 написана размашисто; если скол хоть что-то оставил от *эты* в предыдущей строчке, то здесь он полностью поглотил *каппу*, пройдя по её вертикали. Поэтому я забираю её в квадратные скобки, в отличие от *альфы* в начале строки, пространство для которой, хотя и представленной одним верхним апексом, полностью сохранилось.

16. **О гимне Дионису из Пантикапея**. Н. Н. Казанский изящным этюдом [*Казанский* 2020, 896–906] отреагировал на предложенное мною [*Шелов-Коведяев* 2018б, 71–73] чтение упоминающего Диониса граффито из Пантикапея (рис. 6). Я сердечно признателен ему за лестные для меня суждения, но особенно за то, что он загодя сообщил о своём желании модифицировать реконструкцию надписи и прислал мне свой текст, что дало мне время на его осмысление. Вот она, школа! Старая школа.

Глубокий знаток древностей, Н. Н. Казанский сразу признал в остраконе осколок поэтического произведения и выдвинул свою замечательную версию двух гекзаметров орфического *гимна*:

[κικλήσκω βασιλῆα Δι]ώνυσομ πολ[υγηθέα,]

[–◡◡ –◡◡ –◡◡ χρυσοκόμη]μ, φιλόμολ[πον]

[Я призываю царя] Диониса несущего радость,

[–◡◡ –◡◡ –◡◡] златокудрого бога, любителя пенья.

Статья подкупает не только блистательной эрудицией и собранными вместе примерами орфической поэзии, но и образцовой, не перегруженной частностями, библио-



Рис. 6. Остракон с фрагментом орфического гимна Дионису VI–V в. до Р. Х. из Пантикапея (фото В. П. Толстикова)

графией. Для полного блеска мне не хватило исправления редакцией опечаток – в имени Диониса, как на черепке, не *омеги*, но *омикрона* с символом долготы [ō], написания *сигмы* в инлауте всегда одинаковым знаком, а слова «бога», отсутствующего в граффито, поставленного в скобки.

Я был бы готов полностью принять вйдение Н. Н. Казанского. Тем более, что *один из древнейших орфических* гимнов, *открытый в Пантикапее*, – настоящий бриллиант в корону греческой культуры, а уж Боспора, да и всего Причерноморья – особливо. Если бы не одно, но (речь идёт об эпиграфике) в высшей степени принципиальное обстоятельство. На обломке правая половина первой сохранившейся в стк. 2 *мю* стоит прямо между *йотой* и *омикроном* стк. 1. Последнему предшествуют 8 слогов. В стк. 2 им соответствуют – 13 (в варианте Н. Н. Казанского) или (если числить впереди χρυσοκόμημ одни спондеи, что небесспорно) – 10. И то, и то требует, чтобы вторая строка стартовала со значительным сдвигом *влево* относительно первой. Иначе (размер шрифта везде один) *мю* никак не окажется под *омикроном*. Мне подобные прецеденты неизвестны. Сдвиги вправо – сколько угодно.

Первое, что приходит в голову: вернуться к моему первоначальному варианту. Но кропотливо проделанная уважаемым коллегой работа побуждает думать о другом. Ведь у *настоящего* профессионала продуктивны даже недочёты.

Почему бы два эпитета, предложенные в завершение стк. 2, не могли быть её зачином, написанным с отступом? То есть: [χρυσοκόμη]*μ*, φιλόμολ[πον –◡◡ –◡◡ –◡◡]. Например, обращаясь к репертуару того же гимна *Orph*. 30, на котором базируется Н. Н. Казанский (27.01.21 он ответил письмом: «Ваша идея мне нравится: она правдоподобна и симпатична»): [χρυσοκόμη]*μ*, φιλόμολ[πον, ‖ πρωτογονόν, διφυ’, εὔιον (vel simile)] – с элизией [ē] в ауслауте второго слова перед последующим дифтонгом. В целом:

[κικλήσκω βασιλῆα Δι‖]ōνυσομ πολ[υγηθέα,]
[χρυσοκόμη]μ, φιλόμολ[πον,‖πρωτογονόν, διφυ’, εὔιον]
[Я призываю царя] Диониса несу[щего радость],
[Златокудро]го, любителя пе[нья, перворождённого, двусущего, «Эвейя»].

Было ли это (в *перевёрнутом* виде) написано на вотиве, сказать трудно. Ведь сам Н.Н. не смог привести тут аналогий, которые бы его устроили. Он, безусловно, прав, что орфический гимн вряд ли мог быть связан со школьным образованием.

Значит (хотя и в том, и в другом Н.Н. Казанский сомневается), *пока* надо принять, что стихи были процарапаны либо на целом сосуде для симпосия, либо на остраконе. В последнем случае встаёт вопрос о цели подобного упражнения, зовущий к отдельному исследованию: скажем, о практике (пост)вакханалий – в античном смысле.

17. **О сарматах в Северном Причерноморье**. С.Ю. Сапрыкин [*Сапрыкин* 2020, 333] в каком-то раздражении и спешке (Addenda приданы им к ничего не имеющей с ними общего статье о боспорских агораномах) отнёсся к двум моим недавним работам. И – промахнулся.

Он отказывается видеть этноним сарматов на поддоне тарелки из Пантикапея. Предлагая владельческий вариант, он, увы, дезориентирует читателя, т.к. не упоминает, что считать Σ]ΑΡΜΑΤΑΣ заклятьем меня [*Шелов-Коведяев* 2018а, 366] заставляют явные следы сознательной порчи в нём нескольких литер (рис. 7).

«Антиисторический» вывод он делает за меня из того, что мне, якобы, «невдомёк, что личное имя Σαρμάτας неоднократно встречается на Боспоре». Мне известен не только увлекший его трюизм, но и то, что ударение в данном АН надо ставить – Σαρματᾶς, иначе от него не получить gen. на ~α (КБН 1179.60: доризмы в именах *боспорян* невероятны, особенно в такое время). Что все его примеры происходят из Горгиппии II–III вв. *от* Р.Х. (КБН 1134, 1140, 1179: форма койнэ в это время дала бы там при акцентуации на второе [a] Σαρμάτης – LGPN Va s.v.). То есть, привлекать их как аналогии к памятнику IV в. *до* Р.Х. – недопустимый (*разрыв* в 6–7 веков) анахронизм в *исторических* заметках.

Мне ведомо и то, что если находить Σαρματᾶς в IV в. или если С.Ю. Сапрыкин полагает, что пантикапейское Σαρμάτας имеет дорийскую огласовку, то вторая гипотеза показывает херсонесита или гераклеота в столице Боспора. И тогда любой вариант антропонима закрепляет присутствие сарматов набегами в Северном Причерноморье: давно установлено, что ЛИ этнического происхождения давались греками после их знакомства с существованием соответствующего народа и/или его представителями. Где же урок историзма?

18. **Об амфоре с граффито из Керченского музея**. Тут запальчивость С.Ю. Сапрыкина [*Сапрыкин* 2020, 333–334] совсем его запутывает. Сначала он пишет, что моё [*Шелов-Коведяев* 2019, 80–81] понимание «не соответствует содержанию», но затем, исказив, принимает его, убедившись «в ошибочности» своего «чтения и фантастичности восстановления» текста там, где его не было.

Он мне очень польстил, приписав *мне* «странный» вывод, что «имена Скиф и Малес <…> говорят о деловых связях семей их носителей» (притом, что оба находятся за пределами их родины). На самом деле, он спорит с Луи Робером, на которого (а тот обобщил колоссальный материал и выводы специальных исследований) я сослался (и мэтр, и я, кстати, всегда подчёркивали, что Скиф – имя эллинское). С.Ю. Сапрыкину не стоило бы «с лёгкостью необыкновенной» отрицать выводы титана эпиграфического ремесла.

Моего оппонента настораживает эпитет «Геры Сопутствующей», который я (?) прочитал на амфоре. Я же пишу о Гере, сопутствующей в морском путешествии: Гера Води-



Рис. 7. Поддон тарелки IV в. до Р.Х. из раскопок Пантикапея с заклятьем на сарматов (фото В.П. Толстикова)

тельница – я указываю на это в заметке – засвидетельствована давно. Потому нет ничего изрядного в том, что она обретает новую ипостась: по сути, лишь грань старой.

То, что значат цифры на амфорном тулове, я напишу отдельно. Пока отмечу, что дробные расчёты греки вели не полуоболами и т.п., но целыми числами с добавлением их фракций. За полтысячи чего С.Ю. Сапрыкин предлагает уплатить три статера (не слишком большие деньги для такого количества неназванного товара в период жизни амфоры) повисает у него в воздухе. Соседство святилищ и частных лиц (что предлагаю я) в хозяйственных записях зафиксировано множество раз (см. материалы Bull. ép.).

Амфора в «малой» эпиграфике называлась ἀμφορεύς, керамические сосуды – κεραμεῖον, κεράμ(ε)ια. Ни те, ни другие не обозначались словом χοῦς. То, что С.Ю. Сапрыкин считает в граффити и дипинти литерой Х в массе своей – учётные пометы, иногда обереги (см. Bull. ép., разделы Inscriptions céramiques, Rapports avec archéologie).

19. **О стихотворных надписях Боспора**. В.П. Яйленко [*Яйленко* 2020, 447–459] очень заинтересованно рассмотрел ряд моих публикаций. Я очень благодарен ему за проявленное внимание.

a). В *гимне из Пантикапея* [*Шелов-Коведяев* 2018б, 71–73] он также, как Н.Н. Казанский, распознал гекзаметр, сведя его в один стих. С размером (см. очерк 16) я согласен. Однако остаюсь на том, что сформулировал выше, ибо предложение видеть в *ιο* имени Диониса слитную долгую стопу представляется мне менее убедительным.

b). В.П. Яйленко привёл массу интересных наблюдений, аналогий и примеров в связи с граффито, упоминающим имя *Симон из Фанагории*. [*Шелов-Коведяев* 2018б, 73–75]. Этим он внёс, несомненно, вклад в обсуждение памятника, ставшего, благодаря ему, предметом уже четвёртой (считая рецензию L. Dubois в Bull. ép. 2003, 394) публикации. К сожалению, я не могу принять его чтения. По-моему, получились слишком громоздкий синтаксис (который

провоцирует точку с запятой в середине перевода) и чересчур перегруженное и мудрёное содержание. Предложено считать, что первая часть стиха описывает качества чаши, вторая – Симон. Затем, что, с одной стороны [*Яйленко* 2020, 450 слл.], килик обращается к владелице: чу́дная вещь превозносит отличные качества хозяйки; поэтесса Симон хвалит саму себя, но посредством objet parlant. С другой [*Яйленко* 2020, 454] – это «сугубо частное послание товарке». То есть, автор стиха превозносит перед получателем и свой подарок, и себя. Причём себя самоё характеризует (с какою целью?) как душевную («славная внутренне») и скромную (не очень вяжется с самовосхвалением). Ирония? Самоирония? Невинное девичье кокетство? Заигрывание с подругой? На мой взгляд, сложновато.

c). Ни в чём, кроме допустимости эпиклезы τριήλλιος, не соглашается со мной В. П. Яйленко только в отношении *граффито на амфорной ручке из Фанагории* [*Шелов-Коведяев* 2018г, 239–242]. Увы, в стк. 4 там читаются лишь чётко выписанные две *лямбды*. *Мю* невозможно (литеры, пусть и с перехлёстом, прочерчены явно, что-либо, что можно было бы понять, как срывы при написании *мю*, отсутствует). А это решает дело. Примеров гаплографии вроде ἄγ(γ)ελος в архаических и раннеклассических граффито довольно в Bull. ép. Гермес мыслился подателем земных благ, в том числе, плодородия полей, скота и т.п. [*Gruppe* 1906, 1337; *Nilsson* 1906, 393; *Farnell* 1909, Vol. V, 25; cf. *Otto* 1981, 128–130, 132]. Поэтому нет ничего неприемлемого в том, что он называется «вестником медимна» в безыскусных *ученических* стихах (для них даже в своём роде элегантная метафора).

d). Мне очень жаль, что я вынужден быть неблагодарным в ответ на все похвалы В. П. Яйленко при изучении им *обсценной записи из Гермонассы* [*Шелов-Коведяев* 2018б, 75–77]. Его версия о τι в конце стк. 2 сама по себе очень интересна, а материалы, привлечённые им, весьма информативны. Но последняя буква стк. 2 – не *йота*, а точно *эта*: на обтяжке рисунка тушью её перекладина видна, а при полиграфическом воспроизведении (ср. о его несовершенстве выше) прорисовки она слилась с контуром излома. Поэтому мне приходится настаивать на своём. В датировке же своей [см. там же, 75] я исхожу из даты слоя (не позднее второй половины V в. до Р.Х.), где был обнаружен фрагмент. Ещё пример того, что палеография – ненадёжный датирующий признак для граффити, всегда отмеченных индивидуальными особенностями почерка.

20. **Об оценке Н. Н. Казанским древнегреческой поэзии на Боспоре**. Не могу не привести, с согласия учёного, полные цитаты из электронной переписки с ним от 4 февраля 2019 г. и свои заметки к ним.

О новом фрагменте аттической комедии из Гермонассы он пишет «Мне очень понравилась смелая интерпретация надписи на штукатурке (3 раздел Вашей статьи). Думаю, что здесь Вы абсолютно правильно связали дошедший фрагмент с лексикографическими описаниями, хотя местами Ваша реконструкция и может показаться слишком смелой». Без комментариев.

О граффито из Фанагории – «необходимо решить вопрос о Симоне. Я очень хорошо понимаю, почему Л. Дюбуа понимает это имя как женское. У нас есть пример, когда эпитет χαρίεσσα определяет именно гетеру в тексте Anth. gr. 16.324:

ὧδέ σοι, ὦ χαρίεσσα Λεόντιον, εὖ μὲν ᾽Αθήνη
τέχνης, εὖ δ᾽ εἴδους ἄκρα δέδωκε Κύπρις.

Текст не оставляет сомнений в том, что Λεόντιον гетера. Также и Σῖμον как женское имя, в котором номинатив и вокатив совпадают по форме, известно по надписям в Афинах и Дельфах, причем это имя обладает ясной внутренней формой. Мне кажется, что как Курносая она и фигурирует в интересующем нас тексте.

Прилагательное χαρίεσσα обычно в применении к женщине на всем протяжении греческой литературы, включая и достаточно поздние примеры (ср. Himerius Soph. Declamationes et orationes. Oratio 9, 231: φέρε οὖν, εἴσω τοῦ θαλάμου παραγαγόντες αὐτὸν ἐντυχεῖν τῷ κάλλει τῆς νύμφης πείσομεν. ὦ καλή, ὦ χαρίεσσα· πρέπει γάρ σοι τὰ τῆς Λεσβίας ἐγκώμια. σοὶ μὲν γὰρ ῥοδόσφυροι Χάριτες χρυσῆ τ' Ἀφροδίτη συμπαίζουσιν, Ὧραι δὲ λειμῶνας βρύουσι·). То же самое касается прилагательного ἀγαθή, которое употребляется в самых серьезных и уважительных контекстах, ср. Aristot. Rhet 1361a 8: ἔστιν δὲ τῷ κοινῷ μὲν [εὐτεκνία], νεότης ἂν ᾖ πολλὴ καὶ ἀγαθή, ἀγαθὴ δὲ κατ' ἀρετὴν σώματος, οἷον μέγεθος, κάλλος, ἰσχύν, δύναμιν ἀγωνιστικήν· ψυχῆς δὲ σωφροσύνη καὶ ἀνδρεία νέου ἀρεταί· ἰδίᾳ δὲ εὐτεκνία καὶ πολυτεκνία τὸ τὰ ἴδια τέκνα πολλὰ καὶ τοιαῦτα εἶναι, καὶ θήλεα καὶ ἄρρενα· θηλειῶν δὲ ἀρετὴ σώματος μὲν κάλλος καὶ μέγεθος, ψυχῆς δὲ σωφροσύνη καὶ φιλεργία ἄνευ ἀνελευθερίας. Такого рода примеры можно множить, ср.: Clemens Alex. Stromata 4, 20, 126 φησὶν ἡ τραγῳδία,

ὤνησε κάλλος εἰς πόσιν ξυνάορον,
ἀρετὴ δὲ ὤνησε πολλάς· πᾶσα γὰρ ἀγαθὴ γυνή,
ἥτις ἀνδρὶ συντέτηκε, σωφρονεῖν ἐπίσταται.

Совсем иное значение имеет прилагательное μέτριος, которое в поэзии появляется обычно в ремесленных контекстах (у меня в книжечке о Стесихоре есть подборка текстов на μέτρον) или так, как Диоген Лаэрций пишет о неумеренном (т.е. несоразмерном) килике, употребление которого привело к оскорблению Муз (Anthol. Gr. 7. 104):

Ἀρκεσίλαε, τί μοι, τί τοσοῦτον ἄκρητον ἀφειδῶς
ἔσπασας, ὥστε φρενῶν ἐκτὸς ὄλισθες ἐῶν;
οἰκτείρω δ' οὐ τόσσον, ἐπεὶ θάνες, ἀλλ' ὅτι Μούσας
ὕβρισας οὐ μετρίῃ χρησάμενος κύλικι.

Лишний раз хочу подчеркнуть, что прилагательное μέτριος, хотя его и пытались связать с килико́м, возвращает нас к идее видеть в имени кличку гетеры, которая рекламирует свой труд. Таким образом, это слово стоит по смыслу несколько обособленно, при том, что отчетливо наблюдается трехчастное деление текста и тройственная характеристика дамы. Невозможно разнести по двум единствам слова χαρίεσσα и κάλλος: не «прелестная красота», но только «прелестная в отношении красоты (acc. relationis)», за которым следуют еще два определения – «добрая и умеренная». Вспоминается Феогнид ἵππος ἐγὼ καλὴ καὶ ἀετλίη в любовном контексте. И здесь такая же самореклама гетеры, но в Вашем тексте гетера еще говорит о соотношении цена – качество, а не о соответствии партнеру по размеру.

Следует специально подчеркнуть, что интерпункция в надписях обычно не отражает фразовую интонацию. На русском языке об этом написано немного, но такой разбор представлен, например, в статье «Между письменным и устным текстом: древнегреческое «наивное письмо»» // Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб., 2001. С. 246–256. Из западных работ – раздел у L. Threttе. Интерпункция выделяет главное: героиня «Курносая»

и «исполненная прелести». А синтаксически я бы делил на «милую своей красотой», «добрую» и «умеренную». Как представляется, такое интонационное членение фразы удачнее других. Что же касается метрики, то здесь ожидался бы один из ходовых размеров, но он не очевиден и в нем не наблюдается совершенства:

– – υυ – υ : – υ : – υυυ – : – – υ –

Приведенная Вами параллель с первой строкой надписи на Кубке Нестора еще раз возвращает нас к вопросу о стихотворной форме – далеко не все исследователи первую строку на Кубке считают метрической. Впрочем, само соотношение стиха и прозы в архаических надписях представляет собой проблему, о которой писал Н. В. Шебалин в своей диссертации. Для меня эта надпись, которую я бы перевел как «Курносая я, красотой приятная, добрая не жадная», не выглядит «любовным посланием», но Вы, безусловно, правы, отказываясь видеть в килике «говорящий предмет». Увидеть надпись полностью можно было только осушив килик. Это был личный килик гетеры, допивая из которого, она автоматически предлагает свои услуги».

Поскольку три индивидуальности со столь разным опытом, как Л. Дюбуа, В. П. Яйленко и Н. Н. Казанский сходятся в том, что κάλλος есть accusativus relationis, это понимание мне, при всём уважении к памяти моего учителя, следует принять. Обратив моё внимание на то, что при интерпретации ἀγαθή было бы полезно учесть контексты, где это прилагательное применяется к уважаемым женщинам и, полагая, что μετρίη (разве здесь невозможна игра слов? Так мало известно об эллинской поэзии за пределами хрестоматийных образцов) указывает на скромную плату Σῖμον за её услуги, Н. Н. Казанский согласен со мной в главном. *Надпись принадлежит гетере, которая обращается* к мужчине *в неидеальных стихах*.

Но «добрая» значит, всё-таки, доступная: особенно, если мой корреспондент прав, что гетера нежадная. Тогда «добрая не жадная» – тавтология. Уместна ли она?

Понимание же Σῖμον (ср. имена сатиров и менад на аттической вазописи Σιμάδης, Σιμαῖος, Σῖμις, Σῖμος, Σίμδν; Σίμᾱ, Σίμη ктл. – см. [*Fränkel* 1912, 9, 21, 23, 67; *Kossatz-Deißmann* 1991, 169–171]) прозвищем укрепляет мою [*Шелов-Коведяев* 2020, 428–429] трактовку граффито, упоминающего Нису (см. выше этюд 14а) из той же Фанагории, как реплики аматёра курносой даме полусвета. Наконец, не я один считаю, что диссертация Н. В. Шебалина должна стать настольной книгой тех, кто изучает греческую поэзию.



Список литературы

Б*елоусов* А. В., *Винокуров* Н. И., *Трейстер* М. Ю. 2017. Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье // АРХОНТ. Античные Реликвии Херсонеса. Открытия, находки, теории. Саки, 31–38.

Белоусов А. В., *Сапрыкин* С. Ю. 2018. Ещё раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре // Аристей. 18, 246–268.

Завойкина Н. В. 2018. Два граффити частного характера позднеархаического времени из Фанагории // ДБ. 22. М., 67–71.

З*авойкина* Н. В. 2020. Граффито ок. 520-х гг. до н. э. из Фанагории // КСИА. 258, 245–259.

И*ванчик* А. И., *Петерс* Б. Г. 1988. Греческая надпись из раскопок Патрея в 1986 г. // ВДИ. 2, 119–121.

К*азанский* Н. Н. 2020. Гимн Дионису VI–V вв. до н. э. из Пантикапея // ВДИ. 4, 896–906.

С*апрыкин* С. Ю., *Винокуров* Н. И., *Белоусов* А. В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму // ВДИ. 3, 134–162.

Сапрыкин С. Ю. 2019. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 24, 473–487.

Сапрыкин С. Ю. 2020. Агораномия на Боспоре // ДБ. 25, 320–337.

Ш*ебалин* Н. В. 1978. Истоки древнегреческой метрической надписи. Дисс. канд. филол. наук (рукопись). Л., 144.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3, 98–106.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018а. Об обстоятельствах гибели Елизаветовского поселения в 270-е годы до Р. Х. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 2. Ростов-на-Дону, 364–370.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018б. Древнегреческая поэзия на Боспоре // Вестник ННИГУ. 6, 71–80.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018г. Школьная поэзия в Фанагории // ДБ. 22, 239–241.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2019. Греки и варвары в зеркале ономастики и малой эпиграфики // Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах. СПб, 80–83.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2020. De titulis Bosporanis et viciniis // ДБ. 25, 424–440.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2021. De titulis Chersonesi Tauricae III // Херсонесский сборник. XXII (в печати).

Я*йленко* В. П. 2017. О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму // МАИСК. 9, 471–483.

Яйленко В. П. 2020. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани // ДБ. 25, 443–511.

A*rbabzadah* M. 2012. The Disappearing Man // ZPE. 180, 253–255.

B*evilacqua* G., *Giannobile* S. 2000. «Magia» rurale siciliana: iscrizioni di Noto e Modica // ZPE. 133, 135–146.

Bevilacqua G., *Ferradini Troisi* F. 2009. Due amulet funerary dalla necropoli occidentale di Egnazia // Annuario della Scuola Archeologica di Atene. Serie III, 7. Vol. LXXXV, 249–261.

Bonner C. 1951. Amulets chiefly in the British Museum. A supplementary Article // Hesperia. 20/4, 301–345.

C*ampedelli* C. 2017. Bemerkungen zur athenischen defixio *SEG* XXX 326 // ZPE. 201, 201–207.

D*aniel* R. W., *Maltomini* Fr. 1990. Supplementum Magicum. Vol. 1. Opladen, XXIV+213, VIII pls.

E*lia* R. 2014. Defixiones // Odisseo. III/1, 15–81.

F*arnell* L. R. 1909. The Cults of the Greek States. Vol. V. Oxford, XII+483.

Ferraro D. 2014. Le defixiones – fonti della storia economica e sociale. Arcavacata di Rende, 184 p.
Fränkel Ch. 1912. Satyr- und Bakchennamen auf Vasenbildern. Bonn, 80 S.
G*ruppe* O. 1906. Gruppe Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. 2 Bde. München, 1923.
J*effery* L.H. 1963. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, XX + 416 P., 72 Pl., Tab.
Jordan D. R. 1978. A Silver Phylactery at Istanbul // ZPE. 28, 84–86.
Jordan D. R. 1985. A Survey of Greek Defixiones not included in the Special Corpora // Greek, Roman and Byzantine Studies. 26/2, 151–197.
Jordan D. R. 1994. Inscribed Lead Tablets from the Games in the Sanctuary of Poseidon // Hesperia. 63/1, 111–126.
Jordan D. R. 2002. Remedium amoris. A Curse from Cumae in the British Museum // Ancient Journeys. A Festschrift in Honor of E. N. Lane. 2.5. (Stoa Consortium website: http://www.stoa.org/lane/).
K*agarow* E. G. 1929. Griechische Fluchtafeln (Eus Supplementa. Vo. 4). Leopoli, VIII+79.
Kossatz-Deißmann A.1991. Satyr- und Mänadennamen auf Vasenbildern des Getty-Museums und der Sammlung Cahn (Basel), mit Addenda zu Charlotte Frankel, Satyr- und Bakchennamen auf Vasenbildern (Halle, 1912) // Greek Vases in the Paul Getty Museum. Vol. 5. Malibu, 131–199.
Kotansky P. 1994. Greek Magical Amulets. P. I. Wiesbaden; Opladen, XXVIII+415, XXVIII pls.
Kotansky P. 2002. An early Christian Gold *Lamella* for Headache // Magic and Ritual in the Ancient World. Leiden, 37–46.
Kretschmer P. 1894. Die griechischen Vaseninschriften ihrer Sprache nach untersucht. Gütersloh, 251 S.
M*atrocinque* A. 2019. Defixio from Caesarea Maritima against a Dancer // Litterae Magicae. Zaragosa, 59–75.
N*emeti* S. 2005. Magische Inschriften aus Dakien // Latomus. 64, 397–403.
Nilsson M. P. 1906. Griechische Feste. Leipzig, VI+490.
O*tto* W. F. 1981. Les dieux de la Grèce. P., 333. (traduction de l'édition allemande de 1947).
P*erdrizet* P. 1928. Amulette grecque trouvée en Syrie // REG. 41, 73–82.
Preisendanz K. 1972. Fluchtafel // RAC. 8, 1–29.
S*anzi* E., *Sfameni* C. 2009. Magie e culti orientali. Cosenza, 311, XL tav.
Schwemer D. 2019. Beyond Ereškigal? Mesopotamian Magic Tradition in the Papyri Graecae Magicae // Cultural Plurality in Ancient Magical Texts and Practices. Tübingen, 62–85.
Sijpestejn P. J. 1969. Ein Herbeirufungszauber // ZPE. 4, 187–191.
Stroud R. S. 2013. Magical Lead Tablets // Stroud R. S. The sanctuary of Demeter and Kore: The Inscriptions (Corinth. XVIII/6). Princeton, 81–158.
T*heis* Chr. 2016. Circulus magicus. Apotropäische Kreise in magischen Ritualen // Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe. Ägypten. 62. Wiesbaden, 193–210.
Trzcionka S. 2007. Magic and Supernatural in Fourth-Century Syria. L. –N. Y., XI+220.
V*ersnel* H. S. 1998. An Essay on Anatomical Curses // Ansichten griechischer Rituale. B., 217–268.
W*ünsch* R. 1900. Neue Fluchtafeln // Rheinisches Museum für Philologie. 55, 62–85.
Wünsch R. 1905. Antikes Zaubergerät aus Pergamon. B., 50, 4 Taf., 20 Fig.



Summary

F. V. Shelov-Kovedyayev
De titulis Bosporanis et viciniis IV

This paper continues the series of corrections to some published inscriptions from Cimmerian Bosporus. **No 12** (fig. 1, 2) presents the magical *phylactery* on the silver cup from the castle of Artesian. **No 13** (fig. 3, 3a, 4, 4ab) proposes the understanding of graffito on amphora's fragment from the same castle as *defixio* on the solders named into it. **No 14** insists that the graffito from Phanagoria mentioning the city founder Phanagorus was inscribed around the beginning of third quarter of VI century BC by two hands, one coming from West-Ionian islands. **No 15** (fig. 5) brings the new reconstruction of the published fragment from the excavations of Patrasys in 1986. **No 16** (fig. 6) formulates the new lecture of the *orphic* hymn from Panticapaeum recently discussed by Nikolay N. Kazansky. **Nos 17** (fig. 7) & **18** rejects the Sergei Yu. Saprykin's proposals concerning some graffiti from Panticapaeum and the collection of the Kerch State Museum. **Nos 19a-d** discusses the Valery P. Yailenko's lectures of four bosporan verse-inscriptions. **No 20** publishes the correspondence with Nikolay N. Kazansky about two verse-inscriptions from Hermonassa and Phanagoria.

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-339-8.432-479

В. П. Яйленко
(Независимый исследователь, г. Москва)

Критика критики: о рецензиях на «Тысячелетний Боспорский рейх» и византийский раздел «Истории и эпиграфики Ольвии, Херсонеса и Боспора»

Щедро умею платить за любовь я любовью,
но и язвящих меня также умею язвить.
Филодем[1]

I. О рецензии А. Аврама на книгу «Тысячелетний Боспорский рейх»

После смерти Л. Робера северочерноморский раздел в Bulletin épigraphique более или менее хорошо вели в конце 1990-х и начале нулевых Ф. Готье да Л. Дюбуа, но из-за языкового барьера им было трудно и с 2006 г. они передали раздел знающему русский язык А. Авраму. Он хороший специалист по надписям Западного Понта, но не знает эпиграфику Северного Причерноморья, ибо она совсем иная. Я показал это на примере его суждений в Bull. ép. о ряде ольвийских и боспорских надписей (ОХБ, 662–663).[2] Его единственная попытка внести свой вклад в изучение северочерноморской эпиграфики обернулась конфузом: он опубликовал мелкий декрет из Тиры, аттестовав его «аутентичным и неизданным», но В. Кожокару указал, что он давно издан, и еще В. В. Латышев считал его поддельным [*Cojocaru* 2016, 107, n. 363][3]. Тем не менее, общая квалификация эпиграфиста позволяет А. Аврааму в той или иной мере сносно судить в Bull. ép. о литературе по эпиграфике Северного Причерноморья. Поначалу и мои статьи (о магических и посвятительных граффити Пантикапея [*Яйленко* 2005, 459–508; 2006, 340–413]) он обозревал, как и положено, информационно [Bull ép. 2009, № 385 = REG, 122, p. 509–511; 2010, № 466 = REG, 123, p. 805–807], хотя от его комментариев пользы никакой. Но затем он занял по отношению ко мне и моим публикациям обструктивную позицию, ибо

[1] Эпиграмматист I в. до н.э., цитата из Anth. Graeca, V, 107 (пер. Л. В. Блуменау).

[2] Здесь и далее употребляем следующие сокращения своих книг 2010 и 2017 гг.: ТБР – «Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.»; ОХБ – «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.».

[3] Я благодарен ему за эту справку. Сожалею, что «повелся» на публикацию Аврама, теперь дезавуирую написанное об этом декрете в ОХБ на с. 609.

ему заказали отрицательную рецензию на ТБР (подробности: ОХБ, 663). Такую он и написал [Bull. ép. 2013, 315 = REG. 126, p. 538–541] – исключительно в негативном ключе там, где он мог сделать хоть какие-нибудь критические замечания. В остальном же ему приходилось излагать в одной-двух фразах содержание отдельных глав книги. Стоит присмотреться к его тексту в надежде, что и в заказной рецензии может содержаться деловая критика, в которой я заинтересован ради дела[4]. Allons y!

Поначалу критик излагает ряд соображений общего свойства [Bull. ép., p. 538–539][5]. Далее следует избирательный перечень заголовков десятка глав из почти 40, при этом критерий отбора остался загадкой. Первая надпись, к которой он обратился – вотив Левкона I из Лабриса. Если в числе общих соображений мне адресован упрек в игнорировании части опубликованных мнений, то говоря о конкретных надписях, например, об этой, критик вынужден констатировать полный учет их автором. Поскольку тексты надписей, как правило, руинированы, каждый исследователь предлагает свои дополнения. Какие-то из них Av. воспроизводит – чаще для критики, нежели для одобрения. Само по себе это было бы полезно, если бы не его частая манера отделываться одним словом, как тут. Вот стк. 3–5 вотива Левкона с моими дополнениями (в стк. 1–2 говорится, что Левкон поставил это изображение Фебу Аполлону): τῆςδε πόλεως μεδέοντι Λαβρύτωμ, |[e.g. βὰς μὲν γὰρ ἐκ]| Θευδοσίης τε μάχηι καὶ κράτει ἐξεδ[ίοξ']| Ὀκταμασάδεα γῆς ἐΞίνδων «владыке сего города лабритян, *ибо двинувшись из* Феодосии, с боем и с победой из*гнал* из синдской земли Октамасада»[6]. Цитирую Аврама: «[e.g. βὰς μὲν γὰρ ἐκ]| Θευδοσίης τε μάχηι κτλ. (impossible); ἐξεδ[ίοξ'] | Ὀκταμασάδεα γῆς (impossible)». У него это обычная манера критики, не только моих писаний, но и всяких, что ему не по вкусу. Он игнорирует ту прописную истину, что в научных трудах, даже в лапидарных по стилистике, как Bull. ép., необходимо аргументировать свою точку зрения, тем более, когда ведется критика, а без этого всем его impossible грош цена. Но я не собираюсь ограничиться констатацией сей банальной заповеди научной работы: как писали мелкие поэты-символисты начала XX в., «хочу кррови!», – разберемся, насколько оправданы цитированные его «импоссибли».

Ясно, что в дополнении [e.g. βὰς μὲν γὰρ ἐκ] служебные слова служат лишь для заполнения лакуны – они нейтральны по смыслу и не вносят сколько-нибудь значимого содержания, поскольку в точности смысл утраченного текста определить сложно. По этой

[4] Далее для краткости употребляю его фамилию в сокращении Av., как в Bull. ép., где, к примеру, вместо Jailenko A. Аврам в соответствии с правилами этого издания дает сокращение Ja.

[5] Начинает Av. с тех же замечаний, что и Иванчик, разумеется, отсылает читателя и к его рецензии, чем подтверждается их взаимосвязь: заголовок «Тысячелетний рейх» вызывает у Аврама негативные аллюзии; книга состоит из уже опубликованных работ (подразумевается – ничего нового), это удобно, но не очень, так как нет резюме на иностранном языке. Все это инсинуации, что я уже разъяснил (ОХБ, 655–659). Av. ставит мне в вину, что нет подробного указателя; тут он прав – одного указателя надписей в ТБР мало, я учел это замечание в ОХБ, дав подробнейший индекс. Приложенный к ТБР список русской литературы впечатляющий, пишет Av., но ставит мне в вину, что я игнорирую Bull. ép. и пр. (и это обстоятельство разъяснено: ОХБ, 663). Конечно, ведется речь о резком тоне моей полемики с коллегами-эпиграфистами; Av. хочет сделать его односторонним – лишь с моей стороны, но явно кривит душой, поскольку полемика крепкая по тону с обеих сторон. Достаточно упомянуть, что как раз мои «Критические заметки по эпиграфике и "искусствознанию" Северного Причерноморья» (ДБ. 12/2, 541–591) явились ответом на ядовитые высказывания С.Р. Тохтасьева по адресу ряда заслуженных и уважаемых мною коллег – Т.В. Блаватской, Ф.В. Шелова-Коведяева, И.В. Тункиной, В.И. Каца, А.Дж. Грейема, И. Руссу, Л. Дюбуа и др.; часто и по моему адресу (там же, 573).

[6] Дополненный текст тут и далее даем курсивом.

причине можно догадываться, что impossible критика относится к причастию βάς «пройдя, двинувшись». А вот оно как раз обусловлено сохранным контекстом – Θευδοσίης τε μάχηι καὶ κράτει ἐξεδ[ίοξ'] | Ὀκταμασάδεα γῆς ἐΞίνδων! Октамасад – сын Гекатея, известного нам синдского царя, так что при gen. γῆς ἐΞίνδων «из синдской земли», да еще при глаголе с тем же предлогом ἐξ- ясно, что Левкон «с боем и с победой» изгнал (ἐξεδ[ίοξ') его из Синдики. Остается определить, какую роль играет в этом действии предшествующий gen. Θευδοσίης? Ничего иного, как то, что явился Левкон в Синдику из Феодосии, за которую он как раз и воевал с Гераклеей (Полиен)[7]. Стало быть, с войском (τε μάχηι καὶ κράτει) Левкон явился в Синдику для войны с Октамасадом, этими логическими умозаключениями на основе сохранного текста надписи и обусловлено мое иллюстративное дополнение βάς «двинувшись, пройдя», его-то Av. и назвал «невозможным». Надпись Левкона стихотворная, так что мне достаточно отметить, что это причастие, в том числе с предлогами ἀπό, ἀνά, ἐπί и др., употребительно в поэтическом языке: Гомер (Ilias, I, 611; Od. V, 50), Феогнид (ст. 334), Софокл (Eumen. 256; Oed. Col. 167), Еврипид (Ion, 603; Iphig. Taur. 97). Контекст с переводом войска дает «Рес» Еврипида (стт. 110–111): στράτον μέλλεις ἄγειν τάφρους ὑπερβάς «намереваешься вести войско, перейдя рвы». С предлогом ἐξ и переходом долгого расстояния находим аналог в указанном месте «Одиссеи»: Гермес Πιερίην δ' ἐπιβὰς ἐξ αἰθέρος ἔμπεσε πόντῳ «Пиерию пройдя, из эфира пал к морю». Так как (ἐπι)βάς аористное причастие, ему соответствуют аористные же глаголы – ἔμπεσε в данном стихе «Одиссеи», ἐξεδ[ίοξε] в моем дополнении. Единство конструкции сего Гомеровского пассажа и обсуждаемых стихов вотива Левкона выказывают и род. падежи – [ἐκ] Θευδοσίης и ἐξ αἰθέρος. Одно это единство конструкции показывает, что ремарке Аврама impossible и гроша много – nullité.

Несколько замечаний Av. более пространны, но подспудно коварны. В договоре ольвиополитов с неким Сатиром Ю. Г. Виноградов опознал в ключевых стк. 8–9 боспорского царя Левкона, сына Сатира: ὁ[μολογία Ὀλβιο]|πολίταις καὶ Λεύ[κωνι Σατύρō]. Однако вместо его ΚΑΙΛΕΥ в стк. 9 ясно читается ΚΑΤΑΕ, в связи с чем я прочел иной текст: ὁ[μολογεῖ τοῖς Ὀλβιο]|πολίταις κατὰ ε[ὔνοιαν (?) Σάτυρος] «*заключает договор* с ольвиополитами по *благосклонности (?) Сатир*», в котором усмотрел гераклейского тирана середины IV в. Av. согласен, что у моего чтения больше резонов, но замечает, что приведенные мною контексты из дипломатических и прочих надписей с εὔνοιαν обычны, а вот конструкция κατά с εὔνοιαν остается без параллелей. Такого рода критика рассчитана на зарубежного читателя, не знакомого с русским языком и у которого нет ТБР под рукой – это уловка для диффамации, ибо на самом деле я привел примеры сочетания εὔνοιαν с предлогами, в том числе и с κατά – из почетного декрета Теоса (Syll.[3] 620. 5): κατὰ τὴν λοιπὴν εὔνοιαν «по прочей благосклонности» (ТБР, 90). Таков мой критик, рецензия которого, в отличие от моей книги, общедоступна в Сети.

Следующий памятник – почетный декрет нимфейцев в честь Митридата Евпатора, изданный Е. А. Молевым, доработанный мною и Ю. Г. Виноградовым. Рассмотрев текст последнего, я заключил, что «ввиду изложенного вариант Виноградова неприемлем во

[7] С. Р. Тохтасьев усмотрел тут титул Левкона «архонт Боспора и Феодосии», но ему не место в эпиграмме, так как титул официальный и употреблялся лишь в официальных документах (ТБР, 18–19).

всех своих слагаемых» (ТБР, 200–201), Аврам же пишет [p. 540]: «Яйленко в принципе принимает его (т.е. вариант Ю.Г. – *В.Я.*), хотя (pour autant) следует не всем его позициям». Как видно, опять дезинформация, поэтому резюмирую французской, с тем же autant, поговоркой: autant de paroles, autant de mensonges. Далее, Иванчик да Тохтасьев опубликовали в 2009 г. три фрагмента плиты из Танаиса с остатками надписи, которую вслед за Виноградовым сочли посвящением танаитов за Динамию. В сохранном тексте имени Динамии нет, есть имя Фарнака и эпитет Митридата Евпатор, но главное состоит в том, что фр. В по параметрам букв да характеру письма отличен от двух остальных и потому составляет отдельную надпись. Я дал exempli gratia текст двух посвятительных надписей – одной за Митридата, другой за Фарнака, оговорившись, что «ввиду малой сохранности возможны различные компоновки текста» (ТБР, 210). Аврам не хочет сказать прямо о главном – что объединение Иванчиком и Тохтасьевым трех обломков ошибочно, и, употребив эвфемистическое «Яйленко по-другому распределил фрагменты», обрушился на восстановленные мною тексты посвящений – они де целиком спорны, сомнительны, неправдоподобны. И снова ни одного конкретного возражения, лишь не подкрепленные аргументацией безапелляционные негативные оценки, так что к месту еще одна поговорка: autant en emporte le vent, соответствующая русской о лае, носимом ветром.

Далее Av. переходит ко второй части книги – «Vademecum по Корпусу боспорских надписей», в которой я приглашаю читателя, так сказать, на прогулку (vademecum «иди со мной») по надписям КБН и ряда последующих эпиграфических публикаций А.И. Болтуновой, Т.В. Блаватской и других исследователей (ТБР, 477–656). Расположив по типологии и хронологическому принципу, я и тут пересмотрел сотни надписей, уточнив, как правило, по сверке с камнями, их текст и интерпретацию. Что же делает Аврам? Сообщив об этом разделе, он пишет [p. 541]: «Вмешательство Яйленко порой рискованно, если откровенно не негодное», поскольку восстанавливает он целые строки, хотя сохранилось по несколько букв». И подтверждает свой приговор несколькими примерами. ТБР, с. 486: в КБН 240 -- АПА-- | --|-- | --^--, Ja. [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖ|νος ἀνέθηκεν Ἀφρο|δείτηι Οὐρανίηι] Ἀπα|[τούρου μεδεούση]ι vac. |[ἄρχοντος Παιρισά]δ[ου][8]. ТБР, с. 488–491: КБН 802 ΙΑΚΑ | ΑΤΟΡΑ, Ja. [e. g. Εὐμηλον ἄρχον]τα κα[ὶ βασιλέα | Βοσπόρου, νικ]άτορα [ὁ δεῖνα][9]. ТБР, с. 496: КБН 1004 (по Авраму, несколько сохранившихся букв, мы их приведем) --αμ-- | --σῳ-- | --νπ-- | --ωτη-- | --ουν--, Ja. [βασιλέ]α μ[έγαν e. g. Ρησκούποριν, υἱὸν | βασιλέω]ς [Κότυος φιλορωμαίου, τὸν | εὐεργέτη]ν π[ατρίδος καὶ τὸν | ἑατοῦ σ]ωτῆ[ρα ὁ δεῖνα τοῦ | .....]ουν--[10]. На с. 494–496, 504–505 ТБР, продолжает Av., «есть другие предложения, которые при том, что кажутся приемлемыми, остаются тем не менее плохо проверяемыми»: замена в КБН 42 имени Рескупорида на имя его отца Котиса I в соответствии с новым прочтением датировки в надписи; в КБН 32 замена имени Савромата I на Котиса II.

Это все, что сказано критиком по поводу второго раздела ТБР (с. 477–656), в котором, повторю, мною пересмотрены текст и интерпретация сотен надписей из КБН

[8] Наш перевод: «*Такой-то посвятил Афродите Урании, владычице* Апатура, *при архонте Перисаде*».

[9] Наш перевод: «(?) *Евмела, архонта и царя Боспора*, Победителя (*его статую), поставил имярек*».

[10] Наш перевод: «*великого царя е. g. Рескупорида, сына царя Котиса, друга римлян, благодетеля отечества и своего спасителя (поставил) имярек, сын такого-то (должность)*».

и более новых публикаций. Там представлены и большие по сохранному тексту (есть просто громадные), и средние, и малые; например, соединив опубликованные порознь крупные фрагменты из Горгиппии я восстановил опистограф – 2 акта фиасов в 30 и 32 строки (ширина сохранного текста 10–15 букв; ТБР, 637–646). Но Аврам для подтверждения своей негативной оценки раздела в целом выбрал со стр. 488–491, 496 три мельчайших по сохранности текста надписи и представил их характерными для всего раздела примерами моей работы с лапидарными памятниками. Это типичный жульнический прием unum pro toto, когда нечто одно выдается за целое, когда, так сказать, по одному мазку наперсточник шельмует всю картину. Воздав критику должное, вступлюсь и за перечисленные им мелочи – я ведь не реконструировал их тексты с бухты-барахты, для этого были свои резоны. Например, обломок КБН 240 -- АПА-- | --|-- | --^-- найден неподалеку от посвящения за Перисада, Камасарию и Аргота Афродите Урании, владычице Апатура КБН 75, по которому и дал предположительное восстановление текста. Издатели КБН 42 поставили под сомнение вычитанную А. И. Болтуновой дату ϙτ΄ (= 390 г. босп. эры = 93 г. н. э.), я по камню описал остатки первой цифры и прочел πτ' (= 380 г. босп. эры = 83 г. н. э.), что автоматически влечет за собою дополнение в формульном тексте вместо имени Рескупорида имени его отца Котиса I. До всего этого Авраму дела нет, его задача не разбираться в моей аргументации, которой уснащена каждая страница ТБР, а компрометация книги и ее автора. Посему воздам оценку его рецензии очередной пословицей, на этот раз про ломаный грош – cela ne vaut pas les quatre fers d' un chien.

Я начал сей отзыв с надежды, что рецензия Av., хоть и заказная, может иметь какую-то практическую пользу, ибо я заинтересован в деловой критике[11]. Увы, анализ рецензии показал, что никакой конструктивной критики там нет, ее цель – огульная диффамация книги да ее автора. Коль пользы никакой, то резонно заключить свой отзыв о рецензии А. Аврама по уже сложившейся здесь традиции очередной французской поговоркой: c' est aussi utile, qu' un cadavre, также речением бессмертного Козьмы Пруткова: «Фельетонист, я пробежал твою статейку. Ты в ней упоминаешь обо мне; это ничего; но ты в ней неосновательно хулишь меня! За это не похвалю»[12].

[11] Дабы читатель не думал, что я встречаю в штыки любые критические замечания к своим писаниям, отмечу недавнюю статью Ф. В. Шелова-Коведяева [АМА. 19, 342–355], в которой на с. 349 он справедливо указывает, что копию надписи КБН 1237 Мартынова я ошибочно приписал Ф. Грефе (ТБР, 586). На с. 345 он отметил, что в ТБР (с. 585) и ОХБ (с. 818) я неправильно указал обсуждаемую строку надписи КБН 36: должна быть стк. 36, а не 33. Относительно ОХБ это действительно так, а в ТБР указана правильная стк. 36. Есть и замечания, с которыми не могу согласиться. На с. 353 Ф. В. Шелов-Коведяев дополнил стемму рода Дадовых, указав на ошибочность моей стеммы в ТБР, 587. Там я писал, что Евий, сын Дады, внук Зенона надписи 192 г. КБН 1243 (тут я ошибочно указал КБН 1247) является внуком Зенона, сына Дады, внука Евия надписи 193 г. КБН 1237. Оба современники (одна надпись 192 г., другая 193) и иного объяснения быть не может. Также его дополнение к стк. 36 посвящения КБН 36 неприемлемо. Я прочел по камню ὁ ἐπίτ(ροπος). . Παιρισάδους «попечитель *культа* Перисада», поскольку ἐπίτ – обычное сокращение слова ἐπίτ(ροπος) (ТБР, 585; ОХБ, 818). Ф. В. (с. 345) предложил чтение ὁ ἐπὶ τ[οῦ ἱεροῦ] Παιρισάδους – куратор святилища Перисада. Дополнение излишнее, так как между ΕΠΙΤ и ΠΑΙΡ резчик оставил бланковый промежуток, показывая тем самым, что ΕΠΙΤ – сокращение (это видно и на фото в КБН-альбоме). Иначе говоря тут нет утраченного текста, лишь промежуток на 1–2 буквы (ТБР, 585).

[12] Читатель может поинтересоваться: почему только в 2021 г. я обратился к рецензии, опубликованной в 2013 г., поясню. Я не обращал на нее внимания, как и на рецензию Г. А. Кошеленко, ввиду полной их бесполезности для дела. Однако история с С. Р. Тохтасьевым переменила мое мнение. Я написал пространный отзыв на его статьи 2006–2007 гг. о малоазийцах на Боспоре, о стелах Керченского лапидария и пр., где показал ошибочность его заключений и по поводу множества личных имен, и в отношении чтения да толкования ряда

II. О рецензии А. Ю. Виноградова на византийский раздел книги «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э.»

Этой книгой 2017 г. (далее ОХБ) я закончил занятия лапидарной эпиграфикой античного Северного Причерноморья и поскольку в дальнейшем собирался заниматься граффити (ОХБ, 11), решил приложить в качестве последнего, VII раздела (с. 876–918) две опубликованные ранее статьи по византийской эпиграфике. Одна – «О «Корпусе византийских надписей с территории СССР»» – переиздана целиком (см. о ней ниже), а из статьи 2010 г. «Христианские и парахристианские надписи Боспора IV–VI вв.» [ДБ. 14, 610–711] извлек материалы о 14 лапидарных раннехристианских надписях [там же, 612–634], почти все из Пантикапея (№ 4, 13 с Тамани), IV–VI вв. (кроме № 2). На этот раздел ОХБ поступил отзыв А. В. Виноградова: «О христианской эпиграфике Северного Причерноморья в новой книге В. П. Яйленко» [ВДИ. 2018. 3, 738–745][13]. Автор берет с места в карьер: «*В. П. Яйленко постоянно упрекает своих оппонентов в том, что они полемизируют лишь с его идейными высказываниями, не касаясь его научных достижений*». Как видно, он уже в первой фразе обозначил негативное отношение к моей персоне, а заодно и свои приемы – передержки да подтасовки, ибо читатель не найдет в моих работах понятия «идейные высказывания» и «мои научные достижения» – только «мои научные достижения и ошибки» (ОХБ, 12), это вовсе иной контекст. Обращает на себя внимание удивительная оперативность А. В. да редакции ВДИ: книга ОХБ поступила в продажу осенью 2017 г., а уже в № 3 за 2018 г. дана его рецензия. Ничего странного нет ни в их оперативности, ни в несоответствии профиля ВДИ византийским материям, коль главред журнала тот самый А. И. Иванчик, который скромно стоял за рамками рассмотренной только что тоже негативной рецензии А. Аврама на ТБР[14]. И в сочинении А. В. уже во второй фразе видны те же ушки: как пример непотребного тона моих писаний по отношению к коллегам он

надписей [*Яйленко* 2008, 545–578; 2009, 477–538; ТБР, 120–192]. Ни одного возражения со стороны Тохтасьева не последовало, с тем он и отбыл в мир иной. Но это в быту можно повернуться спиной к оппоненту и не замечать его, а в науке иначе: кто не дал обоснованного ответа на критику, тот и ошибался, а критик прав. Потому я и решил в конце концов, что негоже оставлять «рецензию» А. Аврама без своего отклика, ибо сам на финише жизни, когда-нибудь тоже уйду и поле останется за его инсинуациями. Если оставить в стороне заказной характер рецензии Аврама, то по- человечески понимаю, что он взвалил на себя непосильную ношу, обозревая в Bull. ép. и SEG, огромное количество работ по эпиграфике колоссального региона – Западного, Северного, Восточного Причерноморья. Ему просто некогда вникать в существо обозреваемой литературы. Для пользы дела он должен сосредоточиться на том, что знает – эпиграфике Западного Понта, оставив Сев. Причерноморье своему alter ego А. В. Белоусову, который ведет эпиграфическую хронику региона с 2012 г. Хотя она слабая и у него нет такого опыта, как у Аврама (я в интересах дела проанализировал всю хронику А. В. Белоусова – Л. Г. Елисеевой литературы за 2017 г. [*Яйленко* 2020, 205–222], так что знаю, о чем пишу), она при всех своих издержках в той или иной мере полезна как историографическая площадка.

[13] Поскольку далее постоянно упоминается фамилию рецензента, для краткости сокращаем: А. В. Далее приводим много цитат из его рецензии, чтобы читатель не путался – где они и где мой текст – выделяем их курсивом.

[14] На спешку с опубликованием рецензии указывает и немалое число орфографических перлов (приведем один: «ошибочное посторенние резчиком слогов диттография вполне известна и на Боспоре»): видимо, в редакции ВДИ она не прошла через правку технического редактора. Обратим внимание и на то, что обе погромные рецензии – А. И. Иванчика на ТБР и А. Ю. Виноградова – висят в Сети на множестве сайтов, в том числе на одних и тех же, причем первая уже 10 лет. Сие стоит немалых денег, ежегодно выплачиваемых, так что все это – спланированная и бессрочная кампания против меня и моих книг, оплачиваемая специфического рода фондом (см. ОХБ, 658, прим.).

ссылается на с. 659 ОХБ, где я вскрываю малопочтенные приемы Иванчика, с помощью которых состряпана его рецензия на обложку ТБР. Итак, уже первые две фразы рецензии А. В. выдают ее целевую установку – сокрушить супостата да его книгу. Отсюда заданность его финального вердикта: «*корректно не прочитана и не интерпретирована ни одна (!) христианская надпись*». Если бы содержанием моей книги было, скажем, расписание движения электричек с московских вокзалов, свою рецензию на нее А. В. завершил бы точно так же, ибо такова его исходная субъективная установка: вендетта. В третьей фразе А. В. пишет, что пребывает «*в надежде на подробный, по всем пунктам нашей критики ответ Яйленко*». Запрос на «подробный, по всем пунктам нашей критики ответ» явно завышен, ибо сам он лихо рубит 2–3 фразами то, что я доказывал на 2–3 страницах. Тем не менее, не стану разочаровывать его, а себе не откажу в удовольствии пройтись аргументированной критикой по его малокомпетентной, а местами и просто забавной рецензии: «как я любил в тебе, мой серафим, | твою борьбу с моею мыслью каждой»[15]. А для меня это повод еще раз уточнить детали интерпретации нескольких надписей.

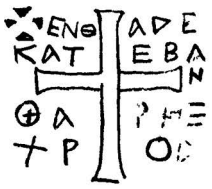
1 (рис. 1. *1*а–в)[16]. Плита с крестом во все поле, в 4 сегментах между его рукавами 4-строчная надпись. Издал В. В. Латышев [1905, 132], увидевший в ней эпитафию: ἐνθάδε κατ(άκιτ)ε Βαν-- (переведем) «здесь покоится Бан--». Камня он не видел, поэтому мое обращение к подлиннику позволило точнее разобрать текст, который оказался важным в историческом отношении: † ἐνθάδε | κατέβᾳ|ν | Ὸαρήξ, | Χρόδ «сюда явились Оарекс, Хрод». Оба имени известны из хроник Малалы и Теофана: под 527/8 г. в рассказе о событиях боспорско-византийской истории фигурируют царица гуннов-савиров Боарекс и царь пограничных с Боспором гуннов Грод. На 7 страницах (ОХБ, 877–884) я обосновываю чтение текста надписи, интерпретацию исторического содержания и прочее, критик же разделался со всем этим несколькими росчерками пера: «*такие чтение и интерпретация не могут быть приняты ни с эпиграфической, ни с лингвистической точки зрения. Во-первых, автор совершил элементарные ошибки в прочтении хорошо сохранившихся букв, к тому же, прокрашенных охрой: в первой букве третьей строки четко видна только вертикальная гаста, какой не бывает у омикрона, а в конце четвертой строки никакой дельты не существует. Во-вторых, в христианской эпиграфике Боспора слово ἐνθάδε всегда означает "здесь", но никогда – "сюда". В-третьих, надписи о том, что кто-то куда-то спустился, в Византии неизвестны, тем более что наша найдена в склепе, – напротив, эпитафии с формулой "здесь лежит" на Боспоре преобладают среди надгробий: автор допускает последнюю возможность, но формулы ἐνθάδε κατέβαν в них неизвестно. Наконец, засвидетельствованные в письменных источниках имена Βωαρήξ (Феофан Исповедник. Хронография 175) и Γρώδ (Иоанна Малала. Хронография 18, 14), на которые указывает автор, никак не могли превратиться в Ὸαρήξ и Χρόδ. На самом деле надпись относится к типу широко распространенных позднеантичных надгробий Боспора: Ἐνθάδε κατ(άκειτ)ε Βανφαρηξ (?). Χρῶ (?). Необычна здесь только финальная формула. Негреческое же имя покойного легко читается как Βανφαρηξ или Βανφα ῥήξ*». Разберем цитированное по пунктам.

[15] Аполлон Григорьев. Поэма 1857 г. Venezia bella (Избранные произведения. Л., 1959, 358).

[16] В ОХБ (с. 877–901) номера надписей от 1 до 14, сохраняем тут нумерацию, следует ей и А. В., поэтому не даю ссылки на страницы ОХБ и его рецензии.



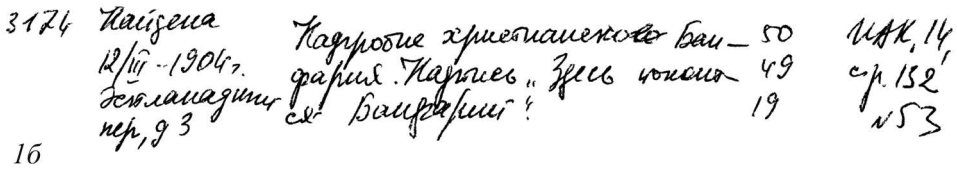
1



1а



1в



1б

Рис. 1. Надпись № 1 (фото и прорисовка автора)

Сначала о главном – о прочтении букв. Я «*совершил элементарные ошибки в прочтении хорошо сохранившихся букв*», счел он; а по моему мнению, критик должен быть точен: в основном надпись хорошо сохранна, но есть и проблемные места, по поводу которых как раз и писал Латышев, что имени погребенного ему «не удалось разгадать в комплексе кое-как разбросанных букв». Согласно А. В., «*в первой букве третьей строки четко видна только вертикальная гаста, какой не бывает у омикрона, а в конце четвертой строки никакой дельты не существует*». Действительно, в начале стк. 3 на его фото в IOSPE V, 272 видно Φ (т.е. Ф), у меня в архиве два фото – контрастное и светлое, на обоих вполне видно Θ, что может быть только омикроном с вписанным крестом, он нередок в византийских

надписях, представлен и на Боспоре (его я показал на прориси с камня, см. и рис. 1, 1в).[17] Отсутствие крестовины на фото А. В. элементарно объясняется углом съемки (впрочем, кто не захочет ее видеть, как А. В., тот и не увидит). Сложнее с дельтой в конце стк. 4. Тут правый нижний край плиты подтерт, но все же видны тонкие остатки буквы – вертикаль и две черточки под углом к ней и друг к другу, которые вполне составляют дельту (рис. 1. *1*а, в). Что тут именно она, свидетельствует ее необычная постановка: в стк. 1 хорошо видная дельта покоится не на горизонтальном основании (Δ), а на уголке – ▷ (т. е. положена набок, Δ-supinum). Точно так расположены остатки буквы и в конце надписи, совпадение их с уникальной постановкой дельты в стк. 1 верифицирует прочтение и этих остатков как дельты. Лишь опознав на камне эту букву, я понял смысл надписи, до того маловразумительный, – в ней хорошо знакомые нам по боспорско-византийской истории имена Βοαρήξ и Χρώδ[18]. Что дело обстоит именно так, показывает ущербность текста А. В.: Ἐνθάδε κατ(άκειτ)ε Βανφαρηξ (?). Χρδ̃ (?), перевода которого он хитро́ не дал по причине бессмысленности оного; в IOSPE (V, 272), где перевод обязателен, дал: «Здесь лежит Ванфарикс (?). Пользуюсь (?)». Абсурдный смысл сего плода «учености» А. В. свидетельствует лишь об одном – как не надо читать надписи. Он не потрудился разъяснить удивительное для надписи из 3 слов и 1 личного имени наличие двух глаголов, больше того, что начисто добивает его версию, в разных грамматических лицах: κατ(άκειτ)ε 3 л., χρδ̃ (= χράω) 1 л. Получается забавный смысл: родственники или сам покойник констатируют, как положено в эпитафиях: «Здесь лежит Ванфарикс», но вдруг покойник добавляет от себя выкрик (1 лицо!): «Пользуюсь». От души поздравляю критика с оригинальным пониманием эпитафий, – и в таком скорбном деле он нашел струйку оптимизма: его Ванфарикс помер, тем не менее, сообщает читателю, что продолжает пользоваться, хотя и не уточняет, чем именно. Порадуемся за обоих[19].

Если же отвлечься от кладбищенского юмора А. В. и вернуться к надписи, то в книге я разобрал также возможность понимания ее как эпитафии, поскольку у глагола καταβαίνω есть и значение «умирать» (*Liban*. 38, 16): † ἐνθάδε | κατέβα|ν | Ὀαρήξ, | Χρόδ «здесь скончались Оарекс, Хрод». Однако такое чтение требует ряда допущений. К примеру, известно, что Грода после визита к Юстиниану и крещения убили сородичи, но о крещении Боарекс и ее гибели вместе с ним известий нет, эпитафия же требует этого. Упоминание в надписи вместе Оарекс и Хрода может означать их супружество, о чем опять-таки известий нет. Ввиду этих обстоятельств, пожалуй, единственно возмож-

[17] В первом слове псалма христианской катакомбы 1895 г. конца V – начала VI в. [*Кулаковский* 1896, 66 и табл. XIII]. Мои контрастное фото и прорись воспроизведены в ОХБ (с. 878), прилагаю их и тут (рис. 1. *1*, *1*а). IOSPE V – это электронный ресурс Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. V. А. Виноградов. Византийские надписи (в Сети том стал доступным, судя по копирайту, в 2017 г.). А. В. и другие издатели этого корпуса пишут IOSPE^3 V, но том V издается в первый раз, поэтому краткости ради снимаем тройку. Моя книга опубликована в 2017 г., но сдана в издательство в 2014 г. (ОХБ, 12, прим.), когда тома IOSPE V еще не было в Сети.

[18] Не знаю, каким образом на моей прориси этой надписи в ОХБ (с. 878) появилась целиком сохранная дельта. На прориси в моем полевом альбоме показаны различимые следы буквы, не более; прилагаю здесь эту прорись. В книге художник увеличил ее в два раза, вероятно, показал и дельту более четкой.

[19] В византийских эпитафиях продолжается античная еще традиция обращения покойного к прохожему (читателю надписи), но это краткий и содержательный, либо даже развернутый, гномический текст, как, например, в надписи из Партенита: «Прямо взгляни, человек, и узри гроб, в котором вскоре будешь и сам пребывать» (и т. д.) [*Латышев* 1896, № 69], а не односложный выкрик.

ным становится памятный характер надписи о визите сих гуннских владык на Боспор, где согласно рассказу Малалы о Гроде и Боарекс (Воарекс), «происходили сношения (συναλλαγαί) ромеев с гуннами». Такой характер памятного знака и с тем же начальным ἐνθάδε имеет надпись официала IV в. Устана на плите, воздвигнутой близ Фанагории: ἐνθάδη τοξεύει Οὐστάνος προτωκομίτες Χιμιρίς, υειὸς Ἀγαθοῦ τοῦ [--] «здесь стреляет из лука Устан, протокомит Киммериды, сын Агафа --» (см. ниже, № 15).

После конфуза А. В. с его эпитафией-выкриком вообще-то надлежит закончить разговор о понимании надписи, но поскольку сам он не осознает этого, коротко об остальных его замечаниях. Он пишет: «*в христианской эпиграфике Боспора слово ἐνθάδε всегда означает «здесь», но никогда – «сюда»*». Тут он просто не в ладах с грамматикой: суть дела не в «христианской эпиграфике Боспора», как ему кажется, а в грамматическом управлении: у наречия места ἐνθάδε с глаголами движения, как καταβαίνω, значение «сюда». Вот несколько примеров из позднеантичных и византийских источников (по TLG): ἐλευσόμεθα ἐνθάδε «мы придем сюда» (Пастырь Гермас), ἐλήλυθας ἐ. «ты пришел сюда» (средневековая Vita Aesopi), προύπεμψεν ἐ. «доставил сюда» (Темистий), προσκόμισας ἐ. «доставив сюда» («Деяния Евпла»), ἀγαγεῖν ἐ. «привести сюда» («История монахов»). Кстати, аористная форма κατέβαν тоже употребительна в позднеантичное и византийское время – у Синезия, Свиды, Евстафия. Критик пишет: «*надписи о том, что кто-то куда-то спустился, в Византии неизвестны, тем более что наша найдена в склепе*». Тут перевран мой текст, ибо веду речь не о том, что Грод и Оарекс «куда-то спустились», а о том, что у καταβαίνειν значения «сходить вниз, спускаться, совершать переход из глубины страны к побережью», по этой причине «применительно к землям Боарекс и Грода их приход в Боспор-Керчь и есть передвижение из внутренних частей страны к побережью» (ОХБ, 880). Тут же поясняю примером с упомянутым памятником Устана характер надписи – это памятный знак о визите сих гуннских владык на Боспор[20]. А что надпись найдена в склепе – не аргумент, ибо камней вторичного использования, в том числе с надписями (не эпитафиями), сколько угодно, поэтому ограничимся одним примером: посвящение за царя Котиса КБН 61 служило перекрытием могилы на некрополе горы Митридат.

Наконец, о последнем аргументе критика, что имена Βωαρήξ и Γρώδ Феофана да Малалы «*никак не могли превратиться в Ὠαρήξ и Χρόδ*». Сперва отметим, что рукописи Феофана e, m дают форму Βωαρήξ, рукописи x, z Βοαρήξ [*Чичуров* 1980, 27, 77], последняя отличается от нашей формы Ὠαρήξ только начальным В, которое с рубежа эр звучало как спирант v (поэтому Βοαρήξ звучало как Воарикс). В книге мы разъяснили происхождение анлаутного О этого тюркского имени: в тюркском языке гуннов протетический согласный v происходит из ō, этот начальный анлаут и представлен формой Ὠαρήξ (уже с III–II вв. до н.э. греческие гласные стали утрачивать долготу, что привело, в частности, к смешению ω и ο). Также я подробно изложил соотношение литературной формы Γρώδ, Γορδάς и нашей Χρόδ. Коротко говоря, тут то же неразличение ω и ο, что же до

[20] В эпиграфике есть тип «надписи посещения каких-либо значительных мест», это лапидарные памятники и граффити; о таковых античного времени см. [*Guarducci* 1975, 198–226], о надписях христианских пилигримов позднеантичного времени [*Eck* 1995, 206–222], богатую литературу по граффити о посещении христианских святых мест свела Энн Ясин [*Yasin* 2015, 55–57]. Процитируем ее (p. 39): «граффити удостоверяют посещение отдельного святого места».

анлаута, то у Феофана 3 рукописи дают Γορδάς, одна Χορδᾶς. По происхождению оно германское, ср. Chrode-bertus (CIL XIII, 7320, раннехристианское время), первой основе которого в точности соответствует Χρόδ нашей надписи. Как видно, в книге разъяснено соотношение имен надписи с их литературными аналогами, но критику нет никакого дела до наших разъяснений. Поэтому и моя задача не переубеждать его – это так же бессмысленно, как и его «эпитафия», а показывать читателю безосновательность его критических утверждений. В завершении отмечу и мелочи. Он не вполне точно передал мой текст надписи (см. его выше), который в его передаче таков: *ἐνθάδε κατέβαν Ὡαρήξ, Χρόδ «Сюда спустились Оарекс, Хрод»*. Тут нет креста, «спустились» вместо моего «явились»[21]. Добавив красоты его русского языка – «*формулы ἐνθάδε κατέβαν в них неизвестно*», «*Иоанна Малала. Хронография 18*» (Иоанн Малала у него переменил пол), – резюмируем: критика еще и неряшлива.

К сожалению, точку на этом не поставить. В IOSPE V, 272 как в корпусе положено давать всю литературу, но А. В. не пожелал не только привести мой текст надписи, но даже дать ссылку на мою статью о ней [ДБ. 2010, 612–618]. Мне-то от сего ни холодно, ни жарко, а вот читателя он обирает этим. Увы, обирает не только его. В IOSPE V, 272 в графе «Издание» он указал: «L. 1. Латышев, 1905, 131–132, № 53». Это означает, что Латышев прочел только стк. 1 с ἐνθάδε. Но мы выше привели его текст: ἐνθάδε κατ(άκιτ)ε Βαν-, так что на самом деле он прочел почти всю надпись, пояснив, что целиком имя не разобрал. Таким образом, обобран и Латышев, которому наш герой милостиво разрешил быть автором первого слова надписи. Имя же А. В. дал в IOSPE V, 272 полностью, хоть и под вопросом – Βανφαρηξ (?). Но и оно не его: в инвентарной описи лапидарного собрания Керченского музея (К 3174) дана ссылка на статью Латышева 1905 г. и сказано: «Надгробие христианское Банфария. Надпись: «Здесь покоится Банфарий»» (рис. 1. *1*б; возможно, это догадка Ю. Ю. Марти, который издал несколько византийских надписей). Итого, из текста А. В. – Ἐνθάδε κατ(άκειτ)ε Βανφαρηξ (?). Χρδ (?) – лично ему принадлежит лишь бесценное прочтение Χρδ (?) «Пользуюсь (?)», как сказано, превратившее скорбную эпитафию в кладбищенскую шутку. Тем не менее, на весь текст в IOSPE V, 272 наложен знак его единоличной авторской собственности: «© 2015 Андрей Виноградов». В науке это называется плагиатом. И такого рода безобразием обильно уснащен весь его том IOSPE V. Ради одного этого – возвращения уже умершим ученым их реального вклада в византийскую эпиграфику Северного Причерноморья – стоило бы написать рецензию на IOSPE V. С одного В. В. Латышева А. В. собрал (точнее сказать, содрал) обильный урожай в свою копилку. Дабы читателю не казалось, что я раздул криминал из одного случая (из мухи сделал слона), добавлю пример с IOSPE V, 3 из средневекового Белгорода (утрачена). В графе «Издание» А. В. пишет «ineditum», а в комментарии: «Латышев (Латышев 1896, 117, №108) видел надпись в музее ООИД». Значит, все-таки editum. Достаточно обратиться к сборнику византийских надписей Латышева 1896 г., чтобы видеть иную картину на стр. 117, половина которой уделена этому памятнику: тут он описал обломок колонны, дал все необходимые промеры и приложил копию

[21] В выложенной в Сети рецензии (я пользовался ею) вовсе не показаны точки под греческими буквами. К примеру, κατέβαν вместо моего κατέβαν, Χρόδ вм. Χρόδ. Если таково и в бумажном варианте, это мрак.

текста с камня, добавив, что «надпись не поддается восстановлению». Итого автору IOSPE V, 3 принадлежит лишь перевод маюскул Латышева в минускулы с маловразумительным восстановлением нескольких слов[22]. Но под всем этим плагиатом непременное «© 2015 Андрей Виноградов». И последний пример – с обиранием живого коллеги. Я обратил внимание на идентичность снимка белгородской надписи IOSPE V, 2 с той, что опубликовал А.В. Красножон [2016, 71, 371, № 15]; на мой запрос он ответил, что прислал их А.Ю. Виноградову по его просьбе, и когда увидел, что в IOSPE V его авторство не отмечено, написал ему несколько писем, но ответа не получил. Добавлю: по части текстологии да историографии почти весь комментарий А.В. заимствован из статьи Красножона, также текст надписи, но без ссылки на него.

Я подробно рассмотрел вопросы интерпретации надписи Оарекс и Грода по причине ее большой исторической значимости – она подтверждает сведения Малалы и Феофана о византийско-боспорско-гуннских отношениях в 527–528 гг. Содержательная взаимосвязь их сведений и надписи – залог именно такой ее интерпретации.

2 (рис. 2. *1*). Мелкий осколок мраморной плиты с остатками двух строк, мой текст: [ἐνθάδε κατάκειται (ὁ) δ]ο̃ῦλος [τοῦ θεοῦ ὁ δεῖνα, ἐ]ν η΄ ί΄ς (= ἰνδικτιῶνος) «*здесь покоится* раб *божий имярек*, в году индиктиона восьмом». Замечания А.В.: «*Во-первых, во всех боспорских надгробиях с формулой "здесь лежит раб Божий/раба Божья" (IOSPE V 287–294) слово δοῦλος/δούλη имеет артикль. Во-вторых, форма θεοῦ в византийских надписях Северного Причерноморья всегда дается в сокращении θ(εο)ῦ. В-третьих, для средневизантийского Воспора, к которому Яйленко относит надпись, возможна также формула ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ (ср. IOSPE V 319, 321). Наконец, ни в одной византийской надписи слово ἰνδικτιῶνος не сокращается как ί'ς (sic!), тем более что над йотой стоит знак диерезы, а сохранившееся полукружие справа может принадлежать не только сигме. На самом деле во второй строке надписи легко восстанавливается стандартная формула [μη]νὶ Ἰο[υνίου (resp. Ἰο[υλίου) ..'] (для Боспора ср. IOSPE V 315, 340)*». Увы, критик или плохо видит, или не желает читать мои пояснения к тексту (дальнейшее покажет, что он вообще игнорирует любую мою аргументацию). Его замечание «*во всех боспорских надгробиях с формулой "здесь лежит раб Божий / раба Божья" слово δοῦλος/δούλη имеет артикль*» неточно и вообще, и конкретно тут, ибо в моем тексте член (ὁ) дан в скобках, т.е. он мог быть, мог и не быть. Для второго варианта я привел пантикапейскую эпитафию Федора (см. ниже № 11), в которой перед δοῦλος нет артикля (как и в ряде других надписей Северного Причерноморья, см. ниже), и продолжаю: «Слову δοῦλος обычно предшествует член (ὁ δοῦλος), иногда он опускается». Именно такую картину показывают, к примеру, граффити храма девы Марии (бывший Парфенон) на афинском Акрополе: они обычно с ὁ δοῦλος (примеров много), иногда без артикля [*Орландос* 1973, № 78, 148, 151 и др.]. То же и в Северном Причерноморье [*Латышев* 1896]: с артиклем № 1, 3, 44, 51, 54, 60, 61, 66, 69, 75, 76, 90, 94, 100–102, 109; без артикля № 27, 33; [*Диатроптов, Емец* 1995, 34, рис. 32]. Как видно, заявление критика, что слово δοῦλος употребляется с артиклем «во всех боспорских надгробиях», неверно – отнюдь не во всех.

[22] Его перевод надписи: «Колон[ну эт]у… рыб… поставил …ван, сын И…рия, к[апитана (?)». Надпись на колонне о соленой рыбе – что-то новое в эпиграфике. Максимум, что есть – горос с упоминанием об устройстве «рыболовной станции» (см. ниже, № 4).

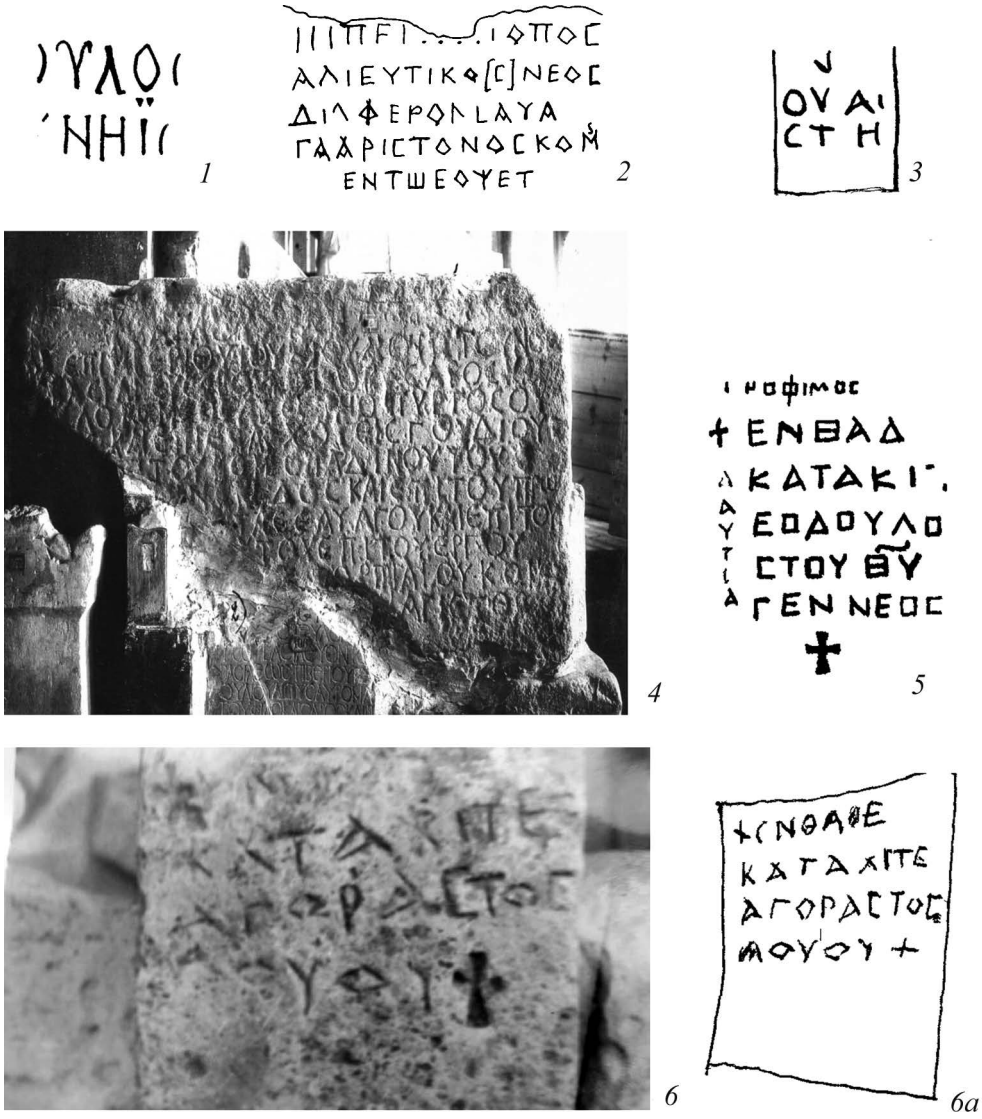


Рис. 2. Надписи № 2, 3, 4, 6, 10, 14 (*1, 5, 6* – прориси и фото автора; *2* – прорисовка Б. А. Раева; *4* – фото из архива А. И. Болтуновой; *3* – прорись IOSPE II, № 306а)

Следующее замечание критика – «*форма θεοῦ в византийских надписях Северного Причерноморья всегда дается в сокращении θ(εο)ῦ*» еще более неточна: отнюдь не всегда. Примеров достаточно, поэтому ограничусь двумя эпитафиями – Архелая и еще одного Федора из Керчи: ἐνθάδε κατάκιτε ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Ἀ[ρ]χέλαος и ἐνθάδε κ[α]τ[άκιτε] δοῦλος τοῦ θεοῦ Θεόδ(ω)ρ(ος) [*Диатроптов, Емец* 1995, № 10, 21][23]. А. В. продолжает: «*возможна также формула ἐκοιμήθη ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ (ср. IOSPE V 319, 321)*». Конечно, возможна, раз есть пара примеров, но обычна формула ἐνθάδε κατάκειται, это вопрос локального узуса. Например,

[23] См. по этому вопросу и ниже, № 6.

в тех же надписях Парфенона или Каппадокии превалирует формула ἐτελειώθη ὁ δεῖνα «скончался имярек». Лишь замечание критика, что «*ни в одной византийской надписи слово ἰνδικτιῶνος не сокращается как ί'ς*» правильно, но я и сам видел это, по причине чего предусмотрел другой вариант: ί΄ϙ = ἰ(νδικτι)ών(ος), т. е. ἰνδικτιῶνος (с примером из Египта [*Avi-Yonach* 1940, 72]), пояснив, что «такое сокращение нечасто, самое обычное ἰνδ». Критик продолжает: «*На самом деле во второй строке надписи легко восстанавливается стандартная формула [μη]νὶ Ἰο[υνίου | Ἰο[υλίου)*». Как обычно, он ошибается, ибо перед сохранным NH была буква с диагональю, от которой сохранилась верхушка – *ипсилон* или *альфа*: ΄ NH. По сей причине невозможно предложенное им чтение [μη]νή, так как у буквы Η нет такой диагонали. Заодно неверно и мое чтение тут [ἐ]ν. Поэтому добавлю: так как остаток диагонали перед N может принадлежать букве Υ, возможно дополнение слова [γυ]νή. В таком случае эпитафия поставлена супругам, и возможный текст таков: [? ἐνθάδε κατάκεινται ὁ δ]οῦλος [τοῦ θεοῦ nomen | καὶ nomen γυ]νή, ἰ(νδικτι)ών(ος) [--] «(?) *здесь покоятся* раб *божий имярек и такая-то (имя) же*на; индиктиона *такого-то*».[24] Эпитафия резана на мраморной плите, это редкость, обычно надгробные стелы Боспора из местного известняка. Поэтому можно думать о высоком ранге усопших и добавить перед именем покойного его титул или должность.

Далее А. В. коротко затронул вопросы датировки рассматриваемой надписи: «*По палеографии (минускульная лямбда, миндалевидная омега, ипсилон с «усиками») данная надпись ближе всего стоит к надгробию Иоанникия с Таманского полуострова 1078 г. (IOSPE V 340) и должна датироваться, соответственно, не IX–X вв., как пишет Яйленко, а примерно второй половиной XI в., сближаясь по времени с воспорским надгробием Феодоты 1065 г. (IOSPE V 319)*». Критика подводит недостаточное знание палеографии: это отнюдь не только «примерно вторая половина XI в.», но средневизантийское письмо IX–XI вв. в целом. Удобно обратиться по этому вопросу к граффити Парфенона, так как среди них много датированных по году (к тому же они резаны на мраморе, как и наша надпись, также письмо их маюскулярное). Хотя от керченской эпитафии остался десяток букв, видно, что письмо ее умелое, ровное, наиболее показателен по графике *ипсилон* с завитками концов ветвей, под стать ему и *лямбда* с утолщенным окончанием левой боковины да слегка загнутым концом правой. В той или иной мере им близки следующие надписи Парфенона (номера по своду А. К. Орландоса): IX в. – № 81, 192; X в. – № 61, 63, 70, 76, 160, 188; XI в. – № 57, 58, 217[25]. Эти декоративные формы перешли из курсива римского времени (ср. такой же *ипсилон* в школьной тетради IV в. из Египта [*Guarducci* 1978, 457]), поэтому есть и памятники V–VII вв., к которым восходит интересующий нас пошиб средневизантийского письма: например, надпись V в. из церкви в киликийской Мопсуэстии [Ib., 429]), граффито Парфенона 693 г. [*Ορλανδος* 1973, № 34].

В керченской эпитафии А. В. видится «минускульная *лямбда*, миндалевидная *омега*», но на камне миндалевидной *омеги* нет, есть левая часть округлой буквы – с, о или ω.

[24] Разбивка на строки условная. Как сказано, в слове индиктион над первой иотой знак сокращения: ί΄ϙ = ἰ(νδικτι)ών(ος) = ἰνδικτιῶνος. В датировке указание месяца и числа смерти часто, но не обязательно; примеры с индиктионом и годом [*Латышев* 1896, № 109; *Орлανδος* 1973, 191]; одним индиктионом датирована эпитафия № 11 (см. ниже).

[25] В XII в. письмо становится более декоративным – № 39, 40, 47, 48 и др.

Ламбда в принципе может быть минускулярной, но в эпитафии нет других минускул, так что она, как N и Н, из набора маюскулярного унциала[26].

3 (рис. 2. *4*). Надпись царя Дуптуна КБН 67: при нем воздвигнута сия башня попечением эпарха Исгудия и других официалов. Дав полный ее текст по КБН, отмечаю: «стк. 6–11 текста КБН нуждаются в поправках» и далее на 3 страницах анализирую его, в результате предложив новые прочтения (не видев камня, пользовался хорошей фотографией А. И. Болтуновой, которую дал в ТБР, 433; прилагаю и тут). На с. 888 ОХБ снова воспроизвожу текст надписи (в ней 11 или 12 строк) со своими поправками в стк. 6–11. Для ясного представления о проделанной работе приведу стк. 5–11 по КБН и в своем чтении. КБН: καὶ ἐπὶ ἐπάρχο[υ] Εἰσγουδιου | [καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Ὀπαδίνου τοῦ ἐ|[πὶ τῆς πι]να[κ]ίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρώ|[τεύοντος ? . . .]τα Σεαυαγου καὶ ἐπὶ τοῦ |[? ἐπιμελητο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου |[10] [τοῦ δεῖνος, μηνὸς] Ḡορπιαίου κον-- | --αγιετ. θ-- «при епархе Исгудии и комите Опадине, заведующем пинакидой, и при первенствующем (?) . . . сыне Сеавага, и при попечителе (?) работы . . . месяца Горпиея . . . ». Стк. 5–12 по ОХБ: καὶ ἐπὶ ἐπάρχο[υ] Εἰσγουδιου |[καὶ ἐ]πὶ τοῦ κόμ(ητος) Σπαδίνου τοῦ ἐ|[πὶ τῆς πι]να[κ]ίδος καὶ ἐπὶ τοῦ πρώ|[του ἐπὶ ἄρχον?]τας Σεαυαγου καὶ ἐπὶ τοῦ |[? ἐπιμελητο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου |[10] [*τοῦ δεῖνος*, μηνὸς] Ḡορπιαίου κ΄, οἰḳ[έ|ταις? σοῖς βοήθει, κύ(ριε) κα]ὶ ἅγι(οι), | ἔτ(ους) θϙ[χ΄] «при эпархе Эсгуди и комите Спадине, заведующем канцелярией, и при первом *среди архонтов* (?) Саваге, а также при *попечителе* строительства *имярек*, 20 *числа месяца* Горпиея; *рабам твоим помоги, господи, а также* святые; года 699» (= 402 г.)[27]. Критик предъявляет мне ряд претензий, как обычно, беспочвенных. Начал он с утверждения, что «*Яйленко решил переиздать также знаменитую надпись царя Дуптуна, не прибегнув к аутопсии*». На самом деле ни о каком «переиздании» надписи в ОХБ не было речи, напротив, ясно сказано, что «стк. 6–11 текста КБН нуждаются в поправках», их тексту и посвящена моя заметка. Хотя претензии критика по поводу первой половины надписи направлены не по адресу, все же отмечу, что огласовка имени царя (стк. 2) как была неясной, такой и остается (Δουπτουνο-, Δοιπτουνο-, Διουπτουνο-), хотя В. В. Латышев, А. И. Болтунова и А. В. работали с камнем. На нем в стк. 2 уверенно читается ἐπὶ Τιβερίου Ἰουλίου потому, что это формульный текст, а неизвестное из других источников имя царя изрядно повреждено (см. рис. 2. *4*). На фото в IOSPE V, 265 в начале имени видно Δ⸗ς, где ⸗ – явный скол, наехавший на правую боковину *дельты*, что предполагает чтение Δουπτουνο[υ]. На хорошем фото Болтуновой этот скол не виден, вполне читается Δουπτουνο-, Δοιπτουνο-. В любом случае утверждение А. В. о точном прочтении Ю. А. Кулаковским Διουπτουν- остается субъективным предпочтением.

По поводу второй половины надписи в моем чтении у критика два замечания: «*автор дает в строке 8 чтение Σεαυαγου, позабыв, что чуть выше (на с. 885) принял чтение Ю. Г. Виноградова Σαυαγου. Наконец, чтение конца надписи у Яйленко совершенно фантастично, так как на камне в строке 11 четко читается μαγίστορ…, о чем мы писали еще в 2011 г. Единственной сколько-либо обоснованной конъектурой у Яйленко оказывается предложение читать в строке 8 [ἄρχον?]τας*». Действительно, в комментарии я счел приемлемым чтение

[26] Кстати, в папирусном маюскулярном унциале интересующая нас форма ипсилона фигурирует с III в. н. э. [*Gardthausen* 1913, Taf. 1].

[27] Чтение Γορπιαίου κ΄ дал Ю. Г. Виноградов [1998, 238], Спадин – чтение С. Р. Тохтасьева..

имени Σαυαγου, в тексте надписи на с. 888 дал Σεαυαγου, но в переводе тут же «Саваге». Что написал бы непредвзятый критик? Что Яйленко поддерживает чтение Σαυαγου вместо Σεαυαγου КБН, а в тексте надписи на с. 888 вкралась описка, поскольку и перевод его дает форму «Саваге».[28] Единственное, что заслуживает делового обсуждения в связи с критикой А. В. – вопрос о чтении стк. 10–11. Напомним, по КБН тут Γ̣ορπιαίου κον-- | --αγιετ. θ--, в ОХБ Γ̣ορπιαίου κ΄, οἰκ[έ|ταις? σοῖς βοήθει, κύ(ριε) κα]ὶ ἅγι(οι), | ἔτ(ους) θϙ[χ΄] «20 *числа месяца* Горпиея; *рабам твоим помоги, господи, а также* святые; года 699 (= 402 г.)». Сам А. В. прочел тут (IOSPE V, 265): *Γορπιαίου κ΄, οἰκ[ο | δομοῦντος τοῦ δεῖνος] μαγίστορ[ος]. | [Ἔτους . .ψ]΄ «при стр[оительстве такого-то,] магистра. [В 7.. году (?).]»*.[29] По словам критика, мое чтение «*совершенно фантастично, так как на камне в строке 11 четко читается μαγίστορ*», о чем он писал в 2011 г.; перед этим он пенял мне, что я проигнорировал две его публикации о надписи, хотя в списке литературы на с. 928 ОХБ его статья 2011 г. упомянута. Не ему жаловаться на игнорирование, так как в своей статье [*Виноградов* 2011, № 16] и IOSPE V, 265 он проигнорировал две мои статьи, в которых велась речь о надписи Дуптуна [*Яйленко* 2002, 323–327; 2010, 619–624], также статью Н. И. Храпунова 2002 г.

Со статьей А. В. 2011 г. «Строительные надписи византийского Крыма» у меня случился казус: два обрывка на камнях аркосолия (это ниша в храме для установки саркофага) он отнес к числу строительных, хотя их тип погребальный[30], также надпись № 7 (--ΥΒΗΓΙС в стк. 1, в стк. 2 цифра 7 и сокращение слова индиктион) он под вопросом счел строительной надписью, после чего я в сердцах закрыл статью, из-за указанной ерунды не досмотрев до конца. Как выяснилось теперь, напрасно, ибо последним № 16 в ней была надпись Дуптуна, в стк. 10–11 которой содержалось рациональное зерно, впрочем, так и не проросшее у А. В. в полезное растение. В его чтении тут οἰκ[ο|δομοῦντος τοῦ δεῖνος] μαγίστορ[ος] «*при стр[оительстве такого-то,] магистра*» причастие наст. времени οἰκ[ο|δομοῦντος] невозможно. Во-первых, башня уже сооружена (стк. 4: аорист ἀνέστη ὁ πύργος «возведена эта башня»), поэтому причастие может быть только аористным, либо перфектным. Во-вторых, род. падеж причастия οἰκ[ο|δομοῦντος] означает «строив» или «строящего», так что ошибочен перевод его А. В. существительным «строительство»[31]. В-третьих, «попечитель строительства» уже упомянут: ἐπὶ τοῦ |[? ἐπιμελητο]ῦ τοῦ ἐπὶ

[28] А. В. начал рецензию с замечаний о путанице нумерации в византийском разделе ОХБ, они настолько путаные сами, что диву даешься. На самом деле нумерация проста: в разделе две главы, обозначены они арабскими цифрами 1 и 2. Внутри первой главы арабскими же цифрами 1–14 обозначены 14 надписей, распределенные на 9 параграфов. А. В. напутал, обозначив главу 1 римской цифрой. У меня за последней греческой надписью № 14 (§ 1. 9) следует «III. Лапидарные иудейские надгробия» (ОХБ, 901–906), а должно быть 1. 10. Вот тут цифра III – моя описка, я перенес текст из статьи 2010 г., по недосмотру оставив тройку. В остальном структура и византийского раздела в целом и главы 1 прозрачна, так что критик мог бы и сам понять, что цифра «III» всего лишь технический огрех. Я уже отмечал и далее не раз буду отмечать подобные огрехи в его рецензии, не делая из этого событие.

[29] Его перевод стк. 6–12: «-- *при комите Спадине, секретаре, при пер[вом над ком]итами Саваге и при [надзират]ел[е] за работами [таком-то], 20 горпиея; при стр[оительстве такого-то,] магистра. [В 7.. году (?)]*».Текст статьи А. В. 2011 г. о надписи Дуптуна полностью воспроизведен в IOSPE V, 265.

[30] Ср. полную погребальную надпись на арке аркосолия в херсонской церкви [*Латышев* 1896, № 27].

[31] Конечно, причастие можно перевести существительным, но для этого должен быть соответствующий контекст. Например, в молитвенной записи из Херсона причастие τῶν διαφερόντων В. В. Латышев [1896, № 15] справедливо перевел на основании контекста существительным «сродники» – «о молитве за Мартирия и всех сродников его».

τοῦ ἔργου (дополнение очень вероятное, поскольку эпимелеты постоянно фигурируют в строительных надписях). В-четвертых, перечень причастных к строительству лиц уже закончен. Поэтому приемлемо лишь одно – его чтение μαγίστορ--, и то с исправлением соответственно состоянию текста: [μ]αγίσ[τ]ορ--[32]. Должность μαγίστωρ редкая, в литературных источниках значение ее не связано с военным или строительным делом[33]. Гесихий (s.v. μαγίστωρ) дал еще один эквивалент слова – ἐπιστάτης, и как раз эпистат в аккерманской надписи 1440 г. «начальник / комендант крепости». Эта же надпись предоставляет нам еще два ключа[34]. В надписи Дуптуна посредством темпоральной конструкции с ἐπὶ τοῦ («при имяреке таком-то») дано перечисление официалов, которые имели отношение к сооружению башни. Как сказано, последним значится эпимелет (попечитель) строительства: ἐπὶ τοῦ |[? ἐπιμελητο]ῦ τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου. Имя его не сохранилось, и сразу за ним идет датировка только по месяцу: «в месяце Горпиее, 20 числа». Обязательной датировки по году прямо тут нет, В. В. Латышев и вслед за ним остальные усматривали ее в самом конце текста. Но между датировкой по месяцу и по году следует какое-то продолжение текста: οἰ̣κ[.|- ca. 20–21 -μ]αγίσ[τ]ορ[.1–2.][35]. Понятно, что тут должно быть имя магистра и какой-то текст. Дополнение А. В. «*при стр[оительстве такого-то,] магистра*», как сказано, невозможно. Между тем в строительном акте 1440 г. из Аккермана представлена аналогичная картина (и в старом тексте, и в чтении А. В. Красножона) – датировки по месяцу и по году разведены в разные строки, между ними вставлена молитвенная запись: Διασοσον, αποκληιον τους δουλ[ους] σου Θ(εοτο)κε «Спаси, огради рабов твоих, Богородица». У аккерманской надписи и зачин такого рода (стк. 1): «Моление раба божьего Федорка». На основании этой параллели я и усмотрел в стк. 11 Дуптуновой надписи

[32] Казалось бы, еще один магистр упомянут в строительной надписи из Аккермана, вделанной в башню (тут поздневизантийский вариант лат. magister – μάγιστρος, это дублет к позднеантичному μαγίστωρ). Хотя она 1440 г., по конструкции сродни надписи Дуптуна: «Сооружена настоящая крепость при . . . Стефане воеводе магистром области (μαγίστρου τῆς ἀφεντίας) и начальником крепости (τοῦ κάστρου ἐπιστάτου) лета 6948, ноября 10-го». Это чтение А. С. Уварова приняли последующие ученые вплоть до Д. Пиппиди (в том числе В. В. Латышев [1896, № 3]), их чтения свели воедино М. Шлапак, затем А. В. Красножон [2013, 178–191]. А. В. Красножон дал новое чтение, в котором этих выражений нет [там же, 187–190]: +Δευσης του (δου)λου Θ(ε)ου Θεδωρκα IC XC NI KA (стк. 2) +Γεγωνε (ε)ν τω παρον καστρον (3) επι του ευσεβεστατου αυφεν (4) τος υμων Ιω Στεφανου βο[ε]βωδα (5) και ζουπανου μεγας προ της και φ(ι)λος του Ασπρωκαστρου (6) επι ετους //ϛϡμη ιν(δικτιων) γ. + Διασο (7) σον αποκληιον τους δουλ[ους] σου Θ(εοτο)κε + (8) Στε /NBPH γ/ φαν «Молитва раба божия Федорка, Иисус Христос побеждает. (2) + Свершилась в настоящей крепости (3) при благочестивом господине (4) нашем Иоанне Стефане воеводе (5) и великом жупане, защитнике и друге Аспрокастрона, (6) в году 6948 индикта 3. + Спаси, (7) огради рабов твоих, Богородица (8) Сте/ноябрь 3/фан». Как видно, вместо магистра А. В. Красножон справедливо вычитал титул жупана. Вместе с тем для отдельных мест его чтения есть препятствия, которые он добросовестно изложил. Надпись исполнена вязью, она усложняет понимание текста и отчасти допускает разночтения. На наш взгляд, старое чтение в начале стк. 6 титула ἐπιστάτου точно (στ передано через *стигму*) и в целом читается в стк. 5–6: Φαύστου Ἀσπροκάστρου ἐπιστάτου «Фавста, эпистата *города* Аспрокастрон». Римское имя Φαῦστος распространенное [*Pape*, *Benseler* 1886, 1606].

[33] С разновидностью μαΐστωρ (интервокальное γ не звучит перед узкой гласной) есть значения «учитель, наставник» (*Hesych.*, s.v. μαγίστωρ, s.n. Κονείδης), «врач, целитель» (Hist. Alex. Magni V, 2), придворный распорядитель пиров (*Const. Porphyr*. De ceremoniis. Vol. I, p. 21), было и прозвищем: эпиграмматист Игнатий известен как Μαγίστωρ γραμματικῶν «Наставник грамотеев» (Anth. Graeca, I, 109).

[34] Поясним близость конструкции надписи Дуптуна и аккерманской 1440 г. 1. Датировка по правящему владыке, причем там и там темпоральная формула с ἐπὶ τοῦ. 2. Глагол «строить, сооружать» и объект строительства в вин. падеже. 3. Указание лица или лиц, причастных к строительству. 4. Датировка по месяцу и году, причем в обеих надписях они разведены по разным строкам – в третьей от конца и в последней. 5. Надпись начинается крестом.

[35] В стк. 8, самой длинной, 31 буква, отняв 9–10 (μ]αγίσ[τ]ορ[.1–2.]), получим 20–21 букву в лакуне стк. 11.

молитвенный текст: «*рабам твоим помоги, господи, а также* святые». Молитвенный текст присутствует и в закладной надписи 1452 г. из Аккермана: τέλος ἔλαβεν Θείᾳ τὸ τεῖχος, ἔλθή (ἡ χάρις) ΙϛΧ͞ε τῷ πεποιηκότι «постройка стены *сей* с божией помощью окончена; да снидет благословение твое, Иисусе Христе, на строителя» [*Латышев* 1896, № 2; ср. *Красножон* 2016, № 16][36]. На основании этих параллелей дополняем с небольшим видоизменением в стк. 11 Дуптуновой надписи: [-- σῶσον, κ(ύρι)ε, καὶ nomen μ]αγίσ[τ]ορ[α] «-- спаси, господи, и такого-то (имя), магистра». Осталось понять буквы οἰϗ[. |--] конца предыдущей строки, с которых начинается молитвенная концовка надписи Дуптуна. Как сказано, мы дополняли тут οἰϗ[έ|ταις? σοῖς βοήθει, κύ(ριε) --] «*рабам твоим помоги, господи*, --»; теперь, с заменой глагола βοήθει на σῶσον, те же ойкеты переводятся в вин. падеж – οἰϗ[έ|τας ? --], и в целом читаем стк. 10–11: οἰϗ[έ|τας? σοὺς σῶσον, κ(ύρι)ε, καὶ nomen μ]αγίσ[τ]ορ[α] «*рабов твоих спаси, господи, и такого-то (имя)*, магистра».[37] Слово πύργος означает не только «башню» городской фортификации, но контекстуально также оборонительную систему города в целом (LSJ, s.v.). Поэтому можно предположить на основании параллели из аккерманской надписи 1440 г. Ἀσπροκάστρου ἐπιστάτου (дословно «начальника Белой крепости»), при равнозначности слов μαγίστωρ и ἐπιστάτης (Гесихий), что магистр Дуптуновой надписи заведовал в каком-то плане данной частью оборонительной системы города Боспора[38].

Как сказано, уже Латышев считал, что датировка по году стояла в конце надписи Дуптуна. Теперь, с обретением новых источников, дата определяется по упоминанию официала Саваги. А.В. дал в тексте IOSPE V, 265 дату [ἔτους ..ψ΄] «в 7.. году», а в лемме дату 479–492 гг. , пояснив в комментарии, что Дуптунова надпись совершена «*с одной стороны, до 491–492 гг. – даты его <Саваги> смерти (см. IOSPE V, 305), а с другой, видимо, после 479 г. (а не после 478, потому что наша надпись составлена в горпиее – первом месяце года), когда он назван просто комитом (IOSPE V, 342)*». Его указание «после 479 г.» ошибочно. Савага упомянут в следующих источниках [*Яйленко* 2005, 490]. 1) Надпись с Тамани от 775 г. босп. эры (= 478 г. н. э.), в которой упоминаются и отчество Саваги – он сын Аристона, и должность – комит (см. ниже, № 4). 2) Надпись в керченском склепе 491 г., где Савага упокоен с женой Файспартой [*Кулаковский* 1891, 21–22]. 3) Надгробие фиасотов из Гермонассы, относящееся ко времени между 403–502 гг.: в списке семерых покойных

[36] Ср. и в надписи из Херсона о возведении церкви Богородицы: Δηὰ [βοηθείας (?)] τ[οῦ] κ(υρίο)υ ἡμῶν Ἰ(ησο)ῦ [Χ(ριστο)ῦ ἀνηγέρθη [ὁ ναὸς] [*Виноградов* 2011, № 6]. Переведем: «с *помощью* (?) господа нашего Иисуса *Христа* воздвигнут *сей храм* --».

[37] В соответствии с длиной строки имя магистра короткое, ок. 5 букв.

[38] Напомним, что А.В. дополнил буквы οἰϗ[--] как οἰϗ[ο|δομοῦντος], но такого причастия, как сказано, тут не может быть. Поскольку надпись строительная, его мысль о глаголе οἰκοδομέω «строить» в принципе возможна. Речь может идти о его производных (их несколько), к примеру, οἰκοδομή «здание, постройка»: οἰϗ[οδομὴν σῶσον, κ(ύρι)ε, καὶ nomen μ]αγίσ[τ]ορ[α] «пост*ройку спаси, господи, и такого-то (имя)*, начальника /командира» (ср. у Григория Нисского τοῦ πύργου οἰκοδομή «здание башни»: De virgin. 18, 1). Недостаток такого восстановления в отсутствии необходимого артикля или иного указания (ταύτην «эту» etc.), которое конкретизирует связь οἰκοδομή со словом πύργος предшествующего текста (если его дополнить, не останется места для имени магистра). Если же дополнить причастие οἰϗ[οδομήσαντα --] «построившего», то текст таков: οἰϗ[ο|δομήσαντα σῶσον, κ(ύρι)ε, nomen μ]αγίσ[τ]ορ[α] «*построившего спаси, господи, такого-то (имя)*, магистра». Но дополнение οἰϗ[ο|δομήσαντα] снова упрется в то же возражение, что перечень связанных с возведением башни лиц уже завершен ранее, более того, там фигурирует как раз эпимелет (?) τοῦ ἐπὶ τοῦ ἔργου, т.е. «попечитель (?) строительства» (как сказано, дополнение должности эпимелет весьма вероятное).

фиасотов первым значится Δουτζαγας Σαυαγας κό[μ](ης) (по гуннской традиции у него двойное имя); меж именем и прозвищем стоит христианский крест, что соответствует христианским чертам надписи Дуптуна (ТБР, 446–447; см. ниже, № 16). Саваги № 1 и 3 комиты, а Савага Дуптуновой надписи занимал нижестоящую по значимости за комитом должность «первого *среди архон*тов (?)». Все это позволяет усматривать в трех надписях одно и то же лицо [*Ю. Г. Виноградов* 1998, 241], так что Дуптунова надпись не позднее 491 г. Гермонасский акт фиаса с перечнем 7 убитых сочленов, в том числе Саваги, в которой от даты сохранилась цифра ψ´ (ТБР, 428), тоже датируется тем же годом, так что в ней надо дополнить ψ[πη´] (= 491/2 г. н.э.). Что это так, показывает содержательное единство обеих надписей: акт фиаса сообщает о гибели Саваги сотоварищи, а надпись в семейном склепе констатирует его захоронение там. В надписи 478 г. с Тамани Савага уже комит, так что по менее значимой его должности «первого *среди архон*тов (?)» надпись Дуптуна не позже 478 г. (тут он упомянут после комита Спадина). Таким образом, в утраченной стк. 12 стояла следующая дата (по босп. эре, цифра первого десятка неизвестна): [ἔτους . νψ´] «года 75.» (= 453–462 г. н. э.), или [ἔτους .ξψ´] «года 76.» (= 463–472 г. н. э.), либо [ἔτους .οψ´] «года 77.» (= 473–477 г.).

Итак, читаем в стк. 10–12 Дуптуновой надписи: Γορπιαίου κ´, οἰκ[έ|τας? σοὺς σῶσον, κ(ύρι)ε, καὶ nomen μ]αγίσ[τ]ορ[α· | ἔτους .ν/ξ/ο ψ´] «20 *числа месяца* Горпиея; *рабов твоих спаси, господи, и такого-то (имя)*, магистра; года 75. / 77. » (т. е. ок. 453–477 г. н.э.). Имена надписи Дуптуна гуннские, он царь гуннской династии (ТБР, 446–447, 449–450, 467–476; см. и с. 431–439 о Дуптуновой надписи в целом).

Вернемся к рецензии А. В. Как обычно, в ней немало неточностей в передаче моего текста. ОХБ: [ἐπιμελητο]ῦ, А. В.: [ἐπιμελετο]ῦ. ОХБ: [σοῖς βοήθει, κύ(ριε) κα]ὶ ἁγι(οι), А. В.: [σοῖς, κύ(ριε) κα]ὶ ἅγι(οι) (выпущено слово βοήθει). ОХБ: ἔτ(ους) θϙ[χ´], А. В.: ἔτ(ους) θϟ[χ]´. А. В. постоянно выносит цифровую диакритику (´) за прямую скобку, которой завершается дополненный текст; он явно не осознает, что это делает диакритику сохранной, т. е. она будто бы существует на камне. Свою же статью 2011 г. о строительных надписях Крыма, в рецензии (прим. 6 на с. 739) он отнес к 2010-му году. Из проведенного анализа надписи Дуптуна явствует, что в актив А. В. можно записать лишь прочтение им слова [μ]αγίσ[τ]ορ[--], все остальное о ней и в его статье 2011 г., и в IOSPE V, 265, и в рецензии писано всуе, – спам. Для прочтения одного слова [μ]αγίσ[τ]ορ[--] достаточно где-либо примечания.

4 (рис. 2. *2*). Надпись комита Саваги 478/9 г. с Тамани на обломке мраморного (?) ствола, начало утрачено; издал Ю. Г. Виноградов [1998, 239–240]: ΙΙΠΕΙ. . . [ὁ] τόπος | ἁλιευτικὸς νέος | διαφέρον Σαυα|γα Ἀρίστονος κόμ(ητος) | ἐν τῷ εοψ´ ἔτ(ει)[39]. Перевода не дал, но обозначил содержание надписи: это «межевой столб (ὅρος), который маркировал недавно приобретенный (νέος) участок рыболовецкой станции (τόπος ἁλιευτικὸς)». А. В. внес свою лепту, прочитав в стк. 1 ὠνεί[θη ὁ] τόπος «куплен участок» [*Виноградов* 2010, 149–151] (это чтение он дал и в IOSPE V, 342). По приложенной Ю. Г. Виноградовым прориси Б. А. Раева, которую сверил с фотографией (ее любезно показала мне Н. В. За-

[39] По Ю. Г. Виноградову, это известняковая колонна; согласно А. В., диоритовая (IOSPE V, 342); по мне, на фото мрамор.

войкина), я прочитал в стк. 1 ||[-- ἵ̣ππει[α καὶ] τόπος, и полагая, что это учредительная надпись, которая открывается глаголом καθίστημι, дал такой текст: [e.g. καθεσ|τάθη μάνδρα]| ἵ̣ππεια καὶ τόπος κτλ. «-- e.g. *устроен* конный *загон* и новый рыболовецкий участок, которым владеет комит Савага, сын Аристона, в 775 г.». А.В. пролил на меня критический ливень, в основном воду; разберемся и с нею, но сначала о существе вопроса – прочтении стк. 1 сохранного текста, в котором издатель показал безмолвное ΙΙΠΕΙ. О чтении А.В. я отметил, что «ему препятствует и показанное на прориси П, переправленное им на N, и невразумительный тип «покупательской» надписи» (ОХБ, 890). На это рецензент ответил: «*не менее бессмысленна критика автором нашего чтения ὠνε̣ί[θη] на том основании, что ему "препятствует и показанное на прориси П, и невразумительный тип "покупательской" надписи", – в своей публикации мы прямо указали, что пользовались не только прорисовкой, но и протиркой надписи из архива Ю.Г. Виноградова, где видны и Ш-образная омега (очень ясно), и ню (чуть хуже), как и на фотографии из нашего корпуса, любезно присланной нам Б.А. Раевым; для владельческих надписей мы указали параллель в IGLS 1232 (Антиохена, нач. VI в.); в пользу нашего чтения говорит также определение "новое" при "рыболовном месте". Напротив, предлагаемое Яйленко чтение начала надписи [e.g. κατεστάθη μάνδρα] ἵ̣ππεια, мало того что представляет собой насилие над ясно читаемым началом строки 1 (см. выше), так и еще содержит грамматическую ошибку: ἵ̣ππεια (neutr. pl.) вместо ἱππεία (fem. sing.). Кроме того, непонятно, как в одном месте Саваг мог устроить одновременно "конный загон и новый рыболовецкий участок"*». Для подтверждения своих слов о состоянии стк. 1 критик не приложил ни пресловутой протирки, ни фото, возможно, не без умысла, ибо обратившись к фото Б.А. Раева (IOSPE V, 342, первое слева), вполне можно убедиться, что Ю.Г. Виноградов точно передал своим ||ΠΕ| состояние текста. Отметим и существенную особенность – у буквы П слова τόπος перекладина выходит за пределы вертикалей (Π), и она вполне видна на фото в ||ΠΕ|. С другой стороны, для чтения буквы N указаний на фото нет: есть две вертикали, но необходимая диагональ между ними отсутствует; как сказано, есть перекладина, потому Ю.Г. Виноградов и показал тут букву П[40]. Как видно, ὠνε̣ί[θη] А.В. – фикция (соответственно, не нуждаются в рассмотрении прочие его аргументы в поддержку такого дополнения), и наше чтение тут ἵ̣ππει[ος καὶ] τόπος (ОХБ, 889) адекватно тому, что показано на фото и прориси Б.А. Раева[41]. Воспользуюсь

[40] Не прилагаем здесь это фото, поскольку при переводе на бумагу эти тонкости не отразятся. Его легко можно видеть в Сети по адресу http://iospe.kcl.ac.uk/5.342-ru.html. В статье 2010 г. А.В. дал ὠνε̣ί[θη], т.е. показал буквы NE частично сохранными, а в рецензии уж одно Ε̣ с точкой, а N целиком сохранное!

[41] Остальные аргументы критика – мелочевка да напраслина. Ему «*непонятно, как в одном месте Саваг мог устроить одновременно "конный загон и новый рыболовецкий участок"*». Поясню. Нам известна рыболовецкая практика в Керчи XIX в.: в путину хозяева артелей арендовали у помещиков прибрежные промысловые участки, в особенности у кос, где проходила мигрировавшая через пролив рыба (косы Опасная, Камыш-Бурун, Тузла и др.). Судя по статьям, А.В. бывал на Тамани и должен знать ее физиографию: побережье песчаное да глина, сразу за ним степь, потому и могут располагаться рядом конный загон да рыболовецкая станция. Он повел речь о надписи Саваги с утверждения, что «*абсурдна его <Яйленко> претензия к Ю.Г. Виноградову с требованием исправить ясно читающееся на камне διαφέρον на διαφέρων, чтобы согласовать его в роде с τόπος, – очевидно, что омикрон вырезан здесь вместо омеги, как часто бывает в византийской эпиграфике, однако практика издания надписей этого периода (а данный памятник относится к 478–479 гг.) не предполагает исправления орфографических "ошибок"*». В начале своей заметки мы отметили инструментарий критика – передержки да подтасовки, он и тут, мне достаточно процитировать свой текст, дабы читатель видел, что я не предъявлял никакой «претензии к Ю.Г. Виноградову с требованием исправить» О на Ω. Цитирую ОХБ, 889: «В стк. 3 нужно читать причастие διαφέρων вместо neutr. διαφέρον подлинника, не соответствующего мужскому роду слова τόπος (в

поводом слегка уточнить свое чтение. Вполне вероятна мысль Ю. Г. Виноградова, что это horos, межевой знак, отмечающий границы земельного владения. Но надписи этого типа, как правило, начинаются словом ὅρος [*Guarducci* 1975, 227–245], и ему есть место в реконструированной нами стк. 1: [ὅρος· e.g. καθεσ|τάθη κτλ.]. Наряду с μάνδρα «загон для скота» возможно дополнение слов того же значения αὔλιον, ἔπαυλις. По аналогии с κεραμεῖα ἐνῳκοδομημένα καὶ αὔλια «устроенными керамическими мастерскими и загонами для скота» Эсхина (III, 119), наряду с καθίστημι можно дополнять глагол οἰκοδομέω «строить». Наш итоговый текст: [ὅρος· e.g. καθεσ|τάθη μάνδρα]| ἱππεία[42] καὶ τόπος | ἁλιευτικὸς νέος | διαφέρ(ω)ν Σαυα|γα Ἀρίστ(ω)νος κόμ(ητος), | ἐν τῷ εοψ΄ ἔτ(ει) «*горос. e.g. устроен* конный *загон* и новый перемещаемый рыболовецкий участок комита Саваги, сына Аристона; в году 775» (Σαυαγα – gen. poss.).

5. КБН, Addenda, 3 – это изданная В. В. Шкорпилом [ЗООИД. 1900, т. 22, 59] эпитафия из Пантикапея: ἐνθάδε κατάκ(ε)ι|ται Εὐτρόπις χα΄ «здесь покоится Эвтропий, 601 г.» (= 304 г. н.э.); комментарий КБН: имя Εὐτρόπις еще не встречалось на Боспоре, стигма <знак S> в конце надписи служит простым знаком препинания. Это понимание приняли П. Д. Диатроптов, И. А. Емец, С. А. Шестаков. Из статей С. Р. Тохтасьева 2006–2007 г. я узнал о предложении А. В. видеть в ХА надписи сокращение слова χαῖρε, оно показалось мне заслуживающим внимания, и я изложил 4 аргумента в пользу него, но также 5 аргументов против. В рецензии А. В. пишет по этому поводу: «*Касательно надгробия Евтропия (IOSPE V, 342) Яйленко не дает никаких новых вариантов чтения, а лишь приводит в пользу нашего чтения, которое он почему-то считает неопубликованным, дополнительные аргументы, ни один из которых (наличие и форма креста, соотношение текста и креста), впрочем, нельзя назвать неоспоримым. Вслед за Е. А. Зинько автор советует нам "найти дополнительные аргументы в пользу своего мнения", хотя они давно уже изложены*»[43]. Увы, сей сборник как был, так и остается недоступным мне, поэтому сужу об аргументации А. В. по IOSPE V, 273: «*ни на одной другой надписи за обозначением года не следует S-образный знак, который, на самом деле, является типичным знаком разных сокращений, в т.ч. и в боспорской христианской эпиграфике (ср. V, 279, 292). Поэтому следует предположить, что ХА – здесь сокращение χαῖρε, типичной формулы для надгробных надписей, в т.ч. и христианских (более 50 раз, согласно PHI7*

надписи представлен и другой случай неразличения *омикрона* и *омеги* – патронимик Ἀρίστονος вм. Ἀρίστωνος), чего не сделал Ю. Г. Виноградов [1998, с. 240], который оставил форму διαφέρον вопреки им же приведенным примерам». Под стать инструментарию и убогий аргумент о практике издания византийских надписей без правки на литературную норму. На самом деле такие вопросы решаются по-разному. Например, в упоминавшемся своде граффити Парфенона А. К. Орландос дает сначала текст с орфографией оригинала, затем переводит его на графику литературного языка; это самый обычный способ. Если речь идет об отдельной надписи, то вопрос решается ситуативно. Я потому предпочитаю тут правку на норму, что начало надписи утрачено и neutr. διαφέρον может быть связан с утраченным словом ср. рода; кроме того, в надписи есть *омега* (в датировке), также по этой причине предпочтительна коррекция графики. Еще одна претензия критика – я пишу Савага вместо Саваг. Видимо, он не задумывался о номинативной форме имени. Если род. падеж Σαυαγα Ἀρίστονος κόμ(ητος), то nom. Σαυαγας. Это же следует и из надписи в его склепе 491 г., где вин. падеж Σαυαγαν, наконец, в списке фиаситов его nom. Δουτζαγας Σαυαγας κό[μ](ης) (см. выше, № 3). Критик предпочитает передачу Саваг, но Σαυαγας точнее передается как Савага. Верно лишь его замечание, что в тексте на с. 890 я дал ἵππεια вместо ἱππεία, это мой недосмотр в статье 2010 г., автоматически перенесенный в ОХБ.

[42] Вариант: [-- ᾠκοδο|μήθη αὔλια]| ἵππει[α].

[43] Следует ссылка на статью А. В. в сб. Une koiné pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la mer Noire. Bordeaux. 2007, 255–267. Она общего характера, сия надпись включена туда в числе других, поэтому думаю, что вся аргументация перенесена оттуда в IOSPE V, 273.

Database). Дело в том, что XA – распространеннейшее сокращение в папирусах для типологически идентичного приветствия χαίρειν». Итак, по А. В., знак S (стигма) не следует в надписях за датой и потому здесь служит указанием на сокращение слова χα(ῖρε). Что это знак сокращения – прописная истина [*Avi-Yonah* 1940, 37]. Но для нашей темы важно, что стигма – эквивалент слова ἄριθμος «число» [*Garthausen* 1913, 342], так что ввиду одного этого может служить числовым дифферентом. Утверждение А. В., что «ни на одной другой надписи за обозначением года» не следует S, не подкреплено необходимыми ссылками (просмотрены такие-то сборники надписей, индексы и пр.), и потому предварительно. Обратим внимание и на то обстоятельство, что S стало распространенным знаком сокращения в Византии лишь с VI в.; в IV в., к которому по письму принадлежит эпитафия Евтропия, в восточной части Римской империи засвидетельствовано лишь 15 случаев[44], это слишком мало для решительных утверждений. Но у S есть и другая функция – точки в конце предложения[45]. К примеру, в нижеследующей надписи № 9 ἐνθάδε κῖτε ὁ δῦλος τῦ θ(ε)ῦ ΘεόδορS стигма по существу служит не только знаком сокращения имени, но и окончания предложения. Таким образом, пока А. В. не предъявил необходимых отрицательных данных об узусе стигмы в качестве числового дифферента и знака окончания предложения, его утверждение остается без доказательной базы. Оно тем более сомнительно, что его понимание сокращение XAS ошибочно.

Он счел, что XAS = χαῖρε в эпитафии: ἐνθάδε κατάκι|ται Εὐτρόπις. Χαῖρε «Здесь лежит Евтропий. Радуйся» (IOSPE V, 273). Попытку иного прочтения сокращения XAS можно приветствовать, ибо оно представлено в надписях, но его интерпретация как χαῖρε «радуйся» сомнительна в содержательном отношении: трудно представить себе, что семья покойника зарыла его в землю с таким напутствием (может быть, за этим стоит христианский эсхатологический смысл, но это надо доказывать). Его χαῖρε «радуйся» может быть понято и как высказывание покойника (сам он не разъясняет, чье оно), так что это пара к его Χρῦ «Пользуюсь» – выкрику покойника в его чтении надписи № 1. Критик апеллирует к папирусам: «*XA – распространеннейшее сокращение в папирусах для типологически идентичного приветствия χαίρειν*». Но такая отсылка не оправдана, ибо папирусы – письма и документы, а у нас памятник иного типа – эпитафия, в этом типе надписей χαῖρε означает «прощай». В христианских надгробиях сокращение XA – это часть прощальной формулы μνήμης χάριν и потому употребляется в паре с MN, т. е. MN XA [*Avi-Yonah* 1940, 86, cf. 111]. К примеру, таково сокращение в эпитафии из малоазийского городка Исавра Нова [*Ramsay* 1904, 282], а в других его эпитафиях употребляется иное сокращение этой же формулы – M X (о нем [*Avi-Yonah* 1940, 87]). Слово χαῖρε как «радуйся» употребляется в христианских текстах иного типа, например, в молитвах к Богородице [*Ορλανδος* 1973, № 183].

Критик предъявил претензии к моему переводу имени Εὐτρόπις: «*автор называет героя надписи Евтропид, тогда как тот назван по-гречески Εὐτρόπις. Судя по этой форме,*

[44] [*Avi-Yonah* 1940, 37]; индекс к новому изданию надписей К. Весселя мне недоступен.

[45] Александрийские грамматики II в. до н. э. Аристофан Византийский, Дионисий Фракиец, также грамматик времени Адриана Никанор пишут о τελεία στίγμα «конечной стигме», т.е. знака конца предложения [*Garthausen* 1913, 401, cf. *Christ* 1890, 636].

Яйленко считает, что имя Εὐτρόπις относится к третьему склонению, с gen. на -ιδος, однако в таком случае оно должно было бы писаться Εὔτροπις (Nicetas Eugenianus. De Drosillae et Chariclis amoribus 9. 20; Scholia in Apollonii Rhodii Argonautica (scholia vetera) 401). Однако никакой Евтропид в источниках не встречается: автор, очевидно, ничего не знает о типичном, особенно для поздней античности, переходе окончания мужских имен на -ιος в -ις. . . Так, в Аттике II–III вв. н.э., мы встречаем promiscue формы Εὐτρόπιος и Εὐτρόπις». Критик понаписал по этому вопросу много чего, только не о сути – не о род. падеже имени Εὐτρόπις / Εὔτροπις, откуда и следует моя форма Евтропид. Это имя засвидетельствовано единичными номинативами, поэтому его падежная парадигма устанавливается по аналогиям. Ясно, что оно происходит от распространенной формы Εὐτρόπιος, отсюда и форма Εὐτρόπις, сохранившая ударение. Сославшись на схолию к «Аргонавтике», критик не понял, что там содержится объяснение формы Евтропид (Schol. in Apoll. Rhod. Arg. I, 401). Вот эта глосса схолиаста к прилагательному: (gen.) ἐυστείρης· εὐτρόπιδος, т. е. «с хорошим килем» (о судне); по норме в лексиконах XIX–XX вв. восстанавливается nom. εὔτροπις, gen. -ιδος[46]. Ввиду полной идентичности по форме (не содержанию) имя Εὐτρόπις / Εὔτροπις следует его парадигме: gen. Εὐτρόπιδος, это и есть мой Евтропид. Прилагательное εὔτροπις образовано от существительного τρόπις «киль корабля», род. падежи которого -εως, -ιος, -ιδος, по последнему и образован род. падеж прилагательного εὔτροπις, -ιδος. У александрийского медика Палладия он еще и с переносом ударения – τροπίδος (Comm. in *Hippocr*. Vol. 2, p. 10; TLG), которым лишний раз подтверждается gen. Εὐτροπίδος. К примеру, точно такое развитие мужского имени Μοῖρις, gen. -ιδος: образовано от Μοῖρα / μοῖρα «судьба, участь», а склоняется не по нему, а по идентичному слову другого значения и грамматического рода μοιρίς, -ίδος «разделённая» (LSJ, s. v.), но с сохранением первоначального места ударения: gen. Μοίριδος. Точно так называется и озеро в египетской Арсиноитиде – fem. Μοῖρις, его gen. -ιδος упоминают несколько авторов, но у Евдокса (fr. 286) род. падеж с переносом ударения: не Μοίριδος, а Μοιρίδος, по которому номинативная форма должна быть *Μοιρίς. Эти передвижения ударений показывают, что у имени Εὐτρόπις может быть gen. -ιδος и -ίδος, а не только у имени Εὔτροπις, как требуют норма и А. В. Еще примеры. От имени Νικίας образована краткая форма с переменой ударения Νῖκις, gen. -ιος и -ιδος. Мужское имя Ὄλπις образовано от существительного ὄλπις, род. падеж которого -ιος и -ιδος, во втором случае обычное ударение ὄλπιδος, но в поэтической версии «Истории Александра» (ст. 652) вин. падеж ὀλπίδα; в результате gen. имени Ὄλπις, не засвидетельствованный источниками, может быть -ιος, -ιδος, -ίδος[47]. Список таких имен бесконечен. Именно эти аспекты образования род. падежа – сохранение ударения или перемена в производных формах имен, способы образования у них генитива – должен был разработать критик, чтобы опровергнуть мое понимание имени Евтропид, а не перечислять номинативные формы разных личных имен. Он прав, что в норме должна быть форма Εὔτροπις, но моя форма Εὐτρόπις не ошибочная, как ему хочется, а всего лишь иррегулярная, как показывают приведенные мною примеры.

[46] Разумеется, от этого слова не может быть образовано личное имя.

[47] Все перечисленные имена взяты из кн. [*Pape, Benseler* 1886, 939, 1004, 1050].

Критик так увлечен рассматриванием под микроскопом моего текста с целью уловить хоть мельчайшую ошибку, что не видит своих. Он дает ссылку на эпитафию Евтропида (или Евтропия, если угодно) в своем корпусе «IOSPE[3] V 342», но должно быть «IOSPE[3] V 273». Неправильна его ссылка «Scholia in Apollonii Rhodii Argonautica (scholia vetera) 401»: стих 401 есть в каждой книге (главе) «Аргонавтики», потому следует быть точнее: I, 401. Ложно его утверждение, что «*Яйленко не дает никаких новых вариантов чтения, а лишь приводит в пользу нашего чтения. . . дополнительные аргументы*», ибо, как сказано, я приводил доводы и в пользу мнения А. В. о значении XAS, и против него. В рецензии он не дал анализа этих моих соображений, изложенных на 3 страницах, отделавшись лишь упоминанием, что я вел речь о форме креста и соотношении его с надписью. Потому и результат его филиппики по моему адресу нулевой. Теперь дополню свои материалы в ОХБ о XAS: тут S – знак окончания надписи, так что χα – дата, т. е. χα΄ «601 *год*» (= 304 г. н.э.). Это подтверждается еще и тем, что палеография надписи действительно соответствует IV веку: так думал В. В. Шкорпил, так датировал надпись в IOSPE V, 273 «по палеографии» и А. В.

6 (рис. 2. *6*, *6*а). Эпитафия Агораста, чтение Шкорпила: † ἐνθάδε | κατάκιτε | Ἀγόραστος | Λούου † «здесь покоится Агораст, сын Луя». Его повторил А. В. (IOSPE V, 267), с ошибочной заменой κατάκιτε на κατάκιται, ибо Е хорошо видно на камне. Поскольку имя Λουος / Λουης не засвидетельствовано, я усмотрел в последней строке обычную формулу христианских эпитафий δοῦ(λος) θ(εο)ῦ. Имя Ἀγόραστος есть лишь в Concilia Oecumenica (II, 1, 2, p. 16; от 451 г.), происхождение его ударения неизвестно, оно должно быть Ἀγοραστός по отглагольному прилагательному ἀγοραστός «купленный». Думаю, ударение искусственно перенесено для благозвучия[48]. Критик выставил серию таких опровержений, которые показывают, что он не читал моего обоснования букв, которое я дал по камню, ни прочих аргументов. Поэтому для ответа мне достаточно процитировать свою аргументацию. 1. Критик: «*Вместо ясно читаемого на камне Ἀγόραστος Λούου Яйленко предлагает видеть Ἀγοραστὸς δοῦ(λος), где круглые скобки, напомним, обозначают у него исправление грамматической ошибки. Однако этой странной конъектуре противоречит целый ряд*

[48] Агораст упомянут вместе с другими известными «святыми мужами», украшенными добродетелями – Дорофеем, Евсевием, нотарием Иоанном. В такой компании имя «Купленный» звучит плохо, потому и переставлено ударение, дабы изменить рабский пейоративный смысл имени «святого мужа». Подобные ухищрения известны. По Демосфену (XVIII, 130), Эсхин «совсем недавно, сделался сразу и афинским гражданином, оратором и, прибавив два слога, отца своего из Тромета [Τρόμης «Трепещущий»] сделал Атрометом [Ἀτρόμητος «Бестрепетный»], а мать очень тожественно назвал Главкотеей [Γλαυκοθέα «Блистающая богиня»] – ту, которую все знают под именем Эмпусы [Ἔμπουσα «Призрак»]; это прозвище ей дали, очевидно, потому, что она все делала, и все позволяла с собой делать, становилась, чем угодно – иначе от чего же другого?» (пер. С. И. Радцига, вставки в квадратных скобках мои). Живой пример с ударением в фамилии Иванов. Некоторые замечательные деятели отечественной культуры с этой банальной фамилией, желая подчеркнуть свою особость, восстанавливали в ней этимологическое ударение – Ива́нов. Такова плеяда художников (см. БСЭ. 1972, т. 10, с. 8, 10, 13, 14), литераторов (Русские писатели 20 века. М., 2000, 298, 301, 303), из которых упомяну Всеволода Ива́нова, во-первых, чтобы порекомендовать коллегам его превосходный рассказ «Сизиф, сын Эола» (лучше бы «Солдат и Сизиф»), во-вторых, чтобы упомянуть его сына, выдающегося филолога Вячеслава Всеволодовича Ива́нова, который писал фамилию без ударения, но всегда Вяч. Вс. Тем не менее, ежели кто при нем произносил его фамилию не Ива́нов, на том он ставил крест (увы, недавно он скончался; эпизодическое общение с ним, его труды по лингвистике оказали большое влияние на меня; да будет земля ему пухом!).

фактов. Во-первых, на камне в начале строки 4 четко читается лямбда, а не дельта»[49]. Отвечаю: его трактовка моих круглых скобок – передержка, ибо и в ОХБ, тут и всюду в круглые скобки я заключаю не только исправленный, но и дополненный текст, также буквы раскрытых сокращений, как и в данном случае. Что до *дельты*, то критик игнорирует мое обоснование, поэтому воспроизведу его для читателя[50]. 2. Критик: «*Во-вторых, ничем не мотивированы ни пропуск лямбды, ни переход nom. в gen. В-третьих, непонятно, чьим же рабом был покойный Агораст, а ведь эпитет "раб" в византийской эпиграфике не встречается без уточнения "Божий" или "Христов"*». И это он пишет о моем δοῦ(λος) θ(εο)ῦ «раб божий»! Если ему неясно, «*чьим же рабом был покойный*», то это проблема адекватности его сознания. Примечательно и его замечание о «*переходе nom. в gen.*»: из него следует, что в этой самой обычной формуле (ὁ) δοῦλος (τοῦ) θεοῦ вместо «gen.» θ(εο)ῦ (другого род. падежа в моем тексте надписи нет) должен быть «nom.» θεός, т.е. δοῦλος θεός «раб бог». Это его вклад уже не просто в эпитафии, а в христианские тексты в целом, ибо они обильно уснащены формулой (ὁ) δοῦλος (τοῦ) θεοῦ, которая обычно дается в сокращениях разного рода![51]

Критик мог обратить внимание на крайний лаконизм формулы в эпитафии Агораста, это заслуживает обсуждения, но он упустил повод потрепать мой текст в этом отношении. Рассмотрю вопрос сам. Выше, по поводу надписи № 2 мы уже вели речь об употреблении артиклей в данной формуле: в граффити Парфенона обычно ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ (как правило, в сокращении), редко δοῦλος и θεοῦ без артикля [*Ορλανδος* 1973, № 78, 148, 151, 153]. Обычны сокращение δοῦλ(ος) и τοῦ θ(εο)ῦ, иногда τ(οῦ), но есть и нужные нам аббревиатуры δοῦ(λος) [Ib., № 64, 127], формула в целом δ(οῦλος) τοῦ θ(εο)ῦ и ὁ δοῦ(λος) τοῦ θ(εο)ῦ [Ib. № 47, 118, 120, 189, 192, 214]. Последняя есть и в Северном Причерноморье: δοῦ(λος) τ(οῦ) θ(εο)ῦ [*Латышев* 1896, № 27], тут обычно сокращение τοῦ θ(εο)ῦ, но есть примеры узуса и без артикля [Ib., № 69; *Диатроптов*, *Емец* 1995, 13, № 20]; обычно сокращенное в разной степени ὁ δοῦλος с артиклем, но есть и без него [*Латышев* 1896, № 27, 33]. Таким образом, херсонесский пример δοῦ(λος) τ(οῦ) θ(εο)ῦ и спорадическое употребление θ(εο)ῦ без артикля допускают чтение δοῦ(λος) θ(εο)ῦ в эпитафии Агораста. 3. Критик продолжает разгром этой формулы: «*В-четвертых, эпитет "раб Божий" в боспорских надписях всегда ставится до, а не после имени усопшего (IOSPE V 287–294), за которым в gen. может следовать только патронимик (ср. IOSPE V 302)*». Разъясняю: конечно, формула (ὁ) δοῦλος

[49] Исделановсеужстранноепримечание:«См.такжеhttp://iospe.kcl.ac.uk/iip/iipsrv.fcgi?FIF=inscriptions/5.267.jp2&CVT=jpeg». Перейдя на эту ссылку, оказываешься перед его . . . обсуждаемой тут рецензией в ВДИ, 2018!

[50] «Первая буква стк. 4 имеет наклонные гасты – Λ (Шкорпил и др. принимали ее за *лямбду*), но между ними есть и наклонная поперечная черта, т. е. это мелкая *дельта* слова δοῦ(λος). При написании Δ резец соскочил так, что правая наклонная черта продолжилась книзу за пересечением с горизонталью. Такой же соскок резца представлен при букве K стк. 2: резчик писал нижний усик снизу вверх, так как черта продолжилась за пересечением с вертикалью, в результате буква стала похожа на X. Предпоследняя ромбовидная буква стк. 4 не омикрон, а *тета*, внутри которой не проставлена черта». Добавлю, что в стк. 1 Δ и Θ тоже мелкие, чем подтверждается наше чтение; резчик не вырезал черту в середине ромба из-за мелкого его размера – ок. 2 см, она разрушила бы букву. Фото А. В. в IOSPE V, 267 настолько плохое, что видно лишь несколько букв; мог бы дать фото Археологич. комиссии из фотоархива СПб. ИИМКа, которое я воспроизвел в статье [2011, 706, № 11] (есть оно и в ОХБ). Тут прилагаю свое фото надписи.

[51] Христос мнился рабом в первоначальном христианстве, но уже со II в. н.э., когда возникла церковь как организация со своими имущественными и денежными интересами, его происхождение и социальный статус облагородили, см. подробности и лит. [*Яйленко* 2006а, 456–459].

(τοῦ) θεοῦ обычно предшествует личному имени, но, к примеру, в граффити Парфенона предостаточно случаев и обратного – постановки имени перед формулой [*Ορλανδος* 1973, № 37, 53, 75–79, 81, 125, 138]. Далее критик настаивает на ударении Ἀγόραστος, что я уже разъяснил, и предлагает свою этимологию имени Λοῦος – от глагола λούω «мыть». Перевода созданного имени он не дал, а мы озвучим: «Помытый» / «Мытый»; как видно, по бессмысленности оно созвучно его канители с формулой (ὁ) δοῦλος τοῦ θεοῦ.

7. ОХБ: плита с пантикапейского некрополя: под ветвями большого креста θ†ε, раннехристианское время. По мнению В. В. Шкорпила [1909, 30–31], это вряд ли сокращение имени Θε(όδωρος), скорее Θ(εὲ) ἐ(λέησον) «Господи, помилуй!», хотя такое ему неизвестно. Конечно, при наличии всего двух букв, однозначное понимание текста затруднительно, однако я нашел точную аналогию из Малой Азии: θ†ε = θ(ε)έ «боже!» на иудейском надгробии V в. [*Avi-Yonah* 1940, 116 = MAMA. 1937, p. 138, № 312]. Это дает основание читать и на боспорском камне θ(ε)έ «боже!». Но по мнению А. В., такое сокращение обычно стоит под титлом и сопровождается глаголом в императиве. «*Кроме того, непонятен смысл установки инвокативной надписи на некрополе. Поэтому разумней видеть здесь сокращение имени Θε(όδωρος), действительно засвидетельствованное в ранневизантийской Болгарии*». По поводу титла отметим, что знак сокращения есть в упомянутой малоазийской эпитафии – в виде креста: θ⁺ε; на нашей плите тоже крест, он большой, но разделяет буквы, так что мог, видимо, мыслиться маркёром аббревиации. Но вообще аргумент критика о титле не работает, поскольку узус его факультативный. Что до мнящегося критику сопровождения данного возгласа глаголом в императиве, то TLG дает много контекстов θεέ без него; ограничусь примером из евангелия от Матфея (27, 46): перед самой кончиной на кресте Иисус возопил θεέ μου «боже мой!» Поскольку тут возглас связан со смертью, можно думать, что и в керченской эпитафии θ(ε)έ «боже!» имеет этот же смысл обращения к высшему божеству на пороге в мир иной. Троп множества ветхозаветных да христианских текстов, что бог – владыка жизни человека; приведем пример из книги Иисуса, сына Сирахова (23, 4): κύριε πάτερ καὶ θεὲ ζωῆς μου «владыко отче и господь жизни моей!» По христианской доктрине, это жизнь земная, и будущая, так что воззвание к богу на намогильном камне логично соответствует ей[52]. Поэтому непонятный критику «*смысл установки инвокативной надписи на некрополе*», – его проблема, поскольку он так и не понял (попросту не читал) моего ясного указания, что малоазийская надпись с θεέ эпитафия. А что до предпочтительного ему сокращения имени Θε(όδωρος), то он выразился так, будто это его чтение, хотя о нем писал В. В. Шкорпил. И в IOSPE V, 310 А. В. приписал Шкорпилу только чтение Θ(εὲ) ἐ(λέησον), а Θε(όδωρος) присвоил себе. Кстати, о его аналогии из Болгарии – ΘΕ vac. Θεοδώρου κόμητος: нет никаких оснований видеть в ΘΕ имя Θεοδώρου, ибо в таком сокращении нет надобности, коль имя тут же написано целиком; это обычное на надгробиях сокращение θε(ός) – в номинативе или косвенном падеже. А. В. не только обобрал В. В. Шкорпила, но и исказил его имя, написав в рецензии «К. К. Шкорпил».

8. Надгробие в виде креста, на средокрестии написано имя покойной Ἀβικα, имя уникальное, я счел его этнонимическо-географическим, связав с наименованием Гилеи

[52] Еще один пример этого догмата дает нижеследующая надпись № 16.

в Нижнем Побужье у писателя I в. до н.э. Александра Полигистора Ἀβική и этнонимом Ἄβικοι[53]. А. В.: «*такую гипотезу вряд ли может*[54] *принять и ввиду неясной этимологии самого этого топонима, и в силу отсутствия доказательств – кроме созвучия – связи антропонима и топонима. На самом деле имя Ἀβικα легко этимологизируется как из иранских языков (от корня *avi- «овца», как предложил С. Р. Тохтасьев per litteras), так и из готского (диминутив от сложного имени с первым элементом aba "муж"*». Что до «неясности» этимологии топонима, то она разъяснена[55]. Аргумент критика «*в силу отсутствия доказательств – кроме созвучия – связи антропонима и топонима*» выказывает лишь его неосведомленность в вопросах образования личных имен, ибо «созвучие» антропонима и топонима есть свидетельство топонимического и, добавим, этнонимического его происхождения: в данном случае от названия области произведен этноним Ἄβικοι, от которого и личное имя Ἄβικα. Антропонимов такого образования на Боспоре немало: если говорить об именах местного происхождения, это Σίνδος, Σίνδοκος, Σίνδεος, Σαρμάτας, Σκύθα/ης, Δάσχας, Ἀλανικός и др., дальнего географическо-этнонимического происхождения Κάρ, Δᾶος, Κόλχος, Ἄραβος, Κίμβρος, Σάγαρις (река в Малой Азии), Συρίων, Συρίσκος и пр. Имя жителя Пантикапея I в. н.э. Ἀργοδας резонно связывают с названием города в Центральном Крыму Ἄργωδα, а имя пантикапейца II в. н.э. Σάϊος с народом Σάϊοι [*Zgusta* 1955, 335, 338]. Последние как раз кочевали в районе Гилеи. Намеки критика на иранское или готское происхождение имени Ἀβικα не подтверждены конкретными разработками и маловероятны, ибо сам он вряд ли назовет дочку «Овцой», и у греков подобного женского имени нет. И женские одноосновные имена от слова «отец» крайне редки (таковы, к примеру, греческие Πατρίς, Πατρωΐνη). Не говорю уж о сомнительном употреблении древнегерманского суффикса -ik (якобы в Ἀβικα) для образования диминутивов (ср. ТБР, 166–167). Комментарии критика к данной надписи красноречиво свидетельствуют: когда ему нечего сказать по существу, «аргументы» берутся с потолка.

9. Эпитафия Федора, документирована плохой фотографией издавшего ее Ю. Ю. Марти, я приложил хорошее архивное фото Археологической комиссии и свою прорись с камня. Письмо отличается геометризмом – квадратные формы *омикрона*, *теты*, дифтонг ου изображен в виде квадрата с «птичкой» сверху. По С. Рейнаку, лигатуры ΟΥ становятся часты с VI в., то же и на папирусном письме (В. Гартхаузен). На этом основании я отнес эту надпись и еще 3 боспорские эпитафии к VI в. А. В. ссылается на свои датировки этих надписей IV–V в., но одних ссылок на себя недостаточно – там те же декларации, а нужен конкретный разбор палеографии сих памятников. А чего стоят палеографические разработки А. В., показывает нижеследующая надпись № 11, выполненная этим же письмом, но ввиду непременного зуда переиначить все мое отнесенная им не к IV–V в., как следовало бы из его мудрствований, а к началу VI в.

---

[53] У Птолемея (III, 5, 10) в числе народов Скифии упомянуты неизвестные Ἄκιβοι, К. Мюллер переправил на основании Ἀβική в Ἄβικοι (см. SC 1, p. 231, nota). Форма Ἀβική ионийская, стало быть, существовала по меньшей мере с IV–III вв. до н. э. Нормативная форма койне должна быть Ἀβικά.

[54] Явная описка, должно быть «можно».

[55] Значение топонима Абика поясняется глоссой Гесихия ἄβιν· ἐλάτην, οἱ δὲ πεύκην «ель, согласно другим авторам, сосна» (слово родственно латинскому abies «ель»). По связи с этой глоссой значение названия Ἀβική – «Ельня» [*Яйленко* 2018, № 18].

10 (рис. 2. *5*). Эпитафия Геннея, издал В. В. Латышев. Сверху дописано имя еще одного покойника – Трофима. Слева от надписи, меж нею и краем плиты, видны плохо сохранившиеся 6 букв в столбец, не прочитанные издателем. Я показал их на прориси с камня и прочел женское имя Λαύρια. Критик усмотрел несоответствие его показанным на прориси буквам. Если учесть, что этим обязательным для профессионального эпиграфиста инструментом – изготовлением прорисей – он практически не пользуется, то не знает о допусках в изображении букв, когда они плохо видны. На деле тут между начертанием Т и Р разница минимальна: там, где могла быть петелька Р – мелкий скол, поэтому чтение Λαύρια вполне вероятно. И еще: критика сама по себе стоит немного, если критик не предлагает свое видение вопроса, в данном случае чтение имени или текста. Этого А. В. не сделал, так что цена его комментарию в который раз нуль.

11 (рис. 3. *1*). Эпитафия очередного Федора на камне в виде креста, левая и правая ветви утрачены. Надпись на средокрестии, справа часть текста, находившаяся на правой ветви, утрачена, мой текст: ἐνθά|δε κα|[τ]άκιτε Θε̣[ό]|δωρος δ[ὃ τὃ θὃ,]| ἰνδ´´β´ «здесь покоится Федор, р*аб божий*, индикта *год* 2». Аргументы критика: в лакуну стк. 3, где утрачены максимально 2 буквы, я втиснул 6 букв, сокращение слова δοῦλος в виде δὃ, как признает сам Яйленко, неизвестно, наконец, формула δοῦλος τοῦ θεοῦ предшествует имени. Что до последнего аргумента критика, то мы уже разобрали его выше (№ 6) и привели достаточно примеров обратной постановки. В лакуне стк. 3 действительно утрачены почти 2 буквы (Θε̣[ό]|δωρος), но в стк. 4 на деле лакуна могла быть и больше, о чем свидетельствует величина сохранившихся верхней и нижней ветвей креста. Что же до утверждения критика, что «*сокращение слова δοῦλος в виде δὃ, как признает сам Яйленко, неизвестно*», то оно в который раз говорит лишь о том, что он игнорирует мой комментарий. Я привел ряд сокращений формулы δοῦλος τοῦ θεοῦ до δὃ τὃ θὃ, а о слове δοῦλος писал, что неизвестно его сокращение до одной дельты, как в издании надписи В. Д. Блаватским[56]. Сокращение же δὃ хорошо документировано [*Латышев* 1896, № 27; *Avi-Yonah* 1940, 60]. Стерев в порошок своими «аргументами» мой текст, А. В. дал свое чтение: в Δ стк. 4 (после имени Федора) можно видеть «*хорошо засвидетельствованное сокращение δ(ιάκονος) resp. δ[ι](άκονος), либо год δ[ω]´, соответствующий, вместе со 2-м индиктом, сентябрю 508 г.*». Заметив, что перед resp. автору цитаты стоило бы поставить запятую, вступимся за Федора. Коль до трех букв можно дополнять, отчего ж ему мелкий чин дьякона, он мог бы быть и δεσ(πότης) «владыка», δι(οικητής) «правитель», δι(καστής) «судья» и пр. [*Avi-Yonah* 1940, 58–60]. Но самое забавное – его дата. Эта надпись исполнена тем же прямоугольным шрифтом, что эпитафия № 9 другого Федора, мою датировку которой VI веком А. В. отрицал и отнес к IV–V в. (IOSPE V 291). Так левая его рука не помнит, что написала правая, а если сказать серьезно, обычная поверхностность его суждений.

12. Эпитафия еще одного Федора, известная лишь по маюскулам Шкорпила: после обычной формулы ἐνθάδε κατά|κιτε ὁ δοῦλος| следуют буквы ΘΥΘΕΘΕΟΔΩΡΟC. Буквы ΘΥ Шкорпил раскрыл в θ(εο)ῦ, следующие ΘΕ перед именем Θεόδωρος счел излишне написанными. Я предложил вариант с чуть меньшей правкой. Если принять, что в этих маюскулах первая Θ – ошибка резчика (а она объяснима так называемой упреждающей

[56] Впрочем, тут я не прав, пример есть [*Avi-Yonah* 1940, 57], и этого критик не знает.

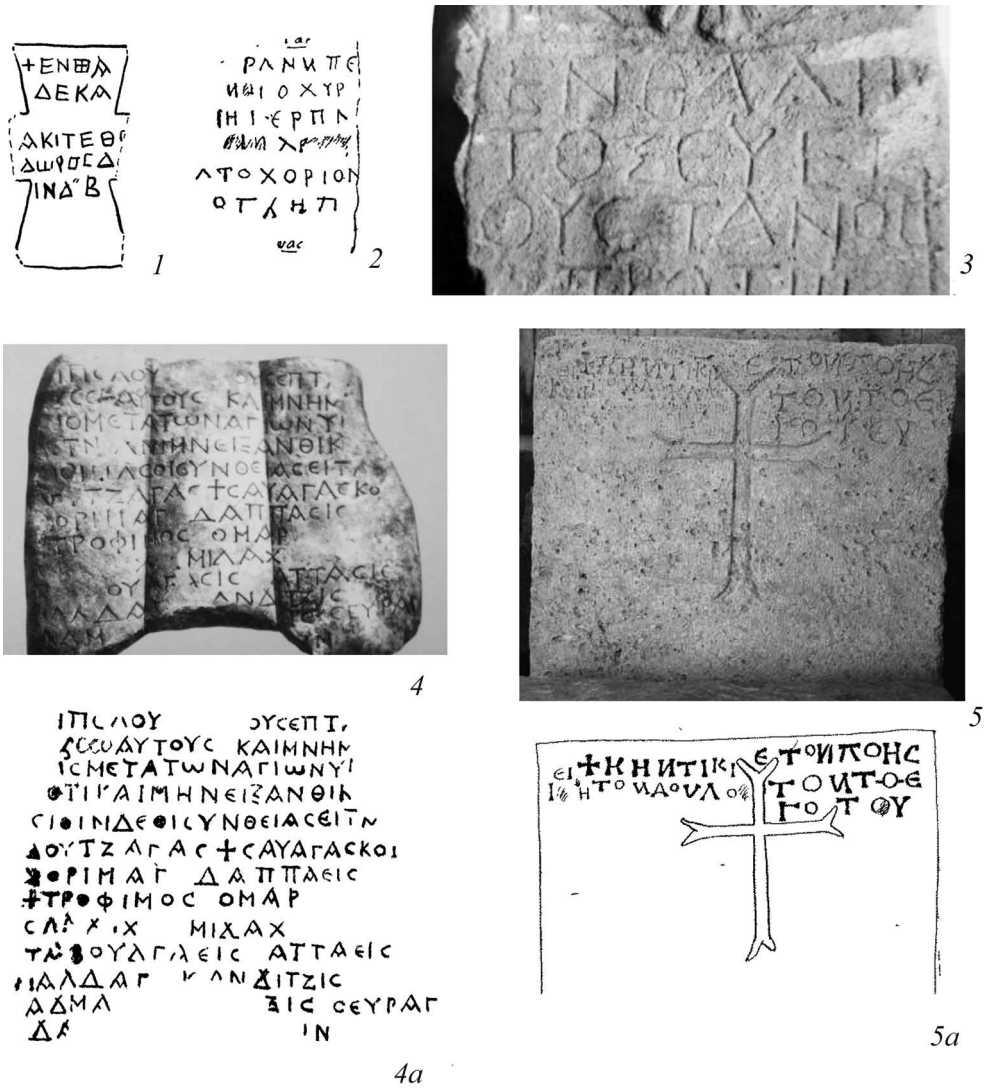


Рис. 3. Надписи № 7, 13, 15, 16, 18 (*1, 3, 4a, 5a* – фото и прориси автора; *2* – прорись В. В. Латышева [1896, № 103]; *4* – фото из КБН-альбома, № 1099; *5* – фото А. В. Виноградова, IOSPE V, 183)

опиской: ΘΕΘΕ дано вместо ΤΕΘΕ потому, что резчик уже мыслил следующее ΘΕ), то все становится на свои места: ὁ δοῦλος | <τ>(ο)ῦ θε(οῦ) Θεόδωρος. Критик вступился за Шкорпила: примеров отсутствия артикля в формуле δοῦλος τοῦ θεοῦ достаточно[57]. А. В. продолжает: есть и «*ошибочное посторенние резчиком слогов диттография вполне известна и на Боспоре (ср. IOSPE V 277)*». Ввиду маловразумительной орфографии сей цитаты, но догадываясь, что речь ведется о примере с диттографией, обращаемся к указанной им

[57] Цитирую его: «*эпиграфическая база PHI7 выдает как минимум 13 примеров такого словосочетания <т.е. ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ. – В. Я.> без артикля, причем три примера с той же формулой ἐνθάδε κατάκειτα ὁ δοῦλος Θ(εο)ῦ*». Тут описка – κατάκειτα вместо κατάκειται.

эпитафии IOSPE V, 277 и вновь остаемся в недоумении – никакой диттографии там нет: после обычной формулы «здесь покоится» следуют буквы ΘΕ у облома камня, в которых Шкорпил резонно усмотрел имя покойного Θε[όδωρος].

13 (рис. 3. *2*). Плита из поселка Тамань с хорошо читаемыми остатками 7–8 строк надписи IV–VI в., справа обломана, и слева текст частично утрачен, по Латышеву [1896, № 103], он не поддается восстановлению. На мой взгляд, несколько слов все же определенно читается, из них важно ̣τερπ̣ν[ός] «приятный», употребительное в боспорских стихотворных эпитафиях, стало быть, такова и эта: [? ἐπὶ τὴν χώ]ραν ἠπε[ιρώτιδα | οἰκοδομ]ήθη ὀχυρ[ὰν | e.g. τὸ μνῆμα·] ̣τερπ̣ν[ός -- | --]α τὸ χ(ω)ρίον [--|--] «(?) на азиатской (твердой) земле *сооружен этот памятник*; -- приятный -- сия местность --». Критик желает «*отметить ряд ошибок в реконструкции Яйленко. Во-первых, в строках 1 и 2 у Яйленко восстанавливается абсолютно разная длина строки после облома: 7 и 2 буквы соответственно*». Замечание пустое, так как после ὀχυρ[ὰν] без труда может быть вставлено какое-либо малосодержательное слово; но оно необязательно, ибо надпись стихотворная, а в таковых, да будет известно критику, блюдется поэтический размер, вовсе не длина строк. «*Во-вторых, непонятно, откуда в переводе взялась «азиатская земля», которой нет в греческом тексте*». Как обычно, он игнорирует мой комментарий, в котором дано обоснование, приведу его для читателя[58]. «*В-третьих, при глаголе οἰκοδομήθη должно было бы стоять ἐπὶ + dat., а не ἐπὶ + acc.*». Свое ἐπὶ + dat. / acc. критик приплел от бессилия, ибо у меня [οἰκοδομ]ήθη не имеет отношения к ἐπί и относится к τὸ μνῆμα, на что ясно указывает перевод «*сооружен этот памятник*». В ОХБ указана параллель из боспорских эпитафий οἰκοδομεῖν τὸ μνῆμα «соорудить этот памятник» (КБН 335, 709, 711), по которой и произведено восстановление[59]. Заодно это и ответ на столь же пустое замечание критика: «*В-четвертых, автор называет текст эпитафией, хотя никакого намека ни на формулу погребальной надписи, ни на имя покойного в нем нет*». Читать надо всю статью, которую критикуешь! А. В. не унимается: «*Наконец, Яйленко характеризует данную эпитафию как стихотворную, однако так и не поясняет, каким же размером она написана – реконструированный им греческий текст не принадлежит ни к одному из известных стихотворных метров*». Ну, что сказать такому критику, который не понимает, что текст слишком мал, чтобы говорить о размере; тем не менее, исключительно для него дам аранжировку стк. 1 в качестве гекзаметра (с разбивкой на стопы): [e.g. ἐνθάδε | οὖν ἐπὶ | χώ]ραν | ἠπε[ι|ρώτιδα | ἦτε «здесь же на (твердой) земле воистину» (сооружен). В итоге, перефразируя вердикт А. В. («*Все вышесказанное заставляет признать, что лучше было бы оставить такой текст совсем без реконструкции, чем давать ему столь противоречивое и неграмотное восстановление*»), констатирую: лучше вовсе не писать, чем критиковать столь безграмотно. Как обычно, А. В. небрежно передает мой текст. ОХБ:

[58] «Слово τὸ χ(ω)ρίον стк. 5 позволяет предположительно усмотреть в стк. 1 [?-- χώ]ραν, и следующие буквы НПЕ вполне укладываются в прилагательное к нему ἠπε[ιρώτιδα]; прилагательное ἠπε[ιρώτης], *fem.* ἠπε[ιρῶτις имеет значение «материковый, относящийся к суше», но означает также нечто азиатское, относящееся к Азии. Тамань, на которой найдена надпись, как раз азиатская сторона (*Strabo* XI, 2, 1: τοῦ Βοσπόρου τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν, см. ТБР, 206). Припомним и то, что боспорские стихотворные эпитафии иной раз упоминают землю, в которой погиб или умер покойный (КБН 117: скифская земля скрывает Гекатея; 129: земля Боспора таит урну Фарнака)».

[59] К пассивной форме ср., например, Psalmus 50, 20 и комм. Евсевия к нему (Vol. 23, p. 441, *l.* 19; TLG): (conj.) οἰκοδομήθη τὰ τείχη «да будут сооружены стены» Иерусалима.

[ἐπὶ τὴν χώ]ραν, А. В. [ἐπὶ χώ]ραν. ОХБ: «на азиатской (твердой) земле», у А. В. «на азиатской (твердой земле)». Дав мой перевод, он не показал курсив текста, которым я обозначал дополненные слова. Закономерное сочетание пустословия и небрежности. Добавлю занятную подробность. О моей републикации этой надписи в статье 2011 г., перешедшей в ОХБ, А. В. в IOSPE V, 337 не сказал ни слова, даже не упомянул о ней. Он ограничился передачей маюскул с рисунка Латышева, и добавил: «*Сказать что-то о его содержании сложно, но, судя по лексике, это был текст высокого штиля*» (это весь его комментарий). Стало быть, какая-то лексика вычленяется, так почему ж он не привел ее? А откуда виден «*текст высокого штиля*»? Понятно, что это взято из моей статьи, где и лексика определена и надпись обозначена «стихотворной эпитафией», что и есть «высокий штиль».

14 (рис. 2. *3*). Надпись КБН 735а: стела отбита сверху, сохранились 2–3 последние строки; посередине проходит вертикаль, от нее в двух последних строках слева ΟΥ|ϹΤ, справа Α. |Η. По моему мнению, вертикаль – это основание креста, по ее сторонам написано женское имя Οὐστάνη, я привел две аналогии такому расположению текста в надписях Северного Причерноморья (дипинто в склепе Саваги да Файспарты и обломок плиты из Керчи), также другие из греческого мира. Критик счел, что дипинто не соответствует – там текст переходит построчно с левой стороны креста на правую (с этим я согласен). По поводу плиты из Керчи он пишет: «*текст идет сначала целиком слева, а затем – целиком справа от нижней перекладины креста*». Это не совсем так: слева от нижней ветви креста дата по году, справа по месяцу и дню [*Латышев* 1896, № 96, рис.], так что тут текст слева от креста и продолжение его справа. Вообще, нет принципиальной разницы между словами и личным именем – то и другое текст. К аналогиям из Греции (их критик не заметил) добавлю теперь еще пару боспорских. На плите из Феодосии крест во все поле, в 4 сегментах по сторонам его ветвей текст, по 2 слова в каждом; из левого верхнего сегмента текст переходит в правый верхний, то же и в двух нижних сегментах [Ib., № 42]. В керченской эпитафии Архелая слева от креста столбцом по 2 буквы написано ἐνθάδε κατάκιτε, справа тоже в столбец ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ Ἀ(ρ)χέλαος [*Диатроптов, Емец* 1995, 31, № 10]. К аналогиям извне дополню образец дипинто из Каппадокии [*Xenaki* 2016, 700]. К приведенным мною в ОХБ параллелям критик мог бы добавить для себя здравый смысл – сохранившиеся в КБН 735а буквы образуют вполне понятное имя Οὐστάνη, женский аналог популярного мужского Οὐστάνος.

На этом А. В. завершил критическое рассмотрение 14 надписей византийского раздела ОХБ – именно тех, что я извлек из своей статьи 2010 г. о христианской и парахристианской (позднеантичной) эпиграфики Боспора. Все эти надписи вошли в IOSPE V, но там об этой статье ни слова, не значится она и в списке библиографии. Такое замалчивание работы предшественника приоткрывает истинную цель написания рецензии А. В. – не для выявления научной проблематики, а для уничтожающей (как ему казалось) критики. Растратив силы на бесплодные поиски моих ошибок в этих 14 надписях, он уделил всего полторы страницы главе 2 византийского раздела ОХБ. Тут перепечатка, с небольшими дополнениями, моей статьи «О “Корпусе византийских надписей с территории СССР”» [Византийский временник. 1987. Т. 48, 160–171] (далее ВВ, 1987). А. В. полагает, что ныне такой корпус не актуален, поскольку СССР исчез и нет ни исторического, ни политического объединительного начала для византийских надписей России, Украины,

Грузии. Если Грузия действительно теперь выпадает (я и в статье отмечал ее особость от остальной территории СССР, потому и выделил в отдельный выпуск корпуса), то вопреки критику, культурное и политическое единство России и Украины сохраняется для выпуска, посвященного греческим надписям Древней Руси. А. В. продолжает: «*бо́льша́я, если не бо́льшая часть поставленных автором 30 лет назад задач уже выполнена*» – вышли в свет его собственный корпус византийских надписей с юга России, А. А. Евдокимова издала греческие надписи из Софии киевской и пр., Яйленко ничего этого не знает. Увы, почти все, перечисленное им – проекты, так что реализована отнюдь не «бо́льшая часть» того, о чем я писал, а некоторая[60]. Что актуальность моих суждений о корпусе византийских надписей с территории России сохраняется, показывает пример с самим критиком. Я отмечал, что отдельный выпуск надо уделить греческим надписям Северного Кавказа [ВВ, 1987, 168–169; ОХБ, 914–915]. А. В. об этом ни слова, но сообщает в рецензии, что готовит такой выпуск. Так разве поныне не актуальна сформулированная мною задача? Третий выпуск Корпуса византийских надписей, писал я, должен включать греческие надписи с территории Древней Руси (монументальные фресковые надписи, граффити на стенах церквей и мн. др.). Эта задача поныне весьма далека от реализации, издано лишь полсотни кратких граффити и пр. из Софии киевской. По существу, из Корпуса, о котором я вел речь, реализован лишь выпуск с лапидарными надписями и граффити Северного Причерноморья (IOSPE V). После общих негативных соображений о моей статье А. В. перешел к критике изданных в ней нескольких лапидарных надписей. Он указывает, что из их числа он переиздал надпись Устана (IOSPE V 328), гермонасский акт фиасотов (Ib., 331), прошение Григория (Ib., 328. 2), подвергнув критике чтения Яйленко[61]. Выше, под № 1 мы упоминали надпись Устана, под № 3 гермонасский акт, так что тем более есть резоны для краткого обращения и к ним, дабы рассмотреть альтернативную их интерпретацию А. В. (продолжим принятую здесь нумерацию).

15 (рис. 3. *3*). Плита, найденная в 1962 г. в Фанагории, внизу отбита, по краям бордюр, вверху большой ромб со вставной розеткой, ниже надпись IV в. Начав с тезисной ее публикации [ВВ, 1987, 167 = ОХБ, 880, 913], дал затем полную [*Яйленко* 2002а, 288–303; ТБР, 409–424). Вот текст с орфографией подлинника, затем переведем в норму: ἐνθάδη | τοξεύει | Οὐστάνος |[ὁ] προτω|[κ]ομίτες | Χιμιρίς, | υειὸς Ἀγα|θοῦ τοῦ [--]. Норма: ἐνθάδ(ε) | τοξεύει | Οὐστάνος |[ὁ] πρ(ω)το|[κ](ω)μ(ή)τ(η)ς | Χιμιρί(δο)ς, | υειὸς Ἀγα|θοῦ τοῦ [--] «здесь стреляет из

[60] А. В. называет два новых переиздания надписей Грузии, но я упоминал первое издание. Нигде в статье я не писал, что даю исчерпывающую литературу, поэтому претензии критика беспочвенны. Его корпус стал доступным, судя по копирайту, в 2017 г. Моя книга опубликована в 2017 г., но сдана в издательство весной 2014 г. (ОХБ, 12, прим.), когда тома IOSPE V не было в Сети. А. В. упоминает 4 якобы не известных мне музейных каталога с византийскими вещами (ГИМ, Музеи Кремля, Эрмитаж, Херсонес), должен разочаровать его: когда мне понадобилось, в статье 2010 г. я использовал каталог эрмитажных вещей В. Н. Залесской 2006 г. и даже рецензию А. В. на него 2009 г. [*Яйленко* 2010, 645, 693–694]. А. В. игнорирует эту мою статью, но дабы не садиться раз за разом в лужу, ему следовало бы прочитать ее.

[61] По поводу его поправок я отзывался в других статьях: «об ошибочной текстологии А. Ю. Виноградова выскажусь отдельно», «о домыслах А. Ю. Виноградова выскажемся отдельно». Приведя их, критик вопрошает: «*где, как не в переиздании работы тридцатилетней давности, ответить на прозвучавшую в ее адрес критику? Однако никакого обещанного автором ответа заинтригованный читатель в данном разделе, да и во всей книге, не находит*». Уж не много ли мнит он о себе: с чего это мне полемизировать с его домыслами в статье, посвященной корпусу византийских надписей? Вовсе не там, а тут место разобраться с ними. Руководствуюсь последним изданием этих надписей в его IOSPE V, 183, 328, 331.

лука Устан, протокомит Киммериды, сын Агафа --»[62]. По типу это памятная надпись на месте стрельбищ сельского старосты Устана, имя его иранское и в иранском мире такие надписи обычны (приведены примеры), есть и греческие надписи о стрельбе из лука (тоже даны примеры). Поскольку критик отчасти следует в понимании надписи отцу, отмечу, что на мою тезисную публикацию откликнулся Ю. Г. Виноградов [1998, 245–246]: в конце стк. 1 стоит четкое Т, а не мое І, вторая буква стк. 3 не Υ, но І, по наречию ἐνθάδε, обычному в эпитафиях, он счел, что это надгробие: ἐνθάδ᾽ ἠ|τοξεύετ|ο ἱστανό(μενο)ς | προτω|κομίτες | Χιμίρις κτλ. «здесь был сражен из лука (т.е. покоится, сраженный из лука) назначенный протокометом Кимирий, сын Агафуса». Камня он не видел, читал по моему фото в статье 1987 г., и это обернулось для его интерпретации полным фиаско. На том фото действительно можно было усмотреть во второй букве стк. 3 не Υ, а иоту, на которой он и построил свое причастие ἱστανό(μενο)ς, которым заменил имя Οὐστάνος. В статье 2002 г. и ТБР (с. 410) я поместил другое свое фото, на котором отчетливо виден Υ (то же и на моей прориси), так что его чтение ἱστανό(μενο)ς сгинуло вместе с мертворожденным Кимирием. Но самое забавное в его интерпретации – имперфект ἠτοξεύετο, который он перевел совершенным временем «был сражен из лука», что абсолютно невозможно: имперфект означает (процитируем учебник) «действие прошедшее продолжающееся или повторяющееся»[63]. Посему его Кимирий «был убиваем», отчего у фанагорийцев, если б они ознакомились с текстом надписи по Ю. Г. Виноградову, случились бы колики от смеха. Тем удивительней, что А. В. сохранил его ἠτοξεύετ᾽ , хотя в остальном учел мою критику и за исключением стк. 1–2 дал мой текст (конечно, молчаливо, без ссылки): ἐνθάδ(η) ἠ|τοξεύετ᾽ | Οὐστάνος κτλ. «здесь застрелен Устан, протокомит Химирии, сын Агафа --» [*Виноградов* 2010, 159–161; IOSPE V, 328]. Позаимствовал он и мнение отца, что это надгробная надпись, впрочем, добавив: она «*не обязательно надгробная – возможно, это просто памятный знак на месте гибели Устана*». Он видел камень и настаивает, что в конце стк. 2 ясно читается буква Т, которая снимает мое чтение τοξεύει. Он не понимает, что если даже там буква Т и мое τοξεύει невозможно, вычитывание имперфекта исключено. Но я разъяснил это мнимое Т: штрих над вертикалью случайного происхождения, ибо как раз тут следует до края плиты повреждение лицевого поля, затронуло оно и низ буквы Η слова ἐνθάδη стк. 1 (ТБР, 412, прим. 3); тут я специально прилагаю фото этой строки (рис. 3. *3*), на котором все это вполне видно. А другие аргументы А. В. против моей интерпретации просто забавны: «*надписи со значением "Здесь стреляет из лука" не известны ни в древней, ни в христианской эпиграфике. Формула с ἐτοξεύετο уникальна и не находит параллелей в христианской эпиграфике (впрочем, идея Яйленко о стрельбище Устана вообще невероятна)*». Во-первых, «христианской эпиграфике» тут вообще нет места, поскольку

[62] В первоиздании я дополнил член [ὁ] в начале стк. 4 [ВВ, 1987, 167], в ТБР (с. 409) и ОХБ (с. 889) по недосмотру не проставил. Ю. Г. Виноградов [1998, 245] процитировал мой текст с этим артиклем. Но А. В. по существу присвоил его себе в IOSPE V, 328, кудряво выразившись: «4: [ὁ]: om. Vinogradov 1998», т.е. «Стк. 4. [ὁ]: опустил Ю. Г. Виноградов» (это все, что сказано по данному вопросу).

[63] Бывают случаи употребления имперфекта вместо аориста, т.е. перевод совершенным временем, и к ним апеллировал Ю. Г., но, во-первых, это относится к определенным глаголам (и τοξεύεω там не числится), во-вторых, при наличии другого глагола [*Нидерле* 1880, 171], а в надписи Устана он один. В-третьих, А. И. Доватур зафиксировал в боспорских надписях лишь один случай смешения причастия наст. времени и аористного (КБН, с. 829), но он крайне сомнителен (ТБР, 412, прим. 1).

в надписи отсутствуют какие-либо христианские символы или иные указания, так что включение А.Ю. Виноградовым этой надписи в византийский корпус совершенно безосновательно. Во-вторых, я привел ряд примеров, греческих и иранских, постановки памятной надписи на месте стрельбы из лука, в т.ч. перевод пространной горделивой надписи Шапура II, современника нашего Устана. Из числа греческих упомянута ольвийская надпись III в. до н.э. о рекордном выстреле Анаксагора (IOSPE I² 195), даны ссылки и на другие надписи (ТБР, 421–424). Все это не про А.В. – не хочу и не вижу: «*идея Яйленко о стрельбище Устана вообще невероятна*», обычный для его писаний образец бездумного отрицания идей оппонента, игнорирования его доказательной базы. В который раз приходится повторять ему: критик обязан прочесть критикуемый текст!

16 (рис. 3. *4*, *4а*). Надпись из Гермонассы на обломке мраморной колонны, в КБН 1099 вслед за Латышевым помещен отрывочный текст. С изучением подлинника я дал связную надпись [*Яйленко* 2002, 303–307; ТБР, 427–430]: [e.g. κ(ύρι)ε? ἐλέησον δούλους σοὺς πε|ρ]ιπόλου[ς ? πιστ]οὺς ἑπτὰ | κ(αὶ) σ]ῷσο(ν) αὐτοὺς καὶ μνημ[ον|ε]ῦε μετὰ τῶν ἁγίων. ψ[πη΄]|[5] ἔτ(ε) ι καὶ μηνεὶ Ξανδικ[ῷ .΄.]| εἰσὶν δὲ οἱ συνθειασεῖτα[ι·]| Δουτζάγας † Σαυαγας κό[μ](ης), ктл. «*господи, помилуй рабов твоих, верных* пограничных стражей (?) семерых, и спаси и поминай вместе со святыми. В году 788 (= 491/2 г. н.э.) и месяце Ксантике, *такого-то числа*. Сочлены же фиаса суть: Дуджага Савага, комит» (далее следует перечень еще 6 фиасотов, завершающийся словом «аминь»)[64]. Текст А.В., по камню [2010, 147–149; IOSPE V, 331]: [ἀ]μπελου[ργούς σ]ου σέπτα[σον ?, κ(ύρι)ε,]| (καὶ) ζῆσο αὐτοὺς καὶ μνημ[όνευε]| [ἐ]μὲ μετὰ τῶν ἁγίων· ὑγ[ία]. | [.ψ]΄ ἔτι καὶ μηνεὶ Ξανδικ[ῷ ..]΄. |[5] εἰσὶν δὲ οἱ συνθειασεῖτα[ι·] ктл. «*Виноградарей Своих почти, Господи, оживотвори их и помяни меня со святыми; здравие. [В 7..] году и месяце ксанфике [..-го числа]. Фиаситы же следующие*» (следует перечень 14 имен). Первые строки надписи плохой сохранности, но имеющиеся буквы дают основание для более или менее определенного прочтения. В верхней строке ясно читаются буквы ΙΠΟΛΟΥ -[5–6]-ΟΥCЄΠΤ. . . Но она не была первой, ибо посередине текста над нею видны остатки предшествующей строки. Ввиду сказанного в статье 1987 г. (с. 164) я читал в стк. 1–2: [e.g. κ(ύρι)ε, βοήθησον δούλους | ἀ]μπελου[ργοὺς ? σ]οὺς ἑπτά «господи, помоги рабам – виноградарям твоим семерым». Но в дальнейшей работе над надписью я понял, что имена стк. 7–13 гуннские, потому что почти все они имеют точные соответствия в чувашской народной антропонимике (чувашский язык стоит особняком в тюркской семье и считается потомком гуннского языка). Анализ фонетики имен показал, что она полностью соответствует исторической фонетике чувашского языка. У чувашей антропоним двойной – имя и прозвище, это же и в надписи, где в каждой строке 7–13, стало быть, не по два имени, а имя-прозвище, так что тут перечень 7 человек; это подтверждается числительным ἑπτά «семь» стк. 2. В таком контексте формула поминовения в стк. 3–4 μνημ[ονε]ῦε μετὰ τῶν ἁγίων «поминай вместе со святыми» указывает, что это поминальная надпись по усопшим, причем перечень сразу 7 человек свидетельствует, так или иначе, об их одновременной гибели. Такое бывает при военных действиях. Ввиду всего этого,

[64] В прежних моих публикациях дата ψ[.΄], как сказано (см. выше № 3), эта надпись синхронна захоронению Саваги в склепе 491/2 г. , так что и она датируется тем же годом: ψ[πη΄] «788». После ψ на камне видна левая стойка π.

я предпочел дополнение в стк. 1–2 не слова [ἀ]μπελου[ργούς] «виноградарей (гóспода)», а более соответствующего изложенным обстоятельствам [ἐλέησον -- περ]ιπόλου[ς ? πιστ]οὺς ἑπτὰ «*помилуй -- верных* пограничных стражей (?) семерых».

Все это я представил в статье 2002 г. «Гунно-булгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики» (ДБ. 5, 303 сл.). Однако тут было допущено большое количество опечаток в греческом тексте, кроме того я доработал статью и поместил ее в ТБР (с. 425–476). А. В. не пожелал руководствоваться этой книгой в IOSPE V, 331, хотя она числится в списке литературы IOSPE[3], и оперирует моей статьей 2002 г., несмотря на указание в ТБР, что она уже вторична. Рассмотрим его текст, приведенный выше. Не приняв во внимание мои доводы, что надпись поставлена в связи с гибелью 7 фиасотов, он молчаливо извлек из моего варианта 1987 г. «виноградарей»: [ἀ]μπελου[ργούς σ]ου σέπτα[σον ?, κ(ύρι)ε,], и счел ее посвящением поименованных 14 фиасотов. Но в его тексте нет абсолютно ничего, что указывало бы на посвятительный характер надписи: «*Виноградарей Своих почти, Господи, оживотвори их и помяни меня со святыми; здравие*» (дальше перечень имен). Так же беспочвенно его чтение σέπτα[σον?], ибо такого слова нет; придумывать же его без надобности незачем, если нормально читается [--]οὺς ἑπτὰ (у меня [πιστ]οὺς ἑπτὰ «*верных* семерых»); но у него желание во что бы то ни стало прочесть иначе, нежели я, сильнее здравого смысла. Впрочем, глагол придуман не просто так: ему надо убрать слово ἑπτά, без которого теряет силу моя ссылка на двойное имя у чувашей (resp. гуннов), так что он может усматривать 14 имен. Его греческий текст стк. 2–3: ζ͡έσο αὐτοὺς καὶ μνημ[όνευε]| [ἐ]μὲ μετὰ τῶν ἁγίων, с одной стороны, привлекателен чтением ζ͡έσο, с другой, крайне странен появившимся ниоткуда местоимением 1 лица [ἐ]μὲ «меня», ибо нет в надписи ничего, что соответствовало бы грамматическому 1 лицу. Полагаю, его ζ͡έσο «оживотвори» точнее моего [σ]ῶσο(ν) «спаси», ибо и на моей прориси первая сохранная буква стк. 2 – стигмообразный знак (ϛ), в котором резонно видеть *дзету*, а не *сигму*; точно и ударение в μνημ[όνευε] (у меня ошибочно μνημ[ον|ε]ῦε). Но размещение слова целиком в стк. 2 не оправдано: хотя это круглый ствол колонны и места достаточно, строка оказывается непомерно длиннее всех остальных. Поэтому должен быть перенос: μνημ[όν|ε]υε, так что и по этой причине в начале стк. 3 беспочвенно его [ἐ]μὲ. Тут видно ıC, эта черта перед с неопределенна, так что он свое Ṃ, а я свое Ṵ должны убрать в скобки, да еще показать неполную сохранность Є, в целом: μνημ[όν|ευ]ε. Поскольку теперь мы приняли его чтение ζ͡έσο (должно быть ζ͡έσο(ν) = ζῆσο(ν) «оживи, дай жить», ибо ν не написано), следует разъяснить его в контексте нашего понимания надписи как поминальной, с перечнем погибших членов фиаса. Поскольку фиас христианский – на это указывает формула μνημ[όν|ευ]ε μετὰ τῶν ἁγίων «помяни со святыми», слово ζ͡έσο(ν) «дай жить» имеет эсхатологический смысл – применительно к загробной жизни. К примеру, теолог III в. Ориген, так комментирует стих 17 псалма 118 («буду жить и хранить слово твое»): ζῆσον «оживи» относится к будущему времени (εἰς τὸν μέλλοντα χρόνον). Посему смысл ζ͡έσο(ν) нашей надписи, обращенной к богу, – «оживи» покойных: κ(αὶ) ζ͡έσο(ν) αὐτοὺς καὶ μνημ[όν|ε]υε μετὰ τῶν ἁγίων «и оживи их, и поминай вместе со святыми»[65].

[65] Мы уже вели речь об этом догмате христианской религии выше, под № 7.

В конце стк. 4 четко видно Υ и средняя часть вертикали. Поскольку в начале следующей строки стоит ЄΤΙ, т. е. ἔτ(ε)ι «в году» и «месяце Ксантике», цифры года надо поместить в конец предыдущей строки. Как сказано, это дата Ψ[ΠΗ΄] «788», и черта после Ψ соответствует левой стойке П. Буква Υ в остальном тексте надписи – ипсилон, но в конце стк. 4 дата, так что это цифра. На папирусном письме со II в. до н.э. *псu* изображается в числе прочего также в виде чашки на ножке (т. е. Ψ без прочерка внутри) [*Garthausen* 1913, Taf. 1]; в граффито средневизантийского времени из Парфенона *псu* имеет форму Ψ [*Ορλανδος* 1973, № 150], как у нас, это дает основание усматривать ее и здесь в качестве цифры. Но А. В. перенес дату в самое начало стк. 4, перед ЄΤΙ, где места для трех цифр нет, есть для одной. Имена стк. 7–13 и конечную стк. 14 он дал в основном по моему чтению (в КБН мало что прочитано связно).[66] И хотя он старается переиначить имена, это негодная попытка: у меня почти все имена как гуннские имеют соответствия в чувашской народной антропонимии, отчасти и в гуннских именах, зафиксированных иными источниками, что особенно важно, имеют параллели в их суффиксации. Таким образом, имена надписи (кроме греч. Τρόφιμος) составляют цельную антропонимическую систему, поэтому прочтение их в трудных местах опирается в числе прочего на аналоги из других источников. Поэтому, давая иное прочтение некоторых имен, А. В. должен предоставить иные параллели им, причем все должны быть из одной или почти одной антропонимической системы. Он не понимает этого, но если собирается настаивать на своих прочтениях имен, должен дать такую апробацию, ибо без нее они всего лишь мыльные пузыри.

17 (рис. 4. *1*). М. А. Тиханова [1953, 386] в статье о раскопках базилики на Мангупе издала надпись на обломке известнякового фриза из крещальни при базилике: † Ο ΘC̄ΤΙ ΠΡΟCḄΕΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ | ΙΩΑΝΝΟΥ CΩCΟΝ ΤΟΝ ΔΟΥΛΟΝ | CΟΥ ΠΑΠΑΝ ΓΡΙΓΩΡΙΝ ΑΝΑΓΝΟC|ΤΗΝ ΑΜΑΡΤΟΛΟΝ ΑΜΗΝ, с переводом: «О боже, [услышь] просьбу святого Иоанна и спаси раба его, отца Григория, чтеца грешника. Аминь». Фото или прорись надписи она не приложила. По моему мнению, при точном чтении надписи в целом (от τοῦ ἁγίου до конца: τοῦ ἁγίου | Ἰωάννου· σῶσον τὸν δοῦλον | σοῦ πάπαν Γριγώριν , ἀναγνώσ|την ἁμαρτολόν· ἀμήν), начало она передала не вполне адекватно: опущены буквы ΤΙ стк. 1; при ΠΡΟCḄΕΙΑ (= πρεσβεία «просьба») она вставила в перевод не обязательный глагол – «[услышь] просьбу», но в таком случае должен быть вин. падеж πρεσβείαν; в стк. 3 σοῦ переведено «его». Проблемно и расположение надписи подобного содержания на фризе крещальни, – обычно на таких архитектурных деталях расположены строительные надписи, вотивные, обетные, молитвенные; первому варианту в данном случае соответствует слово стк. 1 πρεσβεῖα «честны́е дары». Начало в моем варианте 1987 г.: ὅ ἐστι πρεσβεῖα τοῦ ἁγίου Ἰωάννου «эта *крещальня* – честны́е дары святого Иоанна» [ВВ, 1987, 163]. Поскольку надпись расположена на фризе крещальни, счел я, под указательным местоимением ὁ (в ὅ ἐστι) подразумевается слово βαπτιστήριον «крещальня». Комментируя это, Г. Плекет (SEG 1989. Т. 39, № 700) подправил чтение Тихановой: ὁ θεός, τῖ (= τῇ) πρεσβείᾳ

[66] Имена его с мелкими отличиями (указываю страницы по своему счету, у него на 1 строку текст меньше). В стк. 7 вместо моего Χοριμαγ у него Θοριμαγ, в стк. 10 у меня Cαλ̣διχ, у него Σα.λιχ, в стк. 11 мое Ταβουλγαεις, его .ρβουλγαεις, вместо Ἀτταεις у него Αττασις; стк. 11: у меня Μαλδαγ, у него Αλδαγ, стк. 13: у меня .αδμα. . . .ξις, у него Αδμα..[τ]ζις.

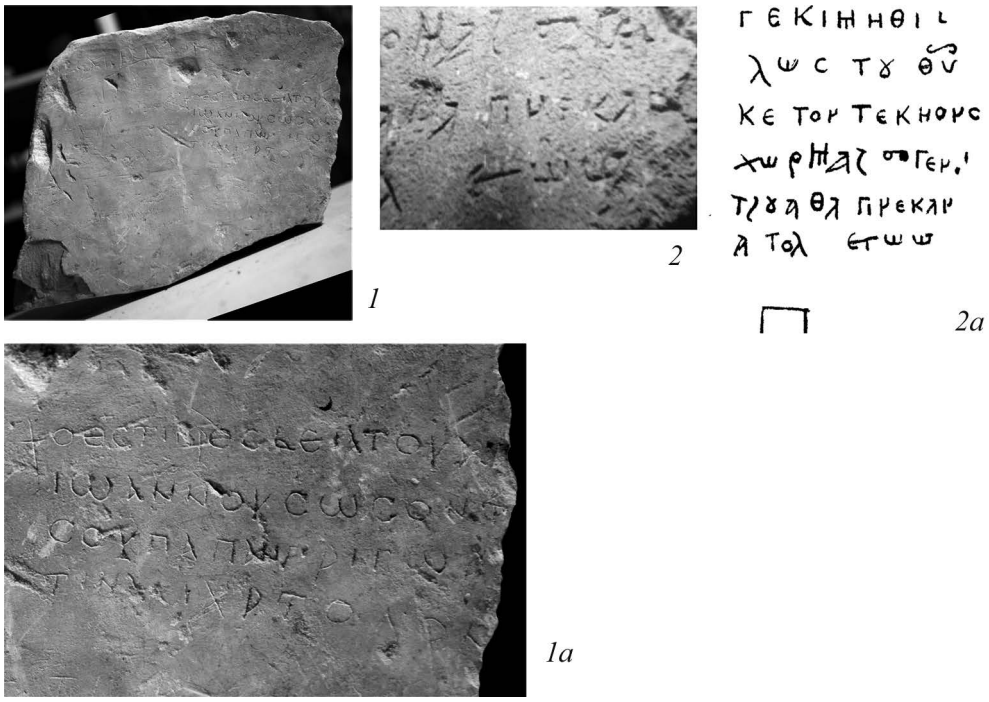


Рис. 4. Надписи № 17, 19 (*1* – фото А. В. Виноградова, IOSPE V, 52; *2* – фото и прорись автора)

κτλ. – O God, through the intermediary of St. John, save your priest etc. («Господи, чрез сие посредство Св. Иоанна спаси твоего священника» и т.д.). В ОХБ (с. 909) я принял θε(ὸ)ς, но сохраняя идею о строительном характере надписи, τῖ понял как τῇ «здесь, в этом месте»: ο῀ (= ὧ) θε(ό)ς, τῖ (= τῇ) πρεσβεῖα κτλ. «Господи, в сем месте честны́е дары святого Иоанна», и заключил: судя по расположению надписи на фризе, крещальня выстроена во имя св. Иоанна Крестителя. А. В. опубликовал фото обнаруженного им в музее Бахчисарая камня и в проблемной стк. 1 дал текст Плекета: ὁ θεός, τῖ (= τῇ) πρεσβείᾳ κτλ. «Боже, по заступничеству святого Иоанна спаси раба» (и т.д.). Но авторство Плекета не указал, – по обыкновению, присвоил чужое себе. Его комментарий в IOSPE V, 183, 2 сам требует комментариев в отношении реалий. Он пишет: «*Неправильное прочтение строки привело Яйленко к ложному выводу о посвящении крещальни св. Иоанну Предтече. Действительно, упомянутый в надписи св. Иоанн – это, возможно, Иоанн Креститель, однако сам камень, найденный в вымостке, мог изначально находиться не в крещальне*». Во-первых, надо читать статью Тихановой внимательней, ибо она ясно указала на с. 386, что камень найден не в вымостке, а на полу здания: «на вымостке (вторичном настиле пола), у стены *б* с северной стороны над гробницей IV был открыт фриз из местного серого известняка . . . Рядом с фризом в земле были найдены отдельные обломки его»; на самом большом фрагменте фриза надписи с обеих сторон, текст самой большой она и привела. Таким образом, фриз (тут это декоративный резной пояс, идущий по верху стены) завершал стену крещальни, и упал он на ее второй пол, который выложен известняковыми плитами (о нем она пишет на с. 378, 382). Во-вторых, крещальни (на Западе

баптистерии), само собой разумеется, часто посвящены Иоанну Крестителю, и если в надписи внутри крещальни упомянут «святой Иоанн», это, как правило, означает, что устроена она во имя Крестителя.

Как сказано, смысл надписи зависит от понимания ΤΙ ΠΡΕСΒΕΙΑ – как τῖ (= τῇ) πρεσβείᾳ «через / посредством ходатайство / заступничество св. Иоанна», и как τῖ (= τῇ) πρεσβεῖα «в сем месте честны́е дары св. Иоанна», т.е. принадлежащие св. Иоанну (gen. poss.). Важен и характер надписи – она лапидарная или граффито: лапидарной надписи более свойствен второй вариант, для граффито первый. Характер нашего памятника двойствен: это граффито, но вырезано правильным лапидарным унциалом; подчеркнем, вырезано как лапидарная надпись, а не процарапано, как граффито. Именно по этой причине М. А. Тиханова выделила ее из числа прочих: «Эту центральную надпись окружает ряд мелких надписей, выполненных скорописью, совершенно неразборчивых и скорей процарапанных, чем вырезанных» (с. 386). Мне важно отметить и то, что у христианских теологов равно употребляется и πρεσβεία «заступничество, ходатайство, просьба»[67], и πρεσβεῖα «дары»[68]. В первом случае смысл надписи в том, что поп Григорий оплатил место для своего будущего погребения в крещальне и рассчитывает потому на заступничество св. Крестителя перед богом. Во втором случае он не просто устроил в крещальне свою гробницу, а провел строительные работы по ее украшению, в частности, соорудил стену с декоративным фризом, на котором сделал молитвенную запись в расчете, что это украшение купели Крестителя дает основание просить бога о посмертном спасении. Примерно такого рода контекст есть у неоплатоника и богослова V–VI в. Дамаския (fr. 397 = Suida, s. v. πρεσβεῖα): καὶ χρηστὰ πρεσβεῖα τούτῳ τῆς μνήμης νῦν τε καὶ ἀεὶ νέμει «и честны́е дары сему в память и ныне и вовеки доставляет». В византийской эпиграфике примеров прижизненного устройства места будущего захоронения тьма. Так, небольшую пещерную церковку с могилой устроил на Тепе-Кермен некий Алипий: ὀρήχθι (= ὠρύχθη) ὁ τάφος οὗτος «выдолблена сия гробница», и расширение ее (ἡ ἀρέοσις = ἀραίωσις) под себя произвел «раб божий Евстафий»; надпись сделана над аркосолием могилы [*Латышев* 1896, № 51; IOSPE V, 204]. На аркосолии гробницы в небольшом храмике Херсонеса надпись 1183 г. повествует о погребении тут «иеромонаха, клирика и благодетеля (εὐεργέτης)» Петрония [*Латышев* 1896, № 27]. Все это ктиторские надписи, сделанные по случаю устройства гробницы в храме или его крещальне. По словам Тихановой, обломки фриза найдены «над гробницей IV», это скорее всего и есть гробница попа Григория, который обустроил часть крещальни как место своего будущего упокоения. Согласно А. В., «*бета с удлиненной нижней гастой ясно датирует данную надпись IX–X вв. Поэтому ближе к истине предложение Айбабина (1999, 123–124) датировать надпись XI веком в силу употребления при слове чтец титула "поп" (см. Sophocles 1914, 839; однако, попытка Айбабина датировать этим же временем и крещальню связана с ошибкой Яйленко)*».

[67] Например, у Евсевия (De eccl. theologia, III, 18, 3): ἡ μεγάλη τοῦ σωτῆρος ἡμῶν πρεσβεία «великое заступничество Спасителя»; у Иоанна Хрисостома (In Genesim = Vol. 53, p. 26; TLG): εὐχαῖς καὶ πρεσβείαις τῶν εὐαρεστησάντων αὐτῷ Χρηστῷ «обетами и просьбами из тех, что угодны самому Христу»; в граффито Парфенона: τῇ πρεσβείᾳ Μαρίας «[ходатайством / просьбой Марии» [*Ορλανδος* 1973, № 45].

[68] Например, у Григория Назианзина (De paup. amore = Orat. 14 = Vol. 35, p. 860, *l*. 14; TLG): δοῦναι τὰ πρεσβεῖα καὶ τὰ νικητήρια «дать и дары и победные призы».

На деле же в *бете* важна не столько «удлиненная нижняя гаста», сколько мелкая «головка» при большом «животе» (ß, но «головка» еще меньше и не смыкается с «брюхом»), в пергаментном унциале такие формы идут с X в. [*Garthausen* 1913, Taf. 3][69]. С учетом соображений А. И. Айбабина, надпись попа Григория относится к X–XI в.

Разумеется, публикация А. В. фотографии надписи важна, но это все. В его тексте лично ему принадлежит лишь член ȯ (у Плекета ȯ, у меня ο᷾ = ὦ), все остальное текст Плекета – Тихановой. Но он присвоил его себе, ибо умолчал и о тексте Плекета, обойдясь в списке литературы глухим «SEG, 39, 700» (это все), и о публикации надписи М. А. Тихановой. Он пишет: «*Тиханова (Тиханова 1953, 386, прим. 1) не дает чтения надписи, но только перевод*». Однако, как мы видели, Тиханова дала греческий текст маюскулами[70]. И весь этот плагиат закреплен его копирайтом: «© 2015 Андрей Виноградов»! А причем его «прим. 1» при с. 386 ее статьи, коль там она указала лишь палеографические аналогии мангупской надписи? Лукав его «Критический аппарат, (стк.) 1: ὅ ἐστι πρεσβεῖα Yailenko; τῖ τῇ». Почему фамилия переведена в латиницу, коль моя статья опубликована на русском языке; и что это за «τῖ τῇ», повисшее в воздухе? На самом деле тут должна стоять фамилия Плекета. А. В. пишет о «*замене эпсилона на омикрон в слове πρεσβεία*» и даже приводит аналог, но никакой замены нет: курсивное ϵ в надписи декоративное – это кружок с горизонталью внутри[71]. В рецензии А. В. дал ссылку на надпись Георгия в своем корпусе – «IOSPE V 328. 2», а должно быть 183. 2.

18 (рис. 3. *5*, *5*а). Эпитафия VI–VII в. из Херсонеса. В стк. 1 неясное начало – после креста буквы ΚΗΝΤΙΚΙЄΤΟΝ. Моя орфография подлинника: †κ(υρι)ην, τι κιετον ποησ|ει κτλ., вся надпись в переложении на норму: † κ(ύρι)ε<ν>, τ(ῇ) κ(ο)ῖ<ε>τον πο(ι)ήσ|(η)ι τὸν δοῦλο[ν] τὸν τ(οῦ) θε(οῦ) | Γότο(ν) «да упокоишь здесь, господи, раба божьего Гота» [ВВ, 1987, 168; ОХБ, 913–914]. А. В. отверг это чтение, отсылая к своему корпусу (IOSPE V, 52), где дал иной текст. Там он перечислил на целый абзац мои «натяжки», бóльшая часть которых на поверку является переложением в нормативную орфографию. Вот мои реальные исправления подлинника, их всего три: 1) удалено излишнее ν в κ(ύρι)ε<ν>; 2) удалено Ε в κ(ο)ῖ<ε>τον;[72] 3) заменено υ на необходимое ν в Γότο(ν).[73] Текст А. В.: + Μ<νή>στιθι Κ(ύρι)ε, | τοῦν δούλον, vac. | Βοήθι. | τοῦν ποησά|τον τὸ ἔρ|γο(ν) τὸ εὖ «*Помяни, Господи, сделавших это благое дело. Помоги*». На первый взгляд, в его тексте всего 2 описки – в первом слове и ἔργο(ν), но это не так. Читая Μ<νή>στιθι при ΜΗΝΣΤΙΘΙ оригинала, он усмотрел перестановку Τ и Θ, которая случается в надписях, т.е. написано μνήστηθι вместо правильного μνήσθητι. Но перестановка должна быть показана в тексте надписи, так что вместо его μ<νή>στηθι

[69] Мы потому апеллируем к шрифту пергаментов, что они датированы и письмо их унциальное, как и у мангупской надписи.

[70] Это связано с тем, что в те времена типографские наборщики более или менее сносно набирали большие греческие буквы, в малых же путались и давали искаженный текст.

[71] На папирусном письме лунарная форма е употреблялась со II в. н.э., в пергаментном унциале с V в. употреблялась форма с почти сомкнутыми «усиками» [*Garthausen* 1913, Taf. 1–2]. Ср. граффито 1482 г. из Парфенона, где эпсилон написан в виде простого кружка (стк. 2): Π[0] [*Ορλανδος* 1973, № 149].

[72] *Омикрон* вставлен потому, что над К знак лигатуры, частично сохранившийся.

[73] В дифтонге οι слова πο(ι)ήσ|(η)ι правка необязательна, ибо на письме вслед за произношением опускалась одна или другая его часть. К примеру, уже в боспорских надписях I–III вв. н.э. есть образцы написания ο вместо οι (КБН, с. 805, § 10).

должно быть μ<νή>σ(τ)η(θ)ι. Это не все: судя по всему, буквы θι он усмотрел слева внизу от крестика стк. 1 (на моей прориси тут показаны буквы ει). Он стыдливо умолчал об этом, а мы обратим внимание на неловкий манёвр резчика (на самом деле А. В.): написав М<νή>στι К(ύρι)ε, он, видимо, заметил пропуск букв θι, но вместо того, чтобы написать их над пропущенным слогом, благо место имеется, поместил их в отдалении – под крестиком слева внизу. Итого в слове из 8 букв более половины требует исправления, что начисто лишает достоверности его прочтение. Такой вывод подтверждается обращением к его фото да моей прориси, на которых согласно и хорошо читаются буквы HNTI (в надписи всюду N-оборотное: И), так что никакого ΜΗΝΣΤΙΘΙ или ΜΝΗΣΘΗΤΙ на самом деле там нет. Перед HNTI стоит буква, которую я принял за К, критик за М; если это не К (см. мою прорись; другое К писано иначе: I<), то уж подавно не М! Но К такой формы (усики крепятся не прямо на вертикаль, а через горизонтальный прочерк) обычно в палеографии[74], тогда как М такого вида А. В. придется поискать. Ввиду изложенного, его чтение М<νή>στιθι – взыграние фантазии, не имеющее отношения к камню. Справа от HNTI буквы КI (над каппой часть титла), далее ЄTON, тут можно усмотреть и к(ύρ)ιε [не к(ύρι)ε А. В.], и ничто не препятствует моему чтению к(ο)ῖ<ε>τον. Дальше А. В. читает gen. pl. причастия ποησᾰ́τον, но должно быть исправлено на ποησᾰ́(ν)τον; его τὸ ἔργο(ν) нуждается не в одном исправлении ἔργο(ν), как он показал, но требует объяснения наличия «крылышек» при -O- (по мне, это *mema*). Усмотренная им у самого правого обреза плиты буква А слова ποησᾰ́|(ν)τον и Р слова ἔρ|γο(ν) настолько плохи, что тут скорее скопление трещин поверхности, как обычно и бывает у обреза известнякового камня. Далее, τὸ εὖ А. В. тоже требует исправления: τ(ὸ), ибо омикрона на камне нет. Наконец, вычитанные им М<νή>στιθι и τῶν ποησᾰ́τον τὸ ἔργο(ν) не совместимы по грамматическому управлению. Первое требует род. падежа, отсюда его чтение τῶν δούλον τῶν ποησᾰ́τον (как сказано, должно быть ποησᾰ́(ν)τον). Однако ἔργον ποιεῖσθαι – фразеологизм (LSJ, s.v. ἔργον, IV, 4), и оно требует вин. падежа (LSJ: ἔργον ποιεῖσθαι τι), так что следует читать не gen. τῶν δούλον τῶν ποησᾰ́τον, но аккузатив, причем ед. числа, на что указывает sg. τὸν δοῦλον, т. е. τὸν δοῦλον τὸν ποήσαντα. Таким образом, чтение А. В. наталкивается на альтернативу: читать либо М<νή>στιθι с род. падежом, либо аккузатив τὸν δοῦλον τὸν ποήσαντα (можно счесть, что причастие тут сокращено – ποήσ(αντα), см. ниже). Следовательно, из текста А. В. должно быть удалено либо М<νή>στιθι, либо τὸ ἔργο(ν).

Подведем итог разбору текста А. В. Из него должно быть удалено М<νή>στιθι, а последующий текст К(ύρι)ε, τῶν δούλον, vac. | Βοήθι. | τῶν ποησᾰ́|τον τὸ ἔρ|γο(ν) τὸ εὖ нуждается в 5 исправлениях, так что должен читаться так: К(ύρ)ιε, | τῶν δούλον | τῶν ποησᾰ́|(ν)τον τὸ ἔρ|γ(ον) τ(ὸ) εὖ. | Βοήθι. Без глагола μ<νή>σ(τ)ι(θ)ι повисает в воздухе gen. pl. τῶν δούλον τῶν ποησᾰ́(ν)τον «сделавших». Кстати, из перевода А. В. «Помяни, Господи, сделавших это благое дело. Помоги» выпало τον δούλον, так что должно быть «помяни, господи, рабов, сделавших». В поминальных надписях вслед за формулой «помяни, господи» следуют личные имена, ибо просьба «помянуть» всегда конкретно адресная. Например, среди 234 граффити Парфенона более половины поминальных с μνήσθητι, да молитвенных

[74] К примеру, в граффити Парфенона [*Ορλανδος* 1973, № 25–27, 33 и др.]; в граффито № 33 шесть К разных форм, в том числе те две, что в херсонесской надписи.

с βοήθι, и все с именами. Конечно, встречаются в числе граффити и безымянные просьбы «помянуть», но весьма редко и тому есть внешние причины (например, что-то отвлекло пишущего и пр.). Лапидарные надписи штучные, потому в них просьбы адресные, обязательно с личными именами, а в чтении А. В. их нет ни при μ<νή>σ(τ)ι(θ)ι, ни при βοήθι, есть безымянные трудящиеся. При всех своих «достижениях» в прочтении текста он еще насчитал в трехстрочной надписи 5 строк.

Сама надпись в его исполнении необычная; он пишет: «*камень закрывал вход в склеп. Слово ἔργον обозначало в Византии здание (LSJ, s.v. III), но никогда – гробницу. Поэтому надо считать, что либо "благое дело" в надписи обозначает не сам склеп, а труд по его строительству, либо какую-то постройку в I-й куртине*». Стало быть, по А. В., рабочие прославили на закладной плите склепа свой труд по сооружению оного или части куртины. Это уже что-то родное, из советского прошлого, когда белоручки от госпропаганды прославляли пролетария-гегемона. Но мало того, у А. В. сами трудящиеся воспевают свой труд, чем, не подозревая, он втащил в смысл византийской надписи идеологию Пролеткульта наших 1920-х годов. Если же не заниматься фанатичным перелопачиванием моего текста, то ему следовало бы обратить внимание на сам камень, который являет собой типовое ранневизантийское надгробие, каковых тьма: большой крест во все поле и по сторонам его вертикали написана эпитафия (см., к примеру [*Диатроптов, Емец* 1995, 30–31, 33–34, № 6, 10, 13, 15, 26, 28, 31, 34]). В процитированном тексте А. В. «*Слово ἔργον обозначало в Византии здание (LSJ, s.v. III), но никогда – гробницу*» впечатляет ссылка на серьезный словарь, но достаточно открыть его, как выясняется, что там приведен один пример такого значения – из Monumentum Ancyranum, надписи императора Августа начала I в. н.э.; как видно, до Византии еще пяток столетий. Так, казалось бы, важный лексический аргумент критика оборачивается на деле дезинформацией.

Единственное, с чем вроде можно было бы отчасти согласиться – с усмотренным А. В. словом βοήθι. Отчасти потому, что выразился он, как Гераклит – темными словесами: «*Яйленко не заметил того, что буквы слева внизу надписи выбиваются за ее поле. Объяснить это можно только припиской: к поставленным под 1-й строкой буквам θι другой резчик (что показывает иная, ромбовиджная <sic, В. Я.> форма теты) дописал три буквы до слова Βοήθι*». Поясню читателю, что слева, в начале стк. 2, стоят буквы, которые я принял за ЄІ (окончание последнего слова стк. 1 ποήσ|ει), а А. В. увидел тут Θ|. Как сказано, эти буквы θι он подсоединил к своему ΜΗΝΣΤΙ начала стк. 1, получив ΜΗΝΣΤΙΘΙ, и смысл сей цитаты заключается в том, что «другой резчик» подписал снизу ΒΟΗ, чтобы со стоящими сверху буквами Θ| получилось βοήθι. Если все это действительно имел в виду А. В., то его «другой резчик» шутник, а точнее А. В., породивший эту анекдотическую манеру писать. Опять-таки, молитвенные записи «помоги, господи» (богородица, святые) адресные, при них почти обязательны личные имена, которых у А. В. нет. Словом, идея с βοήθι, на первый взгляд неплохая, порождает странную в разных отношениях ситуацию, которая элиминирует ее. Я не увидел на камне этого слова, потому и показал на прориси в стк. 3 слева вертикаль и через один пункт Η, но на его фото что-то вроде ΒΟΗ ↖ΘΙ усмотреть при желании можно. Для моего чтения ποήσ|ει это не проблема, ибо в византийских надписях тьма аббревиаций; приведу лишь одно граффито Парфенона с πάρ(ε)χε, τοῖς ποθ(οῦσι) и прочими сокращениями

[*Ορλανδος* 1973, № 89]. Посему читаю как вариант ποήσ(ει), дабы дистанцироваться от ЄІ или Θ| начала стк. 2.

Приключения βοήθι отнюдь еще не закончились. А.В. показал в надписи 5 строк (при том, что на самом деле она трехстрочная, см. фото и прорись). И поместил это слово в середине надписи, где она составила отдельную строку: τοῦν δούλον, vac. | Βοήθι. | τοῦν κτλ. По его мысли это приписка, и коли так, приписке место в конце надписи, вовсе не в середине. И почему Βοήθι, если две последние буквы – из первого слова основной надписи? Если следовать всем этим эпиграфическим выкрутасамам А.В., должно быть Βοή{θι}. Из слов А.В. «*иная, ромбовидная форма теты*» явствует, что в его тексте есть *тета* другой формы, но на деле в нем ее нет, она есть в моем чтении τ(οῦ) θε(οῦ), которое он заменил своим τὸ (в τὸ ἔρ|γο(ν)). Удивительная поверхностность суждений, с такой в печатном виде я давно не сталкивался[75].

Вернемся к стк. 1. Как сказано, тут буквы † ΚΗΝΤΙΚΪЄΤΟΝΠΟΗС. С учетом остатка титла над срединным К, буквы КІЄ резонно раскрыть, как А.В., в κ(ύρ)ιε, но в таком случае предшествующие ΚΗΝΤΙ остаются без объяснения[76]. Поэтому я дал следующую орфографию подлинника: † κ(υρι)ην, τι κιετον ποησ|ει κτλ., в переложении на норму: κ(ύρι) ε<ν>, τ(ῇ) κ(ο)ῖ<ε>τον πο(ι)ήσ|(η)ι τὸν δοῦλο[ν] «да упокоишь здесь, господи, раба» (τι = τῇ «здесь, в этом месте», как в предыдущем № 17). Я усмотрел тут выражение κοῖτον ποιεῖσθαι «ложиться спать» (Herod. VII, 17), предположив логическое развитие сего значения в «упокоиться ≈ умереть», поскольку в раннехристианское время κοῖτος «ложе» приобрело и значение «могила» (например, у Григория Назианзина (Carmina, p. 1319; TLG): πάντ᾽ ἔθανεν τὰ πάρος, γαίη, κοῖτος ἐμοί «все умерло прежде, о земля, могила мне»); κοιτών «спальня» > «могила»: LSJ, s.v. Конечно, удаление букв ν и ε делают мое чтение предположительным, нужны усилия и других коллег, но лучшее пока не предложено. А.В. попробовал, но его М<νή>στιθι, как показано, не согласуется с подлинником. В то же время прочтение мною эпитафии, как сказано, соответствует характеру плиты – с крестом во все поле и надписью по сторонам его ствола, это типовая ранневизантийская надгробная надпись.

Имя покойного Γότος, я связал его с этнонимом готов. В рецензии А.В. гневно обрушился на это: наименование гот известно в греческих источниках только в виде Γότθος, Γοῦτθος. Однако это не совсем так – при сей обычной форме есть и другие. У Птолемея (Geogr. II, 11, 16; 35) в списке народов северной Европы упомянуты Γοῦται (v. l. Γαυτοί, Οὔται), в которых обычно видят готов [*Буданова* 1991, 67]. Страбон (VII, 1, 3) в описании Германии упоминает народ Γούτωνες (v. l. Γούτονες, Βούτωνες), это тоже скандинавские готы [*Šimek* 1953, 558, 567, 607]. Эти примеры показывают этноним готов с одним τ, без θ,

[75] Под стать сему и замечание критика: какое отношение к византийскому разделу имеет приложение с березанской песней Яйленко? Поясню читателю: основное содержание ОХБ составляют ольвийско-березанская история да эпиграфика, поэтому книгу завершает «Приложение."Березанские алканавты"» (с. 919–921). Критик не смог даже понять, что это приложение к книге, а не к византийскому разделу.

[76] Их можно раскрыть, например, в dat. part. κ(οιμηθ)ήντι «упокоившемуся» (нормативно κοιμηθέντι), но дат. падеж не находит места в контексте надписи, где τον δούλον acc. или gen. Можно усматривать в буквах ΤΙ окончание пассивного аористного императива -τι (как, например, ἱλάστητι [Euangel. Luc. 18, 13; *Ορλανδος* 1973, № 44]), и ΚΗΝΤΙ в таком случае раскрывается в κ(οιμηθ)ή<ν>τι, но смысл глагола не подходящий своим пассивным залогом – «будь упокоен», также приходится элиминировать ν.

также огласовки ου и ο, чего мне достаточно для верификации связи с ним имени Γότος. Я разъяснял этот вопрос в ОХБ на данных словаря древнегерманских имен да этнонимов М. Шёнфельда: в надписях с III в. н.э. есть формы лат. Goti, гр. Γόθοι и др. [*Schönfeld* 1911, 120–123]. Древнегерманские этнонимы и топонимы Ostro-gotho, Theudo-guto, Godo-land, Gotlanda связаны с этнонимом готов (жители Готланда называли свою родину Gutland). Сей этноним представлен в чистом виде и с теми же вариациями, что этноним, в ряде личных имен (у Шёнфельда): Godo, Goddo, Γώδας Прокопия, Gotha, Gotho, Goth, Got, Gudo, Gate, Goda, Gotti etc. Значение этнонима гот (др. норв. gautar, gotnar «мужи, герои», goti «жеребец») вполне подходяще для перехода в антропоним. Готы пребывали в Крыму с III в. н.э. до позднего средневековья, что служит реальным основанием для употребления в херсонесской эпитафии имени Γότος. Ср. имена этнонимического образования на Боспоре (выше, № 8). По VII в. официальное делопроизводство Византии велось равно на греческом и латинском языках (отсюда, к примеру, включение Прокопием латинских текстов), так что латинская форма имени готов Goti могла повлиять на греческую его форму *Γότοι, откуда и Γότος данной надписи. Ср. имя Γώδας Прокопия, отражающее герм. God(d)o/a. По этой форме в нашей надписи можно усматривать также Γῶτος, т.е. Γῶτος.

19 (рис. 4. *2*, *2а*). Эпитафия адыгской семьи XII в. из-под Анапы: † ἐκιμήθι ὁ [δοῦ]λως τῦ θ(εο)ῦ | κὲ τὸ<ν> τέκνον Ὀ|χωρμάζ, Γενη|τζϧαθα γινὲ Καν. . |ατολ, ἔτῳ ωτ.΄ «упокоился раб божий и дитя Охормаз; Генеджуата, жена Кан[. .]атола, в году тысяча сто -- *поставила памятник*» [ВВ, 1987, 169; ОХБ, 915]. Тут критик разгулялся вовсю. «*Во-первых, после слов "раб Божий" справа под облом попало место, по меньшей мере, для 1–2 букв (как видно по строке ниже), так что после этого выражения, как обычно, должно стоять краткое имя покойного, например, Ἰω(άννης). Во-вторых, облом правого угла подножия креста (?) наверху камня показывает, что и в строке 3 после омикрона есть место, по крайней мере, для одной буквы, и потому восстанавливать здесь имя Охормаз рискованно*». Конечно, в стк. 2 справа могло быть еще 2 буквы, но дело в том, что у адыгов нет имен из 2 букв, и как раз сочинять сокращение имени покойного адыга – дело рискованное, поскольку имя умершего, по поверьям многих народов, составляет часть его существа, его души. Для адыгов душа важная субстанция, поскольку с нею связан важнейший аспект их начальной религии – вера в «души предков» (псэ); у родственных им абхазов она составила самоназвание: апсуа (от апс «душа») «одушевленные», «люди с душой». Нет сомнения, что на надгробном камне самого критика будет стоять его полное имя, а покойному адыгу, значит, можно приписать непочтительное Ἰω. Тем более, что в надписи пространно сказано: «раб божий и дитя». Имя его Ὀχωρμάζ, ничего «*рискованного*», как мнится мало просвещенному критику, в нем нет – оно иранское (на средневековом Кавказе иранское влияние сильно во всех сферах), от среднеперсидской формы теонима Ахурамазда (Ahuramazdāh) – ’whrmzd, Ōhrmazd, в греческих передачах Ὡρμίσδας, Ὡρμήσδας, Ὡρμίσδας, это и личное имя. Греч. χ в Ὀχωρμάζ отражает среднеиранскую форму с сильным h[77]. Критик продолжает: «*в строке 4 издатель пропустил лигатуру сигма-ипсилон, которая вкупе со следующими ΓΕΝS может дать только συγεν(ής) "родственник" (с обычной гаплографией гаммы), но никак не фантастическое имя Генеджуата (почему τζ про-*

[77] См. образцы (ОХБ, 160–161). Слабое h передавалось в греческом через густое придыхание или опускалось, как в приведенных примерах.

чтено здесь как дж?)». Хорошо критику – может фантазировать по фото сколь угодно, я же в отличие от него работал с камнем, поэтому никакой «лигатуры *сигма-ипсилон*» там нет, да и вообще в такой лигатуре даже на папирусном письме ясно пишутся c_{υ} [*Garthausen* 1913, Taf. 12]. На самом деле тут проставлен знак ϭ-o (см. прорись), это скорее всего колон, знак остановки (наша точка или двоеточие), поскольку далее предмет речи меняется – идет речь уже о матери, которая поставила надгробие сыну. В рукописях средневековья для подобной перестановки употреблялся близкий знак o÷o[78]. Далее А.В. рассмотрел на фото ГENS, но на камне после N никакого S нет, есть остатки левой и правой вертикалей (ı ˈ), которые вполне соответственны букве Ḥ. Эти буквы ГЕНḤ сами по себе не вписываются в контекст эпитафии, поэтому их следует объединить с явно негреческим продолжением в стк. 5 TZɣAΘA, что при следующем за этим слове γινέ (= γυνή «жена, женщина») вполне составляет женское имя: Γενη|τζɣαθα γινέ «Генеджуата, жена --». Не будучи специалистом по адыгской антропонимии, могу лишь для иллюстрации созвучия упомянуть два женских имени – Гунэ, Шъатэ, комбинация которых может быть передана как Γενητζɣαθα.[79] И вообще, коль упомянуто умершее дитя, то в эпитафии уместны мать его да отец, вовсе не συγεν(ής) «родственник» критика. Надпись боспорская, потому для сравнения можно обратиться к местным эпитафиям римского времени КБН 127, 132, 354, 783, 1090: в них умершие τέκνον, τέκνα всегда с личным именем (разумеется, полным), также именами обоих родителей иль одного. Коль Генеджуата «жена», за сим должно следовать имя мужа, чему соответствует очередное негреческое KAN. . |ATOΛ, потому и читаю γινὲ Καν. . |ατολ «жена Кан--атола». Налицо обычная семейная картина эпитафий: дитя, мать-жена, отец, так что критик вбивает клин поперек житейской логики.

Более или менее осмысленно его следующее замечание, что в стк. 5 «*хорошо читается γινέκαν – поздняя форма асс. от γυνή, с типичным для поздних надписей смешением падежей*». Может быть и так, но по TLG, где есть литературные памятники XII в., к которому относится надпись, форма γινέκαν засвидетельствована лишь в «Истории Александра» (74, 6). Такая редкость препятствует включению ее в надпись, тем более, что Καν скорее всего тюркский титул (qan, xan), составляющий первую основу личных имен (примеры: ТБР, 451–452), также у адыгов, например, Канъшъау «хан-сын»[80]. Далее критик выставляет уж вовсе ерундовую претензию: «*в надписи нет никакого места для слов "поставила памятник", введенных автором, не понявшим синтаксиса текста*». Слово синтаксис он подпустил для красного словца, ибо оно не имеет отношения к реальному содержанию надписи. В выражении «Генеджуата, жена Кан[. .]атола, в году тысяча сто --» не хватает глагола, он просто подразумевается – «*поставила памятник*». Только и всего: это не утраченный текст, а пояснение фразы в целом, потому и дано курсивом. Самый убийственный аргумент А.В. приберег напоследок: «*Наконец, в конце строки 6 Яйленко читает ἔτῳ, которое, судя по переводу "в год", он понимает как dat. от ἔτος "год", хотя это слово (neutr.) принадлежит к третьему склонению и дает в dat. ἔτει, – ошибка, не допустимая даже для первокурсника;*

[78] [*Garthausen* 1913, 407], ср. и S. 342: это слово διάμετρος «диагональ».

[79] Проще ответить на вопрос критика: «*почему тζ прочтено здесь как дж*»? В женских адыгейских именах часты аффрикаты дж, ц, щ, одну я выбрал. В адыгейском языке до 70 согласных, так что вариантов тьма.

[80] Вряд ли стоит видеть тут тюрк. kan «воспитанник», ибо воспитанник и сын – два разных семейных статуса. В средние века адыги приняли мусульманство, отсюда сильное тюркское влияние.

на самом деле, на камне ясно читается ἔτωυς (ср. δοῦλως в строках 1–2), а число года попало под облом. Таким образом, прочтение бóльшей части этой надписи автором принять невозможно». Сочувствую критику, который в очередной раз обжегся на фотографии: на камне никакого ἔτωυς и в помине нет (см. рис. 4. 2, 2а), напротив, четко, без каких-либо вариантов написано ἔτῳ и дата в лигатуре: ω̄ = ωτ (на правую боковину *омеги* посажена крышка *тау*) «в году тысяча сто --» (1–2 следующие цифры даты утрачены). Но самое забавное в цитате – про мою ошибку с ἔτῳ, «*не допустимую даже для первокурсника*». Да будет ведомо критику, что это реальная эпиграфическая форма, представленная в эпитафии 133 г. н.э. из Пантикапея КБН 675: ἐν τῷ λυ΄ ἔτῳ «в 430 году». А. И. Доватур отметил в своем «Кратком очерке грамматики боспорских надписей» (КБН, с. 813, § 3. 8), что эта эпитафия «дает дат. падеж ед. числа к слову ἔτος “год” по образцу основ на -о-: ἔτῳ = ἔτει». Как видно, критик успешно пребывает в пределах нормативной грамматики первого курса, ибо твердо знает, что у ἔτος дат. падеж только ἔτει. А как быть с еще одной формой датива ἔτῃ в аттической надписи IG II, 1059, 18? Если следовать мнению А. В., издатели ее да авторы LSJ (s.v. ἔτος) тоже плохо знают язык.

Подведем итоги. Мы рассмотрели 19 надписей, часть которых я издал, часть реинтерпретировал, уточнив текстологию. Ничто в моей работе не устроило критика: «*корректно не прочитана и не интерпретирована ни одна (!) христианская надпись. Не имеют научной ценности и почти все конъектуры автора. Соответственно, повисают в воздухе и предложенные им на их основании исторические трактовки памятников*». Я ответил на все его замечания, но не буду так же категорически скуп к оппоненту, как он – кое-что у него может быть принято. Это чтение μαγίστορ-- в надписи Дуптуна (№ 3), но с исправлением в соответствии с состоянием текста: [μ]αγίσ[τ]ορ--. В гермонасском акте фиаса (№ 16) точнее прочитано ζε͡σο вместо моего [σ]ῶσο(ν), конечно, с исправлением на ζε͡σο(ν). Опубликованная им фотография мангупской надписи № 17 тоже важна. Также справедливо поправлено мое ударение в двух словах надписей № 4, 16. Это весь положительный багаж статей А. В. 2007, 2010–2013 гг., на которые он ссылается в рецензии, также тех 18 надписей его корпуса IOSPE V, которые мы рассмотрели здесь. Все это писано всуе, ибо для отмеченных его достижений достаточно примечания в какой-либо деловой статье. Написана рецензия А. В. в недопустимом тоне (и в Сети он под ником Ampelius хулит меня), но я не барышня, меня этим не проймешь. Мог бы ответить ему тем же, но не стану: надо же оставить ему первенство хоть в чем-нибудь. На одной личной неприязни наука не строится, отсюда закономерна поверхностность рецензии – и понимание им привлеченного эпиграфического материала превратно, и доводы его малосущественны, часто ошибочны. Но не только в этом неуспех его выступления против моей книги, причины глубже. Как эпиграфист А. В. сложился в процессе работы над корпусом византийских надписей Северного Причерноморья IOSPE V. Судя по имеющимся выпускам IOSPE[3], эта затея с переизданием античных и средневековых надписей региона покоится на анкетном характере: перечисляются выходные данные (место находки, место хранения, инв. номер и пр.), дается текст, перевод. А самое главное в работе с надписями – их комментирование – минимально, пространные комментарии редки, хотя электронный формат предоставляет для этого неограниченное место. В этом отношении IOSPE V А. Ю. Виноградова далеко уступает «Сборнику» В. В. Латышева

125-летней давности![81] Отсюда проистекает необычное для научной литературы обстоятельство – в рецензии на византийский раздел ОХБ он целиком проигнорировал мою аргументацию текстологии и понимания всех надписей. Он берет результат – мой текст надписи – и кромсает его по своему усмотрению, не обращая никакого внимания на доводы, которыми обосновано мое прочтение документа и его интерпретация. Он лихо рубит двумя-тремя фразами то, что я доказывал на двух-трех или более страницах, аргументация оппонента его вовсе не интересует. Потому дискуссия с таким критиком бесплодна. Вероятно, он ответит на этот мой отзыв о его рецензии, но с моей стороны продолжение дискуссии маловероятно ввиду полной ее бесполезности. Ставлю точку стихом нашего первого поэта-классициста Антиоха Кантемира (Сатира I, 1729 г.): «Уме недозрелый, плод недолгой науки! Покойся, не пробуждай к перу мои руки».



Список литературы

Б*уданова* В. П. 1991. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 285.

В*иноградов* Ю. Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1, 233–247.

Виноградов А. Ю. 2010. Ранневизантийская эпиграфика // Античное наследие Кубани. 2. М., 147–164.

Виноградов А. Ю. 2011. Строительные надписи византийского Крыма // Вопросы эпиграфики. 4, 217–253.

Д*иатроптов* П. Д., *Емец* И. А. 1995. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 2, 7–40.

К*расножон* А. В. 2013. Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости // Stratum plus. 6, 177–212.

Красножон А. В. 2016. Крепость Белгород (Аккерман) в исторических изображениях. Кишинев, Одесса, 375.

Кулаковский Ю. А. 1891. Керченская христианская катакомба 491 г. // МАР. 6, 30.

Кулаковский Ю. А. 1896. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. 19, 72.

Л*атышев* В. В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб, 143.

Латышев В. В. 1905. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 14, 94–137.

[81] В корпусе положено давать полную библиографию, у него она избирательна. Как ни странно, и в его статьях, и в IOSPE V практически отсутствуют самостоятельные ссылки на византийских авторов, те единичные, что есть, заимствованы у В. В. Латышева и других предшественников. Без обращения к этим источникам надписи малосущественны в историческом плане, реальном, лексическом и прочих. Одно это свидетельствует о неумении А. В. комментировать надписи. Обычно его комментарии сводятся к отсылкам на лексические или формальные аналогии в других византийских надписях.

Н*идерле* Г. 1880. Синтаксис греческого языка. Ч. 2. М., 336.

Т*иханова* М. А. 1953. Базилика // Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (МИА. 34). М.–Л., 334–389.

Ч*ичуров* И. С. 1980. Византийские исторические сочинения. М., 215.

Ш*корпил* В. В. 1909. Боспорские надписи, найденные в 1908 г. // ИАК. 33, 23–32.

Я*йленко* В. П. 2002. Гунно-булгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // ДБ. 5, 303–333.

Яйленко В. П. 2002а. «О бедном Устане замолвите слово» // Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В. Д. Жигунина. Казань, 288–303.

Яйленко В. П. 2005. Магические надписи Боспора // ДБ. 8, 459–508.

Яйленко В. П. 2006. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 9, 355–428.

Яйленко В. П. 2006а. Мария-Марфа Деисуса новгородской Нередицы // ПИФК. XVI/2, 452–473.

Яйленко В. П. 2008. Критические заметки по эпиграфике и «искусствознанию» Северного Причерноморья // ДБ. 12/2, 541–591.

Яйленко В. П. 2009. Малоазийские «гастарбайтеры» на Боспоре V–III вв. до н. э. // ДБ. 13, 477–538.

Яйленко В. П. 2010. Христианские и парахристианские надписи Боспора IV–VI вв. // ДБ. 14, 610–711.

Яйленко В. П. 2018. Заметки по топонимии, этнонимии античного и средневекового Северного Причерноморья, Скифии – Сарматии // БИ. 36, 37–86.

Яйленко В. П. 2020. Критический обзор отечественной эпиграфической хроники 2018 // ПИФК. 2, 205–222.

A*vi-Yonach* M. 1940. Abbreviations in Greek Inscriptions. L., 125.

C*hrist* W. 1890. Geschichte der griechischen Litteratur. München, 770.

Cojocaru V. 2016. Instituția proxeniei în spațiul pontic. Cluj-Napoca, 338.

E*ck* W. 1995. Graffiti an Pilgerorten im spätrömischen Reich // Akten des XII. Internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Münster, 206–222.

G*ardthausen* V. 1913. Griechische Palaeographie. Bd. 2. Lpz., 590.

Guarducci M. 1975, 1978: Epigrafia greca. Roma: T. 3, 611; T. 4, 601.

O*ρλανδος* Α. Κ. 1973. Τα χαραγματα του Παρθενωνος. Αθηναι, 199.

P*ape* W., *Benseler* G. E. 1884. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1710.

R*amsay* A. M. 1904. The Early Christian Art of Isavra Nova // JHS. 24, 260–292.

S*chönfeld* M. 1911. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 309.

Š*imek* E. 1953. Velká Germanie Klaudia Ptolemaia. T. IV. Brno, 763.

X*enaki* M. 2016. Découvertes épigraphiques dans la valée de Peristremma en Cappadoce // Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Travaux et mémoires. T. 20/2, 693–705.

Y*asin* A. M. 2015. Prayers on Site // The Viewing Inscriptions in the LateAntique and Medieval World. Cambridge, 36–60.

Z*gusta* L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 467.



Summary

V. P. Yailenko

Criticism of criticism: on the reviews of my books "A Thousand-year Bosporan reich. History and epigraphy of the Bosporus VI BC – V AD", and of the Byzantine section of the "History and epigraphy of Olbia, Chersonesus and the Bosporus 7th century BC – 7th century AD"

Both reviews by A. Avram [Bull. ép. 2013, p. 538–541] and A.Yu. Vinogradov [VDI. 2018, 3, 738–745] are written to order to defame my books on the history and epigraphy of the North Pontic area. The author analyses in details the argumentation of the both criticasters and reveals their ill-intentioned, superficial, far-fetched and often erroneous character.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ – Артезианская Археологическая Экспедиция
АВ – Археологические вести
АГСП – Античные Государства Северного Причерноморья / Под ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликовой, В.С. Долгорукова (Археология СССР. Т. 9). Москва, 1984
АИАПМЗ – Азовский Историко-Археологический и Палеонтологический Музей-Заповедник
АИБ – Археология и История Боспора. Симферополь/Керчь
АИУ – Археологические Исследования на Украине. Киев
АМА – Античный Мир и Археология. Саратов
АН – антропоним
АО – Археологические Открытия. Москва
БИ – Боспорские Исследования. Керчь–Симферополь
БС – Боспорский Сборник. Москва
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия, Москва
БФ – Боспорский Феномен. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург
БЧ – Боспорские чтения. Керчь
ВДИ – Вестник Древней Истории. Москва
ВКИКМЗ – Восточно-Крымский Историко-Краеведческий Музей-Заповедник
ВОКМ – Волгоградский Областной Краеведческий Музей
ГИМ – Государственный Исторический Музей
ГМИИ – Государственный Музей Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДА – Донская археология
ДБ – Древности Боспора. Москва
ЗООИД – Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса
ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества. Санкт-Петербург
ИА АН Украины – Институт археологии Академии наук Украины, Киев
ИА РАН – Институт Археологии Российской Академии Наук
ИАК – Известия Археологической Комиссии. Санкт-Петербург
ИГАИМК – Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры
ИИМК – Институт Истории Материальной Культуры, Санкт-Петербург
КАЭ КубГУ – Краснодарская Археологическая Экспедиция Кубанского Государственного Университета
КБН – Корпус боспорских надписей / Под ред. В.В. Струве, М.Н. Тихомирова, В.Ф. Гайдукевича, А.И. Доватура, Д.П. Каллистова, Т.Н. Книпович. Москва–Ленинград, 1965

КГИАМЗ – Краснодарский Государственный Историко-Археологический Музей-Заповедник им. Е.Д. Фелицына
КСИА – Краткие Сообщения Института Археологии АН СССР/РАН
КСИИМК – Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры АН СССР
ЛИ – Личное имя
МАИАСК – Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма
МАИЭТ – Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии
МАР – Материалы по археологии России
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МАЭ – Музей Антропологии и Этнографии
МИА – Материалы и Исследования по Археологии СССР
МИАК – Материалы и Исследования по Археологии Кубани
МИАР – Материалы и Исследования по Археологии России
МПГУ – Московский Педагогический Государственный Университет
ННИГУ – Нижегородский Национальный Исследовательский Государственный Университет
НЭ – Нумизматика и Эпиграфика
ОАК – Отчеты Археологической Комиссии. Санкт-Петербург
ПАВ – Петербургский Археологический Вестник
ПИФК – Проблемы Истории, Филологии, Культуры. Москва–НМагнитогорск–Новосибирск
РА – Российская Археология
СА – Советская Археология
САИ – Свод Археологических Источников
СГМИИ – Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
СГУ – Саратовский Государственный Университет
СТ – Строительная траншея
ТВ – Траншея Выборки
ТМК – Таманский Музейный Комплекс
ТН – Теоним
Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея
Труды ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
Фанагория – Фанагория. Результаты археологических исследований / Под. Ред. В.Д. Кузнецова. Москва, 2013–
ХДНБ – Харківська Державна Наукова Бібліотека ім В.Г. Короленка

AA – Archäologischer Anzeiger, Berlin
ABSA – Annual of the British School of Archaeology at Athens
ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden – Boston
AF – R. Wünsch. Antike Fluchtafeln. Bonn, 1907. 28 S.

AJA – American Journal of Archaeology. Boston
AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung, Berlin
Anth. Gr. – Anthologia Graeca
ASAA – Annuario della Scuola Archeologica di Atene a delle Missioni Italiane in Oriente, Bergamo
BAR – British Archaeological Reports
BCH – Bulletin de Correspondence Hellénique. Paris
BM – British Museum
BSS – Black Sea Studies. The Danish National Research Foundation`s Centre for Black Sea Studies. Aarhus
Bull. ép. – Bulletin Epigraphique
CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani (= Корпус Боспорских Надписей). Москва – Ленинград, 1965.
CIRB-Album – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani. Album. Petropolis, 2004.
DAG – A. Bosisio. Defixiones Agonistiche Greche. Roma, 2010.
DAI – Deutsches Archäologisches Institut, Berlin
DNP – Der Neue Pauly, Stuttgart
DT – A. Audollent. Defixionum Tabellae. Paris, 1904. CXXVIII + 568 p.
DTA – R. Wünsch. Defixionum Tabellae Atticae. B. 1897. XXXII + 52 p.
EAD – Éxploration Archéologique de Delos, Paris
FGrHist – F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin 1923 –
GMA – R. Kotansky. Greek Magical Amulets. The inscribed gold, silver, copper and bronze lamellae. Part I. Published Texts of Known Provenance. Opladen, 1994, XXVIII+446, XXVIII pls.
ID – Inscriptions de Délos. 7 vols. Paris, 1926–1972.
IG – Inscriptiones Graecae. Beroloni
IGBulg – Inscriptiones Graecae in Bulgaria reperta / Ed. G. Mihailov. Vol. III, fasc. I, II. Serdicae. 1961, 1964.
IOSPE – B. Latyschev. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1915–000
IOSPE III – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III. (Древние греческие и латинские надписи Северного Причерноморья. Т. III. Вып. I. Клейма на амфорах, пифосах, черепицах и калиптерах и на разных прочих глиняных сосудах и предметах / Составители: Е.М. Придик, Б.Н. Граков. Отв. ред. Д.Б. Шелов // Научный архив ИА РАН. Р-2. № 2157–2198.
IPergamon – Die Inschriften von Pergamon. Altertümer von Pergamon VIII. 3 Bd. Berlin, 1890–1969.
IrAnt – Iranica Antiqua
JArchSc – Journal of Archaeological Science. London – New York
JhKIPh – Jahrbücher für Klassische Philologie, Leipzig

KlP – Der Kleine Pauly. München
IARPotHP – International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Wien
LAW – Lexikon der Alten Welt. Bd. 3: Rabbi – Zypresse. Zürich – München 1990, 2505 – 3523.
LGPN – Lexicon of Greek Personal Names. Oxford, 1987– (https://www.lgpn.ox.ac.uk/online/Searches.html = электронный ресурс)
LJS – Greek-English Lexicon, by H.G. Liddell and R. Scott. 9th ed., rev. H.S. Jones. Oxford, 1996.
MA – J. Tremel (ed.). Magica agonistica: Fluchtafeln im antiken Sport (Nikephoros Beihefte. 10). Berlin, 2004, 304 S.
MDAFA – Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan
MH – Chr. Faraone (ed.). Magica Hiera. Oxford (USA), 1991, 312 p.
Michel – Michel C. Recueil d'inscriptions grecques. Supplémente, fasc. I. Brussel, 1900.
NGCT – D.R. Jordan. New Greek Curse Tablets (1985–2000) // Greek, Roman and Byzantine Studies. 41. 2002,1, 5–46 p.
O – Ostraca (Addendum ad PGM II)
ÖJh – Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts im Wien
Orph. – A. Bernabé. Poetae Epici Graeci. Pars II. Fasc. 1. Orphicorum et Orphicis similium testimonia et fragmenta. München – Leipzig, 2004, LXXXV+394 p.
Pap. Lond. – Papyrus Londoniensis
PGM – K. Preisendanz. Papyri Graecae Magicae. 2. Aufl. Bd. I. Stuttgart, 1972, XIV+200 S.; Bd. II. Stuttgart, 1972, XXIX+270 S., IV Taf.
PZ – Prähistorische Zeitschrift, Berlin
RA – Revue archéologique, Paris
RAC – Reallexicon für Antike und Christentum
REG – Revue des Etudes Grecques. Paris
SCIVA – Studii şi Cercetări de Istorie Veche şi Arheologie. Bucureşti
SGD – D.R. Jordan. A Survey of Greek Defixiones not included in the Special Corpora // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1985. 26. Pt. 2, 151–197.
SM – R.W. Daniel, Fr. Maltomini. Supplementum Magicum. Vol. 1. Opladen, 1990. XXIV+213p., VIII pls.
SMA – C. Bonner. Studies in Magical Amulets, chiefly Graeco-Egyptian. L., 1950. XXIV + 334 P., XXV Pl.
The Athenian Agora – The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton
ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках (*курсивом*) указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле!) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (см. ниже);

б) ***Список сокращений***, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–24 *ДБ*; новые сокращения вводить в том лишь случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме –*** до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно) на английском языках. Убедительная просьба **–** излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) **–** сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 6)[1], и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 5).

3. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: **[***Масленников* 1997, 107, рис. 3. *1, 5–7***]**); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках **(***Strabo* XI. 2, 3–5**)**; текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация их – сплошная, арабскими цифрами[2]).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания: **[***Фамилия* <*курсивом, и далее без знаков препинания*> год издания, номера страниц <*без «с.»*>, рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.)**]**; например: [*Паромов* 1999, 209, рис. 1. *2, 4–7*; 3. *4, 5*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

---

[1] Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[2] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

4. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется[3] абзацем (формат – выступ), например:

Б*алахванцев* А.С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 61–65.

Брашинский И.Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 240.

З*авойкин* А.А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.

Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 187.

К*обылина* М.М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Кобылина М.М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.

Кузнецов В.Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.

B*oulter* C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 22-2, 59–115 + 21–41 pls.

T*setskhladze* G.R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosporus // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После *фамилии автора* (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через* // Название сборника. Номер тома/выпуска (для серийных изданий – журналов, ежегодников и т.п.). Место *издания и (через запятую)*, номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, СА и т.д.), место издания не пишется[4]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание: Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1-11. Ч. III; … Т.I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

5. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются в стандартном наборе *Word*, например – ***Symbol***, необходимо в рукописи статьи отметить красным карандашом те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом, а на полях простым карандашом указать – каким именно. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, на прилагаемом электронном носителе версией статьи записать соответствующие шрифты. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Unicod*** (шрифты ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** допустимы, ранние версии этих шрифтов обязательно предоставляются).

[3] Но *не* отделяется абзацем!

[4] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

6. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1)* предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[5]; *2)* рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3)* таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять в формате ***tiff*** или ***psd*** (не сливая слои).

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна лишь в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото- и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т. д.) Прочий иллюстративный материал (напр., видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять *только* как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты не превышают 212×145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

7. Обязательно сопровождайте присланную статью указанием своего адреса, телефона и E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и в процессе подготовки рукописи к печати и своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124–35–88.

Редколлегия

[5] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 26

Научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В. Б. Степанов

Подписано в печать 21.04.2021. Формат 60×90/8
Уч.-изд. л. 41,1. Тираж 200 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано: ИП Чувашова Наталья Владимировна
125635, г. Москва, ул. Новая дом 3
Тел.: +7(903)511-04-26, E-mail: rostest-iv@inbox.ru

ISBN 978-5-94375-339-8